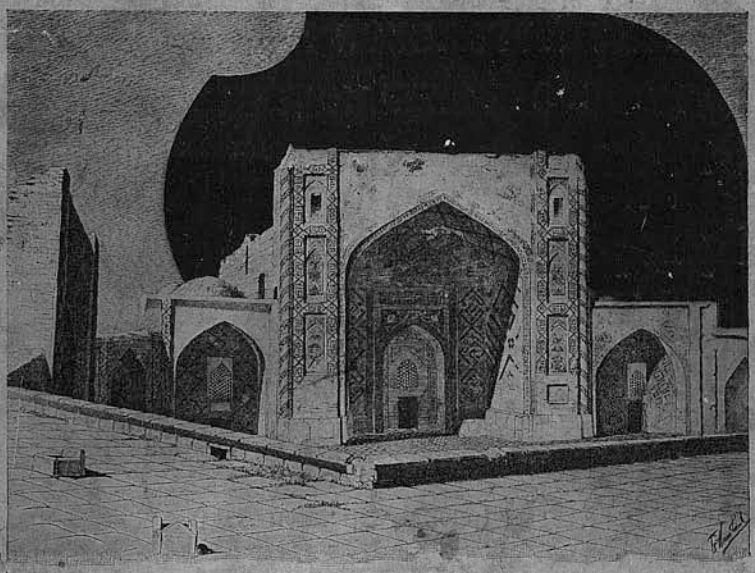
DB30 Узбек
Л69

Д. Н. Логофетъ.

ВЪ ГОРАХЪ И НА РАВНИНАХЪ БУХАРЫ

(ОЧЕРКИ СРЕДНЕЙ АЗІИ)

14[illegible]5



Издалъ В. Березовскій
КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.
1913.

ДБ 30
169 Узбек
I
3273

Д. Н. Логофетъ.

ВЪ ГОРАХЪ И НА РАВНИНАХЪ БУХАРЫ

1785/3

(Очерки Средней Азіи)

Издалъ В. Березовскій
КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.
1913.
3 экз



ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
3530
526446

Типографія Г. Шумахера и Б. Брукера, (Екатерин. кан., 94).

Свѣтлой памяти

Русскихъ людей,

павшихъ при завоеваніи
Бухарскаго ханства Россіею,

посвящаетъ

авторъ.

Предисловіе.

Мои книги „Страна Безправія“ (Бухарское ханство и его современное положеніе) и „Бухарское ханство подъ русскимъ протекторатомъ“, изданныя въ 1909 и 1910 годахъ, имѣли большой успѣхъ, и появленіе ихъ было отмѣчено многими журналами и газетами, давшими о нихъ самые блестящіе отзывы и посвятившими имъ рядъ сочувственныхъ статей и замѣтокъ.

Непроницаемая завѣса, скрывавшая бухарскую жизнь, была мною приподнята, и, представъ во всей своей неприглядности, она вызвала невольное порицаніе тѣхъ порядковъ, которые способствовали образованію этого самостоятельнаго государства въ границахъ Россіи.

Но, представляя собою: первая книга — спеціальный трудъ, дающій общую картину современнаго состоянія страны, а вторая — обширную научную работу для систематическаго изученія ея и справокъ по различнымъ вопросамъ, онѣ могли лишь заинтересовать сравнительно небольшой кругъ лицъ, интересующихся бухарскимъ вопросомъ.

Между тѣмъ, Бухарское ханство своими особенностями на каждомъ шагу даетъ картины крайне интересныя для каждаго, вслѣдствіе чего, ведя записки во время своихъ многочисленныхъ путешествій по ханству, я въ настоящее время ихъ обработалъ въ видѣ путевыхъ очерковъ, въ которыхъ, помимо историческихъ, географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, рядъ легендъ, сказокъ и преданій вмѣстѣ съ типами администраціи и жителей, рисуя прошлое и настоящее страны, въ то же время выпукло очерчиваетъ міровоззрѣніе бухарскаго населенія и его жизнь, протекающую при особенно неблагопріятныхъ условіяхъ.

Дикія мѣста, еще не посѣщенныя европейцами, глухія горныя ущелья, безбрежныя пустыни и города Бухары съ остатками древней культуры,

сѣдая старина которыхъ связана съ пребываніемъ въ этой странѣ нашихъ предковъ скиѳовъ, полны историческихъ загадокъ и окружены дымкой таинственности, сквозь которую выступаютъ лишь неясные абрисы крупныхъ дѣятелей далекаго прошлаго, благодаря чему они и являются особенно интересными, давая возможность ознакомиться съ малоизвѣстною страною.

Д. Н. Логофетъ.

Оглавленіе.

Главы. Стр.

I. Отъ Самарканда до Аманъ-Кутана.—Почтовый трактъ.—Ургутъ.—Аманъ-Кутанская станція.—Повѣрія мусульманъ. 1

II. Тахта-Карача.—Шахризябскій край.—Урусъ-кишлакъ.—Рѣка Кашка-Дарья. 18

III. Китабъ.—Постройка Термезской дороги.—Исторія постройки въ стихахъ.—Шахризябсъ.—Религіозныя движенія въ прошломъ.—Пророкъ Макона и его дѣятельность. 28

IV. Шахризябсъ и его исторія.—Тамерланъ и воспоминанія о его дѣятельности.—Генералъ Джура-бекъ.—Убійство Джура-бека.—Дервиши.—Яръ-Тепе.—Развалины старой крѣпости. 48

V. Гузаръ.—Саранча и преданія о ней.—Мѣры къ уничтоженію саранчи.—Стихи на стѣнѣ, какъ память объ одной экспедиціи.—Пророкъ Соломонъ и муравей. 62

VI. Тенги-Хорамъ.—Рѣка Кчи-Уру.-Дарья.—Встрѣчная почта въ горахъ.—По горнымъ дорогамъ.—Памятникъ строителямъ дороги. Акъ—Робатъ. 73

VII. Дербентъ.—Желѣзныя ворота Тамерлана.—Развалины мечетей и крѣпости.—Разрушеніе исторической мечети и постройка изъ нея почтовой станціи.—Опасный случай 83

Главы. Стр.

VIII. Сайрабъ.—Школа въ дуплѣ дерева.—Преданія о пророкѣ Али (Львѣ Божьемъ) и его чудесной лошади.—Священныя рыбы.—Туземныя женщины и ихъ положеніе.—Мусульманское законодательство въ отношеніи женщины. 90

IX. Кишлаки Чилянъ-Зоръ и Ляйляканъ.—Ночлегъ въ кибиткѣ.—Отношенія туземцевъ къ безпорядкамъ въ Россіи.—Бунтъ наслѣдника бухарскаго престола.—Дѣтство Великаго Тамерлана и его возвышеніе.—Четыре друга пророка Магомета.—Туземная музыка и пѣснь о Великомъ Тимуръ-ханѣ. 104

X. Ширабадская долина и г. Ширабадъ. — Бекская кала.—Гвіанскій червь.—Бухарскій бекъ.—Бачи и ихъ танцы и отношеніе къ нимъ бухарскаго населенія. 116

XI. Праздникъ Саиля—новаго года. — Борьба.—Охота съ соколами.—Бухарскій магнетизеръ. — Сила гипноза.—Преданіе о дьяволѣ и сотвореніи человѣка. 127

XII. Проказа и прокаженные. — Земледѣліе и сборъ податей.—Опечатаніе зерна. — Злоупотребленія бухарскихъ властей.—Крѣпость Термезъ 139

XIII. Долина рѣки Сурхана. — Аму-Дарья. — Орошеніе Термеза. — Полковникъ Кастальскій. — Киргизскій аулъ.—Туземный обѣдъ 154

XIV. Остатки старины.—Гора Хаджа-Ипакъ.—Историческія свѣдѣнія о краѣ.—Пѣсни киргизовъ. Байсунскій узникъ. 166

XV. Абдулъ-Маликъ-Ханъ и его возстаніе противъ эмира.—Жизнь Байсунскихъ узниковъ.—Шакалы. 177

XVI. Рѣка Сурханъ.— Змѣи.—Заклинатель змѣй.—Древній акведукъ.—Охота на фазановъ.—Тигры.—Кишлакъ прокаженныхъ.—Вечерняя молитва. . 184

Главы. Стр.

XVII. Динаускій бекъ.—Отношенія бухарцевъ къ русскимъ.—Въ авганскомъ плѣну.—Военные слоны. 197

XVIII. Старая крѣпость Динау.—Подземная тюрьма.—Медресе.—Молитва въ мечети.—Древнее оружіе.—Вымершій кишлакъ.—Ходжа-Урусъ—бѣглый русскій и его жизнь. 211

XIX. Юрчи. — Регаръ. — Продовольствіе русскихъ войскъ.—Встрѣча съ мертвыми всадниками.—Обычаи мусульманъ 225

XX. Гиссаръ.—Рѣка Кафернганъ.—Гиссарская крѣпость.—Гиссарскіе владыки.—Историческія свѣдѣнія о Гиссарскомъ краѣ.—Астанакулъ-кушъ-беги—бекъ Гиссарскій и его жизнь.—Подземныя тюрьмы.—Остатки греческой старины. . . 233

XXI. Каратагъ.—Гора Фанъ-тау.—Мѣсторожденія нефти.—Молитва Александру Македонскому.—Поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ.—Астраномія въ древности. — Кража сапогъ шакалами. — Таджики. — Переправа черезъ Вахшъ. — Древняя страна Хотель.—Гибель нукера. 257

XXII. Курганъ-Тюбе.—Скупка хлѣба.—Развалины древняго Ляхмана.—Крѣпость Ташъ-Тепе.—Сармантай—Святое озеро.—Гроза въ горахъ.—Древній мостъ.—Преданія таджиковъ.—Отношеніе узбековъ къ таджикамъ 275

XXIII. Бальджуанъ.—Узбеки и ихъ отношенія къ мусульманской религіи.—Бекская крѣпость. 294

XXIV. Бальджуанскій базаръ.—Древнія монеты.—Русскій среди бухарцевъ.—Бальджуанскій бекъ.—Бухарское войско.—Богатства края.—Земледѣліе и преданіе объ Адамѣ.—Ночлегъ въ мечети.—Секта измаилитовъ. — Старецъ горы. — Глава секты Ага-ханъ. 300

XXV. Праздникъ Рамазанъ и его происхожденіе.—Могилы святыхъ.—Золото и золотоискатели.—Каратегинъ и его исторія.—Змѣиная гора. 316

Главы. Стр.

XXVI. Гармъ.—Страшная переправа. — Старая Гармская крѣпость.—Древнее оружіе.—Александръ Македонскій и происхожденіе отъ него міровъ Каратегина. — Племя Гальча—потомки македонцевъ.—Изготовленіе оружія.—Преданіе о темномъ духѣ, открывшемъ желѣзо. 327

XXVII. Рѣка Хингоу.—Землетрясенія въ горахъ.—Послѣ землетрясенія.—Выѣздъ изъ Чиль-Дара. 337

XXVIII. Горцы Вахана.—Преданія объ огнепоклонникахъ.—Неизвѣстное племя Сіапуши.—Дарвазъ.—Гоби-Дора.—Мойка золота.—Золотопромышленники въ лохмотьяхъ.—Воспоминаніе о присоединеніи Памировъ.—Головоломная дорога.—Овринги . . 344

XXIX. Таджикская аристократія.—Древняя книга.—Память объ Александрѣ Македонскомъ. — Кала-Шикай.—Читралъ.—Англичане и ихъ отношенія къ туземцамъ.—На башнѣ смерти.—Исторія таджикскаго шаха. — Кала-и-Хумбъ. — Молитва звѣздамъ 359

XXX. Историческія свѣдѣнія о Кала-и-Хумбѣ. — Рушанъ.—Государство Дарвазъ.—Старый бекъ.—Преданія о распространеніи магометанства въ странѣ.—Слѣдъ ноги пророка на камнѣ 385

XXXI. Кала-и-Хумбская старина. — Авганскія войска.—Авганская крѣпость Файзабадъ. — Базаръ. — Дарвазцы. 395

XXXII. Авганскіе переселенцы. — Фирютдинъ-ханъ.—Вѣра въ будущее.—Низложеніе Дарвазскаго мира.—Подземелья.—Находка мѣдной руды.—Драгоцѣнные камни. 404

XXXIII. Отъ Кала-и-Хумба и до Шикая.—Балконы.—Авганскій кишлакъ Хувангъ.—Постройка дороги.—Паденіе лошади въ пропасть.—Преданіе о рожденіи дьявола изъ яйца.—Легенда

Главы. Стр.

объ отцѣ всѣхъ святыхъ. — Гора Ходжа-Аскари.—Древнія кладбища.—Охота на горныхъ барановъ. 412

XXXIV. Таджикская свадьба и обряды.—Авганская крѣпость.—Разводы.—Танцы и музыка.—Вѣра въ переселеніе душъ.—Ленъ.—Отношенія бухарской администраціи 424

XXXV. Отъ Зыгара до Мамунъ-Абада. Преданіе о происхожденіи узбековъ.—Непогода. — Земледѣліе.—Нападеніе барса.—Сказка о тигрѣ.—Золотопромышленность. — Растительность.—Орѣховые наплывы 434

XXXVI. Мамунъ-Абадъ. — Киргизы. — Изготовленіе кошемъ.—Киргизскія женщины.—Бракъ.—Права женщинъ.—Рѣка Яхъ-Су. — Конокрадство.—Преданіе объ Авраамѣ 448

XXXVII. Файзабадъ.—Землетрясеніе.—Якки.—Результаты землетрясенія.—15 тысячъ человѣкъ погибшихъ.—Файзабадская крѣпость.—Устройство кибитки.—Хазретъ Гамаюнъ. 460

XXXVIII. Кафернганъ. — Кишлакъ Анзобъ и чума. — Принцъ Ольденбургскій.—Объявленіе противочумной комиссіи.—Отношенія бухарцевъ къ Русскому Государю и Бухарскому эмиру . 472

XXXIX. Дюшамбе. — Бухарскіе евреи. — Винокуреніе.—Слухи о землетрясеніи.—Каратагъ.—Озера съ греческими названіями. 478

XL. Бухарскій ученый.—Историческія свѣдѣнія о Каратагѣ.—Мѣстныя преданія. 485

XLI. Динаускій бекъ. — Очевидецъ землетрясенія.—Картина разрушенія. — Мародеры. — Перестрѣлка.—Эмиръ Абдуллахъ-ханъ и его постройки.—Разсказъ о вѣрномъ слугѣ. 492

Главы. Стр.

XLII. Сары-Джуй-Дарья.—Ночная буря. — Графитъ.—Кишлакъ Чашъ.—Царь Оксіартъ. — Роксана, жена Александра Македонскаго.—Ядъ-ташъ.—Якка-Багъ.—Преданіе о Согдіанѣ-батырѣ. . . 505

XLIII. Кизилъ-Дарья.—Эмиръ Амру. — Кашка-Дарья.—Огнепоклонники. — Бухарское правосудіе.—Казнь.—Русскія войска подъ Якка-Багомъ . . 519

XLIV. Скупка кишмиша. Куренія опія и наркотики. . . 529

XLV. Чиракчи.—Завоеваніе края русскими.—Джамскій походъ.—Наше стратегическое положеніе.—Праздникъ Уразы.—Дервиши и ихъ ордена.—Радѣнія дервишей. 542

XLVI. Наслѣдникъ Бухарскаго престола.—Историческія свѣдѣнія о бухарской династіи. - Родъ мангитовъ 555

XLVII. Карши.—Прежніе эмиры.—Катта-тюра. – Вечерняя молитва. — Представленіе. — Парадный обѣдъ. 565

XLVII. Каршинская крѣпость.—Базаръ. — Кладбища.—Дожди.—Преданіе о счастливой горѣ. 582

XLVIII. Пески.—Караванная дорога. — Разбойники.—Вода въ пустынѣ.—Шакалы. 595

XLIX. Бухара.—Преданія о ея постройкѣ.—Завоеваніе Чингизъ-ханомъ.—Религіозныя движенія. . . 605

L. Старый городъ. — Караванъ - Сарай. — Заключеніе. 617

ВЪ ГОРАХЪ И НА РАВНИНАХЪ БУХАРЫ.

Въ горахъ и на равнинахъ Бухары.

(Путевые очерки по Средней Азіи).



I

От Самарканда до Аманъ-Кутана.—Почтовый трактъ.—Ургутъ.—Аманъ—Кутанская станція.—Повѣрія мусульманъ.

Суета съ укладкою вещей окончилась. Огромная почтовая телѣжка, или, какъ ее называютъ по-здѣшнему, трашпанка, оказалась наполненной до верху дорожными вещами, и лишь остались довольно неудобныя для сидѣнія мѣста.

Сомнительныхъ качествъ тройка лошадей понуро стояла у крыльца.

— Ну, и будете же каяться, что рискнули поѣхать по этой дорогѣ,—напутствовали меня знакомые...

— Другу и недругу закажите, а ужъ сами больше навѣрно не рѣшитесь во второй разъ подвергнуться такой пыткѣ...

— А впрочемъ, на вкусъ и цвѣтъ... Знаете, по пословицѣ...

— Завѣщаніе сдѣлали ли?—дѣловымъ тономъ добавилъ провожавшій меня пріятель.

— Вѣдь душу-то легко вытрясутъ...

— Живы будете, пишите!

Въ далеко не спокойномъ состояніи духа усѣлись мы наконецъ въ трашпанку, и кони тронулись довольно рѣзво по Самаркандскимъ улицамъ. Въ послѣдній разъ съ конца Абрамовскаго бульвара, предо мною открылся видъ на туземную часть Самарканда. Развалины мечетей какъ-то особенно рельефно выступали на фонѣ всѣхъ остальныхъ современныхъ построекъ. Яркое осеннее солнце, пробиваясь сквозь быстро несшіяся тучи, золотистыми косыми лучами освѣтило городъ, какъ будто разомъ сгустивъ и ожививъ мертвыя, выцвѣтшія краски картины. Съ боку мелькнула мечеть надъ могилою Тамерлана, и мы втянулись въ узкую улицу туземнаго пригорода, окружающаго Самаркандъ.

Ограниченныя высокими глинобитними заборами, носящими названіе дуваловъ, казалось, безконечно, тянутся сакли. По обѣимъ сторонамъ улицы, журча, извивались арыки съ проточною водою, проведенною изъ рѣки Заравшана. Кое-гдѣ мелькали небольшіе

базарчики съ крохотными лавками и чай-хане, въ которыхъ виднѣлось много посѣтителей, утолявшихъ голодъ пловомъ, шурпою и другими блюдами сартовской кухни. Запахъ горѣлаго кунжутнаго масла носился въ воздухѣ и былъ до того противенъ, что, лишь выѣхавъ окончательно въ степь, можно было вздохнуть полною грудью. Огромные виноградники кое-гдѣ мелькали по сторонамъ дороги, по которой длинной вереницею двигались то арабы съ кладью, то караваны верблюдовъ, то конныя группы туземцевъ, спѣшившихъ на Самаркандскій базаръ.

Прихотливо извиваясь въ видѣ огромной сверкающей змѣи, передъ нашими глазами показался одинъ изъ протоковъ Заравшана. Съ небольшого пригорка, по которому пролегала дорога, открывался видъ на рѣку, быстро несущую свои воды среди широкой равнины, ограниченной гдѣ-то вдали на самомъ концѣ горизонта цѣпью высокихъ горъ, бѣлѣвшихъ своими снѣговыми шапками и поэтому казавшихся гораздо выше. Влѣво, уходя куда-то въ безконечную даль, виднѣлась зеленая полоса растительности, окружавшая берега рѣки.

Группы кишлаковъ, разбросанныя на большомъ пространствѣ, указывали на многочисленность населенія долины, а вправо разстилалась необозримая сожженная солнцемъ равнина, поражавшая глазъ своей необъятностью и пустотою.

Кони бѣжали бойко, и трашпанка, подпрыгивая при переѣздѣ черезъ небольшіе старые арыки, пересѣкавшіе дорогу, скрипѣла и стонала, будто жи-

вая. Порою эти толчки становились положительно нестерпимыми.

— Ты хоть легче братецъ,—наконецъ не вытерпѣлъ мой спутникъ, инженеръ Д.

— Вѣдь, эдакъ душу всю вымотаешь. Ну, и экипажи, чортъ ихъ возьми...

— Это вы вѣрно...

— Осторожно, говорю тебѣ. Поѣзжай тише...

Ямщикъ, удивленно оглянувшись на насъ, перевелъ лошадей въ шагъ, и тройка поплелась нога за ногу...

— Первый разъ ѣхать, видно, изволите?—прервалъ молчаніе ямщикъ.

— Въ первый... А что?

— Да я къ тому, что здѣсь, ежели шагомъ ѣхать, то и въ двѣ недѣли не доѣдете; потому по этимъ мѣстамъ дорога ровная, а дальше, въ горахъ, куда хуже, въ иномъ мѣстѣ не приведи Господи ѣхать... Просто одно мученіе... Трактъ-то нашъ глухой, ну, и ѣзда здѣсь совсѣмъ малая. Поэтому хозяинъ и держитъ на немъ трашпанки и лошадей что похуже, хорошія-то по другимъ трактамъ. Больше мы почту возимъ на срокъ, чтобы безпремѣнно отъ Самарканда до Термеза въ 40 час. доѣхать. Ну, и гонятъ коней во весь духъ. А почты въ обѣ стороны четыре раза въ недѣлю проходятъ. Да иной разъ страсть тяжелая, на двухъ тройкахъ не возьмешь.

— Ты давно на трактѣ-то ѣздишь?

— Поболѣе году; какъ въ запасъ уволился, такъ и поступилъ. Служба ямщицкая тяжелая, ну, а все,

какъ дѣваться-то некуда, такъ поневолѣ пойдешь. Дома, въ Россіи, куда хуже... Жалованья только маловато, а расходъ на харчи большой, получаемъ 15 рублей да 19 рублей на своихъ харчахъ, а старостѣ на станціяхъ такъ 25 рублей въ мѣсяцъ. Сказывали, что будто по положенію казенному намъ побольше выходитъ, а только хозяинъ больше не даетъ... Этотъ перегонъ до Багрина легкій считается, ну, а дальше, въ горахъ, куда хуже пойдетъ. Вотъ ужъ Ургутъ виднѣется,—указалъ онъ въ лѣвую сторону дороги.

— Большой кишлакъ. Богатый. Только онъ у насъ въ сторонѣ остается, черезъ него проѣзжать не будемъ.

— Самъ-то ты былъ въ немъ?

— А какъ же. На маневрахъ бывать приходилось, привольное мѣсто... Сказывалъ у насъ фитфебель, старый былъ, много подъ нимъ народу положили, какъ войной сюда ходили наши лѣтъ двадцать пять тому назадъ...

Мнѣ невольно вспомнился Ургутъ и обстоятельства, сопровождавшія его покореніе. Въ 1872 г. Самаркандъ уже былъ нами занятъ, и войска эмира Бухарскаго, потерпѣвъ пораженіе у Зерабулакскихъ высотъ, въ паническомъ страхѣ разсѣялись, отступивъ по направленію Бухары. Русскій флагъ гордо развѣвался на Самаркандской цитадели, а въ городѣ уже было введено русское управленіе и проживалъ начальникъ экспедиціоннаго отряда. Окрестныя, расположенныя по Заравшану, бекства, подавленныя вѣстью о погромѣ арміи, одно за другимъ

спѣшили изъявлять покорность и высылали въ Самаркандъ депутаціи, чтобы завѣрить страшнаго русскаго генерала въ своей преданности. Поднеся подарки и получивъ въ свою очередь халаты, а нѣкоторые болѣе знатные и медали, возвращались посланцы въ свои мѣстожительства, распространяя вездѣ слухи о силѣ и непобѣдимости русскихъ. Такимъ образомъ, въ окрестностяхъ Самарканда всѣ уже считали себя подвластными Русскому Бѣлому Царю. Лишь городъ Ургутъ, расположенный почти подъ самымъ Самаркандомъ, всего въ 40 верстахъ, при входѣ въ горное ущелье притаился и не высылалъ депутаціи. Значительная партія стариковъ фанатиковъ, имѣвшихъ преобладающее вліяніе въ городѣ, и молодость Ургутскаго бека являлись особенно благопріятною почвою. Труднодоступность ущелья и крѣпкія высокія стѣны города поддерживали упорство его жителей. Проповѣди муллъ сдѣлали свое дѣло... Толпы всякаго вооруженнаго сброда собрались въ городъ, который, заручившись обѣщаніемъ помощи отъ горныхъ бековъ Шахризябскихъ, не имѣвшихъ еще случая испытать силу русскаго оружія, рѣшили покорности не изъявлять, надѣясь подъ защитою крѣпкихъ стѣнъ отстоять свою самостоятельность.

На требованіе начальника русскаго отряда выслать депутацію и прислать заложниковъ послѣдовалъ категоричный отказъ. Въ виду волненій въ Шахризябсѣ, а также и необходимости показать примѣръ была сформирована экспедиція для покоренія Ургутскаго бекства.

Выступивъ изъ Самарканда, отрядъ подъ командою генерала Абрамова форсированнымъ маршемъ дошелъ до предгорій, гдѣ сталъ на ночлегъ, а на другой день, увидѣвъ передъ собою огромныя скопища ургутцевъ, началъ наступленіе, закончившееся полнымъ пораженіемъ непріятеля, обратившагося въ бѣгство и затѣмъ запершагося въ крѣпости, взять которую по представленіямъ азіатовъ, было совершенно невозможно.

Уже много разъ выдерживали стѣны Ургута продолжительныя осады. Неоднократно войска эмира съ полной неудачей возвращались изъ-подъ его стѣнъ. Даже Тимуръ въ свое время—и тотъ не могъ взять Ургута, и это преданіе въ особенности поддерживало бодрость всего гарнизона.

Отдохнувъ нѣкоторое время и снова еще разъ потребовавъ черезъ парламентера сдачи города и изъявленія покорности, русскіе начали наступленіе.

Поддерживаемые огнемъ артиллеріи, быстро двинулись впередъ туркестанскіе стрѣлки и линейцы, выбивая изъ-за каждаго дувала [1]) и каждой сакли, засѣвшихъ въ нихъ ургутцевъ. Съ ревомъ и свистомъ проносились въ воздухѣ артиллерійскіе снаряды, неся съ собою смерть и разрушеніе.

Въ паническомъ ужасѣ, бросая завалы, начали отступать ургутцы къ цитадели, все еще надѣясь за ея стѣнами выдержать натискъ русскихъ. Но боевые баталіоны стремительнымъ потокомъ двинулись по ихъ пятамъ на штурмъ въ штыки. Рота за ро-

[1]) Дувалъ—глинобитная стѣна.

тою врывались въ середину густыхъ садовъ и улицъ, настигая защитниковъ; неудержимымъ потокомъ сразу влилась масса солдатъ въ Ургутъ, сѣя вокругъ смерть, и почти на плечахъ враговъ поднялась, какъ грозная волна, перекатившаяся черезъ стѣны и поглотившая крѣпость. Спустя полчаса на ургутской цитадели уже развѣвалось русское знамя. Ургутъ какъ почти самостоятельное бекство пересталъ существовать, превратившись въ скоромъ времени въ приставство, подчиненное начальнику вновь образованнаго Заравшанскаго округа. Въ настоящее время это крупный кишлакъ, ведущій значительную торговлю хлѣбомъ, сушеными фруктами и кишмишемъ.

Лишь общая братская могила, въ которой похоронены наши убитые, напоминаетъ о кровопролитномъ штурмѣ ургутской крѣпости, грозные когда-то валы которой уже обсыпались и заросли травою. Но ургутское ущелье мелькнуло на минуту влѣво отъ насъ и разомъ исчезло, слившись съ окружающими горными склонами.

Мы подъѣзжали къ кишлаку Багринъ, въ концѣ котораго находилась почтовая станція. Небольшой ручей прихотливо извивался около кишлака, орошая поля и давая жизнь его жителямъ. На невысокомъ пригоркѣ бѣлѣлось зданіе почтовой станціи, построенное въ видѣ закрытаго четырехъ-угольника съ двумя, по діагонали расположенными, высокими башнями. Общая вышина стѣнъ зданія была около 8 аршинъ, причемъ всѣ окна выходили внутрь двора, а заднія стѣны были въ то же время стѣной

этой крѣпости. Окованные желѣзомъ массивные ворота, съ грохотомъ скрипя, гостепріимно были открыты для нашего проѣзда, и усталая наша тройка, употребивъ какъ будто послѣднее усиліе, втащила трашпанку внутрь двора, по всѣмъ сторонамъ котораго вытянулись зданія, служившія помѣщеніями пассажировъ, ямщиковъ, квартирою старосты, сараями и конюшнями. На каждую башню вела широкая деревянная лѣстница, начинавшаяся въ углу крытой террасы, окружавшей весь дворъ.

Войдя въ помѣщеніе для проѣзжающихъ, состоявшее изъ двухъ чистенькихъ комнатъ съ самою незатѣйливою обстановкою, мы расположились отдохнуть въ ожиданіи перепряжки лошадей, около которыхъ засуетились ямщики, одновременно распрягая и запрягая другую повозку и перекладывая въ нее вещи.

— Ѣхать можно, — сообщилъ черезъ двадцать минутъ станціонный староста.

Счастье ваше, что почты не ждемъ, а то бы пришлось вдосталь посидѣть здѣсь... Теперь сегодня до Аманъ-Кутана доѣдете, а тамъ переночуя, съ утра черезъ перевалъ можно перебраться. Я васъ самъ и повезу, —продолжалъ онъ, уже сидя на козлахъ.—Потому, я же староста, съ ѣздой за ямщика.

Ну вы, други!..

Тройка, громыхая, выѣхала со станціи.

— Какъ, это такъ — ты староста, а ѣздишь вмѣсто ямщика? Странно?

— У насъ, сударь, такое положеніе: ежели староста просто—такъ 18 рублей въ мѣсяцъ получаетъ,

а ежели онъ съ ямщиками въ ѣздѣ очередь дежуритъ,—такъ 25 руб. Разгонъ-то у насъ маленькій—всего до Аманъ-Кутана 14 верстъ считается... Такъ что часа за четыре ѣзды взадъ и впередъ повертываемъ; значитъ и по станціи все справить время есть. Теперь дорога на этомъ перегонѣ все въ гору пойдетъ...

Въ этихъ словахъ оказалась доля правды. Выйдя изъ кишлака Багрина, дорога, прорѣзанная по краю ущелья, широкою лентою извивалась, то поднимаясь на небольшіе подъемы, то опускаясь почти до дна ущелья. Горы имѣли еще видъ высокихъ холмовъ, и лишь кое-гдѣ вырисовывались каменистыя мѣста. Обработанныя поля чередовались съ совершенно дикими пустынными участками. Порою спуски были значительной крутизны, но въ общемъ вся дорога представляла изъ себя широкое полотно, прекрасно раздѣланное...

Постепенно горная цѣпь видимо повышалась, хотя почти незамѣтно для глаза, такъ какъ привычныя лошади продолжали бѣжать крупною рысью. Мы поднялись уже на значительную высоту. Мертвыя пустынныя горы остались позади, а передъ нашими глазами поднимались горные склоны, густо покрытые растительностью. Небольшія въ началѣ группы деревьевъ, разбросанныя по вершинамъ горъ, перешли въ значительныя лѣсныя заросли. Внизу въ ущелья съ шумомъ несла свои свѣтлыя воды небольшая горная рѣчка. Картины, одна красивѣе другой, раскрывались передъ нами. Пріютившись у подножія горы, виднѣлся небольшой кишлакъ, а

выше по ея склонамъ, покрытымъ зарослями карагачей, акаціи и тута, бѣлѣлось нѣсколько домиковъ европейской архитектуры.

— Аманъ-Кутанская санитарная станція,—словно отвѣчая на безмолвный вопросъ, указалъ рукой мой спутникъ.

— Теперь, подъ осень, уже здѣсь никого нѣтъ, а въ лѣтнее время сюда направляютъ всѣхъ малярійныхъ больныхъ...

Военное вѣдомство устроило эту санитарную станцію лѣтъ десять тому назадъ, причемъ обыкновенно сюда отправляютъ всѣхъ больныхъ маляріей. Высокое положеніе и горный воздухъ оказываются самыми лучшими лекарствами противъ этой страшной болѣзни, почти не поддающейся леченію медикаментами. Вначалѣ здѣсь бывало человѣкъ 70—80, но потомъ съ постройкою крѣпости Кушки и укрѣпленія Термеза части войскъ, расположенныя въ этихъ пунктахъ, стали высылать сюда своихъ маляриковъ, и число станціонарныхъ больныхъ возросло до 200, а иногда и вдвое. Вѣдь наши маляріи въ тѣхъ мѣстахъ не шуточныя. Бывали года, когда особенно сильно вспыхивали тамъ малярійныя эпидеміи, и тогда длинной безконечной вереницей высылались тяжело больные на поправку въ Россію, а многіе и вовсе увольнялись отъ службы по неспособности къ таковой. Часть же менѣе изнуренныхъ поступала сюда, и въ короткое время люди поправлялись неузнаваемо. Живутъ здѣсь обыкновенно въ палаткахъ, цѣлый день проводятъ на воздухѣ и совершенно не испытываютъ нашего горячаго солн-

ца и изнуряющихъ лѣтнихъ жаровъ. Съ больными сюда командируется особый завѣдывающій офицеръ и докторъ съ нѣсколькими фельдшерами.

— Соблазняясь привольною жизнью и отсутствіемъ жаровъ, сюда же переселяются на дачи кое-кто изъ самаркандцевъ, и лѣтомъ пустынный Аманъ-Кутанъ дѣлается дачною мѣстностью. Нѣкоторые изъ старожиловъ, любителей природы, даже пріобрѣли въ этихъ мѣстахъ себѣ земельные участки и живутъ на своихъ угодьяхъ кто въ юртахъ, а кто и въ домикахъ.

Администрація же уже давно обратила вниманіе на этотъ уголокъ и, найдя его во всѣхъ отношеніяхъ подходящимъ для лѣсоразведенія, устроило здѣсь казенное лѣсничество, занимающее въ настоящее время пространство около 400 десятинъ. Поставивъ это дѣло раціонально, управленія земледѣлія создало здѣсь питомники и ежегодно производитъ посадки на удобныхъ мѣстахъ, расширяя годъ отъ году площадь лѣсничества. Какъ видите, вокругъ всѣ горы засажены молоднякомъ, а вѣдь еще недавно все это было совершенно голо.

Завѣдывающій чиновникъ живетъ въ Самаркандѣ, лишь наѣзжая сюда періодически. Охраняютъ же и присматриваютъ за питомникомъ два особыхъ лѣсообъѣздчика. Дѣло въ общемъ можно считать налаженнымъ, хотя разумѣется посадки эти влетаютъ казнѣ въ копѣечку.

Нога-за-ногу поднимаясь по склонамъ горъ, мы доѣхали наконецъ до станціи Аманъ-Кутанъ, расположенной среди живописнаго ущелья у ногъ

Аманъ-Кутанскаго, подъема. Построенная, какъ и всѣ станціи Самаркандо-Термезскаго тракта, въ видѣ небольшой крѣпости станція имѣла скорѣе видъ заброшеннаго военнаго форпоста, построеннаго для защиты отъ набѣговъ непріятеля.

Въ комнатѣ, заваленной различными дорожными вещами, мы нашли встрѣчныхъ пассажировъ, терпѣливо поджидавшихъ лошадей, которыхъ нельзя было получить, въ виду прибытія почты изъ Самарканда. Высокій плечистый офицеръ въ формѣ казачьей артиллеріи и какой-то штатскій въ пальто и высокихъ сапогахъ, уже устроились на двухъ свободныхъ диванахъ съ нѣкоторымъ комфортомъ

— Не стѣснимъ васъ, господа?—обратился я къ проѣзжимъ, разгружаясь отъ свертковъ багажа.

— Нисколько... Пожалуйста,—располагайтесь, другая комната есть, но только тамъ ремонтъ, и поэтому въ ней помѣститься нельзя...

— Какъ-нибудь потѣснимся...

Черезъ нѣсколько минутъ мы какъ будто были между собою вѣкъ знакомы. Артиллерійскій штабсъ-капитанъ и штатскій, представитель керосиновой фирмы Нобель, оказались премилые люди.

Артиллеристъ былъ къ тому же любителемъ поговорить, и поэтому скоро завязалась оживленная бесѣда. Какія то скамейки были принесены для спанья, появился самоваръ, водка и закуска.

Погода, между тѣмъ, какъ это часто бываетъ въ горахъ, разомъ измѣнилась.

Налетѣвшій вихрь зашелестѣлъ въ листвѣ деревьевъ, окружавшихъ станцію, и крупныя капли

дождя черезъ минуту забарабанили по оконнымъ стекламъ; гдѣ то далеко въ горахъ блеснули зигзаги молніи.

Вѣтеръ, рѣзко и пронзительно завывая, понесся по ущельямъ, какъ будто сосредоточивъ всѣ свои силы на стѣнахъ одинокой станціи.

— Ну, и погодушка разыгралась, просто ни зги не видать, теперь какъ-ни-какъ, а дальше ѣхать не приходится,—нарушилъ первый молчаніе артиллеристъ.

— И внизъ и вверхъ ѣхать одинаково рискованно,—значитъ, приходится всѣмъ намъ волей-неволей ожидать утра. И сбиться съ дороги можно, да и въ пропасть куда-нибудь слетишь. Здѣсь вѣдь не равнина. Кромѣ того, пожалуй, если даже и лошади есть, хоть бы ваши обратныя, такъ и то ямщики не повезутъ. Они народъ пуганый, да въ добавокъ во всякую чертовщину вѣрующій.

— А вы ни во что не вѣрите?—обратился мой спутникъ къ нему.

— Да какъ вамъ сказать,—задумался тотъ на минуту.—Кажется мнѣ въ обыкновенное время, что не вѣрю, а какъ подойдетъ такая полоса, вродѣ какъ общаго внушенія, такъ поневолѣ начинаешь сомнѣваться въ своемъ невѣріи.

— Я вѣдь давно здѣсь въ краѣ, хорошо по туземному говорю и, пожалуй, скажу, что кое въ чемъ ихъ вѣрованія имѣютъ нѣкоторое основаніе; разумѣется, этого нельзя сказать про суевѣрія, хотя въ то же время вѣра въ духовъ, въ таинственное понятна, такъ какъ эта вѣра является общею во всѣмъ

человѣчествѣ и ведетъ свое начало изъ глубокой древности.

Если прослѣдить основанія этихъ вѣрованій, то мы увидимъ, что какъ у евреевъ, такъ и у родственныхъ арабскихъ племенъ до принятія ими позднѣйшихъ вѣроученій, въ періодъ язычества существовала вѣра въ особыя высшія существа, носившія названія джиновъ, или духовъ по нашему. Джиновъ признавали какъ посредниковъ между людьми и высшимъ духомъ, являвшимся, такъ сказать, высшимъ же джиномъ. Олицетворяли ихъ и имъ поклонялись подъ видомъ идоловъ, скалъ, горъ и т. п. Аллахъ, хотя и являлся высшимъ существомъ, но въ дѣйствительности какъ въ молитвахъ, такъ и во время жертвоприношеній, ему оказывали меньше почета, нежели простымъ духамъ (джинамъ). Дѣлалось это потому, что Аллахъ великъ, и не будетъ обращать вниманія на мелочи, а простыхъ джиновъ нужно умилостивить, ибо они злы.

— Позднѣе уже, въ магометанскій періодъ, подъ вліяніемъ еврейства и христіанства, появились вѣрованія и въ ангеловъ, но ихъ считаютъ, во-первыхъ, духами женскаго пола, дочерями Аллаха, а во вторыхъ гораздо ниже джиновъ, которые къ тому же отличаются страшной злой волей.

— Но нѣкоторымъ людямъ, любимцамъ своимъ, Аллахъ далъ надъ ними власть, и они ничего имъ не могутъ сдѣлать злаго, а напротивъ служатъ какъ хорошія слуги.

У Соломона, или по ихнему Хазретъ Сулеймана, джины работали всякія работы — строя дворцы, мосты и цѣлые города. Главный джинъ, бывшій у

него въ услуженіи, по имени Гыфритъ, даже принесъ къ Соломону по его желанію въ одно мгновеніе красавицу царицу Савскую вмѣстѣ съ престоломъ, на которомъ она сидѣла. Но такихъ людей мало.

— Джины вездѣ караулятъ каждаго человѣка, стремясь ему сдѣлать возможно больше зла. И поэтому то, каждый туземецъ, глубоко вѣрующій въ ихъ силу, страшно опасается ихъ, принимая постоянно рядъ предосторожностей, въ видѣ ношенія амулетовъ, окуриваній разными снадобьями, заговорами и особыми молитвами. Въ этомъ отношеніи изъ старины перешла вся кабалистика, и знахари, по нашему, пользуются среди населенія огромнымъ престижемъ и властью. Въ особенности же тѣ, которые могутъ заговаривать Иблиса, т. е. дьявола, у котораго надъ людьми огромная сила.

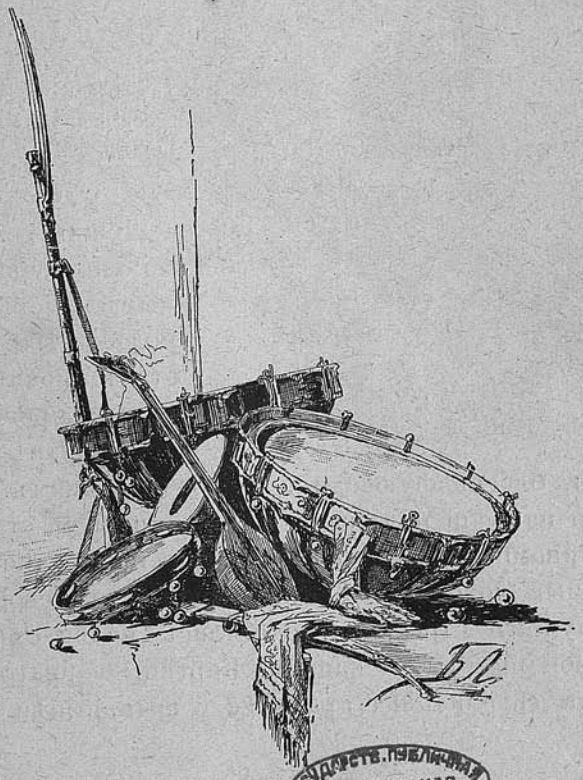
— Между прочимъ, это ущелье, въ которомъ мы теперь находимся, принадлежитъ къ числу мѣстъ, особенно любимыхъ Иблисомъ. Здѣсь онъ строитъ всякія пакости и проѣзжающимъ, и ямщикамъ. На перевалѣ Тахта-Карача бываетъ постоянно масса несчастій, происходящихъ исключительно отъ его злобы къ роду людскому. Какъ только вотъ такая погода разгуляется, да темная ночь выдастся, такъ онъ каждый разъ что-нибудь да сдѣлаетъ путникамъ: то съ дороги собьетъ лошадей, то опрокинетъ подъ откосъ экипажъ и при этомъ такъ кричитъ и хохочетъ, что холодно на душѣ у робкаго человѣка становится.

— Правда то сказать, что для слабаго, нервнаго человѣка перевалъ Тахта-Карача, конечно, пока-

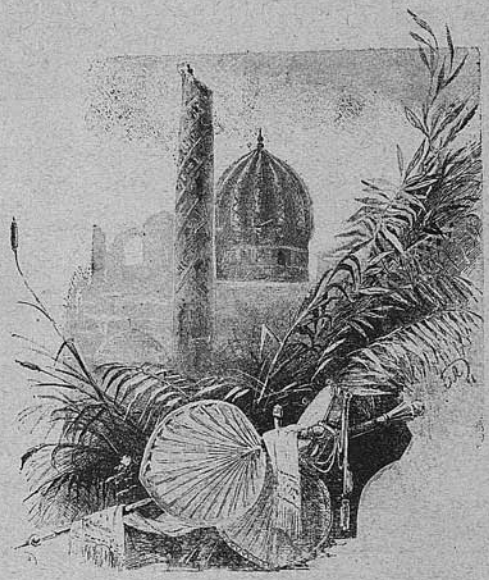
жется всегда очень страшнымъ; ну, а разъ уже горы кто видѣлъ, того имъ не испугаешь. Хотя, впрочемъ, сами завтра увидите.

— А теперь, пожалуй, что и пора вздремнуть. Раньше утромъ выѣдемъ.

Буря, между тѣмъ, разыгралась не на шутку. Со стономъ и пронзительнымъ завываніемъ проносился бѣтеръ по ущелью и, будто стремясь разрушить одинокую почтовую станцію, изо всей силы устремлялся на нее, стуча и ломясь въ ворота, которые кряхтѣли, какъ живые.



ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
526446.



II.

Тахта-Карача. Шахризябскій край. Урусъ кишлакъ. Рѣка Кашка-Дарья.

Дождь, разразившійся ночью цѣлымъ ливнемъ, подъ утро пересталъ, смочивъ почву и превративъ дорогу въ рѣку грязи, блестѣвшую свинцовымъ отблескомъ. Тучи низко нависли надъ землею, соединяясь мѣстами съ вершинами горъ, и придавая ущельямъ еще болѣе мрачный колоритъ. Кое-гдѣ ручьи дождевой воды съ шумомъ стремительно неслись, падая съ значительной высоты каскадами. Картины горнаго ландшафта дѣлались все красивѣе и грандіознѣе.

Извиваясь змѣей, поднималась постепенно чудно раздѣланная широкая дорога, по которой почтовая тройка все время шла небольшою рысью, и, почти не чувствуя подъема, мы поднимались все выше и выше. Съ обѣихъ сторонъ виднѣлись массивные хребты горъ Аксаи-Тау, отроговъ Заравшанско-Гиссарскихъ горъ; одинъ выше другого поднимались эти хребты и гдѣ-то далеко на восточномъ краю горизонта сливались съ пасмурнымъ небосклономъ. Проѣхавъ нѣсколько верстъ почти незамѣтнаго подъема, ямщикъ остановился.

— Теперь витушки пойдутъ, тутъ нужно лошадямъ дать отдохнуть хорошенько,—замѣтивъ нашъ вопросительный взглядъ, словоохотливо далъ намъ ямщикъ объясненіе.

Закуривъ папиросу и похлопывая кнутовищемъ по спицамъ колесъ, онъ очистилъ ихъ отъ грязи, одновременно съ этимъ продолжая разговоръ.

— Это самое, что ни на есть, проклятое мѣсто, страсть тяжело для лошадей, ну, и опасное въ зимнее время, когда снѣгу много нанесетъ, потому поворотовъ не видать—такъ съ кручи легко сорваться. Здѣсь народу пропасть пропало. Каждый годъ по нѣсколько разъ несчастья случаются. Какъ уже опасно ни ѣдешь, молитвы читаешь, а иногда и самъ не знаешь, по какой причинѣ анъ, несчастье и вышло; хорошо, когда хоть люди то живы останутся, сломаетъ кто себѣ руку, либо ногу.

— А вотъ бываетъ, что просто весь, какъ есть, изобьется. Въ этомъ году ямщикъ сартовъ везъ,—такъ не попалъ на дорогу, да съ витушки то въ про-

пасть и махнулъ. Все побилось: и люди, и лошади— просто мѣшки съ костями. Сами посудите, витушки то идутъ по горѣ винтомъ, а какъ взглянуть внизъ на поворотѣ, такъ, надо полагать, безъ малаго полверсты внизъ летѣть, а дальше еще и еще. Съ большой осторожностью здѣсь ѣздимъ, уже усѣвшись на козлы,—добавилъ онъ.

— Ей, голубчики, не выдай!

Тройка разомъ рванула сильно съ мѣста, а потомъ перешла тотчасъ-же въ шагъ и уже пошла далѣе, медленно и осторожно поднимаясь вверхъ и чуть не каждыя 10—20 саженъ дѣлая повороты по винтовому подъему. То слѣва, то справа раскрывались обрывы, и гдѣ-то далеко внизу за нѣсколько верстъ отъ насъ виднѣлись на днѣ ущелья постройки Аманъ-Кутанской почтовой станціи. На маленькой горной телѣжкѣ, замѣнившей просторную и укладистую трашпанку, сверху всѣхъ вещей сидя на тычкѣ, да еще надъ обрывами, мы чувствовали себя особенно неудобно. Ежеминутно при сотрясеніяхъ телѣжки казалось, что вотъ-вотъ полетишь внизъ съ этой огромной вышины въ 6000 футовъ. Неудобство сидѣнія давало себя чувствовать, и, поднявшись на высшую точку перевала, мнѣ казалось, что я также сильно утомился, какъ и наши бѣдныя лошади, которыя уже едва плелись.

Впереди, на перевалѣ, виднѣлись груды огромныхъ скалъ, придававшихъ мѣстности особенно дикій и пустынный видъ. Растительность совершенно отсутствовала. На верху перевала каменная гряда была прорѣзана дорогою, и скалистыя стѣны отвѣс-

но поднимались у самаго ея края, сдвинувшись узкимъ ущельемъ съ небольшою ровною площадкою по серединѣ, гдѣ почти рядомъ виднѣлись два столба съ досками и надписями, гласившими: на одной:— „граница Самаркандской области“, и на другой „граница Бухарскихъ владѣній“.

— Выходитъ, что Россія-то кончилась,—указалъ на надпись мой спутникъ.

— Теперь мы выѣзжаемъ на территорію чужестраннаго государства, состоящаго подъ протекторатомъ Россіи.

Въ 1868 году, вслѣдствіе вызывающаго образа дѣйствій эмира Музафара-Хана Бухарскаго, собравшаго значительныя войска, начавшія нападенія на нашу линію, былъ сформированъ особый отрядъ, который, наступая со стороны Ташкента, постепенно послѣ кровопролитныхъ боевъ взялъ бухарскія крѣпости: Джизакъ, Самаркандъ и Катта-Курганъ. Такимъ образомъ, почти вся долина рѣки Заравшана была завоевана и присоединена къ Россіи образовавъ сначала Заравшанскій округъ, а затѣмъ Самаркандскую область. Но фанатично настроенное духовенство и часть сановниковъ не могли примириться съ этимъ положеніемъ, въ силу чего подъ ихъ вліяніемъ Бухарскій эмиръ вновь сдѣлалъ попытку вытѣснить насъ обратно изъ завоеваннаго края. Снова была собрана эмиромъ еще болѣе сильная армія, но рокъ уже тяготѣлъ надъ Бухарою, и, потерпѣвъ страшное пораженіе 2-го іюля 1868 г. на Зерабулакскихъ высотахъ за Катта-Курганомъ, эмиръ выслалъ посольство, приказавъ заключить

миръ съ русскими во что бы то ни стало, заранѣе согласившись на всѣ условія, которыя могли быть поставлены командующимъ войсками.

Вся Бухара по Заравшану готова уже была признать власть Россіи, и лишь бывшіе въ то время почти независимыми и признававшіе главенство эмира номинально беки горныхъ областей Шахризябса, Катаба и Якка-Бага, не желая признать себя побѣжденными, рѣшили отстаивать свою самостоятельность.

Плодородная и густо населенная долина Кашка-Дарьи, которая съ высоты перевала Тахта-Карача въ настоящее время открылась передъ нашими глазами, закрытая съ сѣвера, юга и востока горными хребтами, а съ запада безводными степями, жила своею самостоятельною жизнью и, какъ сказано выше, лишь номинально признавала власть Бухары и ея эмира. Весь Шахризябскій оазисъ—родина Тамерлана—составлялъ собою совершенно независимое владѣніе, въ которомъ, сидя по отдаленнымъ городамъ, управляли беки, принадлежащіе къ знатной тюркской фамиліи Кинигасъ и признававшіе лишь главенство бека Шахризябскаго.

Бухарскіе эмиры издавна неоднократно пытались овладѣть Шахризябскимъ оазисомъ, и въ исторіи Бухары насчитывается до 30 походовъ, совершенныхъ въ эту страну Насрула-Ханомъ и сыномъ его Музафаромъ, которому, наконецъ, удалось ненадолго овладѣть этимъ краемъ. Походы эти только усиливали старинную вражду между фамиліей Мангитовъ, къ которой принадлежали эмиры Бухары, и Шахри-

зябскими беками изъ фамиліи Кинигасъ... Вражда эта была очень давнишняя, причемъ возникновеніе ея относится еще къ началу XVIII столѣтія. Шахризябскіе-же беки, рѣшивъ воспользоваться тяжелымъ положеніемъ Бухары, подняли знамя возстанія одновременно и противъ Бухарскаго эмира, и противъ русскихъ. Несмотря на то, что Самаркандъ уже находился во власти русскихъ и въ немъ стояли гарнизономъ русскія войска, въ Шахризябскомъ оазисѣ образовалось многочисленное ополченіе, которое, подъ начальствомъ бековъ Китабскаго и Джура-Бія, Шаарскаго Баба-Бія и Якка-Багскаго Мухамедъ-Раджаба, двинулось къ Самарканду, гдѣ осадило крѣпость. Но русскія части геройски выдержали эту осаду до прибытія отряда генерала Кауфмана.

Потерпѣвъ пораженіе, Шахризябскіе беки принуждены были уйти въ свои горы. Съ цѣлью наказанія за ихъ нападеніе и явно вызывавшій образъ дѣйствій былъ сформированъ въ 1870 году особый отрядъ, подъ командою генерала Абрамова, который двинулся въ Шахризябскій оазисъ и осадилъ городъ Китабъ. Эмиръ Музафаръ, находившійся въ это время въ хорошихъ отношеніяхъ съ русскими властями, узнавъ о наступленіи русскихъ войскъ, рѣшивъ воспользоваться удачнымъ для покоренія Шахризябскаго оазиса положеніемъ, собралъ также свои войска и двинулся по направленію къ Китабу. Военныя дѣйствія отряда генерала Абрамова были недолги, но упорны. 14 августа послѣ кровопролитнаго штурма, Китабъ былъ взятъ, а беки бѣжали

въ Фергану. Весь плодородный Шахризябскій оазисъ былъ, такимъ образомъ, взятъ силою русскаго оружія и фактически принадлежалъ Россіи. Но, къ глубокому удивленію мѣстныхъ жителей, вмѣсто того, чтобы присоединить этотъ богатый край къ русскимъ владѣніямъ, соприкасавшимися съ ними и отстоящими отъ горъ въ 60 верстахъ, совершенно неожиданно весь Шахризябскій оазисъ, никогда не подчинявшійся Бухарѣ, былъ отданъ Бухарскому эмиру.

Спустя два года, во время возстанія старшаго сына эмира Музафара Катта-Тюры вновь русскія войска прошли этотъ край и взяли съ бою г. Карши. Но снова возвратили и эту часть западной Бухары обратно эмиру. Невольно въ этомъ случаѣ приходится задуматься, вслѣдствіе какихъ непонятныхъ причинъ Бухара, большая часть территоріи которой была завоевана силою русскаго оружія и обильно полита русскою кровью, не была въ то время присоединена къ русскимъ владѣніямъ, а напротивъ, усмиривъ непокорныхъ правителей, не признавшихъ эмира, мы создали изъ маленькой Бухары значительное государство и опять такъ отдали его эмиру въ наслѣдственное владѣніе. Несмотря, однако, на это, въ мирный договоръ, заключенный въ 1872 году между Россіей и Бухарой, введены условія, что русскіе имѣютъ право пріобрѣтать земли въ Бухарѣ, но право жительства имъ разрѣшается лишь въ Бухарѣ, Чарджуѣ, а по дополнительному соглашенію въ 1895 году къ этимъ пунктамъ причислены Керки и Термезъ. Такимъ образомъ, вся

внутренняя часть бухарскихъ владѣній осталась закрытою для русскихъ людей. И русское дѣло оказалось отодвинутымъ куда-то далеко на задній планъ...

Спускъ съ перевала Тахта-Карача былъ еще больше, и крутизна даже и на поворотахъ винта, по которымъ пролегала дорога, оказалась еще значительнѣе. Змѣей извиваясь, уходя куда то безконечно далеко внизъ, виднѣлась почтовая дорога. Мѣстами съ одной стороны ея поднималась отвѣсно скалистая стѣна, а съ другой для предохраненія отъ случайностей былъ по самому краю обрыва сложенъ невысокій парапетъ изъ камня. Ямщикъ, не обращая вниманія на крутизну, пустилъ лошадей рысью, и телѣжка, подскакивая, съ большой быстротою катилась внизъ, оставляя за собою поворотъ за поворотомъ и спускаясь все ниже и ниже.

— Однако ты, братецъ, хоть бы затормозилъ,— наконецъ не выдержалъ я.

— Не извольте безпокоиться—здѣсь ровно, да и снѣговъ нѣтъ, потому и опасаться нечего. Дорога хорошая.

И снова, подстегнувъ лошадей, мы понеслись куда то стремительно внизъ. Порою, глядя черезъ парапетъ, духъ захватывало и голова начинала кружиться при видѣ этой огромной вышины... Но черезъ часъ ѣзды спуски стали отложе и, немного спустя, мы уже стояли на дворѣ почтовой станціи Кайнары въ ожиданіи пока перепрягутъ лошадей. Станція эта расположена, не доѣзжая 4—5 в. до начала долины. Вокругъ поднимались горы, покры-

тыя лѣсомъ, и лишь на западъ тянулся высокій скалистый хребетъ.

— Съ благополучнымъ пріѣздомъ имѣемъ честь поздравить—подошелъ къ намъ вышедшій на дворъ староста.

— Счастливо проѣхали... Теперь на этомъ перевалѣ Тахта-Карача просто бѣда, какъ опасно стало. Объявились на нашихъ мѣстахъ разбойники, можетъ слышали. И вотъ они цѣлой шайкой безпокойства учиняютъ проѣзжающимъ. Ужъ и команды воинскія посылали, да увертливы, никакъ ихъ по горамъ не поймаешь, да и, сказываютъ, сила у нихъ большая.

— А ты видѣлъ ихъ что ли?

— Я-то... Я-то не видалъ, ну а народъ болтаетъ, особливо сарты, потому очень пугливый народъ... Русскихъ то они рѣдко трогаютъ...

— Пожалуйте, готово, садиться можно...

— Ты смотри, какъ назадъ будешь возвращаться, такъ муки въ Китабѣ прихвати, уже вслѣдъ крикнулъ онъ нашему ямщику.

Постепенно мѣстность стала понижаться, принявъ характеръ холмистой равнины. Съ высоты ясно открывался видъ на огромную Шахризябскую долину, среди которой темными пятнами виднѣлись группы растительности, окружавшей кишлаки, разбросанные по равнинѣ.

— Урусъ-кишлакъ, — ткнулъ кнутовищемъ въ сторону киргизъ ямщикъ.

— Урусъ много, много жилъ. Давно, тюра, очень давно. Ата (отецъ) мой помнитъ. Богатый народъ былъ.

— А ты не знаешь, откуда они взялись?

— Не знай, тюра. Урусъ приходилъ, кишлакъ строилъ...

Таинственный Урусъ-кишлакъ, происхожденіе котораго въ этихъ мѣстахъ оказалось для насъ загадкою, остался позади.

Лишь впослѣдствіи мнѣ пришлось слышать, что въ 60-хъ годахъ въ немъ дѣйствительно жили русскіе сектанты, пользовавшіеся покровительствомъ эмира Бухары, но вырѣзанные фанатически настроеннымъ бухарскимъ населеніемъ почти передъ взятіемъ русскими войсками г. Самарканда.

Съ обѣихъ сторонъ виднѣлись обработанныя поля, которыя питались водою рѣки Кашка-Дарьи и большими арыками, выведенными изъ нея. Черезъ часа два ѣзды, мы уже подъѣзжали къ Китабу, гдѣ нужно было остановиться, а потому, выбравъ вмѣсто далеко неинтереснаго пребыванія на почтовой станціи, остановку у мѣстнаго бухарскаго бека, мы поѣхали по направленію къ сараю для проѣзжающихъ, носившему, какъ вездѣ въ Бухарѣ, названіе посольскаго двора.

Проѣхавъ съ добрыхъ полчаса по городу, мы наконецъ добрались до мѣста и, отбывъ сложный церемоніалъ официальной встрѣчи, сдѣланной намъ Бухарскимъ бекомъ, расположились на отдыхъ.



ГЛАВА Ш.

Китабъ. — Постройка Термезской дороги. Исторія постройки въ стихахъ.—Шахризябсъ. — Религіозныя движенія въ прошломъ.—Пророкъ Макона и его дѣятельность.

Городъ Китабъ принадлежитъ къ числу значительныхъ населенныхъ пунктовъ, насчитывая до 10 тысячъ жителей.

Занимаясь хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, населеніе Китабскаго бекства группируется по плодородной долинѣ, привозя на китабскіе базары зерно и пригоняя скотъ на продажу. Разбросанный на значительномъ пространствѣ, Китабъ весь утонулъ въ зелени садовъ, и лишь центральная часть, около крытаго базара, бѣдна растительностью.

Переживъ, какъ пограничный пунктъ, длин-

ные ряды набѣговъ, городъ настолько часто былъ разрушаемъ при этомъ, что остатковъ старины въ немъ почти не сохранилось. Самыя старыя постройки относятся къ концу XVIII столѣтія, въ силу чего интереса въ археологическомъ отношеніи никакого не представляютъ. Базаръ съ длиннымъ рядомъ лавокъ, наполненныхъ русскою мануфактурою, имѣетъ общій характеръ всѣхъ базаровъ средней Азіи, поражая непривычный глазъ огромною скученностью построекъ.

Бекская кала съ вывѣтрившимися глинобитными стѣнами выдѣлялась среди города, занимая невысокій холмъ, окруженный высокими деревьями, а невдалекѣ отъ нея на улицѣ, по которой проходилъ почтовый трактъ, расположенъ былъ посольскій дворъ, состоящій изъ ряда низкихъ сакль глинобитной постройки. Небольшая комната, отведенная намъ, имѣла нѣкоторые признаки стремленія устроить ее на русскій ладъ. Два окна со вставленными въ оконныя рамы стеклами, желѣзная кровать и желѣзная печь придавали ей европейскій характеръ и подтверждали предположеніе, что здѣсь русскіе служащіе—довольно частые гости.

Сидя за столомъ, уставленнымъ достарханомъ, состоявшимъ изъ конфектъ, орѣховъ и изюма, поставленныхъ на маленькихъ тарелочкахъ, мы, проголодавшись, съ особымъ удовольствіемъ набросились на блюда жирнаго плова, принесенныя намъ на ужинъ. Бронзовая лампа, съ испорченной горѣлкою, давала слабый свѣтъ и освѣщала лишь небольшое пространство комнаты, углы которой тонули во мракѣ.

Высокій красивый бухарецъ, завѣдывающій посольскимъ дворомъ, почтительно остановившись у дверей, доложилъ, что сейчасъ придетъ бекъ, который лично хочетъ познакомиться съ гостями. Черезъ нѣсколько времени въ сопровожденіи переводчика и нѣсколькихъ лицъ свиты вошелъ въ комнату красивый старикъ и, поздравивъ насъ съ благополучнымъ пріѣздомъ, занялъ мѣсто около стола.

— Какъ здоровье полковника? — спросилъ онъ, спустя минуту, черезъ переводчика.

Разговоръ завязался...

— Полковникъ хочетъ знать, давно ли я здѣсь бекомъ? Даже не знаю, какъ сказать; когда проживешь жизнь и оглянешься назадъ, такъ и все прожитое кажется недавно случившимся. Поэтому по времени довольно давно, а на самомъ дѣлѣ мнѣ кажется, что я сюда на прошлой недѣлѣ пріѣхалъ...

— Вотъ посудите сами, десять лѣтъ тому назадъ русскіе дорогу построили, а вѣдь будто еще вчера тутъ и офицеры, и солдаты были...

— Или потому, что я съ этой дорогой тогда много всякихъ хлопотъ имѣлъ, такъ хорошо помню. Шуму и людей было довольно, тысячи нашихъ рабочихъ, подъ руководствомъ русскихъ офицеровъ, строили эту дорогу, а мы, беки, по волѣ эмира должны были доставлять нужное число людей на работы и пищу для ихъ прокормленія.

— Трудное дѣло было и, если бы не русскіе, мы сами такое большое дѣло сдѣлать бы не могли. Теперь дорога отъ Самарканда до Термеза отличная.

— Здѣсь была прежде конная тропа. Верблюжьи караваны всегда ходили на Кермине, Керки, тамъ пролегала старая торговая дорога, много на ней до сихъ поръ старыхъ построекъ осталось, что Тимуръ, а потомъ Абдулахъ-Ханъ строили...

— Однако, тюра, навѣрно, усталъ, и поэтому ему нужно отдохнуть, заторопился бекъ, закончивъ свой офиціальный визитъ...

Невольно вспоминалась исторія постройки Термезско-Самаркандской дороги. Признавъ необходимымъ выставить значительный отрядъ на Аму-Дарьѣ и построить укрѣпленіе въ Термезѣ, Военное Министерство, выполнивъ это, тотчасъ-же увидѣло, что укрѣпленіе Термезское находится слишкомъ далеко отъ главныхъ городовъ края, въ которыхъ расположены войска, могущія быть, въ случаѣ надобности, двинуты на подкрѣпленіе Термезскаго отряда во время какихъ-либо осложненій съ Авганистаномъ. Обстоятельства эти выдвинули на сцену вопросъ объ устройствѣ колесной дороги до Самарканда; въ виду же того, что почтовое сообщеніе съ Термезомъ производилось съ помощью судовъ Аму-Дарьинской флотиліи крайне неаккуратно, въ зависимости отъ высоты воды рѣки Аму-Дарьи, рѣшено было на этой дорогѣ устроить и особый почтовый трактъ, причемъ отдаленность всѣхъ частей линіи отъ Самарканда и Термеза и необходимость обезпечить движеніе войскъ по странѣ, не вполнѣ надежной, поставили въ необходимость создать рядъ опорныхъ пунктовъ по всей дорогѣ, для чего и былъ выработанъ типъ небольшого закрытаго укрѣпленія,

по которому построены почтовыя станціи числомъ 14, въ разстояніи отъ 15 до 25 верстъ другъ отъ друга. Имѣя высокія стѣны съ двумя башнями, почтовая станція приспособлена къ помѣщенію въ военное время ½ роты пѣхоты и взвода казаковъ и, такимъ образомъ, во время всякихъ случайностей длинная и непрерывная цѣпь этихъ небольшихъ укрѣпленій является связью между городами Самаркандомъ и укр. Термезомъ.

Эмиръ Бухарскій, хотя и сознавалъ, что новая дорога принесетъ огромную пользу торговлѣ Бухары, связывая собою главные торговые города Шахризябсъ, Китабъ, Гузаръ и Ширабадъ съ Самаркандомъ, но лишь послѣ требованія далъ на постройку нужное количество рабочихъ безвозмездно. Такимъ образомъ, вопросъ постройки былъ окончательно въ этомъ направленіи рѣшенъ. Для руководства работами по устройству полотна дороги были назначены офицеры Туркестанскаго сапернаго баталіона и команда нижнихъ чиновъ этой же части. Постройка же укрѣпленныхъ станцій возложена на военныхъ инженеровъ Самаркандской военно-инженерной дистанціи.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1900 года спѣшно начаты работы разомъ на нѣсколькихъ участкахъ дороги, причемъ для взрывовъ скалъ была назначена особая гальваническая команда изъ того же баталіона. Преодолѣвая огромныя трудности, вели саперы работы, имѣя въ своемъ распоряженіи тысячи бухарскихъ рабочихъ, которыхъ доставляли беки. А такъ какъ для бухарцевъ самая работа по постройкѣ является

натуральною повинностью, неоплачиваемой деньгами, то выполненіе этой повинности шло крайне плохо. Масса людей числилась больными и люди выходили на работы, лишь побуждаемые къ тому палками бухарскихъ чиновниковъ.

Тѣ суровыя и тяжелыя условія, которыя пришлось пережить саперамъ въ теченіе полутора-годичныхъ работъ на этой дорогѣ, и прекрасно выполненная постройка не могутъ пройти не отмѣченными, какъ грандіозный трудъ, исполненный войсками на пользу края.

Тяжело было и офицерамъ и солдатамъ. Эта страшно трудная служба и вся обстановка и условія постройки охарактеризованы въ стихотвореніи одного изъ офицеровъ, работавшаго на ней почти два года и въ часы досуга записавшаго свои впечатлѣнія здѣсь-же на стѣнѣ посольскаго дома, гдѣ мы ихъ нашли. Несмотря на погрѣшности въ формѣ, они заслуживаютъ вниманія.

Терпя понемногу,
Бухарцамъ дорогу
Съ Кайнаръ на Дербентъ
Мы строимъ въ презентъ.
Ни много ни мало,
Турпакъ [1]) ковыряло
Два минга [2]) рабочихъ
До плова охочихъ.
Хотя и казалось,
Что много старались
Саперы и Валька [3])

[1]) Турпакъ—земля. [2]) Мингъ—тысяча. [3]) Имя автора.

Да бека нагайка,
Но кончить дорогу
По первому году
Имъ такъ неудалось.
Бухарцы охотно
Глотали несчетно
Шурпу [1]) и лепешки
Всегда все до крошки.
Въ работахъ постройки
Все ждали лишь бойки,
Коль Бекъ не оттузитъ,
Начальство конфузитъ.
На жизнь и на счастье,
Отбросивъ заботу,
Лишь въ осень-ненастье
Я кончилъ работу
И сталъ для дороги
Сводить я итоги:
Въ Гузаръ мы скакали,
Двѣ лошади пали,
Что стоило денегъ
И пуль [2]) намъ и тенегъ [3])...
А въ Якка-Сараѣ,
Судьбу проклиная,
Сталъ на ноги шатокъ
Отъ злыхъ лихорадокъ.
Зато въ Шаршаузѣ
Злой рокъ былъ въ союзѣ
Съ шайтаномъ примѣрно
А съ бекомъ навѣрно.
Рабочихъ, что были,
Нещадно всѣ били

[1]) Шурпа—супъ. [2]) Пуля мелкая монета 1/4 коп. [3]) Теньга—15 к.

Амины [1]) нахалы
И всѣ аксакалы [2])
Согласно жъ приказу
Саперы—ни разу.
Теперь отгадай-ка:
Двадцатаго мая
Рабочая стая
Меня окружила,
Кричала, вопила,
Лопатой шалила,
Убить лишь забыла.
Живучій вѣдь Валька,
Какъ камень иль галька.
О градѣ Китабѣ
Порядка лишь ради
Скажу—ничего,
И какъ для кого...
Въ мѣстечкѣ Кайнары
Чинились чамбары.
Отъ стоверстной скачки
Я сутки былъ въ спячкѣ!

Валька Безпутный.

Видно, много пришлось перенести всякихъ невзгодъ, и все это за нѣсколько десятковъ копѣекъ суточныхъ, получаемыхъ отъ казны Валькою и другими офицерами.

Бѣдные Вальки! безъ шума, въ глухихъ углахъ русской земли сооружаете вы грандіозныя постройки на общую пользу, скромно довольствуясь самымъ ничтожнымъ вознагражденіемъ и даже не сознавая

[1]) Аминъ—староста. [2]) Аксакалъ—старшина.

въ это время колоссальности выполненнаго труда, а вмѣсто благодарности какой-нибудь уличный листокъ, приноровленный ко вкусамъ извѣстной части общества, въ хлесткой статейкѣ обрисуетъ васъ дармоѣдами.

Окончивъ работу, при первыхъ выстрѣлахъ, раздавшихся на Дальнемъ Востокѣ, Безпутный Валька— чудный товарищъ, отличный офицеръ и неугомонный человѣкъ бросилъ службу въ Средней Азіи, чтобы стать въ ряды дѣйствующей арміи и снова дѣлать тамъ свое скромное дѣло.

Низкій поклонъ, тебѣ Валька до земли!.. Каждый, проѣхавшій по Термезской дорогѣ, вспомнитъ этихъ тружениковъ...

За Китабомъ идетъ дорога сплошными кишлаками, густо обсаженными вѣковыми деревьями; огромные карагачи, тополь, тутъ привольно разрослись въ этихъ богатыхъ водою мѣстахъ. Рѣки Кашка и Акъ-Дарья, а также и Шахризябскій ручей питаютъ всѣ эти древесныя породы, имѣя воду съ большимъ избыткомъ для полей, раскинувшихся вокругъ на необозримое пространство. Отъ Китаба до Шахризябса или Шарашауза, по туземному, считается 7—8 верстъ, и все это небольшое разстояніе, имѣя видъ огромнаго сплошного сада, положительно радуетъ глазъ своимъ обиліемъ листвы и густотою ея окраски. Куполообразные карагачи, краса туркестанской растительности, эйлантусы, пирамидальные тополи, чередовались съ зарослями персиковъ, абрикосовъ и алчи, привольно разросшихся въ Шахризябскихъ садахъ.

Цѣлыя площади виноградниковъ, окруженныхъ глинобитными оградами, наглядно подтверждали слова сартовъ торговцевъ фруктами: „лучше какъ въ Шаршаузѣ винограда не найдете“...

— Минога виноградъ, ахъ какъ минога въ Шаршаузѣ,—восторгался постоянно одинъ изъ моихъ знакомыхъ фруктовщиковъ...

Среди долины на насыпанномъ холмѣ виднѣлись стѣны старой крѣпости, пережившей вѣка и нынѣ находящейся въ состояніи полнаго разрушенія. Глинобитныя стѣны аршинъ въ 10 вышины окружали крѣпость, непосредственно примыкая къ полузасыпанному землею, когда то глубокому, рву. Высокія башни осыпались и уныло глядѣли своими темными бойницами на современную жизнь города, не нуждающагося въ настоящее время въ этой старой твердынѣ, сослужившей населенію не одну службу.

Съ грохотомъ, подпрыгивая по каменной настилкѣ, тройка наша въѣхала въ узкую городскую улицу, казавшуюся уже благодаря двухъ-этажнымъ домамъ, тѣсно построеннымъ одинъ около другого. Какъ въ калейдоскопѣ, громадный базаръ съ тысячами лавокъ мелькнулъ передъ нашими глазами... Сдѣлавъ два-три поворота, мы остановились передъ караванъ-сараемъ—мѣстною гостиницею для проѣзжающихъ.

Городъ Кешъ, или, какъ стали его называть впослѣдствіи, Шахризябсъ извѣстенъ съ глубокой древности, являясь однимъ изъ главныхъ городовъ земли Острушны (такое названіе носила до III вѣка Рождества Христова горная Бухара), ведя постоянно

войну съ Согдіаною. Жители этихъ интересныхъ, но почти неизвѣстныхъ земель, принадлежали, по сказаніямъ нѣкоторыхъ историковъ, къ числу скифскихъ племенъ, входившихъ въ составъ индоскифскаго государства и исповѣдывавшихъ христіанство, вѣроятно какъ и многія другія здѣшнія племена, несторіанскаго толка.

Въ 707 году арабы, подъ предводительствомъ эмира Кутейбе, покорили эти страны и, послѣ кровопролитнаго штурма, взяли городъ Кешъ приступомъ и подвергли его разграбленію. Часть жителей погибла во время осады, а нѣкоторые, не желая покориться пришельцамъ и принимать новое ученіе Ислама, ушли въ горы, въ восточную часть теперешнихъ бухарскихъ владѣній. Обиліе воды, чудная растительность и почти совершенно закрытая долина понравились арабамъ, которые поселили здѣсь свое племя, называвшееся Бекръ-Бинъ Ваиль. Городъ снова сталъ быстро расти. Пришельцы не только возстановили старыя постройки, но и построили много новыхъ, укрѣпивъ особенно сильно крѣпость и сдѣлавъ ее самымъ надежнымъ укрѣпленіемъ во всемъ краѣ.

Названіе Шахризябсъ городъ получилъ отъ арабовъ, назвавшихъ такъ его, благодаря обилію зелени въ этихъ мѣстахъ: Шахризябсъ по-арабски значитъ зеленый холмъ. По сказанію современниковъ, это былъ огромный торговый городъ съ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ жителей, обнесенный крѣпкими стѣнами и имѣвшій четверо воротъ, носившихъ названія: 1) Дарвазе Агенинъ (желѣзныя ворота), 2

Дарвазе Абдулахъ (ворота Абдулаха), 3) Дарвазе Касабанъ (ворота мясниковъ) и 4) Дарвазе Шаристанъ (городскія ворота). Со времени завоеванія вся земля Шахризябскаго оазиса стала вновь быстро заселяться, и постепенно здѣсь возникли вновь города: Вердъ, Бала-Беринъ, Росма, Самъ и др. Жители, относившіеся крайне враждебно къ побѣдителямъ, принуждавшимъ ихъ къ переходу въ Исламъ, постепенно уходили со своихъ давно насиженныхъ мѣстъ въ горныя, трудно доступныя ущелья.

Желая возможно скорѣе обратить всѣхъ въ магометанство, арабы путемъ насилій и пытокъ заставляли аборигеновъ страны принять новое вѣроученіе; для чего въ каждую семью былъ назначенъ особый арабъ, который съ одной стороны долженъ былъ наставлять неофитовъ въ обрядахъ новой религіи, а съ другой онъ же являлся какъ бы религіознымъ и политическимъ шпіономъ данной семьи. Новое правительство чувствовало глухое народное недовольство и, опасаясь возстаній, изыскивало всякіе способы удержать повиновеніе жителей, но, несмотря на эти мѣры строгости, магометанство принималось здѣсь лишь внѣшнимъ образомъ, въ душѣ же большинство, остараясь христіанами и относясь къ Исламу враждебно, скрыто въ потаенныхъ мѣстахъ продолжало совершать свои христіанско-буддійскіе обряды. Такое особое положеніе скоро породило много различныхъ сектъ и создало благопріятную почву для народныхъ волненій, продолжавшихся затѣмъ въ этихъ мѣстахъ съ перерывами въ теченіе нѣсколько столѣтій. Въ это время Исламъ еще не вылился въ окончатель-

ную форму, и поэтому въ немъ самомъ среди арабовъ появились одни за другими цѣлый рядъ различныхъ вѣроучителей, съ которыми халифы принуждены были вести кровопролитныя войны.

Но самою интересною личностью изъ нихъ, оставившей по себѣ крупный слѣдъ въ исторіи, безспорно долженъ былъ признанъ лже-пророкъ Макона, появившійся въ Шахризябсѣ въ 767 году. Въ дѣйствительности звали его Гашиномъ Бинъ-Гакимомъ. Выдающееся положеніе сергенга (генерала) при Халифѣ-Эбу-Муслинѣ, знатность рода, исключительныя способности, поставили его быстро во главѣ сектантскаго движенія, охватившаго Шахризябскій оазисъ, а затѣмъ и значительную часть теперешней восточной Бухары.

Заинтересовавшись этою темной страницей исторіи здѣшнихъ мѣстъ, я рѣшилъ поговорить о ней съ кѣмъ-либо изъ городскихъ муллъ. Послѣ долгихъ разспросовъ мнѣ указали, наконецъ, медресе въ которой живетъ этотъ интересный знатокъ мѣстной исторіи.

Огромное зданіе старинной медресе какъ-то хмуро высматривало среди новѣйшихъ построекъ. Широкій мощеный каменными плитами дворъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ двухъ-этажными постройками, въ которыхъ проживали учащіеся муллы и учителя мударисы. У воротъ виднѣлся входъ въ мечеть, своды которой были отдѣланы красивымъ орнаментомъ и раскрашены яркой зелено-красной съ золотомъ краскою.

— Мулла Азадъ сейчасъ выйдетъ. Мулла Богу молится,—заговорилъ, суетясь—переводчикъ...

— Пожалуйте, здѣсь можно садиться,—указалъ онъ на открытую дверь, черезъ которую виднѣлось довольно значительное помѣщеніе безъ оконъ съ одною лишь дверью.

Мы вошли.

Полъ всей комнаты, имѣвшей также своды, былъ устланъ кошмами; по стѣнамъ лежали сложенныя ситцевыя ватныя одѣла и круглыя, въ видѣ валиковъ, подушки. Въ одной изъ стѣнъ виднѣлась другая маленькая дверь, очевидно ведущая въ другое помѣщеніе.

Не успѣли мы осмотрѣться, какъ дверь отворилась, и, видимо съ трудомъ двигаясь, передъ нами показалась фигура древняго старца съ большой серебряною бородою и удивительно добрыми, будто дѣтскими, голубыми глазами. Мы встали и поздоровались.

— Садитесь, прошу,—указалъ старикъ на одѣяла, самъ въ то же время опускаясь на нихъ.

— Радъ, очень радъ смиренный старый мударисъ Мулла Азадъ видѣть у себя высокопоставленныхъ гостей,

— Чаю дайте... Люди!—повелительно крикнулъ онъ и хлопнулъ ладонями...

Два среднихъ лѣтъ сарта тотчасъ же принесли на подносѣ достарханъ и чайники съ чаемъ. Попивая зеленый чай и перекинувшись фразами вѣжливости, я приступилъ къ дѣлу. Старикъ, видно, былъ человѣкъ разговорчивый, что было мнѣ на руку.

— Не можетъ ли отецъ разсказать намъ что-нибудь про пророка Макона?

— Вѣроятно много книгъ прочелъ ученый мудрисъ, и мы просимъ подѣлиться съ нами своими знаніями...

— Про Макона? Какое далекое время хочетъ знать полковникъ. Я скажу все, что знаю...

— Макона,—снова повторилъ онъ, что то припоминая и собираясь съ мыслями,—Макона по буквальному переводу значитъ занавѣшенный или закрытый. такъ называли его потому, что онъ носилъ на лицѣ маску изъ золота, и ни одинъ смертный никогда не видалъ его лица. Онъ былъ святой человѣкъ и пророкъ Божій. Но только люди были злы и не хотѣли его признавать. У насъ когда то около Шахризябса былъ онъ, и до сихъ поръ здѣсь есть люди, которые свято чтутъ его память. Онъ много воевалъ, много ѣздилъ по свѣту, покуда въ немъ не появился духъ Божій. Тогда, почувствовавъ въ себѣ великую силу, онъ сталъ говорить съ людьми. Но люди его не слушали, считая безумнымъ, а Халифъ Эбу-Муслимъ приказалъ надѣть на него оковы и бросить въ темницу.

Страшны темницы въ Багдадѣ, толсты и крѣпки ихъ стѣны. Много воиновъ охраняли ихъ, но ангелъ Божій вывелъ святого человѣка и приказалъ ему идти въ Мервъ. Но и здѣсь люди были злы, и Хазретъ Макона ушелъ въ Кешъ, нашъ, родной знаменитый Шаршаузъ.

Много горъ вокругъ Кеша, одна другой выше, одна другой неприступнѣе. Въ глухой мѣстности на горѣ Самъ сѣлъ Хазретъ-Макона и построилъ здѣсь свою крѣпость. Много людей пришло къ нему

подъ защиту его стѣнъ. Но никто еще не зналъ, кто онъ. А онъ никому не открывалъ еще своей великой тайны. Наконецъ, ангелъ, явившись, приказалъ ему открыться народу. И собралось великое множество людей въ Самѣ и вышелъ Хазретъ къ нимъ и спросилъ:

— Люди, знаете ли, кто я такой?

— Они ему отвѣтили, въ простотѣ душевной, знаемъ; ты Гашимъ-Бинъ Гакимъ, такъ было его имя.

— Нѣтъ, люди, вы находитесь въ заблужденіи: я вашъ Богъ и Богъ всѣхъ міровъ. Я называю себя, какъ хочу. Прежде являлся я въ образахъ: Адама, Авраама, Іисуса и Магомета, а теперь въ образѣ, въ которомъ вы меня видите *).

Но люди не могли понять великой этой тайны.

— Какъ же это такъ, спрашивали они его. Вѣдь всѣ тѣ говорили, что они пророки Божьи, а ты самъ объявляешь себя Богомъ.

— Да, это правда, но вы забываете бѣдные неразумные люди, что они были плотскіе, а я весь и насквозь духовенъ и, кромѣ того, имѣю власть являться въ какомъ угодно видѣ.

— Помните и не забудьте, что я скажу вамъ и эти слова мои передайте другимъ людямъ:

„Во имя Милосерднаго и Всемилостивѣйшаго Бога я, Гашимъ-Бинъ Гакимъ владыка всѣхъ міровъ.

Да прославися Богъ единый, который откры-

*) Макона началъ свою проповѣдь и вступилъ въ открытую борьбу въ 767 г. по Р. Х.

валъ себя прежде въ Адамѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Іисусѣ, Магометѣ, теперь я Макона владыка власти, блеска и истины. Собирайтесь вокругъ меня и знайте, что всемірное господство, слава и могущество мои.

Кромѣ меня нѣтъ Бога!

Кто идетъ за мной, тотъ придетъ въ рай, кто бѣжитъ отъ меня, попадетъ въ адъ...

Помните хорошо все, что я сказалъ"...

И повѣрили люди.

Тысячи ихъ собралось около великаго святого... Цѣлое войско готово было защищать его. Къ нему приходили люди, и скоро сила его была такъ-же велика, какъ и у Халифа Мекти. Но не могъ Халифъ, намѣстникъ пророка Магомета, оставить безнаказаннымъ святого мужа, не желавшаго ему подчиняться. Собралъ онъ войска и пошелъ воевать Кешъ.

Долго, страшно долго шла война. Но видно воля Божья была на сторонѣ Маконы. Подъ Термезомъ сошлись войска, и воины одержали побѣду своему земному Богу и посрамили Халифа.

Судьбы Аллаха неисповѣдимы!

Много тогда людей стало вѣровать въ пророка Макону, который могъ побѣдить весь міръ. Всѣ джины были ему послушны, и стоило ему только ударить о землю ногою, какъ изъ земли появлялись новыя войска. И съ помощью ихъ онъ завоевывалъ Самаркандъ, весь край и разбилъ намѣстника Халифа. Никто и никогда не видалъ его лица, и не показывался онъ больше людямъ, лишь его воено-

начальники Гамри, Баги и Кирдекъ передавали его волю народу.

Маловѣрные были люди и захотѣли они увидать его лицо и просили показаться вѣрнымъ.

Но Хазретъ Макона отказалъ имъ, сказавъ черезъ посланца:

„Пусть помнятъ мои служители, что и Моисей хотѣлъ также узрѣть мое божество, не могъ вынести лучей моего свѣта и едва не умеръ, такъ какъ одинъ взглядъ на меня земнородныхъ мгновенно убиваетъ ихъ“.

Но не повѣрили люди и вновь просили.

И тогда явился имъ во всей своей силѣ пророкъ Божій, и стали кричать люди:

„Боже, довольно этого великолѣпія, увидимъ больше—всѣ погибнемъ“.

Много народу умерло тогда отъ страха.

Долго потомъ пророкъ правилъ всей здѣшней землею, а потомъ ушелъ на небо...

И много теперь есть людей здѣсь, которые чтутъ святого Макону.

Поблагодаривъ за разсказъ и видя, что старикъ сильно усталъ, мы, откланявшись, направились къ себѣ.

—Вы обратили вниманіе, какую все-таки глубокую память оставила въ здѣшнихъ мѣстахъ дѣятельность этого таинственнаго человѣка.

Я уже слышалъ нѣсколько разъ детали этой ситоріи и, заинтересовавшись, прочиталъ кое-что о немъ.

Историкъ, описывая его жизнь, разсказываетъ,

что дѣйствительно онъ творилъ чудеса и разъ даже досталъ въ присутствіи массы народа изъ колодца какое то свѣтящееся тѣло, которое похоже было на луну. Что же касается до другихъ чудесъ, то говорятъ также, когда народъ хотѣлъ его видѣть, онъ поставилъ всѣхъ своихъ женъ съ зеркалами въ рукахъ въ узкомъ проходѣ между двухъ стѣнъ, а самъ помѣстился въ концѣ прохода; когда же открыли ворота и лучи заходящаго солнца ударили въ зеркала, то отраженіе было такъ сильно, что нельзя было смотрѣть—было больно глазамъ. И всѣ пали ницъ, а Макона, приказавъ закрыть ворота, прислалъ имъ сказать, что Богъ ими доволенъ и въ награду жалуетъ сокровища всѣхъ міровъ.

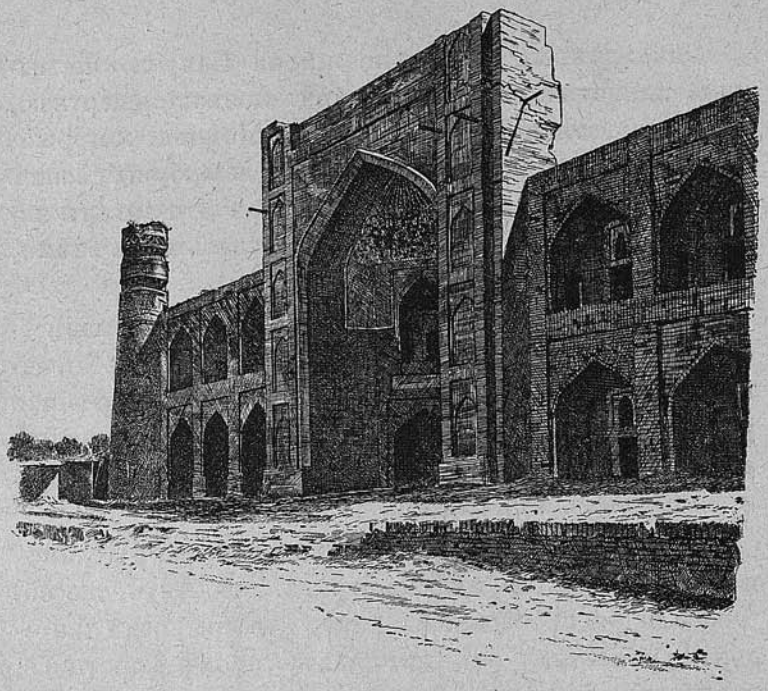
Въ дѣйствительности Халифъ разумѣется не могъ спокойно созерцать усиленіе Маконы и, боясь за прочность не только магометанства, но и всего своего государства, выслалъ наконецъ противъ него огромную армію, подъ начальствомъ Муатъ Бинъ Мусаима, который, покоривъ Кешъ, въ 773 году осадилъ крѣпость Самъ. Но обстоятельства благопріятствовали Маконѣ. Суровая зима вынудила увести войска въ Термезъ и снять осаду. Лишь спустя два года, Халифъ назначилъ своего лучшаго полководца Саида—Уль—Гаришна, который, послѣ двухъ слишкомъ лѣтъ осады, наконецъ взялъ крѣпость штурмомъ. Макона защищался стойко и заперся въ цитадели. Здѣсь то онъ собралъ всѣхъ своихъ женъ и устроилъ пиршество, во время котораго далъ имъ яду, а затѣмъ бросился въ печь, оторая ткопилась нѣсколько дней, и въ ней сгорѣлъ...

Одна изъ его женъ, по имени Банука, не выпила ядовитый напитокъ и, притворившись мертвою, видѣла послѣднія минуты жизни Макона, который, сказавъ, что хочетъ принести Богу жалобу на своихъ приверженцевъ, оставившихъ его, и что ангелъ навѣрное поможетъ ему восторжествовать надъ всѣми, бросился въ огонь.

Ученье его въ дѣйствительности почти не извѣстно. Можно лишь по нѣкоторымъ даннымъ предполагать, что онъ хотѣлъ развить въсвоей религіи ученіе о воплощеніи, повидимому проникнувшись въ этомъ отношеніи понятіями древнеперсидскихъ и индійскихъ вѣроученій.

Враждебный духъ сектъ, появившихся въ Исламѣ, и смѣна династіи въ Халифатѣ, особенно способствовали распространенію этого ученія среди жителей Туркестана, изъ которыхъ, кромѣ христіанъ, въ то время было также много послѣдователей древняго культа огня.

Послѣдователи Маконы назывались сефидджамеганъ, т. е. одѣтыми въ бѣлое, по цвѣту одежды, которую носили. Говорятъ, и теперь въ Шахризябскомъ, Гиссарскомъ и Кулябскомъ бекствахъ есть много послѣдователей этого страннаго ученья, которое, по словамъ ученаго Араба Ахмедабинъ Насра, еще въ 1128 году исповѣдывало все населеніе горныхъ странъ при Аму-Дарьи.



IV.

Шахризябсъ и его исторія.—Тамерланъ и воспоминанія о его дѣятельности.—Генералъ Джура-Бекъ.—Убійство Джура-Бека.—Дервиши.—Яръ-Тепе.—Развалины старой крѣпости.

Разбросанный на значительномъ пространствѣ, Шахризябсъ и нынѣ имѣетъ видъ стариннаго города, благодаря многимъ постройкамъ вродѣ медресе, мечетей и караванъ-сараевъ, а также и въ силу внѣшнихъ особенностей архитектуры строеній: большинство домовъ двухъ-этажныхъ, каракаснаго типа.

Старинныя постройки, возведенныя, главнымъ образомъ, при Тамерланѣ, отлично сохранились и поддерживаются видимо крайне заботливо. Обаяніе этого великаго для всей Азіи человѣка настолько сильно, что въ мнѣніи народномъ имя его ставится на ряду съ Александромъ Македонскимъ, причемъ какъ Искандеръ, такъ равно и Тимуръ причисляются къ святымъ. Шахризябсъ же, являющійся мѣстомъ рожденія Тимура, въ особенности ревниво сохраняетъ его память, съ сокрушеннымъ сердцемъ вздыхая о томъ запустѣніи, въ которомъ находится мечеть надъ могилой этого великаго государя полуміра въ Самаркандѣ.

Переживъ время религіозныхъ волненій, Шахризябсъ постепенно началъ возвышаться, превратившись скоро въ одинъ изъ самыхъ крупныхъ торговыхъ городовъ Средней Азіи.

Вниманіе Чингисъ-Хана не могло не остановиться на немъ, и въ 1221 году войска страшнаго завоевателя подошли къ Шахризябсу, а затѣмъ, послѣ кровопролитнаго штурма, взяли его приступомъ. Городъ былъ разграбленъ и сожженъ, но постепенно плодородіе почвы и удобства положенія мѣстности басейна Кашки-Дарьи, защищенной отрогами Гиссарскаго хребта, способствовали тому, что городъ былъ возстановленъ и снова сталъ быстро разростаться.

Въ 1333 году въ Шахризябсѣ, т. е., въ Зеленомъ городѣ, такъ называлось предмѣстье Кеша, давшее затѣмъ названіе всему городу, у правителя Кеша Тургай-Бека изъ рода Берласъ родился сынъ—

Великій, впослѣдствіи, Тимуръ. Преданіе говоритъ, что во время его рожденія заколебались огромныя горы Гиссарскія, налетѣлъ страшный вихрь, и землетрясеніемъ было разрушено много строеній. Мудрые люди, занесшіе этотъ случай въ лѣтописи, говорили, что родился особенный человѣкъ, который будетъ повелѣвать всѣми. И предсказаніе исполнилось.

До 20 лѣтъ провелъ Тамерланъ въ Шахризябсѣ и, получивъ выдающееся образованіе въ медресахъ города, выступилъ въ жизнь, явившись вначалѣ, какъ управитель отдѣльнаго селенія, которымъ его назначилъ отецъ въ день совершеннолѣтія.

Но не лежало сердце Тимура къ скромной дѣятельности; самъ онъ въ свой автобіографіи говоритъ: „уже въ 12 лѣтъ я воображалъ въ себѣ слѣдъ необыкновенной мудрости и величія и не менѣе мечталъ объ искусствѣ наѣздничества“.

Свободная могучая воля повела его въ станъ воинскій подъ знамена эмира Бухары Казгана-хана, которому юноша скоро такъ понравился, что онъ выдалъ за него замужъ свою внучку и сдѣлалъ мингъ-башой, т. е. тысяченачальникомъ, взявъ съ собою въ походъ на Хоросанъ. Въ этомъ походѣ разомъ развернулся во всемъ своемъ блескѣ военный талантъ молодого военачальника. Но послѣ удачнаго похода поднялись внутреннія смуты, во время которыхъ былъ убитъ самъ эмиръ, а также и Шахризябскій владѣтель Тургай-бекъ, вслѣдствіе чего Тимуръ уже появляется какъ противникъ Тургай-бека.

Въ короткое время сдѣлавшись правителемъ и получивъ въ удѣлъ Кешъ, Тимуръ вскорѣ, благо-

даря смутамъ, принужденъ былъ бѣжать въ хивинскія пустыни, гдѣ долго испытывалъ лишенія степного наѣздника, и наконецъ попалъ въ плѣнъ къ одному туркмену, державшему его въ рабствѣ. Бѣжавъ изъ плѣна, онъ на Аму-Дарьѣ собралъ горсть своихъ приверженцевъ и съ ними началъ свои походы на Сеистанъ и Белуджей, отражая въ то же время натиски Самаркандскаго эмира, преслѣдовавшаго его съ арміей. Разбивъ послѣдняго на голову при Кундузѣ, онъ двинулся на Самаркандъ, и скоро вся Азія лежала у ногъ своего новаго владыки. Далѣе начинаются его замѣчательные походы для покоренія всѣхъ сосѣднихъ странъ. доставившіе ему титулъ Джигангира, т. е., всемірнаго завоевателя.

Полміра принадлежало Тимуру, и этотъ, съ точки зрѣнія европейцевъ, варваръ въ дѣйствительности совершенно не былъ такимъ, какимъ рисуютъ его наши историки.

Крупная фигура его какъ правителя недостаточно, а во многомъ и пристрастно, обрисована европейцами, совершенно незнакомыми съ его государственной дѣятельностью въ Средней Азіи.

— Вы не можете себѣ представить,—жаловался мой спутникъ,—прямообидно становится за память такого великаго государя и человѣка, какимъ былъ Тамерланъ. Вѣдь это одинъ изъ культурныхъ людей своего времени, поднявшій свой народъ на высокую степень развитія. По существу государство его въ отношеніи цивилизаціи стояло несравненно выше европейскихъ государствъ того времени.

— Да неужели?—совершенно невольно удивился я услышавъ что-то совершенно новое.

— Могу васъ завѣрить.

— По нашему, онъ варваръ. А у этого варвара существовалъ и дѣйствовалъ въ государствѣ конституціонный кодексъ Язау, въ то время, когда въ Европѣ еще не имѣли понятія о коституціи... Дикій и неустрашимый въ бою, онъ былъ кротокъ къ врагу, молившему о пощадѣ. Армія его имѣла правильное военное устройство и была въ то время лучшею въ мірѣ.

— Ну, а все-таки онъ варваръ,—настаивалъ я.

— Нѣтъ это не такъ, по письменнымъ памятникамъ можно видѣть, что гражданское управленіе государствомъ было очень благоустроено. Даже финансовая сторона выработана была въ правильную, стройную систему.

— Представьте себѣ, что существовалъ у него даже подоходный налогъ, къ которому мы такъ тщетно стремимся.

Тимуръ требовалъ, чтобы всякій чиновникъ при отправленіи дѣлъ дѣйствовалъ кротко и по закону.

Употребленіе кнута и палокъ было строжайше запрещено, и неисполненіе этого каралось смертною казнью.

Тимуръ часто любилъ повторять: „Губернаторъ, который значитъ меньше, чѣмъ его кнутъ или палка, не достоинъ быть начальникомъ“.

— Назовете ли вы варваромъ человѣка, который самою дорогою частью добычи въ войскахъ, остающеюся на его долю, считалъ художниковъ и ученыхъ.

— Первый въ мірѣ устроилъ правильное почтовое сообщеніе, да и всего не перечтешь.

— При немъ Самаркандъ принадлежалъ къ числу міровыхъ городовъ, а Шахризябсъ, пользуясь его особымъ вниманіемъ, какъ мѣсто его родины, пышно расцвѣлъ, украсившись замѣчательными постройками и сдѣлавшись центромъ мусульманской учености, въ силу чего недаромъ городъ этотъ отъ современниковъ получилъ титулъ Куббетъ-Уль-Илмъ-Віэль, что значитъ въ переводѣ куполъ науки и морали, т. е. философіи.

— Дворецъ Тимура Акъ-Сарай, отъ котораго осталась теперь лишь незначительная часть, былъ въ своемъ родѣ музеумомъ, гдѣ собраны были всякія рѣдкости. А на фронтонѣ этого дворца красовался его гербъ съ девизомъ этого варвара, а девизъ интересный:

„Сила въ справедливости".

— Какъ вамъ это покажется? Вотъ что считалъ за правду самъ Тимуръ. Мы же, не зная и не интересуясь знать, что касается исторіи Азіи, считаемъ его дикаремъ.

— Эхъ, обидно даже, какіе мы неучи.

Мой спутникъ такъ взволновался, что, сердито махнувъ рукою, даже отошелъ отъ меня въ сторону.

— Все, что вы разсказали, это Америка для меня,—совершенно откровенно сознался я, подавленный слышаннымъ.

— Интересная личность. Но все-таки отъ этого купола науки и морали нынѣ ничего не осталось.

— И этого не говорите. Долго спустя, Шахризябсъ по справедливости носилъ этотъ титулъ, чему способствовало еще и то обстоятельство, что здѣсь, кромѣ Маконы и Тимура, жилъ также и третій замѣчательный человѣкъ, оставившій по себѣ и понынѣ яркій слѣдъ въ исторіи цивилизаціи востока. Я говорю про великаго мистика Ходжа-Бога-Эддина, творенія и ученіе котораго, переживъ вѣка, составляютъ и нынѣ фундаментъ существованія мусульманскихъ государствъ. Не буду утомлять васъ сообщеніемъ о его ученіи, но скажу лишь, что онъ основалъ духовный орденъ Накшибендія, братство котораго до сихъ поръ является страшною силою, возводя въ мусульманскихъ государствахъ правителей на престолы и также быстро устраняя съ нихъ не отвѣчающихъ его задачамъ. Дервиши этого ордена разсѣяны повсюду: и въ Бухурѣ, и въ Персіи, и въ Турціи, и даже въ далекой Индіи. А ишаны и мударисы, принадлежащіе къ нему до сихъ поръ, имѣютъ медресе, въ которыхъ слушаютъ науки тысячи мусульманскаго юношества. Орденъ Накишбендія—прародитель ордена іезуитовъ, и эти послѣдніе рабски заимствовали уставы и правила перваго.

— И теперь въ типи Шахризябскихъ медресе есть ученые люди, изучающіе философскія системы міра и лишь оставившіе въ пренебреженіи все, что явилось въ Европѣ съ X вѣка; люди, стоящіе на высокой степени цивилизаціи.

Кстати, я совершенно забылъ упомянуть еще объ одномъ крайне интересномъ человѣкѣ—послѣд-

немъ владѣтельномъ бекѣ Шахризябскомъ Джура-Біѣ; это также интересная личность. Принадлежа къ знатной и старинной фамиліи Кинигасъ, онъ, будучи бекомъ, велъ постоянно войну съ эмиромъ и по примѣру предковъ все время стремился къ отстаиванію самостоятельности Шахризябскаго бекства. Воспользовавшись удачнымъ моментомъ, онъ пошелъ противъ русскихъ и осадилъ ихъ въ Самаркандѣ въ 1868 году, но затѣмъ когда отрядъ Абрамова взялъ въ свою очередь Китабъ, онъ принужденъ былъ бѣжать. Захваченный Кокандскимъ ханомъ Худояромъ и выданный русскимъ властямъ, по восточному обычаю Джура-Бій ожидалъ смерти, но генералъ-адъютантъ Кауфманъ рѣшилъ сдѣлать этого знатнаго человѣка приверженцемъ Россіи и, оставивъ ему жизнь, зачислилъ его на русскую службу.

Великодушіе русскихъ поразило Джура-Бія, онъ тогда же сталъ просить о назначеніи его въ экспедицію ген. Скобелева и въ начавшейся войнѣ съ Кокандскимъ ханомъ оказалъ чудеса храбрости, сдѣлавшись самымъ вѣрнымъ слугою русскаго Императора. Награжденный знаками отличія военнаго ордена 3 и 4 ст., Джура-Бій былъ произведенъ въ подполковники русской службы, и затѣмъ долгая служба его протекла въ Ташкентѣ, гдѣ онъ состоялъ при туркестанскомъ ген.-губернаторѣ. Произведенный въ полковники и затѣмъ генералы, этотъ сильный духомъ человѣкъ принесъ своей службой много пользы русскому дѣлу въ краѣ. Среди туземцевъ его слово пользовалось огромнымъ уваженіемъ и вѣсомъ.

И представьте себѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ его зарѣзали ночью на дачѣ, въ которой онъ жилъ, около Ташкента.

— Ужасно странное и таинственное убійство!

— Многіе знатоки края положительно убѣждены, что причиною убійства была старинная родовая месть...

Мы возвращались черезъ базаръ. Ряды лавокъ тянулись по сторонамъ отъ главной улицы, образуя кое-гдѣ площадки, заваленныя грудами кишмиша и сушеныхъ фруктовъ. Чай-Хане съ открытыми котлами, въ которыхъ въ кунжутномъ маслѣ парился рисъ, распространяли на далекое разстояніе свой специфическій запахъ горѣлаго сала и кунжута. Мясники, развѣсивъ туши барановъ и конины, тутъ же продолжали свою работу по свѣжеванію и сдиранію кожи съ новыхъ тушъ. Кипы хлопка, затюкованныя для отправки, чередовались съ безконечнымъ количествомъ разной посуды и желѣзными котлами. А среди всего этого непригляднаго на видъ товара кровавыми пятнами выдѣлялись лавки съ мануфактурой, въ которыхъ всѣ бумажныя ткани были преимущественно краснаго цвѣта.

Грохотъ барабана и рѣзкій звукъ туземнаго оркестра смѣшивались съ говоромъ толпы, криками верблюдовъ и ишаковъ. Цѣлыя массы конныхъ и пѣшихъ сновали между лавокъ, задѣвая другъ друга и не обращая при этомъ даже вниманія на толчки.

Порою среди толпы проходили какіе то люди, одѣтые въ лохмотья съ палками въ рукахъ и не-

обыкновенными колпаками на головѣ, изъ-подъ которыхъ выбивались свалявшимися нечесанными прядями длинные волосы.

— Это дервиши того самаго ордена Накишбендія, о которомъ я вамъ разсказалъ.

— Они то поютъ, то разсказываютъ, и народъ охотно слушаетъ тотъ бредъ фанатической проповѣди, который такъ и дышетъ страшною тоскою по старинѣ и нетерпимостью почти ко всему невосточному. Есть среди нихъ замѣчательно талантливые проповѣдники—импровизаторы. Иногда нѣсколько часовъ подрядъ говоритъ такой проповѣдникъ стихами, сообщая какое-нибудь преданіе, оканчивающееся поученіемъ.

Насчитывая около 40 т. жителей, Шахризябсъ, вслѣдствіе большого количества тутовыхъ деревьевъ, издавна славится шелководствомъ, которымъ занимается здѣсь значительная часть населенія. Дѣло это въ послѣдніе годы улучшилось, благодаря тому, что въ Самаркандѣ министерствомъ земледѣлія открыта контрольная для шелковичной грены станція, откуда получается здѣсь грена. Здѣсь же изготовляются нѣкоторые сорты шелковыхъ и полушелковыхъ тканей, поступающихъ затѣмъ на базары преимущественно для мѣстнаго употребленія.

Въ окрестностяхъ Шахризябса широко раскинулись засѣянныя поля, которыя, несмотря на примитивность сельско-хозяйственныхъ инструментовъ, прекрасно обработаны. Плодородіе лесовой почвы и обиліе воды способствуютъ развитію земледѣлія, причемъ по сообщенію мѣстныхъ жителей, площадь

посѣвовъ съ каждымъ годомъ все больше и больше расширяется. Прекрасные урожаи и сравнительная близость Самарканда создаютъ крайне благопріятныя условія для земледѣлія, и въ то же время всегда имѣется рядомъ рынокъ съ обезпеченнымъ сбытомъ для всѣхъ видовъ зерноваго хлѣба.

За Шахризябсомъ мѣстность постепенно дѣлается волнистою. Съ лѣвой стороны вдоль дороги тянется горный хребетъ, темнѣя своими вершинами и составляя собою границу Шахризябскаго оазиса. Засѣянныя поля начинаютъ кое-гдѣ чередоваться съ неорошенными землями. Далѣе виднѣются небольшія лощины, соединяющіяся съ предгорьями. Огромныя стада барановъ, подъ наблюденіемъ чабановъ, привольно пасутся на покрытыхъ травою склонахъ.

Какъ будто безконечною лентою впереди насъ разстилается широкая почтовая дорога, ровное полотно которой, ограниченное канавами по обѣимъ сторонамъ, рельефно выдѣляется изъ окружающей мѣстности.

Караваны верблюдовъ, совершенно игнорируя удобство дороги, тянутся параллѣльно ей, протаптывая себѣ особую тропинку. Позвякивая громадными бубенчиками и глухо стуча желѣзными цилиндрами, привѣшенными вмѣсто звонковъ на шеяхъ, медленно, шагъ за шагомъ, идетъ такой караванъ. Пугливо озираясь и всматриваясь своими любопытными темными глазами, долго провожаютъ насъ взглядами эти корабли пустыни, привязанные длинною вереницею другъ къ другу и послушно слѣдующіе за своимъ хозяиномъ-начальникомъ кара-

вана, сидящимъ на передовомъ, обыкновенно самомъ большомъ и сильномъ верблюдѣ.

По мѣрѣ нашего движенія, впереди начинаетъ постепенно вырисовываться и съ правой стороны горный хребетъ, который постепенно сближается, замыкая собою долину.

Верстахъ въ 25 отъ Шахризябса расположенъ у небольшого арыка [1]) кишлакъ Яръ-Тепе, лежащій около развалинъ древней крѣпости, остатки которой въ видѣ осыпавшихся стѣнъ и валовъ виднѣются на высокомъ холмѣ.

— Городъ былъ,—указалъ ѣхавшій съ нами до Дербента Шахризябскій купецъ Мирза-Саибъ.

— Большой городъ. Теперь только кладбище осталось. Много, очень много на немъ людей нашло себѣ мѣсто для вѣчнаго покоя. Аллахъ знаетъ, кому и гдѣ лечь въ землю суждено. Здѣсь онъ многимъ приказалъ окончить свои земныя дѣла.

— Страшный Дженгизъ Чингизъ-Ханъ здѣсь воевалъ. Много завоевалъ... Потомъ эмиръ Насрула-Ханъ городъ разрушилъ. Непокорный здѣсь все народъ жилъ, не хотѣлъ эмира слушать.

Мы сошли съ трашпанки и направились къ старому городищу. Высокій природный холмъ, окруженный изгибомъ ручья, господствовалъ надъ всею мѣстностью. Высокіе валы и большая площадь, занятая крѣпостью, указывала на ея значительную величину. Но валы и рвы осыпались и поросли колючкою, изъ которой кое-гдѣ выглядывали небольшія кучки жженаго кирпича, и по всему пространству валялись обломки глиняной посуды.

[1]) Арыкъ—канава съ проведенною водою.

— Человѣческая жизнь лѣтъ сто всего какъ окончила здѣсь свое существованіе, а посмотрите— пройдетъ еще сто лѣтъ, и признаковъ, пожалуй, не останется. Сколько, вѣроятно, труда было положено, чтобы создать эту крѣпость.

— Построена она была очень давно и считалась сильною крѣпостью. Захотѣлъ Аллахъ, и стала прахомъ,—задумчиво проговорилъ Мирза-Саибъ, слѣдуя за нами.

— Здѣсь гдѣ то недалеко есть три большихъ озера. Все собираюсь заглянуть на нихъ. Охота говорятъ удивительная,—тотчасъ перешелъ Д. на другую тему.

За Яръ-Тепе мѣстность сдѣлалась пересѣченнѣе и волнистѣе.

По сторонамъ дороги изрѣдка виднѣлись кишлаки, съ самой незначительной растительностью.

Рядъ пологихъ, но длинныхъ спусковъ, по которымъ шла дорога, лишь увеличивали скорость нашего движенія. Тройка, позвякивая колокольчиками, то шла крупною рысью, слегка подпрыгивая на выбоинахъ, то съ половины спуска неслась вскачь, заставляя насъ невольно придерживаться другъ за друга, чтобы не вылетѣть.

Вдали начиналась снова равнина, среди которой выдѣлялись большія площади растительности—это Гузаръ. Въ сторонѣ бѣлѣли постройки почтовой станціи, расположенной въ самомъ началѣ города.

— На станцію прикажете или въ посольствѣ остановитесь,—повернулся къ намъ ямщикъ, слегка пріостанавливая лошадей..

— Вали, милый человѣкъ въ посольство, станцій-то мы еще насмотримся достаточно,—рѣшилъ Д.

— Не правда ли, тамъ все интереснѣе, чѣмъ въ этой казенщинѣ ночевать.?

Поворачивая тройку въ узенькую улицу, ямщикъ почесалъ лишь въ затылкѣ.

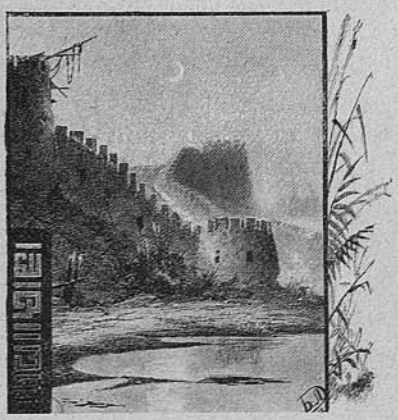
— Очень ужъ грязи много — лошадямъ больно плохо. На чаекъ бы слѣдовало,—нерѣшительно заговорилъ онъ.

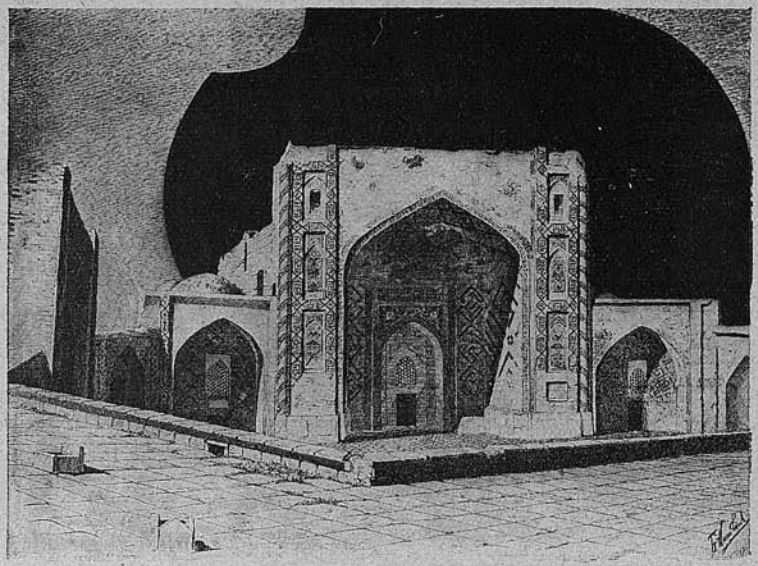
— И на чай получишь, когда довезешь и по затылку накладу, если вывалишь, — разрѣшилъ Д. быстро его недоумѣніе.

Увязая колесами чуть не по ступицу въ грязи и накреняясь то въ одну, то въ другую сторону, съ огромными усиліями тянули лошади трашпанку. Комья грязи летѣли со всѣхъ сторонъ.

— Ну и дорога,—сердито выругался я.

— Не безпокойтесь, сейчасъ пріѣдемъ. Видите ту группу деревьевъ, вонъ высокая стѣна—это и и есть посольство.





IV.

Гузаръ.—Саранча и преданія о ней.—Мѣры къ уничтоженію саранчи.—Стихи на стѣнѣ, какъ память объ одной экспедиціи.—Пророкъ Соломонъ и муравей.

Принадлежа къ числу самыхъ значительныхъ городовъ Ханства, Гузаръ ведетъ торговлю, являясь посредникомъ между Западной и Восточною частями Бухары.

Огромный крытый базаръ съ массою караванъ-сараевъ раскинулся почти на двѣ версты, заключивъ въ себя нѣсколько сотъ лавокъ съ самыми разнообразными товарами.

Рѣка Гузаръ-Дарья раздѣляетъ городъ на двѣ

части, соединенныя между собою двумя постоянными мостами. Примыкая непосредственно другъ къ другу, съ высокаго берега виднѣются постройки зарѣчной части, надъ которой господствуетъ старая крѣпость, являющаяся мѣстопребываніемъ Гузарскаго бека. Надъ высокими берегами, спускающимися отвѣсно къ рѣкѣ, достигающей до 30 саж. ширины, построены зубчатыя стѣны крѣпости, представлявшей въ старину со стороны рѣки неприступную твердыню.

Владыки Гузарскіе въ этомъ гнѣздѣ были въ полной безопасности, видя съ высокихъ террасъ зарѣчный городъ у своихъ ногъ и имѣя возможность въ душныя лѣтнія ночи пользоваться свѣжимъ воздухомъ и наслаждаться красивымъ видомъ.

Со стороны же базара крѣпость окружаетъ довольно широкая улица съ небольшою площадью противъ входныхъ воротъ съ высокими башнями, изъ-за которыхъ поднимаются купола и минареты мечетей, придающіе особенный, характерный видъ общей картинѣ.

Большая комната, убранная коврами и паласами, имѣла хорошо знакомый видъ всѣхъ богатыхъ сартовскихъ помѣщеній...

Плотно закусивъ неизбѣжнымъ пловомъ, мы принялись за чай. Нашъ Мирза-Саибъ, случайно попавшій въ число знатныхъ урусовъ, за которыми ухаживаютъ по обычаю беки, проникся значеніемъ своего положенія и сдѣлался до-нельзя важенъ, пародируя, очевидно, кого-либо изъ видѣнныхъ имъ богатыхъ сартовъ.

Прислуживающіе нукеры наконецъ удалились, и мы, оставшись одни, стали продолжать чаепитіе, снявъ съ себя сюртуки. Мирза-Саибъ также послѣдовалъ нашему примѣру, оставшись въ одномъ нижнемъ ситцевомъ халатѣ, и, бережно уложивъ свой шелковый халатъ въ куржумъ, сразу сбросилъ съ себя всю напыщенность.

— Завтра тюра еще спать будетъ, а я пойду свое дѣло дѣлать", сообщилъ онъ намъ.

— Будемъ пшеница, ячмень покупать; большой партія купимъ... Только дорого все стало, почти вдвое дороже по сравненію съ прежними годами... Видѣлъ Гузаръ большой городъ, а кишлакъ вокругъ него еще больше, и всегда здѣсь много, очень много хлѣба было. А теперь мало... Видѣлъ поля, вокругъ много, полей, ахъ какъ много, и нѣтъ на нихъ почти ничего... Все саранча покушалъ. Два года уже здѣсь саранча приходитъ и больно народъ обижаетъ; все кушаетъ и ничего не оставляетъ.

Самъ Аллахъ въ наказаніе за грѣхи людей создалъ ее. И сотворилъ онъ ее изъ остатка той земли, изъ которой былъ сдѣланъ Адамъ. Хазретъ Османъ слышалъ отъ самого пророка Магомета объ этомъ.

Однажды къ пророку прилетѣла саранча и сѣла около его изголовья. Пророкъ въ это время былъ на молитвѣ, окончивъ которую, онъ замѣтилъ, что у саранчи что-то написано на крыльяхъ; онъ разобралъ эту надпись и прочелъ: „мы, саранча, могучая Божья рать, каждая изъ насъ имѣетъ 99 видовъ (породъ). Если бы мы имѣли не 99, 100 (ви-

довъ) породъ, т. е. полную сотню, то мы съѣли бы весь свѣтъ и все, что на немъ находится. Устрашился пророкъ этого ужаснаго бича и обратился къ Аллаху съ просьбой уничтожить совсѣмъ саранчу, а если этого нельзя, то хоть закрыть ея ротъ наполовину. И услышалъ Аллахъ молитву своего пророка и послалъ къ нему архангела Джебраила (Гавріила) объявить, что просьба его услышана и что ротъ и челюсти саранчи сдѣланы вдвое меньше прежняго...

И все-таки много бѣдъ дѣлаетъ она людямъ. А посылается она въ наказаніе рода человѣческаго за грѣхи такъ же, какъ посылаетъ на людей Аллахъ и другія бѣдствія: наводненія, пожары и неурожаи.

— Это, положимъ, не совсѣмъ такъ! — прервалъ его Д.

— Главное, что туземное населеніе не занимается ея истребленіемъ. Самое важное—это найти, гдѣ она заложила свои яйца (кубышки), и ихъ сжечь. Но тутъ, по несчастью, ничего нельзя сдѣлать съ вѣрованіями и повѣріями народа, среди котораго существуетъ убѣжденіе, что пророкъ не приказывалъ убивать саранчу, такъ какъ она великая Божья рать... Я самъ видѣлъ отрожденія саранчи и наблюдалъ, какъ иногда десятки сартовъ сидѣли и смотрѣли на ея появленіе совершенно спокойно.

„Отчего же вы не убиваете ее? “ задавалъ я при этомъ вопросъ и всегда получалъ неизмѣнный отвѣтъ:

„Нельзя, Аллахъ приказалъ ей жить; человѣкъ не смѣетъ остановить волю Творца вселенной...“

Саранча здѣсь въ сущности не настоящая саранча, а одинъ изъ ея видовъ, называемый марокскою кобылкою. У восточныхъ народовъ саранча носитъ названіе джурада, отъ слова джурадъ, что значитъ оголять; названіе дано по свойству ея оголять всю почву, съѣдая всю растительность безъ остатка. Раздѣляется она на двѣ стадіи по своему развитію: первая послѣ отрожденія называется роджиль, или иначе пѣшая, а во второй стадіи, когда превращается въ летучую, то получаетъ названіе парсъ—летучая. Саранча снабжена шестью ногами: двѣ замѣняютъ руки, двѣ ноги и двѣ служатъ вмѣсто оружія, такъ какъ похожи на пилы и имѣютъ острые зубцы. По повѣрію сартовъ, слюна ея очень ядовита. Въ концѣ лѣта саранча отыскиваетъ мягкій грунтъ и, вырывая углубленія, кладетъ туда свои яйца. Положивъ сто яичекъ, саранча улетаетъ. Весною теплые лучи солнца помогаютъ созрѣванію яицъ, изъ которыхъ выходитъ маленькая саранча величиною въ муравья. Затѣмъ, она быстро начинаетъ расти и, ползая по землѣ, съѣдаетъ все, что встрѣчается на ея дорогѣ... Иногда она появляется въ такихъ массахъ, что буквально закрываетъ при полетѣ солнечный свѣтъ. Были случаи передвиженій пѣшей саранчи черезъ полотно желѣзной дороги. Поѣзда врѣзывались въ эту плотную массу, скользили и, не будучи въ состояніи переѣхать черезъ маслянистый слой, останавливались, пока не расчищался путь... Если присмотрѣться, то среди саранчи попадаются особенно крупные экземпляры; это предводители саранчи, за которыми и двигается

вся армія. У насъ въ Туркестанѣ да и сюда въ Бухару командируются отряды для истребленія саранчи съ помощью апаратовъ Вермореля, прыскающихъ особой ядовитой французской зеленью. Но тутъ большой вопросъ, какъ велика польза, которую они приносятъ... Теперь стали опрыскивать мышьяково-кислымъ натромъ. Есть еще апараты Платца, Гомона и др.

— Когда то я здѣсь самъ былъ съ отрядомъ по истребленію саранчи, прервалъ наше молчаніе Д; въ этой самой комнатѣ пришлось прожить мѣсяца три. Было насъ трое или четверо; помню, скучали мы здѣсь ужасно.

Да вотъ кстати и слѣды нашего здѣсь пребыванія. Посмотрите на стѣну... Сейчасъ вамъ прочту... Это нашъ поэтъ тутъ все изображалъ свои впечатлѣнія расписывая стѣны за неимѣніемъ бумаги:

„Охотники на саранчу прибыли
И говорятъ, что всю саранчу истребили
Саранчу на арбы клали,
Дорогими коврами укрывали
Въ далекіе склады отправляли
Много прогонъ и суточныхъ получали
А саранчи по прежнему въ Гузарѣ летали...“

— Не правда ли характерно? и выводъ хорошъ...

А вотъ вамъ еще также интересная запись:

„Мы саранчу Бухарцевъ ради
Нещадно истребляемъ
Вездѣ парижской зеленью все поливаемъ
Начальство съ нами здѣсь, для устрашенія насъ,
Чтобъ мы его не забывали
И глядя на него сію же саранчу
Усерднѣй поливали!..“

— Много на это дѣло денегъ убито, а результатами все же мы похвастаться не можемъ и представьте себѣ: я каждый годъ передъ началомъ періода саранчи читаю проекты досужихъ туркестанцевъ, какъ истребить это зловредное насѣкомое. А проекты подчасъ бывали удивительные. Но обыкновенно прожектеръ, пользуясь иногда своимъ именемъ или положеніемъ, а иной и прямо сумѣвъ загипнотизировать начальство, ухитрялся провести свои проекты подъ шумокъ...

— Помню, однажды одинъ изъ такихъ рекомендовалъ для истребленія саранчи образовать особые куриные отряды. И что бы вы думали? Устроили! Обязали съ каждаго кишлака по числу душъ доставить куръ и, сформировавъ отряды, подъ начальствомъ особыхъ завѣдывающихъ высылали ихъ на войну съ саранчей.

— Какой же результатъ получился?—заинтересовался я.

— Да какъ вамъ сказать, результатъ можетъ быть для кого и хорошій. Куры начали ѣсть саранчу, отъ этого жирѣли, завѣдывающіе отрядами ѣли жирныхъ куръ и также жирѣли. Затѣмъ приказано было отряды упразднить. А населенію эта затѣя въѣхала въ копѣйку...

— Но чѣмъ же бороться противъ этого страшнаго бича?

Какія же должны приниматься мѣры?—спросилъ я, заинтересовавшись слышаннымъ.

Д. задумался.

— По моему единственныя мѣры, это розыскъ

и уничтоженіе заложенныхъ кубышекъ. Выполнить подобную мѣру можетъ только туземное населеніе, которое должно быть въ розыскахъ заинтересовано матеріально, напримѣръ, установленіемъ извѣстной денежной выдачи за каждый фунтъ доставленныхъ яицъ. При такомъ способѣ, навѣрное, количество саранчи быстро уменьшится, хотя, если присмотрѣться, то общее количество саранчи въ краѣ все же не увеличивается. Происходитъ это отъ того, что природа, сотворивъ ядъ, непремѣнно создавала одновременно съ этимъ и противоядіе; послѣднимъ являются вообще всѣ пернатыя, а по отношенію къ саранчѣ розовые скворцы. Интересно посмотрѣть, съ какимъ азяртомъ тучи этихъ маленькихъ птицъ ведутъ войну съ полчищами саранчи.

Въ началѣ вы видите, что собравшись большими стаями, розовые скворцы начинаютъ быстро вытягиваться въ воздухѣ почти правильными линіями, а затѣмъ линія за линіей устремляются на саранчу и съ налета бьютъ ее клювами, съѣдая при этомъ самое незначительное количество саранчи. Къ половинѣ дня каждый скворецъ, весь испачканный кровью и жиромъ саранчи, устало начинаетъ охорашиваться, а затѣмъ все стадо, быстро поднявшись, летитъ къ ближайшей водѣ и въ ней поднимается шумъ и плескъ моющихся птичекъ. Черезъ нѣсколько минутъ, обмывшись, напившись, стадо снова, не теряя ни минуты, набрасывается на своихъ враговъ и такъ цѣлый день отъ ранняго утра и до поздняго вечера. На другой день та же охота. Однимъ словомъ, тамъ, гдѣ вы замѣтите саранчу, въ этомъ же

мѣстѣ тотчасъ же увидите и стаю розовыхъ скворцовъ—они всегда вмѣстѣ.

— Это тюра все вѣрно разсказалъ, одобрительно поддакнулъ Мирза Саибъ, а только еще много саранчи чумали [1]) поѣдаютъ и яйца и самую саранчу.

— Старые люди мнѣ разсказывали, что чумали даже въ милость къ падишаху Сулейману (Соломону) попалъ за это.

Такая исторія была...

— А вы, Мирза Саибъ, знаете эту исторію?

— Знаю тюра.

— Это было очень давно, когда на всей восточной землѣ царствовалъ великій падишахъ Сулейманъ. Былъ онъ пророкъ Аллаха и, Аллахъ въ своей неизреченной милости даровалъ ему особую отъ всѣхъ людей награду. Онъ далъ ему возможность понимать языки всѣхъ птицъ, животныхъ и насѣкомыхъ и поэтому онъ могъ разговаривать со всѣми животными и былъ, такимъ образомъ, царемъ не только людей, но и всего живущаго на землѣ. И всѣ животныя признавали его царемъ и приходили къ нему съ жалобами и просьбами и говорили съ нимъ на одномъ ему понятномъ языкѣ и разбиралъ ихъ дѣла Сулейманъ.

И каждый, приходящій къ нему, приносилъ ему дары, кто что могъ и что считалъ лучшимъ изъ всего, имѣвшагося у него, и все принималъ Сулейманъ; благодарилъ одинаково и за кусокъ золота, и за драгоцѣнный камень и за ничтожное зерно проса. Пришлось разъ и маленькому чумали идти

[1]) Муравьи.

къ падишаху съ просьбой, но не имѣлъ онъ ничего, и по своимъ силамъ все же нашелъ возможность принести падишаху ногу отъ недавно убитой его родомъ саранчи. И милостиво, на ряду съ другими богатѣйшими дарами, принялъ Сулейманъ ничтожный даръ чумали и благословилъ его пророкъ Аллаха и приказалъ во вѣки вѣковъ помогать людямъ уничтожать яйца саранчи...

— Да, этотъ годъ очень плохой для Гузара, все съѣла она. Видно, прогнѣвался Аллахъ на здѣшнихъ людей. Какія здѣсь поля и какъ хлѣбъ хорошо прежде родился,—вздохнулъ онъ тяжко.

Дѣйствительно, Гузарское бекство принадлежитъ къ числу мѣстъ, особенно богатыхъ растительностью и плодородныхъ. Большое количество воды способствуетъ посѣвамъ зерновыхъ хлѣбовъ и въ особенности риса. Хотя въ то же время обиліе влаги на поляхъ производитъ почти постоянно сильные взрывы маляріи, что я самъ лично испыталъ на себѣ, почувствовавъ сильный приступъ лихорадки.

— Принимайте хину, да пожалуй еще аспирину или салициловки въ нее прибавьте, да и ложитесь,—уговаривалъ меня Д.

Все равно сегодня вѣдь не двинемся никуда, а завтра, если пройдетъ, выѣдемъ позднѣе...

Это прескверная болѣзнь, а здѣсь такъ она въ особенности часто бываетъ...

Я легъ и повернувшись къ стѣнѣ, тутъ-же воочію увидѣлъ подтвержденіе только-что высказаннаго мнѣнія. На бѣлой штукатуркѣ стѣны было на-

писано какое то четверостишіе. Заинтересовавшись, я взялъ свѣчку и прочелъ вслухъ:

„И мы, и нижніе чины
Давненько здѣсь всѣ проживаемъ
И въ семъ посольствѣ безъ вины
Отъ лихорадки изнываемъ...“

— Да,—задумчиво подтвердилъ мой спутникъ,— это вѣрно... Вѣроятно кто-либо изъ офицеровъ саперовъ или топографовъ, бывшихъ на работахъ оставилъ по себѣ память...





ГЛАВА VI.

Тенги-Хорамъ. Рѣка Кчи-Уру-Дарья. Встрѣчная почта въ горахъ. По горнымъ дорогамъ. Памятникъ строителямъ дороги Акъ-Робатъ.

Извиваясь, будто змѣя, несетъ свои мутныя воды не широкая, но многоводная рѣка Гузаръ-Су, по берегамъ который раскинулись привольно Гузарскіе кишлаки. Небольшія мельницы-толчеи для толченія риса и проса мѣрно постукиваютъ своими примитивными огромными толкачами, придѣлан-

ными къ коромысламъ, которыя приводятся въ движеніе водою.

Нѣсколько сартовъ сидятъ группами около мельницъ, ожидая своей очереди. Внимательно всматриваясь въ падающее зерно, держитъ въ рукахъ большой мѣшокъ помольщикъ, ничуть не претендуя на потерю времени, происходящую вслѣдствіе крайне несовершеннаго устройства толчеи. Далѣе, поскрипывая всѣми снастями, виднѣется мельница для размола привозимаго съ обширныхъ полей зерна въ муку. Тутъ дѣло идетъ немного живѣе. Грубо обтесанные небольшіе жернова изъ песчаника съ глухимъ ворчаніемъ размалываютъ муку; чудныя тяжеловѣсныя зерна пшеницы, падая между жерновами, превращаются въ темную крупную муку съ большой примѣсью песка и пыли.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гузара равнина окончилась и начались горы. Вначалѣ виднѣлись невысокія предгорья, среди которыхъ проложена была дорога. Глинистые холмы были покрыты зеленою травою, и стада барановъ и рогатаго скота привольно паслись на этихъ пастбищахъ.

— Много барановъ, скота,—указалъ намъ Мирза-Саибъ, нарушая молчаніе.

Потомъ въ Гузаръ на базаръ гонятъ продавать. Очень большой бараній базаръ тамъ бываетъ и нѣтъ его больше во всей Бухарѣ. Изъ Гиссара, Бальджуана и другихъ мѣстъ пригоняютъ на продажу скотъ, тысячи иногда 4—5 на базарѣ его бываетъ, и всѣ купцы изъ Бухары и Самарканда пріѣзжаютъ сюда для покупокъ.

А тамъ, указалъ онъ рукою на горы, за ними есть кишлакъ Башъ-Куртъ, очень много соли ломаютъ, и хорошая соль, бѣлая, какъ снѣгъ.

Являясь однимъ изъ самыхъ богатыхъ, Гузарское бекство орошается рѣкою Гузаръ-Дарьей и ея двумя притоками—Катта-Уру-Дарьей и Кчи-Уру-Дарьей, изъ которыхъ значеніе Гузаръ-Дарьи не особенно велико, такъ какъ, протекая въ крутыхъ и обрывистыхъ берегахъ, воды ея мало использованы для орошенія, давая жизнь лишь городу Гузару и нѣсколькимъ кишлакамъ, расположеннымъ по ея теченію. Зато оба притока составляютъ собою жизненныя артеріи края и своей массою воды орошаютъ многочисленныя долины, лежащія около нихъ.

Начинаясь подъ переваломъ Лянгари-Мурда, обѣ рѣки протекаютъ параллельно верстъ сто, имѣя направленіе на Западъ и отдѣляя собою Катта-Уру-Дарья хребетъ Ишакъ-Майданы отъ Чакъ-Чара, а Кичикъ-Уру-Дарья этотъ послѣдній отъ хребта Акъ-Робатъ.

Протекая по широкой долинѣ, при огромной массѣ воды, басейнъ ея съ многочисленными притоками, составляетъ собою самую населенную часть бекства, насчитывая до 45 кишлаковъ, расположенныхъ на ней, съ большою древесною растительностью и значительными площадями обработанной земли.

Не меньшее значеніе имѣетъ и Кчи-Уру-Дарья, протекающая по болѣе широкой долинѣ, въ которой еще пышнѣе разрослись сады въ многочисленныхъ и населенныхъ кишлакахъ, имѣющихъ видъ нѣкоторые мѣстныхъ городовъ.

Окрестныя горы съ мягкими склонами, удобные для богарныхъ посѣвовъ, покрыты травяною растительностью, благодаря чему весь этотъ край, населенный узбеками, съ давнихъ временъ являлся лучшимъ мѣстомъ, гдѣ укрывались шайки и отряды возставшихъ противъ правительства и эмира, вслѣдствіе чего рядъ возстаній въ прошломъ заставилъ его относиться особенно внимательно къ этому краю, поручаемому для управленія всегда одному изъ родственниковъ эмира.

Покрытыя арчевыми зарослями горы съ ревущими въ ущельяхъ горными ручьями были картинно красивы и просились на полотно художника.

Между тѣмъ, среди мягкихъ холмовъ стали попадаться каменистыя горы, дорога по которымъ была раздѣлана въ самой толщѣ скалы. Невысокіе парапеты, сложенные изъ обломковъ скалъ, ограждали края обрывовъ, предохраняя проѣзжающихъ отъ случайностей.

Кое-гдѣ среди горъ попадались небольшія долинки, разработанныя для посѣвовъ. Кишлаки, состоявшіе изъ двухъ-трехъ сакль, почти безъ всякой растительности, выглядывали какъ-то особенно уныло и бѣдно. И лишь кишлакъ Тенги-Харамъ, въ которомъ можно было насчитать не больше двухъ десятковъ сакль и два караванъ-сарая, имѣлъ видъ населеннаго пункта...

Въ сторонѣ отъ кишлака виднѣлась почтовая станція, бѣлыя высокія стѣны которой рельефно выдѣлялись среди общаго красноватаго фона почвы. Небольшая въ обыкновенное время рѣка Кчи-Уру-

Дарья извивалась по дну, каменистаго ущелья. Вокругъ по берегамъ разбросаны были обломки скалъ, придававшіе дикую прелесть горному пейзажу.

Вотъ теперь, какъ здѣсь переправляться способно,—обернулся ямщикъ.

— А лѣтомъ не приведи Богъ. Маленькая рѣченка, а какъ пойдетъ, просто страсть. Такъ вода и претъ, каменища съ человѣка ростомъ тащитъ; тогда переѣхать здѣсь просто бѣда... Того гляди, лошадей собьетъ, и пиши пропало.

— А несчастья бываютъ когда?

— Бываютъ...

Думаешь, малая сила воды, ну и поѣдешь, анъ глядишь, вода то и снесла. Въ прошломъ году ямщика обратнаго унесло. Пьяный онъ былъ. Такъ потомъ тройку то ниже верстъ за 15 нашли. Бричку, какъ между жерновами, всю какъ есть по камнямъ истолкло. Ну, и покойнаго тѣло также шибко побито было. И правду то вамъ сказать—не сообразишь здѣсь никакъ съ водою, ѣдешь, глядишь, ровно какъ и воды мало, и въѣдешь въ русло то спокойно, а проѣхалъ нѣсколько саженъ, вдругъ откуда ни возьмись, валомъ повалитъ вода съ камнями. Коли успѣлъ выбраться, твое счастье, а то пропадать придется.

Теперь, какъ выѣдемъ, сейчасъ подъемъ начнется...

Сравнительно довольно быстро мы поднялись на вершину хребта, достигающаго въ этихъ мѣстахъ до 5 т. футовъ. Съ вышины открывался видъ на сосѣдніе хребты, кое-гдѣ покрытые небольшими за-

рослями арчи и кипарисовъ. Въ общемъ видно было по всему, что начиналось полное безлюдье, и лишь по тракту были разбросаны одинокія сакли, въ которыхъ узбеки проводятъ время на зимовкахъ, откочевывая въ горы съ первыми теплыми лучами весенняго солнца.

Перегонъ между станціями казался безконечнымъ: то поднимаясь на горы, то спускаясь опять въ долины, шла почтовая дорога, проложенная въ толщахъ скалъ. Благодаря неудобству сидѣнія въ крохотной горной бричкѣ, чувствовалась страшная усталость.

Гдѣ-то далеко за поворотомъ дороги слышался какой-то шумъ и грохотъ.

— Это почта гонитъ,—разсѣялъ наше недоумѣніе ямщикъ.—Встрѣчная. Да и кажись, на двухъ тройкахъ...

Между тѣмъ, дорога поднималась зигзагами на высокій перевалъ. Съ одной стороны небольшой парапетъ въ полъ-аршина отдѣлялъ ее отъ безконечнаго обрыва, съ другой поднималась кверху отвѣсная стѣна скалы.

— А вѣдь мы этакъ не разъѣдемся,—обезпокоился Д.

— Чертъ знаетъ, развѣ можно такъ ѣхать подъ гору. Прямо летятъ какъ сумасшедшіе,—указалъ онъ на мелькнувшую гораздо выше насъ на поворотѣ тройку, быстро спускавшуюся внизъ.

— Не извольте безпокоиться, мы больше лѣвой стороны къ скалѣ придержимся, и они насъ тогда и минуютъ. Здѣсь дорога широкая, разъѣхаться можно,—успокоилъ насъ ямщикъ.

Черезъ нѣсколько времени изъ-за поворота разомъ вынеслась бѣшено мчавшаяся тройка, а за ней другая. Съ громомъ и какимъ то завываніемъ пронеслись онѣ мимо насъ, едва не задѣвъ колесами нашей телѣжки.

— Даже въ ушахъ зазвенѣло,—жаловался, все еще не могшій оправиться Д.

— Вѣдь если по несчастью слетитъ колесо или лошадь упадетъ, у нихъ вѣдь костей тогда при такой ѣздѣ не соберешь...

— Это точно... А только у насъ и лошади и ямщики привычные... Ну, гонятъ, потому дѣло срочное: въ 40 часовъ почта-то отъ Самарканда до Термеза дойти должна, а коли опоздаешь, такъ больно штрафами и ямщика и старосту донимаютъ. Ну, и ѣдешь, какъ можно шибче. Коли ямщикъ смѣлый, такъ ничего не случится. Знай, только смотри за лошадьми.

— Да вѣдь по правиламъ тормозить полагается?..

— Тормозить?—удивленно переспросилъ ямщикъ.

— Коли тормозить на каждой горѣ, то такъ и въ недѣлю до Термеза не доѣдешь. Да у насъ не у всякой траншанки-то тормазъ имѣется. На этомъ перегонѣ горы-то страсть высокія, да и на слѣдующей станціи то же самое, а дальше ужъ куда ровнѣе мѣсто, хотя и тамъ есть подъемы, но меньше. Здѣсь мѣстами, когда я только что заступилъ ямщикомъ, ѣдешь, бывало, и думаешь: „Господи, никакъ на самыя небеса подыматься придется“, а въѣхалъ—ничего...

Ямщикъ сказалъ правду.

Съ обѣихъ сторонъ надвигались огромныя горы, каменистыя, угрюмыя и совершено пустынныя. Хребты одинъ другого выше, вырисовывались вдали, гдѣ самая высокая цѣпь на востокѣ сливалась съ горизонтомъ. Тучи низко нависли надъ горами. Мѣстами горныя вершины поднимались несравненно выше облаковъ, которыя образовали на нихъ туманный поясъ, за которымъ нельзя было видѣть... Ни человѣка, ни звѣря не было видно на склонахъ этихъ каменныхъ сѣрыхъ громадъ.

Мы ѣхали по дорогѣ, сплошь высѣченной въ скалѣ. Извиваясь по крутизнамъ, начались опять витушки, по которымъ спускалась наша тройка, ямщикъ, помня приказаніе, ѣхалъ осторожно и, не; смотря на это, мы чувствовали себя скверно. Гдѣ то далеко-далеко въ самомъ низу горы бѣлѣлись зданія Акробатской станціи. Вокруъ шли мраморные сѣрые склоны, составлявшіе собою весь массивъ горъ. Сплошныя стѣны около дороги, обдѣланныя рукою человѣка, искрились на солнцѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сглаженныя паденіемъ водъ, блестѣли, какъ полированныя.

— Не правда ли, какая огромная работа была выполнена саперами? Только проѣхавъ по этой дорогѣ, понимаешь этотъ гигантскій трудъ, обошедшійся государству въ какіе то гроши. Вѣдь поручите выполнить такіе работы инженерамъ, да прикиньте ихъ по техническимъ смѣтамъ, такъ въ итогахъ окажутся десятки милліоновъ, а здѣсь вся дорога обошлась въ вѣсколько десятковъ тысячъ.

Недалеко гдѣ то тутъ надпись есть, кто строилъ

этотъ дьявольскій участокъ... Я всегда съ уваженіемъ прочитываю ее и снимаю шапку въ знакъ почтенія передъ этимъ колоссальнымъ трудомъ.

Дѣйствительно, сдѣлавъ два-три поворота по витушкѣ, мы поровнялись съ совершенно гладкой мраморной стѣной, на которой было углубленными буквами выбито:

„Участокъ дороги разработанъ гальванерами Туркестанскаго сапернаго баталіона въ 1900 году".

Какъ многозначительна и въ тоже время какъ скромна эта надпись!..

Профессіональный инженеръ непремѣнно бы въ назиданіе потомству началъ бы съ того, что упомянулъ бы всѣ титулы, чины и званія, отличія строителя, его имя, отчество и фамилію, а скромный саперный подпоручикъ, имя котораго должно быть по справедливости занесено въ исторію развитія края, лишь скромно указалъ на ту воинскую часть, которая здѣсь трудилась, не отдѣляя въ то время своего личнаго труда отъ остальныхъ такихъ же скромныхъ героевъ...

„Главное имя части—разсуждалъ, вѣроятно, производитель работъ.—Лишь бы баталіонъ, мундиръ котораго я ношу, жилъ бы во вѣки"...

Есть передъ чѣмъ снять шапку!!

— Эхъ, лишь бы намъ до Дербента добраться засвѣтло, дальше ужъ не поѣдемъ сегодня,—сказалъ Д.

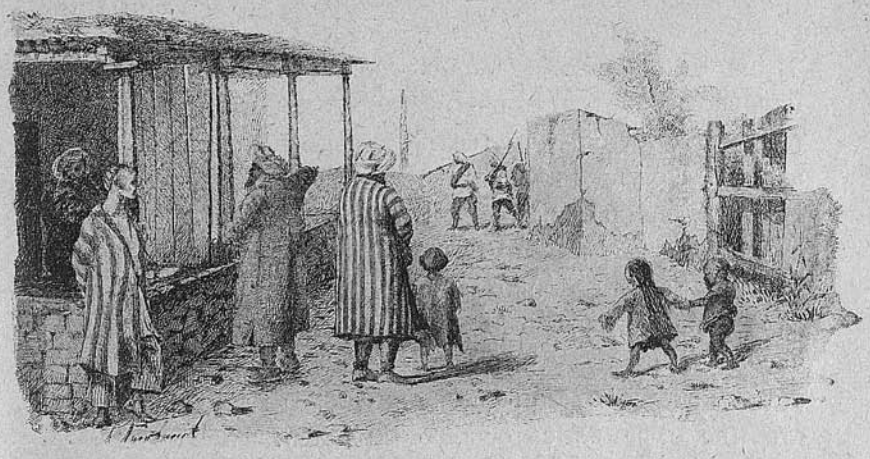
— Еще шею сломаешь на такой дорогѣ. Лучше заночуемъ, тамъ кстати есть что посмотрѣть: почти рядомъ со станціей развалины древняго города Дербента.

Лучи заходящаго солнца какъ то особенно ярко посылали свой свѣтъ въ узкое ущелье, черезъ которое проходила дорога. Желтоватыя солнечныя пятна выдѣлялись на темномъ фонѣ скалъ, придавая имъ порою какія-то фантастическія очертанія. Въ долинахъ начало уже темнѣть. Густой туманъ поднимался кое-гдѣ надъ ущельями, закрывая ихъ будто темною непроницаемою пеленою. Внизу разстилалась небольшая долина, отъ которой начиналось вправо какое то страшно узкое и мрачное ущелье, у входа въ которое виднѣлись темными абрисами какія-то постройки, а невдалекѣ на горкѣ стояло сѣрое зданіе почтовой станціи Дербентъ.

Мы пріѣхали на ночлегъ...

Съ рѣзкимъ скрипомъ распахнулись передъ нами желѣзныя ворота и, пропустивъ нашъ экипажъ во дворъ, съ шумомъ были снова заперты.





VII.

Дербентъ. Желѣзныя ворота Тамерлана. Развалины мечетей и крѣпости. Разрушеніе исторической мечети и постройка изъ нея станціи. Опасный случай.

Когда то Дербентъ принадлежалъ къ числу старинныхъ городовъ края, являясь въ тоже время крѣпостью, которая закрывала доступъ въ Гузарскій и Шахризябскій оазисы съ юга... Самый городъ расположенъ былъ верстахъ въ 12 отъ теперешней почтовой станціи и находился при входѣ въ узкое Дербентское ущелье, по которому проходила караванная дорога изъ Ширабада въ Самаркандъ. Но въ настоящее время отъ крѣпости лишь остались развалины валовъ и груды мусора отъ выѣтрившагося кирпича и камня, изъ котораго были построены башни крѣпости. Громадной вышины

хребетъ господствуетъ надъ всею мѣстностью. Этотъ перевалъ зовется Кара-Биткакъ, а ниже его какъ разъ находится ущелье Бузгана, т. е. желѣзныя ворота. По ущелью протекаетъ ручей Бузгана-Хана-Булакъ, впадающій въ Ширабадъ-Дарью.

На этомъ мѣстѣ Тимуръ построилъ крѣпость, рѣшивъ окончательно предохранить населеніе отъ случайныхъ набѣговъ безпокойныхъ сосѣдей, для чего въ ущельѣ сдѣлалъ массивныя желѣзныя ворота, которыя закрывали входъ въ долину и постоянно охранялись особою стражею. Такимъ образомъ, пройти прямо черезъ хребетъ было нельзя, а желѣзныя ворота охранялись днемъ и ночью сильнымъ отрядомъ отборныхъ войскъ. Кромѣ значенія укрѣпленнаго пункта, желѣзныя ворота имѣли также назначеніемъ быть заставою, гдѣ съ проѣзжающихъ купцовъ взималась пошлина, дававшая правительству значительный доходъ.

Неоднократно владѣтели Узбекистанскіе, собравшись большими силами, подходили къ желѣзнымъ воротамъ, желая проникнуть внутрь Шахризябско-Гузарскаго оазиса, но всѣ попытки даже и неожиданныхъ нападеній оканчивались обыкновенно полною неудачею. Движенія же цѣлыхъ отрядовъ черезъ высокіе горные перевалы оказывались совершенно невозможными, такъ какъ высота горъ здѣсь достигаетъ до 7 т. футовъ, самое же ущелье имѣетъ около двухъ верстъ, длины, при ширинѣ отъ пяти до двадцати саженъ.

По сообщенію Гонзалеса де Клавихо, посѣтившаго эти мѣста въ 1403 г., Дербентъ былъ зна-

чительнымъ городомъ, съ обширной территоріей, ему принадлежавшей, которая славилась своими отличными скакунами.

Въ позднѣйшій періодъ Дербентъ образовалъ независимое владѣніе, управлявшееся наслѣдственнымъ миромъ, признававшимъ лишь главенство Шахризябскаго владѣтеля. Но, со смертью послѣдняго мира, Сафаръ-Бека, Дербентъ былъ присоединенъ къ Бухарскимъ владѣніямъ и, придя въ полный упадокъ, затѣмъ вошелъ въ составъ Байсунскаго бекства. Въ настоящее время отъ прежней славы города осталось лишь одно воспоминаніе и вмѣсто него невдалекѣ отъ стараго городища появился большой кишлакъ, въ которомъ проживаетъ мѣстный амлекдаръ.

Около самой Дербентской почтовой станціи, при выходѣ изъ ущелья на небольшой долинѣ виднѣются развалины Дербентской крѣпости, состоящей изъ огромныхъ воротъ съ аркою изъ жженаго кирпича, имѣющей слѣды облицовки глазурованными цвѣтными кирпичами, и грандіозной мечети изъ жженаго кирпича, также имѣвшей раньше облицовку. Вокругъ на значительномъ пространствѣ видѣнъ четырехугольникъ стѣнъ съ башнями по угламъ и большимъ количествомъ остатковъ фундаментовъ, бывшихъ подъ зданіями, которыя стояли около мечети построенной Абу-Муслимомъ. Легкая воротная арка еще совершенно цѣла, красиво перекинувшись между масивными воротными устоями, въ толщѣ которыхъ виднѣются остатки лѣстницъ и небольшія окна помѣщеній. Мечеть еще почти

вся сохранилась и лишь небольшой обвалъ въ куполѣ нарушаетъ цѣлость впечатлѣнія. Построенная на массивныхъ сводахъ, мечеть эта имѣетъ очень большіе размѣры и, повидимому, соединялась съ цѣлою системою зданій, отъ которыхъ въ настоящее время остались двѣ-три сводчатыя же постройки... Своды мечети страшно закопчены и сильно вывѣтрились... Передъ входными воротами виднѣются слѣды когда то раздѣланной широкой дороги, которая ведетъ въ ущелье. Вокругъ еще видны остатки системы арыковъ, доставлявшихъ воду. Все заросло колючкою и бурьяномъ и лишь совы и летучія мыши, массами живущія въ мечети, являются въ настоящее время обитателями этихъ интересныхъ развалинъ.

Мы вышли на середину городища.

Впереди, будто уходя въ небо, поднимались огромныя горы, покрытыя въ это время года снѣгами. Арчевыя лѣса покрывали гребни нѣкоторыхъ хребтовъ, спускавшіеся къ долинѣ страшными крутизнами. Сѣрыя скалы вывѣтрившихся породъ придавали общему виду долины особенно дикій и безотрадный видъ. Каменныя громады, нависнувъ на головоломныхъ высотахъ, какъ будто давили своею тяжестью.

Рокоча, вырывался изъ темнаго ущелья ручей, переливаясь черезъ покрытые мхомъ камни.

Темныя тучи, быстро несшіяся по небу, и мелкій дождикъ, моросившій какъ сквозь сито, еще больше наводили на грустныя мысли.

Увязая въ жирномъ лесѣ, мы съ трудомъ под-

нимались на горку, на которой была построена почтовая станція. Внизу въ долинѣ остались развалины, казавшіяся еще мрачнѣе.

— Лѣтъ десять тому назадъ я здѣсь проѣзжалъ, такъ все было иначе и развалины были больше. Еще стояли другія ворота. Сохранилась, какъ помню, и часть башни, а также и другія постройки,—заговорилъ мой спутникъ.

Но все это кто-то призналъ совершенно ненужнымъ и съ чьего согласія, не знаю, но рѣшено было разбирать эти развалины, а цѣлый кирпичъ обратить на постройку Дербентской станціи, и такимъ образомъ почтовая станція эта, пожалуй, является во всей Россіи въ своемъ родѣ единственной, такъ какъ построена изъ тысячелѣтняго кирпича. А жаль, что для археологіи постройки эти пропали. Не знаю даже, удалось-ли кому-либо сдѣлать фотографическіе снимки ихъ въ прежнемъ видѣ. Правда сказать, меня всегда глубоко возмущаетъ такое варварское отношеніе къ сѣдой старинѣ, какой бы народности она не принадлежала...

Однако, ужъ и наши люди готовы, можемъ двигаться дальше...

Пока мы устраивались и усаживались поудобнѣе, около тройки хлопотало нѣсколько человѣкъ, державшихъ и оправлявшихъ лошадей.

— Ну, съ Богомъ. Пошелъ!

Руки державшихъ опустились и тройка, подхвативъ прямо съ мѣста карьеромъ, помчалась внизъ подъ гору. Съ трескомъ пролетѣли мы черезъ мостъ и понеслись по дорогѣ, разбрасывая колесами комья грязи...

— Это чертъ знаетъ что такое,—услышалъ я, наконецъ, голосъ моего спутника.

— Держи лошадей... Ямщикъ, держи лошадей! Каналья!—началъ онъ кричать, схвативъ ямщика за плечи и тряся его немилосердно.

Но отъ этого крика лошади не останавливались, и мы мчались стремительно внизъ. Лѣвая пристяжка порою вскидывала задними ногами, кидалась въ сторону и ложилась на коренника.

Однако, вѣдь это пахнетъ смертью, мелькнула у меня мысль.

— Помогайте ямщику,—крикнулъ Д., схватывая въ то же время часть возжей.

Соединенными усиліями, послѣ страшнаго напряженія, мы наконецъ остановили тройку. Лошади, храпя, остановились...

— Что же это ты такой-сякой убить насъ хочешь!? взволнованнымъ голосомъ заговорилъ Д.

— Ѣздить не умѣешь, а ямщикомъ берешься быть.

— Не моя въ томъ вина, ваше благородіе, потому, запрегъ староста новую лошадь и сказываетъ—вези... У насъ завсегда ихъ по тракту, какъ купятъ, сразу въ трашпанку запрягаютъ. Лошади больше смирныя.

— Хороши смирныя, я вотъ на твоего старосту жалобу запишу.

— Это какъ ваша воля, а только наше дѣло сторона: приказали—вези, я, значитъ, и ѣду.

Лошадь, немного утомившаяся, сдѣлалась сравнительно спокойнѣе...

Мы тронулись...

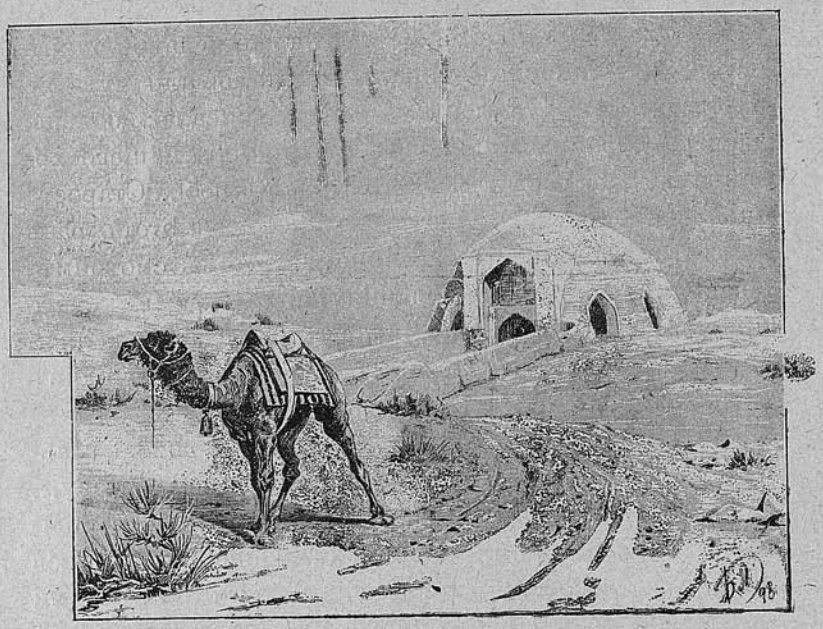
— Ты только изволь шагомъ ѣхать—я вовсе не хочу голову ломать.

— Это очень просто... У насъ тоже недавно одинъ пассажиръ-чиновникъ ѣхалъ, такъ лошади чуть не разбили его... Жалобу въ книгу писалъ; больше десятка страницъ исписалъ. Ужъ такъ нашего хозяина тракта раздѣлалъ, что просто любо. Староста очень одобрялъ... Думали мы, что на этотъ разъ быть бѣдѣ... Доймутъ хозяина... Потомъ смотримъ, мѣсяца черезъ два резолюція начальника почтоваго пришла: „за содержаніе на трактѣ необъѣзженной лошади оштрафовать, говоритъ, Рудометкина на одинъ цѣлковый“.

Между тѣмъ, горы сдѣлались замѣтно ниже, главный горный хребетъ сталъ отклоняться къ востоку... Скалы постепенно исчезали, и вмѣсто нихъ выдвигалась передъ нами невысокая горная цѣпь, вся покрытая лесовой почвой съ рѣдкими зарослями арчи. Небольшія и сравнительно пологія витушки разнообразили дорогу, которая постепенно видимо спускалась съ горъ въ долину, пересѣкая уже невысокія предгорья.

— Скоро кишлакъ Сайрабъ будетъ. Вотъ ужъ гдѣ мы чаю вволю напьемся. Лучше воды нѣтъ по всему тракту, какъ тамъ. Да и остановимся не на станціи, а у амлекдара; знакомый онъ мнѣ давно.

Сдѣлавъ нѣсколько верстъ, мы спустились еще ниже, и передъ нами открылся видъ на большой кишлакъ, окруженный густою древесною растительностью. Высокія хребты съ обѣихъ сторонъ закрывали эту долину, среди которой ярко блестѣла небольшая рѣка, по всѣму теченію которой на далекое разстояніе виднѣлись обработанныя поля и сакли.



VIII.

Сайрабъ.—Школа въ дуплѣ дерева.—Преданія о пророкѣ Али-Львѣ Божьемъ и его чудесной лошади.—Священныя рыбы. Туземныя женщины и ихъ положеніе.—Мусульманское законодательство въ отношеніи женщины.

Гигантскіе развѣсистые чинары тѣсною группою, будто стремясь ближе другъ къ другу, столпились на небольшомъ пространствѣ, покрывая своею тѣнью хрустальныя воды широкаго бассейна, изъ котораго, журча и гремя, выливается небольшой ручей. Бѣлые стволы лѣсныхъ великановъ рельефно выдѣ-

ляются изъ темной, густой листвы. Въ одномъ изъ чинаровъ огромное дупло, идущее отъ самаго корня и приспособленное, вѣроятно, въ очень отдаленныя времена, подъ помѣщеніе мактаба или туземнаго народнаго училища.

Отчеканивая въ одинъ голосъ слова корана, дружно выкрикиваютъ ихъ десятокъ мальчугановъ, сидящихъ на кошмахъ съ листкомъ бумаги и туземными, тростниковыми перьями, въ рукахъ.

Сѣдобородый мулла-учитель, вооруженный длинною палкою для понужденія лѣнивыхъ и невнимательныхъ учениковъ, посматривая зорко сквозь круглые большіе очки, рукою дирижируетъ размѣръ произносимыхъ словъ. Рѣзкій ударъ палкою по плечамъ или головѣ провинившагося порою врывается диссонансомъ въ ритмическое выкрикиваніе малышей.

Много сотенъ, а можетъ быть тысячъ учениковъ прошли черезъ это учебное заведеніе, имѣющее такое, съ европейской точки зрѣнія, оригинальное помѣщеніе.

— Какъ ни говорите, а картина своеобразная,— нарушилъ наше молчаніе Д.

Для многихъ въ Россіи покажется прямо невѣроятнымъ, что въ дуплѣ дерева вмѣсто какой-нибудь совы, которая должна въ немъ проживать, оказывается училище съ десяткомъ, если не больше, учащихся.

— Какъ здоровье муллы?—привѣтливо обратился онъ по-сартовски къ учителю.

— Милостью Аллаха я здоровъ, тюра, и въ

дѣлахъ всѣхъ моихъ есть благополучіе, благодаря особому покровительству Хозрета-Али...

Да благословенно будетъ его имя!

— Вотъ кстати случай намъ услышать преданія о пребываніи въ здѣшнихъ мѣстахъ брата пророка Магомета Али...

— Это интересно. Присядемъ...

Устроившись на кошмѣ и черезъ минуту получивъ отъ гостепріимнаго хозяина по чашкѣ чая, мы разговорились съ муллою, оказавшимся крайне словоохотливымъ человѣкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже сообщилъ намъ всѣ подробности своего бытія, протекшаго почти все время здѣсь въ Сайрабѣ.

— Отецъ мой также былъ муллою и также какъ и я, училъ въ этомъ же мактабѣ, и его отецъ занимался тѣмъ же дѣломъ, тюра; уже давно одно поколѣніе нашего рода смѣняло другое, и всѣ жили въ этомъ же дуплѣ вѣкового чинара. Чинаръ этотъ старъ, такъ старъ, что тюра даже, вѣроятно, не можетъ себѣ представить, сколько ему лѣтъ.

Когда давно, очень давно, больше 800 лѣтъ тому назадъ, пришелъ сюда племянникъ пророка Магомета Левъ-Божій-Али, мѣсто было все пустое вокругъ; лишь угрюмыя мертвыя скалы окружали долину. Зноемъ дышала земля и, накаляя камни, свѣтило искрясь наше горячее солнце. Усталый подъѣхалъ Божій Левъ къ склонамъ этихъ горъ, разсчитывая здѣсь найти мѣсто для отдыха. Уже давно, обманывая его взоръ, мерещился ему богатый кишлакъ, окруженный деревьями съ колод-

цемъ холодной воды, изъ котораго могъ бы утолить свою жажду усталый путникъ и напоить своего рѣзваго коня... Раздувая ноздри и изгибая свою благородную шею, шелъ шагомъ его конь Дюль-Дюль, и отъ этого шага вздрагивали всѣ окрестныя горы. Но въѣхалъ въ эту долину Али, и блеснулъ разочарованіемъ его взоръ: не видно нигдѣ было колодца...

— И разсердился Божій Левъ на горы, обманувшія его взоръ.

— Извлекъ онъ быстро мечъ изъ ноженъ и ударилъ имъ по вершинѣ высокой горы. Вонъ той самой, что стоитъ надъ кишлакомъ. Разрубилъ мечомъ всю толщу скалъ и глубоко взошелъ онъ въ землю.

— Захотѣлъ Аллахъ утѣшить любимца своего, и вдругъ забилъ ключъ, изъ разщелины, сдѣланной мечемъ, и потекла вода въ хаузъ, образовавшійся въ землѣ отъ ступней ногъ святого. И разомъ поплыли рыбы по бассейну, играя на солнцѣ и славя могущество Аллаха. Склонился Али къ водѣ, напился, и исчезла усталость; поднялся онъ и къ изумленію видитъ, что вокругъ хауза выросли огромные, вотъ эти самые, чинары, закрывая его отъ палящихъ солнечныхъ лучей.

— И видя такую милость Божью, тутъ же далъ клятву Али Всемогущему уничтожить во всѣхъ здѣшнихъ мѣстахъ невѣрныхъ язычниковъ, склонивъ ихъ непокорныя головы къ подножію престола Аллаха и заставивъ ихъ признать истину, возвѣщенную людямъ черезъ пророка Магомета. Возблагодаривъ Аллаха за его милости, сѣлъ Божій Левъ

на своего Дюль-Дюля, вынулъ мечь и уже затѣмъ не вкладывалъ своего меча въ ножны всю жизнь, посвятивъ ее согласно данному обѣщанію на борьбу съ невѣрными.

И расцвѣлъ Сайрабъ!

— Пришли люди, заселили пустыню, охраняя святой родникъ со святою водою и священными рыбами. Густо разрослись вѣковые чинары, давая тѣнь усталымъ путникамъ, проходившимъ мимо.

И ожила пустынная долина во славу Аллаха Милосерднаго, Милостиваго.

Выйдя изъ дупла дерева, мы подошли къ бассейну, занимающему около 40 ш. длины и 15 ширины. Свѣтлая, какъ хрусталь, вода выбивалась сильною струею. Цѣлыя тысячи форелей, нѣкоторыя очень значительной величины, медленно двигались сплошною массою въ прозрачной водѣ, видимо совершенно не боясь людей и не обращая на наше приближеніе никакого вниманія.

Мулла, разломивъ лепешку на небольшіе куски, что то бормоча себѣ подъ-носъ, началъ бросать ихъ въ воду. Разомъ всѣ стаи всплеснулись и подплыли къ мѣсту, гдѣ падалъ хлѣбъ. Цѣлая стѣна рыбьихъ головъ, въ ожиданіи пищи, смотрѣла на насъ своими внимательными глазами, вырывая другъ у друга крошки, и, плеская хвостами, устремлялась за падавшимъ кормомъ.

Къ задней сторонѣ бассейна примыкала стѣна казеннаго двора амлекдара, гдѣ, сѣвъ на террасѣ, мы долго любовались этимъ святымъ, по вѣрованію туземцевъ, мѣстомъ.

Племянникъ пророка Магомета, Халифъ-Али, стяжалъ себѣ славу во всемъ мусульманствѣ своей замѣчательной храбростью... Достигнувъ престола и сдѣлавшись Халифомъ, четвертымъ по счету, онъ съ огнемъ и мечемъ, пронесся со своими войсками по пріамударьинскимъ странамъ, построивъ, какъ говоритъ преданіе, городъ Ширабадъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи мѣстомъ его самыхъ замѣчательныхъ подвиговъ... На одной изъ скалъ въ горахъ, окружающихъ Сайрабъ, говорятъ, есть надпись, на которой древнимъ начертаніемъ высѣчено:

„Здѣсь былъ Божій Левъ Али Божій любимецъ".

Личность его была настолько велика и обаятельна, что имя Али сдѣлалось особенно популярнымъ среди мусульманъ, которые во всѣхъ трудныхъ случаяхъ призываютъ его имя, восклицая: „Я, Али"! (о Али"!).

Цѣлый рядъ святыхъ сотрудниковъ знаменитаго Халифа покоится въ Сайрабѣ. Невысокій холмъ, на которымъ расположено древнее кладбище, отстоитъ въ сотнѣ саженяхъ отъ источника.

Вывѣтрившіяся надписи на плитахъ указываютъ на довольно отдаленныя даты, а двѣ огромныя плиты изъ песчанника съ арабскимъ орнаментомъ подтверждаютъ древность этихъ могилъ. Полуразрушенный мазаръ на могилахъ, построенный сравнительно недавно, придаетъ какую то особую унылость всему кладбищу... Вода въ священномъ бассейнѣ не теплая, а скорѣе горячая. Дѣйствіе ея крайне цѣлебно, по вѣрованію туземцевъ, при всякихъ глазныхъ болѣзняхъ.

И идутъ сюда страждущіе, промывая свои болящіе, гноящіеся глаза, и, получивъ облегченіе благодаря промыванію чистой водою, уходятъ, разнося славу источника по окрестнымъ бекствамъ.

Порою появляются въ Сайрабѣ проходящія воинскія части, командированные по дѣламъ службы офицеры, топографы и, пользуясь прохладою тѣнистыхъ чинаровъ, отдыхаютъ здѣсь, вырѣзая порою на ихъ корѣ даты о своемъ пребываніи.

— Обратите вниманіе, какъ велико стремленіе къ извѣстности,—указалъ Д. на самый большой чинаръ, весь покрытый надписями на мусульманскомъ и русскомъ языкахъ.

— Да и на стѣнахъ здѣсь немало исписано.

Вотъ, напримѣръ, кто то даже стихи написалъ:

Сайрабъ! я былъ неоднократно
Въ твоей простой Ильчи-Ханѣ,
И мнѣ всегда было пріятно
Здѣсь отдохнуть сутки однѣ.
Хоть ты не красенъ досторханомъ,
Не важны чай, шурпа и пловъ,—
Зато въ другомъ во всемъ я ханомъ
Себя здѣсь чувствовать готовъ.
Здѣсь тишина кругомъ, все мило...

Да, это вѣрно... Красивый уголокъ, что и говорить.

Вытекая изъ горъ Байсунъ-Тау, прорѣзая цѣлый рядъ хребтовъ, извивается рѣка Ширабадъ-Дарья, носящая названіе у Дербентскихъ горъ Дербентъ-Дарьи. Проходя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черезъ соленые пласты горныхъ массивовъ, воды Ширабадъ-Дарьи впитываютъ въ себя массу соли, благодаря

которой вода въ зимнее время при маловодьи имѣетъ сильный горько-соленый вкусъ.

По сторонамъ дороги отъ Сайраба тянутся высокіе, мягкіе холмы, являющіеся удобными мѣстами для богарныхъ [1]) посѣвовъ. Кое-гдѣ дорогу пересѣкаютъ горные ручьи, съ свѣтлою, немного соленоватою водою. За исключеніемъ Сайраба и Ширабада на разстояніи ста пятидесяти верстъ мѣстность вся пустынна, и на этомъ участкѣ дороги встрѣчаются лишь незначительные кишлаки-поселенія: Мунчъ, Игерчи и Шады-Бай.

Изрѣдка мелькаютъ въ долинахъ юрты кочевыхъ узбековъ и киргизовъ, около которыхъ виднѣются почти всѣ обитатели, вышедшіе на звонъ колокольчика. Въ длинныхъ халатахъ, увѣшанныхъ массою серебряныхъ побрякушекъ и украшеній, иногда мы видимъ туземныхъ женщинъ, съ большимъ любопытствомъ разсматривающихъ проѣзжихъ урусовъ. Брюнетки, съ темными глазами и большими, рѣзко очерченными бровями, молодые, въ общемъ довольно миловидны... Полное отсутствіе покрывалъ и не закрытыя ими лица вызываютъ мое невольное изумленіе.

— Здѣсь, въ этой части Бухары, женщины не закрываются... Можетъбыть,—отъ того, что населеніе здѣсь киргизское и не усвоило нѣкоторыхъ правилъ по отношенію женщинъ, которыя пользуются относительно большою свободою; вѣроятнѣе же, что на нихъ имѣли вліяніе авганцы, не при-

[1]) Богарными землями называются земли, не требующія искусственнаго орошенія, благодаря выпадающимъ дождямъ

знающіе этого правила обязательнымъ для себя. Вѣдь вообще по отношенію востока нужно сказать, что женщины здѣсь прежде, до Магомета, были совершенно свободны, и исторія въ этомъ отношеніи сохранила намъ много именъ, какъ напримѣръ, Балкисъ, царица Савская, жившая во время Соломона и покорившая сердце этого царя. Еще раньше гремѣло имя царицы Шамурамет, по-нашему— Семирамиды.

Даже у арабовъ, жившій гораздо раньше Магомета арабскій поэтъ Анторъ воспѣвалъ высокія нравственныя качества своей соотечественницы Аблы, добродѣтель и умъ которой онъ ставилъ въ образецъ всѣмъ мужчинамъ. Затѣмъ, со времени проповѣди Магомета начинаетъ входить въ жизнь закрываніе женщинами лицъ. Хотя это еще не служитъ доказательствомъ, что женщина на востокѣ безправна. Мало знакомые съ Азіей дѣлаютъ такой выводъ, считая, что многоженство уничтожаетъ всѣ права женщинъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности мнѣніе это крайне ошибочно. Большинство у насъ думаетъ, что замужняя мусульманка безотвѣтная невольница своего повелителя-мужа. Намъ трудно представить себѣ мусульманина иначе, какъ окруженнаго десяткомъ или больше купленныхъ женщинъ, всегда готовыхъ повиноваться его волѣ и даже капризамъ. Большинство считаетъ, что мусульманская женщина не имѣетъ никакихъ правъ, что мужъ смотритъ на нее какъ на вещь, которую можно отбросить, какъ только она становится непригодною. Цѣлый рядъ писателей увѣряетъ, что Магометъ не

признавалъ у женщинъ души, въ силу чего и рай закрытъ для нихъ. Но, всмотрѣвшись внимательно въ живую жизнь, можно признать, что все это ошибочныя мнѣнія, появившіяся по незнанію еще почти со временъ крестовыхъ походовъ.

— Неужели же все это обстоитъ иначе?

— Да, и представьте себѣ, что мусульманинъ покупаетъ себѣ жену, совершенно такимъ образомъ, какъ у насъ женщина покупаетъ себѣ мужа, принося ему приданое. У насъ, значитъ, платитъ женщина, у мусульманъ мужчина.

— И уплаченная вся сумма „калымъ“ остается собственностью не родителей, а самой женщины... Выйдя замужъ, она находится въ совершенно такихъ же отношеніяхъ къ мужу, какъ и у насъ, съ тою лишь разницею, что каждый шагъ, каждое дѣйствіе мужа точно опредѣляется правилами шаріата. По существу трудно сказать, какая форма брака лучше. Здѣсь все начистоту. Многоженство узаконено... А у насъ, у насъ чуть не каждый мужъ на сторонѣ, кромѣ законной жены, имѣетъ всегда свободныя связи. Въ результатѣ оказывается то же многоженство только тайное. Сторонниковъ этой формы, которую признаетъ добрая половина человѣчества, населяющая землю, много даже и среди американцевъ, гдѣ появились мормоны...

— Пожалуй, вы правы, но все-таки есть большое но, неувѣренно сталъ я оппонировать, но затѣмъ, вспомнивъ кое-что изъ шаріата, долженъ былъ во многомъ признать правоту моего спутника.

Если обратиться къ правиламъ, опредѣляющимъ

институтъ брака у мусульманъ, то приходится наткнуться на цѣлый рядъ удивительныхъ открытій, которыхъ раньше даже и не подозрѣвалъ.

Многоженство, являющееся одною изъ самыхъ древнихъ формъ брачнаго сожительства, существовало гораздо раньше того времени, когда его узаконилъ Магометъ въ своемъ Коранѣ. Являясь наслѣдіемъ Вавилона, Ассиріи, Египта, затѣмъ еврейства, многоженство не могло быть поэтому формою, установленною Магометомъ, какъ полагаютъ многіе.

Въ дѣйствительности, Магометъ лишь систематизировалъ всѣ законы о брачномъ сожительствѣ, причемъ на основаніи ихъ мужъ, имѣющій нѣсколько женъ, долженъ устроить каждой женѣ особое хозяйство и обстановку, безъ малѣйшей разницы: платья, пища, драгоцѣнности и даже подарки, также должны быть строго одинаковыми для всѣхъ женъ, подъ страхомъ судебной отвѣтственности,— если недовольная жена принесетъ жалобу въ судъ Казія.

Считая женщину существомъ во всѣхъ отношеніяхъ равнымъ мужчинѣ, Магометъ опредѣляетъ въ Коранѣ и ихъ равенство за гробомъ, говоря:

„Мужчина и женщина, которые будутъ жить нравственно, войдутъ въ рай и получатъ награду“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ пророкъ еще опредѣленнѣе обрисовываетъ это равенство словами:

„Справедливые люди обоихъ половъ, переносящіе все съ терпѣніемъ...

---

[1]) Коранъ, глава IV, ст. 33.

„Цѣломудренные люди обоихъ половъ, мужчины и женщины, всѣ получатъ прощеніе и великую награду“ [1]).

Въ отношеніи имущественномъ кромѣ калыма, являющагося собственностью жены, мужъ обязанъ обезпечить каждую жену извѣстной суммою денегъ или имуществомъ, которыя считаются исключительною и полною собственностью жены, строго защищаемою закономъ, устанавливающимъ раздѣльность имуществъ супруговъ и полную имущественную самостоятельность жены. Вдова наслѣдуетъ при бездѣтности мужа $^1/_4$ имущества мужа, а при дѣтяхъ $^1/_8$ часть.

Разводъ по существу вовсе не такъ легокъ, какъ это кажется съ перваго взгляда...

Коранъ точно опредѣляетъ его порядокъ:

„Если между супругами нѣтъ согласія, то надо прибѣгнуть къ третейскому суду двухъ лицъ, выбранныхъ изъ семьи мужа и семьи жены“ [2]).

„Если же примиреніе не состоялось, то мужъ, желающій развода, долженъ отсрочить это на 4 мѣсяца, чтобы самому провѣрить основательность своихъ причинъ. Далѣе послѣ этого срока мужъ обязанъ въ теченіе мѣсяца три раза заявить о желаніи развода суду“ [3]).

Женщина, въ свою очередь, можетъ требовать развода, если мужъ ведетъ недостойный образъ жизни

---

[1]) Коранъ, глава XXXVII, ст. 33.
[2]) Коранъ, глава IV, ст. 39.
[3]) Коранъ, глава LXV, ст. 1.

или совершенно игнорируетъ жену, причемъ, въ случаѣ развода, сохраняетъ всѣ права на калымъ, уплаченный мужемъ.

Наказаніе за супружескую невѣрность по корану опредѣляется одинаковое для обоихъ; фактъ невѣрности признается лишь тогда, когда удостовѣренъ четырьмя свидѣтелями.

Благодаря такимъ положеніямъ, точно указаннымъ въ шаріатѣ, многоженство обрисовывается совершенно въ другомъ свѣтѣ. А если признать, что мусульманство даже не знаетъ понятія незаконнорожденности и всѣ дѣти, какъ рожденные по законамъ природы, являются всегда законными и поэтому носятъ имена и фамиліи своихъ отцовъ,—то приходится придти къ совершенно другимъ заключеніямъ, и такимъ образомъ кое-что и мы европейцы могли бы позаимствовать у азіатовъ, причемъ слѣдуетъ также вспомнить, что съ дѣтоубійствами Востокъ не знакомъ, да и проституція на европейскихъ основаніяхъ въ мусульманскихъ странахъ дѣло недавнее, появившееся на Востокѣ лишь со времени покоренія мусульманскихъ странъ и народностей европейцами.

Въ добавокъ нигдѣ такъ сильно не сказалось вліяніе Христа на отношенія къ падшимъ женщинамъ, какъ въ мусульманствѣ.

Полныя любви слова Спасителя блудницѣ: „Иди, и не грѣши вновь“ измѣнили многія понятія и отразились на взглядахъ Пророка Магомета, благодаря чему дѣвушка или вдова, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ начавшая заниматься проституціею,

во всякое время можетъ вернуться въ число честныхъ женщинъ.

По шаріату въ этомъ случаѣ ей достаточно лишь въ присутствіи Казія принести раскаяніе въ своей распутной жизни и дать торжественное обѣщаніе къ ней болѣе не возвращаться.

— „Тоба кылдымъ“—я раскаиваюсь!—говоритъ проститутка, являясь къ мѣстному Казію.

—„Обѣщаюсь такую жизнь больше не вести“,—добавляетъ она при сочувственныхъ взглядахъ свидѣтелей и публики.

Глубокимъ поклономъ привѣтствуетъ старый Казій ставшую вновь честною молодую женщину.

А зрители спѣшатъ выразить ей полное уваженіе.

И передъ бывшей блудницею снова открыта жизнь, и она выходитъ замужъ совершенно одинаково, какъ и каждая честная дѣвушка!

Человѣческія отношенія поддерживаютъ раскаившуюся въ дальнѣйшей жизни.

И никто никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не не броситъ ей слова укора за прежнія ошибки.

„Иди, и не грѣши вновь“.!





IX.

Кишлаки Чилянъ-Зоръ и Ляйлянъ.—Ночлегъ въ кибиткѣ.—Отношенія туземцевъ къ безпорядкамъ въ Россіи.—Бунтъ наслѣдника бухарскаго престола.—Дѣтство Великаго Тамерлана и его возвышеніе.—Четыре друга пророка Магомета.—Туземная музыка и пѣснь о Великомъ Тимуръ-ханѣ.

Дорога между тѣмъ пролегала по берегу Ширабадъ,-Дарьи, то поднимаясь на невысокіе холмы, то проходя около каменистыхъ обрывовъ, лежащихъ у самой дороги. Видъ мѣстности былъ довольно унылый и лишь рѣка немного скрашивала общую картину. Небольшіе кишлаки, Чилянъ-Зоръ и Иг-

ренчи, промелькнули мимо, не остановивъ на себѣ нашего вниманія. Маленькія глинобитныя сакли, убогая бѣдная растительность слишкомъ разнились отъ вида могучихъ Сайрабскихъ чинаровъ-великановъ.

Погода обѣщала, повидимому, перемѣну къ худшему: по небу потянулись сѣрыя, будто свинцовыя, тучи, низко нависшія надъ горами. Солнце лишь порою прорѣзало своими лучами облачность и, освѣтивъ всѣ окрестности, также быстро пряталось вновь.

— Охъ, кажется, разгуляется непогода,—кутаясь въ бурку, сердито проворчалъ Д., всматриваясь въ даль своими блкзорукими глазами.

— Прямо досадно: часъ тому назадъ чудная погода, а теперь начинается уже что то особенно скверное.

Въ этихъ мѣстахъ всегда такъ: откуда-то налетаетъ вѣтеръ, нагоняетъ тучи, и пойдетъ ливень...

Видите, какъ сразу потемнѣло... Думалъ, доберемся мы сегодня до Ширабада, а выходитъ, что придется заночевать въ Ляйляканѣ... Мокнуть да ломать себѣ шею въ темнотѣ—я слуга покорный. А вывалиться здѣсь плевое дѣло..

Я выразилъ молчаніемъ согласіе,

— Ты только вези насъ не на станцію, а въ кишлакъ. Остановимся у аксакала. Это лучше, чѣмъ сидѣть въ сырой комнатѣ почтовой станціи, гдѣ и дровъ не сыщемъ ни полѣна.

Переѣхавъ еще нѣсколько холмовъ, тройка, постепенно уменьшая быстроту бѣга, въѣхала въ око-

лицу небольшого кишлака Ляйлякана[1]), получившаго свое названіе отъ большого количества аистовъ, прилетающихъ въ эти мѣста.

Низкая глинобитная сакля, имѣвшая три двери, выходившія на возвышеніе вродѣ террасы, была полуосвѣщена одною собственнаго изготовленія сальною свѣчою. Въ серединѣ сакли въ углубленіи, вырытомъ въ землѣ, разложенъ былъ костеръ изъ полуперегорѣвшихъ углей, страшно чадившій и распространявшій сильный удушливый запахъ угара и горѣлаго сала...

Нѣсколько ситцевыхъ ватныхъ одѣялъ и кошма на полу составляли собою всю незатѣйливую обстановку. Около огня грѣлась вода въ нѣсколькихъ чайникахъ... По стѣнамъ на колышкахъ висѣли какіе-то ремни, халаты, старое сильно поржавленное ружье бухарской работы и кривая шашка въ кожаныхъ ножнахъ, на широкомъ поясѣ, украшенномъ крупными бляхами и увѣшанномъ различными украшеніями. Надъ каждой дверью сверху устроено было небольшое окно, закрытое деревянной рѣзной рѣшеткою, сквозь которое совершенно свободнопроходилъ вѣтеръ. Эти же окна служили для выхода дыма. Весь потолокъ и стѣны комнаты были покрыты рисунками, изображавшими какія-то нелѣпыя деревья, нарисованныя разноцвѣтными красками въ перемежку съ грубыми арабесками въ восточномъ стилѣ.

Усѣвшись на кошму и подложивъ подъ бокъ ватное одѣяло, можно было недурно отдохнуть и обогрѣться...

[1]) Ляйляканъ—аистъ.

Выпивъ нѣсколько чашекъ чаю, мы начали устраиваться на ночлегъ, разостлавъ одѣяла и сдѣлавъ изъ нихъ же изголовья, а изъ бурокъ одѣяла. Около огня возился самъ хозяинъ, поправляя уголья.

„Однако, заснуть, пожалуй, и не удастся", подумалъ я, ворочаясь съ боку на бокъ на своемъ неудобномъ ложѣ.

— Вы какъ полагаете, вѣдь спать пожалуй, рано?

— Само собою... Гораздо лучше будетъ, если мы поболтаемъ съ хозяиномъ.

— Султанъ-Имамъ, зачѣмъ ты безпокоишься. И огонь есть, и чай, и тепло...

— Садись, разговаривать будемъ...

Высокій красивый узбекъ, услышавъ свое имя, тотчасъ же оставилъ свое занятіе и, почтительно ступая по кошмѣ, присѣлъ невдалекѣ отъ насъ.

— Чай хорошо, а разговоръ съ хорошимъ человѣкомъ еще лучше. Я очень радъ, что тюра къ намъ заѣхалъ. Мы давно ждали... Больше года вѣдь ты не былъ въ здѣшнихъ мѣстахъ,—оживленно съ большимъ оттѣнкомъ почтенія заговорилъ аксакалъ.

— Ну, а ты какъ живешь, что твое семейство все-ли благополучно?

— Ахъ, тюра... Что наша жизнь... Что сегодня, то и вчера... Барановъ за зиму много пало...

— Эмиръ пріѣзжалъ въ Гузаръ, до насъ не доѣхалъ... Не видалъ его. Той [1]) праздновалъ, сынъ женился. Ничего больше не было.

---

[1]) Той—праздникъ, торжество.

Разскажи лучше ты, тюра, что на свѣтѣ дѣлается и какъ люди теперь живутъ?

Правду ли говоритъ народъ, что люди въ Россіи бунтуютъ противъ самого Падишаха? Если это вѣрно, то почему же [1]) Падишахъ не прикажетъ бунтовщикамъ отрубить головы?...

Добрый Падишахъ, ахъ какъ добрый!..

Такой нехорошій народъ, зачѣмъ бунтуетъ...

Съ большимъ трудомъ удалось объяснить происхожденіе и цѣли забастовокъ, но, очевидно, аксакалъ такому явленію не сочувствовалъ и видѣлъ въ немъ одинъ лишь безпорядокъ, потому что, подумавши недолго, сказалъ:

— Нѣтъ, тюра, нехорошіе люди у васъ въ Россіи, если никого слушать не хотятъ изъ тѣхъ, кого поставилъ надъ ними Падишахъ. Мы слышали, что, когда въ Бухарѣ на вашей желѣзной дорогѣ люди не захотѣли слушать, эмиръ просилъ Акъ-Падишаха [2]) разрѣшить ему послать своихъ людей и бунтовщикамъ порѣзать горла. Не согласился почему-то Падишахъ... Только это очень жалко, много нехорошихъ людей на свѣтѣ осталось.

Очень добрый Акъ-Падишахъ...

— Вѣдь у васъ въ Бухарѣ бываетъ, что народъ противъ эмира поднимается и бунтъ дѣлаетъ?

— Да, и это бываетъ, согласился аксакалъ, но только тогда сейчасъ же эмиръ приказъ даетъ, такой народъ вѣшать велитъ. Прежде, еще при отцѣ этого эмира, когда русскіе пришли, много крови проливалось, а

---

[1]) Падишахъ—Государь. [2]) Акъ—Падишахъ—Бѣлый царь,

теперь мало... Глупый народъ не понимаетъ самъ, чего хочетъ.

Катта-тюра [1]) тоже, я помню, бунтъ сдѣлалъ, я еще маленькимъ былъ, а видѣлъ, какъ въ Ширабадѣ потомъ бунтовщиковъ казнили,—много ихъ было, тюра.—Каждый день Ширабадскій бекъ горло рѣзалъ и на висѣлицу вѣшалъ...

— Вся земля кровью полита была... Да, тюра, особенно много здѣшняя земля крови людской пробовала,—еще со времени Тимура здѣсь войны были. Воевали съ Бальхомъ авганскимъ, воевали съ Гератомъ и съ Бухарскимъ эмиромъ. Даже самъ Великій Тимуръ здѣсь же въ горахъ жилъ.

— Ты не слыхалъ, тюра, у насъ старые люди разсказываютъ, что, когда Тимуръ, гроза всего міра, родился на свѣтъ Божій, въ это время ханъ Самаркандскій Жадай-Ханъ видѣлъ странный сонъ.

— Будто, стоитъ онъ около своего дворца и къ нему подъѣзжаетъ на ишакѣ старикъ въ бѣлой чалмѣ съ длинною бѣлою бородою и говоритъ:

— „Славный и великій ханъ, повелитель правовѣрныхъ, я посланецъ святого пророка Иліаса (Индриса) Ильи, который, наблюдая по порученію Аллаха за всѣми дѣлами людей, приказалъ сказать, что тебѣ предстоитъ смерть отъ ребенка, которому сегодня минуло полгода и который называется Тимурленкомъ. Живетъ онъ на Зеленомъ холмѣ (Шахризябсѣ)“... [2]).

— Встревожился Жидай-Ханъ и разослалъ вѣрныхъ слугъ разыскать этого ребенка.

[1]) Катта-тюра—наслѣдникъ Бухарскаго престола.

[2]) Въ этомъ преданіи отразилась исторія царя Ирода и избіеніе младенцевъ.

И долго искали слуги по Шахризябсу; лишь по указанію свыше нашли, наконецъ, и находкою преисполнили радостью сердце славнаго хана. Не хотѣлъ умирать Жидай-Ханъ и приказалъ онъ умертвить свою смерть, сбросивъ для этого мальчика съ самаго высокаго въ Самаркандѣ минарета... Но не могли палачи вынести слезъ матери Тимура. Смягчились ихъ сердца, и не исполнили они воли хана, а отпустили тайно мать, испортивъ только маленькому Тимуру ногу. Сильно боялись родители его, что узнаетъ объ этомъ Жидай-Ханъ и вновь прикажетъ умертвить Тимура. Долго думали, куда скрыть его. И наконецъ, придумали отдать Тимура чабану, который жилъ со своей барантою въ нашихъ горахъ.

Крѣпкимъ, сильнымъ росъ маленькій Тимуръ, помогая своему хозяину и вмѣстѣ съ другими бачами [1]) пася на горахъ большія стада барановъ... Много было бачей при стадахъ и всегда среди нихъ первымъ былъ Тимурленкъ.

Однажды сидѣлъ онъ около муравьиной кучи и смотрѣлъ, какъ муравей пробовалъ взобраться на высокій камень; трудно было муравью, но, невзирая на то, что онъ упалъ нѣсколько разъ съ вышины, всеже влѣзъ на верхъ...„

И запала тутъ въ голову Тимура мысль встать выше всѣхъ и сказалъ онъ себѣ: „неужели я хуже муравья?“...

И я подобно этому маленькому животному не сумѣю стать выше всѣхъ?

---

[1]) Бача—мальчикъ.

Скоро среди бачей не было никого смѣлѣе его. Онъ всегда былъ и въ играхъ и въ охотѣ первымъ. Любилъ онъ особенно играть въ ханы и всегда, когда нуждо было выбирать хана, бачи выбирали его, и дѣлалось это потому, что какъ самъ, тюра, ты знаешь, дѣти, когда играютъ, то назначаютъ условіе, и, кто его выполнитъ, тотъ значитъ лучше другихъ... Но надоѣло Тимуру, играя все въ одну и ту же игру каждый день выбирать новаго хана, предложилъ онъ бачамъ выбрать хана разъ навсегда. Всѣ согласились и выбрали Тимурленка.

Долго потомъ шли игры бачей, пока они не выросли, и однажды Тимуръ, собравъ ихъ, сказалъ,

„Не пора ли намъ бросить барановъ и начать военную жизнь. Пойдемъ этою ночью въ аулъ и, забравъ тамъ лошадей и оружіе, сдѣлаемся вольными батырями...“

Понравилась всѣмъ мысль Тимура.

Темною ночью напали они на спавшій аулъ и угнали всѣхъ коней, взявъ также и оружіе, и началась тогда для Тимура новая жизнь. Много храбрыхъ джигитовъ стало собираться къ его бунчуку. Въ страхѣ онъ держалъ всѣхъ жителей здѣшнихъ горъ и собиралъ дань съ проходившихъ каравановъ.

Дошла наконецъ вѣсть и до Жидая-Хана Самаркандскаго, что на караванномъ пути около Ляляканa появилась новая застава изъ больныхъ людей и берутъ они пошлину не въ эмирскую казну, а для себя. Не могъ стерпѣть этого ханъ. Собралъ онъ большое войско и пошелъ сюда, чтобы наказать

Тимура. Но во-время узналъ объ этомъ Тимуръ и спряталъ своихъ людей въ глухое ущелье...

Пришли ханскія войска и никого не нашли. Лишь на встрѣчу имъ попался купецъ съ караваномъ... Самъ Тимуръ купцомъ одѣлся...

Увидѣлъ его ханъ и спрашиваетъ: „не видалъ ли ты гдѣ-нибудь разбойника Тимура и его людей?“...

Но увѣрилъ тутъ купецъ, что нигдѣ про Тимура не слышно въ здѣшнихъ мѣстахъ, но что ходитъ въ степи слухъ, что Тимуръ, узнавъ о выступленіи ханскихъ сарбазовъ изъ Самарканда, собравъ много вольныхъ людей, рѣшилъ напасть на ханскую столицу. Страшно встревожился ханъ и тотчасъ приказалъ своему главному секретарю вести скорѣе войска обратно къ Самарканду, а самъ съ не большою свитою остался отдохнуть... Ушли сарбазы и, когда улеглась по дорогѣ пыль, поднятая ихъ конями, выскочили изъ засады люди Тимура и убили Жидая-Хана, а затѣмъ, вскочивъ на быстроногихъ скакуновъ, понеслись окольною дорогою въ Самаркандъ и еще до возвращенія ханскихъ войскъ заняли городъ. Не могли мирные жители, старики и дѣти, безъ сарбазовъ защищать Самаркандъ.

„Побѣдителю повинуюся“ — такъ сказано въ коранѣ.

И признали Тимура ханомъ Самаркандскимъ, и сталъ онъ съ того времени называться Тамерланомъ.

— А скоро не только Бухара, но и весь міръ призналъ его своимъ владыкою, потому, что онъ

родился подъ особымъ покровительствомъ Чаръ-Яровъ...

И здѣсь, тюра, у насъ въ горахъ показываютъ мѣсто, гдѣ жилъ Тимуръ и гдѣ похороненъ Жидай-Ханъ Самаркандскій.

Угли между тѣмъ догорѣли и, нагрѣвъ до духоты все помѣщеніе, огненною кучкою виднѣлись среди полутьмы.

— Жаль, однако, что мы съ собою свѣчей не захватили. Въ темнотѣ сидѣть не особенно пріятно...

Это ничего, теперь еще поболтаемъ немного, а затѣмъ и спать можно.

— Саазъ есть ли у тебя Султанъ-Имамъ?

— Есть тюра, вонъ, виситъ на стѣнѣ...

— Сейчасъ возьму его, и вмѣстѣ съ братомъ устроимъ тюрамъ музыку.

Немного спустя, дребезжащіе звуки струнъ пронеслись по комнатѣ, прозвучавъ какъ то особенно жалобно и нарушивъ тишину...

— А что такое Чаръ-Яръ? обратился я къ Д. пока настраивались инструменты.

—Чаръ-Яръ— это четыре друга пророка Магомета, первые арабскіе халифы, которые распространяли огнемъ и мечемъ магометанское ученье. Они были исполнителями воли и указаній самого пророка, а потому память о нихъ и о ихъ дѣлахъ сохранилась особенно ярко.

Имена ихъ: Абу-Бекръ, Омаръ, Османъ и Али. Ихъ благословеніе приноситъ счастье и, начиная

трудное дѣло въ мирной жизни и въ пылу битвы, мусульмане неизмѣнно восклицаютъ:

„Чаръ-Яръ! О четыре друга, — окажите помощь!..“

Рѣзкими отрывистыми нотами прозвучала вступительная фраза какой то мелодіи; тихо тренькая, завторила домбра. Слабый, но пріятный старческій голосъ запѣлъ какую то пѣсню речитативомъ. Однообразными переливами кончалась каждая часть и снова отривистыя громкія ноты, будто негодуя, звучали въ отвѣтъ.

Я не понималъ словъ пѣвца, мелодія была бѣдна, но все же въ ней чувствовалась какая то особенная ширь безпредѣльныхъ пустынь.

Иногда рѣзкимъ диссонансомъ звучала квинта, будто на что то жалуясь и тоскуя. И снова громко и сильно проносились звуки. Дѣлая какіе то переборы на ладахъ, скользили пальцы музыканта по страшно длинному грифу, понуждая три струны говорить какую то старую забытую исторію человѣческаго бытія.

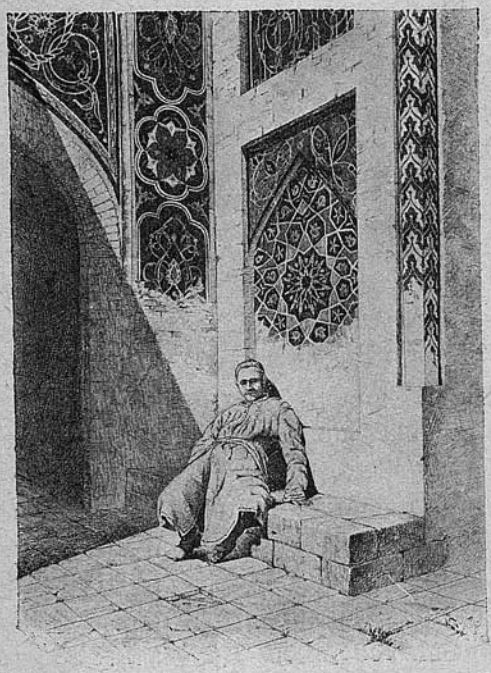
Пристально всматриваясь въ темноту своими задумчивыми глазами, виднѣлось передъ нами полуосвѣщенное краснымъ отблескомъ углей красивое лицо старика.

Еще разъ пророкотали тихо струны, и, будто возглашая вѣсть побѣды, мелодія окончилась чѣмъ то похожимъ на громкій военный маршъ.

—Это, тюра, пѣснь наша про Великаго Тимура,— усталымъ голосомъ заговорилъ аксакалъ, ставя инструментъ въ сторону...

Давно уже не пою я ничего. Старъ сталъ, лишь хотѣлъ гостямъ удовольствіе доставить. Но сами видите, не могу, голосъ уже не слушается, да и тюрамъ пора спать...

— Пусть благословитъ ихъ покой ангелъ сна!





X.

Ширабадская долина и г. Ширабадъ. Бекская кала. Гвіанскій червь. Бухарскій бекъ. Бачи и ихъ танцы и отношеніе къ нимъ бухарскаго населенія.

За Ляляканомъ начинаютъ все больше и больше попадаться по дорогѣ аулы кочевыхъ узбековъ, ставшихъ на зимовку по руслу рѣки Ширабадъ-Дарьи, которая, при выходѣ изъ горъ на аму-дарьинскую равнину, протекаетъ черезъ узкое, скалистое ущелье Нанъ-Догана. Ширабадъ-Дарья образуется изъ двухъ рѣкъ — Тургакъ-Дарьи и Шуръ-Абъ, берущихъ свое начало изъ подъ перевала Чакъ-Чаръ и соединяющихся около Дербента. Дорога, прорѣзанная въ масивѣ горы, проходитъ здѣсь по самому краю русла рѣки, быстро несущей свои солоноватыя воды, дающей жизнь огромной Ширабадской долинѣ, славящей издавна своимъ плодородіемъ. Но рѣка, вынося изъ горъ массу воды, не доходитъ до Аму-Дарьи, притокомъ которой она счи-

тается. Вся вода, расходясь по сѣти арыковъ, разбирается затѣмъ на поля и лишь въ рѣдкіе годы, при неожиданной прибыли воды, незначительная ея часть вливается въ Великую Аму.

Въ 8-ми верстахъ отъ конца ущелья расположенъ городъ Ширабадъ, пріобрѣвшій славу, какъ мѣсто великихъ подвиговъ халифа Али, отъ имени котораго городъ получилъ свое названіе. Въ переводѣ персидское слово „ширъ“ значитъ — левъ, а „абадъ“ — городъ. И такимъ образомъ при подстрочномъ переводѣ Ширабадъ значитъ городъ льва...

На самой вершинѣ высокаго, съ крутыми, отвѣсными сторонами холма, расположена кала, въ которой живетъ Ширабадскій бекъ. Примыкая къ горѣ, на которой виднѣются развалины старой крѣпости, холмъ этотъ далеко видѣнъ на равнинѣ. У подножья холма извивается рѣка Ширабадъ-Дарья, по обѣимъ берегамъ которой расположенъ самый городъ.

Противъ бекской калы [1]), на высокой насыпи, стоятъ постройки посольскаго дома, длинная, крытая тераса котораго построена на вышинѣ саженъ трехъ надъ берегомъ. Рядъ большихъ оконъ и высокихъ дверей придаютъ веселый и свѣтлый видъ всей постройкѣ, бѣлыя стѣны которой, какъ рѣзкій контрастъ съ остальными темными туземными зданіями, выгодно выдѣляются на желтоватомъ фонѣ.

Вдоль берега рѣки тянется главная улица горо-

[1]) Кала — крѣпость.

да, выходящая къ крытому базару, лавки котораго примыкаютъ къ обѣимъ сторонамъ улицы.

Запахъ горѣлаго бараньяго сала и кунжутнаго масла далеко слышится по воздуху, служа лучшею примѣтою для желающихъ поѣсть... На длинной, вродѣ кухонной плиты, печкѣ вмазано нѣсколько котловъ, въ которыхъ варятся супъ (шурпа), пловъ и пельмени. Тутъ же рядомъ, на желѣзныхъ листахъ, виднѣются груды варенаго мяса, баранины и конины... Сбоку подъ навѣсомъ, устроились на кошмахъ посѣтители, съ аппетитомъ уничтожающіе приготовленныя кушанья. Задняя стѣна навѣса занята полками, уставленными пузатыми, фаянсовыми чайниками и широкими мѣстными чайными чашками. Это чай-хане, средне-азіатскій народный клубъ. Треньканье сааза слышится тутъ же, увеселяя посѣтителей.

Лавки съ красными мануфактурными товарами такъ и бросаются въ глаза, преобладающимъ краснымъ цвѣтомъ матерій. Нѣсколько верховыхъ узбековъ, не слѣзая съ лошадей, останавливаются около и начинается выборъ, а затѣмъ продолжительный торгъ между продавцами и покупателями. Ряды небольшихъ лавочекъ, въ которыхъ продается лекарство, корешки и травы, распространяютъ около пріятный пряный запахъ.

Груды кошмъ, войлоковъ, уздечекъ, сѣделъ красиво разложены внутри лавокъ, а дальше, тутъ же среди сутолоки, положивъ своего пацієнта на землю и, держа его голову между колѣнъ, производитъ какую-то операцію мѣстный докторъ, ковыряя во

рту у своего паціента какимъ-то ржавымъ, имѣющимъ видъ загнутаго крючка инструментомъ.

Все удивительно просто и незатѣйливо. Рядомъ, на невысокой скамейкѣ, разложены хирургическіе инструменты, состоящіе изъ щипцовъ, подпилка, ножницъ, двухъ-трехъ ножей. На землѣ стоитъ чашка съ мутноватой водою для промыванія. Паціентъ, искрививъ все лицо отъ боли, терпѣливо выдерживаетъ своеобразную, вродѣ пытки, операцію. Хирургъ, нащупавъ больной зубъ, накладываетъ щипцы и, схвативъ крѣпко за него, налегаетъ на щипцы обѣими руками, помогая при этомъ собственной тяжестью. Что-то хруститъ во рту у больного; кажется, что ломается вся челюсть, но, не смущаясь, врачъ налегаетъ на щипцы еще сильнѣе. Слышится трескъ, и зубъ вырванъ. Больной вскакиваетъ какъ встрепанный и, держась за щеку, идетъ къ арыку, гдѣ грязной же водою начинаетъ выполаскивать себѣ ротъ.

А врачъ, получивъ какую-то мелочь за работу, уже присѣлъ около другого паціента, которому надо сдѣлать трудную и утомительную операцію извлеченія ришты. Ришта принадлежитъ къ числу спеціальныхъ болѣзней востока, а въ особенности Бухары; происхожденіемъ своимъ она обязана зародышамъ гвіанскаго червя, проникающаго въ человѣческое тѣло вмѣстѣ съ водою и начинающаго въ немъ развиваться. Въ первое время боли не ощущается, но затѣмъ, по мѣрѣ выростанія, червь начинаетъ проникать подъ кожу, а потомъ увеличивается въ размѣрахъ, достигая величины двухъ-

трехъ аршинъ при толщинѣ около миллиметра. Нестерпимый зудъ и боль въ тѣлѣ вынуждаютъ больного обратиться къ помощи врача. Хотя этою болѣзнью часто заражаются и русскіе жители Средней Азіи, но, къ несчастью, наши врачи совершенно незнакомы со способами ея леченія въ силу чего волей-неволей приходится обратиться къ помощи бухарскаго хирурга, который, найдя головку червя и произведя искуственный нарывъ въ этомъ мѣстѣ, осторожно вынимаетъ ее на поверхность и начинаетъ наматывать тѣло червя на палочку, производя при этомъ массированіе и намазывая масломъ часть тѣла, въ которой находится червь. Почувствовавъ, что наматываніе идетъ трудно, онъ забинтовываетъ палочку, а затѣмъ черезъ нѣсколько дней снова начинаетъ продолжать наматываніе. Иногда такая операція продолжается цѣлый мѣсяцъ, при чемъ главное искуство врача заключается въ томъ, чтобы при наматываніи не оборвать червя, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ оставшаяся въ человѣческомъ тѣлѣ часть начинаетъ разлагаться и производитъ бурные нарывы и нагноенія, оставляющія затѣмъ глубокіе безобразные шрамы.

Сбоку него, согнувшись надъ небольшой наковальней, холоднымъ способомъ изъ куска желѣза, выбиваетъ молотомъ кузнецъ конскую подкову.

Надъ базаромъ слышится шумъ и говоръ сотенъ людей, толкущихся на сравнительно небольшомъ пространствѣ.

Старинныхъ зданій въ городѣ не осталось и слѣда. Все разрушили войны и время, лишь въ 7-ми вер-

стахъ отъ Ширабада расположена древняя мечеть Ходжа-Иса, построеніе которой относится къ 8-му или началу 9-го вѣка, но и ея коснулась разрушительная работа безпощаднаго времени.

Мы устроились съ большимъ комфортомъ въ посольскомъ домѣ. Кровати съ пружинными матрасами, русскія подушки, хорошая лампа и веселый видъ изъ оконъ дѣлалъ все помѣщеніе, богато увѣшанное коврами, очень привлекательнымъ.

— Здѣсь бекъ новѣйшей формаціи, очень любитъ русскихъ и многое позаимствовалъ отъ нихъ. Въ общемъ, по внѣшности и обращенію, человѣкъ культурный,—сообщилъ мнѣ Д.

Зовутъ его Абдулъ-Хафизъ-Бій. Да вотъ и онъ самъ легокъ на поминѣ. Видите, идетъ намъ нанести визитъ. Это мой старый знакомый...

Черезъ минуту я уже бесѣдовалъ съ Біемъ. Красивый, лѣтъ сорока, брюнетъ, чистаго иранскаго типа, непринужденно съ большимъ достоинствомъ сидѣлъ передъ нами. Мы разговорились.. Бекъ видимо хорошо понималъ по-русски, а потому и разговоръ шелъ хотя и черезъ переводчика, но легко..

Солнце, между тѣмъ, послѣдними лучами освѣтило окрестности и быстро скрылось за горами.

Наступила разомъ темная ночь.

—Не знаю, чѣмъ развлечь дорогихъ гостей, —наконецъ, сказалъ бекъ, въ то время, когда мы успѣли уже сообщить ему кое-какія новости.

Можетъ быть, хотите посмотрѣть пляску бачей, и онъ вопросительно посмотрѣлъ на насъ.

—Отчего же, по крайней мѣрѣ, я съ большимъ удовольствіемъ посмотрю,—поспѣшилъ сказать Д.

Это доставитъ намъ огромное удовольствіе...

Бекъ въ полголоса отдалъ какое то приказаніе и, пока подавали ужинъ, нѣсколько человѣкъ прислуги быстро очистили часть комнаты, перенеся стулья и столъ въ одну сторону. Черезъ нѣсколько времени вошло четыре человѣка музыкантовъ съ бубнами, расположившихся въ углу. Сѣвъ полукругомъ передъ поставленнымъ передъ ними мангаломъ съ горящими углями, они быстро начали натирать воскомъ свои бубны, порою нагрѣвая ихъ надъ огнемъ и пробуя пальцами звукъ. Настройка инструментовъ продолжалась довольно долго.

Наконецъ столпившіеся около входной двери люди зашевелились и пропустили впередъ двухъ мальчиковъ, одѣтыхъ въ богатые халаты и зимнія шапочки, отороченныя дорогими мѣхами.. Одному изъ нихъ было лѣтъ 15, а другому 12. Старшій, худощавый брюнетъ съ красивымъ восточнымъ профилемъ и чудными черными глазами, опушенными густыми рѣсницами, безъ всякаго смущенія подошелъ къ намъ и первый подалъ смѣло свою руку. Младшій, темный шатенъ, средняго роста съ прелестными сѣрыми глазами и бѣлымъ цвѣтомъ лица, застѣнчиво остановился передъ нами.

Цѣлая толпа всякой бекской челяди, расположилась живописнымъ полукругомъ у дверей. Мальчики присѣли впереди. Проворный прислужникъ-сартъ, моментально очутившись передъ ними, съ низкимъ поклономъ поставилъ на землю подносы

съ двумя чашками чаю и разными конфектами. Нѣсколько сѣдобородыхъ амлякдаровъ [1]), сидѣвшихъ въ первомъ ряду, подвинулись ближе къ мальчикамъ и, предупреждая каждый ихъ взглядъ, наливали имъ чай, подносили конфекты и вобще, видимо, за ними укаживали.

Сѣдой полный амлякдаръ, обнявъ слегка за талію старшаго изъ мальчиковъ, вынулъ свой платокъ и вытиралъ ему лобъ, а затѣмъ снявъ съ него шапочку, распустилъ двѣ огромныхъ черныхъ косы, спрятанныхъ въ ней и, встряхивая осторожно пышные густые волосы, надвинулъ ихъ немного на лобъ и надѣлъ сверху нихъ вышитую золотомъ тюбатейну. Передъ нами былъ уже не мальчикъ, а красивая женщина, игравшая своими глазами и кокетливо едва прикасавшаяся губами къ подаваемой ей чашкѣ, пившая чай... Минуту спустя, то же превращеніе бысо сдѣлано съ младшимъ. Толстые верхніе халаты были сняты и оба остались въ легкихъ широкихъ шелковыхъ длинныхъ халатахъ. Иллюзія была полная, мальчики куда то исчезли, и вмѣсто нихъ мы видѣли красивыхъ завлекательныхъ женщинъ.

Глухо зарокоталъ бубенъ, вторя ему, рѣзко отвѣтилъ другой, третій разсыпался звонкою трелью. Врываясь въ эту массу рокочущихъ звуковъ высокимъ дискантомъ, послышался какой то речитативъ одного изъ музыкантовъ. Другіе подхватили, и своеобразная пѣсня полилась неудержимымъ потокомъ, отдаваясь въ каждомъ нервѣ напряженно вни-

[1]) Амлякдаръ—начальникъ уѣзда.

мательныхъ слушателей... Звуки бубновъ то звучали глухо, то, напротивъ, смѣшиваясь со звономъ бубенчиковъ, украшавшихъ бубны, съ страшною силой шумнымъ грохотомъ разсыпались въ комнатѣ...

Медленно поднялся старшій бача, кокетливо поправляя волосы, и чисто женскимъ движеніемъ оправляя широкія складки красиваго халата, медленно двигаясь, направился онъ по кругу, дѣлая босыми ногами красивыя и плавныя па. Граціозно изгибаясь станомъ и играя своими чудными глазами, постепенно ускоряя темпъ, закружился онъ, красиво и плавно взмахивая руками. Будто женщина, кого-то маня и вновь уклоняясь, проносилась эта красивая фигура, вызывая сладострастную дрожь и вожделѣніе у зрителей. Изгибаясь всѣмъ тѣломъ и ловко играя широкими полами своего халата, остановился онъ разомъ передъ бекомъ и, взмахнувъ руками, откинулъ назадъ свою красивую голову, замирая въ сладкой истомѣ...

Все быстрѣе и быстрѣе былъ темпъ бубновъ, громче и страстнѣе слышались пѣсни музыкантовъ, переходившія порою въ оглушительный, чисто животный крикъ. Съ красными, пылающими лицами и подернутыми огнемъ страсти, ярко блестѣвшими глазами туземцы слѣдили за танцемъ, затаивъ дыханіе и совершенно превратившись въ зрѣніе. Закружившись наконецъ быстро на мѣстѣ, будто отдаваясь и обѣщая, въ красивой позѣ склонился бача на коверъ, обдавая всѣхъ лучами своихъ красивыхъ глазъ.

Дикимъ ревомъ закричала толпа зрителей, и два старика съ чисто юношескимъ пыломъ бросились къ ней, обнимая и расточая ласки усталой очаровательницѣ.

Чашки чая, услужливо поднесенныя къ самому рту, помогли бачѣ немного освѣжиться отъ трудной пляски.

— Не правда ли, оригинальный танецъ?—сказалъ Д.

— Здѣсь все: и серпантинъ, и пляска живота, и канканъ... Если бы такихъ бачей на сцену въ Питеръ, то они бы балетъ за поясъ заткнули. Одно лишь скверно, что пробуждаютъ они у туземцевъ не совсѣмъ чистоплотные инстинкты, но съ этимъ ничего не подѣлаешь...

— Грѣхъ этотъ старый, міровой, развился и культивировался, въ особенности въ Азіи, еще со временъ Содомскихъ...

А красивъ шельмецъ, что и говорить. Здѣсь вѣдь они случайные гости: эти бачи Гиссарскаго кушъ-беги (Бухарскій генералъ губернаторъ Восточной Бухары). У Эмира, говорятъ, еще лучше...

— Ну, а у обыкновенныхъ смертныхъ бачи одно безобразіе и пародія на женщину... За такое представленіе эти своеобразныя проститутки не одну тысячу рублей здѣсь въ Ширабадѣ заработаютъ...

— Откуда же пополняются ихъ ряды?

— Да какъ вамъ сказать,—богатые люди покупаютъ мальчиковъ у бѣдныхъ. Ну, такой бача и живетъ припѣваючи, а потомъ, когда входитъ въ

возрастъ, такъ открываетъ школу для подготовки бачей; тоже дѣло выгодное

Снова заговорили бубны, звеня бубенчиками; еще красивѣе и еще болѣе обворожительно, конкуррируя другъ передъ другомъ, вышли оба бачи въ кругъ и плавно закружились, дѣлая движеніе сборками халатовъ, какъ бы подражая серпантину...

Слѣдя за ними жадными глазами, дикими криками завывала толпа зрителей, подпѣвая музыкантамъ и неистово хлопая въ тактъ ладонями.

— Однако, какъ ни говорите, а все-таки смотрѣть противно...

— Что?—обернулся ко мнѣ Д.

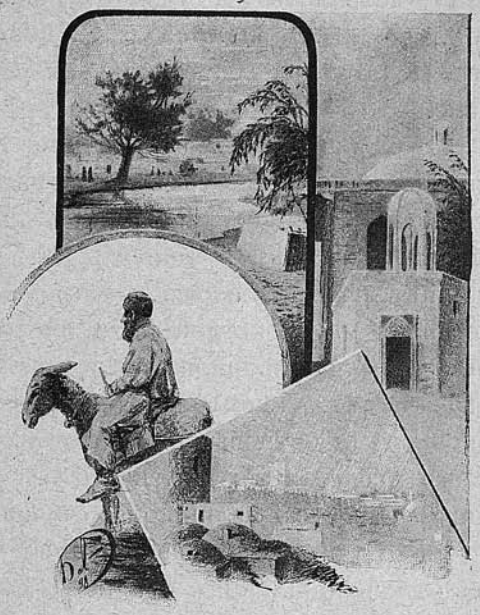
— Противно! Вздоръ все... Отрицать не будете, что красиво, ну и смотрите, отбросивъ всякую условную мораль...

Лишь долго за полночь окончился этотъ своеобразный до-нельзя балетъ, красивый по внѣшности, но пробуждающій противоестественные инстинкты у зрителей.

Мы посмотрѣли на картинку азіатской жизни, открыто переживаемую туземцами и стыдливо, будто легкой дымкой, закрываемую европейцами, но нашедшую даже снисходительное отношеніе къ себѣ въ русскомъ законодательствѣ, выработанномъ для туземнаго населенія Средней Азіи.

XI.

Праздникъ Саиля — новаго года.—Борьба. Охота съ соколами.—Бухарскій магнетизеръ.—Сила гипноза. Преданіе о дьяволѣ и сотвореніи человѣка



Утромъ мы уже собрались двигаться дальше, но пришедшій пить съ нами чай бекъ убѣдительно просилъ остаться, приглашая посмотрѣть на празднованіе новаго года въ Ширабадѣ. Въ виду такой приманки, мы остались вновь и провели весь день среди базарной сутолоки.

Обычай праздновать начало весны, а вмѣстѣ съ нею и новаго года, принадлежитъ къ числу очень древнихъ и, очевидно, является пережиткомъ изъ жизни народовъ, населявшихъ край до Монгольскаго завоеванія.

Саиль — праздникъ весны. Какъ весна свѣжа своей жизнью, такъ свѣже все платье на туземцахъ, пріобрѣтающихъ его обязательно къ саилю... Задолго до праздника начинаются приготовленія къ нему, устройствомъ особаго мѣста для гулянья, на которомъ выставляются разукрашенныя палатки и строятся цѣлые ряды временныхъ лавокъ и чайхане.

Въ городахъ Бухары саиль празднуется лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣютъ свое пребываніе мѣстные беки, устраивающіе этотъ праздникъ при помощи административныхъ лицъ и жителей. Выставивъ рядъ палатокъ и навѣсовъ и тутъ же приготовляя массу котловъ для плова и шурпы, которыми угощаютъ почетныхъ гостей, бекъ за тѣмъ назначаетъ каждому амлякдару то количество рису, барановъ и ситцевыхъ халатовъ, которое онъ долженъ представить; послѣдній въ свою очередь собираетъ все съ излишкомъ съ населенія...

Рано утромъ въ назначенный день изъ всѣхъ далекихъ кишлаковъ и ауловъ собираются всѣ жители на мѣсто гулянья. Вся празднично одѣтая и весело настроенная толпа ожидаетъ прибытія бека, который, одѣтый въ золотой халатъ, на конѣ подъ золотою же попоною, появляется въ сопровожденіи большой свиты и принимаетъ почтительное поздравленіе отъ аксакаловъ. Весь народъ дѣлаетъ при этомъ кульдукъ, т. е. поклонъ, затѣмъ начинаются увеселенія.

Мы немного опоздали и поэтому пріѣхали ужъ въ то время, когда начиналась общая молитва.

На обширномъ лугу еще издали виднѣлась огромная толпа народа. Кто конный, кто пѣшій со всѣхъ сторонъ подъѣзжали люди, увеличивая праздничную сутолку, имѣвшую видъ нашихъ ярмарокъ и напоминавшую также гулянье на Дѣвичьемъ полѣ въ Москвѣ. Длинные ряды балагановъ съ акробатами, фокусниками протянулись съ одной стороны, въ видѣ широкой улицы, по которой толпился народъ.

Около пестро убраннаго различными матеріями навѣса расположились на землѣ для совершенія молитвы болѣе почетныя лица. Высокій сѣдобородый Ишанъ скороговоркою чуть слышно бормоталъ какія-то молитвы; вся толпа стояла на колѣняхъ и кланялась въ землю почти одновременно. Важно и степенно красиво чередовались земные поклоны съ подниманіемъ рукъ кверху. Цѣлое море разноцвѣтныхъ чалмъ и халатовъ то поднималось, то вновь склонялось до земли. Вся картина общей молитвы, освѣщенная яркими лучами солнца, была замѣчательно эффектна...

Поздоровавшись послѣ молитвы кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ, мы отправились посмотрѣть на гулянье.

Маленькія временныя лавочки съ кое-какими товарами пріютились тутъ же невдалекѣ отъ цѣлаго ряда балагановъ и каруселей съ лодочками, лошадками, круглыми качелями и прочими развлеченіями, которыя встрѣчаются и у насъ на великорусскихъ ярмаркахъ. Шумъ и крики здѣсь особенно сильны. Слышится смѣхъ дѣтей, веселые возгласы катающихся и рѣзкій скрипъ механизма, ко-

торымъ приводятся карусели въ движеніе. Цѣлая масса всякихъ игрушекъ разбросана на кошмѣ около продавца, предлагающаго ихъ желающимъ. Деревянныя и глиняныя лошадки, пѣтухи и собаки, ярко раскрашенныя, привлекаютъ общее вниманіе и дѣтей и взрослыхъ. Незначительность цѣнъ на игрушки дѣлаетъ ихъ доступными для всѣхъ безъ различія...

Невдалекѣ, почти въ самой серединѣ гулянья, занялъ почетное мѣсто какой-то странствующій циркъ, бросившій городскую жизнь и ѣздящій на гастроли по Бухарѣ. Нѣсколько наѣздницъ въ трико и короткихъ юбочкахъ поставлены въ видѣ живой рекламы у входа, гдѣ на небольшой площадкѣ показываютъ свое искусство два акробата. За полотномъ шатра, въ которомъ помѣщается циркъ, слышатся крики и льются тягучіе звуки какого-то меланхолическаго вальса.

Во всѣ глаза глядя и видимо получая огромное удовольствіе отъ одного созерцанія красотъ, толпится около наѣздницъ народъ, сосредоточенно всматриваясь въ полуоткрытыя формы порядкомъ таки поблекшихъ красавицъ.

Тутъ же въ толпѣ снуютъ разносчики, продающіе массу искусственныхъ бумажныхъ цвѣтовъ, сдѣланныхъ въ видѣ букетовъ... Длинныя палки съ прибитыми къ нимъ въ видѣ крестовъ бумажными мельницами шумно вертятся отъ вѣтра, доставляя особенное удовольствіе дѣтворѣ, толпящейся около этихъ игрушекъ. Крикъ и гамъ стоитъ въ воздухѣ, оглушая каждаго непривыкшаго къ шумному веселью толпы.

Женщины съ закрытыми чадрами лицами и масса дѣтей придаютъ особенно оригинальный видъ общей картинѣ праздника.

Чайхане, устроенные подъ временными навѣсами, полны посѣтителей, слушающихъ разсказчиковъ-импровизаторовъ, расположившихся тутъ же.

Заунывные оглушительные звуки огромныхъ туземныхъ трубъ пріятно раздражаютъ слухъ туземцевъ. Сбоку устроился цѣлый туземный оркестръ, съ громомъ и шумомъ играющій какую-то далеко не музыкальную пьесу... Невдалекѣ расположился татаринъ съ грамофономъ, наигрывающимъ марсельезу.

Около бекскихъ палатокъ толпы народа особенно густы.

Присѣвъ живописнымъ кругомъ на землю, массы людей внимательно наблюдаютъ за борцами, которые, появляясь парами и заявивъ свои имена чиновнику, записывающему всѣхъ борцовъ и результаты борьбы въ особую книгу, выходятъ затѣмъ на середину и начинаютъ борьбу. Каждая побѣда дается не легко. Схватившись руками за поясъ противника, долго кружатся борцы по аренѣ, стараясь всѣми силами сбросить другъ друга на землю. Толпа одобрительно кричитъ побѣдителю привѣтствіе... Нѣсколько распорядителей-судей борьбы разомъ кидаются къ поверженному и, поднявъ особыя палки, приказываютъ борющимся остановиться. Вмѣшательство—далеко не лишнее. Порою разсердившійся борецъ, желая отомстить своему противнику, въ азартѣ хватается за поясной ножъ, и тогда представленіе заканчивается убійствомъ.

Самъ бекъ, интересуясь исходомъ борьбы, внимательно слѣдитъ за ней... Побѣдитель, вскочивъ на ноги и остановившись передъ бекомъ и отвѣсивъ глубокій поклонъ, получаетъ призовой халатъ, который торжественно надѣвается ему на плечи... Побѣдившій въ борьбѣ три раза объявляется полваномъ, т. е. богатыремъ и записывается въ особую книгу...

И когда, наскучивъ борьбою, бекъ встаетъ и направляется къ лошадямъ, вся толпа, какъ по командѣ, бросается также къ своимъ конямъ. Черезъ минуту на рукахъ у бека и у многихъ изъ гостей появляются сидящіе подъ колпачками сокола. Замѣтивъ какую-нибудь птицу, летящую къ болоту, выносится красивымъ галопомъ всадникъ и, спустивъ съ руки сокола, весь превращается въ ожиданіе, наблюдая, какъ дрессированный хищникъ, моментально поднявшись высоко въ воздухѣ, будто брошенный камень стремительно кидается на свою жертву. Съ громкимъ крикомъ падаетъ на землю кряковая утка, убитая соколомъ; нѣсколько всадниковъ скачутъ за нею и привозятъ трофей охоты. Въ какихъ-нибудь полчаса на небольшомъ болотѣ уже не остается ни одной птицы. Притороченныя къ сѣдламъ висятъ связки утокъ, куликовъ, чирковъ...

Охота окончена, начинается другая забава...

Откуда-то изъ середины толпы полнымъ карьеромъ выносится всадникъ, держащій на сѣдлѣ козла. Вся толпа разомъ шарахается ему вслѣдъ, и начинается скачка по равнинѣ. Козелъ переходитъ изъ рукъ въ руки... Его рвутъ, вырываютъ изъ рукъ,

и побѣдителемъ оказывается тотъ, кто имѣетъ лучшаго и болѣе сильнаго коня, который, прорвавшись черезъ сотни столпившихся лошадей, выноситъ всадника и даетъ ему возможность доскакать до бека.

— Однако, у меня уже голова разболѣлась,— наконецъ не выдержалъ Д. когда мы пробыли въ этой ярмарочной сутолокѣ часа три...—Пора намъ, немного отдохнувъ, двигаться дальше.

Но я невольно запротестовалъ.

— Нельзя упускать такой удобный случай. Можетъ быть, мы еще чего-нибудь не видали. Подождемъ немного.

— Пожалуй, и подождемъ.

Но только, что же вамъ показать, ужъ право не знаю,—задумался Д.—Что же показать?—Да вѣдь вы еще не видали фальбина, вотъ это тоже интересное явленіе на фонѣ средне-азіатской жизни,— спохватился онъ, что-то вспомнивъ...

И, обратившись къ переводчику бека, сказалъ ему нѣсколько словъ...

— А что же такое фальбинъ?

— Фальбинъ—это по-нашему кудесникъ, прорицатель, магнетизеръ. Онъ можетъ вызвать злыхъ духовъ-джиновъ, предскажетъ будущее, разскажетъ вамъ прошедшее... Все равно, что факиръ въ Индіи или шаманъ въ Сибири. Да вотъ Усманъ разскажетъ о нихъ вамъ болѣе подробно.

— Ты вѣдь видѣлъ, какъ живетъ фальбинъ; разскажи, тюра знать это хочетъ?

— Ахъ, тюра, я не смѣю отказать, но только лучше было бы не встрѣчаться съ фальбиномъ.

— Мнѣ пришлось одинъ разъ жить недалеко отъ такого человѣка, и много я перенесъ страху тогда. Каждую ночь онъ прибѣгалъ къ помощи иблиса (діавола). Какъ только наступаетъ полночь, онъ тотчасъ же собираетъ всѣхъ своихъ джиновъ, которые прилетаютъ къ нему, превращаясь въ разныхъ птицъ. Тогда начинаются танцы. Синій огонь выходитъ изъ земли... Громъ бываетъ, и вся земля трясется... А въ саклѣ двери сами собою отворяются, и саазы и бубны начинаютъ играть танецъ иблиса. Ужасно страшно, тюра...

Здѣсь также есть одинъ такой; бекъ приказалъ, скоро придетъ. Но только тюра лучше его не спрашивать. Тогда твоя дорога будетъ спокойна. Спросишь, не хорошо будетъ...

Разговаривая съ Усманомъ, мы добрались до посольскаго дома и лишь только успѣли войти въ комнату, какъ черезъ нѣсколько времени переводчикъ сообщилъ намъ, что пришелъ Умаръ-Ханъ.

— Кажется, это и есть самъ прорицатель,—вполголоса сказалъ Д. указывая на сѣдобородаго старика, степенно вошедшаго въ комнату и отвѣсившаго почтительный кулдукъ (поклонъ).

— Тюра меня хотѣлъ видѣть, обратился онъ къ намъ обоимъ. Если мои незначительныя силы и знанія нужны тюрамъ, то я готовъ сдѣлать все, что прикажутъ...

— Благодарю, старикъ. Намъ сказали, что ты имѣешь таинственную власть предсказать будущее. Если для тебя это не трудно, то сдѣлай намъ удовольствіе и приподними край завѣсы сокрытаго...

— Хорошо, тюра, я покажу. Но раньше я долженъ знать ваше прошедшее и настоящее...

Вотъ бала [1]), что стоитъ, мнѣ поможетъ въ этомъ.

Красивый мальчикъ, лѣтъ 8—9, взошелъ въ комнату.

— Это, мой сынъ, тюра, и мой помощникъ во всѣхъ дѣлахъ моихъ; какъ я получилъ свою силу и знанія своего отца, а онъ отъ дѣда, такъ сынъ мой наслѣдуетъ всѣ тѣ знанія, которыя за всю долгую жизнь собрали наши предки...

Мнѣ нуженъ также сосудъ съ чистою водою...

— Бала, садись на землю и смотри хорошенько въ воду.

Мы заняли мѣсто невдалекѣ.

Поднявъ руки кверху, дѣлая пассы и порою ударяя въ бубенъ, онъ началъ вполголоса говорить какія то заклинанія.

— О Рахими Рахманъ! О джины, явитесь ко мнѣ по приказу Аллаха... Скажите всю правду... Я не знаю... Аллахъ все знаетъ! И онъ всемогущъ! О ша (царственный) Джинъ!

Постепенно возгласы его дѣлались громче и повелительнѣе... Поднявъ руки, онъ порою опускалъ ихъ почти на голову мальчика, продолжавшаго пристально смотрѣть въ тазъ съ водою.

— Теперь готово...

— Положите на дно сосуда серебряную монету и спрашивайте...

Исполнивъ требуемое, я посмотрѣлъ на маль-

[1]) Бала—мальчикъ.

чика, который, казалось спалъ; сильно расширенные зрачки его остановились...

— Я долженъ видѣть родителей старшаго тюры..

— Что видишь, бала, обратился фальбинъ съ вопросомъ къ мальчику.

— О ша! Высокій сѣдой тюра съ голубыми глазами и съ длинною бородою смотритъ на меня... Волосъ на головѣ нѣтъ совсѣмъ... Теперь ханумъ [1]), ахъ какая хорошая. Старая добрая ханумъ... Смѣется такъ ласково. У ней на глазахъ стекла. Они блестятъ очень, и моимъ глазамъ больно смотрѣть на нихъ.

— Однако, вѣдь это что-то совершенно невѣроятное. Вѣдь описаніе моихъ отца и матери сдѣлано совершенно вѣрно, съ удивленіемъ сказалъ Д.

— Ну, теперь, старикъ, можетъ быть, ты скажешь мнѣ мое будущее...

— Охотно, но только пусть другой тюра уйдетъ Джины не любятъ показываться, когда много людей.

Я вышелъ.

Часа черезъ два мы уже выѣзжали изъ Ширабада по ровной, какъ столъ, широкой дорогѣ. Д. былъ въ задумчивомъ настроеніи.

— Что съ вами?

— Да такъ, какъ-то не по себѣ,—вѣроятно, лихорадитъ. Но знаете ли, замѣчательное дѣло, у этого старика огромная сила. Онъ гипнотизеръ положительно первоклассный.

— Что же онъ вамъ предсказалъ?—допытывался я.

— Нѣтъ, подожду разсказывать, посмотрю, что изъ его предсказанія выйдетъ.

[1]) Ханумъ—госпожа.

Ширабадъ остался далеко сзади насъ, а впереди разстилалась безконечная Аму-Дарьинская долина.

Уныло мурлыча себѣ подъ-носъ какую-то безконечную монотонную пѣсню и изрѣдка подгоняя лошадей, клевалъ на облучкѣ носомъ ямщикъ-киргизъ. Я уже собирался вздремнуть, но мой спутникъ, видимо, не могъ успокоиться.

— А ты знаешь фальбина Умаръ-Хана,—наконецъ спросилъ онъ ямщика

— Ходжа-Умара?!.

— Съ Иблисомъ другъ!—разомъ отрѣзалъ тотъ и сталъ немилосердно нахлестывать лошадей.

— Аллахъ приказалъ Иблису быть у человѣка слугою, но хотя Иблисъ и не исполнилъ воли Аллаха, не признавъ человѣка за господина, а все-таки Аллахъ тогда велѣлъ ему жить отъ людей далеко, и лишь злые люди живутъ съ нимъ вмѣстѣ.

— Когда же Аллахъ приказалъ Иблису людямъ служить?—выходя изъ задумчивости, спросилъ Д.

— Мулла мнѣ самъ разсказывалъ,—снова заговорилъ ямщикъ,—когда Аллахъ сотворилъ человѣка и далъ ему свой образъ, онъ сказалъ ангеламъ:

„Поклонитесь Адаму потому, что онъ похожъ на меня“.

И всѣ Ангелы стали ему поочереди кланяться и даже великіе начальники ангеловъ: Азраилъ, извлекающій души у людей передъ смертью, Исрафимъ, трубящій въ трубу передъ кончиной міра, Михаилъ, ангельскій военачальникъ и Джебраилъ (Гавріилъ), посланецъ Божій, поклонились Адаму.

Но не захотѣлъ поклониться одинъ гордый Иблисъ.

И когда Аллахъ спросилъ его о причинахъ, онъ сказалъ:

„Не поклонюсь я Адаму потому, что ты сотворилъ его изъ глины, а меня изъ огня, и стою я дороже Адама“.

Прогналъ тогда Аллахъ Иблиса съ глазъ своихъ и низвергъ его съ высоты прежняго величія.

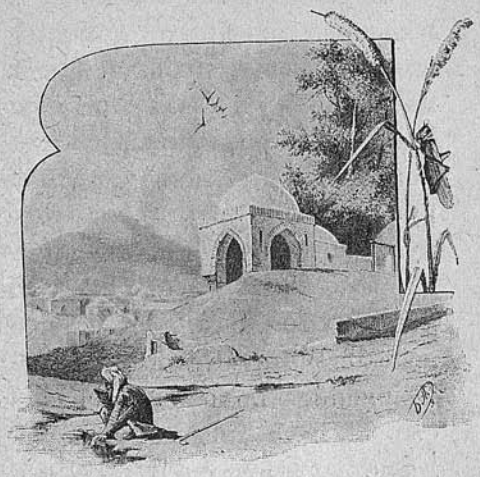
Сталъ съ тѣхъ поръ Иблисъ вопреки волѣ Аллаха дѣлать зло людямъ и лишь съ злыми людьми онъ живетъ въ дружбѣ.

А я хорошій мусульманинъ и съ Умаромъ знакомства не веду...



XII.

Проказа и прокаженные.—Земледѣліе и сборъ податей. — Опечатаніе зерна.—Злоупотребленія бухарскихъ властей.—Крѣпость Термезъ.



Навстрѣчу намъ попадались то и дѣло группы туземцевъ, спѣшившихъ на празднованіе Саиля. Изъ дальнихъ кишлаковъ и кочевій тянулись цѣлые караваны. Разукрашенные кистями и бубенчиками верблюды шли весело, неся на себѣ небольшія корзины, въ которыхъ, полулежа, раскачивались ѣхавшія женщины и дѣти... Въ яркихъ халатахъ, увѣшанныхъ серебрянными монетами и различными украшеніями, съ громкимъ смѣхомъ переговариваясь съ попутчиками, непринужденно сидѣли туземныя дамы въ своихъ тряскихъ экипажахъ. Дѣтвора шумѣла и любопытными глазенками провожала встрѣчныхъ урусовъ. Съ боку, держа за веревку передняго верблюда, ѣхали главы семействъ, кто верхомъ, кто на ишакѣ. Бѣдняки байгуши-работники шли пѣшкомъ, стараясь не отставать отъ своихъ.

Порою попадались какія-то фигуры, двигавшіяся пѣшкомъ далеко въ сторонѣ отъ дороги, кутаясь въ лохмотья и рубища. Люди эти являлись типичнѣйшими по костюмамъ представителями нищихъ. Скоро мы поровнялись съ одною такою группою, подъѣхавъ къ нимъ совсѣмъ близко. Нѣсколько рукъ протянулось къ намъ, прося подаянія. Я вынулъ кошелекъ, но, взглянувъ на стоящихъ передъ нами, едва не выронилъ его изъ рукъ. Прямо на меня смотрѣли до-нельзя страшныя, изуродованныя, нечеловѣческія лица... Вывороченныя вѣки, провалившійся носъ на багрово-красномъ, будто изъ сырого мяса лицѣ и лишенные рѣсницъ глаза глядѣли, не мигая.

— Да, вѣдь это прокаженные!—съ невольнымъ ужасомъ воскликнулъ я, обращаясь къ своему спутнику.

Тотъ утвердительно кивнулъ головой...

Проказа...

Какая страшная вѣковая болѣзнь, поражащая человѣчество съ тѣхъ поръ, какъ оно себя помнитъ.

Въ библіи, въ книгѣ Іова разсказана исторія одного человѣческаго страданія. Богатый знатный библейскій патріархъ, глубоко вѣрующій въ промыселъ Божій, лишь для испытанія въ своей вѣрѣ, по волѣ Всемогущаго, заболѣлъ этою страшною болѣзнью, со смиреніемъ перенося ее и считая за счастье быть избранникомъ Творца, и эта могучая покорность волѣ Божьей не осталась безъ награды... Господь по милосердію своему исцѣлилъ Іова.

Суровъ былъ законъ библейскій относительно прокаженныхъ—внѣ людской жизни ставилъ онъ несчастныхъ, выбрасывая ихъ изъ общества и обрекая на медленное умираніе.

Всей своей милосердной душой скорбя о прокаженныхъ и не оставаясь глухимъ къ страданіямъ этихъ парій человѣчества, говорилъ имъ Спаситель міра слова любви и прощенія и, возлагая руки на ихъ гнойныя головы, исцѣлялъ сильныхъ вѣрою въ него...

Великій пророкъ Востока, Магометъ, не могъ отрѣшиться отъ вѣковыхъ взглядовъ, сложившихся у его соплеменниковъ, и ввелъ въ свое законодательство безпощадный законъ, гласящій: „Мусульмане, бѣгите отъ прокаженныхъ, отмѣченныхъ за грѣхи Аллахомъ, какъ отъ дикихъ звѣрей“...

Возвращавшіеся съ востока крестоносцы перенесли проказу въ Европу, но, защищая огнемъ и мечемъ великій символъ любви и страданія—крестъ, сами средневѣковые христіане не сумѣли проникнуться идеями этой любви, въ силу чего противъ прокаженныхъ были выработаны драконовскіе законы, по которымъ заболѣвшихъ отпѣвали заживо и изгоняли изъ общества.

И влачили свою страшную жизнь эти отверженные, нося особую желтую одежду и не смѣя приближаться къ городамъ и селеніямъ...

Въ наше время отношенія къ этимъ несчастнымъ выработались въ систему удаленія ихъ изъ общества и помѣщенія въ особо изолированныя поселенія, носящія на западѣ названіе лепрозорій,—на мусуль-

манскомъ востокѣ—махау... Борьба же съ проказою оказалась не подъ силу людямъ. До сихъ поръ не найдено средствъ для излеченія этой болѣзни, и медицина всего міра безсильна передъ нею. Періодически болѣзнь, то на востокѣ, то на западѣ вспыхиваетъ со страшной силой, вырывая изъ жизни все новыя и новыя жертвы... И чтобы хоть чѣмъ-нибудь охранить здоровыхъ отъ возможности заболѣваній, противъ прокаженныхъ принимались суровыя мѣры... Десятки тысячъ больныхъ проказою—на Востокѣ, но не меньше ихъ во Франціи, Германіи, Италіи и Норвегіи. Даже у насъ, въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Поволжьи и на Таврическомъ полуостровѣ, свирѣпствуетъ эта болѣзнь, поражая постепенно всѣ части тѣла и превращая человѣка въ разложившійся заживо трупъ, проказа производитъ страшныя разрушенія въ организмѣ. Медленно и постепенно разрушаются зубы, омертвѣваетъ кожа, отваливаются отгнившія руки и ноги, и вытекаютъ глаза... То вся кожа на тѣлѣ превращается въ сплошной струпъ, то появляются страшныя глубокія язвы...

И живутъ прокаженные иногда десятки лѣтъ, испытывая невыносимыя страданія и ожидая, какъ высшаго блага—смерти, могущей прекратить эту ужасную жизнь.

— Изъ Динау идутъ,—сказалъ ямщикъ, мотнувъ головой на группу прокаженныхъ. Тамъ, тюра, отсюда верстъ 50 будетъ, кишлакъ махау есть. Въ немъ они всѣ и живутъ, много такихъ людей тамъ. На нихъ Аллахъ прогнѣвался за что-нибудь и послалъ болѣзнь въ наказаніе.

— Какъ же живутъ они тамъ?

— Живутъ хорошо, земля есть, пшеница, ячмень, джугура сѣютъ. Гдѣ народъ на базаръ на тамошу ѣздитъ, около дороги садятся, деньги просятъ, потомъ себѣ ашать [1]) покупаютъ.—Хорошо они живутъ...—убѣдительно добавилъ этотъ своеобразный философъ, подстегивая лошадей и, видимо, стремясь возможно скорѣе отъѣхать отъ этихъ хорошо живущихъ людей.

Дорога между тѣмъ шла безводною степью. Кое-гдѣ по сторонамъ виднѣлись значительныя площади сыпучихъ песковъ, а вдали, сливаясь съ горизонтомъ, виднѣлась горная цѣпь, шедшая параллельно Аму-Дарьи. Будто окруженныя высокими крѣпостными стѣнами, выдѣлялась среди горъ огромной вышины снѣжная вершина горы Ходжа-Ипакъ, считающаяся самою высокою въ южной части Гиссарскаго хребта. Вправо отъ дороги разстилалась безбрежная равнина, а впереди уже видны были горы, находящіяся на Авганской территоріи, за Аму-Дарьей.

Изрѣдка попадались небольшіе клочки земли съ проведенными, но въ настоящее время заброшенными арыками.

Бойко, крупною рысью, бѣжали лошади, и скоро впереди насъ показался кишлакъ Ангаръ, расположенный недалеко отъ берега рѣки Карасу, глубоко прорѣзавшей свое русло въ лесовой почвѣ и поэтому почти совершенно безполезной для цѣлей орошенія. Солоноватая мутная вода рѣки служитъ

[1]) Ашать—ѣсть.

лишь для водопоя овецъ и верблюдовъ, пригоняемыхъ съ сосѣднихъ горъ не чаще раза въ недѣлю...

Небольшая чахлая растительность виднѣется около кишлака, являющагося лишь станціей для каравановъ, направляющихся въ Патта-Гиссаръ. Весь кишлакъ Ангаръ состоитъ изъ десятка глинобитныхъ сакль и обширныхъ загоновъ для скота. Нѣсколько деревьевъ какъ-то сиротливо выглядываютъ изъ-за глинобитныхъ стѣнъ. Вокругъ кишлака на небольшомъ пространствѣ виднѣются обработанныя поля.

Тяжело ступая по разрыхленному мягкому лесу, медленно двигаются волы, запряженные парами въ примитивный деревянный плугъ (омачъ), совершенно одинаковый съ тѣмъ, который встрѣчается на картинахъ, изображающихъ человѣческую жизнь 2000 лѣтъ тому назадъ. Неуклюжее, топорно сдѣланное ярмо лежитъ на шеяхъ быковъ, съ усиліемъ тянущихъ бревно, къ которому вмѣсто лемеха пристроенъ подъ косымъ угломъ деревянный же заостренный колъ, дѣлающій узкую и мелкую борозду. Лишь благодатный плодотворный лесъ и вода, помогая людской работѣ, довершаютъ дѣло, начатое такими примитивными земледѣльческими орудіями...

Въ концѣ кишлака около сакли, окруженной высокой глинобитной стѣной, расположилась цѣлая толпа туземцевъ, вѣшавшихъ мѣшки съ пшеницею и ячменемъ.

— Здѣсь какъ разъ и будетъ наша остановка,— сказалъ Д.

— Подъѣзжай-ка къ аксакалу, за лошадьми мы

на станцію потомъ пошлемъ, все равно погода хмурится, да и поздно, засвѣтло до Термеза не доберемся, а ночью подъ дождемъ ѣхать я—слуга покорный...

Снова привѣтливо засвѣтился мангалъ, распространяя запахъ угара, къ которому за дорогу мы уже почти привыкли. Забурлилъ поставленный къ огню чугунный чайникъ, появился неизбѣжный подносъ съ изюмомъ, конфектами, леденцами и мѣстными туземными сластями,—однимъ словомъ, достарханъ по строго опредѣленной программѣ, успѣвшій за дорогу порядочно-таки надоѣсть.

— Лучше было бы добраться сегодня до Термеза,—нерѣшительно запротестовалъ я, усаживаясь на кошму и подвигая подъ себя какое то сомнительной свѣжести одѣяло.

Но Д. былъ непреклоненъ...

Сквозь открытыя двери виднѣлся дворъ со стоящими на приколахъ осѣдланными и закутанными попонами лошадьми. Въ сосѣднемъ помѣщеніи продолжали ссыпать зерно, и до насъ долетали шумъ возни и какіе-то безконечные разговоры.

— Подать собираютъ,—отвѣтилъ на мой вопросъ аксакалъ.—Хераджный сборъ привезли. Теперь мѣряемъ—сколько.

— Много ли берется податей съ населенія?

— Нѣтъ, немного, сколько по закону слѣдуетъ,—уклонился отъ прямого отвѣта аксакалъ.

— Ну, вы этого отъ него ни за что не узнаете. Прямой интересъ скрыть точное количество полученнаго въ свою пользу является въ этомъ случаѣ

побудительною причиною. Но я за свое шатанье по кишлакамъ и ауламъ Бухары насмотрѣлся достаточно на все и могу удовлетворить вашу любознательность.

Долженъ предварительно сказать вамъ, что подати, платимыя населеніемъ, были вначалѣ точно опредѣлены Магометомъ въ коранѣ, но затѣмъ, съ теченіемъ времени, постепенно онѣ произвольно измѣнялись правительствами отдѣльныхъ мусульманскихъ государствъ, въ силу чего въ настоящее время основанія обложенія, указанныя въ коранѣ, если и остались, то лишь по формѣ, являясь уже несравненно большими въ дѣйствительности, и кромѣ того появились новыя обложенія населенія, которыхъ законодатель корана не опредѣлилъ.

Главныя подати, уплачиваемыя населеніемъ въ Бухарскомъ ханствѣ, въ настоящее время слѣдующія: подать съ произведеній земли—хераджъ; подать съ торговли—закетъ; со скота—аминана и таможенныя пошлины—бажгиръ. Но кромѣ этихъ четырехъ видовъ обложенія, Бухарское правительство, стремящееся извлечь съ населенія возможно большій доходъ и почти не несущее никакихъ расходовъ, ввело еще цѣлый рядъ мелкихъ обложеній и податей, платимыхъ населеніемъ отчасти въ казну эмира и отчасти на содержаніе мѣстной администраціи: бековъ, амлякдаровъ, зякятчи, казіевъ и т. п. лицъ, которые, по принятому обычаю, содержанія отъ казны никакого не получаютъ и, будучи обязаны доставить эмиру извѣстную сумму податей, взыскиваютъ больше, оставляя излишекъ въ свою пользу.

Изъ этого главнаго основанія финансовой системы можно видѣть, что таковая крайне похожа на нашу допетровскую систему кормленія, на которое посылались воеводы въ города, отдаваемые имъ въ безконтрольное завѣдываніе. При всемъ томъ, по всей Бухарѣ царствуетъ произволъ полнѣйшій, и закона для маленькаго человѣка не существуетъ. Бекъ—это полновластный распорядитель его судьбы и даже жизни. Онъ же вмѣстѣ съ другими лицами и распорядитель всего имущества обывателя.

Всѣ вышеперечисленныя подати собираются особымъ порядкомъ, и, поэтому, чтобы лучше ихъ выяснить, разскажу вамъ про каждую подать отдѣльно.

Начну съ хераджа: какъ уже раньше сказано, это подать съ произведеній земли. По шаріату (законъ духовный) съ произведеній земли, орошаемой естественнымъ путемъ, должна взиматься одна десятая часть всего сбора, а съ орошаемой искусственно—половина десятой части, т. е. $^1/_{20}$; бухарское же правительство этотъ законъ измѣнило, опредѣливъ подать въ одну пятую въ первомъ и одну десятую во второмъ случаѣ. Подать эта собирается со всякаго зернового хлѣба. Обыкновенно каждый землевладѣлецъ, обмолотивъ хлѣбъ, складываетъ его въ кучу и дотрогиваться до него не имѣетъ права до прибытія особаго чиновника-сборщика (дарага), который завѣдуетъ извѣстнымъ раіономъ и наблюдаетъ, чтобы ни одна самая малѣйшая часть урожая не была бы скрыта. Прибывшій чиновникъ опечатываетъ все зерно въ каждой кучѣ...

— Какъ опечатываетъ,—заинтересовался я, не

будучи въ состояніи понять выполненія такой манипуляціи.

— А такъ: зерно собирается въ кучи по сортамъ хлѣбовъ, а затѣмъ берется нѣсколько комьевъ сырой земли, и на поверхности ихъ дѣлается отпечатокъ печати, комья эти вставляются въ кучу зерна на извѣстной, точно опредѣленной высотѣ отъ земли и по кругу на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи. Послѣ опечатыванія окарауливаніе прекращается, а въ случаѣ похищенія, что обнаружится, благодаря смѣщенію печатей съ мѣста, отвѣтственность падаетъ на хозяина. Черезъ нѣсколько времени пріѣзжаетъ амлякдаръ (начальникъ уѣзда) съ аксакалами и опредѣляетъ на-глазъ количество зерна въ батманахъ (батманъ—мѣра отъ 8 до 16 пудовъ въ зависимости отъ мѣстности, гдѣ какой принятъ), причемъ амлякдаръ всегда умышленно увеличиваетъ количество. Хозяинъ же уменьшаетъ. Тогда начинается торгъ, и съ помощью особаго посредника (имена)—сельскаго старосты, достигается соглашеніе. Послѣ этого амлякдаръ записываетъ, сколько причитается съ даннаго лица хераджа. Самая же уплата производится не натурою, а деньгами по особымъ справочнымъ цѣнамъ, устанавливаемымъ правительствомъ для каждаго бекства. При опредѣленіи количества и при взиманіи подати идутъ прижимки и злоупотребленія.

Зякетъ есть подать, установленная въ размѣрѣ $^1/_{40}$ стоимости или $2^1/_2$ процентовъ съ каждаго проданнаго товара, а также и со скота, причемъ, хотя коранъ и указываетъ, что зякетъ не можетъ быть

взимаемъ съ имущества, которое находится у владѣльца менѣе года, но въ Бухарѣ это крѣпко забыли и взимаютъ одну овцу съ сорока овецъ, съ пяти верблюдовъ одинъ баранъ и т. д. Подать эту уплачиваютъ всѣ владѣльцы, а равно и всѣ торговцы, продающіе товары. Коранъ опредѣляетъ, что зякетъ есть подать, уплачиваемая каждымъ мусульманиномъ, находящимся въ здравомъ умѣ, совершеннолѣтіи, если онъ владѣетъ чѣмъ-нибудь на правахъ собственности. Для сбора зякета имѣются особые чиновники зякетчи. Они же ведутъ учетъ скота и наблюдаютъ за торговцами, получая всѣ причитающіяся подати. Для учета скота ведется точная перепись. Зякетъ также берется не натурою, а деньгами, причемъ стоимость барана установлена опредѣленная.

Аминана есть подать или точнѣе сборъ съ вѣсовъ. Каждый продающій и покупающій что-либо обязанъ вѣсить на казенныхъ вѣсахъ, стоящихъ на базарѣ, причемъ за каждый батманъ (16) уплачивается три теньги (45 коп.), за верблюда и лошадь—2 теньги (30 коп.), за корову—$^1/_4$ теньги. Вѣсы и вмѣстѣ съ ними сборъ аминаны сдаются въ аренду за извѣстную сумму на годъ. Все, сколько соберетъ арендаторъ, онъ оставляетъ въ свою пользу. Большею частью аренду принимаютъ на себя амлякдары.

Послѣдняя крупная подать—это башгиръ: таможенныя пошлины, взимаемыя не только съ товаровъ привозимыхъ изъ Персіи, Авганистана и русскихъ губерній, но и со скота, перегоняемаго изъ од-

ного бекства въ другое. Взимается башгиръ въ особыхъ таможняхъ, поставленныхъ на проѣзжихъ дорогахъ.

Кромѣ этихъ крупныхъ податей существуетъ цѣлый рядъ мелкихъ. Ассія-пулы съ мельницъ и рисовыхъ толчей отъ 20 до 100 тенегъ (отъ 3-хъ до 15 руб.) въ годъ. Танапъ-пулы съ фруктовыхъ садовъ, отъ 16 до 18 тенегъ въ годъ. Зякетъ-чекана съ лицъ, имѣющихъ не менѣе 40 барановъ, по $7^1/_2$ коп. съ каждаго барана.

Кошъ-пулы—первый, весенній сборъ съ каждой пары рабочихъ воловъ. Яръ-сара—второй, осенній сборъ съ каждой пары воловъ. Въ этомъ случаѣ оправдывается наглядно русская пословица, что съ одного вола дерутъ по двѣ шкуры.

Кофсанъ—сборъ по одному пуду съ каждаго батмана въ пользу амлякдара.

Мирабъ-ана—сборъ въ пользу завѣдывающаго ирригаціей мираба.

Кафсанъ-дорга—въ пользу чиновника, опечатывающаго зерно.

А дальше идутъ судебныя пошлины, взимаемыя казіями (судьями); подать, собираемая раисами (духовными), и цѣлый рядъ податей, которыя устанавливаютъ произвольно каждый бекъ по своему усмотрѣнію.

Какъ видите, бѣднаго бухарца бухарское правительство высасываетъ со всѣхъ сторонъ, и, если когда-нибудь Бухара будетъ присоединена къ Россіи, то мы получимъ буквально нищихъ.

Но самое худшее въ этомъ дѣлѣ то, что если

близко стоитъ какая-нибудь русская военная часть, то всякія подати еще сбираются беками яко бы на содержаніе русскихъ, или же будто бы по ихъ приказанію. Даже проѣздъ русскаго офицера, топографа, и тотъ ложится на населеніе, такъ какъ амлякдаръ сейчасъ же, пользуясь случаемъ, возьметъ съ населенія яко бы на пополненіе произведенныхъ расходовъ по пріему русскаго тюры...

Вообще, государственное хозяйство Бухары все ведется хищнически, и результаты его печальны.

— Обидно, что наши власти не хотятъ обратить на это явленіе должнаго вниманія; вѣдь потомъ, когда хватятся, будетъ поздно, и вмѣсто богатой страны современемъ мы получимъ нищихъ, которые явятся новымъ тяжелымъ бременемъ для русскаго государственнаго бюджета. Давно пора обратить вниманіе на Бухару. Вѣдь съ поисками въ Маньчжуріи мы совершенно упустили изъ виду эту богатую страну.

Утромъ мы совершенно незамѣтно проѣхали большое разстояніе и начали приближаться къ укрѣпленію Термезъ. Темная полоса при аму-дарьинскихъ камышей давно уже открылась передъ нашими глазами; съ обѣихъ сторонъ дороги на далекое разстояніе виднѣлись какія-то развалины, полузанесенныя пескомъ. Груды жженаго кирпича, осколки посуды покрывали окрестности на далекое разстояніе. Кое-гдѣ виднѣлись полуосыпавшіяся высокія башни мечетей съ провалившимися куполами. Полоса сыпучихъ песковъ, появившаяся въ позднѣйшее время, усердно засыпала остатки человѣ-

ческой жизни. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлые ряды построекъ сохраняли въ неприкосновенности свои очертанія, но безпощадное время и безжалостная рука человѣка видимо сильно поработали надъ этими древними стѣнами, ободравъ цвѣтные изразцы и разрушивъ художественные орнаменты.

— Это развалины древняго Термеза,—указалъ мой спутникъ,—а вонъ тамъ, вдалекѣ, уже вырисовываются стѣны крѣпости Термезъ.

Старый вѣковой городъ!.. Почти три тысячелѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ городъ Термезъ былъ основанъ.

Поднимаясь нѣсколько разъ до значенія мірового города, онъ снова прихотью судьбы превращался въ развалины.

Лишь послѣднихъ три столѣтія жизнь въ немъ окончательно прекратилась, и одни груды мусора, да остатки зданій и стѣнъ наглядно подтверждаютъ ту прежнюю силу, которою въ свое время являлось древнее приаму-дарьинское государство, и на смѣну котораго въ настоящее время, на этомъ далекомъ пустынномъ берегу Великой Аму, построена русская Термезская крѣпость, золотой крестъ на соборѣ которой, какъ бы осѣняя всю равнину, является въ то же время символомъ безконечности людского бытія.

Сѣрыя крѣпостныя стѣны съ прорѣзанными бойницами мрачно смотрѣли на старый городъ, а огромное русское кладбище, примыкавшее къ нему, съ цѣлымъ лѣсомъ крестовъ, являлось какъ бы наглядною связью между его прошлымъ и настоящею

жизнью Термезской крѣпости. Сотни людей, придя изъ далекой Россіи, легли здѣсь на Божью ниву, не перенеся тяжелыхъ жизненныхъ условій.

Но на смѣну имъ пришли новые люди...

И новая жизнь забила ключемъ.

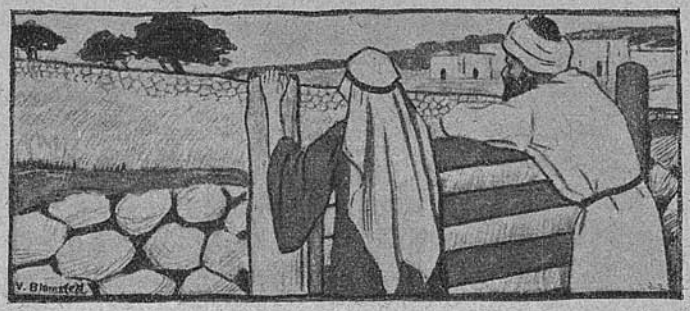
Глухо застучала подъ копытами лошадей и колесами экипажа деревянная настилка моста при въѣздѣ подъ арку воротъ Термезской крѣпости.

Привѣтливо замелькали передъ нами огоньки домовъ.

Мы подъѣхали къ крыльцу офицерскаго собранія.

Часть длинной дороги осталась позади, а впереди насъ ожидала тысячеверстная поѣздка верхомъ...





XIII.

Долина рѣки Сурхана.—Аму-Дарья.—Орошеніе Термеза.—Полковникъ Кастальскій.—Киргизскій аулъ.—Туземный обѣдъ.

Бѣлыя волны густого тумана застилали всѣ окрестности, сгустившись плотной стѣною надъ Аму-Дарьей. Вѣтеръ, порой сорвавшись изъ горныхъ ущелій, разрывалъ эту завѣсу и, шелестя въ зарослях камыша, открывалъ мѣстами темную, будто свинцовую, поверхность водяной равнины.

Огромные прирѣчные тугаи зеленѣли по берегамъ рѣки, переходя по мѣрѣ удаленія отъ водъ въ мертвую, песчаную пустыню. Вдали, сквозь туманъ, виднѣлись снѣговыя вершины Гиссарскаго хребта, освѣщенныя пурпуровымъ отблескомъ восхода.

Солнце, разбрасывая свои яркіе лучи, разомъ поднялось надъ горизонтомъ, и моментально туманы, какъ будто испугавшись, быстро заклубились, а за-

тѣмъ, растворившись въ лучахъ свѣта, исчезли, открывъ видъ на всю долину рѣки, и будто огневой искрой мелькнулъ свѣтъ гдѣ-то далеко, выдвинувъ изъ тумановъ высокую колокольню крѣпостной церкви, которая нѣсколько мгновеній, казалось, стояла въ воздухѣ, отдѣлившись отъ земли. Черезъ минуту слѣдомъ за ней показались грязно-сѣрыя стѣны Термезской крѣпости, изъ которой мы выѣхали на разсвѣтѣ, направляясь въ Восточную Бухару.

Лошади, фыркая и играя, красиво собравшись, шли бодрою иноходью, которой легко возможно пройти до 10-ти верстъ въ часъ. Песчаная почва разстилалась по берегу рѣки, какъ будто желая засыпать прибрежную полосу зелени, и желтой унылой равниной была видна до самаго горизонта, гдѣ окаймлялась высокою горною цѣпью.

Мой спутникъ, топографъ Б., ѣхалъ впереди на высокомъ машистомъ туркменѣ, за которымъ, едва поспѣвая на оренбургскихъ маштачкахъ, трусили казаки, въ числѣ трехъ человѣкъ, назначенные по заведенному порядку для охраны. Джигитъ Юсупъ-Ишанъ, сопровождавшій меня въ поѣздкахъ, на красивомъ конѣ ѣхалъ сзади.

— Надо торопиться,—сказалъ Б., оборачиваясь ко мнѣ.—Пока прохладно, мы верстъ тридцать успѣемъ сдѣлать и до жары станемъ на привалѣ. Не забудьте, что по Сурхану на правомъ берегу кишлаки рѣдки и намъ придется стать въ камышахъ. Лишь подъ-вечеръ попадешь въ кишлакъ. Переходъ сегодня верстъ семьдесятъ...

Я, выйдя изъ созерцательнаго настроенія, надавилъ шенкеля, и конь мой разомъ поравнялся съ Б.

— Залюбовался разсвѣтомъ—какъ красива, хотя и своеобразна, пустыня. Вѣдь, чѣмъ больше живешь въ ней, тѣмъ находишь все больше и больше красотъ—не то, что въ городѣ!..

— Правда ваша, и, несмотря на однообразіе, можно каждый разъ наблюдать различныя проявленія природы. Недаромъ отцы пустынники такъ стремились изъ людныхъ мѣстъ въ эти сожженныя солнцемъ пустыни!..

— Лишь здѣсь можно проникнуться величіемъ многихъ явленій, которыя въ городѣ врядъ ли даже приходится увидѣть.

— Посмотрите, какая картина!—указалъ онъ рукою вправо, гдѣ сквозь густые камыши виднѣлись воды быстраго Сурхана, впадающаго въ Аму-Дарью.

Широкій плескъ рѣки блестѣлъ, какъ зеркало, окруженный рамою изумрудной зелени. На Аму-Дарьѣ виднѣлись подъ парусами огромные хивинкіе каюки, будто бѣлыя сказочныя птицы, стремясь обогнать другъ друга. Вдали выдѣлялся горный хребетъ, отливавшій фіолетово-синимъ цвѣтомъ; море камышей казалось необозримымъ. Съ лѣвой же стороны по Сурхану выступали на желтомъ фонѣ песковъ какія-то постройки, ярко бѣлѣвшія своими стѣнами.

— Голова новаго арыка,—мотнулъ головой Б.,—а это казарма и домики рабочихъ. Здѣсь же помѣщается канцелярія производителя работъ. Какъ разъ къ утреннему чаю подъѣдемъ, если онъ дома. А

впрочемъ, врядъ-ли: навѣрное, нашъ милѣйшій Б. Н. Кастальскій гдѣ-либо на работахъ или въ крѣпости. Непосѣда - человѣкъ и работаетъ какъ волъ.

Невольно вмѣстѣ съ именемъ у меня мелькнула мысль объ этомъ рѣдкомъ и исключительномъ инженерѣ и человѣкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилась и вся назидательная исторія постройки новаго арыка, дающаго въ настоящее время жизнь не только Термезской крѣпости, но и пригороду со значительнымъ торговымъ населеніемъ, выросшему около нея въ послѣдніе годы.

Въ очень отдаленное время Термезъ, бывшій однимъ изъ міровыхъ городовъ, получалъ воду изъ огромнаго арыка, проведеннаго изъ притока Сурхана рѣки Кизиль-Су, на разстояніи 60 верстъ. Гигантская работа, произведенная инженерами древней эпохи, вызываетъ невольное удивленіе нашего поколѣнія своей грандіозностью. Десятки тысячъ рабовъ и военно-плѣнныхъ долгіе годы рыли эту магистраль. Тысячи изъ нихъ сложили свои кости въ сосѣдней песчаной равнинѣ, не выдержавъ каторжнаго труда. Но это обстоятельство не останавливало строителей. Жизнь человѣческая не имѣла цѣны, и на смѣну погибшихъ пригонялись, какъ покорное стадо, новыя и новыя партіи рабочихъ, снова въ значительной части погибавшихъ отъ страшныхъ условій, болѣзней и голода. Шагъ за шагомъ, саженъ за саженью, шла работа, съ неимовѣрными усиліями приходилось защищать новый арыкъ отъ надвигавшихся волнъ сыпучаго песку, наносимаго

вѣтромъ изъ пустыни. Преодолѣвъ всѣ трудности, устроивъ рядъ плотинъ, шлюзовъ, каменныхъ мостовъ и облицовку, наконецъ, законченъ былъ арыкъ, давшій затѣмъ возможность, ожививъ огромную площадь удобной для жизни и земледѣлія земли, развиться колоссальному городу съ милліоннымъ населеніемъ.

Одна за другой волны жизни въ послѣдующія эпохи приносили къ Термезу полчища завоевателей, часто разрушавшихъ и городъ и его ирригаціонную систему. Но скоро благопріятныя условія побуждали жителей возобновлять разрушенное, и жизнь долгое время процвѣтала въ этомъ чудномъ уголкѣ Средней Азіи, всецѣло обязанная старинной системѣ.

Огромный всплескъ девятаго вала принесъ къ стѣнамъ Термеза и войска Тамерлана. Высоко поднялась страшная волна надъ городомъ и его окрестностями и, перекатившись черезъ него, снова отхлынула, оставивъ послѣ себя картину полнаго разрушенія.

Суровые обычаи войны заставили побѣдителя предпринять самыя тяжелыя мѣры къ покоренію воинственнаго населенія. Вода давала жизнь, и безъ воды, подъ палящими лучами южнаго горячаго солнца, была смерть.

И на смерть осудилъ страшный всемірный завоеватель эту роскошную страну, соперничавшую съ его новымъ государствомъ. Въ нѣсколько недѣль руками тѣхъ же термезцевъ былъ разрушенъ старинный арыкъ, сломаны акведуки, разрыты пло-

тины и разломаны мосты. Въ самое сердце была поражена страна и, не имѣя достаточнаго количества рабовъ и военноплѣнныхъ, не могла уже начать снова работы по проведенію воды и возобновленію всей ирригаціонной системы.

Вѣтры пустыни въ короткое время засыпали песками всѣ каналы, сравнявъ ихъ съ окрестностями и уничтоживъ совершенно въ короткое время долгую работу многихъ поколѣній. Лишь кое-гдѣ среди песковъ нынѣ виднѣются слѣды этой работы, вызывающей справедливое изумленіе всѣхъ имѣвшихъ случай ее видѣть.

Удобство низменныхъ мѣстъ около Термеза для земледѣлія и рѣка Сурханъ, изъ которой оказалось возможнымъ провести воду, привлекли нѣсколько столѣтій спустя въ эту долину людей, поселившихся около развалинъ города и образовавшихъ кишлакъ Патта-Гиссаръ, а старинная переправа черезъ Аму-Дарью въ Авганистанъ способствовала постепенному приливу населенія, съ большими трудностями создавшаго орошеніе путемъ устройства, такъ называемаго, Саловатскаго арыка, доставлявшаго воду изъ рѣки Сурхана, гдѣ устроена была небольшая плотина ввидѣ плеча, входящаго въ рѣку. Постепенно Патта-Гиссаръ сталъ развиваться, образовавъ въ началѣ, съ постановкою Аму-Дарьинской пограничной бригады, небольшой городокъ, а затѣмъ темныя тучи, скопившіяся на политическомъ горизонтѣ, выдвинули вопросъ объ устройствѣ въ этомъ пунктѣ русскаго укрѣпленія Термезъ, постройка котораго спѣшно была начата въ 1898 го ду, и почти одно

временно съ этимъ въ Термезъ пришли войсковыя части, назначенныя въ составъ гарнизона новой крѣпости.

И вновь закипѣла работа на берегахъ Аму-Дарьи. Сооруженіе казармъ, крѣпостныхъ стѣнъ, домовъ для офицеровъ тотчасъ же потребовало значительнаго количества воды, доставить которую Саловатскій арыкъ, дававшій лишь воду для орошенія небольшой площади полей, не могъ, а потому военно-инженернымъ вѣдомствомъ былъ выдвинутъ вопросъ объ устройствѣ новаго арыка, могущаго въ достаточной мѣрѣ обслуживать всѣ нужды Термезской крѣпости. Обслѣдованіемъ старыхъ ирригаціонныхъ системъ, выводившихъ воды изъ Кизиль-Су, была отброшена мысль о возможности ихъ возобновленія, вслѣдствіе большой стоимости работъ, а равно какъ и предложеніе Ширабадскаго бека, соглашавшагося за 60—70 тысячъ рублей вырыть новый арыкъ, который давалъ бы достаточное количество воды, и военное вѣдомство ассигновало лишь 160 тысячъ рублей на устройство арыка изъ рѣки Сурхана къ Термезу.

Но работы очевидно, были начаты не въ добрый часъ. По прошествіи двухъ лѣтъ арыкъ былъ вырытъ, но къ несчастью для Термеза вода рѣки Сурхана оказалась настолько своенравноупорной, что вопреки всѣмъ инженернымъ разсчетамъ настойчиво не желала идти на арыкъ.

Начатыя на новое, дополнительное ассигнованіе работы имѣли, однако, ту же печальную участь. Арыкъ былъ углубленъ и не только углубленъ, но

даже вмѣсто облицовки для красоты оштукатуренъ, хотя и въ это соблазнительное ложе вода не захотѣла итти, сорвавъ почти тотчасъ же во время перваго же разлива голову арыка. И долго, вѣроятно, продолжался бы этотъ трудъ по закапыванію въ землю казенныхъ денегъ, если бы спохватившееся начальство не вспомнило про одного изъ своихъ работниковъ—военнаго инженера полковника Б. Н. Кастальскаго.

Опять были начаты работы, и Термезскій гарнизонъ, изнывавшій, волновавшійся, ожидая воду болѣе пяти лѣтъ, сразу успокоился, узнавъ, въ чьи руки попало трудное дѣло постройки.

Результаты его работъ уже черезъ годъ были налицо: Термезъ получилъ долгожданную воду.

Низкій поклонъ скромному труженику.

И офицеры Термезскаго гарнизона, тотчасъ же уяснивъ всю огромность труда, поднесли полковнику Кастальскому рѣдкую кавказскую шашку съ надписью.

Съ глубокимъ интересомъ я сталъ всматриваться въ открывавшуюся передо мною картину. Выдаваясь далеко въ рѣку отъ берега, шла въ видѣ плотины голова арыка, укрѣпленная тысячами свай и обдѣланная массивной каменной облицовкой. Масса воды съ глухимъ шумомъ входила въ русло арыка, всплескиваясь о каменную стѣнку. Ритмически ударяя огромными шатунами, постукивала паровая машина, приводя въ движеніе копры, работавшіе надъ забивкою огромныхъ свай для укрѣпленія берега.

Двухъ-этажная небольшая казарма, окруженная

нѣсколькими бараками, сиротливо выдѣлялась на желтомъ фонѣ песка. Нѣсколько лохматыхъ собакъ со злобнымъ лаемъ бросились подъ ноги лошадей. Фигура какого-то рабочаго выглянула на мгновеніе изъ воротъ и затѣмъ тотчасъ же скрылась.

Мы остановились и слѣзли съ лошадей.

— А хозяина то, видно, нѣтъ. Эй, землякъ! дома ли полковникъ?—обратился Б. къ появившемуся солдату.

— Такъ что уѣхавши въ крѣпость, ваше благородіе; къ вечеру безпремѣнно обернутся.

— Досадно, а ничего не подѣлаешь; жаль, что мы не увидѣли Б. Н. Ну, да дѣлать нечего—поглазѣемъ на работы, да и дальше. Хотя, правду сказать, безъ руководителя мы мало узнаемъ.

Кучка рабочихъ возилась около копра. Мы подошли ближе. Вездѣ еще шли работы по облицовкѣ тесанымъ камнемъ. Воды въ арыкѣ было очень много, хотя уровень водъ въ Сурханѣ былъ еще невысокъ. Въ сѣрой толпѣ рабочаго люда виднѣлся лишь какой то субъектъ, вродѣ подрядчика или десятника.

— Вы намъ, можетъ быть, что разъясните по поводу работъ...—обратился къ нему Б.

— Съ нашимъ удовольствіемъ,—галантно раскланявшись, отвѣтилъ вопрошаемый.—Это сваи бьютъ, а здѣсь облицовку кладутъ. Да правда,—работы кончаются, а интересу большого нѣтъ. Вырыли канаву, а тамъ плотиной воду маленько подперли, ну и пошла. Трудно это подпереть плотиной воду было, въ томъ и все дѣло. Прежде, надо думать, разсчетъ

не оправдался, потому съ фальшью былъ. Ну, а теперь у насъ инженеръ Б. Н.—этотъ безъ ошибки. Какъ разсчиталъ, такъ и вышло...

— Ну, а какъ, гражданинъ, вы насчетъ учредительнаго собранія, забастовки и всего прочаго?

Картузъ весело разсмѣялся...

— Мы хотя изъ сознательныхъ, а въ разумѣніи находимся и всю эту механику понимаемъ. Только намъ линія такая ни къ чему. Заработокъ хорошій, и утисненіевъ никакихъ не видимъ. Все по справедливости и закону.

— Ну, до свиданія! Скажите Б. Н., что гости были проѣздомъ...

Мы тронулись дальше, держась все время параллельно теченію Сурхана. Пески все больше и больше прижимались къ берегу рѣки, оставляя открытымъ самое незначительное пространство. Правый берегъ немного возвышался надъ лѣвымъ, гдѣ виднѣлся тугай, [1])покрывавшій всю низменность. Кое-гдѣ на другой сторонѣ изрѣдка показывались небольшіе кишлаки, окруженные рѣдкою растительностью. Стада барановъ, спускаясь съ горъ, гдѣ были ихъ пастбища, шли къ рѣкѣ на водопой, поднимая огромныя тучи мелкой, густой пыли, долго стоявшей въ воздухѣ.

Зной постепенно увеличивался, и солнце жгло своими лучами, прожигая тонкую рубашку насквозь. Болѣзненное ощущеніе кожи дѣлалось нестерпимымъ.

Проѣхавъ верстъ 30, мы сдѣлали привалъ около

[1]) Тугай—заросли камыша съ деревьями и кустарниками.

кибитокъ кочевого киргизскаго аула, одиноко стоявшихъ на выжженной солнцемъ полянкѣ, не далеко отъ высокой песчаной гряды барханов. [1]) Лошади, понуро опустивъ головы, стояли меланхолично отмахиваясь хвостами отъ оводовъ, кусавшихъ съ остервенѣніемъ.

Желѣзный высокій кунгманъ, замѣняющій самоваръ, кипѣлъ на угольяхъ разложеннаго рядомъ съ кибиткой костра.

Освѣжившись немного кисловатымъ айраномъ, мы легли на кошму. Вѣтерокъ, проникая черезъ отверстіе, образованное поднятымъ съ низу кибитки войлокомъ, умѣрялъ зной.

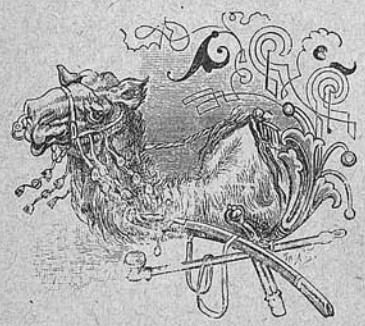
Отирая обильно лившійся потъ съ лица и наливаясь безконечнымъ числомъ чашекъ зеленаго мутноватого чая, я наблюдалъ, какъ тутъ же, передъ нашими глазами, съ изумительной быстротой былъ зарѣзанъ и освѣжеванъ баранъ. Мускулистая высокаго роста молодая киргизка, жена нашего хозяина, отдѣливъ отъ туши нѣсколько кусковъ, покрытыхъ еще дымящейся кровью, бросила ихъ въ сомнительной чистоты чугунъ и, смѣшавъ съ кусками черствой лепешки и распарившейся горой рису, готовила пловъ, являющійся ежедневнымъ кушаньемъ каждаго мало-мальски имущаго жителя Азіи. Огромный комъ сала, составлявшій баранiй курдюкъ, былъ нарѣзанъ на куски и быстро перемѣшанъ палкою съ рисомъ. Конская попона, а затѣмъ нѣсколько халатовъ хозяина изобразили изъ

[1]) Барханъ—песчаный холмъ

себя покрывало, которое необходимо, чтобы пловъ окончательно сварился.

Мы съ большимъ интересомъ поглядывали на эти приготовленія, съ нетерпѣніемъ ожидая возможности ихъ попробовать. Плотно закусивъ показавшимися намъ особенно вкусными блюдами и запивъ ихъ айраномъ, я предался кейфу и, чувствуя себя на положеніи кочевника, занялся созерцаніемъ, лѣниво перебрасываясь словами съ Б., пока тяжелый зной не заставилъ погрузиться въ дремоту, полную какихъ-то странныхъ, неопредѣленныхъ сновидѣній.

Лишь наши солдаты, казаки и джигитъ, устроившись по сосѣдству, продолжали какую-то перебранку, начатую еще въ Термезѣ и, очевидно, еще долго могущую служить темою для нескончаемыхъ разговоровъ. Сквозь сонъ слышались препирательства изъ-за какой то веревочки, забытаго стараго кулька и тому подобныхъ, никакой цѣнности не имѣющихъ вещей.





XIV.

Остатки старины.—Гора Хаджа-Ипакъ.—Историческія свѣдѣнія о краѣ.—Пѣсни киргизовъ.—Байсунскій узникъ.

Солнце стояло уже низко, когда пришлось тронуться въ дальнѣйшій путь. Слѣва тянулась высокая цѣпь горъ Ипакъ-Тау, среди которыхъ выдѣлялась огромная гора, вершина которой образовывала почти ровное зеленое плато, окруженное наверху стѣной вывѣтрившейся горной породы. Издали казалось, что передъ нами какая-то огромная крѣ-

пость, стѣны и башни которой выступали рельефно, освѣщенныя лучами заходящаго солнца.

— Какой странный видъ имѣетъ эта гора,—невольно подѣлился я въ слухъ своими впечатлѣніями.

— Хаджа-Ипакъ гора называется,—отозвался ѣхавшій сзади джигитъ.

— Гора эта недалеко отъ Гиссара... Былъ давно такой святой человѣкъ, Хаджи-Ипакъ назывался, въ этомъ мѣстѣ онъ жилъ, и теперь его могила съ мазаромъ на самомъ верху горы.

— А высокая это гора?

— Очень высокая, Ваше Благородіе, здѣшній человѣкъ мнѣ говорилъ. Туда киргизы на лѣтнюю стоянку перекочевываютъ. Больше недѣли надо, чтобы на самый верхъ подняться. Съ гиссарской стороны по горѣ внизу кишлаковъ много, а выше виноградъ растетъ и лѣсъ большой. На самомъ же верху все лѣто зеленая трава есть, и такъ ночью холодно, что надо въ шубѣ спать. А днемъ тоже не тепло. Больно много лошадей и барановъ тамъ лѣтомъ бываетъ. Всѣ киргизы и узбеки туда приходятъ со всей здѣшней стороны. И даже когда внизу жарко, наверху много снѣга лежитъ...

— Хорошія мѣста для нашихъ поселенцевъ эти горы,—заговорилъ Б.—Климатическія условія, вѣроятно, почти одинаковы съ Каменецъ-Подольской губерніей. Родится въ горахъ и пшеница и ячмень отлично. Да что эта гора—если бы поискать по всей горной Бухарѣ, такъ можно пропасть такихъ мѣстъ найти. Жаль, что на эту страну не обращаютъ никакого вниманія, признавъ ее по какому-то

прискорбному недоразумѣнію иностраннымъ государствомъ. Пора бы исправить сдѣланную въ свое время ошибку...

На противоположной сторонѣ Сурхана зеленѣлъ богатый многолюдный кишлакъ Кокойды.

— Очень богатые люди живутъ—барановъ, лошадей много имѣютъ. Сюда не переходятъ, все на той сторонѣ кочуютъ, по горамъ Баба-Тау, что видны по лѣвому берегу, и дальше тѣ, за ними зовутъ Кой-Тау — овечьи горы. Киргизскому роду Локай принадлежитъ... Ну и разбойниковъ между ними много. Вѣчную войну ведутъ, отбивая баранту у сосѣдей, если удастся подобраться незамѣтно; а то соберется шайка такихъ головорѣзовъ и махнутъ черезъ Аму-Дарью въ Авганистанъ, гдѣ угонятъ массу барановъ, верблюдовъ и лошадей. Разумѣется, рѣдко такой набѣгъ благополучно сходитъ. Чаще всего нѣсколько человѣкъ цѣною жизни заплатятъ за свою добычу. Авганскіе разбойники также не остаются въ долгу и, пользуясь рѣдкостью нашихъ пограничныхъ постовъ, въ свою очередь переходятъ на нашу сторону и тоже отгоняютъ скотъ; иногда крайне драматическіе эпизоды при этомъ разыгрываются. Имъ приходится опасаться и нашихъ киргизовъ и пограничниковъ, благодаря чему пропасть тонетъ ихъ при переправахъ черезъ Аму-Дарью...

Между тѣмъ, поднявшись на прибрежную гряду барханов, передъ нами открылась вся равнина, которую можно было видѣть отъ самаго Термеза, гдѣ едва замѣтными точками темнѣли развалины

мечетей стараго города и длинной нескончаемой цѣпью виднѣлись развалины различныхъ построекъ, разбросанныхъ по всей равнинѣ. Груды жженаго кирпича встрѣчались положительно на каждомъ шагу. Кое-гдѣ среди нихъ мелькали цвѣтные изразцы самыхъ яркихъ окрасокъ. Капители, алебастровая облицовка, куски отъ строеній въ нѣкоторыхъ мѣстахъ залегали толстымъ слоемъ. Порою мы наѣзжали на огромные фундаменты, полузанесенные сыпучими песками пустыни.

Когда-то здѣсь кипѣла жизнь ключомъ, и какъ-то особенно грустно становилось видѣть эти остатки человѣческой жизни.

Отрывочныя свѣдѣнія, которыя встрѣчаются въ различныхъ рукописяхъ на древнихъ персидскомъ, арабскомъ и китайскомъ языкахъ, а также немногія данныя, собранныя европейскими историками, указываютъ, что вся мѣстность бассейна рѣки Сурхана съ глубокой древности и до половины XII вѣка нашей эры являлась страной съ многочисленнымъ и, судя по развалинамъ строеній, культурнымъ населеніемъ.

Главный городъ Саганіанъ, обширныя развалины котораго лежатъ выше по Сурхану, китайскими историками отмѣчается, какъ одинъ изъ міровыхъ великихъ городовъ, славившихся науками и ведшій торговлю съ Хитаей (Китаемъ) и далекой Индіей. Глава страны, носившій титулъ Саганъ-Худата, имѣлъ огромную многочисленную армію. По свѣдѣніямъ европейскихъ историковъ, еще въ половинѣ XII вѣка въ басейнѣ рѣки Сурхана насчитывалось до 16.000 селеній и больше 200 городовъ.

Бичъ Божій Чингсъ-Ханъ, а затѣмъ второй всемірный завоеватель Тамерланъ, устраивавшій свое новое государство, разрушили всю эту цвѣтущую страну, являвшуюся конкуррентомъ для Шахризябса и Самарканда, который имъ сдѣланъ былъ торговымъ центромъ всей Средней Азіи.

Историкъ Джувайны упоминаетъ, какъ о времени расцвѣта, такъ и о разрушеніи всей этой страны, существованіе которой еще въ III вѣкѣ до Рождества Христова описываетъ съ большою обстоятельностью китайскій путешественникъ Сюанъ-Цзанъ, оставившій крайне интересное описаніе своего путешествія. Сообщая о царствѣ, лежавшемъ по берегамъ Сурхана, называвшемся по-китайски Fehi-go-yenna, онъ говоритъ о немъ, какъ о мѣстѣ, гдѣ находилось очень много буддійскихъ монастырей.

Крайне досадно и обидно, что китайскія рукописи, имѣющія огромное историческое значеніе для выясненія всѣхъ этихъ мѣстъ и отличающіяся большою точностью и правдивостью сообщаемыхъ свѣдѣній, почти недоступны нашимъ историкамъ, такъ какъ лишь самая незначительная часть китайской исторической литературы переведена на европейскіе языки. Еще хуже обстоитъ дѣло съ пегусскими (тибетскими) источниками, которые понынѣ европейцамъ совершенно неизвѣстны, хотя Тибетъ, какъ государство сопредѣльное съ приамударьинскими странами, надо думать, располагаетъ самымъ большимъ количествомъ о немъ свѣдѣній, особенно интересныхъ для насъ, русскихъ, какъ выясняющихъ

жизнь скиѳовъ, сарматовъ и другихъ славянскихъ народностей до V вѣка нашей эры, когда началось переселеніе этихъ племенъ на Великороссійскую равнину, гдѣ они долго носили свое древнее названіе Великой Скуфи.

Сами китайцы болѣе близко познакомились съ приамударьинскими странами во время царствованія богдыхана Ву-ди изъ старшей династіи Хань.

Въ 122-мъ году до Рождества Христова Чжань-Кинь, путешествовавшій въ этихъ странахъ, привезъ новыя свѣдѣнія о земляхъ по Оксу, и съ этого времени открылись торговыя, а затѣмъ религіозныя сношенія съ Китаемъ, которыя продолжались затѣмъ многія столѣтія, благодаря чему въ лѣтописяхъ каждой царствовавшей въ Китаѣ династіи имѣются подробныя данныя о приамударьинскихъ странахъ и ихъ исторической жизни. Независимо этого было время, когда Китай, подчинивъ себѣ въ религіозномъ отношеніи эти народности, путемъ широкаго распространенія буддизма, въ то же время предъявилъ притязанія на всѣ эти страны до береговъ Каспійскаго моря, предпринявъ для этого рядъ походовъ въ наши теперешнія средне-азіатскія владѣнія и даже временно присоединивъ всѣ здѣшнія государства къ своимъ владѣніямъ, раздѣливъ ихъ въ административномъ управленіи на провинціи. Но подчиненіе это было не продолжительно и явилось въ сущности номинальнымъ, почти фиктивнымъ.

За китайцами постепенно всю страну завоевали въ V вѣкѣ арабы, и свѣдѣнія о нихъ также встрѣчаются во всѣхъ китайскихъ рукописяхъ. Утвердив-

шись въ Средней Азіи, они были извѣстны подъ именемъ Да-ши. Китайскіе историки съ большой подробностью останавливаются на ихъ роли въ жизни Средней Азіи, отмѣчая въ началѣ полное разрушеніе прежней культурной жизни, а затѣмъ новый ея расцвѣтъ. Впослѣдствіи сами же арабы трудами старѣйшихъ первыхъ географовъ составили довольно точное описаніе всѣхъ странъ до Памировъ, хотя свѣдѣнія ихъ особымъ богатствомъ не отличаются, но изъ нихъ много описаній оставили извѣстнѣйшіе Ибнъ-Хордбе и Ибнъ-Доста, работы которыхъ обнимаютъ положеніе Трансоксаніи въ IX и X вѣкахъ, а затѣмъ Ибнъ-Ботута въ XIV вѣкѣ еще подробнѣе описалъ эти мѣста.

Въ XIII вѣкѣ страны эти посѣтилъ и знаменитый изслѣдователь Средней Азіи Марко-Поло, а за нимъ Гонзальхо-де-Клавихо, побывавшій въ Термезѣ и сообщившій нѣкоторыя данныя о Саганіанѣ.

— Въ общемъ интересныя здѣсь мѣста, и если судить по остаткамъ развалинъ, то, пожалуй, правдивы свѣдѣнія, что здѣсь было чуть не 20 тысячъ селеній, въ этомъ обратившемся въ прахъ государствѣ,—нарушилъ я молчаніе, вызывая Б. на разговоръ.

—Это вы вѣрно. Самыя точныя данныя сообщаются арабскимъ географомъ Макидаси, извѣстнымъ также подъ именемъ Ибнъ-аль-бана-Бемари. Нельзя не сказать, что онъ былъ самымъ великимъ географомъ когда-либо жившимъ, такъ какъ вѣроятно никто такъ много не путешествовалъ и не описалъ, какъ онъ. По его дорожникамъ, сохранившимся до на-

шего времени, видно, что страна Саганіанъ состояла изъ главнаго города того же имени, а затѣмъ большихъ городовъ, носившихъ названіе: Дирзинджи (Чарзинджо); Бошендъ, Бехомъ, Шуманъ, и Бурабъ, къ которымъ причислялось 36.000 селеній, лежавшихъ въ басейнѣ рѣки Сурхана. Постоянная армія страны достигала до 10 т. человѣкъ, прекрасно вооруженныхъ и снабженныхъ продовольствіемъ, что въ тѣ времена, когда войска имѣли характеръ ополченій, можетъ быть признано очень большой постоянной арміей.

Теперь лишь груды битаго кирпича и щебня напоминаютъ объ этихъ культурныхъ уголкахъ. Вообще арабы сыграли крупную роль въ дѣлѣ культурнаго развитія здѣшнихъ странъ. Монголы же въ свое время уничтожили почти все ими созданное.

За разговорами мы незамѣтно приближались къ кишлаку Яръ-Тепе, стоявшему на небольшомъ возвышеніи, примыкавшемъ къ берегу рѣки.

Солнце было уже низко надъ горизонтомъ, косыми мягкими лучами освѣщая окрестности. Темныя тучи, покрывавшія горнизонтъ, сдвинулись ближе къ горамъ, на подошвы которыхъ легли густыя сѣрыя тѣни, быстро поднимавшіяся все выше и выше. Пурпурнымъ оттѣнкомъ, будто гдѣ-то далеко вспыхнувшаго пожара, разомъ освѣтились верхніе слои тучъ; яркими полосами прорѣзали солнечные лучи сгустившіяся облака, создавая изумительно красивую свѣтовую комбинацію.

Огромное стадо рогатаго скота, поднимая тучи пыли, медленно спускалось къ кишлаку, наполняя окрестности глухимъ шумомъ.

Въ кишлакѣ слышались голоса, изъ которыхъ рѣзко вырывался, покрывая собою все море звуковъ голосъ, громко распѣвавшій какую то пѣсню. Дребезжащее треньканье струннаго инструмента, служившаго аккомпаниментомъ пѣсни, мягко переливалось безконечно повторяющеюся музыкальной фразой, въ которой слышалось что то дикое, тоскливое и въ то же время необъятно широкое, какъ пустыня...

Бѣдная природа—бѣдны и пѣсни...

Простота жизненнаго уклада, недостатокъ культурнаго развитія и однообразіе внѣшнихъ впечатлѣній не могли способствовать развитію у кочевниковъ музыкальности. Сожженныя солнцемъ желтыя песчаныя безпредѣльныя пустыни; приниженность и безправіе населенія не могли также придать пѣснѣ того чарующаго оттѣнка, которымъ отличаются пѣсни южныхъ народовъ Европы, помнившихъ широкую свободную жизнь. И поэтому однообразіе киргизскихъ напѣвовъ поразительно, а отсутствіе художественнаго вкуса и творчества создали лишь крайне незначительное число пѣсенъ среди всего почти трехмилліоннаго киргизскаго племени, разбросаннаго по всему Туркестану и необъятнымъ равнинамъ Семирѣчья и западной Сибири.

— Вотъ отсюда недалеко до г. Ширабада, а тамъ, за этой вершиной, находится г. Байсунъ, указалъ рукою Б.

—Большой-ли городъ? Какъ вамъ сказать,—всѣ вѣдь здѣшніе бухарскіе города почти одинаковы: больше Дербента — но меньше Ширабада; надо думать, тысячъ на десять жителей, не больше. Я въ

прошломъ году провелъ тамъ почти все лѣто на работахъ. Особенно интереснаго въ немъ ничего нѣтъ...

— Хотя нѣтъ,—черезъ минуту поправился Б.—а вѣдь я совершенно забылъ, тамъ есть интересная сторона... Цѣлая историческая картинка человѣческаго бытія. Нѣчто совершенно средневѣковое, но намъ русскимъ знакомое.

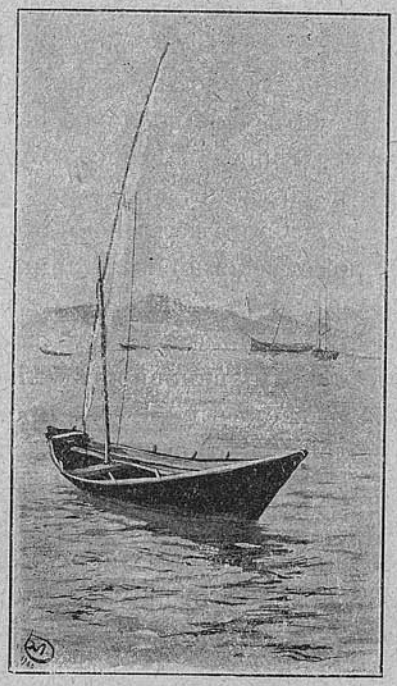
Помните исторію Іоанна VI Антоновича, младенцемъ возведеннаго на престолъ и затѣмъ окончившаго свои печальные дни въ Шлиссельбургской крѣпости? Эта мрачная страница въ нашей исторіи всегда производила на меня безконечно тяжелое впечатлѣніе. Было время, когда я зачитывался романомъ Данилевскаго „Мировичъ“, и всѣ мои симпатіи были на сторонѣ этого энтузіаста-офицера, пожертвовавшаго своею жизнью для освобожденія царственнаго узника, въ сущности заживо погребеннаго въ мрачномъ каменномъ мѣшкѣ Шлиссельбурга безъ всякихъ надеждъ и упованій.

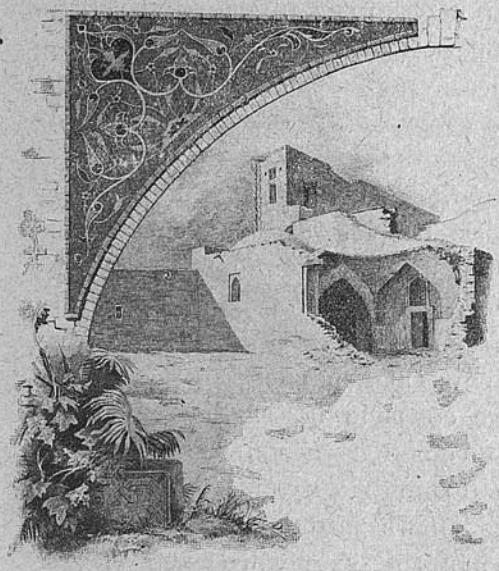
Особенно всегда поражала меня эта ужасная жестокость къ человѣку, виновному лишь въ томъ, что онъ появился на свѣтъ Божій, но безъ вины понесшаго невозможно страшную кару за чьи-то чужіе грѣхи... Вотъ эта-то невиновность больше всего возмущаетъ и вызываетъ протестъ противъ такихъ уродливыхъ явленій, которыя, къ несчастью, часто повторяются, а здѣсь въ Байсунѣ явились почти буквальнымъ повтореніемъ исторіи несчастнаго Іоанна Антоновича, повторившись спустя 150 лѣтъ въ исторіи Бухары въ этой же самой комбинаціи, какъ и у насъ.

Я говорю про семью Абду-Маликъ-Хана. Вы навѣрное слышали это имя. На ночлегѣ разскажу вамъ подробно свои Байсунскія впечатлѣнія. А теперь я на минутку васъ оставлю. Видите фазанъ... Отлично, если его на ужинъ приготовить...

И собесѣдникъ мой, спрыгнувъ съ лошади, подхваченной за поводъ казакомъ, уже исчезалъ въ зарослях камыша, на-ходу вынимая и заряжая свою двухстволку, висѣвшую за спиной.

Я остался на берегу и, слѣзши съ лошади, тихо направился по дорогѣ, припоминая все мнѣ извѣстное и связанное съ прогремѣвшимъ въ свое время въ Средней Азіи именемъ.





XV.

Абдулъ - Маликъ - Ханъ и его возстаніе противъ Эмира. Жизнь Байсунскихъ узниковъ.—Шакалы.

Абду - Маликъ-Ханъ!!.

Гроза и нарушитель спокойствія Бухары. Беззавѣтно храбрый наѣздникъ, доставившій въ свое время много хлопотъ и Россіи, и Хивѣ. Человѣкъ, долгое время державшій въ страхѣ Бухару и Хиву и появлявшійся то въ далекой Индіи, то на Аму-Дарьѣ, то въ Авганистанѣ, то въ Хивѣ. Кошмаръ Абдулъ-Ахадъ-Хана эмира Бухарскаго, сложившій свою буйную голову въ одной изъ схватокъ въ пустынѣ, но и послѣ смерти оставшійся страшнымъ своими правами и обаяніемъ своего имени.

Дикіе звѣри уже истерзали его трупъ, брошенный

въ пустынѣ. Вѣтры развѣяли прахъ, въ который превратилось тѣло, а имя все еще продолжаетъ быть кошмаромъ, отъ котораго трудно отрѣшиться.

Въ 1868 году, когда побѣдоносныя русскія войска одну за другой взяли послѣ кровопролитныхъ штурмовъ бухарскія крѣпости Джизакъ, Ура-Тюбе, Самаркандъ, Катта-Курганъ, Ургутъ и Бухарское ханство уже почти все было завоевано силою русскаго оружія, эмиръ Музаферъ-ханъ, желая сохранить хоть часть своего государства, вступилъ въ переговоры и заключилъ миръ съ Россіей. Люди здравомыслящіе видѣли въ этомъ единственный исходъ, могущій хоть на время отсрочить конецъ Бухарскаго ханства, но не такъ думало фанатически настроенное духовенство, питавшее глухую ненависть къ Россіи и къ самому эмиру за его согласіе на заключеніе мира. Значительное число горячихъ головъ изъ молодежи легко поддалось на проповѣди муллъ, организовавъ сильную партію, во главѣ которой силою обстоятельствъ сталъ наслѣдникъ бухарскаго престола катта-тюра[1]) Абду-Маликъ-Ханъ, не раздѣлявшій взглядовъ эмира и видѣвшій спасеніе Бухары единственно въ упорномъ сопротивленіи русскимъ войскамъ.

Поднявъ знамя возстанія, онъ съ поразительной быстротой собралъ около себя огромныя толпы недовольныхъ, разбойниковъ туркменъ - аломановъ, киргизъ и всѣ безпокойные элементы ханства. Изъ далекихъ туркменскихъ кочевьевъ, съ вершинъ Алая и изъ Хивы потянулся къ нему всякій народъ...

Но судьба уже сказала свое слово, и, потерпѣвъ

[1]) Катта-Тюра—цесаревичъ.

при встрѣчѣ съ русскими войсками жестокое пораженіе около г. Карши, онъ вначалѣ бѣжалъ въ Хиву, но затѣмъ ушелъ оттуда въ Авганистанъ и уже позднѣе очутился въ Индіи. То исчезая, то вновь неожиданно появляясь, онъ долгое время держалъ въ страхѣ Бухарское правительство, доставивъ много хлопотъ и русскимъ войскамъ, пока не сложилъ свою буйную голову, гдѣ то, какъ говорятъ, въ Хивѣ. Встрѣтивъ широкое гостепріимство въ Индіи, онъ даже пользовался особою субсидіей отъ Англіи, въ интересахъ которой было возможное ослабленіе Россіи въ Средней Азіи.

Вступившій по смерти эмира Музаферъ-Хана эмиръ Сеидъ-Абду-Ахадъ-Ханъ былъ младшимъ сыномъ, а потому не считался по закону претендентомъ на бухарскій престолъ, который онъ занялъ лишь благодаря особому соглашенію съ Россіей.

Существованіе въ это же время на бѣломъ свѣтѣ законнаго объявленнаго наслѣдника престола каттатюры, Абду-Маликъ-Хана доставляло много непріятныхъ минутъ эмиру, сознававшему, что законъ и симпатіи значительной части народа не на его сторонѣ.

Лишь смерть катта-тюры разрушила эту тяжелую политическую атмосферу, носившуюся надъ бухарскимъ ханствомъ. Но и тутъ было еще далеко до полнаго спокойствія. У Абду-Маликъ-Хана были дѣти, являвшіеся по праву претендентами на бухарскій престолъ.

Громкій звукъ выстрѣла нарушилъ теченіе моихъ мыслей. Съ шумомъ, тяжело хлопая крыльями, съ рѣзкимъ кудахтаньемъ, поднялся надо мною, ярко

красный самецъ фазанъ, но въ тотъ же моментъ новый выстрѣлъ черезъ мою голову положилъ этого красавца на землю.

— Пара есть,—веселымъ голосомъ крикнулъ Б., появляясь изъ камышей.

Я поднялъ убитую птицу и залюбовался красивымъ опереніемъ, видя въ то же время, къ своему глубокому удивленію, что яркія краски начали у меня на глазахъ меркнуть и тускнѣть.

— Вотъ и ужинъ. Теперь прибавимъ шагу, все равно, садиться на лошадей не стоитъ. Пройдемъ пѣшкомъ. Остановимся лучше всего невдалекѣ отъ кишлака, на полянѣ.

Минутъ черезъ десять нашъ маленькій бивакъ былъ раскинутъ на небольшомъ пригоркѣ. Казаки съ джигитомъ разложили костеръ, на которомъ жарился шашлыкъ изъ фазана, въ предвкушеніи котораго мы легли на разостланной кошмѣ, ожидая ужина.

— Вы хотѣли разсказать про семью Абду-Маликъ-Хана, — напомнилъ я Б., прихлебывавшему чай съ блюдечка и видимо находившемуся въ благодушномъ настроеніи.

Б. не заставилъ себя просить.

— Когда Абду-Маликъ-Ханъ бѣжалъ, потерпѣвъ неудачу, и на престолъ Бухары взошелъ Абдулъ-Ахадъ-Ханъ, то однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было упроченіе своего положенія и устраненіе тѣхъ причинъ, которыя могли бы поколебать его прочность. Къ числу ихъ, разумѣется, долженъ былъ быть причисленъ катта-тюра, скрывшійся въ Индію,

но къ несчастью оставившій свою семью на бухарской территоріи. Немедленно же вся эта злополучная семья была схвачена и доставлена въ Бухару, гдѣ тотчасъ же приказано было привести въ исполненіе такое рѣшеніе: всѣхъ бездѣтныхъ женъ раздать и подарить желающимъ изъ чиновниковъ, а двухъ, имѣвшихъ дѣтей, заключить въ Байсунскую крѣпость, подъ особый надзоръ Байсунскаго бека.

Красивъ городъ Байсунъ. Среди высокихъ горъ Гиссарскаго хребта расположенъ онъ, окруженный весь садами. Будто на стражѣ стоятъ бѣлыя вершины горъ, покрытыя вѣчными снѣгами. Среди зелени, темнымъ мрачнымъ пятномъ выступаютъ зубчатыя, высокія стѣны, построенной на возвышеніи Байсунской крѣпости, въ которой живетъ бекъ.

Закрывая всю внутреннюю жизнь отъ посторонняго глаза, стоятъ старыя крѣпостныя стѣны, окружая надворныя строенія, въ задней части которыхъ пріютился окруженный отдѣльной стѣной маленькій дворикъ, съ двумя глинобитными скалями.—Это помѣщеніе байсунскихъ узниковъ.—Жена, сынъ Абду-Маликъ-Хана, претендентъ на бухарскій престолъ и двѣ его сестры, уже много лѣтъ томятся здѣсь въ ужасномъ заключеніи. Сильная стража охраняетъ узниковъ, сохранившихъ кое-какое небольшое имуществъ, получающихъ по деньгѣ въ день (15 коп.) на содержаніе каждаго. Суровый тюремный режимъ и полное отсутствіе надеждъ на просвѣтъ въ будущемъ еще болѣе уве-

личиваютъ тягость заключенія. Ни одна душа изъ стражи не имѣетъ права разговаривать съ ними, и лишь приставленный къ нимъ чиновникъ, вродѣ пристава, исполняетъ молча свои обязанности, по снабженію ихъ на отпускаемыя скудныя средства пропитаніемъ, извлекая изъ этой ничтожной суммы въ свою пользу кое-какіе доходы.

Про „тѣхъ людей, что сидятъ на верху", даже въ городѣ говорятъ шепотомъ и крайне неохотно отвѣчаютъ на задаваемые про нихъ вопросы.

— Я много разъ пытался заводить разговоръ о заключенныхъ съ бекомъ, но онъ всегда крайне политично уклонялся отъ этой щекотливой темы. Знаю лишь, что жизнь ихъ положительно ужасна. Имъ даже не дано прислуги, и всѣ самыя черныя работы они исполняютъ сами. И изъ года въ годъ царствуетъ гробовое молчаніе среди этого дворика, гдѣ за стѣною погребены три молодыхъ жизни и куда долетаетъ шумъ воды отъ рѣки, протекающей невдалекѣ, по каменистому ложу, и откуда лишь видно голубое небо, да порою снѣжныя вершины Гиссарскаго хребта. Сыну Абду-Маликъ-Хана лѣтъ 30, но говорили мнѣ, что „тѣ люди, хотя и молоды, но выглядятъ стариками". И не мудрено.

Не правда ли,—тотъ же Іоаннъ Антоновичъ!

— Да это вѣрно... Средневѣковая картина! Я думаю, что лишь благодаря незнанію наше правительство не вмѣшивается въ это дѣло.

— Можно быть увѣреннымъ, что настоятельное представленіе Россіи сразу бы измѣнило бы ихъ положеніе. Подумайте, осуждены провести всю жизнь

въ заключеніи. И кто же? Люди виновные лишь въ томъ, что ихъ отецъ имѣлъ несчастье родиться наслѣдникомъ бухарскаго престола...

Однако, пора и спать.

Долго ворочался я съ боку на бокъ, пока не погрузился въ тяжелую дремоту. Картина, одна печальнѣе другой, рисовалась въ моемъ воображеніи. Я видѣлъ несчастныхъ, почти заживо погребенныхъ для міра узниковъ, за стѣнами Байсунской крѣпости.

Съ глубокой грустью, смотря на мчавшіяся тучи и не видя ничего, кромѣ ихъ, стоялъ заключенный принцъ. Двѣ дѣвушки протягивали съ надеждой свои бѣлыя руки къ колоссальной фигурѣ могучей Россіи, показавшейся въ это время во всемъ своемъ величіи, среди снѣжныхъ вершинъ Гиссарскихъ горъ и закрывшей несчастныхъ своимъ щитомъ.

Я вскрикнулъ и проснулся.

Уныло пронзительными переливами слышался гдѣ то невдалекѣ вой шакаловъ. Будто сотня обиженныхъ дѣтей плакала рядомъ надрывающимся плачемъ... Плачемъ безъ утѣшенія, плачемъ долгимъ и почти нескончаемымъ.

И въ это время среди горъ Байсуна, также проливались такія же горькія, безутѣшныя слезы. Слезы одиночества и утраты всякой надежды.

Бѣдные, забытые всѣми узники!

XVI.

Рѣка Сурханъ — Змѣи.—Заклинатель змѣй.—Древній акведукъ.—Охота на фазановъ.—Тигры.—Кишлакъ прокаженныхъ.—Вечерняя молитва.



Еще когда сѣроватыя тѣни ранняго утра покрывали горы, непосѣда Б. уже завозился и, быстро вскочивъ на ноги, сталъ торопить ѣхать...

— Да дайте хоть чаю напиться, мучитель вы эдакій...

— Нельзя, нужно скорѣе ѣхать,—что за охота потомъ по жарѣ плестись шагъ за шагомъ!.. Теперь мы перемѣнными аллюрами можемъ верстъ 40 проѣхать, если не больше. А къ вечеру въ Динау на ночлегъ попасть... Тамъ куда лучше, чѣмъ эти ночлеги въ полѣ. У бека и кровать найдется мягкая, а я люблю комфортъ.

— Что же вы до сихъ поръ не осѣдлали,—накинулся онъ на бородачей-уральцевъ...

— Въ сей секундъ кончаемъ, Ваше Благородіе... Только позвольте докладывать, — предположительно вьючная лошадь хромать въ дорогѣ будетъ.

— Это отъ чего?.. Что такое случилось?

— Надо думать, не покусалъ ли змѣй, либо другая какая пакость, потому здорово вся нога, и даже подъ самыми черевами, опухла.

Б. подошелъ къ лошади и, внимательно осмотрѣвъ ее, неодобрительно покачалъ головою.

— А вѣдь вѣрно, что кто-нибудь укусилъ. Отекъ, какъ подушка какая... Проведи-ка ее..

Конь медленно, какъ будто нехотя, двинулся съ мѣста, но, пройдя нѣсколько шаговъ, тяжело захромалъ.

— Безпремѣнно змѣй кусалъ.. Больно много здѣсь ихъ, ваше-скородіе,—пояснилъ подошедшій джигитъ.

— И народъ часто кусаетъ, и скотину тоже, больно народъ обижаетъ. Здѣсь такой человѣкъ въ кишлакѣ есть, который слово отъ змѣи знаетъ... Онъ можетъ лекарство дать.

— Ну, зови. Да только скорѣе...

Джигитъ исчезъ, и черезъ нѣсколько минутъ вернулся въ сопровожденіи пожилого сарта въ бѣломъ поношенномъ халатѣ. Долго потомъ они вдвоемъ ощупывали опухшее мѣсто. Затѣмъ, раскрывъ какую то книгу въ ветхомъ кожаномъ переплетѣ, сартъ сталъ что то быстро читать, торопясь, и невнятно произнося слова.

—Что это онъ читаетъ?

—Коранъ читаетъ, а потомъ такое слово скажетъ,

что все пройдетъ совершенно,—пояснилъ джигитъ, съ большою увѣренностью смотрѣвшій на этого своеобразнаго ветеринара.

Тщательно изслѣдовавъ всю ногу лошади и найдя около копыта небольшую сочившуюся ранку, старикъ вынулъ изъ-за пазухи какой-то пузырекъ съ зеленоватой жидкостью и, намочивъ имъ слегка тряпку, приложилъ къ ногѣ. Лошадь вздрогнула, какъ отъ прикосновенія чего то непріятнаго, но затѣмъ успокоилась.

— Теперь нужно подождать полчаса, и все пройдетъ,—перевелъ джигитъ нѣсколькими словами продолжительный свой разговоръ съ сартомъ.

— Все хорошо, и лошадь будетъ здорова...

Дѣйствительно, къ нашему глубокому изумленію почти на-глазахъ опухоль стала быстро уменьшаться и исчезла безслѣдно. Лошадь въ то же время перестала хромать.

— Однако, это странно въ высшей степени, и если бы я самъ не видѣлъ, то никогда бы не повѣрилъ.

— Да, дѣйствительно, удивительно,—согласился Б.,—хотя я уже нѣсколько разъ видѣлъ такихъ же заклинателей. Если вы согласны потерять нѣсколько минутъ, то мы можемъ увидѣть еще кое-что интересное.

—Спроси,—обратился онъ къ джигиту,—есть ли у него змѣя?

— Есть, Ваше Благородіе, онъ уже мнѣ говорилъ, что, если тюра хочетъ, то онъ принесетъ.

— Хорошо, скажи, чтобы только несъ скорѣе...

Черезъ нѣсколько минутъ старикъ уже возвращался изъ кишлака, неся въ рукахъ большую жестянку отъ печенья... Поставивъ ее на землю невдалекѣ отъ насъ, онъ открылъ крышку, и моментально, будто сильная стальная пружина, передъ нами встала большая коричнево-сѣрая змѣя. Раздувъ шею и испуская сильный свистъ, пресмыкающееся стало почти перпендикулярно. Старикъ спокойно взялъ ее въ руки, и она покорно обернулась вокругъ кисти руки, все же продолжая сердито извиваться. Развернувъ кольца змѣи, онъ положилъ ее на землю, и она снова быстро вся свернулась въ клубокъ; на головѣ ея виднѣлись характерныя полосы, вродѣ очковъ. Змѣя была аршина въ два длины.

— Это очковая змѣя. Найя, какъ здѣсь ее называютъ. Принадлежитъ къ числу самыхъ ядовитыхъ.

— А ну-ка, скажи старику, чтобы онъ показалъ ея зубы.

Сартъ осторожно взялъ змѣю за голову и открылъ ей ротъ.

Два ярко-бѣлыхъ изогнутыхъ назадъ зуба сверкнули среди красной поверхности челюстей. Изогнувшись вся, змѣя быстрымъ усиліемъ освободила свою голову и моментально вонзила свои зубы въ большой палецъ старика.

Мы невольно вскрикнули. Но онъ спокойно поднялъ руку, на которой выступила капля крови темнаго цвѣта. Затѣмъ, взявъ щепотку земли, потеръ слегка укушенное мѣсто и вытеръ полою халата...

— Пусть не безпокоятся тюры, это ничего,—сказалъ онъ.—Старый Гусейнъ не боится укуса змѣй;

они лишь страшны тѣмъ, кто не знаетъ священнаго слова. Пусть смотрятъ тюры, какъ сильна моя Найя.

И прежде чѣмъ мы успѣли сообразить, что хочетъ онъ дѣлать, старикъ быстро вытянулъ руку по направленію невдалекѣ лежавшей подъ кустомъ собаки.

Змѣя, выскользнувъ изъ рукъ, сдѣлала большой скачокъ. Жалобно взвизгнувъ, собака вскочила на ноги и бросилась бѣжать къ кишлаку. Бѣгъ ея, стремительный вначалѣ, разомъ сталъ уменьшаться, а затѣмъ она, какъ бы споткнувшись, упала на землю и разомъ вытянулась. Мы подошли ближе,— собака была уже мертва.

Старикъ, осторожно взявъ змѣю и положивъ ее передъ собою, сѣлъ на землю, открывъ свою книгу. Найя поднялась почти перпендикулярно и устремила свой взглядъ на Гусейна, который, какъ бы не замѣчая ея, сталъ читать слова корана, медленно качая въ тактъ головой. Опустившись немного ниже, змѣя также стала раскачиваться, какъ будто кланяясь. Взявъ щепотку земли, Гусейнъ посыпалъ ее на голову Найи, и она, успокоившись и свернувшись кольцами, заснула. Будто комокъ веревокъ взялъ ее старикъ въ руки и уложилъ въ ящикъ, завязавъ его тонкой ниткой...

— Пусть тюра не удивляется: и я, и мой отецъ, и вся наша семья не боится змѣй. Священное слово, которое знали еще мои прадѣды, защищаетъ насъ отъ ихъ злости. Пусть будетъ спокоенъ и благословенъ Аллахомъ вашъ путь,—добавилъ онъ, получая отъ насъ нѣсколько монетъ.

Мы двинулись крупною рысью, наверстывая потерянное время. Вьючная лошадь шла бойко, не хромая.

— Одинъ докторъ объяснялъ мнѣ такія явленія врожденной нечувствительностью къ змѣиному яду,— нарушилъ молчаніе Б., любившій поболтать.

Я встрѣчалъ цѣлыя семьи, которыя какъ будто заколдованы въ этомъ отношеніи. Вообще же много здѣсь на востокѣ можно видѣть совершенно необъяснимыхъ съ нашей точки зрѣнія явленій. Все это перешло, очевидно, изъ сѣдой старины по наслѣдству.

Много было знаній, до насъ не дошедшихъ и крѣпко забытыхъ. Вотъ хотя бы здѣсь, напримѣръ, указалъ онъ рукою влѣво, гдѣ темнѣла издали какая-то огромная постройка.

Это старинный акведукъ построенный еще Абдулахъ-Ханомъ черезъ кощелину глубокую. Я уже былъ здѣсь и изумлялся колоссальной прочности и конструкціи его, пережившаго вѣка и оставшагося такимъ же, какимъ онъ былъ болѣе 500 лѣтъ тому назадъ.

Между тѣмъ мы подъѣхали ближе; пересѣкая нашу дорогу, тянулась глубокая пропасть, на днѣ которой извивался ручей. Саженъ пятьдесятъ ширины отдѣляло насъ отъ противоположнаго берега... Огромныхъ три стрѣльчатыхъ арки акведука красиво выдѣлялись, поражая издали своей воздушностью. Построенный изъ плиточнаго жженаго кирпича сѣраго цвѣта, акведукъ казался сложеннымъ изъ гранита. Высокіе парапеты служили надежными перилами, и лишь кое-гдѣ сверху настилка акведука пострадали отъ времени и заросли густою травою.

— Какъ видите, акведукъ какъ будто только построенъ, даже кирпичъ нигдѣ не вывѣтрился, не говоря уже про известку, которая въ швахъ настолько слежалась, что образовала вмѣстѣ съ кирпичомъ сплошной монолитъ, поразительной крѣпости. Вышина его достигаетъ 40 саженъ. Прямо обидно, что этотъ акведукъ такъ и остается въ пустынѣ, служа десятку, другому въ годъ проѣзжающимъ черезъ него кочевниковъ.

Называется онъ Гышъ-Купрюкъ и построенъ былъ здѣсь около дороги между Динау и Термезомъ, имѣя большое значеніе. Съ разрушеніемъ же Термеза, Соганіана и всего края, заглохла и эта водная артерія. А сколько нужно было знаній строительнаго искусства, чтобы сдѣлать разсчеты этихъ арокъ и построить акведукъ. Теперь вѣдь у насъ большинство такихъ сооруженій изъ желѣза, а изъ камня и строить не умѣютъ.

Однако, всетаки съ этой глупой лошадью и змѣями мы запоздали и теперь должны будемъ тащиться по жарѣ.

Переѣхавъ акведукъ и еще разъ полюбовавшись имъ, мы выѣхали на широкую равнину, значительно превышавшую полосу прибрежныхъ камышей и зарослей, гдѣ слышался шумъ, хлопанье крыльевъ и веселые скрипучіе крики журавлей и гусей. Съ громкимъ кряканьемъ порою поднимались стада дикихъ утокъ и, описавъ широкій кругъ, проносились надъ нашими головами, спускаясь гдѣ-то далеко за рѣкою.

— Ну и дичи здѣсь тьма, надо пострѣлять,—одо-

лѣваемый охотничьимъ зудомъ, сказалъ Б.—Вы поѣзжайте себѣ, а я пару выстрѣловъ сдѣлаю и нагоню.

— Вонъ, кстати, интересная птица виднѣется,—указалъ онъ рукою на пригорокъ, гдѣ сидѣла пара огромныхъ черныхъ гусей съ ярко-красною грудью.

— Это морскіе гуси съ Индійскаго океана,—вѣроятно, залетѣли на перелетѣ.

Подъѣхавъ ближе, Б. остановилъ лошадь и, тщательно прицѣлившись, выстрѣлилъ. Одинъ гусь улетѣлъ, а другой, видно сильно подстрѣленный, забился на землѣ.

— Красивая птица... Не знаю, какова на вкусъ, но вечеромъ попробуемъ,—рѣшилъ охотникъ, когда мы, остановившись, стали разсматривать гуся.

Отдохнувъ въ маленькомъ кишлакѣ Куль-Тюбе, мы выѣхали дальше, разсчитывая къ ночи добраться до г. Динау.

— Былъ я здѣсь какъ-то на охотѣ, провелъ дня три въ тугаяхъ и просто въ какое-то ожесточеніе сталъ впадать въ концѣ концовъ, до того здѣсь много дичи; такое безпощадное истребленіе пробуждаетъ даже у самаго спокойнаго охотника кровожадные инстинкты, просто стрѣляешь и стрѣляешь безъ конца. Уже мы дичь раздавали по кишлакамъ, а все же массу потомъ пришлось бросить.

Эту охоту я долго буду помнить, такъ какъ тутъ же случился вонъ въ томъ тугайчикѣ со мной такой случай: шелъ я немного въ сторонѣ отъ другихъ, двустволка была заряжена дробью; я въ охотничьемъ азартѣ положительно проникся духомъ

истребленія, стрѣляя каждую минуту то по фазану, то по уткамъ; мой нукеръ сзади едва-едва тащилъ огромный мѣшокъ съ убитой птицей. Тамъ среди камышей есть пробитая тропка — вѣроятно, кабаны да олени проложили свой ходъ на водопой. Только я успѣлъ подойти вонъ къ той группѣ зарослей, что видна отсюда, какъ огромный тигръ тихо такъ, спокойно вышелъ изъ нихъ и легъ на дорогѣ.

— Видѣли вы когда-нибудь кошку, когда она, положивъ на полъ пойманную мышь, отойдетъ отъ нея, а потомъ снова подходитъ, не обращая какъ будто на свою добычу никакого вниманія. Тотъ же видъ имѣлъ тигръ.

Подойдя шаговъ на 20 ко мнѣ, онъ прилегъ на землю и даже зажмурился; я до того опѣшилъ, что былъ моментъ, когда я почувствовалъ свои ноги одеревенѣвшими и будто вросшими въ землю. Но въ то же мгновеніе, какъ молнія, мелькнула мысль, что еще секунда—и смерть.

Прицѣлился я крайне тщательно, и затѣмъ почти одновременно тигръ открылъ широко глаза, вѣроятно предполагая сдѣлать прыжокъ, а я выстрѣлилъ, и къ счастью, хотя ружье и было заряжено дробью, но зарядъ попалъ какъ разъ въ глаза и переносье. Какъ сквозь сонъ слышалась мнѣ будто барабанная дробь, которую выбивали зубы моего нукера. Да, правду сказать, я и самъ-то очнулся потомъ долго спустя и никакъ не могъ сообразить, какимъ образомъ я убилъ валявшагося передо мною въ конвульсіяхъ тигра.

Въ сущности какой-то случай меня спасъ. Видно

не судьба мнѣ было быть съѣденнымъ тигромъ. Испытавъ такой случай, приходится вѣрить въ судьбу!

Однако кишлакъ Джольты-Тюбе уже видно, значитъ черезъ два часа мы и въ Динау.

Мѣстность, между тѣмъ, постепенно повышалась, сохраняя въ то же время свой равнинный характеръ. Кое-гдѣ виднѣлись кишлаки.

Теперь намъ остается немного подняться, и за этими холмами будетъ Динау.

Постепенно и почти незамѣтно для глаза мы поднимались на небольшую гряду холмовъ, съ которой далеко открывался видъ на всю Сурханскую долину. Рѣка темнѣла среди камышей, отливая свинцовымъ блескомъ. Вдали край горизонта составляли горы, лежащія за Аму-Дарьей, и Сурханъ какъ будто упирался въ нихъ, не имѣя дальнѣйшаго выхода.

Являясь важнѣйшею рѣкою всего Гиссарскаго края, Сурханъ образуется изъ нѣсколькихъ рѣкъ, текущихъ съ горъ, окружающихъ широкую Сурханскую долину. Самые многоводные притоки: Туплангъ, вытекающій изъ ущелья Шамаль, получая свою воду отъ таянія снѣговъ горъ Мамай-Кинтели и являющійся началомъ Сурхана; ниже, около выхода изъ горъ у вершинъ Ссаръ и Джуя, онъ принимаетъ названіе Ссаръ-и-Джуй-Дарьи; Туплангъ крайне буренъ и отличается многоводностью; Калукъ-Дарья, вытекающая изъ Калукскаго ущелья; Хожда-Ипакъ-Дарья съ притокомъ Казилъ-су; Сегри-Дашт-Дарья; Дашти-Наватъ-Дарья и Регаръ-

Дарья. Всѣ эти рѣки, образуя огромный бассейнъ Сурхана, даютъ жизнь многочисленному населенію Гиссарскаго и Динаускаго бекствъ, считающихся едва ли не самыми богатыми въ Восточной Бухарѣ.

Прямо передъ нами виднѣлась долина Динау, покрытая растительностью, среди которой красиво выдѣлялись вѣковыя чинары, бѣлѣя своими могучими стволами.

На высокомъ холмѣ въ видѣ полуострова, образуемомъ небольшою рѣчкою, впадающею въ Сурханъ, виднѣлись стѣны старинной Динауской крѣпости, расположенныя тремя ярусами одинъ надъ другимъ. Толстыя высокія стѣны во многихъ мѣстахъ осыпались и какъ-то особенно мрачно вырисовывались на фонѣ зелени. Съ правой стороны у подножья холма стояли постройки бекскаго двора, а сзади виднѣлись сѣрыя зданія старинныхъ медресе и мечетей, вокругъ которыхъ разстилался самый городъ, скучившійся своими сплошными постройками, расположенными безъ всякаго плана, какъ попало рядомъ другъ съ другомъ.

Проѣхавъ небольшой кишлакъ Махау —убѣжище для прокаженныхъ, мы пересѣкли большую извилистую рѣчку и поднялись на вершину возвышенности, на которой стоялъ бекскій дворъ. Высокія чинары росли поодиночкѣ и небольшими группами, давая на своихъ вершинахъ пріютъ безчисленному числу аистовъ, весело пощелкивавшихъ своими клювами, производя при этомъ сильный деревянный трескъ.

Луна своими блѣдными серебристыми лучами

освѣтила окрестности. Усталые кони, почуявъ близость ночлега, прибавили шагу. Снѣговыя вершины горъ вдали отливали серебромъ, искрясь при лунномъ свѣтѣ. И лишь небольшая часть горизонта, оставшаяся въ тѣни, мрачно чернѣла, какъ будто служа контрастомъ общаго яркаго колорита картины.

Звѣзды мягко свѣтили, разливая свой мерцающій свѣтъ и какъ бы дополняя свѣтъ мѣсяца. Ночь была свѣжа и прохладна. Рѣзкое журчаніе воды въ ручьяхъ и арыкахъ смѣшивалось съ криками ночныхъ птицъ. Равномѣрно унылый звонъ каравана верблюдовъ, красивымъ диссонансомъ, врывался въ эту гармонію ночныхъ звуковъ.

Впечатлѣніе такое, какъ въ колоссальномъ храмѣ, въ которомъ при мерцающемъ свѣтѣ лампадъ идетъ какая-то тихая и торжественная служба.

И будто для того, чтобы наглядно намъ показать, что мы находимся въ храмѣ, въ ночной тишинѣ протяжными звуками далеко по окрестностямъ разнеслись словами молитвы:

„Ля-иль-ляги-иль — Алла, — нѣтъ Бога кромѣ Бога“!!

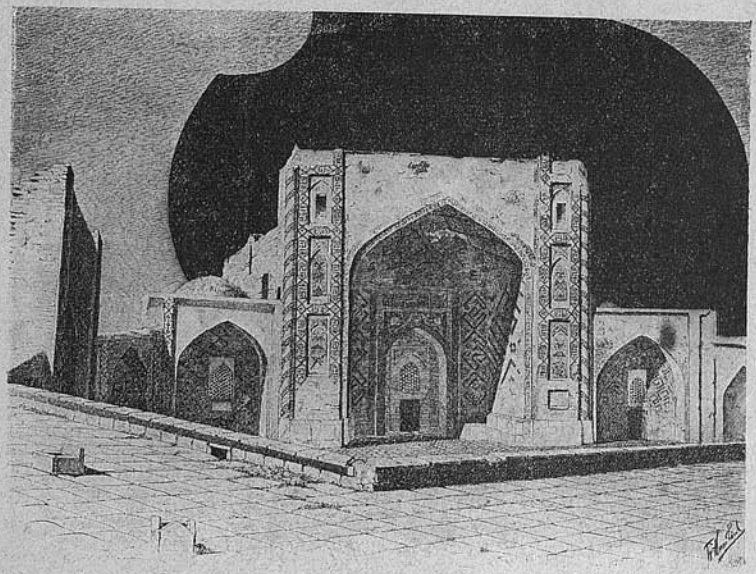
Торжественными словами подтверждалъ людямъ служитель Его, стоя на высокомъ минаретѣ мечети и призывая людей къ вознесенію молитвы Тому, кто управляетъ этимъ прекраснымъ міромъ.

Громко застучала настилка моста подъ копытами нашихъ коней, когда мы подъѣзжали къ воротамъ бекскаго двора, пріютившагося у подножья старой крѣпости, высокія стѣны которой казались еще выше и темнѣе, мрачно смотря своими бойницами на окрестности.

Гостепріимный огонекъ на крытой террасѣ посольскаго дома мягкимъ свѣтомъ освѣщалъ широкій дворъ. Темная зелень винограда, обвивавшаго часть террасы, придавала особенно красивый видъ нашему мѣсту ночлега.

Сильно усталые мы слѣзли съ лошадей.





XVII.

Динаускій бекъ.—Отношенія бухарцевъ къ русскимъ.—Въ Авганскомъ плѣну.—Военные слоны.

Представительный красивый старикъ въ золотомъ парчевомъ халатѣ взошелъ на террасу, гдѣ мы благодушествовали за чаемъ.

— Динаускій бекъ-бій-дахта [1]) спрашиваетъ, какъ ваше здоровье и благополучно ли было ваше путешествіе,—черезъ минуту заговорилъ переводчикъ, почтительно выслушавъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ вполголоса бекомъ.

— Поблагодарите бека отъ насъ за радушное

[1]) Бій-Дахта—генералъ-маіоръ.

гостепріимство,—отвѣтилъ Б. и тутъ же добавилъ:—„Какъ жаль, что нельзя самому говорить лично. Если бы хоть немного знать языкъ“...

— Вы вѣдь можете, такъ ведите бесѣду.

— Пусть полковникъ говоритъ по русски, я немного понимаю — къ нашему удивленію произнесъ бекъ, оглядывая насъ своими проницательными красивыми глазами.

— Мы можемъ говорить кое-что по-русски, кое-что по-туземному. Я вѣдь давно знаю и встрѣчался съ русскими. Сорокъ лѣтъ тому назадъ первый разъ пришлось мнѣ видѣть ихъ. И хотя я въ эту встрѣчу потерялъ своего отца, но злобы нѣтъ у меня противъ русскихъ... Все судьба—кысметъ!..

Мальчикомъ десяти лѣтъ я ѣхалъ у стремени моего покойнаго отца, Джизакскаго бека, который первый встрѣтилъ русскія войска подъ Джизакомъ. Страшную битву выдержали тогда войска благородной Бухары, но Аллахъ уже повернулъ своей властной рукой въ другую сторону судьбу Бухары. Сраженный русской пулей, палъ въ этомъ сраженіи мой отецъ, а я былъ взятъ въ плѣнъ, но затѣмъ отпущенъ на волю милостивымъ побѣдителемъ. Зла я не видѣлъ отъ русскихъ. Эмиръ же вскорѣ приблизилъ меня къ себѣ, и послѣ долгой службы при немъ я назначенъ былъ бекомъ въ Керки. Тамъ пришлось еще ближе познакомиться съ русскими, и я жилъ все время очень хорошо съ вашимъ генераломъ. Былъ потомъ въ Петербургѣ съ эмиромъ. Императоръ Александръ III мнѣ тогда самъ пожаловалъ вотъ этотъ орденъ.—

указалъ онъ на Станиславскую ленту 1-й степени, надѣтую черезъ плечо сверхъ халата.

— Значитъ, эмиръ любитъ бека? — задалъ вопросъ Б.

Бекъ на мгновеніе задумался, и будто облачко пробѣжало по лицу.

— Эмиръ любитъ свой народъ и всѣхъ хорошо ему служащихъ,—отвѣтилъ онъ дипломатической фразой.

— Но со мной былъ однажды случай, когда гнѣвъ Его Высочества постигъ меня, и я былъ довольно долго почти не у дѣлъ, завѣдуя небольшой командой солдатъ на границахъ Хивы. Потомъ, къ счастью, снова мое положеніе измѣнилось, милость эмира возвратилась, и я опять былъ назначенъ бекомъ.

— Что скажетъ бекъ о теперешней жизни: когда было лучше, прежде или въ настоящее время?—снова довольно неосторожно спросилъ Б.

— Какъ вамъ сказать? я сынъ бека, родовой бекъ; разумѣется, долженъ былъ бы сказать, что прежде было лучше, но, посмотрѣвъ безпристрастно вокругъ, все же скажу—лучше теперь. Стало много спокойнѣе. Нѣтъ тѣхъ страшныхъ кровопролитныхъ войнъ, что велись прежде между независимыми мирами*), а также сосѣдними странами. Хотя я глубоко вѣрю, что гнѣвъ Аллаха на мусульманъ не будетъ безконечнымъ, и если не мы, то наши дѣти, внуки, увидятъ снова Бухару мусульманскую въ полномъ блескѣ, какъ огромное самостоятельное

*) Миръ наслѣдственный правитель области.

государство, какимъ она была во времена Тимуридовъ. Гнѣвъ Аллаха не можетъ быть безконечнымъ.

Русскіе—хорошіе люди, и мы всегда уживаемся съ ними рядомъ. Только намъ нужно немного обновиться и честнѣе служить, исполняя волю эмира, который кромѣ добра ничего своему народу не желаетъ. Но наши чиновники любятъ деньги и обижаютъ народъ. Когда этого не будетъ, Бухара снова засіяетъ прежней яркою звѣздою среди остальныхъ мусульманскихъ государствъ.

— И вы думаете, бекъ, что это скоро будетъ?—не утерпѣлъ давно уже желавшій что-то высказать Б. Я такъ не вѣрю. Бухара уже отжила свое время, и ей никогда больше не подняться.

Дахта на минуту задумался, какъ будто собираясь съ мыслью.

— Пусть полковникъ не обижается, но это не такъ, какъ онъ говоритъ. Захочетъ Аллахъ—и, исполняя его волю, устроится вся жизнь по-новому. У насъ, когда еще русскія войска показались около Ауліэ-атя старые люди говорили, что Аллахъ лишь на время отвернулъ свое лицо отъ правовѣрныхъ, давъ приказаніе Кара-Кушу [1])—птицѣ несчастья, наказать народъ за его грѣхи. И въ прежнее время бывали такія же наказанія, но потомъ снова вставало Бухарское ханство и, залѣчивъ раны, нанесенныя врагами, но... видѣлъ полковникъ орла въ клѣткѣ? Онъ ѣстъ, пьетъ, чистится, а все же нѣтъ у него никогда веселаго взора. Задумчиво сидитъ онъ и съ тоскою вспоминаетъ свою вольную жизнь...

[1]) Кара-Кушъ—Коршунъ.

— Завтра вы посмотрите Динау, это тоже очень старое мѣсто, а теперь прошу меня извинить,—неожиданно измѣнилъ тему разговора бекъ, поднимаясь.

— Надо идти молиться...

Мы, простившись съ гостепріимнымъ хозяиномъ, расположились на ночлегъ.

Яркія звѣзды, какъ крупные брилліанты, сіяли своимъ свѣтлоголубоватымъ свѣтомъ. Подъ навѣсомъ, на дворѣ, виднѣлся кое-гдѣ свѣтъ, и слышались однообразные переборы дребезжащихъ струнъ домры. Рядомъ, въ сосѣднемъ помѣщеніи, выходившемъ дверью на ту же террасу, раздавались голоса нашихъ казаковъ и солдатъ.

— Такъ ты сказываешь, што Авганія—все равно, што Бѣлая Арапія,—съ ехидствомъ въ голосѣ спрашивалъ старый приказный.

— Само собою.

— Ну, землякъ, а это не такъ...

— А по-моему, что Авганія, что Бухара—все единственно. Я это доподлинно знаю... Вы такъ только про нее болтаете.

Мы, значитъ, хорошо знаемъ, — упорствовалъ одинъ изъ казаковъ,—потому на самой границѣ въ Сараѣ, во время чумы, лѣтъ десять тому назадъ, нашъ полкъ стоялъ, такъ мой братанъ самъ тамъ былъ и про эту Авганію все намъ разсказывалъ.

— Вралъ онъ вамъ все, — отрѣзалъ вахмистръ, сердито сплевывая.

— Все равно, что Бухара, только люди злѣе... Кабы я не былъ въ ней, такъ и говорить-бы не сталъ.

— Да неужто были?

— Вѣрное слово!

Вышла, братцы мои, такая оказія, что чуть я тамъ жизни не рѣшился.

Было это давно, бо́льше десяти лѣтъ, а какъ сейчасъ я помню, будто вчера было, потому больно много я перенесъ отъ ихъ самаго звѣрства; я еще молодымъ солдатомъ былъ. Выѣхали мы изъ Келифа, что на Аму-Дарьѣ, на туркменскомъ каюкѣ, везли мы казенный грузъ въ укрѣпленіе Термезъ.

За старшаго вахмистра Фадѣева назначили, да еще одинъ солдатикъ былъ; проплыли благополучно до п. Кара-Камора, а какъ стали объѣзжать островъ около него, какъ сорвалась буря съ пылью и пескомъ, тутъ всѣ несчастья наши начались. На совѣсть тянули каюкъ туркмены, а только не выдержалъ канатъ и оборвался, а насъ и понесло къ авганскому берегу и выбросило на мелководье. Вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе. Поднялась страшная волна и начала перебрасываться черезъ борты, а затѣмъ сдвинула каюкъ на глубокое мѣсто, захлестнуло его водою, и онъ сталъ тонуть. Не успѣли мы оглянуться, какъ уже были по горло въ водѣ, изъ которой торчала одна мачта. А вокругъ ни зги не видно. Порѣшили мы тогда идти къ берегу.

„Фадѣевъ и говоритъ:—Все равно погибать. Помолимся Богу и пойдемъ, можетъ, и дойдемъ до берега“.

Но только опять налетѣлъ вѣтеръ, и ничего уже не стало видно. Шелъ я наугадъ, гдѣ плылъ,

а гдѣ по мелякамъ перебирался, до тѣхъ поръ, какъ набѣжала на меня волна, и бросила снова на глубокое мѣсто, тутъ уже я ничего не помню. Очнулся я ужъ на берегу; все какъ есть болитъ, ни руки, ни ноги поднять нельзя,—видно, ударило волной о берегъ. Отлежался я немного, смотрю, а вокругъ никого нашихъ нѣтъ. Видно, потонули. Потомъ вижу, что-то несетъ водою; смотрю—сумка съ нашего каюка. Оглядѣлъ я ее, а въ ней табакъ и спички, и водой не замочены. Собралъ сухого камышу, огонь развелъ и обогрѣлся; тутъ, слышу, трещитъ камышъ, а затѣмъ вахмистра голосъ. Окликнулъ я его.

„Идите, говорю, сюда“.

Вышелъ онъ, да и спрашиваетъ: — „Гдѣ наши, видно потонули всѣ?..

А вещи казенныя съ каюка на берегъ повыбросило. Я уже посбиралъ кое-что“.

Посидѣли мы, обогрѣлись; тутъ онъ мнѣ приказалъ:

„Иди, говоритъ, по берегу, дойдешь до Келифской переправы и дай знать на постъ, чтобы помощь выслали, а я буду вещи въ кучу таскать“.

Взялъ я шестъ и пошелъ; буря помаленьку стихла. Отошелъ я верстъ десять, смотрю: авганцы арыкъ копаютъ.

Я въ камыши и хотѣлъ стороною пробраться, а только уже запримѣтили меня. Не успѣлъ я опомниться, какъ они уже окружили меня, да и давай бить лопатами по чемъ попадется. Тутъ я впалъ въ безчувствіе и дальше не помню, что было. По-

томъ сталъ отходить, смотрю, а ужъ у меня и руки, и ноги связаны, и весь я въ крови. Лежу въ какой-то ямѣ, вродѣ какъ въ загонѣ... сверху народъ смотритъ. Замѣтили, что я очнулся, и ну плевать на меня: да бросать камнями, и все кричатъ: „урусъ“ да „урусъ“.

Потомъ взошелъ ко мнѣ какой-то авганецъ, видно не изъ простыхъ, взялъ за шиворотъ, поставилъ на колѣни, затѣмъ вынулъ шашку, да какъ ударитъ меня обухомъ ея по спинѣ изо всей мочи. Стерпѣлъ я и думаю: видно, меня сейчасъ и порѣшатъ. Но только раза два замахивался шашкой, будто хочетъ голову мнѣ рубить; въ это время пріѣхали еще какіе-то люди, оттолкнули его, привязали меня къ аркану и вывели наружу. Смотрю, лошади стоятъ потныя, видно, издалека гнали. Поговорили что-то по-своему. Сѣли на лошадей, а одинъ взялъ арканъ, да притянулъ его къ лукѣ сѣдла, да какъ съ мѣста въ карьеръ ахнетъ; я за арканомъ кубаремъ полетѣлъ, а потомъ и потащился за нимъ на спинѣ по камышамъ саженей 100. Остановилъ коня, я всталъ и пошелъ коекакъ.

Пока ѣхали шагомъ, такъ все еще ничего было. А какъ побѣжали рысью, то сталъ я спотыкаться и падать. Но они меня поднимали на ноги, били чѣмъ попало, а потомъ, должно-быть, тащили. Плохо я все это помню. Привезли подъ утро въ какой-то кишлакъ, заперли и приставили часовыхъ. Лишь къ вечеру я сталъ отходить и попросилъ испить. Только они вмѣсто воды меня вновь бить приня-

лись. Потомъ пришелъ, какой-то старшій и что-то сказалъ; мнѣ бросили чурекъ хлѣба. На утро тотъ-же человѣкъ пришелъ осмотрѣлъ меня. Видя, что я плохъ, покачалъ головой, а потомъ приказалъ посадить на сѣдло и привязать къ лошади. Такимъ манеромъ изо дня въ день мы почитай недѣлю ѣхали. И повѣрите ли: въ каждомъ кишлакѣ, гдѣ только останавливаться пришлось, вездѣ тѣ же мученія претерпѣвалъ. Собирался каждый разъ весь народъ, смотрѣлъ на меня, какъ на звѣря, и билъ все время смертнымъ боемъ.

Много вамъ претерпѣть пришлось,—задумчиво проговорилъ одинъ изъ казаковъ.

— Ну, а всѣ эти муки вамъ на томъ свѣтѣ зачтутся.

Ладно, разсказывай тамъ, зачтутся или нѣтъ, видно будетъ. А только тогда я и на Бога возропталъ: за что, думаю, такія муки...

Привезли меня, наконецъ, въ какой-то большой кишлакъ, не то городъ по-ихнему. Свалили на землю, какъ кладь какую. Тутъ я и увидѣлъ ихъ бека. Пришло съ нимъ страсть много народу. Смотрятъ, какъ на звѣря. Но только бекъ приказалъ принести мнѣ хлѣба, а потомъ самъ мнѣ въ чашкѣ далъ молока. Принесли и плову; здѣсь я маленько отдохнулъ. На утро же снова въ путь. Показалось мнѣ, что много мы проѣхали, а подлинно утверждать не могу. мало ли или много, потому я больше въ безчувствіи находился.

Помню только, что привезли къ крѣпости Чарыкаръ, ссадили съ лошади и повели къ воротамъ, гдѣ

наверху какая-то бесѣдка виднѣлась и въ ней много начальства. Осмотрѣли меня, а потомъ отвели въ помѣщеніе и плову принесли. Пришло ихъ нѣсколько офицеровъ, сѣли около и разговариваютъ. Но только въ это время раздался страшный шумъ. Вбѣжало много солдатъ и, несмотря на офицеровъ, принялись меня бить и кулаками и палками. Очнулся я, попробовалъ рукою и чувствую, что весь въ крови снова. Потомъ видятъ, я совсѣмъ плохъ, стали меня отливать водою,—думалъ я, что конецъ уже пришелъ...

Въ это время кто-то, слышу, остановился около меня; видѣть не вижу, а слышу—по-русски голосъ спрашиваетъ:

— „Здравствуй, добрый человѣкъ,—видно, помираешь?“

Силъ у меня не было, чтобы отвѣтить; тогда открыли мнѣ ротъ и что-то насильно влили кислое. Полежалъ я малое время и въ себя приходить началъ. Тутъ меня подняли и повели къ ихнему губернатору на допросъ.

Смотрю идетъ рядомъ со мной человѣкъ, одѣтъ авганцемъ, а лицо вродѣ русскаго.

„Что, братъ, легче? Тебя уже давно губернаторъ спрашивалъ, только ты больно слабъ былъ. А теперь не запирайся и открой всю правду“.

Я ему разсказалъ дорогой, какъ я въ Авганію попалъ; тогда онъ выслушалъ, да и сказываетъ: плохое твое дѣло, землякъ: я-то тебѣ вѣрю, ну а здѣшніе врядъ ли повѣрятъ. И быть тебѣ жизни рѣшенному,—къ этому приготовься, зарѣжутъ какъ

барана, если въ ихъ магометанскую вѣру перейти согласія не дашь...

Дорогой собрался народъ. Шумятъ, галдятъ, каждый ударить норовитъ. А иной, изловчившись, подскочитъ ближе, да и долбанетъ по чемъ ни придется... Наконецъ, вижу, солдатъ рота выстроена, а дальше передъ входами часовые стоятъ. Ввели меня въ помѣщеніе, самъ губернаторъ сидитъ, мундиръ вродѣ генеральскаго и погоны.

Посмотрѣлъ на меня и черезъ переводчика спрашиваетъ: „умѣешь писать по-русски?“.

Я говорю:—умѣю!

„Оставаться хочешь у насъ?“

Отвѣчаю: „нѣтъ, не желаю“. Тогда онъ, безъ дальнихъ словъ, приказалъ отвести меня обратно.

Только, смотрю я, обращеніе со мной перемѣнили. Бить даже перестали, а затѣмъ докторъ ихъ сталъ ходить и раны мои лечить, мазью какой-то мазать. И кормили также ничего себѣ. Черезъ нѣсколько дней снова къ губернатору потребовали. Опять повели черезъ городъ. Тотъ меня и спрашиваетъ: „Хочешь у насъ остаться? Мы тебя офицеромъ сдѣлаемъ и красивую жену дадимъ. Только оставайся и нашу вѣру принимай!“... Долго онъ меня все обольщалъ.

А я на все ему говорилъ: „не желаю; ничего мнѣ не нужно, и вѣры перемѣнять я не согласенъ“.

Тогда разсердился онъ, затопалъ ногами, закричалъ: „убить тебя прикажу, лютымъ мукамъ предамъ и голодомъ уморю“.

Собрался я съ духомъ и отвѣтилъ: „дѣлайте, что хотите“.

Сдѣлалъ онъ знакъ, и меня сейчасъ же вывели. Думалъ я, на смерть повели, и молитвы читать про себя сталъ. Однако, конецъ мой еще назначенъ не былъ. Спустили они меня въ какой-то погребъ подъ землею, и тутъ-то начались мои мученія. Ѣсть не давали, пить не давали, а то понабросаютъ всякой гадости въ пищу и даютъ. И били каждый день. Какъ только новый караулъ заступитъ, такъ сейчасъ же, первымъ дѣломъ, бить меня принимались. Саблями рубили. Колотили штыкомъ. Кто что придумаетъ, то и дѣлаютъ со мной и продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока сами не устанутъ, а меня всего кровью не покроютъ. Больше десяти дней эти муки продолжались. Наконецъ опять повели къ губернатору.

Тутъ ужъ я не выдержалъ, какъ увидѣлъ его, такъ затрясся и прямо крикомъ закричалъ: „что развѣ у васъ Бога нѣтъ? Убейте меня лучше, чѣмъ такъ мучить!“.

Выслушалъ онъ, да и говоритъ: „Разъ не хочешь оставаться, я тебя домой отправлю, потому что отъ эмира бумага пришла, отвести тебя на русскую границу и сдать тамъ“.

Какъ услышалъ я это, такъ обрадовался и сказать не могу, сердце во мнѣ просто такъ и запрыгало.

И тутъ разомъ они обращеніе перемѣнили, посадилъ меня губернаторъ и приказалъ ѣсть дать. Накормили меня до отвалу, а затѣмъ онъ сталъ меня дарить. Далъ мундиръ ихъ солдатскій, штаны, кусокъ мыла хорошаго и 500 папиросъ. Вече-

ромъ снова кормили. И такъ я съ недѣли двѣ, а то и больше у него жилъ, пока маленько оправился, потому больно у меня въ ранахъ червей много развелось. За это время, видѣлъ я много диковинокъ. Слоновъ мнѣ военныхъ показывали. Прикажутъ, они лягутъ. Скомандуютъ—встанутъ; умные звѣри.

Какъ я поправилси, снова позвали меня къ губернатору. Много въ это время около него офицеровъ было. Простился со мною онъ, да и говоритъ: „По приказу Эмира поѣдешь ты сегодня въ свою сторону. Только какъ увидишь свое начальство, скажи ему, чтобы не ходили на Авганію войною“, и руку мнѣ подалъ.

Дали мнѣ хорошую лошадь и повезли подъ конвоемъ, и на этотъ разъ вездѣ достарханъ былъ. Кормили хорошо, ужъ и не знаю, какъ я доѣхалъ до Келифской переправы, гдѣ перевезли меня на русскій берегъ и сдали на постъ. Обезумѣлъ я отъ радости. Ну, а потомъ мѣсяца три въ госпиталѣ пролежалъ. Все залечивали мои раны.

Разсказчикъ умолкъ, и вся компанія довольно долго просидѣла въ молчаніи. Наконецъ, старый урядникъ нарушилъ его.

— Много вы муки приняли, что и говорить, а только надо думать, Господь испытать хотѣлъ—ну и послалъ.

— Одначе, пора и на покой!

Разговоры умолкли; разостлавъ кошму среди двора, урядникъ сталъ на колѣни и, истово кладя земные поклоны, долго молился, произнося немного нараспѣвъ слова молитвъ. Освѣщенная серебристымъ

свѣтомъ луны фигура казака красиво выдѣлялась на темномъ фонѣ высокой стѣны, окружавшей дворъ.

Высокіе развѣсистые чинары тихо шелестѣли листьями подъ дуновеніемъ свѣжаго ночного вѣтерка.

Въ городѣ царствовала полная тишина, прерывавшаяся лишь отдаленнымъ воемъ шакаловъ, которому вторили порою собаки въ сосѣднихъ кишлакахъ.





XVIII.

Старая крѣпость Динау.—Подземная тюрьма.—Медресе.—Молитва въ мечети.—Древнее оружіе.—Вымершій кишлакъ.—Ходжа-Урусъ—бѣглый русскій и его жизнь.

Являясь однимъ изъ главныхъ городовъ Гиссарскаго края, городъ Динау издавна пользовался извѣстностью, въ началѣ какъ пограничная крѣпость, защищавшая съ юга всю область, а затѣмъ какъ торговый городъ, служившій въ то же время резиденціей наслѣдниковъ престола Гиссарскихъ міровъ.

Составляя въ настоящее время особое бекство—Динау постепенно превратился въ небольшой городокъ, ведущій незначительную торговлю.

Рѣка Ходжа-Ипакъ-Дарья, берущая свое начало

изъ горы Ходжа-Ипакъ вмѣстѣ съ рѣкою Кизиль-Су даютъ воду Динаускому бекству.

Высокій холмъ, окруженный съ трехъ сторонъ небольшой рѣкою, служилъ подножьемъ старой крѣпости; живописныя развалины которой, красиво вырисовываясь среди зелени, господствовали надъ всѣмъ городомъ. Одна за другой поднимались три стѣны, служившія надежной защитою и дѣлавшія крѣпость въ прежнее время неприступною. Осыпавшіеся зубцы стѣнъ уныло торчали, напоминая прежнее величіе.

Войдя черезъ ворота за первую стѣну, мы очутились на широкой площадкѣ, покрытой огромными чинарами, перейдя которую и поднявшись еще сотни двѣ шаговъ кверху, передъ нами открылись прекрасно сохранившіяся ворота цитадели, построенныя изъ обожженнаго кирпича.

Двѣ башни по сторонамъ воротъ и сводчатый въѣздъ, оставшіяся совершенно не тронутыми временемъ, указывали на капитальность постройки. Огромныя деревянныя ворота изъ досокъ, больше полуаршина толщины, были закрыты, и лишь небольшая калитка являлась проходомъ внутрь цитадели. Всѣ ворота были изрѣшетены крупными ядрами, два изъ которыхъ крѣпко засѣли въ верхней ихъ части, будто глаза смотря сверху на настоящую жизнь. Масса земли была присыпана къ воротамъ, подтверждая разсказъ проводника-переводчика, что крѣпость пережила время тяжелой осады. Высокія заросли бурьяна покрывали собою все внутреннее пространство цитадели, заваленное грудами кирпича и щебнемъ.

Казалось, смерть, поразивъ защитниковъ крѣпости, витала надъ этимъ мѣстомъ, превращеннымъ въ огромную могилу.

— Здѣсь вотъ колодезь есть, указалъ намъ переводчикъ на середину двора.

Очень глубокій, онъ черезъ всю гору проходилъ, но теперь въ немъ почти до верху навалены человѣческія кости. Старые люди разсказываютъ, что въ то время, когда послѣ долгой осады крѣпость была взята приступомъ, побѣдители казнили всѣхъ защитниковъ, а трупы ихъ бросали въ колодезь.

Подойдя ближе и пролѣзши черезъ бурьянъ, мы увидѣли отверстіе широкаго колодца, въ которомъ бѣлѣла масса костей. Маленькія ящерицы, испуганныя шумомъ нашихъ шаговъ, быстро переползали среди этихъ человѣческихъ останковъ, исчезая въ глазныхъ впадинахъ череповъ, очевидно служившихъ имъ удобнымъ жилищемъ. Какъ будто съ укоризной смотрѣли эти черепа на насъ, судорожно сжавъ свои зеленоватые зубы.

— Однако, какая непріятная картина, нарушилъ молчаніе Б., прямо тяжело смотрѣть.

— Это полковникъ говоритъ вѣрно, долго смотрѣть на нихъ не слѣдуетъ и мертвымъ тяжело, такъ какъ смотря мы нарушаемъ ихъ покой. Здѣсь еще около воротъ есть обширный подвалъ, и тамъ этихъ костей еще больше. Если прикажете, то я покажу вамъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, достаточно съ насъ. А вотъ интереснѣе знать, не находили ли здѣсь какихъ нибудь старинныхъ вещей?

— Нѣтъ, тюра, мертвыхъ тревожить нельзя, и поэтому эмиръ не разрѣшаетъ раскапывать землю. Недавно здѣсь случайно кто то, проходя подъ сводомъ крѣпостныхъ воротъ, услышалъ звукъ какъ будто пустоты подъ землею. Сняли сверху землю, и когда уже стало ясно слышно, что тамъ есть какой-то подвалъ, бекъ писалъ объ этомъ эмиру, но разрѣшенія отрыть это мѣсто еще не получено.

Осмотрѣвъ мрачныя темныя подземныя тюрьмы, полуразрушившіеся своды которыхъ страшно нависли надъ грудами щебня, мы опустились внизъ и вступили въ городъ, на главной площади котораго другъ противъ друга высились огромныя сѣрыя двухъэтажныя зданія старинныхъ медресе съ мечетями. Лишь небольшая часть одного изъ зданій поддерживалась, а все-же остальное пришло въ разрушеніе. Покосившіяся стѣны, обрушившіеся потолки придавали обширнымъ дворамъ видъ полнаго запустѣнія. Стрѣльчатые своды легкихъ арокъ арабскаго стиля дали огромныя трещины, но все-же продолжали стоять, выдерживая борьбу съ временемъ.

Нѣсколько человѣкъ муллъ испуганно вскочили при нашемъ входѣ во дворъ и отвѣсили глубокіе поклоны.

— Нельзя-ли намъ осмотрѣть внутри? — спросилъ Б.

— Сейчасъ, тюра, мы спросимъ мудариса, засуетились муллы, устремляясь куда-то, въ одну изъ темныхъ дверей нижняго этажа.

— Можно"! Пожалуйте...

Самъ мударисъ идетъ,—предупредительно сказалъ переводчикъ, указывая на приближавшагося древняго старика.

Мы обмѣнялись привѣтствіями и затѣмъ взошли подъ арку входа, ведущаго въ мечеть, черныя закопченыя стѣны которой придавали ей особенно мрачный видъ. Самая мечеть поражала капитальностью своихъ стѣнъ и полнымъ отсутствіемъ оконъ, получая свѣтъ лишь черезъ отворенныя двери.

Ставъ на серединѣ мечети къ намъ спиною, мулла опустился на колѣни и медленно нараспѣвъ началъ вполголоса произносить какую-то молитву.

— Это онъ о вашемъ здоровьи молится,—словоохотливо, на довольно сносномъ русскомъ языкѣ, пояснилъ одинъ изъ учениковъ.

Мы нѣсколько минутъ простояли молча, пока старикъ не поднялся, съ привѣтливой улыбкой, пригласивъ насъ идти назадъ. Войдя на широкій дворъ, я увидѣлъ разостланную подъ деревомъ кошму и, чувствуя сильную усталость, предложилъ отдохнуть подъ тѣнью развѣсистаго густолиственнаго чинара, закрывавшаго своей листвою почти весь дворъ. Жара давала себя чувствовать.

— Давно-ли построены эти медресе? — началъ разговоръ Б.

Вѣдь это старинныя зданія безъ сомнѣнія?

— Нѣтъ старина ихъ небольшая, всего 200—300 лѣтъ тому назадъ были построены эти стѣны, хотя мѣсто подъ ними особенное. Въ одной изъ нашихъ книгъ я читалъ, что здѣсь прежде жили особенные люди, которые не были мусульманами;

они не хотѣли вѣрить въ Аллаха, и Аллахъ поразилъ ихъ своимъ гнѣвомъ за то, что они не признавали Коранъ.

— Подумай, тюра, эти жалкія существа учили, что міръ не имѣетъ ни начала, ни конца и не будетъ его имѣть. Въ своемъ невѣжествѣ они думали, что люди и животныя происходятъ одинаково какъ и растенія; растутъ какъ они, и никто не знаетъ, откуда они пришли и куда уходятъ; а послѣ смерти никто не будетъ болѣе жить, и нѣтъ кромѣ этого міра никакого другого. Ихъ слабый умъ не могъ уяснить себѣ сущность и могущество Аллаха. И погибли они давно. Но до насъ доходятъ, тюра, слухи, будто у васъ теперь также появились такіе-же люди.

— Правда-ли это? — съ тревогой въ голосѣ спросилъ старикъ.

Мы удовлетворили его любознательность, познакомивъ вкратцѣ съ основами атеизма.

Мулла задумался.

— Да это не вѣрно, но какъ видите ничего новаго ваши люди къ прежнему не прибавили. Все это давно было и лишь хорошо забыто, такъ какъ память людская несовершенна.

Осмотрѣвъ развалины старинныхъ бань, сильно разрушенныхъ временемъ, мы прошли по тѣснымъ извилистымъ переулкамъ къ крытому базару, по сторонамъ котораго тянулся значительный рядъ небольшихъ лавокъ, наполненныхъ разными товарами.

Страшная грязь и тяжелая атмосфера испареній

затрудняли дыханіе, не производя видимо никакого впечатлѣнія на привыкшихъ къ ней торговцевъ, спокойно сидѣвшихъ среди этого ужаснаго смрада.

— Неужели нельзя какъ-нибудь почистить здѣсь улицы, — возмутился Б., затыкая носъ и быстро шагая по направленію бекскаго двора.

Проводникъ равнодушно посмотрѣлъ вокругъ и какъ будто удивленный странностью вопроса даже остановился.

— Это ничего тюра, потомъ будетъ все сухо, солнце высушитъ,—успокоилъ онъ насъ.

— А чистить такъ снова наберется много грязи, только работа лишняя людямъ будетъ, даромъ время только потеряютъ.

— Пожалуй съ своей точки зрѣнія онъ и правъ. Однако, мы заболтались здѣсь, кстати по вечерней прохладѣ и легче ѣхать.

Живо уложившись и сѣвъ на хорошо отдохнувшихъ коней, мы выѣхали по Гиссарской дорогѣ, и черезъ часъ ѣзды Динау уже скрылся изъ нашихъ глазъ.

Отлично обработанныя засѣянныя рисомъ и ячменемъ поля разстилались передъ нами на огромномъ пространствѣ; масса арыковъ съ проведенной водою перерѣзывали дорогу. Высокіе стебли джунгары и кукурузы поднимались цѣлымъ лѣсомъ, поражая глаза своею мощностью и размѣрами.

— Просто какъ деревья какія то вырастаетъ здѣсь кукуруза; я думаю, стебель и перерубить трудно,— обернулся Б. и тутъ же, вынувъ шашку, срубилъ мясистую макушку кукурузы вмѣстѣ съ нѣсколь-

кими недозрѣвшими початками, плотно завернутыми въ листья.

— Хорошо тюра рубитъ — безъ промаха, — одобрилъ ѣхавшій сзади мирахуръ, посланный бекомъ провожатымъ до Гиссара.

Но все же наши сабли лучше рубятъ, чѣмъ Ваши. — Вотъ тюра, у меня клинокъ старый отъ прадѣда достался, и на немъ тавро три кружка; онъ очень хорошо рубитъ.

— А что значитъ три кружка?

— Это, тюра, мастеръ ставитъ, который клинокъ дѣлалъ, а значитъ такой знакъ по адату, что если кто не вынетъ саблю изъ ноженъ противъ врага за всю свою жизнь и не срубитъ вражескую голову, то его жена будетъ три раза разведена. Если же клинокъ при ударѣ не отрубитъ головы или сломается, то жена мастера получитъ три раза разводъ.

Хорошій мастеръ за свою работу всегда отвѣчать долженъ. Прежде у насъ очень хорошіе мастера были, въ Гиссарѣ и Кала-и-Хумбѣ много клинковъ выдѣлывали. Ну, а теперь войны нѣтъ, и вмѣсто сабель ножи да лемехи къ плугамъ дѣлаютъ.

Между тѣмъ вдали показались какія-то развалины—а за ними будто островъ, выдѣлялась обширная картина густой растительности.

— Кишлакъ Заргеръ,—указалъ рукою мирахуръ.

Очень большой былъ кишлакъ, а теперь людей въ немъ нѣтъ. Всѣ умерли; была такая болѣзнь, разгнѣвался видимо Аллахъ и прислалъ сюда ан-

гела Азраила, пресѣкшаго нить жизни у многихъ людей. Въ одинъ мѣсяцъ почти никого не осталось. Только одинъ Ходжа-Урусъ живетъ. Старый человѣкъ, плохо ужъ видитъ — а все же Азраилъ не вынулъ его души изъ бреннаго тѣла. Три раза Ходжа въ Меккѣ бывалъ и давно уже на свѣтѣ живетъ. И Аллахъ благословилъ его потомствомъ, больше десяти человѣкъ у него сыновей, и у нихъ сыновья, а у тѣхъ сыновей свои сыновья. Пятое свое колѣно старикъ видѣлъ, а теперь одинъ—всѣ умерли, и некому закрыть ему глаза.

Страшно тяжелое впечатлѣніе производила полная тишина этого вымершаго кишлака. Ни птицы, ни собаки. Покосившіяся сакли, обрушившіяся стѣны дуваловъ темнѣли среди мощной зелени привольно разросшихся садовъ. Груды навоза, вороха соломы, дровъ валялись, среди улицъ, затрудняя движеніе лошадей.

Проѣхавъ почти черезъ весь кишлакъ, мы, наконецъ, остановились передъ большимъ садомъ, окруженнымъ высокимъ дуваломъ. Сорванныя съ петель ворота уныло висѣли, какъ бы напоминая своимъ видомъ, что владѣлецъ совершенно не обращаетъ никакого вниманія на свое хозяйство. Двѣ страшно худыя собаки встрѣтили насъ лаемъ, въ которомъ какъ будто слышалось изумленіе при видѣ людей, видимо рѣдко заѣзжавшихъ въ вымершій кишлакъ.

Широкій дворъ, соединявшійся съ садомъ, сплошь заросъ бурьяномъ. Полуразрушенныя, размытыя водою постройки придавали всей картинѣ донельзя

печальный видъ. Въ углу двора, подъ высокимъ чинаромъ, виднѣлась какая-то человѣческая фигура, одѣтая въ рваный, давно потерявшій первоначальный цвѣтъ халатъ.

Мы слѣзли съ коней и подошли ближе. Бѣлый, какъ лунь старикъ, съ трудомъ поднявшись, сильно сгорбившись, всталъ передъ нами, съ какимъ-то испугомъ всматриваясь въ насъ своими ясными, немного выцвѣтшими, голубоватыми глазами.

— Ходжа-урусъ самый и есть, вѣроятно. Здѣсь подъ этимъ деревомъ, мы и отдохнемъ, рѣшилъ Б., всматриваясь въ старика.

Наши люди быстро разостлали кошму подъ деревомъ, и мы расположились на отдыхъ. Старый Ходжа, что-то бормоча себѣ подъ носъ, какъ будто смущенный поднявшейся сутслокой, присѣлъ въ сторонѣ, пытливо разсматривая насъ своими зоркими глазами.

— Что же это хозяинъ такъ далеко сѣлъ отъ насъ, скажите ему, мирахуръ, чтобы садился съ нами чай пить.

Мирахуръ удивленно посмотрѣлъ на насъ, а затѣмъ, перекинувшись нѣсколькими словами со старикомъ, сказалъ:

— Ходжа-урусъ и по-русски по этому понимаетъ.

— Какъ урусъ? — все еще не понимая, переспросилъ Б.

Урусъ, солдатъ былъ, — сарбазъ, — пояснилъ мирахуръ.

Старикъ, внимательно прислушивавшійся къ раз-

говору, подошелъ и остановился передъ нами, снявъ чалму и оставшись съ открытой, коротко остриженной, головою. Иллюзія восточнаго убора, измѣнявшаго физіономію, исчезла, и на насъ глядѣло чисто русское лицо, страшно похожее на тѣ лики святыхъ, что мы привыкли видѣть на иконахъ древняго письма...

— Русскій я, исконній, ваше высокородіе, надтреснутымъ голосомъ заговорилъ старикъ. Линейнаго Оренбургскаго баталіона ефлейтуромъ былъ. Больше сорока лѣтъ здѣсь проживаю. Видно за грѣхи наказалъ Господь, что забросилъ меня въ эти мѣста...

— Садись, старикъ, разскажи, пожайлуста, какъ ты это сюда попалъ,—задалъ вопросъ Б., подавая ему чашку чая.

Ходжа опустился на кошму и, поглядывая на насъ своими ясными глазами, какъ будто собирался съ мыслями.

—Давнее дѣло, ваше-скородіе. Еще какъ Ташкентъ брали, пришелъ я со своимъ баталіономъ. Костромскіе мы будемъ. Много трудовъ войска приняли, пока до Самарканда не дошли, а оттуда погнали насъ усмирять бухарца. Шли мы по кишлакамъ ихнимъ къ Каршамъ, а я за старшаго при обозѣ былъ. Маленько замѣшкались мы, ушелъ отрядъ, а трухмены на насъ и вдарили. Много народа тогда порѣшили, а меня какъ взяли на арканъ, такъ и пригнали на базаръ въ Гиссарѣ, на манеръ, какъ бы скотину какую. Продали въ скорости и попалъ я къ хорошему хозяину. Богатый онъ страсть былъ и самъ изъ купленныхъ персюковъ. Обжился я у

него; больше 5-ти лѣтъ прожилъ, сталъ онъ мнѣ довѣріе оказывать, а потомъ и поженили меня. Красивую такую, тихую бабу мнѣ дали, по сердцу она мнѣ пришлась; ну, и дѣти пошли. Тянуло меня съ первоначалу на родину, ну, а послѣ, какъ зажилъ своимъ хозяйствомъ, такъ и забывать сталъ. Слухи рѣдко до насъ доходили, а только болтали на базарѣ, что замираніе съ урусами—съ русскими, значитъ, пошло.

Дальше примѣтилъ меня миръ Гиссарскій и взялъ къ себѣ. Въ люди вывелъ и большимъ человѣкомъ сдѣлалъ. Сталъ тутъ улещать меня, прими, да прими нашу вѣру. Не хотѣлъ я въ началѣ, а затѣмъ думаю: все едино, у всѣхъ Богъ одинъ, да и мулла мнѣ сказывалъ, Спасителя они тоже больно почитаютъ и Матерь Божью, все равно какъ мы. Принялъ я мухамеданство и сталъ ходить въ мечеть. Большой мнѣ почетъ уже былъ, а все мало казалось, все на душѣ спокойно не было. Вотъ я и надумалъ сходить къ ихнимъ святымъ мѣстамъ въ Мекку на поклоненіе. Дѣтей ужъ у меня много было, четыре жены, какъ полагается по закону, я имѣлъ.

Сходилъ въ Мекку, свѣтъ увидѣлъ и тутъ же чувствую, близки моему сердцу дѣти мои. Вернулся назадъ, ходжей называться сталъ и такимъ богатѣемъ-баемъ зажилъ, что помѣщику жить такъ въ пору. Самъ миръ у меня въ гостяхъ бывать сталъ. А лѣта все шли, да такъ скоро, что оглянуться не успѣлъ, вижу ужъ старикомъ сталъ; сыновья подросли, поженились, внуки пошли, и такое счастье было, что и сказать невозможно. Только разъ, лѣтъ

десять тому назадъ, попалъ въ наши мѣста полковникъ какой-то, ну, и солдаты съ нимъ. Тутъ же на моемъ дворѣ стали. Признался я ему, онъ и говоритъ:

„Давно ужъ вся твоя вина старина Царемъ прощена, потому манифестовъ за эти сорокъ лѣтъ много было, все прощали...“ А потомъ, подумавши добавилъ:

„А только все же ты грѣхъ совершилъ тяжкій, что вѣру, въ которой родился, смѣнилъ, и, вѣрь мнѣ или не вѣрь, а все же помни мои слова: счастливъ ты теперь, богатъ, почетомъ пользуешься, только все это видимость одна, прахомъ она пойдетъ, и не найдешь ты себѣ подъ старость покоя потому, что совѣсть тебя мучить будетъ“.

— И чтобы вы думали, какъ по писаному по его словамъ вышло: въ началѣ болѣзни пошли въ здѣшнихъ мѣстахъ: перемерли мои дѣти, внуки. Хозяйство въ раззореніе пришло. Скотину, которую разворовали, а которая передохла. Весь кишлакъ вымеръ, и остался рабъ Божій Григорій—такъ звали меня въ христіанствѣ, какъ перстъ одинъ доживать свои недолгіе дни на свѣтѣ.

— А ты бы, старикъ, сходилъ бы къ священнику въ Термезъ, да исповѣдывался, все же душѣ легче будетъ,—замѣтилъ Б., прерывая разсказъ.

— Ходилъ я, ваше-скородіе, винился, а нѣтъ все-таки душѣ успокоенія. Эпитемію батюшка наложилъ, потомъ исповѣдался и причаститься сподобился. Начальству тоже заявку сдѣлалъ—наказаніе чтобы понесть, а только полковникъ, комендантъ

тамошній, лишь посмѣялись. „Иди, говоритъ, старикъ,—нечего древнія дѣла ворошить..., прощены они Государемъ".

— И вотъ, ваше благородіе, нѣтъ у меня силъ назадъ къ русскимъ своимъ идти. Такъ и привязало меня къ здѣшнему мѣсту, да къ могилкамъ дѣтей моихъ. Здѣсь же и я сложу свои старыя кости. Да и правду сказать, и идти мнѣ некуда, нѣтъ въ Россіи ни родныхъ, ни близкихъ—все здѣсь схоронено. Богу молюсь, въ грѣхахъ каюсь каждо-часно. Никто въ мой кишлакъ не заглядываетъ, тихо и спокойно мнѣ здѣсь...

Мы долго молчали, обдумывая только что слышанную страницу изъ исторіи человѣческаго бытія.

Освѣщенная серебристымъ блескомъ луны среди двора виднѣлась колѣннопреклоненная фигура старика, съ бѣлою, какъ снѣгъ, бородою. Тяжело вздыхая и въ полголоса бормоча какія-то молитвы, онъ въ нихъ искалъ покоя, котораго не имѣла его больная душа, подавленная воспоминаніями далекаго и безвозвратнаго прошлаго.



XIX.

Юрчи.—Регаръ.—Продовольствіе русскихъ войскъ.—Встрѣча съ мертвыми всадниками.—Обычаи мусульманъ.

Гдѣ-то далеко влѣво виднѣлось въ туманѣ Колукское ущелье, черезъ которое проходитъ дорога на Байсунъ. Утро было какое-то сырое и сѣрое.

Богатый, весь закрытый густою листвою растительности, открылся передъ нами кишлакъ Юрчи, бывшій когда-то отдѣльнымъ бекствомъ, а въ настоящее время служащій лишь мѣсто пребываніемъ мѣстнаго амлекдара. .

Рѣка Сѳгри-дагъ-Дарья, глухо журча, катила свои воды, дающія возможность населенію засѣвать огромные участки рисовыхъ полей. Вмѣстѣ съ рѣками—Дашти-Новатъ-Дарьей и Регаръ-Дарьей она даетъ жизнь богатымъ мѣстамъ, лежащимъ по ихъ теченіямъ, среди которыхъ очень давно возникли торговые города Регаръ, Сары-Джуй, Дашты-Новатъ и Сары-Ассія.

Необходимость защищать свои, на диво обработанныя, поля, вызвала въ давнее время постройку крѣпостей въ Регарѣ, Сары-Джуѣ и Сары-Ассіи. Надъ ними, выдѣляясь бѣлой полосой, по краю горизонта высились снѣжныя горы Гиссарскаго хребта среди которыхъ ясно вырисовывались огромныя вершины Кала-Ширая и Мосъ-Кала-Хоя.

Значительный базаръ въ Регарѣ былъ еще почти пустой, когда мы выѣхали на его площадь. Обсыпавшіяся стѣны старой калы, покрытыя зарослями деревьевъ, представляли изъ себя видъ стараго заброшеннаго сада, а дувальныя стѣны уже не имѣли того грознаго вида, которымъ они когда-то пугали кочевниковъ, не разъ дѣлавшихъ попытки напасть на этотъ богатый городъ, и лишь огромныя башни изъ чуднаго жженаго кирпича остались цѣлыми, несмотря на разрушительную работу времени.

— Здѣсь, тюра, не долго стоять будемъ, чай пить можно—больно вода хорошая, — соблазнялъ насъ мирахуръ.

— Онъ, правъ, не грѣхъ чайку попить,—согласился почти сейчасъ же Б., любившій дѣлать частые привалы.

Мы стали около караванъ-сарая.

— Однако, какъ много всякихъ мѣшковъ съ зерномъ,—указалъ онъ на внутренность двора.

— Да, тюра, все рисъ—его здѣсь больно много продаютъ. Чиновникъ русскій проѣзжалъ и все покупалъ. Теперь снова повезутъ его въ Термезъ. Каждый годъ туда все отправляютъ. И хорошую цѣну даютъ. Пшеницы также много, но только ее мало покупаютъ. Говорятъ, русскіе сарбазы не любятъ ѣсть хлѣбъ изъ пшеницы.

— Ну, это, положимъ, не оттого...

— Кстати, не правда ли, это большая странность? На продовольствіе Туркестанскихъ войскъ привозится изъ Россіи ржаная мука, и лишь почему-то разрѣшается подмѣшивать небольшую часть пшеничной муки. Вѣдь если взять ея стоимость, то съ перевозкою ржаная мука обходится дороже пшеничной, а въ отношеніи питательности, вѣроятно, пшеничная гораздо лучше.

— Да, это правда, согласился я.

Сколько знаю, части пограничной бригады, покупающія муку сами, все время довольствуются пшеничнымъ хлѣбомъ, и люди ихъ очень хвалятъ его, не желая и думать о черномъ хлѣбѣ. Надо полагать, что присылка ржаной муки и гречневой крупы въ Туркестанъ одинъ изъ остатковъ старины, до котораго еще не добрались.

— Это, вы, вѣрно, но только я слышалъ, что вопросъ о мукѣ обсуждался еще при командующемъ войсками генералѣ Ивановѣ, а затѣмъ все же окончательно рѣшенъ не былъ въ нужномъ направленіи.

— Здѣсь, тюра, также и гранатъ много; изъ кишлака Дашты-Новотъ привозятъ. Тамъ, въ горахъ, ихъ цѣлые лѣса растутъ,—нарушилъ молчаніе мирахуръ.

Очень здѣсь богатое амлекдарство, — облизнулся онъ, вѣроятно, вспомнивъ доходы амлекдара.

Прежде бекъ особый здѣсь жилъ, но потомъ сдѣлали изъ бекства амлекдарство и присоединили его къ Гиссарскому бекству.

Самъ кушъ-беги имъ управляетъ,—съ почтительностью въ голосѣ добавилъ онъ, тревожно оглянувшись по сторонамъ.

Послѣ эмира первый человѣкъ Астанакулъ кушъ-беги [1]), и нѣтъ его выше во всей Бухарѣ.

— А это больше бека?—спросилъ я, заинтересовавшись.

— Кушъ-беги немного, вотъ настолько,—указалъ онъ на палецъ,—меньше самого эмира.

Захочетъ, живъ человѣкъ — скажетъ слово, и нѣтъ человѣка. Взглядъ бросилъ и возвеличилъ изъ ничтожества. Распалитъ его сердце Аллахъ гнѣвомъ, и большой человѣкъ, амлекдаръ, мирахуръ дѣлается несчастнымъ байгушемъ. Впрочемъ, сами тюра увидятъ пресвѣтлаго Гиссарскаго кушъ-беги, а теперь намъ уже пора ѣхать.

Отдохнувшія лошади бодро двинулись впередъ, шагая особымъ шагомъ пустыни, носящимъ у туземцевъ названіе юрги и похожимъ, отчасти, на иноходь.

Глубокіе арыки, съ свѣтлой журчащей въ нихъ водою, пересѣкали нашу дорогу, порою заставляя

[1]) Кушъ-беги—генералъ-губернаторъ.

нашихъ коней принимать освѣжающую ванну. Вдали передъ нами разстилалась, казавшаяся безконечною, дорога, пролегавшая по широкой равнинѣ, на которой виднѣлись обозначенные густыми группами растительности многолюдные кишлаки.

Нашъ проводникъ ѣхалъ сбоку, внимательно все время всматриваясь въ казавшихся темными точками всадниковъ, отъ которыхъ насъ отдѣляло еще съ добрый десятокъ верстъ дороги. Постепенно точки эти стали увеличиваться, и черезъ полчаса ѣзды мы подъѣхали къ каравану, медленно двигавшемуся намъ навстрѣчу.

Полная тишина царствовала въ этомъ караванѣ, и, медленно подвигаясь впередъ, передъ нами вырисовывались десятка полтора всадниковъ. Чернобородый, статный узбекъ ѣхалъ впереди, опустивъ глаза въ землю и будто не замѣчая нашего присутствія, направляя свою лошадь прямо по дорогѣ, не сворачивая въ сторону.

— Ахъ, тюра, надо скорѣй съѣхать съ дороги,— заговорилъ первымъ мирахуръ.

Мои слабые глаза не доглядѣли, кто ѣдетъ намъ навстрѣчу.

Я невольно повернулъ лошадь и, остановившись не въ далекѣ отъ дороги, сталъ разсматривать встрѣчныхъ.

Бекъ ѣдетъ какой-нибудь?—спросилъ Б., придержавъ также своего коня.

Вотъ интересно посмотрѣть, какъ они ѣздятъ.

— Нѣтъ, тюра, это не бекъ,—какимъ-то серьезнымъ тономъ отвѣтилъ мирахуръ, понижая голосъ.

Пусть тюра не смотритъ. Не хорошо смотрѣть.

— Вотъ, глупости, да отчего бы не смотрѣть!..

— Это, тюра, ѣдутъ люди, окончившіе счеты съ жизнью и находящіеся на землѣ послѣдній разъ въ пути, чтобы потомъ предстать передъ лицомъ Аллаха.

— Что за пустяки онъ разсказываетъ?—возмутился было Б., но, тотчасъ же, не договоривъ своей фразы, замолкъ на полусловѣ.

— Это мертвые, тюра,—чуть слышно шепнулъ мир ахуръ, поднимая обѣ руки къ своему лицу и закрывая ими его.

Мертвые! уже ушедшіе въ иной міръ, но, по странному обычаю, продолжающіе свое существованіе на землѣ.

Съ невольнымъ ужасомъ мы всматривались въ открывшуюся передъ нашими глазами необычайную картину. Землянаго цвѣта безкровныя бородатыя лица казались восковыми фигурами, посаженными на коней. Держа въ поводу лошадей, на которыхъ сидѣли покойники, важно ѣхали человѣкъ 7—8 узбековъ одинъ за другимъ, со своими страшными товарищами. Ноги мертвыхъ всунутыя въ стремена и палка, привязанная къ сѣдлу и къ спинѣ покойниковъ, придавали имъ издали видъ живыхъ людей, но рѣзкій трупный запахъ, распространявшійся вокругъ, сразу разрушалъ эту иллюзію. Покачиваясь изъ стороны въ сторону, мертвыя фигуры какъ то жалко, безпомощно иногда шевелились встряхиваемые не равномѣрнымъ ходомъ лошадей. Казалось, что мертвые закрытые глаза видятъ че-

резъ опущенныя вѣки, и съ одной стороны не было силъ отвести свой взоръ отъ нихъ, а съ другой, какое-то жуткое до нельзя тяжелое чувство начинало мною овладѣвать.

Два, четыре, шесть, съ ужасомъ въ душѣ, пересчитывалъ я встрѣчныхъ путниковъ, и будто какъ камень свалился съ души, когда послѣдняя группа мелькнула передо мною.

— Какая страшная и тяжелая картина. Просто какъ кошмаръ какой-то. Никогда мнѣ не приходилось видѣть такого ужаса. Что это такое? — Задалъ разомъ, цѣлый рядъ вопросовъ Б.

Я вѣдь въ Манчжуріи былъ. Мертвыхъ достаточно видѣлъ, но ни разу они на меня не производили такого гнетущаго впечатлѣнія, какъ эти. До сихъ поръ, внутри какая то пустота и ужасъ.

— Это, тюра, умершіе.!

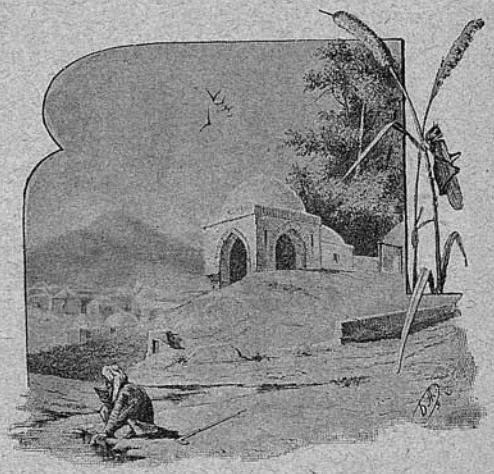
Мы всегда хоронимъ своихъ умершихъ въ одномъ мѣстѣ, и каждый родъ, каждое племя имѣетъ такое мѣсто съ давнихъ временъ. Часто люди уходятъ далеко отъ этихъ мѣстъ на кочевку, но все же когда возвращаются назадъ, поклониться праху предковъ, то привозятъ съ собою и всѣхъ умершихъ въ теченіе года. Здѣсь не далеко есть могила святого Хазрета. Около него старинный мазаръ. Больше чѣмъ тысячу лѣтъ, кога еще эмиръ Абду-Муслимъ, строилъ мечеть въ Дербентѣ, жилъ святой человѣкъ въ этихъ мѣстахъ, и съ тѣхъ поръ, все племя, къ которому я принадлежу, хоронитъ своихъ мертвыхъ на кладбищѣ, рядомъ со святымъ. И легко говорятъ лежать имъ рядомъ, такъ какъ,

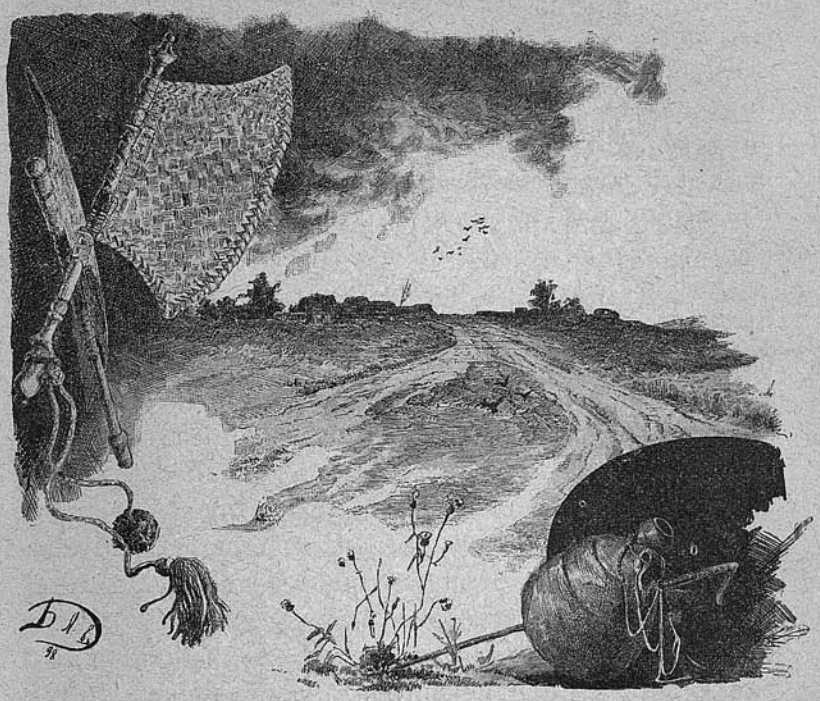
Хазретъ, любимецъ Пророка молитъ Аллаха о прощеніи сдѣланныхъ ими на землѣ нехорошихъ дѣлъ.

Кушъ-беги Гиссарскій, каждый годъ пріѣзжаетъ поклониться его могилѣ, и много народа съѣзжается сюда изъ далекихъ мѣстъ потому, что Хазретъ Вахшиваръ имѣетъ большую силу передъ Аллахомъ.

— Давно, очень давно, жилъ онъ на Вахшѣ, откуда былъ родомъ, и будто горная, свѣтлая рѣка, такъ протекла его жизнь въ полной чистотѣ помысловъ. Любилъ онъ Аллаха при жизни и высоко поставилъ его Аллахъ надо всѣми мертвыми послѣ смерти.

Аллахъ Акбаръ, Рахмани Рахимъ! забормоталъ онъ слова о величіи Творца, одинаковыя по своему значенію, на всѣхъ языкахъ міра.





XX.

Гиссаръ.—Рѣка Кафернганъ.—Гиссарская крѣпость—Гиссарскіе владыки.—Историческія свѣдѣнія о Гиссарскомъ краѣ.—Астана-кулъ-Кушъ-Беги.—Бекъ Гиссарскій и его жизнь.—Подземныя тюрьмы.—Остатки греческой старины.

Вырисовываясь на горизонтѣ и отливая нестерпимо бѣлымъ кристаллически-свѣтлымъ тономъ вдали на самомъ краю горизонта, виднѣлись искрившіяся на солнцѣ, снѣжныя горы Гиссарскаго хребта.

Оставивъ влѣво долину рѣки Сурхана и переваливъ черезъ небольшую гряду, мы выѣхали въ долину рѣки Кафернигана, вытекающую изъ ледниковъ Гиссарскаго хребта и образующую широкую плодородную долину, которая по мѣрѣ приближенія къ Аму-Дарьѣ постепенно суживается.

Кафернганъ, въ переводѣ, означаетъ невѣрное чудовище, такъ назвалъ народъ эту многоводную, быструю рѣку, несущую съ огромной скоростью свои мутныя волны, вмѣстѣ съ массою камней и земли, смываемыхъ съ Гиссарскихъ горъ. Порою утихая, шумъ воды смѣняется слабымъ журчаніемъ, когда таяніе ледниковъ или горные дожди прекращаются, то разомъ съ громкимъ ревомъ вновь вспѣнивается поверхность рѣки, и шумъ прибывшей воды далеко разносится по окрестностямъ. Ежегодно сотни труповъ несетъ Кафернганъ въ даръ Аму-Дарьѣ, смывая туземцевъ при переправахъ черезъ него. Отсутствіе мостовъ, измѣнчивость дна при большой глубинѣ, вмѣстѣ съ страшно быстрымъ теченіемъ дѣлаютъ переправы черезъ рѣку крайне опасными. Попавшая на стремнину лошадь съ всадникомъ, будучи не въ состояніи удержаться подъ напоромъ воды, падаетъ, и тогда уже никакія силы въ мірѣ не могутъ спасти переправлявшихся. Съ страшною силою подхватываетъ рѣка свою жертву и, бросивъ на камни, немилосердно долго крутитъ среди нихъ, будто торжествуя побѣду, а затѣмъ, разомъ перебросивъ черезъ перекатъ, вновь несетъ къ новому водовороту вмѣстѣ вмѣстѣ съ огромными глыбами камней.

За начало Кафернигана принимается обыкновенно рѣка Варзобъ-Дарья, вытекающая изъ горъ недалеко отъ города Дюшамбе — мѣста, гдѣ по преданіямъ проживало какое то огромное чудовище вродѣ дракона, пожиравшее людей.

Имѣя много небольшихъ притоковъ, съ обѣихъ сторонъ, Кафернигань болѣе полугода полноводенъ и для переправъ трудно доступенъ. Желая придти на помощь населенію, много лѣтъ тому назадъ, Якубъ-кушъ-беги-миръ гиссарскій, построилъ у города Кафернигана мостъ черезъ эту рѣку, который и является единственнымъ на всемъ ея протяженіи.

Въ долинѣ Кафернигана находятся города Файзабадъ, Кафернигань, Дюшамбе (на рѣкѣ Варзобъ-Дарьѣ, вытекающей изъ Варзобскаго ущелья), Гиссаръ и Кобадіанъ; изъ нихъ Гиссаръ лежитъ у впаденія рѣки Ханеке-Дарьи, проходящей черезъ ущелье Пава-Дюль-Дюль т. е. слѣдъ Дюль-Дюля, такъ назывался мифическій конь Имама-Ширъ-Али, племянника пророка Магомета; ущелье это образуется горными хребтами Баба-Тау и Гази-Малекъ.

Среди долины на высокомъ холмѣ, господствуя надъ окружающей равниной стоитъ старая Гиссарская крѣпость, имѣвшая въ свое время крупное значеніе, какъ неприступная сильно укрѣпленная резиденція владѣтельныхъ Гиссарскихъ мировъ.

Возвышаясь болѣе чѣмъ на 50 саженъ, старыя стѣны ея далеко видны вокругъ. Осыпавшіеся зубцы, обвалившіяся амбразуры, груды мусора вокругъ наглядно указываютъ, что ея роль уже закончена, и въ настоящее время она является уже не грозной

твердыней, а лишь остаткомъ старины, среди которой живетъ теперешній владыка Гиссара Астана-кулъ кушъ-беги—гроза всего здѣшняго края.

Племянникъ пророка Магомета Ширъ-Али—(левъ Божій), долгое время живя въ построенномъ имъ Ширабадѣ, посѣщалъ и Гиссарскій край. Переносясь черезъ горные хребты и пропасти на своемъ конѣ Дюль-Дюлѣ, онъ мечомъ распространялъ исламъ въ этихъ мѣстахъ.

Впереди города Гиссара, со стороны рѣки Кафернганъ-Дарьи, на высокомъ вытянутомъ въ длину холмѣ, въ разстояніи версты отъ крѣпостной стѣны, поставлены въ одну линію четыре огромныхъ глинобитныхъ башни, служившія въ старину опорными оборонительными и сторожевыми пунктами, защищавшими городъ съ востока.

За башнями виднѣются высокія зубчатыя стѣны и башни Гиссара, расположенныя на двухъ высокихъ холмахъ съ сѣдловиною между ними, составляющія прежнюю крѣпость. На высшей точкѣ восточнаго холма за стѣною построены помѣщенія кушъбеги и его служащихъ, состоящія изъ обыкновенныхъ обширныхъ строеній туземнаго типа, отдѣланныхъ снаружи и внутри алебастромъ. Окружая ихъ, тянется высокая зубчатая крѣпостная стѣна; спускаясь въ сѣдловину, а затѣмъ поднимаясь на другой, западный, холмъ, на которомъ находятся постройки гиссарской родовой аристократіи, охватываетъ и ихъ вокругъ.

Съ сѣвера къ этой стѣнѣ примыкаетъ другая стѣна, заключающая въ себѣ часть города съ пост-

ройками для низшихъ служащихъ и казармами для солдатъ. Сюда ведутъ съ восточной стороны ворота, и кромѣ того эта часть крѣпости соединена съ восточнымъ холмомъ.

Крутая довольно широкая дорога проложена по склону восточнаго холма. Начинаясь около помѣщеній кушъ-беги, она оканчиваетоя внизу у двухъ огромныхъ кирпичныхъ башенъ, составляющихъ собою главныя ворота для въѣзда.

За крѣпостною стѣною, окружая холмы, скучились постройки города, въ свою очередь обнесенныя особою глинобитною стѣною съ четырьмя воротами, занимая площадь около восьми квадратныхъ верстъ.

Съ запада Гиссаръ огибаетъ рѣка Ханеке-Дарья, разливающаяся нѣсколькими рукавами до впаденія въ Кафернганъ.

Центромъ города является площадь съ тремя огромными двухъэтажными медрессе съ высокими башнями, напоминающими Самаркандскія. Сбоку виднѣется большая старинная мечеть и мазаръ надъ могилою святого.

Три стѣны, одна другóй выше поднимаются, опоясывая тремя ярусами высокую гору; спиралью вьется между ними узкая дорога, въѣздъ на которую внизу закрываютъ массивныя ворота, расположенныя между двумя высокими башнями; слѣды ядеръ, выщербившихъ стѣны и пробившихъ дыры въ толстыхъ полотнищахъ воротъ, служатъ видимымъ доказательствомъ, что Гиссарская цитадель перенесла не одну осаду, являясь мѣстомъ, гдѣ по долгу отсиживались Гиссарскіе миры, обороняясь

отъ наступавшихъ киргизскихъ ордъ и отъ полчищъ Бухарскихъ эмировъ, тщетно стремившихся покорить этотъ богатый, свободолюбивый и трудно доступный край. Тысячи страницъ исторіи Бухары заполнены описаніемъ походовъ въ Гиссарскій край, сотни разъ собирали свои войска Бухарскіе эмиры и, войдя въ союзъ съ балхскими ханами, нападали на Гиссарскую землю, всѣми силами стараясь захватить невзначай своего непокорнаго сосѣда. Но судьба не хотѣла, чтобы Гиссаръ сдѣлался бухарскимъ владѣніемъ, и каждый разъ неудачи преслѣдовали союзниковъ. Чуть не ежегодно въ началѣ 19-столѣтія Насрулла-Ханъ, эмиръ Бухары ходилъ въ Гиссаръ и всегда возвращался изъ-подъ него лишь съ большимъ срамомъ.

Гордо возвышался на вышинѣ Гиссарской крѣпости флагъ Гиссарскихъ мировъ, происходившихъ изъ знатной фамиліи Кенигасъ и считавшихъ себя не только равными, но и несравненно выше и знатнѣе фамиліи Мангитовъ, къ которой принадлежали эмиры Бухары. Находясь въ родствѣ съ независимыми мирами Каратегинскимъ, Кулябскимъ, Бальджуанскимъ и Бадакшанскимъ, отдѣленные высокими горными цѣпями отъ бухарскихъ владѣній, они издавна, сознавая свою силу, считали себя вполнѣ справедливо непобѣдимыми.

Съ давнихъ временъ неприступность Гиссарской долины поставила Гиссаръ въ особое положеніе, благодаря которому онъ игралъ крупную роль въ исторіи Бухары.

По сказаніямъ иранцевъ, творческой силою Ор-

музда были вызваны къ жизни цѣлый рядъ областей и городовъ, въ числѣ нихъ былъ также городъ Гиссаръ.

Взойдя въ составъ государства Бактрійскаго, Гиссаръ затѣмъ упоминается въ перечнѣ городовъ Индо-Скифскихъ. Съ появленіемъ въ II вѣкѣ до Рождества Христова на Оксѣ племенъ скифскихъ и саковъ, онъ является крѣпостью, охраняющей долину, въ которой по свидѣтельству китайскихъ путешественниковъ жила народность, называвшаяся бѣлыми гунами и поселившаяся въ то время почти по всему теченію Великаго Окса. Лишь кое гдѣ въ недоступныхъ высокихъ горныхъ хребтахъ встрѣвстрѣчались остатки древнихъ иранцевъ.

Въ религіозномъ отношеніи мѣста эти, переживъ культъ огня, затѣмъ подпали подъ вліяніе китайской культуры, и постепинно ученіе Будды, распространившись по всей этой части Средней Азіи, сдѣлалось преобладающимъ среди мѣстнаго населенія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, а затѣмъ въ свою очередь подъ вліяніемъ переселенія народовъ уступило мѣсто древней религіи Ведъ, которую исповѣдывали скифскія племена. Христіанство, зародившееся въ Палестинѣ и нашедшее себѣ большое число послѣдователей, выбросило изъ своей среды опозиціонные элементы, создавшіе рядъ ересей, не признанныхъ первою церковью, гонимыхъ и искавшихъ себѣ мѣсто въ отдаленныхъ странахъ Средней Азіи, что привлекло также сюда знаменитаго Несторія, основавшаго самостоятельную несторіанскую церковь, быстро упрочившуюся и нашедшую

огромное число адептовъ среди племенъ, живущихъ въ теперешнихъ Семирѣчьи, Туркестанѣ, Бухарѣ и Авганистанѣ. Остатки памятниковъ христіанской эпохи свидѣтельствуютъ о его значительномъ развитіи.

Скифы, Сарматы и Саки, усвоившіе многое изъ несторіанства въ смѣшеніи религіи Ведъ перенесли свои смѣшанныя обрядности и вѣрованія на Великую Русскую низменность, куда они перешли подъ напоромъ новаго всплеска переселенія, выбросившаго монголовъ изъ Азіи, занявшихъ ихъ прежнія мѣста. Слѣдомъ за ними мусульманство, распространявшееся быстро по всему востоку, стало вытѣснять остатки христіанства и будизма, превративъ Гиссаръ въ одинъ изъ мѣстныхъ центровъ мусульманства, которое окрѣпнувъ, завоевало прочное положеніе въ настоящее время, подавивъ всѣ остальныя вѣроученія и широко распространившись среди массъ населенія, лишь въ самой незначительной части принадлежащаго къ нѣкоторымъ стариннымъ ересямъ. При этомъ необходимо отмѣтить вѣкъ Чингизъ-Хана и его преемниковъ, отличавшихся самою широкою вѣротерпимостью, хотя и въ ихъ время исламъ распространялся самъ собою, пріобрѣтая постепенно огромное число послѣдователей.

Переживъ эпоху религіозныхъ движеній, лишь краемъ своимъ слегка захватившихъ эту страну, Гиссаръ за то долгое время являлся пунктомъ, гдѣ происходили кровопролитные мятежи, долгія осады и свирѣпыя безпощадныя избіенія покоренныхъ. Внукъ Тамерлана эмиръ-Мусудъ, сынъ султана

Махмута, первый записалъ свое имя на страницахъ исторіи Гиссара, захвативъ въ свои руки эту крѣпость и начавъ отсюда свои мятежныя военныя дѣйствія противъ своего отца—повелителя. Цѣлый рядъ историческихъ лицъ затѣмъ побывалъ въ Гиссарѣ, изъ которыхъ должны быть отмѣчены: Шейбани-Ханъ (1508 г.) и Бабуръ-Ханъ (1528 г.), оба знаменитые эмиры, много сдѣлавшіе для культурнаго развитія всего края, хотя паралельно этому Гамза-Султанъ при Измаилъ-Шахѣ и Абдулла-Султанъ при эмиръ Абдулахѣ долгое время воевали съ окрестными странами, разрушая всѣ культурныя начинаній.

Въ 1590 году страшное бѣдствіе — моровая язва распространилась по краю, и Гиссаръ весь буквально вымеръ. Но оправившись снова началъ свою жизнь, все время соперничая съ Бухарою до тѣхъ поръ, когда подъ прикрытіемъ русскихъ штыковъ войска эмира не взяли его съ бою, послѣ чего владѣтельный, послѣдній Гиссарскій миръ былъ низложенъ, и Гиссаръ, окончивъ свое самостоятельное существованіе, былъ присоединенъ къ бухарскимъ владѣніямъ, превратившись въ одну изъ бухарскихъ провинцій.

Но Гиссарцы не могли сразу забыть своей самостоятельности и сравнительно вольной жизни. Тяжелая рука Бухары, наложенная на Гиссаръ, давала себя чувствовать, и партія недовольныхъ произвела новый рядъ кровопролитныхъ мятежей, подавленныхъ бухарскимъ правительствомъ съ особою безпощадною суровостью. Зная, что Гиссаръ поддерживается самостоятельными мирами Кулябскимъ Бальд-

жуанскимъ, Каратегинскимъ и Бадакшанскимъ, эмирское правительство выработало особую систему, начавъ немедленно ея выполненіе низложеніемъ всѣхъ мировъ Восточной Бухары. Дѣйствуя гдѣ силою оружія, гдѣ хитростью, а гдѣ и подкупомъ, въ сравнительно короткое время однаго десятилѣтія весь Гиссарскій край и бекства Восточной Бухары были твердо закрѣплены и включены въ бухарскія владѣнія, а на мѣсто родовыхъ мировъ, ведшихъ свои родословныя отъ Александра Македонскаго, были назначены во всѣ города чиновники эмира, слѣпо повиновавшіеся центральному правительству и державшіе въ страхѣ подвластное населеніе. Отдаленность и труднодоступность края и необходимость имѣть на мѣстѣ лицо, облеченное особыми полномочіями, вызвали назначеніе въ Гиссаръ особаго намѣстника эмира, съ званіемъ Кушъ-беги, которому и были подчинены всѣ беки Восточной Бухары.

Сильный духомъ, умудренный обширнымъ опытомъ, настойчивый и рѣшительный Астанакулъ, двоюродный братъ эмира[1]), былъ назначенъ Гиссарскимъ бекомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возведенъ въ высшее званіе Кушъ-беги съ подчиненіемъ ему всѣхъ бекствъ Восточной Бухары. Почти древній старикъ, Кушъ-беги, отличаясь крутымъ и непреклоннымъ характеромъ, въ то же время проявлялъ, несмотря на свои лѣта, большую дѣятельность по управленію краемъ. Цѣлый рядъ новыхъ арыковъ, плотинъ и мостовъ былъ устроенъ подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. И лишь однѣ дороги не

[1]) Покойнаго.

привлекали къ себѣ вниманія владыки Гиссарскаго края.

„Твердая рука у Астанакула Кушъ-беги, нѣтъ у него жалости къ провинившимся“; такъ воспѣваютъ въ своихъ пѣсняхъ киргизы суроваго намѣстника...

„Будто Джулъ-барсъ идетъ онъ тихо по слѣдамъ непокорныхъ и настигая ихъ, словно волкъ, хватаетъ за горло, выжимая какъ давильный камень все имущество неповинующихся... Какъ вихрь пролетаютъ по недоступнымъ горамъ и ущельямъ его люди, разыскивая преступниковъ. Но трудно, охъ какъ трудно жить и покорнымъ... Тяжелая рука могучаго пресвѣтлаго Кушъ-беги давитъ народъ, не давая ему ни минуты отдыха“...

— Личность, во всякомъ случаѣ, историческая,— разсказывали мнѣ знатоки Бухары: Кушь-Беги 85 лѣтъ, и 50 лѣтъ онъ продолжаетъ безъ перерыва играть крупную роль въ Бухарѣ. Хотя онъ и живетъ далеко отъ бухарской столицы, но вліяніе его на всѣ дѣла огромно“.

Переправившись нѣсколько разъ черезъ быстрые многоводные притоки Карфернигана, мы, наконецъ, увидѣли Гиссарскую крѣпость, стоявшую на высокомъ холмѣ, у подножья котораго раскинулся городъ.

Астанакулъ Кушъ-беги [1]) сынъ эмира Бухары Насрулла-Хана, родился въ 1829 году отъ жены его, персіянки, которая будучи въ періодѣ беременности, разгнѣвала эмира. произнесшаго формулу развода такъ называемый „Талакъ“ и подарившаго ея Аббасъ-Бію. Разведенная жена, лишь послѣ рожденія сына,

[1]) Умеръ въ 1907 г.

названнаго Астанакуломъ, и признаннаго эмиромъ своимъ сыномъ, была отправлена изъ дворца. Астанакула же передали для воспитанія другой женѣ— матери Музаферъ-Хана, занявшаго впослѣдствіи престолъ. Мальчики свое дѣтство провели вмѣстѣ, отличаясь большою дружбою и пользуясь оба горячей любовью эмира, отдававшаго предпочтеніе Астанакулу. Говорятъ, что онъ долго колебался, кому изъ нихъ двоихъ оставить престолъ Бухары, объявивъ лишь передъ самой смертью Музеферъ-Хана своимъ наслѣдникомъ. Дружба дѣтства, связывавшая Астанакула съ эмиромъ Музаферомъ, была причиною, что онъ, какъ близкій родственникъ, не подвергся преслѣдованію, а наоборотъ остался въ числѣ приближенныхъ эмира, пользуясь его милостями до самой смерти Музафера-Хана, признавшаго его братомъ.

При возшествіи на престолъ Ахадъ-Хана Астанакулъ, уже бывшій въ чинѣ парваначи (генералъ-лейтенанта), сыгралъ значительную роль, скрывъ отъ народа болезнь и смерть Музаферъ-Хана, до прибытіи Сеида-Богодуръ-Хана изъ Кермине, чѣмъ предотвратилъ могущіе быть безпорядки. Но знающій обычаи Востока, Сеидъ-Богодуръ-Ханъ не сразу повѣрилъ своему дядѣ Астанакулу, думая, что сообщеніемъ о смерти отца, послѣдній заманиваетъ его въ ловушку и въ началѣ отказался пріѣхать, но Астанакулъ, явившись къ нему высказалъ свою преданность и передалъ ему золотую печать эмира Бухары, послѣ чего племянникъ прибылъ вмѣстѣ съ дядей въ Бухару, гдѣ Астанакулъ объявилъ одновременно о смерти эмира и о возше-

ствіи на престолъ его преемника Сеида-Богодуръ-Хана, сохранившаго благодаря этому особую признательность къ своему родственнику, возведенному въ высшее званіе Кушъ-беги.

Нельзя также не упомянуть, что Астанакулъ поразительно былъ похожъ на покойнаго эмира Музаферъ-Хана, въ силу чего ему крайне легко было завладѣть престоломъ, и лишь природная честность остановила его отъ этого шага, на который склоняли Астанакула многіе приближенные, желавшіе въ свою очередь создать себѣ положеніе.

Тѣнистыя заросли садовъ красивыми куртинами выдѣлялись среди темныхъ построекъ. Арыки, наполненныя водою, гулко журчали по камнямъ, приводя въ движеніе нѣсколько мельницъ, устроенныхъ въ прилегающемъ къ городу кишлакѣ. Масса конныхъ и пѣшихъ попадалось по дорогѣ, направляясь въ Гиссаръ.

— Сегодня базаръ будетъ, оттого и народъ идетъ,—пояснилъ Мирахуръ;—большой базаръ. Армянскіе купцы есть, русскимъ товаромъ торгуютъ.

Поворачивая по улицамъ, мы проѣхали мимо длиннаго ряда лавокъ съ мануфактурой. Нѣсколько старинной постройки мечетей и медресе виднѣлись въ различныхъ мѣстахъ города. На одномъ изъ перекрестковъ улицы стояла какая-то группа туземцевъ, одѣтыхъ въ яркіе, преимущественно краснаго цвѣта, халаты. Толстый чернобородый таджикъ отдѣлился отъ нея и, почтительно отвѣшивая кулдукъ (поклонъ), подошелъ ближе.

— Пресвѣтлый Кушъ-беги поздравляетъ тюра съ благополучнымъ прибытіемъ въ Гиссаръ!

Какъ здоровье, полковника, и благополучно ли было путешествіе?

Мы поблагодарили и справились, когда можно будетъ видѣть его превосходительство.

— Можно, можно, Кушъ-беги ожидаетъ васъ,— засуетился татаринъ-переводчикъ.

Только надо немного отдохнуть. Пожалуйте за мной!

И, вскочивъ на коня, онъ устремился впередъ. Цѣлая свита разнаго люда двинулась за нами слѣдомъ, придавая нашему въѣзду особенно торжественный видъ. Толстый таджикъ, въ знакъ особеннаго почтенія, держась за стрѣмя моей лошади, шелъ пѣшкомъ, неуклюже переваливаясь и спотыкаясь благодаря страшно высокимъ каблукамъ сапогъ. Проѣхавъ нѣсколько улицъ, насъ снова встрѣтила такая же, какъ и первая группа, высланныхъ для принесенія привѣтствія чиновниковъ, увеличившихъ еще болѣе нашу свиту.

— Скоро ли, наконецъ, мы доѣдемъ?—недовольнымъ тономъ заворчалъ Б.

— А вотъ сейчасъ, сію минуту. Вотъ сюда, —указалъ переводчикъ, на широко растворенныя ворота какого-то двора.

— Это посольскій домъ. Надо немного отдохнуть, а потомъ уже можно будетъ ѣхать въ калу.

Неизбѣжный достарханъ, разставленный на большомъ столѣ, представлялъ собою знакомую картину. Приведя себя немного въ порядокъ, мы только что присѣли къ столу, какъ вновь появился переводчикъ въ сопровожденіи незнакомаго бухарскаго чиновника.

— Кушъ-беги кланяется вамъ лошадьми съ сѣдлами и попонами—перевелъ переводчикъ рѣчь чиновника.

— Надо посмотрѣть лошадей,—конфиденціально добавилъ онъ.

Мы вышли на террасу.

Два красивыхъ вороныхъ жеребца, подъ расшитыми шелками попонами съ сбруей, унизанной серебрянымъ наборомъ, грубо отдѣланой бирюзой, стояли среди двора въ поводу, у державшихъ ихъ нукеровъ.

— Поблагодарите его превосходительство за вниманіе, но я нахожу неудобнымъ принять такой подарокъ,—отвѣтилъ Б.

— Что вы, что вы,—замахалъ руками и заволновался переводчикъ,—Кушъ-беги живетъ по старинѣ и отказомъ вы его кровно обидите.

Сѣвъ на лошадей, мы поѣхали по направленію къ крѣпости, виднѣвшейся не въ далекѣ. Откуда-то взявшаяся свита двигалась за нами слѣдомъ, создавая красивую конную группу. Впереди ѣхалъ второй есаулъ-баши (полицеймейстеръ) съ длинною палкою въ рукахъ—знакъ его должности. У воротъ крѣпости выстроенная рота, при двухъ офицерахъ, отдала честь, взявъ на краулъ. Я поздоровался; отчеканивая послѣдній слогъ и сливая всю фразу отвѣта, какъ-то въ раздробь отвѣтили солдаты и въ тоже время, къ нашему несказанному изумленію, гдѣ-то, почти надъ нами, послышался глухой звукъ пушечнаго выстрѣла. За нимъ второй, третій. Огромные клубы бѣлаго дыма вылетали изъ жерла ста-

ринныхъ орудій, стоявшихъ на площади, около которыхъ суетилось нѣсколько сѣдобородыхъ солдатъ.

— Здѣсь нужно слѣзать и идти пѣшкомъ, таковъ обычай. У ворстъ гость всегда слѣзаетъ съ лошади, чтобы оказать почетъ хозяину.

— Помните наши старые боярскіе обычаи; они вѣдь отсюда съ востока пришли къ намъ—пояснилъ Б.

Мы двинулись вверхъ, по винтомъ вьющейся, широкой дорогѣ, обѣ стороны которой были покрыты толпою народа, собравшагося посмотрѣть на томашу. У верхнихъ воротъ крѣпости новая группа встрѣчающихъ и новыя церемонныя рѣчи. Тѣсныя внутреннія дворы старинной крѣпости и крытые переходы между ними были полны мелкимъ служилымъ людомъ, состоявшимъ при Кушъ-беги.

Огромная высокая комната, устланная коврами, съ небольшими рѣшетчатыми окнами, слабо освѣщающими ее, казалась, благодаря отсутствія меблировки, еще больше.

Высокаго роста худощавый старикъ, въ золотомъ парчевомъ халатѣ, встрѣтилъ насъ среди нея. Совершенно серебряная борода и немного трясущаяся голова и руки указывали на глубокую старость владыки Восточной Бухары.

Согнувшись чуть не до земли, переводчикъ передалъ намъ привѣтствія Кушъ-Беги.

Небольшой колченогій столъ и три стула, поставленные около, были любезно указаны намъ. Мы сѣли.

Живой по темпераменту старикъ быстро загововорилъ:

— Кушъ-беги радъ всегда видѣть русскихъ офицеровъ. Но пусть они не обижаются, что я не могу предоставить имъ тѣхъ удобствъ, къ которымъ они привыкли.

— Б. разсыпался въ благодарностяхъ, а я принялся разсматривать Кушъ-беги, о которомъ пришлось такъ много слышать. Изъ-подъ дорогого парчеваго халата виднѣлся другой, дешеваго ситца; порыжѣвшіе старые сапоги какъ-то плохо гармонировали съ драгоцѣнной звѣздой изъ крупныхъ бриллiантовъ, виднѣвшейся на халатѣ. Сомнительной чистоты скатерть на столѣ и исключительно мѣстнаго производства сласти невольно вызвали удивленіе скромности обстановки, этого, едва ли не самаго богатаго послѣ эмира, человѣка въ Бухарѣ.

И какъ будто отвѣчая на мои мысли, Кушъ-беги сказалъ:

— Вѣроятно, вы ожидали у меня видѣть вездѣ большую роскошь. Но я старикъ и живу по старинѣ; я родился при такой обстановкѣ, и, правда сказать, не привыкъ къ вашимъ порядкамъ жизни. Они меня стѣсняютъ, какъ и этотъ стулъ, на которомъ я сижу сейчасъ. Все зависитъ отъ привычекъ, и хотя многіе у насъ стали заимствовать различные новые обычаи, но я по старинѣ, какъ родился, такъ и умру.

— Можетъ быть гости выпьютъ чаю?

Ей люди!! возвысилъ онъ властно голосъ.

Моментально нѣсколько раболѣпныхъ фигуръ безшумно появились и поставили передъ нами стаканы мутноватаго чая.

— Вотъ вы смотрите, что моя комната безъ ме-

бели, нѣсколько минутъ спустя указалъ онъ глазами на помѣщеніе.

У меня много есть русскихъ вещей. Если хотите посмотрѣть, то я вамъ покажу, поднимаясь со стула, сказалъ Кушъ-беги.

Вотъ сюда!

Мы, пройдя два, три перехода, очутились передъ запертою дверью которую владыка Восточной бухары открылъ собственноручно, вынувъ связку ключей изъ кармана нижняго, порядкомъ изношеннаго халата. Огромная комната была буквально заставлена сплошь вся, какъ мебельный магазинъ или лавка старьевщика. Чего чего тутъ не было. Какая то мебель, поставленная другъ на друга; вѣнская коляска, мраморные умывальники, безчисленное число канделябровъ, лампъ и часовъ, все это видимо стояло давно безъ всякаго употребленія.

— Вотъ это подарилъ мнѣ военный министръ Милютинъ. Это подарокъ великаго князя. Это министра Ванновскаго.

Громкія имена сопровождали демонстрацію этой своеобразной кладовой-музеума.

— Но, только все ни къ чему не нужно. Человѣку не нужна вся эта роскошь. Лучше жить проще.—Тѣмъ болѣе, что и жить осталось мало. Скоро, скоро Азраилъ придетъ требовать къ отвѣту за сдѣланное на землѣ.—Хотѣлъ бы передъ смертью видѣть Мекку. Но эмиръ не разрѣшаетъ выѣхать. Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ я живу въ Гиссарѣ, никуда не выѣзжая ни разу кромѣ Каратага, куда переселяюсь на лѣто.

— Простите, что можетъ быть я утомилъ васъ показываніемъ этого хлама, презрительно сказалъ Кушъ-беги, кивнувъ головою на вещи.

— Мы можемъ перейти по сосѣдству въ комнату, гдѣ я всегда провожу время.

Небольшое помѣщеніе 6—7 аршинъ длины и ширины. Нѣсколько камышовыхъ циновокъ, на земляномъ полу груда ватныхъ одѣялъ, въ углу на разосланной войлочной кошмѣ куча подушекъ. И ничего больше.

Мы были невольно поражены отсутствіемъ всякаго комфорта въ жизни человѣка, расходующаго до сотни тысячъ рублей ежегодно на содержаніе мечетей и медресе въ Меккѣ, а также и на путешествія паломниковъ изъ Бухары.

— Не разрѣшитъ ли намъ Кушъ-беги, пользуясь временемъ пребыванія въ Гиссарѣ, посмотрѣть на тюрьмы и преступниковъ?

— Васъ и это интересуетъ? Охотно даю разрѣшеніе. Есаулъ-Баши покажетъ вамъ все, а кстати если хотите, то можно показать также и какъ наказываютъ преступниковъ; тамъ есть разбойники, которыхъ нужно повѣсить, я откладывалъ до большого базара, но разъ почетные гости хотятъ видѣть, то я сейчасъ же сдѣлаю распоряженіе.

Не желая быть очевидцами казни, страшной по своему выполненію, мы поспѣшили отказаться, поблагодаривъ за вниманіе.

Кушъ-беги нѣсколько удивленно посмотрѣлъ на насъ и крикнулъ есаула-баши. Откланявшись и еще разъ поблагодаривъ за любезность, мы двинулись

по узкимъ переходамъ, спускаясь куда то все ниже и ниже. Темные коридоры едва освѣщались небольшими бойницами въ толстыхъ стѣнахъ. Спертый горячій воздухъ затруднялъ дыханіе. Еще нѣсколько ступеней внизъ, и мы очутились въ сводчатыхъ подвалахъ, гдѣ лежа и сидя виднѣлись темныя человѣческія фигуры. Лязганье кандаловъ нарушало тишину.

— Здѣсь сидятъ совершившіе небольшія преступленія, — удовлетворилъ нашему любопытству переводчикъ.

— Одинъ годъ, два не больше. Вотъ тутъ, уже идутъ разные преступники — указалъ онъ на нѣсколько человѣкъ, прикованныхъ за шею къ стѣнѣ, въ слѣдующемъ подвалѣ, гдѣ воздухъ до того былъ пропитанъ міазмами, что трудно было дышать. Еще ниже освѣщенный косыми лучами солнца, падавшаго сквозь узкую бойницу, виднѣлся какой то колодезь, казавшійся бездоннымъ.

— Здѣсь опускаютъ самыхъ важныхъ преступниковъ, и кто разъ попадетъ въ этотъ колодезь, уже назадъ не выходитъ живымъ,—съ боязливымъ шопотомъ добавилъ переводчикъ.

Какъ бы въ подтвержденіе его словъ, откудто снизу слышались слабые стоны.

— Просто волосы становятся дыбомъ отъ этого ужаса, возмущенный всѣмъ видѣннымъ запротестовалъ Б.

— Лучше выдемте скорѣе отсюда. Неужели этихъ несчастныхъ никогда не выводятъ на воздухъ?

— Нѣтъ, не выводятъ, они все здѣсь, какъ видите дѣлаютъ, отъ того и воздухъ не хорошій,— равнодушно отвѣтилъ привыкшій къ такимъ картинамъ переводчикъ.

Подавленные всѣмъ видѣннымъ, передавъ въ пользу заключенныхъ наше пожертвованіе, мы, лишь выбравшись на воздухъ, освободились отъ кошмарнаго ужаса всей видѣнной картины.

— А еще говорятъ, что бухарское правительство по требованію нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, реформировало свои тюрьмы,—возмущался Б.

На дѣлѣ же выходятъ все одни слова. Не даромъ, Кушъ-беги самъ говоритъ, что во всемъ живетъ по старинѣ.

— Но, попробовалъ я возразить, я слышалъ что прежде хуже было.

— Ну, я сомнѣваюсь. Клоповникъ, какъ былъ такъ и остался въ полной неприкосновенности. И кромѣ того, вѣроятно намъ показали тюрьму съ лучшими условіями, надо полагать, что есть еще и свои домашніе застѣнки, куда ни чей посторонній глазъ не заглядываетъ. Не даромъ у нихъ частенько случается: былъ человѣкъ и вдругъ какъ въ воду канулъ, потребовали по дѣлу къ беку, а онъ ужъ больше не вернулся.

Осмотрѣвъ нѣсколько старинныхъ медресе и мечетей, построенныхъ въ очень отдаленную эпоху, одна еще при Абду-Муслимѣ, мы заглянули въ торговые ряды, гдѣ среди русскаго мануфактурнаго товара, виднѣлись груды шелка—сырца, окрашеннаго во всѣ самые яркіе цвѣта. Куски бѣлой шел-

ковой матеріи, вродѣ чесунчи, лежали почти на всѣхъ прилавкахъ.

— Это мѣстная Гиссарская работа, шелковыя матеріи, изготовленныя такимъ способомъ, очень прочны, износа имъ нѣтъ, — сообщилъ одинъ изъ армянъ торговцевъ.

— Если угодно, то можно не дорого купить.

— Пожалуй я куплю нѣсколько штукъ различнаго шелка — сторгуйте для меня, — сразу рѣшилъ Б., увлекаясь матеріями.

— Да и для меня тоже.

Черезъ нѣсколько времени, увлекшись покупкою, мы уже были владѣльцами шелковыхъ матерій, достаточныхъ для открытія небольшой лавочки, добавивъ къ нимъ по нѣсколько экземпляровъ старинныхъ кольчугъ, сабельныхъ клинковъ и щитовъ, въ изобиліи предложенныхъ намъ однимъ изъ туземцевъ.

— Гдѣ они достаютъ такія вещи? спросилъ я довольнаго сдѣланной продажею узбека.

— Тюра хочетъ знать гдѣ?

Но Гиссарскій край великъ. На каждомъ ташѣ есть старые калы, курганы, остатки строеній. Не надо только быть лѣнивымъ, и можно найти этого добра сколько угодно.

Есть мѣсто одно въ горахъ, гдѣ говорятъ, сражалось войско Искандера. Его македони много воиновъ положили спать вѣчнымъ сномъ въ сырую землю, и лежатъ они, въ воинскомъ убранствѣ, при оружіи, засыпанные песками пустыни. Лишь стоитъ вѣтру сбросить легкій пластъ песку, какъ видны

ихъ кости, одѣтые въ мѣдные панцыри. Французъ проѣзжалъ въ прошломъ году, и нашъ аулъ очень много ему оружія продалъ. Но только македони не любятъ, чтобы ихъ часто тревожили. Нашъ Ишанъ говорилъ, что можно только одинъ разъ въ годъ собирать все то, что открыто вѣтромъ. Молитву противъ нечистаго духа Иблиса также прочесть слѣдуетъ.

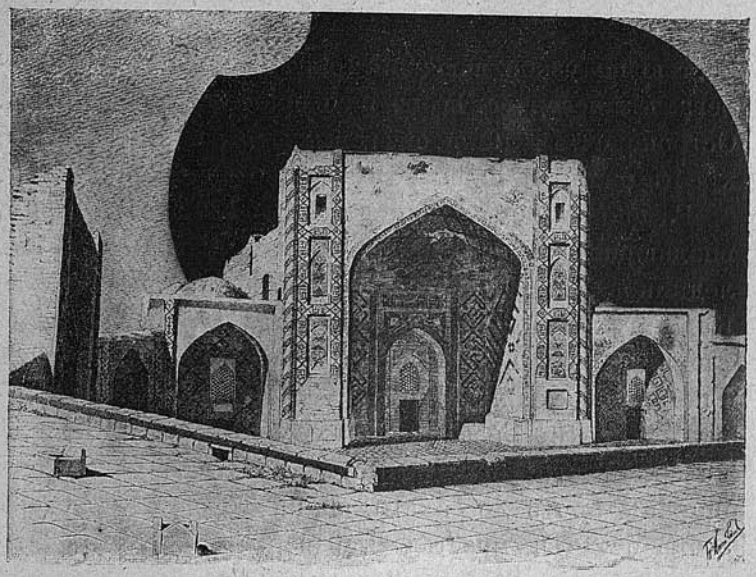
Если тюра хочетъ, я покажу имъ это мѣсто, когда будемъ ѣхать, такъ какъ есаулъ-баши приказалъ мнѣ провожать Васъ до Курганъ-Тюбе.

Лѣтомъ Гиссаръ пустѣетъ. Близость снѣговыхъ горъ Гиссарскаго хребта является причиною огромныхъ непрерывныхъ дождей, идущихъ почти всю весну и лѣто безъ перерыва. Жаркіе дни и обиліе влаги создаютъ удивительно тяжелую атмосферу благодаря испареніямъ, а отсутствіе вѣтровъ и масса воды во всѣхъ рѣчкахъ, ручьяхъ и рисовыхъ поляхъ способствуетъ развитію маляріи. Тучи комаровъ и всякаго гнуса наполняютъ воздухъ, а фаланги, скорпіоны, пауки и блохи буквально миріадами кишатъ на поверхности земли во всѣхъ постройкахъ, являясь бичемъ для населенія безсильнаго, обороняться противъ этихъ несмѣтныхъ полчищъ. Ростъ всякихъ травъ въ лѣтнюю пору изумителенъ. Выростая до двухъ аршинъ трава положительно мѣшаетъ движенію, а дворы и улицы въ Гиссарѣ заростаютъ въ это время цѣлымъ лѣсомъ бурьяна и городъ принимаетъ видъ вымершаго и заброшеннаго мѣста.

Зато урожаи хлѣбовъ во всей Гиссарской долинѣ колосальны и едва-ли не самые большіе во всемъ

Ханствѣ, что все-таки не служитъ къ увеличенію благосостоянія населенія, такъ какъ полное отсутствіе путей сообщенія не даетъ возможности вывозить зерно изъ края.





XXI.

Каратагъ. — Гора Фанъ-тау. — Мѣсторожденія нефти. — Молитва Александру Македонскому.—Поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ.— Астрономія въ древности.—Кража сапогъ шакалами.—Таджики.— Переправа черезъ Вахшъ. — Древняя страна Хотель. — Гибель нукера.

Къ Сѣверу отъ Гиссара лежитъ Каратагъ, являющійся лѣтней резиденціей Кушъ-беги. Находясь на высотѣ 4—5 т. футовъ у подножья Гиссарскаго хребта, онъ красиво темнѣетъ своею мощною зеленью, давая прохладу въ самые знойные дни. За Каратагомъ идетъ перевалъ Мачта, черезъ который лишь лѣтомъ есть сообщеніе съ Самаркандской об-

ластью по узкой вьючной тропѣ. Зимою же весь перевалъ занесенъ снѣгомъ и совершенно недоступенъ. Остроконечные пики снѣговыхъ горъ Гиссарскаго хребта видны издалека, бѣлѣя сквозь туманную мглу.

Разсположенный на многоводной Каратагъ-Дарьѣ, впадающей въ Сурханъ и берущей свое начало изъ ледниковъ Гиссарскаго хребта г. Каратагъ и вся Каратагская долина принадлежатъ къ числу красивѣйшихъ мѣстъ Бухарскаго ханства. Орошая часть Гиссарской долины Каратагъ-Дарья отъ самаго перевала Мура въ Гиссарскомъ хребтѣ течетъ въ видѣ колоссальнаго горнаго потока до двадцати саженъ ширины почти до самаго конца горъ и участокъ этотъ почти въ шестьдесятъ верстъ, особенно красивъ своими горными ущельями.

Выходя на равнину Каратагъ-Дарья какъ будто успокоившись и разливаясь шире, течетъ болѣе медленно принимая съ обоихъ сторонъ массу воды изъ впадающихъ въ нее притоковъ, давая жизнь многочисленному населенію между Гиссаромъ и г. Юрчи.

При самомъ выходѣ изъ горъ находится г. Каратагъ, служащій въ лѣтнее время дачнымъ мѣстомъ для жителей Гиссара.

Построенный по обѣимъ сторонамъ рѣки въ узской долинѣ, Каратагъ окруженъ огромными горами, тѣсно придвинувшимися къ берегамъ Каратагъ-Дарьи; обѣ части города соединены между собою постояннымъ мостомъ. Вытянувшись болѣе трехъ верстъ въ длину городъ весь утопаетъ въ зелени древесной растительности, могуче возросшейся на плодородной почвѣ.

Являясь однимъ изъ старинныхъ мѣстъ, гдѣ

возникла жизнь Каратагъ до сихъ поръ сохранилъ остатки этой прежней жизни въ видѣ обширной древней крѣпости, находящейся на вершинѣ обрыва праваго берега рѣки, занимая входъ въ долину и командуя надъ всѣмъ ущельемъ.

Имѣя длину до полуверсты при ста саженяхъ ширины развалины высокихъ въ два ряда стѣнъ и крѣпостныхъ воротъ съ двумя высокими полуразрушенными башнями хмуро смотрятъ на остатки древняго города, лежащаго за крѣпостными стѣнами, въ видѣ фундаментовъ, грудъ мусора, глины, массы изломаннаго кирпича и глиняныхъ черепковъ. Лишь съ десятокъ орѣховыхъ деревьевъ составляютъ собою остатки бывшей здѣсь растительности.

Широкая, отлично раздѣланная дорога тремя маршами ведетъ къ берегу рѣки, оканчиваясь у самого моста.

Съ южной стороны къ крѣпости примыкаетъ огромное древнее кладбище съ мазаромъ надъ могилою какого-то святого. Повидимому это былъ многолюдный красивый городъ, разрушенный людьми или же погибшій внѣзапно вслѣдствіе землетрясенія, причемъ послѣднее предположеніе подтверждается общимъ видомъ развалинъ.

Изъ крѣпости открывается поразительно красивый видъ на Новый Каратагъ, лежащій у ея ногъ, а вокругъ поднимаясь одна другой выше виднѣются горы, увѣнчанныя снѣговыми шапками — это главный массивъ Гиссарскаго хребта. Ярко голубое небо въ видѣ купола поднимается надъ ущельемъ, покрывая его будто крышей.

Самый городъ съ небольшимъ базаромъ въ нѣсколько десятковъ лавокъ окруженъ глинобитными саклями съ садами сзади нихъ и выступающими большими постройками лѣтнихъ помѣщеній Гиссарскаго Кушъ-беги, переѣзжающаго сюда съ начала мая мѣсяца.

— Близко здѣсь есть гора, которую называютъ Фанъ-тау, интересно, что надъ ней, говорятъ, иногда появляются клубы дыма, изъ чего можно предполагать, что она представляетъ собою вулканъ, вѣроятно не вполнѣ еще потухшій. Среди туземцевъ, по отношенію этой горы, ходитъ очень много баснословныхъ разсказовъ, я же, побывавъ въ той сторонѣ въ прошломъ году, вынесъ убѣжденіе, что здѣсь есть богатое мѣсто рожденія нефти. Мои предположенія подтверждены также и однимъ изъ инженеровъ, посѣтившимъ Гиссарскій край. Около Сарвады, къ востоку есть каменный уголь, повидимому въ огромномъ количествѣ. Верхній пластъ разумѣется невысокаго качества и съ большею примѣсью сѣры, но дальше, какъ видно по обваламъ, лежитъ хорошій уголь. Также не вдалекѣ встрѣчается въ большомъ количествѣ мѣдь.

— И никто не разрабатываетъ?—удивился я.

— Гдѣ тамъ и кому заниматься разработкою! Бухарцы съ мѣдью обращаться не умѣютъ. Въ углѣ же надобности не встрѣчаютъ, обходясь дровами въ своемъ немудромъ хозяйствѣ.

Постепенно спускаясь съ горъ, мы достигли до низменности по берегамъ Кафернигана, переправившись черезъ который въ бродъ, снова вытянулись въ

горное извилистое ущелье, по которому пролегала дорога на Курганъ-Тюбе. Яркій блескъ мѣсяца серебрилъ всѣ окрестности, оставляя въ тѣни лишь склоны горъ и ущелья, казавшіяся еще мрачнѣе.

— Вотъ здѣсь, тюра, мѣсто, гдѣ лежитъ македони, указалъ новый проводникъ куда то внизъ, гдѣ едва можно было различить дно широкой долины, постепенно расширявшейся къ сѣверу.

Старые люди говорятъ, что послѣ страшной битвы здѣсь осталось много воиновъ Искандера. И тѣни ихъ порою появляются на вершинахъ горъ, пугая проѣзжихъ путниковъ. Всѣ очень боятся проѣзжать по этому мѣсту, но я не боюсь потому, что знаю такую молитву, которую нужно прочитать.

Вотъ здѣсь, около этой скалы, пусть тюры подождутъ, а я скажу слово, чтобы путь нашъ былъ безопасенъ...

Соскочивъ съ коня, узбекъ взошелъ на небольшой выступъ скалы, выдававшейся надъ долиною и, поднявъ руки кверху, громкимъ голосомъ сталъ дѣлать заклинанія:

„Солнце мертвыхъ! Ты которое освѣщаешь путь и добрыхъ и злыхъ. Будь благосклонно къ моему моленію... Пусть твои серебряные лучи ласкаютъ сонъ храбрыхъ. Пусть будетъ крѣпокъ ихъ сонъ, и стукъ копытъ нашихъ коней не потревожитъ ихъ покоя. Великій Хазретъ-Искандеръ, прикажи своимъ воинамъ дать намъ дорогу. О Хазретъ!! О Алла!. О солнце мертвыхъ!“.

Своеобразная обстановка и это странное моленье невольно посѣяли въ душѣ какое то особенное чув-

ство. Намъ было жутко, и казалось, что въ этой тишинѣ ночи слышится чье то присутствіе.

— Однако, надо ѣхать, съ сердитой ноткой въ голосѣ не выдержалъ Б. нарушая тишину.

Странное заклинаніе и странныя повѣрія... Вѣроятно, они пережили тысячелѣтія, дойдя до нашего времени. Во всякомъ случаѣ преданіе интересное. Надо думать, что здѣсь погибъ какой нибудь изъ отрядовъ Александра, во время его похода изъ Термеза на Самаркандъ. Какъ жаль, что вообще походы его въ Средней Азіи сравнительно почти не изслѣдованы....

Проѣхавъ горами еще часа три, мы выбрали ровную площадку на перевалѣ въ сторонѣ тропы, гдѣ и стали на ночлегъ. Лунный дискъ уже скрылся за горизонтомъ, и яркія огромныя звѣзды, выдѣляясь на небосклонѣ мерцающимъ свѣтомъ, освѣщали окрестности. Глазъ различалъ небольшое пространство, дальше вся долина тонула во мракѣ.

— Обратите вниманіе, какъ чистъ и прозраченъ воздухъ въ горахъ, нигдѣ въ Россіи нельзя видѣть такихъ яркихъ звѣздъ, какъ здѣсь, нарушилъ молчаніе Б. полулежа на коврѣ и всматриваясь въ небесный сводъ.

Лишь здѣсь можно понять тотъ культъ поклоненія небеснымъ свѣтиламъ, который существовалъ въ древности на Востокѣ, хотя и теперь въ глухихъ уголкахъ азіатскихъ пустынь кочующіе номады съ тѣмъ же благоговѣніемъ смотрятъ на нихъ какъ и прежде. Ясность и прозрачность воздуха была пожалуй главной причиной, вслѣдствіе

которой астрономія получила на Востокѣ еще въ глубокой древности такое широкое развитіе. Не даромъ Евангелистъ въ своемъ повѣствованіи о рожденіи Спасителя занесъ на страницы имена волхвовъ, наблюдавшихъ ту звѣзду, появленіе которой ими было точно вычислено.

— Я пожалуй не соглашусь съ Вами, вѣроятно, это была какая нибудь случайность...

— Ну нѣтъ, въ этомъ Вы ошибаетесь. Астрономія и астрологія были науками извѣстными въ Китаѣ, напримѣръ, 6—7 тысячъ лѣтъ тому назадъ. Далѣе лунный годъ былъ исчисленъ на востокѣ же. А Улуговы таблицы, составленныя Самаркандскими астрономами и до сихъ поръ являются во многихъ астрономическихъ работахъ краеугольнымъ камнемъ.

Точность древнихъ вычисленій была положительно изумительна. Возьмите хотя бы египетскія пирамиды. Каждая сторона ихъ поставлена строго въ соотвѣтствіи со странами свѣта. А спустившись внутрь пирамиды и ставъ на серединѣ прохода въ извѣстный часъ ночи, можно видѣть въ центрѣ рамки входа полярную звѣзду. Отрицать нельзя, познанія были громадны. И къ несчастью многія изъ нихъ хорошо и крѣпко забыты. Варварское отношеніе къ научнымъ трудамъ и пожаръ Александрійской библіотеки уничтожили всю сумму человѣческихъ познаній, накопленныхъ въ теченіе десятковъ тысячелѣтій, потомъ многое пришлось изучать опять съ начала. Слѣды высокой культурной жизни разбросаны и здѣсь вездѣ, гдѣ видны развалины городовъ.

Я сильно утомился и уже едва слушалъ, что продолжалъ развивать Б. попавъ на свой любимый конекъ.

Красноватый отблескъ костра бросалъ прихотливыя тѣни на окресности. Полная тишина царствовала вокругъ, и лишь откуда то издалека доносился слабый вой шакаловъ. Лошади, стоя на приколахъ, опустивъ головы, ѣли кормъ, брошенный имъ тутъ же на землю. Наши конвойные расположились немного въ сторонѣ и, выпивая безчисленное число чашекъ чая, вели какіе то безконечные разговоры. Пріятная прохлада послѣ дневного зноя навѣвала крѣпкій сонъ, въ который скоро погрузился весь нашъ лагерь.

Насколько пріятенъ былъ сонъ, настолько огорчило насъ пробужденіе. Розовая полоска зари едва окрасила горизонтъ, утренняя свѣжесть побуждала завернуться получше въ бурку, но Б. уже всталъ и его сердитые окрики отогнали сонъ.

— Въ чемъ дѣло, Павелъ Ивановичъ?

— Нечего сказать, хорошій сюрпризъ устроили— нѣтъ сапогъ, вотъ въ чемъ дѣло...

— Какъ нѣтъ? Батюшки, да и моихъ вѣдь тоже нѣтъ.

Конвойные какъ-то конфузливо топтались около лошадей.

Всѣ были безъ сапогъ.

— Что же это значитъ? гдѣ же сапоги?

— Такъ что позвольте доложить, надо думать чекалки сволокли, угрюмо отвѣтилъ одинъ изъ казаковъ.

— Какія чекалки?

— Извѣстно какія; крѣпко позаснули мы, а звѣрь больно хитрый; да и плутоватый, ну и сперъ сапоги то у всѣхъ.

— Предположительно сожрали ихъ за ночь, потому не въ далекѣ Моисеевъ нашелъ пару подметокъ изгрызенныхъ.

Сюрпризъ былъ непріятный, запасныхъ сапогъ не было, и волей-неволей пришлось ѣхать босикомъ въ однихъ носкахъ.

— Ничего, тюра, Курганъ-Тюбе новые ичиги купимъ, утѣшалъ насъ проводникъ.

Шекалка очень голодный и поэтому взялъ сапоги кушать...

Спустившись съ горъ, мы втянулись въ ущелье, по дну котораго журча извивался небольшой ручей прѣсной воды. Раза два по дорогѣ встрѣчались кишлаки горныхъ таджиковъ, словно гнѣзда ласточекъ, прилѣпившіяся къ горамъ. Испуганная невиданными людьми, быстро попрятались за стѣнами цѣлая куча дѣтей, игравшихъ около ручья. Любопытные живые глазки, выглядывая изъ-за закрытія, съ тревожнымъ недоумѣніемъ провожали нашъ караванъ. Будто дикіе звѣрьки тихо безъ крика сползли они внизъ собирать послѣ нашего проѣзда десятокъ конфектъ, брошенныхъ мною. Нѣсколько женскихъ фигуръ мелькнуло среди сакль, еще пугливѣе прячась отъ взора чужихъ людей. Правильныя черты лицъ, темные красивые глаза и стройныя высокія фигуры этихъ женщинъ невольно поражали своей художественной законченностью.

— Какой красивый типъ! Не правда-ли?

— Да, это вѣрно, жаль нельзя разсмотрѣть подольше, согласился я.

Таджики—чистые арійцы. Говорятъ на древнемъ фарсійскомъ (персидскомъ) языкѣ. Таджъ (корона). Таджикъ—коронованный, благородный. Очевидно, это названіе было присвоено аборигенамъ страны. Сохранивъ въ полной чистотѣ свой типъ и языкъ, они живутъ почти исключительно въ трудно доступныхъ горныхъ мѣстахъ Восточной Бухары, занимаясь земледѣліемъ. Лишь рѣдкіе изъ нихъ уходятъ со своихъ насиженныхъ мѣстъ въ долины и города. Историки считаютъ ихъ остатками армій персидскихъ царей, завоевавшихъ въ древности Трансоксанію. Въ этнографическомъ отношеніи народности Восточной Бухары представляютъ собою много интереснаго для изслѣдователя, такъ какъ здѣсь встрѣчаются остатки древнихъ македонцевъ, славянъ и галловъ, поселившихся въ свое время въ Рушанѣ, Ваханѣ и Шугнанѣ—мѣстахъ и по настоящее время почти неизвѣстныхъ европейцамъ.

Аулы Дагана и Кіикъ, расположенные въ высокихъ горныхъ долинахъ и населенные киргизскимъ родомъ Локай, благодаря обилію травъ на горахъ, занимаются коневодствомъ, имѣя огромные табуны, такъ называемыхъ локайскихъ лошадей, представляющихъ изъ себя незначительную разновидность киргизской породы. Нѣсколько глинобитныхъ сакль, два, три загона для скота и огромное число войлочныхъ бѣлыхъ юртъ, занимали значительную долину, поражая своею разбросанностью.

— Локаи никогда иначе не живутъ. Много лошадей, много мѣста нужно. Только больно не хорошій народъ: все лошадей воруютъ внизу у нашихъ людей, сдѣлалъ свое заключеніе Мирахуръ, недружелюбно косясь на аулы.

Мы сдѣлали привалъ въ Кіикѣ, у киргизскаго иль-беги (начальникъ племени). Нѣсколько круглолицыхъ, краснощекихъ, скуластыхъ киргизокъ вертѣлись около и въ противоположность пугливымъ женщинамъ таджиковъ не только пересмѣивались съ нашими казаками, но съ большимъ кокетствомъ принимали щипки и солидные толчки подъ бокъ любезныхъ кавалеровъ.

— Хорошія бабы, одобрилъ Моисѣевъ, только что получившій основательный ударъ по затылку отъ одной изъ степныхъ дамъ.

— Это вѣрно, у нихъ здѣсь баба въ цѣнѣ. Тысячи за нее платятъ.

Иль-беги, которому я передалъ слова казаковъ, ухмыльнулся въ бороду и одобрительно причмокнулъ.

— Правда тюра, у насъ марджа (женщина) дорого стоитъ.—Когда кто хочетъ жениться, тотъ платитъ за нее калымъ, иногда 5—6 тысячъ тенегъ, а коли богатаго и знатнаго рода то и до 10 тысячъ и кромѣ всего этого еще надо дать отъ 2 до 7 верблюдовъ, еще барановъ и лошадей на придачу. Каждая семья дорожитъ дѣвушкой, такъ какъ знаетъ, что съ ея помощью она поправитъ все свое хозяйство. Одно только плохо,—наша дѣвка вольная, часто возьметъ, да сбѣжитъ съ молодцомъ, который ей

понравится. А тогда ужъ калыма не получишь. Ускачетъ себѣ на быстрыхъ коняхъ и ищи вѣтра въ полѣ. Наши всегда своихъ же въ жены берутъ, не то что узбеки—у тѣхъ все равно. Они на таджичкахъ женятся; тамъ калымъ дешевый — одна корова цѣною въ 100-тенегъ (15 руб.) и жена есть.

Напившись айрана*), освѣжившаго насъ, мы стали, спускаться съ горъ. Вдали мелькнулъ огромнымъ серпомъ быстрый Вахшъ. Прирѣчные тугаи окружали рѣку рамкой зелени. Внизу было видно какое-то озеро.

— Это Кара-Куль—скоро и переправа будетъ,— нарушилъ продолжительное молчаніе Иль-Беги, сопровождавшій насъ до Кургана Тюбе.

Дальше на той сторонѣ озеро Джели-Куль есть. Только заклятыя эти озера. Нельзя въ нихъ ни рыбу ловить, ни птицъ стрѣлять. А кто все-таки захочетъ, не обращая вниманія на заклятіе наловитъ рыбы, которой множество, непремѣнно вскорѣ за тѣмъ умретъ или ослѣпнетъ. Святой человѣкъ здѣсь жилъ и приказалъ никому въ озерѣ рыбу не трогать. Хорошо, что еще засвѣтло черезъ Вахшъ можно переправиться. Теперь воды много и очень нехорошо черезъ воду ѣхать. Надо намъ торопиться.

Долго мы ѣхали равниной, пока не добрались до береговъ рѣки. Огромныя трудно проходимыя заросли камыша и тугаевъ казались цѣлыми лѣсами; узкая тропинка пролегала среди нихъ, обходя топи. Нѣсколько незначительной ширины протоковъ до-

*) Кислое молоко.

вольно многоводныхъ служили какъ бы пробами для переправы.

Б. уже началъ сильно безпокоиться, недовольно ворча на бухарское правительство, не построившее до сихъ поръ моста на такой измѣнчивой и быстрой рѣкѣ, какъ Вахшъ.

— Ничего, Павелъ Ивановичъ, переправимся; кстати безъ сапогъ и плыть лучше попробовалъ я пошутить, но тутъ же прикусилъ языкъ увидавъ бурныя будто свинцовыя волны рѣки, съ глухимъ ревомъ перекатывавшейся черезъ гряды камней. Водяная равнина казалась огромной ширины. Вода къ вечеру видимо прибыла, и переправа представляла собою значительную опасность.

Беря свое начала на Памирахъ и прорѣзывая Алайскую долину, Вахшъ несетъ въ своихъ водахъ огромное количество земли, песку и камней. Цѣлая система маленькихъ ручейковъ и горныхъ рѣчекъ впадаетъ въ эту огромную рѣку, протекающую на разстояніи 500 слишкомъ верстъ и до сихъ поръ почти неизслѣдованную по всему своему теченію. Разрѣзая цѣлый рядъ каменныхъ массивовъ горъ и имѣя огромное паденіе, Вахшъ отличается страшной быстриной, неся массы воды съ ледниковъ Памировъ. Рѣка Вахшъ извѣстна съ глубокой древности, получивъ свое названіе отъ имени Ваха, такъ назывался духъ покровитель водъ въ религіи Ведъ. Многоводность и бурное теченіе воды, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ ежегодно погибающихъ людей при переправахъ, окружили эту рѣку особымъ ореоломъ, и впечатлительность вмѣстѣ съ воображеніемъ создали

представленіе, что въ ея водахъ обитаетъ Великій Вахъ—Покровитель всѣхъ рѣчныхъ водъ. Нѣкоторые же ученые производятъ названіе Вахшъ отъ слова Оксъ, такъ называлось Аму-Дарья въ древности. Представляя собою одну изъ главныхъ водныхъ артерій Бухары, Вахшъ даетъ жизнь цѣлому ряду значительныхъ городовъ и безчисленному множеству мелкихъ кишлаковъ и ауловъ.

Въ силу своей многоводности онъ судоходенъ въ своей нижней части до города Курганъ-Тюбе, выше же къ городамъ Бальджуану и Гарму судоходство по немъ совершенно невозможно, вслѣдствіе того, что, разсѣкая массивы горъ, онъ во многихъ мѣстахъ преграждается на своемъ теченіи порогами и камнями, гдѣ вода достигаетъ страшной головокружительной быстроты, и, кромѣ того, по теченію Вахша находится много водоворотовъ, значительно увеличивающихся съ прибылью воды во время таянія горныхъ снѣговъ. Зимою же вода сбываетъ, и рѣка, какъ будто успокоившись, на время отдыхаетъ.

Протекая при впаденіи въ Аму-Дарью по широкой низменной равнинѣ, находящейся между отрогами хребта Кой-Тау и рѣкою Пянджемъ, Вахшъ своими водами оросилъ ее почти всю, что и давало особенно удобныя мѣста для поселеній, вслѣдствіе чего въ древности вся эта долина, носившая названіе страны Хотель, принадлежала къ числу особенно заселенной части Средней Азіи, гдѣ различныя народности, проходившія и жившія въ ней, осѣли гораздо раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Огромныя ирригаціонныя сооруженія съ цѣлою массою водо-

проводовъ, водохранилищъ, акведуковъ и арыковъ, построенныхъ изъ камня и жженаго кирпича, подтверждаютъ высокій культурный уровень народностей, населявшихъ Хотель, а обширныя развалины городовъ Хотель, Ляхманъ и Сарматай указываютъ на значительное развитіе торговли и государственности въ этой странѣ, древность которой восходитъ до Ассиро-Вавилонской эпохи, со времени которой, въ теченіе почти трехъ тысячелѣтій, одна народность смѣняла другую и на развалинахъ прежней жизни устраивала свою, благодаря чему при производствѣ раскопокъ, оказывается, что верхнія развалины городовъ стоятъ на развалинахъ зданій, лежащихъ подъ грудами земли и мусора, въ свою очередь попирая рядъ древнихъ фундаментовъ, находящихся еще глубже. Человѣчество всегда имѣло свои излюбленныя мѣста въ каждой странѣ, на которыхъ все время осѣдало, возобновляя остатки прежней жизни народностей, покинувшихъ эти мѣста для того, чтобы впослѣдствіи уступить мѣсто новымъ пришельцамъ. Къ несчастью, тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя остались о судьбахъ странъ, лежавшихъ по Пянджу и Вахшу, не даютъ никакой возможности нарисовать картину государственной ихъ жизни. И лишь съ переводомъ на европейскіе языки китайскихъ и тибетскихъ рукописей можно предполагать, что будутъ наконецъ, освѣщены исторіи народовъ, жившихъ въ этихъ мѣстахъ и имѣвшихъ сношенія съ Китаемъ и Тибетомъ въ очень отдаленное время.

Густая поросль тугаевъ окончилась, и мы выѣхали, наконецъ, на берегъ. Вахшъ сердито шумѣлъ у на-

нихъ ногъ. Темносвинцовый оттѣнокъ волнъ, съ быстро плывущими клочьями грязной пѣны, грохотъ воды среди камней и значительная ширина рѣки, поселяла въ насъ невольное безпокойство.

— Я никакъ не думалъ, что переправа здѣсь такъ серьезна. Пожалуй можно, вмѣсто Курганъ-Тюбе, попасть по теченію въ Аму-Дарью,—попробовалъ пошутить Б.

Но, очевидно, ему было не до шутки, и онъ лишь ею хотѣлъ подбодрить самъ себя.

— Пусть, тюра въѣзжаетъ въ воду за мной, а два нукера будутъ ѣхать сбоку ниже по водѣ. Если лошадь упадетъ, то они постараются поймать тюра въ рѣкѣ, пока его не унесло теченіемъ, успокоилъ насъ иль-беги...

Лошадь здѣсь часто падаетъ потому, что не можетъ справиться съ теченіемъ, и тогда надо успѣть схватить человѣка, который на ней ѣхалъ, пока онъ не ушелъ на дно,—уже издали докончилъ свое объясненіе киргизъ, въѣзжая въ русло рѣки.

Моя лошадь осторожно ступая по галькѣ и камнямъ, взошла въ воду. Два киргиза, безъ милосердія нахлестывая нагайками лошадей и обдавая брызгами, переправлялись ниже насъ, параллельно со мною. Невольно взглянувъ на своихъ будущихъ, въ случаѣ несчастья, спасителей, я потерялъ всякую увѣренность за благополучный исходъ переправы. Каждому изъ нихъ было не больше 15—16 лѣтъ. Вода между тѣмъ поднималась все выше и выше, достигая уже до брюха лошади. Гортаннымъ крикомъ понукая своего коня, впереди смѣло ѣхалъ

иль-беги, показывая направленіе брода и порою оглядываясь на меня, что-то кричалъ, размахивая рукою. Глядя на широкую бушующую водную равнину, я чувствовалъ, что у меня кружится голова, и по этому движенія лошади стали казаться крайне неувѣренными. То погружаясь совершенно въ воду и заставляя принимать ванну, то карабкаясь на подводные камни, мы добрались до середины рѣки, откуда оба берега казалось отстояли безконечно далеко. Ревъ воды сдѣлался настолько сильнымъ, что уже почти нельзя было разслышать словъ.

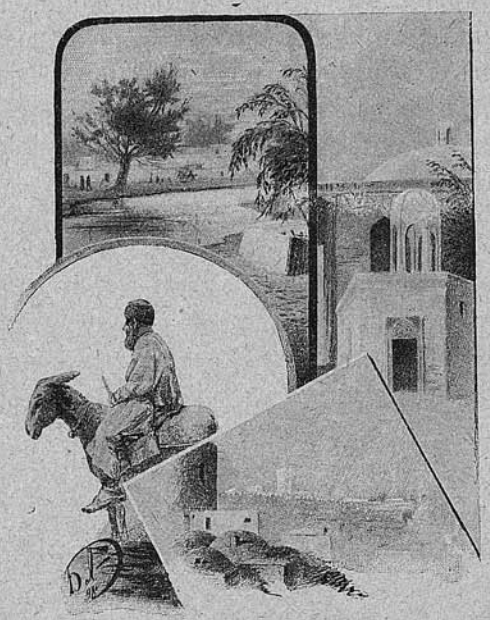
— Держись, тюра, самое нехорошее мѣсто сейчасъ!

И несмотря на это предупрежденіе, я въ слѣдующій моментъ, наѣхавъ почти на передового киргиза, тотчасъ же окунулся весь съ лошадью, попавшей на глубокое мѣсто и, нервно храпя, поплывшей наискось по теченію. Намокнувъ съ головы до ногъ и занятый мыслью скорѣе выбраться на мелководье, я уже не видѣлъ никого изъ переправляющихся.

Рѣзкій, за душу хватающій крикъ заставилъ меня оглянуться, и лишь одно мгновеніе на водной поверхности, въ десяткѣ саженей ниже, мелькнула какъ будто голова лошади и рука всадника. Теченіе немилосердно тянуло въ сторону, и я уже не ѣхалъ, а плылъ рядомъ съ лошадью, уцѣпившись рукою за сѣдло. Еще нѣсколько минутъ страшнаго напряженія, и лошадь вышла на мелководье, вся дрожа отъ волненія и усталости. Конвульсивно сжавъ рукой путлище стремени, я перевелъ духъ, чувствуя,

что меня бьетъ нервная лихорадка. Б. почти одновременно со мной выбрался и стоялъ молча, тяжело переводя дыханіе. Невдалекѣ отъ насъ, на отмели, виднѣлась колѣнопреклоненная фигура Иль-беги, читавшаго молитву за упокой души погибшаго родственника. Около начала прибрежнаго тугая стояла лошадь покойнаго, со сбившимся на бокъ сѣдломъ.

Подавленные происшествіемъ, мы молча проѣхали весь мелководный плесъ и, выѣхавъ на берегъ, долго ѣхали, какъ-то боязливо оглядываясь на рѣку, далеко уже, вѣроятно, унесшую свою жертву, поиски тѣла которой были совершенно безполезны.





XXII.

Курганъ-Тюбе. — Скупка хлѣба. — Развалины древняго Ляхмана. — Крѣпость Ташъ-Тепе. — Сармантай.—Святое озеро.—Гроза въ горахъ.—Древній мостъ.—Преданія таджиковъ.—Отношенія узбековъ къ таджикамъ.

Развалины крѣпости Кизилъ-Кала, очевидно, построенной для защиты переправы, остались позади. Отдохнувъ и приведя себя немного въ порядокъ въ кишлакѣ Каунъ-Тюбе, мы скоро увидѣли зелень садовъ, окружавшихъ городъ Курганъ-Тюбе, въ сторонѣ и невдалекѣ отъ котораго виднѣлись глинобитныя, полуразрушенныя стѣны старинной бухарской крѣпости, составлявшей когда-то пограничное укрѣпленіе для защиты владѣній Каратегинскаго

независимаго отъ Бухары мира. Господствуя надъ плодородной долиной рѣки Вахша, крѣпость эта стояла на стражѣ Вахшинской переправы. Закрывая входъ въ плодородную долину, заброшенная среди тугаевъ, она давно служила мѣстомъ для ссылки провинившихся чиновныхъ людей, назначавшихся ея комендантами.

Широкая равнина, ограниченная съ запада Вахшемъ, а съ сѣверо-востока горными цѣпями, въ южной сторонѣ сливалась съ горизонтомъ, поражая глазъ своею безконечностью. Групы кишлаковъ виднѣлись на далекомъ пространствѣ, образуя куртины густой растительности, среди которой широкимъ пятномъ выдѣлялся городъ Курганъ-Тюбе, похожій также больше на средней величины кишлакъ, а не торговый пунктъ. Небольшой базаръ съ двумя-тремя десятками лавокъ наглядно указывалъ на сравнительно небольшую торговлю лишь для мѣстнаго употребленія. Ряды бѣлыхъ тополей и развѣсистыхъ тутовъ придавали красивый видъ всему городку. Нѣсколько сонныхъ фигуръ торговцевъ сидѣли около лавокъ, въ которыя покупатели, видимо, заглядывали рѣдко.

— Здѣсь хлѣбъ пріѣзжаютъ покупать подрядчики изъ Термеза, да рогатый скотъ,—поспѣшилъ разъяснить наше недоумѣніе одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ.

Городъ нашъ совсѣмъ небольшой. Только потому и называется городъ, что бекъ здѣсь живетъ; на самомъ дѣлѣ кишлакъ Сарай этого же бекства куда больше. Бекъ не разъ просилъ разрѣшить ему пе-

рѣхать въ Сарай, но только эмиръ не позволяетъ. Бѣдное бекство и бекъ здѣсь въ малыхъ чинахъ, всего ага-ишикъ-баши (полковникъ).

— Базаръ два раза въ недѣлю бываетъ; весной пріѣзжаютъ купцы изъ Бухары, покупаютъ каракулевыя шкурки и мерлушку. Здѣсь, въ кишлакѣ Джеликулѣ и около Курганъ-Тюбе много каракулевыхъ барановъ разводятъ.

— Ничего въ Курганъ-Тюбе интереснаго нѣтъ для вашимъ здоровьямъ, — вмѣшался въ разговоръ какой-то огромный носъ, очевидно, кавказскаго происхожденія.

Городъ только одно названіе; люди говорятъ, что меньше чѣмъ сто лѣтъ здѣсь селиться стали. Раньше жили ближе къ Ляхману.

— Пожалуй, онъ правъ, и намъ лучше, не задерживаясь здѣсь, посмотрѣть этотъ знаменитый Ляхманъ, о которомъ я уже много слышалъ...

Сдѣлавъ небольшой привалъ, мы снова оставили Курганъ-Тюбе далеко за собою и, остановившись на ночлегъ около полуразрушеннаго мазара, рано утромъ уже подъѣзжали къ огромному городищу.

Городъ Ляхманъ, Лакманъ, Логманъ принадлежалъ къ числу городовъ до христіанской эры, являясь главнымъ городомъ страны Хотель, расположенной по рѣкѣ Вакшу. Почти одновременно съ Зароастромъ, появился на Оксѣ уроженецъ далекой Индіи Ляхманъ, быстро пріобрѣвшій значительное число послѣдователей и основавшій городъ въ низовьяхъ рѣки Вахша. Изъ самыхъ отрывочныхъ свѣдѣній, сохранившихся въ нѣкоторыхъ преда-

ніяхъ, можно предполагать, что въ основаніи его вѣроученія была положена идея перевоплощенія и вѣчное существованіе души въ цѣломъ рядѣ жизней на различныхъ планетахъ. Оставивъ по себѣ тусклый слѣдъ, пророкъ Ляхманъ все же, въ свое время, являлся крупною величиною, память о которомъ сохранена Магометомъ въ Коранѣ, гдѣ онъ (въ главѣ 31, стихъ 11—12) вспоминаетъ имя этого замѣчательнаго человѣка. Въ Авганистанѣ около Кобула сохранилось также это имя, коимъ названа небольшая провинція. Выбравъ богатую долину рѣки Вахша, пророкъ со своими послѣдователями образовали сильное государство, въ свое время игравшее значительную роль въ жизни Тросаксаніи и ведшее сношеніе съ далекимъ Китаемъ и Тибетомъ. Остатки огромныхъ арыковъ и акведуковъ указываютъ на многочисленность населенія этой страны, превращенной безпощаднымъ временемъ въ развалины. Занимая мѣстность между рѣками Вахшемъ, Пянджемъ и Кизиль-Су и защищенныя со всѣхъ сторонъ рядами крѣпостей, мѣста эти были заселены во время Индоскифскаго государства рушанами, сакками и сарматами. Развалины крѣпости Сарматай, лежащія недалеко отъ Ляхмана, особенно интересны въ археологическомъ отношеніи.

Миновавъ заросли, окружающія берега озера Джалты-Куль, передъ нами открылись осыпавшіеся стѣны какого-то большого форта, стоявшаго на возвышеніи почти на берегу Вахша.

— Это крѣпость Ташъ-Тепе,—указалъ рукой намъ проводникъ,—люди говорятъ, что когда еще

даже Бухары не было, здѣсь жилъ народъ, который и построилъ ее. Калу эту также называютъ и Кефиръ-кала, потому что народъ этотъ былъ кефиры—невѣрные.

Мы сошли съ лошадей, съ трудомъ цѣпляясь за камни, спустились въ густо заросшій глубокій ровъ, откуда съ большимъ трудомъ, сквозь осыпавшуюся брешь, поднялись внутрь крѣпости имѣвшей видъ прямоугольника. Мѣстами сквозь груды земли виднѣлась каменная кладка стѣнъ, сложенныхъ изъ крупныхъ камней известняка на известковомъ растворѣ. Слѣды фундаментовъ въ серединѣ давали возможность предполагать, что въ ней помѣщалось много строеній, обрушившихся и заваленныхъ толстымъ слоемъ земли. Повидимому, крѣпостныя стѣны впослѣдствіи были возобновляемы, на что указывала мѣстами сложенная сверху и сохранившаяся дувальная кладка. Сѣдою стариною вѣяло отъ всего городища, лежавшаго давно въ запустѣніи. Куски камня, кирпича и щебня покрывали всю поверхность. Нѣсколько разбитыхъ, массивныхъ, четырехъ-угольныхъ колонъ валялось въ различныхъ мѣстахъ, полузасыпанныхъ землею. Широкая, гладкая плита съ какою-то надписью на арабскомъ языкѣ, подтверждала, что слѣдомъ за народностью, жившею здѣсь, здѣсь же продолжалась жизнь людей, исповѣдывавшихъ магометанство.

— Почему же называется эта кала Сарматай?

— Народъ такой былъ, сарматъ назывался; должно быть нехорошій народъ, если Аллахъ поразилъ его своимъ гнѣвомъ, не оставилъ отъ него

никакихъ потомковъ на землѣ,—словоохотливо началъ философствовать узбекъ.

— Дальше, вонъ, и Ляхманъ видно,—указалъ онъ рукою вдаль, гдѣ за озеромъ вырисовывалась куртина зелени. Это кишлакъ, а за нимъ и старый городъ. Большой городъ прежде былъ. Теперь только много кирпичу отъ него осталось. Здѣшніе люди послѣ каждаго дождя ходятъ собирать, что вода изъ земли вымоетъ. Иногда деньги находятъ. Куски мѣди, желѣза; въ прошломъ году шашку нашли, очень большая была, широкая и клинокъ у ней мѣдный. Французъ пріѣзжалъ, сто тенегъ за нее далъ. А деньги, которыя находятъ, всѣ мѣдныя, за пайса у насъ ходятъ (2 коп.)

Возобновленный лѣтъ двадцать тому назадъ магистральный арыкъ приноситъ значительное количество воды изъ Вахша, орошая поля нѣсколькихъ кишлаковъ туркменъ, поселившихся около старыхъ развалинъ, вокругъ которыхъ тянулись ряды плотинъ и акведуковъ, засыпанныхъ землею.

— Недавно народъ здѣсь собирался снова старый арыкъ расчищать. Вотъ этотъ самый,—указалъ рукою аксакалъ.

Тогда вода пойдетъ далеко, и много кишлаковъ снова около нея будетъ. Когда стали разбрасывать землю, то подъ нею нашли кирпичные арыки, по которымъ вода прежде шла, и мостовъ каменныхъ также много. Только всѣ подъ землею засыпаны. Богатый, видно, прежде народъ жилъ. И дома были каменные. Чуть землю рыть гдѣ станешь, вездѣ стѣны кирпичныя подъ землею попадаются и колодцы тоже.

— Гдѣ же самый Ляхманъ начинается?—спросилъ я, видя все ту же картину засыпанныхъ арыковъ и невысокихъ холмиковъ.

— Вотъ. Мы уже давно по немъ ѣдемъ. Если такой холмъ разрыть то въ немъ кирпичъ и камень. Самая же главная крѣпость около рѣки Вахша.

Мы подъѣхали ближе къ возвышенности, на которой расположена была древняя крѣпость. Высокіе валы и глубокіе рвы окружали огромное пространство. Дожди уже давно размыли всю глину, затянувшую фундаменты. Сверху земли отъ города почти ничего не было видно. Всѣ слѣды прежней культурной жизни были погребены подъ землею, ожидая археолога для изслѣдованія и раскопокъ.

— Нехорошее это мѣсто, тюра,—продолжалъ свои поясненія аксакалъ,—Ляхманъ не любитъ, чтобы тревожили его покой, а поэтому лучше не быть долго здѣсь.—Положилъ онъ заклятіе на это мѣсто, да еще на Джеликульское озеро, что виднѣется тамъ. Кто отсюда что-нибудь возьметъ или же станетъ ловить въ озерѣ рыбу, съ тѣмъ сейчасъ же несчастье случиться. Самъ ли захвораетъ, или въ хозяйствѣ какое-нибудь неблагополучіе окажется. Самъ Хазретъ Лягманъ здѣсь же похороненъ, но не хотѣлъ онъ людямъ обнаружить мѣста своего вѣчнаго упокоенія, и поэтому никто не знаетъ, гдѣ находится его могила.

Дальше Ханъ-Кала стоитъ... Утенъ-Кала... Ханъ-Тюбе и еще цѣлый рядъ старыхъ крѣпостей, до самаго впаденія Вахша въ Пянджъ, всѣ они оберегали народъ отъ враговъ, но только все разрушилось.

Какое-то особенно непріятное, жуткое чувство приходилось испытывать, глядя на эту мертвую страну, лежавшую въ развалинахъ уже много столѣтій. Нѣсколько мѣдныхъ монетъ, различныхъ индо-скифскихъ царей, пріобрѣтенныхъ нами за ничтожную сумму, пополнили именами, на нихъ написанными, скудный запасъ свѣдѣній о Ляхманѣ, который остался далеко позади.

Постепенно равнина перешла въ холмистую мѣстность, соединявшуюся съ предгорьями Вахшскаго хребта, а проѣхавъ кишлакъ Култуны, начались уже горы, по которымъ, оставивъ въ сторонѣ Курганъ-Тюбе, мы медленно подвигались впередъ, держась параллельно съ теченіемъ Вахша. Поднимаясь на вершину хребта, по узкой извилистой тропинкѣ, я въ послѣдній разъ окинулъ взглядомъ широкую долину Вахша, среди которой, какъ громадная змѣя, извивалась рѣка, выходя изъ горныхъ тѣснинъ и свободно разливаясь по низменной равнинѣ нѣсколькими рукавами. Будто осколки огромныхъ зеркалъ, въ зеленыхъ рамкахъ прибрежной растительности, виднѣлись озера.

— Сегодня я усталъ, какъ никогда, и, очевидно, только отъ этой мертвечины,—крикнулъ я Б., ѣхавшему впереди.

Тропинка крупными зигзагами поднималась кверху и на поворотахъ можно было переговариваться. Привычныя къ горамъ лошади шли равномѣрно—осторожнымъ шагомъ, поднимаясь все выше и выше.

— Теперь мы такъ все горами до самаго почти Бальджуана пойдемъ весь переходъ въ 80 верстъ.

Но дальше будетъ еще хуже. Если теперь у васъ усталость душевная, то дальше уже будетъ физическая. Да и погода, кажется, измѣнится. Здѣсь въ горахъ часто дожди бываютъ. Вонъ, посмотрите-ка, что собирается.

Темная туча, будто выползая изъ-за горы, покрыла собою все небо, низко нависнувъ надъ горными хребтами. Яркій зигзагъ молніи, прорѣзавъ ее ослѣпительнымъ блескомъ свѣтовою вспышкой, освѣтилъ вершины горъ. Съ начала съ глухимъ гуломъ, а затѣмъ страшными послѣдовательными ударами загрохоталъ громъ будя проснувшееся эхо. Будто пушечная канонада отозвался грохотъ въ ущельяхъ. Еще сильнѣе ударъ, оглушившій насъ совершенно. Крупныя капли дождя забарабанили по глинистой почвѣ. Страшный вѣтеръ, сорвавшійся откуда-то, закрутилъ безпорядочными порывами, поднимая тучи песку. Зигзаги молній прорѣзывали огромными искрами все небо, падая не землю, гдѣ-то такъ близко, что испуганныя, ослѣпленныя лошади разомъ садились на заднія ноги.

— Однако, кажется, надо остановиться и переждать,—крикнулъ я, увидя, что лошадь, скользя по мокрой тропинкѣ и на каждомъ шагу спотыкаясь, готова свалиться вмѣстѣ со мною при первомъ неосторожномъ шагѣ.

— Совершенно невозможно ѣхать,—подтверждалъ одинъ изъ уральцевъ, ѣхавшій за мной слѣдомъ.

Коли конь свалится, костей не соберешь по этимъ кручамъ. Лучше извольте слѣзть, да въ поводу доведемъ вонъ до той площадки.

Съ большими усиліями скользя и падая, поднялись мы сотню шаговъ и стали подъ нависшей скалой, на небольшой площадкѣ, гдѣ, закрывшись бурками и держа лошадей въ поводу, сидѣли, молча наблюдая рѣдкую по красотѣ картину горной грозы. Цѣлыми массами, неся съ собою груды камней, падали съ высоты потоки мутной воды, образуя водопады и смывая все на своемъ пути, гдѣ-то далеко, внизу, сливались въ большую рѣку, бѣшено мчавшуюся по дну ущелья. Крупный дождь лилъ, какъ изъ ведра.

— Теперь бѣда, если кого вода въ ущельи захватитъ. Пропалъ человѣкъ, потому разомъ смоетъ, сила больно большая у этой дождевой, значитъ, воды. Хорошо, что мы выбраться успѣли,—съ тревогой въ голосѣ сказалъ урядникъ.

Года два тому назадъ, около Гарма, насъ въ ущельи захватилъ силь [1]), насилу спаслись сами, а лошади перетонули. Потомъ мы нашли на долинѣ одну лошадь, вся избита, ровно мѣшокъ съ костями.

— Шайтанъ на людей сердится — оттого такая погода, обернулся одинъ изъ туземцевъ, присѣвшихъ не вдалекѣ подъ скалою.

Надо было когда выѣзжали въ горы жертву ему принести-чурекъ положить на высокомъ мѣстѣ. Наши всегда это дѣлаютъ когда приходится по горамъ ѣздить.

Гроза между тѣмъ гремѣла съ страшною силою мѣшая слышать разговоръ. Удары молніи сыпались одинъ за другимъ безъ промежутковъ. Закрывшись

[1]) Силь—горные потоки.

бурками, мы терпѣливо въ теченіи почти двухъ часовъ ожидали конца, когда постепенно небо стало проясняться, и грозовыя тучи, уйдя за горы, открыли вновь солнце свѣтившее какъ то особенно ярко.

Осклизлая почва представляла большое затрудненіе для движенія, и волей неволей пришлось, выбравъ небольшую ровную возвышенность, устраиваться на ночлегъ, такъ какъ лошади скользили и ежеминутно падали на подъемахъ. Покрытыя зарослями фисташки, горы были красивы, освѣщенныя пурпуровыми лучами заходящаго солнца. Яркая изумрудно-зеленая листва фисташекъ блестѣла на солнцѣ. Огромная многоцвѣтная радуга поднималась изъ за горъ, придавая всему голубовато-красный оттѣнокъ, переходившій уже на горизонтѣ въ сѣрые тоны приближающейся ночи. Полная тишина царствовала въ горахъ, и лишь гдѣ то съ низу въ ущельи шумѣлъ горный потокъ, унося массы воды на равнину по направленію къ Вахшу.

Извиваясь среди глубокихъ отвѣсныхъ скалистыхъ береговъ, влѣво отъ насъ протекалъ Вахшъ, далеко гдѣ то внизу подъ горами. Мы то поднимались на перевалъ, то спускались внизъ, проѣзжая мимо покрытыхъ посѣвами склоновъ горъ.

— Скоро выйдемъ на широкую дорогу, тюра... Теперь мы ее оставили въ сторонѣ, а потомъ по ней поѣдемъ. Вонъ тамъ на другой сторонѣ. Выше также дорога есть, ее хорошо видно идетъ она отъ Гиссара. За тѣмъ она черезъ мостъ проходитъ на нашу сторону. Мостъ же этотъ очень

старинный, никто даже не знаетъ кто его строилъ. Говорятъ, что было ханство Вашгирдъ, и ханъ его приказалъ построить этотъ мостъ изъ огромныхъ камней. Но намъ черезъ него проѣзжать не придется, такъ какъ городъ Бальджуанъ лежалъ хотя и не на нашей сторонѣ, но есть другой въ Сары-Пулѣ. Этотъ называется мостъ Пулселенги и доходъ съ него за проѣздъ собирается въ пользу Каратегинскаго бека.

— Почему же Каратегинскаго, вѣдь здѣсь уже Бальджуанское бекство?

— А это тюра, оттого, что когда былъ послѣдній миръ Каратегинскій и его земли эмиръ присоединилъ къ Бухарѣ, то онъ себѣ выговорилъ самый высокій чинъ, доходъ съ моста, а также весь зякетъ со скота, находящагося въ Курганъ-Тюбинскомъ бекствѣ. Съ тѣхъ поръ это и оставлено для Каратегинскихъ бековъ, которые собираютъ деньги на свой столъ...

Небольшіе кишлаки среди горъ стали встрѣчаться на нашей дорогѣ. Нѣсколько глинобитныхъ сакель, самой примитивной постройки, сиротливо лѣпились около края ущелій.

— Все таджики живутъ,—указалъ Б., народности иранскаго племени. Очевидно, это старинные завоеватели страны, впослѣдствіи завоеванные монголами. Говорятъ на древне-персидскомъ языкѣ. По своему характеру имѣютъ много несимпатичныхъ сторонъ, появившихся у нихъ вслѣдствіе долголѣтняго гнета и приниженнаго положенія.

— Отчего таджики такой не хорошій народъ

что имъ никогда вѣрить нельзя? Ты навѣрное знаешь Имамъ-Назаръ? обратился онъ къ бородатому старику нукеру, сопровождавшему насъ отъ Курганъ-Тюбе.

— Имамъ-Назара я вамъ рекомендую, это мой старый пріятель, сколько разъ со мной ѣздилъ. Родомъ таджикъ и своихъ хорошо знаетъ.

Имамъ-Назаръ задумался и, бросивъ хитрый взглядъ на насъ, нѣсколько времени молчалъ.

— Если, тюра, хочетъ знать, что испортило моихъ соплеменниковъ, то я по этому поводу могу разсказать одну старинную исторію:

— Давно, давно въ этихъ горахъ поселились мои родичи, завладѣвъ землями тѣхъ людей, которые владѣли ими раньше. Сильны, храбры и трудолюбивы были прадѣды. Не было вершка земли, который бы остался ими не воздѣланъ. Крѣпкія крѣпости и города построили они въ недоступныхъ высяхъ, и думали они, что жизнь ихъ въ слѣдующихъ поколѣніяхъ будетъ течь также безмятежно, въ полномъ довольствѣ. Заботливо оттачивали они ежегодно свои лемехи и какъ будто за красивыми женщинами ухаживали за своими плугами. А мечи ихъ безъ войны висѣли спокойно на стѣнахъ ихъ жилищъ и покрывались пылью и ржавчиной, разъѣдавшей дорогіе клинки и обращавшей ихъ въ прахъ. Много лѣтъ протекло, и рѣдко кто могъ вынуть мечъ изъ ноженъ, такъ крѣпко заржавѣли ихъ клинки. Сладкозвучные саазъ и домра услаждали слухъ таджиковъ, отвыкшихъ совершенно отъ звона мечей и грома войны. Боевые быстроногіе

кони перевелись и уступили въ конюшняхъ свое мѣсто трудолюбивымъ воламъ, возившимъ плугъ, когда Аллахъ послалъ имъ свое испытаніе. Какъ будто съ неба свалились полчища дикихъ наѣзниковъ, вышедшихъ изъ Хитаи и наводнившихъ страну, сжигая нивы, разоряя города и отбирая женъ и дѣвушекъ. Зарево пожаровъ освѣтило всю нашу страну. Не умѣя вынуть мечь изъ ноженъ, покорно склонили свои головы таджики передъ побѣдителями и, получивъ право жить, ушли въ недоступныя горы, гдѣ въ ущельяхъ далеко отъ городовъ построили свои селенія, платя большую дань. Трудное настало время. Нигдѣ нельзя было найти правды бѣднымъ таджикамъ. Страшно обижали ихъ хакимы, поставленные завоевателями. Еще больше стали трудиться мои родичи, но все, что они зарабатывали, уходило въ кладовыя хакимовъ (начальниковъ).

Кровожадный и корыстолюбивый былъ хакимъ[1]) здѣшнихъ мѣстъ. Много сбиралъ онъ податей съ таджиковъ, замучивая ихъ до смерти на работахъ, и обѣднѣлъ народъ. Но все казалось ему мало; именемъ самаго халифа Омара, послѣдняго и великаго изъ слугъ Аллаха, приказалъ онъ вносить новую подать положенную самимъ халифомъ въ свою пользу. Все сталъ отбирать жадный хакимъ для халифа. Хлѣбъ, красивыхъ дѣвушекъ, дѣтей. И постепенно ничего не осталось у таджиковъ. Впали они въ нищету, превратились въ нищихъ байгушей. Но и тутъ продавалъ ихъ хакимъ въ

[1]) Хакимъ—начальникъ области.

рабство за цѣну золота, для отсылки его халифу. Тяжелые годы пережилъ народъ, и сталъ онъ недовѣрчивъ, золъ и хитеръ. Погибли бы всѣ люди совершенно, если бы не просвѣтилъ Аллахъ разумъ одного изъ нашихъ предковъ по имени Фараза. Не вѣрилъ онъ, чтобы халифъ, намѣстникъ самого пророка, былъ такъ корыстолюбивъ. Рѣшилъ онъ просить его самого сжалиться надъ народомъ и отмѣнить тяжелыя подати. Ничего никому не говоря, ушелъ онъ изъ своего селенія, направляя свои стопы въ Медину, гдѣ жилъ повелитель правовѣрныхъ халифъ Омаръ сынъ Аль-Хаттаба.

Тяжелый путь пришлось совершить ему ища справедливости. Знойное солнце жгло его тѣло, а горячіе пески пустынь, по которымъ онъ проходилъ, немилосердно поражали его глаза, такъ что онъ почти ослѣпъ, когда послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пути наконецъ увидѣлъ городъ Медину, гордость правовѣрныхъ. Но не зналъ онъ гдѣ живетъ халифъ и, утомившись въ тщетныхъ поискахъ, наконецъ увидѣлъ почтеннаго старца, мѣсившаго глину около своей бѣдной сакли и выдѣлывавшаго сырцовый кирпичъ.

— Миръ тебѣ, отецъ,—сказалъ Фаразъ, останавливаясь передъ старикомъ.

— Пусть и надъ тобой будетъ миръ вмѣстѣ съ благословеніемъ Аллаха, чужестранецъ,—отвѣтилъ старикъ, пристально всматривалсь въ путника.

— Не скажешь ли мнѣ, отецъ, гдѣ я найду жилище халифа Омара, да живетъ онъ во вѣки?

— Но для чего тебѣ нуженъ самъ намѣстникъ

Пророка? Какое важное дѣло привело тебя изъ далекой страны въ Мединy и заставило бросить семейство, отвѣтилъ старикъ, продолжая свою работу.

И вспомнилъ Фаразъ всѣ обиды и притѣсненія хакима и упалъ лицомъ въ придорожную пыль и рыдая разсказалъ про тяжелую жизнь своихъ сородичей, впавшихъ въ нищету благодаря корыстолюбію халифа, собирающаго съ народа непомѣрную подать, чтобы пополнить расходы своей роскошной жизни.

— О, отецъ. Коротки года моей жизни передъ твоими, но посмотри, мнѣ всего 30 лѣтъ, а я по виду гораздо старше тебя, такимъ не только меня, но и всѣхъ моихъ сородичей сдѣлалъ тяжелый трудъ и безжалостность халифа.

— Умоляю тебя именемъ Пророка научи меня, гдѣ могу увидѣть я его намѣстника, передъ которымъ, лежа во прахѣ, я буду просить за весь народъ нашъ, умирающій отъ работъ и голода.

— И я вѣрю, что халифъ справедливъ; онъ, узнавъ нашу жизнь и горе, на время сниметъ тяготу съ нашихъ плечъ.

Съ грустью во взорѣ внималъ старикъ рѣчамъ Фараза, но гнѣвно заблистали его глаза, когда онъ услышалъ, что дѣлается именемъ халифа и какъ страдаетъ народъ.

— Сынъ далекихъ горъ—сказалъ онъ, нарушивъ молчаніе, я тотъ, кого ты ищешъ—самъ халифъ Омаръ сынъ Аль-хатаба, и здѣсь мое жилище, которое я поправляю руками своими, и эта старая одежда, которая на мнѣ надѣта, у меня одна и

служитъ мнѣ много лѣтъ. И нѣтъ у меня ни золота, ни драгоцѣнностей. Ни денегъ, ни хлѣба, ни ковровъ не собираю я.

— Дошелъ до моего сердца вопль твоего народа, обиженнаго и притѣсняемаго именемъ моимъ. Но, да возсіяетъ справедливость и да свершится возмездіе. Со спокойной душою вернешься ты въ страну свою.

И тутъ же, схвативъ кусокъ глины, бросилъ его въ форму, а затѣмъ разровнявъ приказалъ Фаразу нагнуть спину и вытряхнулъ ему мокрый кирпичъ, на которомъ пальцемъ написалъ нѣсколько словъ и приложилъ свою именную печать.

— Иди съ веселымъ сердцемъ, сынъ мой, и когда придешь въ свои горы покажи этотъ кирпичъ хакиму, намѣстнику моему.

Быстро, словно у него выросли на ногахъ крылья, пошелъ Фаразъ изъ Медины, встрѣчаемый вездѣ съ почетомъ, какъ посланецъ халифа.

Съ ужасомъ прочелъ хакимъ надпись на кирпичѣ и едва собралъ силы, чтобы поцѣловать печать халифа. Не было больше податей съ бѣдныхъ таджиковъ—снова вздохнули они, прославляя мудраго, справедливаго намѣстника пророка великаго халифа Омара сына Аль-Хатаба, послѣдняго изъ слугъ Аллаха, которому не нуженъ былъ чужой трудъ и деньги.

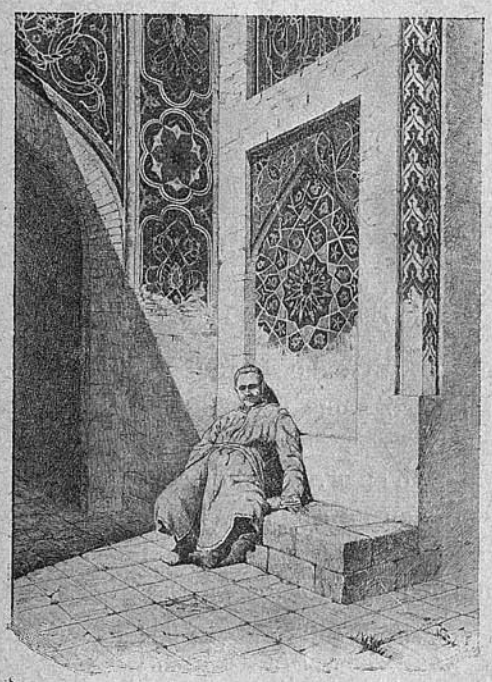
Но тюра халифъ Омаръ сынъ Аль-Хатаба, да будетъ надъ нимъ во вѣки благословеніе Аллаха, былъ одинъ, потомъ были халифы и эмиры, которые сами своихъ жилищъ не чинили, и имъ всегда

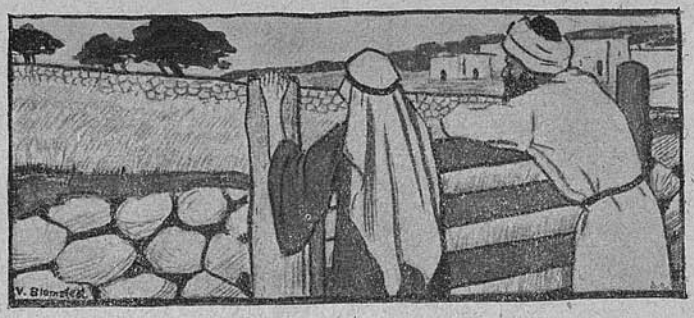
нужно было много денегъ, зерна и рабовъ. И снова застонали мои сородичи, изнывая отъ непосильнаго бремени работъ и податей.

— Отъ этого испортился мой народъ, переставъ вѣрить въ справедливость людскую и боясь людей больше, чѣмъ дикихъ звѣрей.

Исключительныя условія, въ которыхъ долгое время находились таджики, выработали въ этомъ народѣ нѣкоторыя несимпатичныя черты характера: фальшивость, недовѣрчивость, скупость и льстивость. Совершенно невольно таджикъ на каждаго чужого смотритъ подозрительно. Поселившись въ теперешней восточной Бухарѣ, таджики съ теченіемъ времени были оттѣснены въ горы, занявъ недоступныя выси и хребты горъ своими кишлаками и полями. Окруженные воинственными племенами пришельцевъ и не имѣя выходовъ на равнины они тѣсно сгруппировались на сравнительно небольшой площади, ставъ въ особыя отношенія къ своимъ завоевателямъ, благодаря принятію ими мусульманства въ началѣ по шіитскому толку, а затѣмъ присоединенію къ мусульманской сектѣ измаилитовъ. Послѣдователи сунны, враждебно относившіеся ко всѣмъ сектамъ, особенно были нетерпимы къ почитателямъ Али, внесшимъ расколъ въ мусульманство. Суровость природы, огромныя подати и совершенно безправное положеніе скоро привели къ тому, что даровитое, энергичное предпріимчивое племя въ короткое время потеряло часть своихъ индивидуальныхъ качествъ и было совершенно обезличено, превратившись въ покорныхъ забитыхъ рабовъ, надъ

которыми властвовали завоеватели, не допуская никакого проявленія самостоятельности и почина въ ихъ жизни, въ силу чего народъ способный на созданіе сложныхъ формъ общежитія до сихъ поръ остался съ самыми примитивными формами его.





XXIII.

Бальджуанъ.—Узбеки и ихъ отношенія къ мусульманской религіи.—Бекская крѣпость.

— Интересный человѣкъ этотъ Имамъ—Назаръ, обратите на него ваше особенное вниманіе, посовѣтовалъ мнѣ Б.

— Онъ много видѣлъ и многое можетъ разсказать...

Я повернулся на сѣдлѣ и внимательно сталъ разсматривать красивое и выразительное лицо таджика, произведшаго на меня особенное впечатлѣніе своимъ умѣлымъ и интереснымъ разсказомъ,

— Изъ какихъ мѣста Имамъ-Назаръ, спросилъ я его, чтобы завязать разговоръ.

— Я, тюря, изъ Рушана, но уже давно живу около Бальджуана въ кишлакѣ Пушіонѣ, черезъ который мы будемъ проѣзжать. Старый бекъ Маго-

метъ-Дахта мальчикомъ взялъ къ себѣ, и я выросши остался на службѣ при новомъ бекѣ, который меня очень любитъ. Хотя я живу въ кишлакѣ только во время сбора податей, а потомъ ухожу въ горные аулы къ Гарму...

— Большой кишлакъ Пушіонъ?

— Очень большой, тюря, много народа живетъ; много ячменя, скота. Вотъ смотри, тюря, всѣ горы покрыты пашнями, таджики работаютъ...

— Это зыгаръ, указалъ онъ рукою на огромныя поля льна, красиво синѣвшія своими блѣдно голубыми цвѣтами.

— Значитъ и полотно здѣсь дѣлаютъ, заинтересовался я.

— Нѣтъ тюря изъ зыгара масло толкутъ для полау, а полотна дѣлать изъ него никто не умѣетъ. Солому отъ зыгара выбрасываютъ, такъ какъ скотъ ее не ѣсть...

Вдали показалась снова рѣка, около которой съ обѣихъ сторонъ виднѣлась узкая долина, а въ серединѣ группа зелени окружала рядъ построекъ—это Бальджуанъ, одинъ изъ значительныхъ городовъ восточной Бухары. Мы находились отъ него въ разстояніи 10—12 верстъ и съ высоты горъ какъ на ладони видѣли всѣ окрестности, имѣвшія видъ огромной топографической карты. Извиваясь змѣей, изъ горъ выходилъ узкой лентой Вахшъ, а съ другой стороны на широкой равнинѣ сверкалъ Кизилъ-Су, въ которую впадали Яхъ-Су, Бальджуанъ-Дарья и Кулябъ-Дарья.—Камышевыя заросли покрывали всю равнину между двухъ горныхъ хребтовъ, окружая

сплошной стѣной рядъ мелкихъ озеръ, образовавшихся вслѣдствіе скопленія воды въ низинахъ.

— Бальджуанъ лежитъ на рѣкѣ Кизилъ-Су, а отъ Вахша онъ отдѣляется переваломъ, служащимъ водораздѣломъ рѣкъ Вахша и Кизиль-Су.

— Вонъ тотъ кишлакъ у Вахша-Шуръ-Гузаръ. Не правда-ли красивая картина,—заговорилъ долго мечтавшій Б.

— Мы въ Шуръ-Гузаръ проѣдемъ изъ Бальджуана, который осмотримъ подробно, кстати сегодня день базарный...

Гор. Бальджуанъ расположенъ на правой сторонѣ рѣки Кизиль-Су при впаденіи въ нее небольшой горной рѣки Талхокъ; на высокомъ скалистомъ уступѣ, образуемомъ этими двумя рѣками, виднѣется бекская кала (крѣпость). Надъ крутымъ почти отвѣснымъ обрывомъ стоитъ крѣпостная стѣна, господствуя надъ долиной Кизиль-Су и городомъ, расположеннымъ на холмистой мѣстности у подножія крѣпости. Толстыя стѣны и башни ея, будто орлиное гнѣздо, прилѣпились къ горному склону. Массивныя крѣпостныя ворота поставлены со стороны города, широко раскинувшагося по обѣимъ сторонамъ рѣки.

Нѣсколько бухарскихъ солдатъ въ оборванныхъ, грязныхъ мундирахъ, попалось намъ на встрѣчу, когда мы въѣхали въ лабиринтъ узкихъ городскихъ улицъ.

То и дѣло намъ попадались мечети, новѣйшей глинобитной постройки, въ которыхъ, несмотря на часъ намаза, молящихся не было.

— Какъ это странно, судя по обилію мечетей,

можно предположить, что населеніе религіозно, въ дѣйствительности этого нѣтъ...

— Вы правы, узбеки въ дѣлахъ религіозныхъ большіе индеферентисты, и недаромъ про нихъ есть такой разсказъ:

— Одинъ изъ эмировъ, замѣтивъ, что большинство узбековъ въ Бухарѣ не ходитъ въ мечети для совершенія намаза, сдѣлалъ объявленіе, что каждый пришедшій въ мечеть и совершившій намазъ получаетъ одну теньгу. Теньга серебряная красива, и получить теньгу дѣло пріятное—всѣ мечети оказались ежедневно биткомъ набитыми молящимися узбеками, а ханская казна стала пустѣть благодаря обильнымъ ежедневнымъ выдачамъ теньги. Но все же эмиръ, какъ хорошій мусульманинъ, всѣмъ сердцемъ радовался, что узбеки наконецъ сдѣлались вполнѣ правовѣрными. Главный же имамъ мечети вначалѣ былъ такъ же доволенъ, видя ежедневно полную людьми мечеть, но потомъ онъ замѣтилъ, что никто изъ молящихся не дѣлаетъ омовеній передъ намазомъ и не съ чистымъ тѣломъ становиться на молитву, какъ это указано пророкомъ. Пожаловался тогда онъ эмиру, что узбеки обманщики, получаютъ эмирскую теньгу, а не хотятъ дѣлать передъ намазомъ омовеній. Страшно разгнѣвался эмиръ и сейчасъ же приказалъ собрать всѣхъ узбековъ передъ своимъ дворцомъ. И много собралось ихъ, съ трепетомъ ожидая выхода гнѣвнаго владыки, показавшагося въ сопровожденіи всѣхъ имамовъ мечетей...

— „Обманщики вы!! Лишь грабите мою казну,

а не исполняете омовеній передъ намазомъ, получая отъ меня по одной серебряной теньгѣ каждый разъ".

Испугались вначалѣ узбеки, видя, что распалилъ Аллахъ сердце эмира гнѣвомъ и въ унынiи стояли, опустивъ глаза въ землю, думая, что эмиръ недоволенъ на нихъ за разбои и казнокрадство, но, услышавъ, что они лишь виноваты въ несовершенiи омовеній, разомъ ободрились.

„Владыка Бухары благородный, ты неправъ въ своемъ гнѣвѣ, наконецъ, выйдя впередъ отъ имени всего народа, сказалъ старый узбекскій ханъ.

Мы свято исполняемъ принятыя нами на себя обязательства. Ежедневно всѣ люди по условiю за серебряную теньгу приходятъ въ мечеть и совершаютъ намазъ, и ни одинъ изъ имамовъ не можетъ свидѣтельствовать ни противъ кого изъ насъ, чтобы кто либо пропустилъ намазъ и не пришелъ въ мечеть...

Но, Повелитель, дѣлая условiе о намазѣ и согласившись его исполнять за теньгу, никто не говорилъ намъ объ омовенiяхъ и если твоя милость будетъ добавить намъ за каждое омовенiе хоть нѣсколько пуль, то мы съ готовностью будемъ совершать столько омовеній, сколько прикажутъ имамы..."

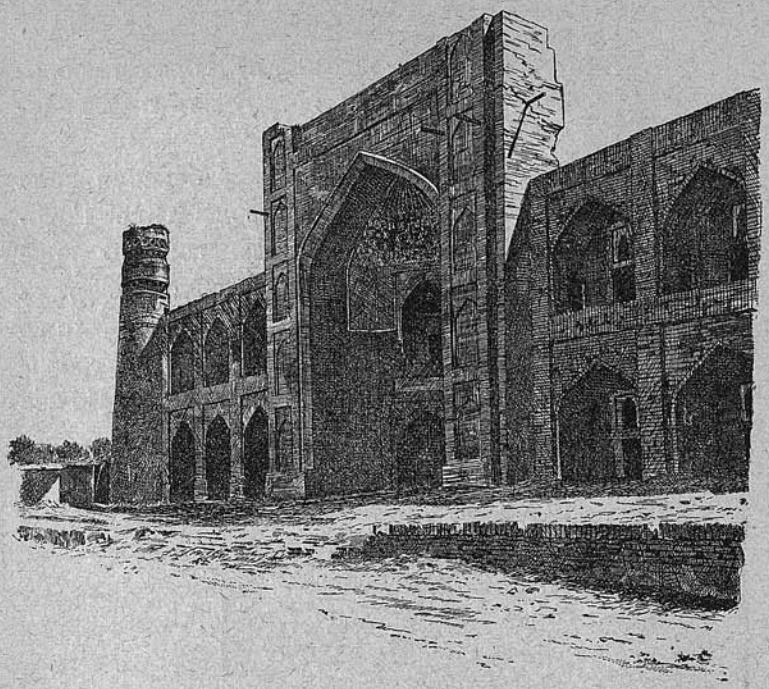
— Тутъ только увидѣлъ эмиръ, что за мусульмане были узбеки.

— Преданiе, какъ видите, крайне характерное и рисуетъ хорошо отношенiя къ дѣламъ религiи, а пустота въ мечетяхъ лишь служитъ ея подтвержденiемъ...

— Гдѣ же старинныя зданія въ городѣ? обратился онъ черезъ минуту къ одному изъ проважавшихъ.

— Старинныхъ нѣтъ, тюря. Вотъ бекская кала старинная, а больше ничего въ городѣ нѣтъ. Говорятъ, что очень давно городъ былъ гораздо ниже по Кизилъ-Су, почти, гдѣ въ нее впадаетъ рѣка Таиръ-Су, но теперь тамъ только много развалинъ прежней крѣпости и древнихъ мечетей, построенныхъ видно изъ жженаго кирпича и камня. Но все теперь тамъ лежитъ, превращаясь въ прахъ.





XIV.

Бальджуанскій базаръ.—Древнія монеты.—Русскій среди бухарцевъ.—Бульджуанскій бекъ.—Бухарское войско.—Богатства края. Земледѣліе и преданіе объ Адамѣ.—Ночлегъ въ мечети.—Секта измаилитовъ.—Старецъ горы.—Глава секты Ага-Ханъ.

Изъ-подъ тѣнистаго навѣса караванъ-сарая виднѣлся рядъ лавокъ, передъ которыми сновали по улицамъ толпы народа, пріѣхавшаго изъ далека. Наторговавшись всласть и одновременно съ тѣмъ выпивъ въ лавкѣ нѣсколько чашекъ чая, ѣдутъ

узбеки, пріобрѣтя что либо изъ предметовъ необходимости. Таджики проходятъ групами и сравнительно покупаютъ рѣдко, не встрѣчая надобности и обходясь въ своей жизни продуктами своего производства. Тутъ же толкаются безъ всякаго дѣла солдаты бухарскаго баталіона, въ грязныхъ, донельзя, оборванныхъ мундирахъ, а нѣкоторые въ халатахъ, надѣтыхъ сверхъ ихъ.

Груды урюка, гранатъ, персиковъ, дынь и арбузовъ, пригрѣтыхъ солнечными лучами, распространяютъ тяжелый, одуряющій араматъ.

Цѣлый рядъ мѣнялъ расположился прямо на землѣ, разостлавъ кошмы и сложивъ на нихъ кучки мелкой мѣдной монеты, среди которой виднѣется размѣнное серебро—теньга. Масса какой-то, крупнаго размѣра, монеты обратила на себя мое вниманіе.

— Что это за деньги?—спросилъ я какого-то бухарца, присѣвшаго невдалекѣ отъ насъ и уже нѣсколько разъ обращавшагося къ нашему переводчику съ вопросами на чистомъ русскомъ языкѣ.

— Это, изволите видѣть, называется по здѣшнему пайса—двѣ копѣйки, иначе сказать. Любопытныя деньги!!

— Чѣмъ же именно?

— А вотъ, не угодно ли посмотрѣть, — протянулъ бухарецъ на ладони горсть мѣдныхъ монетъ. Все съ нашимъ русскимъ двухглавымъ орломъ, и вензель императорскій есть Александра I и перваго еще Николая.

Мы стали разсматривать мѣдныя, почернѣвшія

отъ времени деньги. Все это были старинныя копѣйки и двухкопѣечники, имѣвшія даты, начиная съ 1818 и по 1830 годъ.

— Вотъ извольте подумать, если взять по одному Бальджуанскому базару ихъ сейчасъ на нѣсколько сотъ рублей можно набрать, а по всему бекству до пропасти; то же попадается ихъ много въ Гармѣ и въ Кулябѣ, и даже въ Сараѣ. А дальше эти деньги не ходятъ.

— Откуда же взялась эта монета?

— Разно говорятъ; одинъ старичекъ мнѣ сказывалъ, что какъ на старообрядцевъ въ Россіи большія притѣсненія были, такъ они въ эти мѣста съ Урала подались и около Бальджуана жили лѣтъ сто тому назадъ. Они же и деньги свои русскія принесли. Много ихъ, сказываютъ, здѣсь жило прежде, и никто ихъ не утѣснялъ, пока не стали бухарцы съ русскими воевать. Ну, а тогда привольное житье покончилось. Былъ такой эмиръ, Насрулла прозывался, онъ ихъ и приказалъ порѣшить. Потомъ кто ушелъ, а кто и жизнь положилъ. Много же изъ ихняго старовѣрческаго званія помусульманились.

— Другой разъ пришлось слышать, что будто бекъ здѣсь былъ прежде изъ бѣглыхъ русскихъ солдатъ, такъ какъ онъ съ собой машинку привезъ и здѣсь эти деньги дѣлалъ. Только я полагаю, что это пустая болтовня.

— А вы сами-то изъ какихъ будете?

— Мы прежде русскіе были, ну, а теперь по мусульманству числимся. Столяръ я. Давно, годовъ

можетъ двадцать пріѣхалъ въ азіатчину. Въ Чарджуѣ, Бухарѣ работалъ, ну, а потомъ сюда судьба загнала. На золотыхъ розсыпяхъ былъ по Яхъ су, да такъ и остался. Работаю, хозяйство имѣю. Безъ бабы тоже, какъ жить—вотъ я и устроился по ихнему. Въ мечеть хожу. Отъ муллы уваженіе и работишка есть. За двухъ бабъ калымъ выплатилъ. Ничего, бабы одобрительныя, гладкія.

— Ну, а къ жизни здѣшней приспособились?

— Привыкъ; никого у меня нѣтъ и живу по малости; особыхъ достатковъ не добылъ, а все же ничего, имѣю кое-что въ запасѣ. Коли что потребуется—съ нашимъ удовольствіемъ, прикажите позвать Киріяка, всякій знаетъ. По русски-то я Киріяковымъ прозываюсь, ну, а здѣсь Киріякъ, да Киріякъ. Имя-то свое христіанское давно позабылъ. Должно быть Иваномъ звали.

— Всѣ мѣста вокругъ знаете?—спросилъ Б.

— Больше двадцати годовъ ногами всю здѣшнюю землю мѣряю. Какъ не знать!!

— Тогда чего же лучше, коли работы нѣтъ, на спѣхъ насъ проводите до Дарваза, что слѣдуетъ за труды получите.

Киріяковъ сразу согласился намъ сопутствовать и сейчасъ же отправился домой собираться.

Бекская кала лишь одна представляла собою остатокъ старины во всемъ городѣ, и поэтому мы направились къ ней. Рота бухарскаго войска, выстроенная развернутымъ фронтомъ съ двумя офицерами впереди, отдала намъ честь, взявъ на караулъ при входѣ въ крѣпостныя ворота. Турецкій бара-

банъ и зурна вмѣстѣ съ пищалями заиграли какое то подобіе встрѣчнаго марша. Я, какъ старшій, поздоровался.

„Здравія желаемъ, ваше высоко-ство“,—словораздѣльно, ударяя на слоги, отвѣтила рота.

— Надо ихъ поблагодарить. Все же они безпокоились насъ встрѣчать, и, повернувшись къ этой интересной своимъ полнымъ разнообразіемъ воинской части, я громко крикнулъ:

„Спасибо молодцы!!“

На что рота также прокричала: „здравія желаемъ ваше превосх-во“!

— Ну, обучены они лишь здороваться. Можно идти дальше,—рѣшилъ Б.

Ротный командиръ старикъ, съ большой сѣдой бородою, очевидно, не окончилъ весь церемоніалъ встрѣчи, и, выйдя впередъ, онъ на ломанномъ русскомъ языкѣ крикнулъ:

„На здоровье Его Императорскаго Величества. Ура! „Люди прокричали три раза ура“.

Заинтересованные этой своеобразной картиной, мы остановились.

Оглушительно гремѣла не переставая музыка. Одинъ за другимъ подъ звуки ея дѣлала рота по командѣ на русскомъ языкѣ ружейные пріемы. Не заботясь ни о правильности, ни объ однообразіи, выкрикивались ротнымъ командиромъ командныя слова, одно за другимъ добрыхъ четверть часа.

— Юзъ-баши [1]) спрашиваетъ, доволенъ ли пол-

---

[1]) Юзъ-баши—капитанъ.

ковникъ ученіемъ?—задалъ вопросъ переводчикъ, съ удовольствіемъ смотрѣвшій на представителей своего родного войска.

— Скажите, что очень хорошо и поблагодарите его,—отвѣтилъ дипломатически Б. стремясь скорѣе пройти внутрь крѣпости, гдѣ у порога воротъ молодой, въ золотомъ парчевомъ халатѣ, мѣстный бекъ встрѣтилъ насъ нѣсколькими любезными фразами.

— Дотха [1]) проситъ васъ быть какъ дома и извинить его, что онъ не можетъ предоставить вамъ большихъ удобствъ, къ которымъ вы привыкли.

— Очень ему благодаренъ за любезность. Да неужели онъ дотха (генералъ)? Этотъ молокососъ!!—возмутился Б.

— Вы вѣдь не знаете, онъ сынъ Гиссарскаго кушъ-беги—родственникъ эмира, и за службу старика эмиръ далъ ему высокій чинъ.

— Сколько же беку лѣтъ?—задалъ я вопросъ, желая завязать разговоръ.

— Всего 22!!

Вглядѣвшись въ лицо юноши, занимавшаго большой административный постъ, я пораженъ былъ выраженіемъ какой-то усталости и страшнаго пресыщенія.

— Выпиваетъ здорово, ну, и другія разныя излишества, женщины, бачи и т. п.,—шепнулъ мнѣ Б., пока мы направлялись въ приготовленную комнату, гдѣ бекъ, просидѣвъ минуты двѣ съ нами, простился извинившись, что по нездоровью насъ долженъ оставить.

*) Дотха—генералъ-маіоръ.

Мы занялись осмотромъ калы, которая была выстроена изъ глины и камня, но слѣдовъ большой старины не имѣла.

Представляя собою отдѣльное независимое государство, Бальджуанская крѣпость, какъ главная въ немъ, долгое время служила неприступной твердыней для своихъ владыкъ, воевавшихъ съ сосѣдями, а съ 1876 года присоединенная въ Бухарѣ, съ потерей самостоятельности, сдѣлалась мѣстомъ пребыванія бухарскихъ бековъ. Толстыя, глинобитныя стѣны сильно вывѣтрились и видимо лишь слегка ремонтируются. Отсутствіе воды и растительности дѣлало жизнь на этой скалѣ совершенно невозможной въ жаркую пору, когда эта масса глины и камня, накаливаясь, изображала изъ себя духовую печь.

— Есть ли кто здѣсь изъ стариковъ, отъ кого бы можно было узнать что нибудь о старинѣ?

— Нѣтъ, тюря. Здѣсь все народъ новый. Кто пришелъ изъ Когисуана, кто изъ Бухары, и такихъ людей нѣтъ, какихъ вамъ нужно.

Покинувъ мало-интересный городъ, мы выѣхали къ Шуръ-Гузару и, полюбовавшись на Вахшъ, ревѣвшій внизу подъ обрывомъ берега у нашихъ ногъ, направились по долинѣ рѣки Кизилъ-Су, по которой проходила дорога въ Каратегенъ.

Густо населенная долина открывалась передъ нами, покрытая почти непрерывными рядами кишлаковъ, окруженныхъ обработанными полями. Масса воды въ ручьяхъ и арыкахъ въ изобиліи давала

влагу, необходимую для посѣвовъ. Сырой воздухъ долины былъ прохладенъ. Огромные горы хребтовъ Петра Великаго и Хазретъ-Султана ярко блестѣли своими снѣговыми вершинами.

Дорога наша шла паралельно съ теченіемъ Вахша, отъ котораго насъ отдѣлялъ лишь высокій хребетъ Бальджуанскихъ горъ. Ѣхать по берегу Вахша не представлялось возможнымъ, такъ какъ рѣка протекала среди ущелій, по которымъ пролегали лишь пѣшеходныя тропы.

— Ну и хлѣбовъ, просто сила здѣсь,—восторгались казаки, съ восхищеніемъ глядя на поля, покрытыя золотистой пшеницей.

— Жить и помирать не надо. Кабы у насъ такъ-то,—съ завистью добавилъ одинъ изъ нихъ.

— Богатыя мѣста, что и говорить. По всей Бухарѣ, сказываютъ, богаче края нѣтъ.

— Да, это правда,—отвѣтилъ голосъ Киріякова, ѣхавшаго сзади всѣхъ.—Коли спросишь бухарцевъ, такъ они похваляются, что здѣсь даже самъ Адамъ жилъ.

— Ну, братъ, это ужъ соврали, потому Адамъ на рѣкѣ Тигръ-Ефратѣ пребываніе свое имѣлъ, какъ сказано въ писаніи,—перебилъ его спокойно приказный.

— Нѣтъ, правда. Они говорятъ дѣло такъ было. Когда Аллахъ выгналъ Адама и Еву изъ рая, плохо имъ очень было, и пошли они по бѣлу свѣту хорошаго мѣста искать. А только въ это время иблисъ или, шайтанъ по ихнему, всякую непріятность имъ дѣлалъ, чтобы они противъ Аллаха роптать начали.

Куда не глянь, вездѣ песокъ, да песокъ и безводье къ тому же. Въ отчаянность уже приходить стали первочеловѣки, какъ прошли, почитай, всю теперешнюю Персію и Афганистанъ, но Аллахъ самъ увидѣлъ, что очень тяжело первочеловѣкамъ, и только что засыпалъ иблисъ пескомъ всѣ мѣста около Аму-Дарьи, какъ Аллахъ сказалъ: „довольно“. И спрятался сейчасъ же діаволъ въ преисподнюю, а Адамъ перешелъ рѣку и остановился около теперешняго Бальджуана. Красивое мѣсто, все покрытое зеленою травою, и прохладный воздухъ показались ему раемъ послѣ пройденныхъ сожженныхъ солнцемъ, знойныхъ и песчаныхъ пустынь. Взмолился онъ Аллаху, прося уменьшить его наказаніе. И приказалъ ему Аллахъ поселиться въ Бальджуанской долинѣ. Дикіе звѣри одолѣли его, а пищи, кромѣ нѣкоторыхъ корней, которыми они питались, не было. Но видѣлъ Аллахъ чистоту сердца Адама и смилостивился, наконецъ, приказавъ Джебраилу (Архангелу Гавріилу) доставить Адаму изъ рая пару воловъ, всѣ земледѣльческія орудія и научить воздѣлывать пшеницу, сѣмена которой въ то время росли только въ раю. И было все исполнено по слову Аллаха. Жилъ здѣсь долго Адамъ съ Евой, почти одну тысячу лѣтъ, воздѣлывая поля пшеницы. Но когда прошло время испытанія, взялъ къ себѣ снова первочеловѣковъ Аллахъ...

— Оттого здѣсь въ Бальджуанѣ и родится такая хорошая пшеница, что она райская, а сѣмена ея благословенныя, потому бросались они въ землю первочеловѣками.

Миновавъ цѣлый рядъ кишлаковъ, изъ которыхъ особенно многолюдны Хорша, Дашминдъ, Хазретъ-Султанъ и Шайданъ, мы, наконецъ, добрались до подошвы перевала, за которымъ уже начиналось Каратегинское бекство. Ночлегъ въ кишлакѣ Булаканы былъ послѣднимъ передъ довольно трудной дорогой, идущей до долины рѣки Хингоу. Ночь была темная, и яркія звѣзды сіяли по всему небосклону, освѣщая своимъ мерцающимъ свѣтомъ вершины склоновъ горъ, едва виднѣвшихся невдалекѣ.

— Гдѣ же мы ночевать будемъ? Въ полѣ и холодно, и страшно сыро? задалъ первый вопросъ Б., любившій комфортъ.

— Лучше всего остановиться въ мечети,—тотчасъ же успокоилъ Киріаковъ...

— Какъ въ мечети?—изумились мы.—Вѣдь тамъ Богу только молятся.

— Нѣтъ, это въ городахъ. Здѣсь же мечети и для молитвы, и для пріѣзжающихъ. Каждый путникъ всегда можетъ найти себѣ пріютъ въ мечети отъ непогоды.

Проѣхавъ нѣсколько времени по улицамъ кишлака, мы остановились передъ сравнительно большимъ зданіемъ мѣстной мечети, окруженной густою куртиною деревьевъ.

Небольшой дворъ за стѣною представлялъ очень удобное мѣсто для остановки, и черезъ нѣсколько минутъ огонь костра, разложеннаго среди двора, уже ярко освѣтилъ все помѣщеніе. Низкія закопченныя дымомъ стѣны мечети казались будто бархатныя. Нѣсколько, сомнительной чистоты, кошемъ покрывали полъ и служили постелью для желающихъ.

Старикъ, имамъ мечети, щурясь отъ свѣта, съ любопытствомъ посматривалъ на насъ, нарушившихъ его покой. Нѣсколько фигуръ, спавшихъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ на полу, зашевелились и торопливо стали очищать намъ мѣсто.

— Да будетъ благословенъ часъ, когда путникъ нашелъ убѣжище въ домѣ, посвященномъ Аллаху,— заговорилъ имамъ.

— Отдыхайте и собирайтесь съ новыми силами для дороги!

Мы, поблагодаривъ, расположились на отдыхъ. Плотно закусивъ на сонъ грядущій и запивши чаемъ, быстро приготовленнымъ въ чугунномъ кумганѣ, мы пригласили имама, оказавшагося словоохотливымъ старикомъ.

— Пусть отецъ извинитъ насъ за безпокойство, которое мы доставили своимъ позднимъ прибытіемъ.

— Почтенный имамъ уже спалъ?

— Это ничего, тотчасъ же отозвался старикъ.

— Я всегда радъ видѣть путниковъ, а еще больше такихъ рѣдкихъ гостей. За всю мою долгую жизнь, я лишь второй разъ вижу русскихъ. Здѣсь былъ однажды нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ тюря, да вотъ вы еще.

— Отецъ, вѣдь, таджикъ?—увѣренно спросилъ я, видя передъ собою арійскія черты красиваго лица.

— Да, тюря, таджикъ. Я принадлежу къ семьѣ Ша*), жившихъ издавна въ здѣшнихъ горахъ и почитающихъ Пророка, любимца Аллаха-Али-Льва Божьяго и Хазерта имама Измаила, бывшаго пятымъ

*) Ша—благородный.

среди раньше его жившихъ во славу Аллаха великихъ имамовъ.

— Ишанъ, значитъ измаилитъ, но почему же мнѣ говорили, что всѣ измаилиты скрываютъ свою принадлежность къ этому ученью,—спросилъ Б., удивленно посматривая на старика.

— Да, это правда, тюря, въ нашихъ книгахъ написано: „храните свою вѣру отъ непосвященныхъ такъ же, какъ вы храните въ тайнѣ своихъ женъ". Но тюря, ты самъ знаешь, что и жену можно показывать близкимъ роднымъ, а тюра — другъ Ишана-Ферюдтина, какъ я самъ отъ него слышалъ, а потому можно говорить съ нимъ о дѣлахъ вѣры. Слухъ по землѣ разносится скоро, и до моихъ старыхъ ушей долетѣла вѣсть, что этотъ тюря человѣкъ мудрый и знающій многое, указалъ онъ на меня.

Говорятъ, что въ кишлакѣ Сараѣ онъ построилъ огромную русскую мечеть, такой, что и въ Кабулѣ нѣтъ.

Мы вѣримъ, что Левъ Божій Али вернется снова на землю, чтобы доставить побѣду правдѣ и справедливости. А до тѣхъ поръ имамы его рода исполняютъ обязанности его намѣстниковъ, въ силу чего имъ подобаетъ безусловная покорность.

— Хотя я долженъ сказать, что тайнъ у насъ нѣтъ. Мы лишь стараемся жить, какъ приказалъ Аллахъ. Вотъ и все.

— Вотъ видите, старикъ заговорилъ о своей религіи, а какъ только вопросъ коснулся болѣе подробнаго выясненія, то онъ и закрылся щитомъ отсутствія какихъ либо тайнъ. Между тѣмъ въ основѣ вѣроученія измаилитовъ лежитъ что то таинственное и совершенно неизвѣстное. Секта ихъ возникла еще

въ средніе вѣка, и въ свое время ея послѣдователи держали въ страхѣ всю почти Азію, образовавъ самостоятельное государство. Въ то время они носили названіе Ассасиновъ и представляли собою такую огромную силу, съ которой долгое время вели борьбу крестоносцы.

— Таинственный „старецъ горы", жившій въ Ливанскихъ горахъ въ Малой Азіи, являлся повелителемъ едва ли не большей части населенія Азіи и Индіи. Лишь монголамъ впослѣдствіи удалось разрушить крѣпость Аламутъ, гдѣ скрывался „старецъ горы" и истребить его значительную часть послѣдователей, но все же остатки этой секты, подъ названіемъ измаилитовъ, уцѣлѣли въ неприступныхъ отрогахъ Памира, восточной Бухары, въ хребтахъ Гиндукуша и въ Индіи.

— Глава секты Ага-Ханъ находится въ Бомбеѣ, а подчиненные ему старцы, ишаны или хальфа, живутъ въ Шугнанѣ, Рушанѣ, Дарвазѣ, Читралѣ, Бадакшанѣ, а также и въ Каратегинскомъ и Бальджуанскомъ бекствахъ. Ежегодно они отправляютъ Ага-Хану въ Бомбей особую подать, собираемую со всего населенія. Званіе Ага-Хана наслѣдственное, и его въ настоящее время носитъ Султанъ Магометъ-Шахъ, получившій отъ англійскаго правительства титулъ Высочества.

Являясь главою почти 10 милліоновъ мусульманъ, принадлежащихъ къ сектѣ Измаилія и живущихъ на пространствѣ между Самаркандомъ и Бомбеемъ съ одной стороны и Ладакомъ у подножья Гималаевъ до границъ Персіи съ другой, Ага-Ханъ пользуется

огромною властью и авторитетомъ среди своихъ послѣдователей.

Секта Измаилія носитъ также названіе Пянджътени. Въ вѣрованіяхъ секты отразились почти одинаково мусульманство, іудейство и христіанство. Моисей, Іисусъ и Магометъ признаются пророками; на Ага-Ханѣ почіетъ „джунгъ"—духъ Божій, а поэтому онъ представляетъ собою одухотворенное начало и является почти равнымъ Богу.

Магометанство во всѣхъ припамирскихъ странахъ распространилось еще при жизни Магомета, хотя количество его послѣдователей было въ началѣ незначительно. Но Али, Божій Левъ, сдѣлалъ своею резиденціею Бальхъ (теперешній Мазаръ и Шерифъ), откуда говорятъ началъ свои походы, покоряя сосѣднія страны и своимъ мечемъ распространяя мусульманство среди покоренныхъ народовъ, жившихъ Бальджуанѣ, Рушанѣ и Ваханѣ. По преданіямъ все населеніе въ то время принадлежало къ числу огнепоклонниковъ и занималось земледѣліемъ подъ защитою своихъ царей, жившихъ въ сильныхъ почти неприступныхъ крѣпостяхъ, остатки которыхъ и по нынѣ разбросаны по краю. Присоединившись впослѣдствіи къ мусульманству, таджики и другія племена вскорѣ сдѣлались послѣдователями сына имама Садыкъ-Джафара-Измаила, основавшаго въ 765 году по Р. Х. новую секту, принявшую названіе Измаилія и исповѣдующую, что Аллахъ одинъ вѣчный и вездѣсущій, управляетъ всѣмъ міромъ черезъ своихъ ангеловъ и Великихъ Пророковъ. Молиться ему не нужно, такъ какъ онъ самъ все знаетъ. Человѣкъ

по вѣроученію долженъ жить, занимаясь лишь земледѣліемъ и предаваясь въ сводное время благочестивымъ размышленіямъ, для того чтобы приготовится въ это время къ смерти, которая заключается въ томъ, что живой духъ человѣка покидаетъ приходящую въ разрушеніе оболочку и переходитъ или въ другаго только что родившагося человѣка, или же въ какое нибудь животное. Такимъ образомъ душа человѣка живетъ вѣчно, но никогда не сливаясь съ Богомъ. Въ то же время они вѣруютъ, что имамъ Измаилъ снова возвратится на землю.

Глава секты Ага-Ханъ носитъ такъ-же званіе пира—учителя вѣры. Онъ имѣетъ помощниковъ, называемыхъ въ зависимости отъ мѣстности пирами, хальфами или ишанами, они всѣ обязаны хранить вѣру и поучать народъ. Каждый ишанъ имѣетъ учениковъ, называемыхъ мюридами, которые, отрѣшаясь отъ своей воли, признаютъ лишь волю ишана, являющагося начальникомъ ихъ души. Въ общихъ чертахъ старчество, существующее въ нѣкоторыхъ русскихъ монастыряхъ, во многомъ очевидно заимствовано изъ вѣроученій этой секты.

Назначая пира, Ага-Ханъ посылаетъ ему платокъ и кольцо.

Очень долгое время всѣ Ага-Ханы жили въ Персіи въ Махалатѣ, но когда дѣда Магометъ-Шаха зарѣзали, то его отецъ вмѣстѣ со своими приближенными бѣжалъ въ Англо-Идійскія владѣнія, гдѣ поселился въ Бомбеѣ, пользуясь особымъ покровительствомъ англичанъ, оцѣнившихъ его политическое значеніе и причислившихъ Магомета-Шаха ко числу

принцевъ крови съ пожалованіемъ ему титула Высочества.

Нынѣшній Ага-Ханъ получилъ высшее образованіе въ Калькуттѣ, Оксфордѣ и затѣмъ въ Сорбоннѣ.

Магометъ-Ханъ является 44 Ага-Ханомъ въ своей династіи.

Располагая колоссальными средствами личными, онъ имѣетъ какъ постоянный источникъ дохода приношенія своихъ пировъ. Преданность его послѣдователей безпредѣльна и большинство постоянно стремится совершить паломничество въ Бомбей, чтобы удостоится увидѣть лицо Бога на землѣ, при чемъ извѣстны случаи самоубійствъ послѣ такихъ паломничествъ въ объясненіи которыхъ его послѣдователи говорятъ:

Онъ видѣлъ все на землѣ и удостоился лицезрѣть самого Бога, зачѣмъ же послѣ этого жить?

Духота и масса насѣкомыхъ въ кошмахъ совершенно отогнали сонъ, и я вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Ночь была холодная, и рѣзкій вѣтеръ, дувшій съ снѣговыхъ горъ, шумѣлъ верхушками деревьевъ, сливаясь съ громкимъ журчаніемъ воды ручья, протекавшаго среди двора мечети.





XXV.

Праздникъ Рамазанъ и его происхожденіе.—Могилы святыхъ.—Золото и золотоискатели.—Каратегинъ и его исторія.—Змѣиная гора.

Старый ишанъ вышелъ насъ проводить, когда рано утромъ, поблагодаривъ его за гостепріимство, мы сѣли на лошадей. Днемъ старикъ казался выходцемъ съ того свѣта, поражая своимъ почти землянистаго цвѣта безкровнымъ лицомъ. Бѣлая сѣдая борода придавала ему видъ библейскаго пророка.

— Пусть будетъ гладокъ и спокоенъ вашъ путь, и да благословитъ васъ Аллахъ въ дальнѣйшей жизни, сказалъ онъ, прощаясь съ нами.

— Я радъ былъ на склонѣ своихъ дней встрѣтить людей многознающихъ и видѣвшихъ свѣтъ.

— Духъ великихъ имамовъ: Магомета, Али, Гасана, Гусейна и Измаила сопутствуетъ всѣмъ людямъ праведной жизни, и милость ихъ покроетъ васъ, долетѣли до меня послѣдніе слова старика, когда уже я поворачивалъ за уголъ стѣны, выходившей на дорогу, по которой, пройдя съ полверсты, мы снова углубились въ горы, постепенно поднимаясь на перевалы.

Вправо отъ насъ виднѣлись горы Дарваза, а прямо вырисовывался снѣжный хребетъ Петра Великаго, уходившій на востокъ. Тропа мѣстами была плохо разработана, и лошади шли крайне осторожно и медленно. Киріяковъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу и, поминутно оборачиваясь ко мнѣ, болталъ безъ умолку, видимо наслаждаясь возможностью говорить на русскомъ языкѣ, что удавалось ему крайне рѣдко.

— А вы не жалѣете, что среди сартовъ живете?— обратился Б. къ нему.

— Нѣтъ отъ чего же, жить все равно гдѣ. Здѣсь тоже ничего, а коли ѣсть нечего, то и среди своихъ плохо. И народъ вокругъ тихій. Изволите видѣть, какая толпа ихъ собралась, указалъ онъ рукою на группы таджиковъ, стоявшихъ и сидѣвшихъ среди долины, окруженной растительностью.

— Теперь у нихъ праздникъ, Рамазанъ прозывается, вотъ они и собрались. У насъ бы пьянство и драка, а они себѣ благородно пѣсни поютъ даже вродѣ какъ у насъ на Троицѣ вѣнки вьютъ и костры раскладываютъ.

— А самый праздникъ въ память чего празднуется—этого я вамъ доподлинно сказать не могу—можетъ караулъ-беги знаетъ, обернулся онъ къ чиновнику, высланному Каратегинскимъ бекомъ.

— Рамазанъ очень большой праздникъ, Тюря. халифъ-Али его назначилъ. Былъ у него бѣлый верблюдъ, по имени Рамазанъ, на которомъ онъ всегда ѣздилъ когда не воевалъ. Во время же войны ему служилъ его конь Дюль-Дюль. И вотъ съ этимъ конемъ раздѣлялъ бѣлый верблюдъ счастье носить на своихъ спинахъ святого халифа. Но позавидовалъ Пиръ-Омаръ такому чудному животному. Темною ночью подошелъ онъ къ палаткѣ Али и укралъ бѣлаго верблюда. Долго думалъ Омаръ, куда спрятать Рамазана, пробовалъ его покрасить, но бѣлѣе снѣга оставалась шерсть Рамазана. Видя, что ничего не подѣлаешь, рѣшилъ тогда Омаръ зарѣзать и съѣсть верблюда, что и исполнилъ, раздѣливъ душистое, нѣжное мясо между своими людьми. И казалось все было кончено. Долго Али ходилъ и искалъ своего любимца и, не найдя его нигдѣ, громкимъ голосомъ закричалъ имя Рамазана, зная, что всегда радостнымъ крикомъ отзовется Рамазанъ на зовъ своего хозяина. Лежалъ въ это время Омаръ около своей кибитки, усталый и сытый погорло отъ съѣденнаго мяса. И достигъ голосъ святого до остатковъ Рамазана, громко закричалъ онъ въ желудкѣ у Омара.

— Разсердился Али и наложилъ тогда за грѣхъ Омара на всѣхъ постъ по три дня каждый мѣсяцъ, послѣ которыхъ приказалъ одинъ день праздновать и поминать Рамазана до конца міра.

— Вотъ и теперь тюря всѣ здѣшніе люди и собрались вспомнить любимца святого Али.

Мѣстность между тѣмъ дѣлалась все пересѣченнѣе. Пологіе склоны, покрытые пашнями, чередовались съ скалистыми обрывами различныхъ оттѣнковъ и цвѣтовъ. Вся даль казалась покрытой какой то фіолетовою дымкою.

Густыя заросли боярышника, шиповниковъ, дикихъ яблонь и грушъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ привольно разрослись по ущельямъ, представляя собою трудно доступную чащу, въ которой порою испуганно хрюкая скрывались цѣлыя стада кабановъ. Горные бараны то въ одиночку, то по нѣсколько штукъ, попадались почти поминутно, почти не обращая вниманія на людей. Тропа то поднималась на большую высоту, то извилистою змѣей спускалась въ глубину ущелій, гдѣ обдавало насъ запахомъ сырости и плѣсени. Масса мелкихъ ручейковъ, просачиваясь сквозь толщу скалъ, падали внизъ съ горныхъ склоновъ и, соединяясь въ узкомъ и глубокомъ ущельи, съ шумомъ скатывались далѣе по камнямъ, образуя водопады.

Небольшіе кишлаки таджиковъ виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ надъ высокими обрывами. Кучки глинобитныхъ построекъ, поставленныхъ одна около другой, казались до крайности неприглядными и мрачными. Порою на дорогѣ виднѣлись груды камней, около которыхъ стояло нѣсколько высокихъ палокъ съ повѣшенными на нихъ разноцвѣтными лоскутами матеріи.

— Могилы святыхъ, указалъ Б. въ то время,

когда сопровождавшіе насъ нукеры благоговѣйно слѣзали съ лошадей, кидая на нѣкоторыя кучи куски булыжника, поднятые на дорогѣ.

— Они очень ихъ почитаютъ, а на поклоненіе нѣкоторыхъ пріѣзжаютъ издалека.

— Какой это святой, не знаетъ ли караулъ-беги?—спросилъ онъ, оборачиваясь къ чиновнику.

— Почему около его могилы такъ вытоптано—видно много народа ходитъ?

— Ахъ, тюря, это святой Пиръ-Даудъ-Ша, онъ очень помогаетъ женщинамъ, которыя безплодны и сюда всегда приходятъ лечиться. Читаютъ ишаны надъ женщинами молитвы пять дней, и тогда очень помогаетъ. Я слышалъ, что святой никогда не отказываетъ, и почти каждая женщина послѣ путешествія сюда скоро приноситъ своему мужу сына или дочь.

— Здѣсь вездѣ много святыхъ похоронено, но самое святое мѣсто это Бадахшанъ, близъ Муджана, гдѣ есть пещера, въ которой жилъ самъ халифъ Насырь-Шахъ, да будетъ благословенно его имя во вѣки.

Поднявшись на Руютскій перевалъ, передъ нами вновь показались: Вахшъ, извивающійся среди узкой долины, и притокъ его Хингоу, берущій свое начало въ ледникахъ Дарваза.

Безконечная даль горизонта давала возможность видѣть далеко всѣ окрестности, выступавшія рельефно въ видѣ огромнаго топографическаго плана.

— А вонъ ледники — Хазретъ-Султанъ, сзади насъ остались, теперь хорошо ихъ видать, сообщилъ

Киріаковъ. Тоже около нихъ мѣста знакомыя, поработалъ я тамъ на золотыхъ розсыпяхъ достаточно.

— У кого это?..

— Были здѣсь Левашевъ, французъ Серасъ и другіе.

Ледникъ Хазретъ-Султанъ принадлежитъ къ числу совершенно неизслѣдованныхъ. И его снѣговыя вершины высоко поднимались надъ окрестностями, красиво бѣлѣя своими остроконечными пиками. Огромная снѣжная масса навѣвала холодъ на всѣ окрестности.

Внизу въ долинѣ уже показался кишлакъ Мудрунъ, стоявшій на берегу быстраго Вахша. Солнце свѣтило ярко, но на вершинахъ горъ было настолько прохладно, что пришлось уже давно надѣть пальто. Холодный вѣтеръ дулъ порывами, вырываясь изъ ущелій. Ведя на крутизнахъ коней въ поводу, мы начали спускаться въ долину, ежеминутно скользя по мелкой галькѣ, покрывавшей тропинку.

— Что-нибудь есть въ этомъ кишлакѣ, Киріакъ?

— Нѣтъ ничего, такъ кишлакъ-адамы [1]) живутъ, землю пашутъ.

На полуостровѣ, между рѣками Вахшемъ и Хингоу, раскинулся небольшой кишлакъ Мудрунъ. Огромные чинары своею тѣнью осѣняли улицу. Группы тутовъ, тѣсно сомкнувшись въ садахъ, образовали темныя тѣнистыя мѣста, изъ-за которыхъ виднѣлись глинобитныя сакли и дувалы.

Густыя лозы винограда свѣшивались со стѣнъ и, обвивая собою деревья, создавали непроницаемыя сплетенія.

*) Кишлакъ-адамъ—земледѣлецъ.

Рѣка Хингоу, бѣшенно вздувшись грязно-желтыми волнами, несла массу воды, вливаясь въ Вахшъ и образуя огромный водоворотъ, смѣшивалась съ его водами.

Съ большимъ трудомъ переправившись на гупсарахъ черезъ довольно значительную глубину, мы выбрались изъ ледяной воды, сильно продрогнувъ на берегъ, который являлся границею Каратегинскаго бекства, смежнаго съ Дарвазомъ.

Окруженный снѣжными трудно проходимыми хребтами Каратегенъ, составлявшій въ древности часть страны Острушины, образовалъ отдѣльное независимое владѣніе, повелители котораго играли крупную роль въ исторіи всѣхъ странъ, по Вахрасположенныхъ по Пянджу съ его притоками и шу. Вся Каратегинская долина прорѣзывается рѣкою Вахшемъ, носящимъ также названіе Сурхаба и принимающимъ въ себя справа притоки: Зану, Ярхичъ, Салукъ-Сары-Бугъ, Мундшигофъ; слѣва: Мугау, Хадыріонъ, Каля-Конъ, Вахію или Хулясъ и Хингоу.

Имѣя сообщеніе съ Ферганою, а также съ сосѣдними бекствами лишь лѣтомъ, зимою Каратегенъ совершенно отрѣзанъ отъ всего міра, такъ какъ горные перевалы совершенно засыпаются снѣгомъ, и поэтому пройти черезъ тропы невозможно. Огромные снѣговые хребты и масса рѣкъ и ручьевъ вмѣстѣ съ отличной почвою создали крайне удобныя условія для земледѣлія, которымъ поголовно занимается все населеніе безъ исключенія, что создало здѣсь особые законы, по которымъ каждый

обязанъ обработывать землю, при чемъ неисполнившій этого и не дѣлавшій посѣвовъ въ теченіи трехъ лѣтъ лишается права собственности на землю, и кромѣ того, подвергается крупному штрафу. Это правило дало въ своихъ результатахъ полное отсутствіе безземельныхъ въ Каратегенѣ и сравнительное благосостояніе всего населенія.

Самая населенная часть бекства находится на высотѣ 6,500 футъ надъ уровнемъ моря, благодаря чему зимы отличаются большою суровостью. Начинаясь въ октябрѣ мѣсяцѣ, зима продолжается до конца марта, а поэтому климатъ почти одинаковъ съ губерніями средней Россіи. Глубокіе снѣжные сугробы достигаютъ толщины до двухъ саженъ, заливая всѣ долины и образуя въ ущельяхъ непроходимыя преграды. Сильные морозы и снѣга, представляя собою неудобство для передвиженія, въ то же время являются благодѣтельными для населенія, давая массу воды и своевременно образуя тѣ благопріятныя условія, благодаря которымъ саранча, этотъ бичъ земледѣлія, совершенно отсутствуетъ въ бекствѣ.

Съ древнѣйшихъ временъ, составляя собою едва ли не первый этапъ при переселеніи народовъ вся страна принадлежала къ числу особенно сильно заселенныхъ, имѣя нынѣ населеніе, достигающее до 300 тысячъ человѣкъ. Находясь на торговомъ пути между Китаемъ, и странами, лежащими на западъ, Каратегенъ игралъ роль посредника, развивъ въ нѣкоторыхъ городахъ значительную торговлю.

Историческія свѣдѣнія о всей странѣ крайне скудны, вслѣдствіе чего, лишь изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сообщеній, можно заключить, что скифскія племена: саковъ, парфянъ и сарматовъ во времена индо-скифскаго государства были долгое время аборигенами этихъ мѣстъ, изъ которыхъ затѣмъ были вытѣснены иранско-персидской войной. Сообщенія китайскихъ путешественниковъ лишь свидѣтельствуютъ о значительномъ культурномъ уровнѣ страны, въ которой жили люди, поклонявшіеся огню, а затѣмъ исповѣдывавшіе древнюю религію Ведъ, въ свою очередь уступившую мѣсто будизму, распространившемуся быстро во всей Средней Азіи и смѣненному за тѣмъ несторіанскимъ христіанствомъ, просуществовавшимъ нѣсколько столѣтій и поглощеннымъ мусульманствомъ. Эта быстрая смѣна религій, сущность которыхъ лишь внѣшнимъ образомъ усвоилась населеніемъ, даетъ возможность въ настоящее время видѣть цѣлый рядъ до крайности пестрыхъ вѣрованій и обычаевъ, оставшихся какъ пережитокъ далекой старины у горцевъ Каратегена. Будущій изслѣдователь найдетъ въ этомъ отношеніи большое богатство матеріаловъ для наблюденій.

Держась параллельно Вахшу и миновавъ кишлакъ Зарда, мы выѣхали на довольно широкую долину, въ концѣ которой лежалъ кишлакъ Наобадъ, окруженный садами фруктовыхъ деревьевъ. Въ сторонѣ въ ущельи виднѣлись огромныя деревья орѣха, мощные стволы которыхъ съ наплывами представляли собою цѣлое богатство. Выше, на

склонахъ горъ, виднѣлись лѣса лиственныхъ породъ, достигающихъ почти до полосы вѣчныхъ снѣговъ.

— Киріаковъ, позвалъ Б. нашего проводника. Узнайте вонъ у того таджика, что пашетъ, нѣтъ ли здѣсь какого-нибудь древняго городища.

Нѣсколько минутъ распросовъ, и, довольный узнаннымъ, Киріаковъ уже летѣлъ къ намъ.

— Есть вотъ здѣсь, недалеко въ горахъ, стоятъ развалины. Таджикъ говоритъ, что мѣсто тамъ для молитвы—святое. Есть въ серединѣ огромный камень, на которомъ до сихъ поръ народъ зажигаетъ въ праздники огонь. Потомъ, я самъ знаю, есть тутъ гора, Джиляны-Тау называется; вонъ, ее видно; такъ тамъ змѣй очень много. Джиляны—по ихнему змѣи, и въ переводѣ будетъ змѣиная гора. Говорятъ, что въ ней живетъ огромный змѣй, съ крыльями, который съѣдаетъ людей, если кто пойдетъ въ лѣса, что растутъ на ней.

— Ну, ужъ это враки!!

— Нѣтъ, правда—хоть спросите чиновника.

— Вѣрно, тюря,—подтвердилъ послѣдній.—Я не видалъ самъ, но знаю, что нѣсколько человѣкъ онъ съѣлъ изъ жителей. Только тотъ, кто знаетъ наизусть всѣ пять книгъ, написанныхъ пророками и внушенныхъ имъ Фаришта (ангеломъ) Джебраиломъ, можетъ идти смѣло на эту гору.

— Только такихъ людей мало,—съ сожалѣніемъ вздохнулъ онъ.

— Очень трудно ихъ выучить.

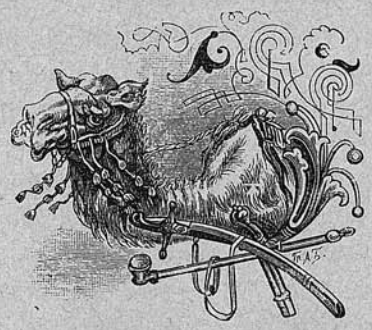
— А какія это книги? Ты читалъ ихъ?

— Я, тюря, въ медресе [1]) Бальджуанѣ былъ, но всего прочитать не могъ. Знаю Коранъ Магомета, Иджиль-Иса (Евангеліе), Зубаръ-Дауда (псалтирь Давида), Товратъ Муса (книги Моисея) и Сударъ-Ибрагима. Только, кто ихъ всѣ прочитаетъ, тотъ можетъ повредиться головой, потому что въ нихъ слишкомъ много мудрости, для человѣческаго ума недоступной.

— Вотъ уже мостъ у Сары-Пуля, да и самый Гармъ видно,—дипломатически перевелъ онъ разговоръ отъ трудной темы.

Большая площадь зелени была тутъ же ясно видна около берега рѣки. Немного ближе, внизъ по теченію Вахша, вырисовывался узкій и жидкій мостъ, довольно зыбкой конструкціи.

— Слава Богу,—облегченно вздохнулъ Б.—насилу добрались до этого мѣста. Теперь можно сдѣлать продолжительную дневку и отдохнуть отъ этихъ проклятыхъ горъ, которыя уже во снѣ стали сниться...



[1]) Медресе—среднее учебное заведеніе.



XXVI.

Гармъ.—Страшная переправа.—Старая Гармская крѣпость.—Древнее оружіе.—Александръ Македонскій и происхожденіе отъ него мировъ Каратегена.—Племя Гальча потомки македонцевъ.—Изготовленіе оружія.—Преданіе о темномъ духѣ, открывшемъ желѣзо.

Гармъ—онъ же Каратегенъ является административныхъ центромъ Каратегинскаго бекства, такъ какъ, бывъ въ прежнее время резиденціей независимыхъ мировъ Каратегенскихъ, нынѣ служитъ мѣстомъ жительства бека. Названіе Каратегенъ, нѣкоторыя производятъ отъ имени Каратекинъ (черные

текинцы), между тѣмъ какъ туземцы объясняютъ, что имя всей странѣ дали два брата, первые пришедшіе въ эти мѣста и занявшіеся земледѣліемъ. Имена ихъ были Кара (черный) и Текинъ (новый).

Живя все время своею особою жизнью, Гармъ лишь однажды подвергся нашествію олай-киргизовъ, пришедшихъ изъ Коканда и покорившихъ весь край, но удержавшихъ его сравнительно короткое время.

Благодаря труднодоступности, городъ Гармъ посѣщался европейцами крайне рѣдко, а въ средніе вѣка о немъ не было ничего извѣстно, такъ какъ за исключеніемъ египтянина Сади-Бинъ-Гусейна и португальца іезуита Бенедикта де-Гоеса, побывавшихъ въ Кулябѣ первый въ XVI, а второй въ XVII вѣкѣ и слышавшихъ о значительномъ городѣ, лежавшемъ на востокѣ отъ него въ горахъ, больше упоминаній не имѣется.

Хотя Каратегенъ и примыкаетъ на востокѣ къ Ферганской области, а на сѣверѣ къ Самаркандской, но отдѣленный хребтами Петра Великаго и Гиссарскимъ, онъ почти не имѣетъ сообщеній съ своими сосѣдями, въ силу чего вся страна и городъ сохранили многіе обычаи и особенности.

Ведя постоянныя войны съ Дарвазомъ, Бальджуаномъ и Кулябомъ, властелины Каратегинскіе сильно укрѣпили Гармскую крѣпость, являвшуюся въ свое время почти неприступной, а равно построили для защиты своихъ владѣній цѣлый рядъ сильныхъ крѣпостей въ Кала-и-Аби-Объ, Ярхичѣ, Оби-Гармѣ, Шильмокѣ, Шингличѣ, Яфучѣ, Самсалыкъ-Бони и Суфіанѣ. Но всѣ эти мѣста, отслуживъ свою службу

въ прошломъ, въ настоящее время лишь своими развалинами напоминаютъ о прежнемъ своемъ значеніи въ жизни края.

Почти непрерывно шли войны съ сосѣдними мирами, и лишь присоединеніе Каратегина въ 1870 г. къ Бухарѣ закончило эти вѣковыя взаимныя нападенія и грабежи, давъ, наконецъ, возможность населенію заняться мирнымъ трудомъ землепашца и скотовода.

Подъѣхавъ еще ближе къ кишлаку Сары-Пулю, мы увидали страшно быстрыя клокочущія воды Вахша, съ ревомъ несущіяся среди узкаго ущелья съ крутыми и обрывистыми берегами. Двѣ огромныхъ скалы надвинулись съ обоихъ береговъ рѣки и, связанныя нѣсколькими длинными бревнами съ положенной на нихъ настилкой изъ хвороста, представляли какое-то крайне ненадежное по виду полотно, не больше аршина шириною.

— Неужели придется переправляться по этому мосту,—съ невольнымъ ужасомъ спросилъ я, разсматривая это своеобразное архитектурное сооруженіе?

— Ничего не подѣлаешь, „надо“,—отвѣтилъ Б., слѣзая съ лошади.

— Только лучше перейдемъ его пѣшкомъ. Все безопаснѣе!!!

Осторожно ступая по настилкѣ и ведя лошадей въ поводу, мы двинулись одинъ за другимъ черезъ мостъ, буквально ежеминутно ожидая съ замираніемъ сердца катастрофы. Мостъ весь шатался, гнулся и скрипѣлъ, какъ живой. Слабыя скрѣпы мѣстами

совершенно разошлись и казалось держались лишь на какомъ-то, сомнительной крѣпости, волоскѣ. А внизу, гдѣ то въ безднѣ, клокотала и шумѣла рѣка, какъ будто ожидая свою жертву. Невольно казалось, что эта глубина къ себѣ притягиваетъ, вызывая головокруженіе.

Порою сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и остановившись, ясно слышались перебои собственнаго сердца, работавшаго съ страшною силою. Лошадь, вся дрожа, осторожно ступала по настилкѣ, храпя и нервно вздрагивая, когда мѣстами приходилось останавливаться надъ провалившимся хворостомъ, сквозь который видна была клокочущая бездна. Длина моста въ 30 шаговъ показалась равной, по крайней мѣрѣ, верстѣ, и, со вздохомъ радости и облегченія достигнувъ берега, я сталъ на твердую почву, буквально мокрый отъ холоднаго пота.

— Ну, что Павелъ Ивановичъ? Каково ощущеніе?

— Препротивное,—и, правда сказать, лишь полная невозможность перебраться инымъ способомъ на другой берегъ можетъ заставить рисковать воспользоваться услугами этого дьявольскаго моста.

Казаки, тяжело вздыхая и крестясь, сосредоточенно молчали, съ какимъ-то недоумѣніемъ посматривая на переправу.

Утомленные и физически и нравственно, мы ѣхали кишлакомъ. Вокругъ виднѣлись отлогіе склоны горъ, покрытые пашнями почти до самыхъ своихъ вершинъ. По берегамъ рѣки нескончаемой линіей тянулись кишлаки. Густые, тѣнистые сады, отдѣленные небольшими дуванами отъ пустынныхъ улицъ,

придавали особенно красивый видъ городу, раскинувшемуся на огромномъ пространствѣ и казавшемуся большимъ кишлакомъ, ничѣмъ не отличающимся, кромѣ величины, отъ сотенъ другихъ кишлаковъ, видѣнныхъ нами по всей Бухарѣ.

Старая крѣпость, гдѣ жили прежніе миры, а въ настоящее время живетъ бекъ, построена надъ самымъ Вахшемъ, берега котораго отъ высокихъ стѣнъ спускаются къ водѣ почти отвѣсно.

Массивныя стѣны выглядѣли мрачно и непривѣтливо. Узкія бойницы и высокіе зубцы опоясывали верхъ стѣнъ, а круглыя башни по угламъ и у воротъ придавали крѣпости довольно внушительный и грозный видъ. Огромныя ворота, съ мѣстами сохранившейся старинной рѣзьбою, покрытыя кое-гдѣ желѣзными листами и усѣянныя ржавыми головками гвоздей, со скрипомъ распахнулись передъ нами, открывая темныя закопченыя стѣны.

Масса старинныхъ мултуковъ, кремневыхъ и фитильныхъ мушкетовъ и крѣпостныхъ огромной тяжести ружей покрывали стѣны коридора. Густая пыль будто чахлами закрыла ихъ ровнымъ, сѣрымъ слоемъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли видъ очень древній, поражая прихотливой оригинальностью изгибовъ ложъ и широкими раструбами толстыхъ стволовъ.

— Это старина? — Спросилъ Б. есаулъ-баши, встрѣтившаго насъ у воротъ Кургана. [1])

— Да, тюря, говорятъ, что есть между ними ружья, сдѣланныя 300—400 лѣтъ тому назадъ. Французъ былъ здѣсь, хотѣлъ купить нѣкоторыя, только

[1]) Курганъ-крѣпость.

бекъ не разрѣшилъ. Еще старый миръ Музаферъ-Ханъ ихъ повѣсилъ, когда свою власть эмиру надъ страною отдалъ. Такъ и висятъ...

Извилистый коридоръ проходилъ въ толщѣ стѣнъ, сложенныхъ изъ камня, кирпича и глины съ прослойкою изъ толстыхъ бревенъ, почернѣвшихъ и сильно попорченныхъ временъ.

Вечеръ былъ свѣжъ, и ночная прохлада, увеличившаяся холоднымъ вѣтромъ, дувшимъ со снѣговыхъ горъ, понудила надѣть пальто. Разославъ коверъ на терасѣ и наблюдая окрестности, мы со стаканами чая прилегли на подушки. Гдѣ-то внизу, подъ терасою, глухо шумѣла рѣка, перекатываясь по камнямъ.

— Не правда ли, совершенно разбойничье гнѣздо эта старинная кала съ ее даже настоящею жизнью, ничего не имѣющей общаго съ жизнью окрестнаго населенія, для котораго она все же остается и понынѣ пугаломъ, откуда сыпятся наказанія и слѣдуютъ приказы о доставкѣ денегъ? Въ представленіи жителей тотъ же независимый миръ здѣсь живетъ, какъ и жилъ прежде, и самое имя эмира Бухары рѣшительно ничего не говоритъ уму, послѣ продолжительной паузы сказалъ Б.

— Послѣдній независимый владыка Каратегинскій миръ Музаферъ-Ханъ былъ человѣкомъ до крайности корыстолюбивымъ и жестокимъ. Изъявивъ подъ вліяніемъ необходимости согласіе на присоединеніе своей страны къ Бухарѣ, онъ выторговалъ себѣ самый высокій чинъ, огромные доходы въ видѣ пожизненной пенсіи и затѣмъ продолжалъ управлять

бекствомъ по прежнему, почти до самой смерти. Между прочимъ, интересно, что онъ считалъ себя прямымъ потомкомъ Александра Македонскаго...

— Кстати, вонъ есаулъ-баши, можно спросить объ этомъ,—обратился онъ ко входившему, сѣдому, но бодрому старику.

— Не знаетъ ли Мирахуръ что нибудь про мира Музафера-Хана и правда ли, что онъ былъ потомокъ Искандера-Зюлькарнайна *)?

Мирахуръ, почтительно опустившись на коверъ, вздохнулъ и затѣмъ, пошептавъ что-то себѣ подъ носъ, тихо заговорилъ:

— Я былъ взятъ мальчикомъ изъ хорошей семьи Музаферъ-Ханомъ и долгое время служилъ при немъ сначала какъ чубуки, а потомъ вынашивая его соколовъ и ѣздя за стременемъ его коня.

— Велика была власть Музафера-Хана, и всегда онъ говорилъ, что управляетъ здѣшними народами по праву, преданному предкомъ, великимъ Исандеромъ Зюлькарнайномъ, и часто любилъ онъ читать книгу, въ которой написана была вся родословная его. Книга эта теперь у одного старика здѣсь же, въ Каратегенѣ, и если полковникъ интересуется, то можно было бы ее посмотрѣть, если бы тотъ человѣкъ былъ дома, но, къ несчастью, онъ уѣхалъ въ Гиссаръ и не скоро вернется. Я же только знаю, что отцы и отцы отцовъ Музаферъ-Хана были государями въ здѣшней странѣ очень долго. Даже въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ объ этомъ поется.

— Однако, простите старика, языкъ у меня раз-

*) Зюлькарнайнъ—двурогій, такъ звали Искандера на Востокѣ.

вязался, а я лишь пришелъ пожелать высокимъ гостямъ покойной ночи.

Глухо шумѣлъ Вахшъ гдѣ-то подъ нами, навѣвая рядъ грезъ и туманныхъ образовъ. Я долго не могъ заснуть. Мнѣ казалось, что духъ старыхъ властелиновъ витаетъ надъ древней крѣпостью, служившей имъ твердыней въ теченіи многихъ вѣковъ. Сонъ мой былъ до крайности безпокоенъ, мнѣ снились страшныя крутизны, головоломные мосты, пропасти и горы, а Вахшъ все шумѣлъ и шумѣлъ безпрерывно...

Населеніе Каратегена состоитъ изъ племенъ гальча, признаваемыхъ древними иранцами и живущихъ преимущественно въ западной части бекства; таджиковъ въ южной части и каракиргизовъ въ восточной. Въ городѣ же Гармѣ населеніе смѣшанное, съ добавленіемъ узбековъ. Общее число городского населенія насчитывается до 15 тысячъ человѣкъ. Гальча и таджики говорятъ на особыхъ нарѣчіяхъ, совершенно не похожихъ другъ на друга.

Въ общемъ изолированность населенія отъ культурной жизни способствовала сохраненію чистоты нравовъ, благодаря чему въ Каратегенѣ совершенно отсутствуютъ воровство и проституція.

Кромѣ земледѣлія населеніе занимается скотоводствомъ, разводя огромныя стада рогатаго скота и барановъ. У киргизовъ же кромѣ того развито коневодство. За исключеніемъ послѣднихъ, пользующихся войлочными юртами, все населеніе бекства живетъ въ глинобитныхъ сакляхъ особой постройки: съ тол-

стыми до $2^1/_2$ аршинъ стѣнами, низкими и устойчивыми, могущими противустоять снѣгамъ и землетрясеніямъ.

Вставъ рано утромъ, мы отправились осматривать городъ и базаръ. Первый представлялъ собою обширный кишлакъ, поражая полнымъ отсутствіемъ какой-либо старины, и за исключеніемъ крѣпости ни въ чемъ и нигдѣ не видно было никакихъ слѣдовъ древней жизни. Базаръ-же, хотя и отличавшійся многолюдствомъ, имѣлъ крайне незначительное число лавокъ. Большинство же товаровъ разложено было прямо на землѣ. Длинный рядъ кузницъ и лавокъ съ желѣзными издѣліями мѣстной работы обратилъ на себя наше вниманіе, такъ какъ полосы желѣза были очевидно не машинной, а ручной выработки. Мы остановились передъ одной изъ лавокъ. Сотни кривыхъ ножей, сабельныхъ клинковъ, серповъ и плужныхъ лемеховъ были симетрично развѣшены по стѣнамъ лавки.

— Гдѣ покупаетъ уста (мастеръ) желѣзо? спросилъ Б. черезъ переводчика у красиваго таджика-торговца.

— Изъ Дарваза тюря. Въ горахъ Дарваза уже давно люди достаютъ желѣзный камень и выплавляютъ его затѣмъ въ особыхъ печахъ. Мнѣ разсказывали, что еще можетъ тысячу лѣтъ тому назадъ самъ Иблисъ прилеталъ въ Дарвазскія горы и показалъ, какъ можно доставать изъ нихъ желѣзо. Съ тѣхъ поръ стали дѣлать оружіе, и полилась кровь людей на радость и веселье темнаго духа. Каждый базаръ, Дарвазцы привозятъ куски желѣза, а у насъ

здѣсь въ Гармѣ есть хорошіе усты, перековывающіе его въ вещи. Мы же продаемъ эти издѣлія, и отъ насъ покупаютъ и въ Кулябъ, и въ Гиссаръ, и за горы въ Кокандъ, и даже дальше въ далекій Ташкентъ.

— Посмотри тюря, какъ ярко блестятъ клинки нашихъ ножей; синева ихъ хороша какъ голубое небо.

— Купи тюря—раскаиваться никогда не будешь. И стоятъ не дорого...

Купивъ пару кривыхъ ножей, мы направились дальше, проходя мимо рядовъ кузницъ, гдѣ холоднымъ способомъ выковывались мѣстныя подковы и какіе-то примитивные замки.

— Однако ничего интереснаго, заворчалъ сильно уставшій Б., такъ себѣ кишлакъ какъ и всѣ кишлаки. Идемте ка домой—пора уже закусить. Здѣсь кромѣ соли да тута и орѣховъ кажется ничѣмъ не торгуютъ. И бека все никакъ нельзя увидать...

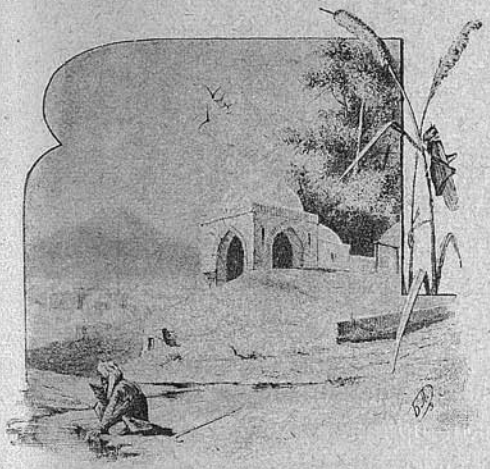
— Бекъ извиняется—онъ больной, чуть-ли не въ десятый разъ почтительно доложилъ есаулъ-баши.

— Давно уже болѣетъ. Старый человѣкъ..

— Значитъ надо трогаться дальше.

Головоломный мостъ черезъ Вахшъ при вторичномъ нашемъ переѣздѣ показался какъ то прочнѣе, но все же мы вздохнули съ облегченіемъ, когда онъ остался назади. Передъ нами растилался видъ своеобразнаго горнаго пейзажа.

Держа направленіе прямо на югъ и углубившись въ горы, мы скоро поднялись на вершину хребта, оставивъ позади Вахшъ, мелькнувшій издали ввидѣ глубокой извилистой разщелины.



XXVII.

Рѣка Хингоу. — Землетрясеніе въ горахъ. — Послѣ землетрясенія. — Выѣздъ изъ Чиль-Дара.

Рядъ кишлаковъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, былъ совершенно безлюденъ, и лишь собаки съ остервененіемъ кидались подъ ноги лошадей. Нѣсколько горныхъ рѣчекъ несли много воды, журжа по каменистому руслу.

Постепенно общій видъ мѣстности измѣнился, перейдя въ холмистую равнину, покрытую посѣвами. Широкая долина крайне напоминала собою губерніи средней Россіи. Стада рогатаго скота и овецъ встрѣчались около кишлаковъ, расположенныхъ по склонамъ холмовъ и окруженныхъ густою зеленью садовъ.

Огромныя бахчи арбузовъ и дынь чередовались съ посѣвами проса, пшеницы и ячменя.

— Ну и приволье же здѣсь, восторгались казаки.

— И травы и хлѣба. Просто завидки берутъ. Вотъ бы намъ такія мѣста. Одно слово сказать все равно што Россія и на Бухару не похоже. Много подъ нашимъ царемъ народовъ живетъ, а эти куда лучше земли имѣютъ. Сказываютъ и золота по этимъ мѣстамъ много.

— Это вѣрно, подтвердилъ Киріаковъ. Есть такое мѣсто. Сарымъ-Салы называется, такъ тамъ этого золота страсть. Мнѣ одинъ человѣкъ сказывалъ, больше фунта кусокъ нашелъ, богатымъ сразу сталъ. Да и по Яхъ-Су тоже его много. Край богатый, что и говорить.

Часа черезъ три ѣзды, переправившись черезъ рѣчку Асіабъ, мы стали подниматься на Кимчиракскій перевалъ, достигающій около девяти тысячъ футовъ и составляющій границу между Каратегеномъ и Дарвазомъ.

Постепенно мягкія пологія горы оставались позади, а впереди виднѣлись скалистые угрюмые хребты, покрытые мѣстами лѣсомъ. Общее впечатлѣніе пустынности этой рѣдко посѣщаемой и мало извѣстной страны гнетущимъ образомъ подѣйствовало на наше настроеніе послѣ богатыхъ и привольныхъ мѣстъ Каратегена.

Шагъ за шагомъ, держа лошадей въ поводу, спускались мы съ страшно крутого перевала, и пройдя нѣсколько верстъ по теченію небольшой рѣки Али-Кимчиракъ, добрались до кишлака Чиль-

Дора, расположеннаго среди скалистаго ущелья на берегу рѣки Хингоу, являющейся едва ли не самымъ многоводнымъ притокомъ Вахша.

Беря свое начало изъ хребта Петра Великаго и Дарвазскихъ горъ, рѣка Хингоу отличается быстротою своего теченія, неся свои мутныя волны между горными хребтами, образующими мѣстами довольно широкія долины, на которыхъ рѣка, разливаясь широкими плесами, нанесла цѣлый рядъ острововъ, служащихъ мѣстомъ промывки золота, въ значительномъ количествѣ находящагося въ песчаныхъ пластахъ.

Ночи дѣлались все холоднѣе и холоднѣе, и полушубки, которые съ такою неохотою были взяты съ собою, сослужили хорошую службу.

Устроившись на кошмѣ въ темной и сильно закопченной саклѣ, отведенной для нашего ночлега, мы всѣ скоро заснули богатырскимъ сномъ, предполагая съ зарею выѣхать дальше.

Отсутствіе свѣжаго воздуха, а можетъ быть и жирный пловъ были причиною, что отъ какихъ-то до нельзя странныхъ сновидѣній я метался, чувствуя, что кто то увлекаетъ меня въ бездну. Ощущеніе было настолько реальнымъ благодаря сильному толчку, что я моментально проснулся.

— Въ чемъ дѣло? Что случилось? Задалъ я вопросъ, видя наклонившуюся надо мною темную фигуру.

— Скорѣе вставайте. Землетрясеніе!! Испуганнымъ голосомъ отвѣтилъ мнѣ голосъ, повидимому, Кириакова.

Я быстро вскочилъ на ноги.

Глухой гулъ слышался вокругъ. Вся сакля стонала и трещала какъ будто разваливаясь. Почва колебалась подъ ногами. Какой то положительно животный ужасъ охватилъ все мое существо. Темнота ночи. Шумъ деревьевъ. Грохотъ и гулъ. Толчки и глухой шумъ, раздававшійся все время, заставляли думать, что вотъ, вотъ случится какая то ужасная катастрофа.

Будто бѣшеныя сорвались наши лошади съ приколовъ и, дико храпя, скрылись въ темнотѣ ночи.

Куры, безпомощно хлопая крыльями, носились по двору, отчаянно кудахтая.

Собаки въ паническомъ ужасѣ жались къ людямъ, взвигивая и завывая.

Новый толчекъ съ ужасающимъ грохотомъ разомъ разрушилъ саклю, гдѣ мы ночевали. Съ трескомъ повалилась крыша, обдавъ насъ мелкою пылью. Наши казаки и туземцы-нукеры почти всѣ, опустившись на колѣни, каждый по своему читали молитвы. Страшный вихрь пронесся черезъ дворъ, завывая и ломая деревья. Вода въ арыкахъ, выйдя изъ береговъ, разлилась вокругъ, всплескиваясь съ глухимъ шумомъ. Вой вѣтра казался какимъ то непрерывнымъ стономъ, въ страшной темнотѣ ночи, ставшей совершенно непроглядною. Гдѣ-то рядомъ слышался громкій плачъ дѣтей и чьи то стоны. Обнявъ руками стволъ дерева, я почти не сознавалъ ничего, чувствуя лишь полную подавленность воли. Минуты казались часами въ ожиданіи конца страшнаго своей силой и таинственностью явленія природы.

Земля дрожала какъ живая, и чувствовалось, какъ волны землетрясенія пробѣгаютъ подъ ногами. Голова кружилась отъ колебаній почвы. Всѣ молчали, тяжело переводя дыханіе. Вертикальный толчекъ снизу, стонъ и скрипѣніе построекъ смѣшались съ ревомъ бури, пронесшейся по деревьямъ и съ ужасающей силой нагнувшихъ вершины тополей великановъ къ самой землѣ. Почти у самыхъ моихъ ногъ вдругъ образовалась въ землѣ трещина, стороны которой, быстро расширяясь, образовали глубокую канаву, моментально наполнившуюся водою. Толчекъ слабѣе. Еще. Постепенно движеніе подземныхъ волнъ стало меньше и меньше. Вѣтеръ утихъ, и лишь листва на деревьяхъ продолжала еще шелестѣть.

— Должно быть кончилось, послышался неувѣренный совершенно измѣнившійся до неузнаваемости чей-то голосъ.

— Всѣ кажись цѣлы. Разжигай огонь!! началъ распоряжаться кто-то, постепенно успокоившись и придя въ себя.

Яркій огонекъ спички засіялъ въ темнотѣ, а черезъ минуту нѣсколько пучковъ сухого камыша, вынутаго изъ обрушившейся крыши, уже освѣтили значительную площадь.

Картина разрушенія, представившаяся нашимъ глазамъ, казалась еще мрачнѣе и безотраднѣе благодаря причудливымъ тѣнямъ, падавшимъ отъ красноватаго свѣта пламени. Кишлакъ, какъ будто вымершій на время, сталъ оживать. Слышались громкіе голоса, плачъ женщинъ и дѣтей. Обвалившіяся

сакли, дувальныя стѣны которыхъ не выдержали подземныхъ толчковъ, представляли изъ себя безобразныя кучи глины, изъ которыхъ торчали бревна и хворостъ. Огромныя трещины въ землѣ тянулись по всѣмъ направленіямъ.

— Много народу побито, сказалъ возвратившійся Киріаковъ, ходившій осматривать сосѣднія сакли.

— Вездѣ стонъ стоитъ. Бабы ревутъ. У которой кого изъ семейства, а у которой скотъ передавило. Плачь не плачь, а ничего не подѣлаешь, все воля Божья!!

Старикъ нукеръ, пріѣхавшій съ нами, угрюмо молчалъ, стоя около дерева.

— Какъ ты думаешь Алла-Надиръ—вѣдь противъ Аллаха ничего не подѣлаешь?

— Нѣтъ это я виноватъ во всемъ несчастьи, тономъ глубокаго убѣжденія какъ бы разговаривая самъ съ собою заговорилъ тотъ, отвѣчая повидимому на свою мысль.

— Я недавно былъ по дѣлу у Казія и присягу принималъ, что скажу правду, а самъ ты знаешь кто принялъ присягу на Коранѣ, на того ложатся всѣ несчастья. Мнѣ не нужно было этого дѣлать.

— Да, ты правъ, подтвердилъ одинъ изъ таджиковъ, это всѣмъ извѣстно, что человѣкъ, принявшій присягу, всюду приноситъ за собою несчастья. Не даромъ, говорятъ, ему сопутствуетъ Азраилъ.

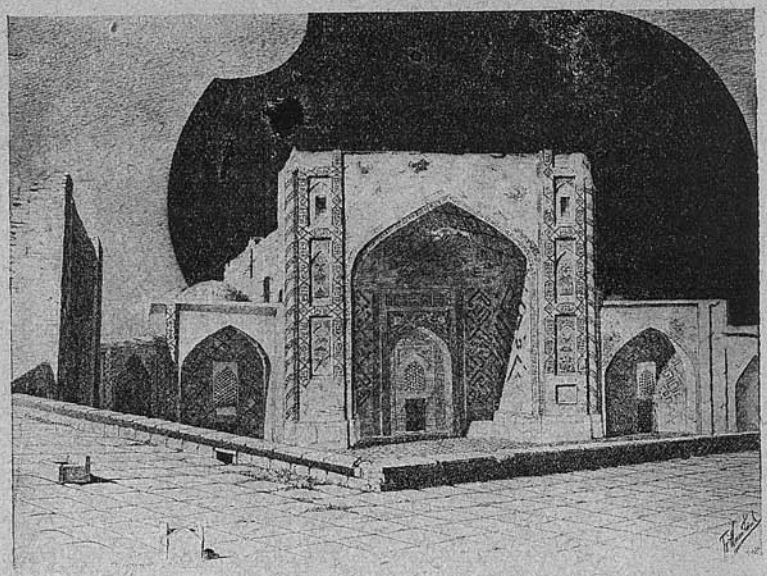
Остатокъ ночи мы провели обходя кишлакъ и помогая вытаскивать раненыхъ и оглушенныхъ изъ подъ обрушившихся крышъ. Утреннее солнце, освѣтивъ за нѣсколько минутъ окрестности, какъ будто

испуганное картиною людскаго бѣдствія, тотчасъ-же спряталось за тучи.

День начинался туманный и сѣрый. Подулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, закрывшій весь небосклонъ свинцовыми тучами, низко нависшими надъ долиной; лишь иногда сквозь тучи виднѣлись вершины горъ, казавшіяся еще выше.

Со стѣсненнымъ сердцемъ, подавленные пережитымъ, мы выѣхали изъ Чиль-Дара, направляясь параллельно теченію рѣки Хингоу.





XXVIII.

Горцы Вахана.—Преданія объ огнепоклонникахъ.—Неизвѣстное племя Сіапуши.—Дарвазъ.—Тоби-дора. Мойка золота.—Золотопромышленникъ въ лохмотьяхъ.—Воспоминаніе о присоединеніи Памировъ.—Головоломная дорога.—Овринги.

Являясь самымъ многоводнымъ притокомъ Вахша, рѣка Хингоу или по туземному Хингъ-Объ, разсѣкая горные массивы, течетъ среди крутыхъ береговъ, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуя не особенно широкія долины. Съ шумомъ перекатываясь черезъ камни и скалы, Хингоу несетъ свои мутныя воды, принимая съ обоихъ сторонъ цѣлый рядъ небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ, вытекающихъ изъ горъ

Дарваза, жители котораго, попадавшіеся на нашей дорогѣ, такъ рѣзко отличались отъ видѣнныхъ нами раньше людей равнинъ. Темныя лица горцевъ казались вылитыми изъ бронзы, гармонируя съ стройными мускулистыми ихъ фигурами, обличавшими силу. Лишь безпокойный мрачный взглядъ изъ подъ лобья долго провожалъ насъ, оставляя какое то ощущеніе враждебности, которое испытывали горцы къ незнакомымъ людямъ, проѣзжавшимъ чрезъ ихъ земли. Порою попадались свѣтлые блондины, по своему типу подходившіе къ жителямъ сѣвера. Сѣрые и голубые глаза съ большимъ любопытствомъ смотрѣли на чужестранцевъ.

— Это ваханцы, удовлетворилъ мое любопытство Чиль-Дарьинскій шахъ, ѣхавшій сбоку на небольшой, но изумительно цѣпкой горной лошадкѣ.

— Много также людей идутъ изъ Шугнана и Рушана на заработки въ Кулябъ.

— Плохіе они мусульмане, такъ только одно названіе. Не даромъ ихъ истреблялъ Али, когда воевалъ эти страны. Въ горахъ Дарваза, Шугнана, Рушана и Вахана много было крѣпостей, но всѣ они были разрушены Хазретомъ, а жители обращены въ исламъ. Только одни сіапуши не покорялись ему, и онъ въ своемъ справедливомъ гнѣвѣ наложилъ проклятіе на этихъ безбожниковъ, ушедшихъ затѣмъ въ Афганистанъ, гдѣ лишь Абдурахманъ-Эмиръ наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почти истребилъ это непокорное племя, оставшееся до послѣдняго времени кефирами—невѣрными, отвергавшими свѣтъ ученія Магомета и будто слѣпые кроты блуждавшіе во тьмѣ своего безбожія.

— Ихъ души всегда были также черны, какъ ихъ одежда.

— Но когда же жили эти люди здѣсь и откуда они пришли? Задалъ я вопросъ, чтобы вызвать шаха на разговоръ.

— Ахъ тюря это было страшно давно, еще раньше того времени, когда мои предки пришли въ Дарвазъ. Въ Самаркандѣ царствовалъ еще Хазретъ-Афросіабъ, а Искандеръ тогда воевалъ Иранъ, гдѣ жилъ Ханъ-Кейкаусъ, имѣвшій развратнаго сына Сіапуша. Не могъ Кейкаусъ сопротивляться войску Искандера и отдалъ Хазрету свою страну. Сынъ же Сіапушъ со всѣми людьми бѣжалъ, ища защиты у Афросіаба, который ласково принялъ изгнанника и далъ ему свою любимую дочь въ жены, приказавъ жить ему въ низовьяхъ рѣки Заравшана ближе къ широкой Аму—чтобы онъ защищалъ царство отъ нашествій варваровъ, обитавшихъ за Аму въ безбрежныхъ степяхъ.

— Нашелъ Сіапушъ хорошее мѣсто на Заравшанѣ и построилъ крѣпость на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ стоитъ теперь Бухара, но не долго жилъ онъ тамъ со своими людьми, которые были большими грѣшниками. Разгнѣвался за ихъ дѣла Афросіабъ, и прогналъ всѣхъ въ Дарвазскія горы, откуда снова мечемъ изгналъ ихъ Хазретъ-Али, освободивъ моихъ предковъ отъ жестокихъ притѣснителей—пившихъ ихъ кровь.

— Однако откуда ты все это знаешь шахъ?

— Я тюря много книгъ читалъ, въ нихъ все говорится. Есть такая у меня книга, Шахъ-Наме на-

зывается, въ ней все это сказано, что я тебѣ тюря разсказывалъ. Тогда дивные люди жили, мало похожіе на теперешнихъ. Богатыри были, Хазретъ Аллаха Али и всѣ они истребляли дурныхъ людей въ здѣшнихъ мѣстахъ, хотя тѣ и жили въ своихъ каменныхъ крѣпостяхъ, гдѣ и совершали нечестивые обряды. Вѣтры горъ развѣяли прахъ царя Сіапуша, котораго сжегъ Хазретъ-Али, но его сыновья Кокъ, Замбръ и Зангибаръ долго еще жили въ недоступныхъ горахъ.

Сіапуши-кефиры принадлежатъ къ числу крайне интересныхъ народностей, свѣдѣнія о которыхъ незначительны. Надо предполагать по нѣкоторымъ даннымъ, что они были огнепоклонниками, а затѣмъ христіанами и жили въ припянджскихъ странахъ, образовавъ нѣсколько сильныхъ государствъ. Арабскій географъ Ибнъ-Истахи (950) лишь кратко сообщаетъ, что во всѣхъ этихъ странахъ жили невѣрные, ведшіе кровопролитныя войны съ мусульманами. Племянникъ пророка Магомета, покоряя всю страну, выдержалъ тяжелую борьбу съ ними, но, послѣ ряда пораженій, наконецъ, при помощи Аллаха изгналъ ихъ и разрушилъ ихъ нечестивое царство.

Остатки огромныхъ крѣпостей, разбросанныхъ въ припамирскихъ странахъ, служатъ наглядным подтвержденіемъ значительной силы ихъ владѣтелей, покорившихъ аборигеновъ страны и долго управлявшихъ покоренными племенами со страшною жестокостью. Лишь въ преданіяхъ сохранились разсказы о ихъ владычествѣ, закончившемся изгна-

ніемъ ихъ за Аму Дарью. Но и здѣсь Али продолжалъ безпощадное истребленіе ненавистныхъ невѣрныхъ, пока не прогналъ за горы Гиндукуша, гдѣ на дорогѣ черезъ перевалъ Истрагъ имъ была уничтожена почти вся сіапушская армія, остатки которой разсѣялись затѣмъ по Читралу и Авганистану, и, живя замкнутою жизнью въ горахъ, долго, почти до нашихъ дней, сохранили они свои обычаи, языкъ и самобытность.

Религіозныя смуты, начавшіяся въ Персіи въ XII и XIII вѣкѣ, вынудили многія мелкія персидскія племена искать новыхъ мѣстъ, и труднодоступность припянежскихъ странъ привлекла сюда значительное число бѣглецовъ, распространившихъ здѣсь измаилитство, а затѣмъ въ скоромъ времени образовавшихъ нѣсколько независимыхъ государствъ, враждовавшихъ постоянно между собою, причемъ Дарвазъ игралъ значительную роль, какъ ближайшая страна къ государствамъ равнинъ, съ которыми въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ велись безпошадныя и кровопролитныя войны. Замкнутость этихъ странъ и ихъ труднодоступность препятствовала ихъ сліянію съ сосѣдними народностями, въ силу чего почти до самаго конца XIX вѣка ихъ жизнь текла совершенно особо отъ всѣхъ остальныхъ мѣстъ Бухары и Авганистана.

Лишь упоминанія въ китайскихъ рукописяхъ объ особой платѣ, которая всегда выдавалась жителямъ горныхъ странъ припамирскихъ за охрану торговыхъ дорогъ, указываетъ на значительную силу ихъ населенія, отличавшагося большою воинственностью.

Противъ кишлака Тоби-Дара былъ сдѣланъ привалъ, и за отсутствіемъ мѣста пришлось готовиться къ совершенію переправы черезъ рѣку на гупсарахъ. Нѣсколько человѣкъ таджиковъ принесли съ десятокъ грязныхъ, мокрыхъ и покрытыхъ шерстью шкуръ, которыя, присѣвъ тутъ же на берегу, стали надувать воздухомъ черезъ небольшія трубочки. Шкура постепенно выпрямлялась, складки исчезали, появлялась округлость, дававшая возможность различить то животное, которое носило эту кожу при жизни. Скоро съ помощью пяти палокъ и девяти гупсаръ былъ связанъ зыбкій плотъ, положена на него настилка изъ хвороста, и все для переправы было готово.

Я неувѣренно сѣлъ на настилку, опустившуюся подъ тяжестью, предварительно на всякій случай снявъ съ себя все платье. Привязавъ одинъ изъ плотовъ къ хвосту лошади переправщикъ погналъ ее вверхъ по теченію, а затѣмъ уже направилъ черезъ рѣку съ глухимъ шумомъ кативщую свои волны. Плотъ вертѣлся и прыгалъ на водѣ. Ежеминутно ожидая катастрофы и блансируя на немъ, мы облегченно вздохнули когда подъѣхали къ противоположному берегу, куда пристали на полверсты ниже по теченію. Паденіе воды въ Хингоу все дѣлалось больше и больше, такъ какъ абсолютная высота его долины уже въ этихъ мѣстахъ достигала до шести тысячъ футовъ. Температура была довольно низкая днемъ, а къ вечеру напоминала холодные осенніе дни Великороссіи.

Дулъ холодный вѣтеръ, заставлявшій съ кно-

цомъ дня надѣвать теплый полушубокъ. Снѣговые горы какъ будто сдвинулись вокругъ ввидѣ огромнаго амфитеатра.

— Не вдалекѣ отсюда на притокѣ Яхъсу—Сафетъ Дарьѣ находятся золотыя розсыпи инженера Покорскаго, близь которыхъ я работалъ, указалъ Б. всматриваясь въ окружающую картину.

— Если будетъ время, то на возвратномъ пути заглянемъ къ нему...

— Интересный по своему человѣкъ—фанатикъ идеи. „Золотопромышленникъ въ лохмотьяхъ“, какъ опредѣлилъ когда то покойный Мушкетовъ туркестанскихъ золотоискателей. Но говорятъ, что теперь у него идутъ дѣла лучше. Хотя подумайте только какой ужасъ—вѣдь онъ 15 лѣтъ сидитъ на своей розсыпи среди горцевъ, видя не чаще какъ разъ, два въ годъ интелигентнаго человѣка. Хуже поселенія такая жизнь, но онъ все-таки не смотря ни на что крѣпокъ и бодръ духомъ. Хотя за послѣдніе годы посѣдѣлъ порядочно.

— А мѣсто его въ буквальномъ смыслѣ золотое дно: до $^1/_2$ золотника золота въ ста пудахъ породы. Къ несчастью у него средствъ мало, и въ то же время къ стыду нашихъ золотопромышленниковъ ему не удается создать акціонерную кампанію главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что познанія большинства о восточной Бухарѣ такія же, какъ и о лунѣ. Иностранцы же хотѣли бы начать здѣсь работы, но не имѣютъ права.

Между тѣмъ, миновалъ кишлакъ Чарсунъ, мы стали подниматься на огромный перевалъ, отдѣля-

ющій басейнъ Хингоу отъ басейна Пянджа. Горы дѣлались все мрачнѣе и пустыннѣе. Узкая тропа вилась по карнизу надъ страшными обрывами и крутизнами, гдѣ, слѣзая и держась за хвостъ лошадей, мы то поднимались на верхъ хребта, то, сползая по головоломной поверхности, спускались внизъ.

И эти гимнастическія упражненія были до нельзя утомительны, въ силу чего нѣсколько разъ мы останавливались на площадкахъ, дѣлая продолжительные привалы.

Внизу въ разщелинахъ журчали ручьи свѣтлой и холодной воды. Кое гдѣ виднѣлись кишлаки дарвазцевъ съ темными низкими саклями, мало похожими на жилье человѣка и казавшимися какими то звѣриными берлогами. Загоны для скота примыкали непосредственно къ саклямъ, образуя съ ними сплошную массу, прикрытую глинобитными крышами, на которыхъ сушились особые кирпичи изъ кизяка, служащаго населенію топливомъ. Полное отсутствіе растительности около кишлаковъ и страшная грязь дворовъ и улицъ дѣлали ихъ еще неприглядиѣе.

Небольшія площадки удобной для обработки земли, на сосѣднихъ горахъ, служили мѣстами для посѣвовъ, не могущихъ вслѣдствіе своихъ малыхъ размѣровъ прокормить населеніе, вынужденное поэтому питаться почти исключительно тутомъ и частью привознымъ изъ сосѣднихъ бекствъ хлѣбомъ.

Поднявшись на вершину перевала, достигающаго

свыше 12 тысячъ футовъ, мы остановились на отдыхъ. Видъ съ высоты былъ очень хорошъ. Огромныя снѣговыя горы со всѣхъ сторонъ были видны на самомъ небольшомъ отъ насъ разстояніи. Къ югу поднимался мощный хребетъ Бадакшанскихъ горъ, находившихся за Пянджемъ въ Авганистанѣ и являющихся однимъ изъ отроговъ Гиндукуша.

— Вонъ гдѣ богатство, указалъ рукою въ сторону Бадакшана Б.

— Досадно, что весь край, принадлежавшій искони Бухарѣ, послѣ разграничительныхъ работъ мы отдали Авганистану. Немного больше настойчивости въ свое время, и граница Россіи закрывалась бы съ юга Гиндукушомъ. Время было очень благопріятное, но къ несчастью дипломатія испугалась Англіи и пошла на уступки. Между тѣмъ богатый Бадакшанъ не чета бѣдному Дарвазу. Я помню хорошо всѣ обстоятельства, сопровождавшія уступку запянджскихъ областей Бухары Авганистану. Во многомъ мы сами виноваты, не опредѣливъ точно при завоеваніи Бухары ея внѣшнихъ границъ, въ силу чего Памиры постепено были захвачены авганцами, выставившими на нихъ свои посты. Но непріязненное ихъ отношеніе къ киргизамъ и притѣсненія вынудили наконецъ насъ въ въ 1892 году положить конецъ авганскимъ захватамъ на Памирахъ, имѣющихъ для насъ огромное и политическое, и стратегическое значеніе.

— 22 іюня вышелъ изъ Ново-Маргелана отрядъ подъ начальствомъ полковника Іонова (нынѣ генералъ-лейтенанта) и, перейдя рядъ хребтовъ, 30 уже

былъ на Мургабѣ, около устья рѣки Акъ-Байталъ. Здѣсь отдохнули и стали производить развѣдки, чтобы собрать свѣдѣнія объ авганскихъ войскахъ. Главная стоянка авганцевъ оказалась около озера Яшиль-Куль. Рѣшивъ неожиданно окружить авганцевъ, полковникъ Іоновъ 10 іюля съ отрядомъ изъ одной сотни казаковъ при двухъ орудіяхъ подошелъ къ рѣкѣ Аличуру, гдѣ въ Бузуля (Джарти-Кумбесъ), узнавъ черезъ развѣдки и туземцевъ о расположеніи авганскаго поста. 12 іюля въ 6 час. утра подошелъ къ нему, отрѣзавъ предварительно всѣ пути для отступленія.

Авганцы видимо совершенно не знали о движеніи русскаго отряда и были застигнуты врасплохъ, занимаясь своими хозяйственными дѣлами и отдыхая. Но, увидя русскихъ, они все же тотчасъ же стали одѣваться въ мундиры и, заряжая на ходу ружья, собрались довольно быстро около юрты своего начальника, которымъ былъ авганискій капитанъ Гулямъ-Хейдеръ-Ханъ. Все это мы видѣли какъ на ладони, такъ какъ были на верху склона Они растерялись, но потомъ оправились и встрѣтили посланныхъ для переговоровъ крайне вызывающе. Когда же полковникомъ Іоновымъ было предложено авганскому начальнику подняться на верхъ для переговоровъ, то Гулямъ-Ханъ, взявъ съ собою человѣвъ 15 авганцевъ, довольно скоро прибылъ и остановился противъ нашего взвода казаковъ, а его солдаты выстроились въ одну шеренгу и взвели курки ружей. Никогда я не забуду этой тяжелой сцены, происходившей среди пустынныхъ

горъ, гдѣ представители двухъ враждебныхъ націй остановились другъ противъ друга въ какихъ нибудь пяти шагахъ. Въ срединѣ стоялъ верхомъ на лошади полковникъ Іоновъ съ переводчиками. Каждая сторона глубоко была убѣждена въ своей правотѣ, считая другую нарушительницею территоріи своего государства.

Смѣлый человѣкъ былъ Гулямъ-Ханъ. Сердито смотря прямо на насъ своими красивыми черными глазами, онъ первый спросилъ:

— „На какомъ основаніи русскіе явились на Яшъ-Куль, всегда принадлежащій Авганистану?“

Іоновъ черезъ переводчика отвѣтилъ:

— „На основаніи англо - русскаго соглашенія 1872—1873 г.!“

Надо было видѣть, какъ возмутился капитанъ. Досталосъ отъ него Англіи порядочно.

— „Какое намъ дѣло до Англіи и вашего соглашенія. Наши Памиры—съ нихъ всѣ воды текутъ къ намъ. Я же какъ солдатъ никогда не сдамъ своего поста и не положу оружія, пока его у меня не отнимутъ силой“.

— Видно, что рѣшительный человѣкъ былъ, мы такъ прямо залюбовались его смѣлостью; никакихъ резоновъ онъ принимать не хотѣлъ и совершенно не желалъ даже считаться съ тѣмъ фактомъ, что его люди окружены превосходными силами.

— Настоящій военный!!!

Да и многіе изъ нихъ были храбрые, преданные своему долгу люди. Видя, что переговоры не дадутъ никакихъ результатовъ, полковникъ Іоновъ прика-

залъ силою обезоружить авганцевъ. Но тѣ были на готовѣ и залпомъ почти въ упоръ встрѣтили казаковъ, кинувшихся въ рукопашную.

— Схватка эта окончилась только тогда, когда былъ убитъ Гулямъ-Хейдаръ-Ханъ и еще пять человѣкъ его солдатъ, остальные бросились назадъ и, засѣвъ за юрты и валы, осыпали насъ градомъ пуль. Но затѣмъ, разстрѣлявъ патроны, черезъ нѣсколько минутъ бросили оружіе и были взяты въ плѣнъ. Интересно, что одинъ изъ солдатъ, кажется изъ унтеръ-офицеровъ, все таки не хотѣлъ сдаться и поэтому, видя, что уже нѣтъ никакого выхода, бросился съ крутого берега въ рѣку Аличуръ и погибъ въ ея быстрыхъ волнахъ.

— Съ нашей стороны потери были небольшія. Въ общемъ же моральное и политическое значеніе Яшъ-Кульской стычки было огромно.

— Почти одновременно были высланы отряды съ одной стороны по рѣкѣ Гунту до Пянджа и далѣе вверхъ по его теченію, а съ другой, командированы команды, прошедшія черезъ Дарвазъ и поднявшіяся отъ Кала-и-Хумба также вверхъ по Пянджу до Кала-Вамура. Постепенно, выдержавъ рядъ стычекъ, наши войска оттѣснили авганцевъ за Пянджъ и такимъ образомъ, не смотря на значительное число войскъ, собранныхъ авганцами, они принуждены были очистить Памиры.

— Крайне жаль, что тогда же не была проведена граница хотя-бы по всему Пянджу, начиная съ его истоковъ, если уже нельзя было оттѣснить авганцевъ за Гиндукушъ. Да и это въ сущности

тогда легко было сдѣлать, но мы все пугали себя Англіей. И впослѣдствіи въ силу тѣхъ же причинъ наша дипломатія создала крайне невыгодное соглашеніе 1895 года, что низвело на нѣтъ успѣхи наши на Памирахъ и при Кушкѣ и благодаря чему отданъ Авганистану весь богатый Бадакшанъ, принадлежавшій раньше всегда Бухарѣ.

Спускаясь шагъ за шагомъ внизъ въ узкое мрачное ущелье съ каменистымъ дномъ, по которому протекалъ небольшой ручей, мы снова стали подниматься на самый высокій перевалъ, достигающій вышины до 15 тысячъ футовъ и носящій названіе Сары-Обскаго перевала, вершины котораго, покрытыя снѣгомъ, поднимались и господствовали надъ всѣми пройденными нами перевалами.

— Ну, теперь набирайтесь, храбрости, скоро дойдемъ до самаго непріятнаго мѣста. Овринги начнутся.

— Овринги?!!

— Что такое овринги? Не понялъя слыша какое то совершенно незнакомое слово.

— Это вы сами себѣ скоро уясните.

— Но все же надо вамъ сказать, что такъ называются мосты, устраиваемые тамъ, гдѣ нѣтъ карниза. Представьте себѣ, что въ отвѣсную стѣну, пользуясь кое-какими трещинами, вбиваютъ бревна длиной аршина въ два; сверху этихъ всегда подвижныхъ и шатающихся основаній кладутся поперекъ жерди, на которыя затѣмъ набрасывается хворостъ и камышъ. Вотъ вамъ и готова проѣздная дорога, висящая надъ глубокими пропастями. Мостъ

черезъ Вахшъ вамъ покажется ничто въ сравненіи съ овринтомъ. Иногда бываетъ, что мѣстами бревно выскочило, и тогда приходится переѣзжать почти-что по воздуху.

Дорога шла по узкому карнизу, поднимаясь на огромную высоту Дарвазскаго хребта. Справа, уходя вверхъ, поднималась отвѣсная скала, а слѣва гдѣ то внизу виднѣлось темное ущелье, дно котораго скрывалось тѣнью. Ширина тропы не превышала двухъ аршинъ, но мѣстами суживалась и на поворотахъ представляла собою значительное препятствіе, преодолѣть которое приходилось съ большими трудностями.

Привычныя горныя лошади, дойдя до поворота, осторожно переступали ногами, при чемъ казалось, что есть моменты, когда часть тѣла лошади и всадника висятъ въ воздухѣ надъ бездною. Наши разговоры давно уже прекратились, и мы продолжали медленно подвигаться впередъ, дѣлая не больше верстъ 3—4 въ часъ. Порою на выбитой тропѣ оказывался гладкій порогъ, гдѣ лошади, скользя съ большими усиліями преодолѣвали препятствія, навѣвая на сѣдоковъ тоскливое настроеніе ожиданія катастрофы.

— Начинается оврингъ!! крикнулъ Б., ѣхавшій впереди.

— Все равно назадъ вернуться или слѣзать съ лошади нельзя, едва слышно долетѣло до меня предупрежденіе.

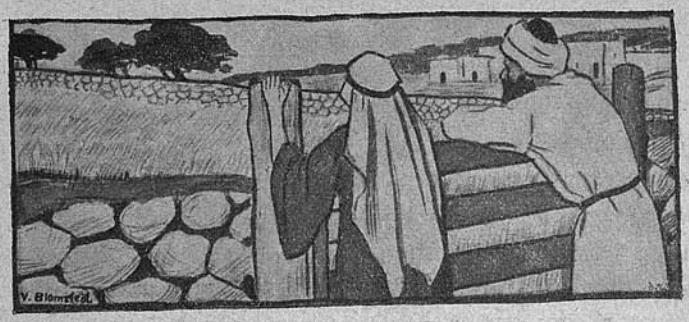
Впереди на разстояніи саженъ 20 виднѣлся воздушный мостъ, на настилку котораго уже вступала

лошадь одного изъ проводниковъ. Тонкія бревна, вставленныя въ расщелины скалы, подавались подъ тяжестью проѣзжавшаго и порою скрипѣли какъ живыя, будто предупреждая о той страшной опасности, которой подвергается ѣхавшій.

Темная бездна пропасти чернѣла гдѣ то далеко внизу, откуда доносился шумъ воды.

Осторожно ступая по зыбкой гнущейся настилкѣ, лошадь нервно дрожитъ, и видно, какъ ужасъ постепенно овладѣваетъ животнымъ. Сердце начинаетъ работать такъ сильно, что самъ начинаешь ясно слышать его громкіе и частые удары. Не смотря на низкую температуру, становится страшно жарко, а затѣмъ холодный потъ покрываетъ все тѣло. Еще нѣсколько шаговъ, и лошадь боязливо останавливается передъ зіяющей дырою—настилка провалилась въ бездну, и лишь, будто кости скелета торчатъ жерди, по которымъ храпя съ ловкостью эквилибриста переступаетъ привычное животное, ставя ноги на скрѣщенія жердей съ балками.

Кажется, проходятъ цѣлые часы, пока наконецъ эта ужасная дорога пройдена, и мы снова на каменной тропѣ, которую невольно начинаешь теперь считать отличной и совершенно безопасной дорогою.



XXIX.

Таджикская аристократія.—Древняя книга.—Память объ Александрѣ Македонскомъ.—Кала-Шикай.—Читралъ.—Англичане и ихъ отношенія къ туземцамъ. — На башнѣ смерти. — Исторія таджикскаго Шаха.—Кала-и-Хумбъ.—Молитва звѣздамъ.

Сидя подъ развѣсистымъ чинаромъ около стариннаго полуразрушеннаго мазара, въ маленькой долинѣ, на днѣ огромнаго дикаго ущелья, мы любовались прозрачностью воды, протекавшаго по дну ущелья ручья, падавшаго съ шумомъ въ пропасть, находившуюся немного ниже нашей стоянки. Старый шахъ, присѣвъ около воды, совершалъ омовеніе, а затѣмъ, окончивъ установленную закономъ молитву, съ удовольствіемъ взялъ предложенную ему нами чашку чая.

— Вѣдь шахъ, это все равно, что амлякдаръ, не правда ли?—обратился я къ нему.

Да, тюря. Почти то же самое, но только амлякдары назначаются изъ числа чиновниковъ. Между тѣмъ какъ шахи выбираются населеніемъ. Они лишь бываютъ тамъ, гдѣ имѣется таджинское населеніе, при чемъ можетъ быть выбранъ въ шахи лишь человѣкъ, принадлежащій къ ша. Тюря можетъ быть не понимаетъ, что я говорю.

— Меня зовутъ Магометъ-Ша. Ша — это значитъ благородный, царственный. Родъ мой ведетъ свое начало отъ государей этой страны. И лишь изъ людей, принадлежащихъ по рожденію къ сословію благородныхъ, ша — можетъ быть избранъ шахъ. Прежде бывало трудно выбирать, но теперь насъ ша очень мало осталось, иногда одинъ на огромное разстояніе, и поэтому почти всегда, когда умираетъ старый шахъ, то не имѣя другихъ ша, выбираютъ его сына.

— Мы свой родъ ведемъ отъ бывшаго мира Бадакшанскаго. Есть у меня старая книга, въ которой все это написано, только отъ времени и сырости бумага попортилась и читать стало трудно. Отецъ мой говорилъ, что этой книгѣ больше тысячи лѣтъ.

— Если тюря хочетъ, то я покажу.

И шахъ изъ своего хурджума вынулъ какой то свертокъ, развернувъ который показалъ намъ ветхую въ кожаномъ переплетѣ книгу, пожелтѣвшія страницы которой были сильно оборваны и какъ будто изгрызены. Буквы арабскаго письма сильно стерлись.

Б., внимательно осмотрѣвъ книгу со всѣхъ сторонъ, осторожно передалъ ее мнѣ.

— Да, совершенно правильно, книга древняя, она была написана нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ

— Но позвольте, — запротестовалъ я — неужели бумага была изобрѣтена въ то время. Вѣдь тогда кажется писали на пергаментѣ.

— Не совсѣмъ такъ.

Арабскіе историки въ первый разъ упоминаютъ о писчей бумагѣ въ 650 году по христіанскому лѣточисленію. Но дѣло въ томъ, что не арабы начали ее выдѣлывать. Во время войнъ арабовъ при завоеваніи Средней Азіи, ихъ войска въ 751 году двинулись вмѣстѣ съ войсками ташкентскаго хана на китайцевъ, при чемъ изъ этого похода, увѣнчавшагося успѣхомъ, были привезены китайскіе писчебумажные мастера, которые и начали выдѣлывать бумагу въ Самаркандѣ. Такимъ образомъ, изобрѣтателями бумаги должны быть признаны китайцы, у которыхъ это искусство было извѣстно еще за 2— тысячи лѣтъ до нашего времени.

Изъ Самарканда искусство выдѣлки бумаги проникло въ 795 году въ Багдадъ, а оттуда въ Каиръ. Европейцы же узнали его много позже. Здѣсь вообще въ краѣ встрѣчается значительное количество рукописей, написанныхъ въ очень отдаленное время на бумагѣ. Всѣ онѣ на мусульманскихъ языкахъ, но преимущественно на арабскомъ и фарсійскомъ.

— Не продастъ ли шахъ мнѣ свою книгу?—спросилъ я желая привезти интересную родословную.

— Ахъ, нѣтъ тюря, я этого сдѣлать не могу. Книгу надо передать дѣтямъ такъ же, какъ мой отецъ передалъ ее мнѣ.

— У шаха много дѣтей?

— Да тюря, благословилъ меня Аллахъ. Много, цѣлыхъ семь. Умерло также нѣсколько. У насъ вѣдь много дѣтей умираетъ. И все отъ того, что не исполняютъ люди стараго обычая. Прежде всегда весною, когда выгоняли скотъ и переходили на лѣтовки, то вмѣстѣ съ нимъ уходили всѣ женщины. И тогда на лѣтовку мужчины въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ не допускались. Благодаря такому правилу, дѣти никогда не рождались въ періодъ суровой зимы, а потому и умирало ихъ меньше. Теперь обычай этотъ стали забывать, и вмѣсто мѣсяца, лишь одинъ, два дня остаются женщины однѣ въ лѣтовкахъ, въ силу чего дѣти появляются на свѣтъ Божій среди вьюги и ледяного дыханія зимы. И Азраилъ—ангелъ смерти, многихъ осѣняетъ своими крыльями и матерей, и ихъ дѣтей.

— Много изъ старины стали забывать люди, и плохо теперь жить на свѣтѣ.

Начинаясь отъ вершины послѣдняго перевала, начался спускъ. Среди высокихъ горъ виднѣлась лишь узкая долина Пянджа, на берегу котораго стоялъ городъ Кала-и-Хумбъ, главный городъ Дарваза, славившійся еще во времена глубокой древности выдѣлкою оружія, изъ желѣза, добывавшагося въ окрестныхъ горахъ.

Часто слѣзая и ведя лошадей въ поводу, мы постепенно спускались съ перевала въ какую то огромную и безконечно глубокую котловину. Спускъ былъ не легче подъема. Каменистыми ступенями, выбитыми въ концѣ скалы, спускалась въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ тропа, заставляя, крѣпко подъ уздцы держа лошадь, осторожно сходить внизъ. Ноги страшно уставали и ныли отъ напряженія. Спустившись саженъ пять, десять, а иногда и меньше, приходилось останавливаться и отдыхать.

Таджики въ своихъ башмакахъ на толстыхъ подошвахъ и безъ каблуковъ чувствовали себя куда лучше насъ. Сапоги оказывались обувью мало пригодной для горъ, утомляя ноги.

Люди равнинъ—казаки уральцы, ежеминутно спотыкаясь, съ трудомъ подвигались впередъ. Старикъ урядникъ, частенько останавливаясь, недовольно, что то ворчалъ себѣ подъ носъ.

— Въ чемъ дѣло, Семенычъ? спросилъ его Б. прислушиваясь къ разсужденіямъ бывалаго казака.

— Плохо идти очень, мало мы привычны къ горамъ то. Вотъ и во время японской войны, какъ пришлось идти въ горы, такъ прямо смерть. И казаки, и лошади пропадали по горамъ этимъ самымъ. На развѣдку пошлютъ, а разъѣздъ этотъ ничего сообразить не можетъ. Заѣдешь въ щель какую, и никакъ понять невозможно, въ какой сторонѣ свои, въ какой непріятель. Да и маялись какъ. Легче по равнинѣ сотню верстъ пройти, чѣмъ по такимъ крутизнамъ всего десять. И кони наши для этого не годны.

Приближаясь къ городу, мы начали изрѣдка встрѣчать людей, ѣхавшихъ преимущественно на ишакахъ. Будто на желѣзныхъ ногахъ, имѣя на спинѣ пятипудовый грузъ, поднимался маленькій ишакъ на подъемъ и, ни разу не споткнувшись, осторожно спускался съ значительной крутизны.

Представляя собой горную страну, Дарвазъ, благодаря труднодоступности хребтовъ его отдѣляющихъ, издавна жилъ своею особою жизнью, составляя отдѣльное и независимое государство, во главѣ котораго долгое время стояли правители персидскаго происхожденія. Занимая площадь величиною около $2^1/_2$ тысячъ квадратныхъ верстъ, эта страна имѣетъ населенія около 40 тысячъ человѣкъ, занимающихся скотоводствомъ и земледѣліемъ, разрабатывая всѣ удобныя для посѣвовъ мѣста на страшныхъ вышинахъ; жители его большей частью таджики, хотя встрѣчается также въ небольшомъ числѣ племя гальча, причисляемаго къ иранцамъ, хотя нѣкоторыми это оспаривается. Сами же они себя считаютъ потомками македонцевъ, оставшихся въ Азіи. Имя и похожденія великаго Искандера на столько остались въ памяти народной, что нѣтъ почти мѣстности, съ которою бы не были связаны воспоминанія о его походахъ и жизни. Представляя собою страну, черезъ которую проходила дорога съ одной стороны въ Файзабадъ и Зебакъ, а съ другой въ горныя страны, лежавшія выше по теченію рѣки Пянджа, Дарвазъ очевидно служилъ этапомъ, черезъ который проходили отряды великаго завоевателя, а главный городъ Дарваза Кала-и-Хумбъ, являлся издавна крѣпостью, служа опорнымъ пунктомъ при движеніи вверхъ по Пянджу.

Обиліе монетъ временъ Александра Македонскаго, находимыхъ въ Дарвазѣ, а также и его преемниковъ, служитъ наглядным доказательствомъ продолжительности пребыванія македонцевъ въ Кала-

и-Хумбѣ. Тѣ же преданія, которыя связаны съ его именемъ, разумѣется должны быть приписаны культу обоготворенія Искандера, создавшемуся во всей Азіи, хотя не онъ самъ, а лишь начальники его войска могли побывать въ самомъ Дарвазѣ, не находившагося на прямомъ пути движенія въ Индію. Считая въ числѣ своихъ предковъ македонцевъ, многіе родовитые таджики и гальча въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ никакихъ письменныхъ доказательствъ своего происхожденія, основываясь лишь на семейныхъ преданіяхъ, опирающихся иногда на родословныя, составленныя иногда въ сравнительно недавнее время, а потому и не могущія считаться вполнѣ достовѣрными.

Остатковъ зданій сѣдой старины въ Дарвазѣ встрѣчается крайне мало, и лишь развалины Кала-и-Хумбской и Хулясской крѣпостей пережили вѣка, да нѣсколько древнихъ кладбищъ и мазаровъ являются свидѣтелями былой жизни, ожидая археологовъ для изслѣдованій.

Составляя собою довольно продолжительное время китайскую провинцію, Дарвазъ не имѣетъ на себѣ нынѣ отпечатка китайской культуры, хотя въ то же время нѣкоторые оттѣнки въ вѣрованіяхъ и обычаяхъ Дарвазцевъ указываютъ, что буддизмъ былъ въ свое время довольно сильно распространенъ въ этой горной странѣ, считавшейся впослѣдствіи христіанской и даже причислявшейся въ VII вѣкѣ къ кашгарской несторіанской метрополіи.

Для насъ русскихъ эти мѣста являются особенно интересными, такъ какъ они были первоначальнымъ

мѣстопребываніемъ нашихъ предковъ бѣлыхъ гунновъ, скифовъ и сарматовъ. Составляя собою въ началѣ государство гунновъ или хіу-новъ, образовавшееся около 1200 г. до Р. Х. и существовавшее почти тысячу лѣтъ, а затѣмъ игравшее крупную роль въ видѣ Индопарфянскаго и Индоскифскаго государствъ, смѣнившихъ греко-бактрійцевъ и уступившихъ затѣмъ свою роль въ Азіи народностямъ иранскаго и монгольскаго происхожденія. Антропологическія и лингвистическія изслѣдованія Дарваза, Шугнана и Рушана могли бы въ значительной степени разсѣять туманъ, окружающій вопросы о происхожденіи славянъ.

— Черезъ часъ ѣзды пріѣдемъ, остановился на поворотѣ Киріаковъ.

— Вотъ уже видно Кала-и-Хумбъ, значитъ надо ѣхать скорѣе, чтобы добраться до ночи.

— Подгоняйте-ка лошадь, кстати и дорога пошла ровнѣе—отвѣтилъ Б. понукая своего коня.

— Сегодня опять былъ скверный переходъ, и надо отдохнуть хорошенько.

Горы тѣсно сдвинулись, образуя огромный амфитеатръ. Одинъ хребетъ за другимъ поднимался на горизонтѣ, выдѣляясь различными оттѣнками отъ фіолетоваго до ярко бѣлаго. Сѣрыя скалы виднѣлись на переднемъ планѣ, мрачно сдвинувшись къ рѣкѣ и какъ будто закрывая доступъ на противоположную сторону. Вездѣ царствовала тишина, среди которой лишь раздавался глухой шумъ Пянджа, отсвѣчивавшаго зеленоватымъ прозрачнымъ цвѣтомъ воды. Кое гдѣ на перекатахъ вода бурлила

какъ въ котлѣ, и поверхность ея за далекомъ пространствѣ была покрыта клочьями бѣлой пѣны. Груды камней покрывали всѣ берега, образуя каменистыя мели, среди которыхъ рѣка бѣжала нѣсколькими протоками.

— Вонъ тамъ Кала-Шикай,—указалъ одинъ изъ джигитовъ,—за тѣмъ хребтомъ, въ правую сторону. А дальше будетъ Зыгаръ, и еще дальше, послѣдній постъ Аму-Дарьинской бригады Шаугонъ. Но только туда дорога очень трудная, надо переѣзжать черезъ ледяные мосты перевала Вель-Валякъ.

— А Кала-Вамуръ гдѣ?—заинтересовался я.

— Это на лѣвую руку ваше благородіе. Вонъ тамъ, подъ той горой, верстъ семьдесятъ отсюда будетъ... За дня полтора доѣхать можно. Въ ту же сторону за Вамуромъ и Памирскій отрядъ стоитъ.

— Прежде, когда пограничная стража въ 1895 году заняла авганскую границу, въ Кала-и-Хумбѣ постъ былъ поставленъ, а потомъ его сняли потому, что сказывали больно трудно до него доѣзжать. Офицеръ здѣсь года два жилъ и наши солдаты, а потомъ ихъ отсюда въ Шаугонъ перевели, и здѣсь вся граница осталась открытою. Кто хочетъ, тотъ и можетъ ѣздить въ Авганистанъ. Запрету нѣтъ ни отъ кого.

— Значитъ этотъ участокъ отъ Шаугона до памирскихъ постовъ никѣмъ не охраняется?

— Нѣтъ, тутъ верстъ триста граница открытая, вольная. Если кто везетъ товаръ какой нибудь въ Кулябъ или Бальджуанъ изъ Авганистана, то всегда черезъ Кала-и-Хумбъ ѣздятъ, а Чубекская таможня

въ сторонѣ верстъ на 250 остается. Дорога же здѣсь по Авганской сторонѣ идетъ на Файзабадъ, Зебакъ и къ инглизамъ въ Читраль.

— Да неужели же Читраль близко?

— За одинъ день, а много за полтора дня доѣхать легко можно.

— Вотъ шахъ бывалъ тамъ часто.

— Да тюря,—подтвердилъ шахъ, узнавъ о вопросѣ. —Раза два въ годъ я ѣздилъ прежде въ Читраль по своимъ дѣламъ и чтобы родныхъ навѣстить.

— Тамъ вѣдь такой же народъ какъ и здѣсь?— заинтересовавшись, спросилъ Б.

— Нѣтъ тюря, таджиковъ въ Читралѣ мало, тамъ все читральцы, совсѣмъ особый народъ, мы ихъ языка не понимаемъ, хотя они и мусульмане.

— Сейковъ много, только тѣ въ войскѣ служатъ. И бекъ въ Читралѣ живетъ и Биргитъ*) инглизовъ, но только капитаны инглизы, а въ войскѣ одни сейки. Тысячи двѣ солдатъ есть. Строгій Биргитъ инглизовъ. Разъ узналъ, что я изъ Дарваза бухарскаго, призвалъ къ себѣ и велѣлъ разсказывать, что урусы дѣлаютъ. Но ты самъ знаешь тюря, откуда я могу слышать про урусовъ. Здѣсь они проѣзжаютъ очень рѣдко. Я сказалъ, что не знаю. Тогда разсердился страшно инглизъ и хотѣлъ мнѣ сто палокъ дать, но потомъ увидѣлъ, что я старый и больной и приказалъ лишь беку съ меня взять штрафъ, не знаю за что, а потомъ посадить въ тюрьму. Знакомый человѣкъ за меня выкупъ далъ, и меня отпустили.

*) Бригадный генералъ.

— Нѣ хорошіе люди инглизы, тюря, убѣжденно добавилъ черезъ нѣсколько времени шахъ, вспоминая происшедшій съ нимъ непріятный случай.

— Однако я сильно усталъ отъ этихъ проклятыхъ горъ. Надо остановиться сказалъ Б.

Мы сдѣлали привалъ.

Старый шахъ долго молчалъ, а затѣмъ, ни къ кому не обращаясь, заговорилъ:

— Что эти горы, вышина ихъ заставляетъ биться сердце непривычнаго человѣка, а все-таки онъ знаетъ, что лишь одна рѣдкая случайность можетъ сбросить его внизъ съ этой высоты въ пропасть; гораздо хуже и страшнѣе, когда знаешь, что черезъ нѣсколько минутъ тебя сбросятъ съ такой же страшной вышины другіе люди, и тѣло твое, упадая на камни, разобьется внизу, оросивъ ихъ поверхность своею кровью. Тогда духъ замираетъ, и душа, разставаясь съ жизнью, страшно тоскуетъ, мѣшая даже молиться.

— Ты въ своей долгой жизни испыталъ вѣроятно что нибудь тяжелое. Мнѣ не хочется спать, разскажи пожалуйста, обратился я къ старику.

Мой собесѣдникъ долго молчалъ, собираясь съ мыслями, наконецъ, сѣвъ передо мною и глядя въ темноту ночи своими задумчивыми глазами и какъ будто видя передъ собою далекія картины прошлаго, онъ заговорилъ:

— Много прошло времени тюря. Почти сорокъ лѣтъ, а я все такъ же хорошо помню, какъ будто это было вчера.

— Служилъ я нукеромъ у тюра-джана[1]) Абду-

[1]) Тюра-джань и котта-тюра—титулы наслѣдника престола.

Маликъ-хана. Еще мальчикомъ взяли меня къ нему во дворецъ, и постепенно годъ за годомъ я выросъ и сдѣлался смѣлымъ и храбрымъ джигитомъ. Вынашивалъ я соколовъ катта-тюры, держалъ его коня, ѣздилъ у его стремяни и спалъ какъ вѣрная собака у порога его комнаты, оберегая его покой. И любилъ меня катта-тюра, награждая за службу. Прислушивался я къ разговорамъ старыхъ людей и самъ приходилъ въ разумъ. И такъ хорошо и весело шла моя жизнь. Но видно не судьба была мнѣ прожить ее тихо, и Аллаху угодно было погрузить меня въ пучину житейскихъ бурь, давъ испить до дна всю огромную горькую чашу несчастій.

— Давно уже у насъ вездѣ по базарамъ ходили слухи, что урусы двигаются къ Самарканду, священному городу правовѣрныхъ. Говорили также, что сарбазы эмира не могутъ осилить урусовъ, которые знаютъ такое слово, что побѣда всегда остается за ними и, кромѣ того, имъ помогаетъ самъ шайтанъ. Мало вѣрили этому наши люди, пока не пріѣхалъ однажды гонецъ и сообщилъ, что урусы взяли Самаркандъ, Катта-Курганъ и идутъ на Бухару, а эмиръ больной и старый покорился имъ и заключилъ миръ.

— Много было всякаго народа около катта-тюры, много совѣтниковъ, много вѣрныхъ слугъ, но больше всѣхъ слушалъ онъ стараго муллу Азада изъ Каршей. Строгій былъ мулла — все время Аллаху молился о побѣдѣ и зубами скрипѣлъ, когда слышалъ про неудачи и пораженія нашихъ сарбазовъ. Сталъ онъ приходить часто къ катта-тюрѣ

для молитвъ и много тайныхъ разговоровъ съ нимъ велъ, запершись съ глазу на глазъ въ помѣщеніи. Потомъ какіе-то люди пріѣзжали къ намъ по ночамъ въ курганъ. Но только я еще ничего не понималъ, пока одинъ разъ ночью не разбудили меня, и всѣ мы узнали, что катта-тюра идетъ войной на урусовъ. Эту ночь я никогда не забуду. Весь городъ какъ будто сбѣсился. Муллы читали молитвы. Народъ разложилъ костры по улицамъ и на площадяхъ, и воздухъ оглашался возгласами, призывавшими имена святыхъ и просившими побѣду. Дервиши бичевали себя такъ сильно, что лилась кровь ручьями, орошая землю, и всѣ призывали на помощь Пророка и его четырехъ друзей. Я думаю, что ихъ крики навѣрное долженъ былъ слышать Аллахъ и Магометъ и Али-Левъ Аллаха. Трескъ барабановъ, звуки трубъ и пѣніе стиховъ корана наполняли окрестности.

На утро къ большому знамени катта-тюры стали собираться люди. Тутъ были всѣ наши старые вѣрные сарбазы и нукеры. На быстроногихъ своихъ коняхъ пришли съ береговъ великой Аму туркмены, кара-киргизы изъ далекой Ферганы, авганцы изъ подъ Герата и даже воинственные текинцы изъ-подъ Мерва.

— Много, очень много было войска, и веселая началась у насъ жизнь.

— При звукахъ музыки и выстрѣлахъ изъ пушекъ, одѣтые въ лучшее платье, вышли мы въ походъ. Но видно неугодны были Аллаху молитвы нашихъ муллъ и, встрѣтясь съ войскомъ урусовъ,

несмотря на храбрость всѣхъ людей, мы потерпѣли пораженіе около Каршей и принуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ, ввѣривъ судьбу быстроногимъ конямъ. Этотъ день, тюря, былъ тяжелымъ днемъ. Я первый разъ былъ въ бою, возя большое знамя катта-тюры. Грудью своей мнѣ пришлось не разъ закрыть катта-тюрю отъ удара сабли уруса.

— Въ глухую ночь затѣмъ долго скакали мы по степямъ съ небольшимъ числомъ нукеровъ. И лишь тогда узнали, что Абду-Маликъ-ханъ преступилъ волю отца своего и пошелъ войною и противъ урусовъ, и противъ эмира. Но все же на утро, когда, укрывшись въ недоступномъ ущельи, мы перевязывали свои раны и считали потери, меня позвалъ къ себѣ господинъ мой и сказалъ:

— „Магометъ-ша!“—Я, тюря, какъ уже раньше говорилъ, ша по рожденію, такъ какъ принадлежу къ благородному роду.

— „Ты мой вѣрный нукеръ, возьми лучшаго коня и скачи, какъ вѣтеръ, въ Бухару, гдѣ отдай это письмо близкимъ людямъ великаго эмира—отца моего, пусть они представятъ мое писаніе къ свѣтлымъ очамъ повелителя народовъ“.

— Никогда я прежде не видалъ эмира Бухары Музаферъ-хана—слышалъ лишь, что на всей землѣ нѣтъ государя сильнѣе и могущественнѣе его, и все земное трепещетъ и склоняется передъ нимъ. За крѣпкими, высокими стѣнами священной Бухары стоитъ его дворецъ, гдѣ сидитъ онъ на золотой тахтѣ, осыпанной алмазами и драгоцѣнными кам-

нями и окруженный святыми муллами, читаетъ коранъ и рѣшаетъ дѣла всего міра по шаріату.

— Быстроногій мой конь въ два дня донесъ меня до Бухары, миновавъ благополучно всѣ отряды урусовъ, разсыпавшихся по всему краю, и пули урусовъ не разъ свистѣли мимо моихъ ушей. Со слезами и молитвой цѣловалъ я прахъ на улицахъ священнаго города и какъ червякъ лежалъ на землѣ въ то время, когда меня привели передъ лицо великаго эмира Бухары Музаферъ-хана.

— Прочиталъ эмиръ письмо катта-тюры, долго молчалъ, а затѣмъ горько заплакалъ и сказалъ:

— „Ты любимый нукеръ моего сына, которымъ меня на склонѣ лѣтъ покаралъ Аллахъ за мои грѣхи. Ты видишь мое горе и мои слезы, но сердце мое твердо, и нѣтъ въ немъ прощенія виновному безумному сыну, а ты, какъ участникъ его преступленія—долженъ умереть“.

— Безмолвно лежалъ я на коврѣ, и страдала душа моя отъ этихъ страшныхъ словъ. А тѣнь Пророка на землѣ, повелитель правовѣрныхъ,—замолчавъ, долго сидѣлъ задумавшись, совершенно забывъ обо мнѣ, ничтожествѣ, пресмыкавшемся у его ногъ. За тѣмъ онъ, не взглянувъ на меня, всталъ и вышелъ изъ комнаты. Я же остался въ страхѣ и смертельномъ ужасѣ, ожидая казни, и въ это время, гдѣ-то недалеко, азанъ ближайшей мечети возгласилъ:

„Аллахъ, Аллахъ. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магомета его Пророка“.

И невольно мой страхъ на время какъ будто

рукой сняло, ибо я понялъ, что иду на казнь во славу Аллаха, погибая за участіе въ войнѣ съ невѣрными. И видно смягчилъ Аллахъ сердце эмира, потому что онъ вновь пришелъ и, видя меня лежащимъ, сказалъ:

„Встань рабъ, не насталъ еще часъ твоего конца, судьба не сказала своего послѣдняго слова“.

— Я сталъ на колѣни и поцѣловалъ полу халата повелителя, и тутъ, тюря, я замѣтилъ, что не только страдаетъ душа эмира, но также болѣетъ его старое немощное тѣло.

Но самъ съ собою сталъ говорить эмиръ.

„Хотѣлъ я кончить свою жизнь въ тишинѣ, но вмѣсто этого послалъ мнѣ, на склонѣ дней моихъ, великое Аллахъ испытаніе. И я его выпью до дна, а затѣмъ пойду въ Мекку, поклонюсь въ Каббѣ черному камню, который Аллахъ ниспослалъ людямъ съ неба на землю. Поцѣлую этотъ черный камень, и сниметъ Аллахъ камень съ души моей. Выпью святой воды изъ золотого сосуда, висящаго въ воздухѣ надъ могилой пророка, омоюсь ею и буду здоровъ“.

„Женщину слушать—вѣтеръ слушать. Я виноватъ, что послушалъ свою жену, мать моего первенца Абду-Малика и не призвалъ его во-время къ себѣ, по ея же совѣту началъ войну съ урусами. И теперь поэтому всѣ несчастья обрушились на мою бѣдную старую голову“.

„Живи пока рабъ и ожидай своей участи“, сурово опять обратился ко мнѣ эмиръ и сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы я удалился.

— Много дней потомъ прошло, а я все жилъ во дворцѣ съ людями эмира, сторонившимися отъ меня, какъ отъ прокаженнаго. Не зналъ я, когда судьба прервetъ нить моей недолгой жизни. Но, наконецъ, меня позвали къ эмиру, и я рѣшилъ, что насталъ мой часъ. Съ трепетомъ взошелъ я въ то же помѣщеніе и дерзнулъ обратить взглядъ на намѣстника Пророка, и сжалось мое сердце отъ жалости, когда я увидѣлъ лицо стараго эмира, на которомъ тяжелый недугъ положилъ свою печать.

„Я хочу тебя послать къ сыну моему Абду-Малику—господину твоему“,—тихо сказалъ эмиръ, задыхаясь.

„Быстрѣе вѣтра скачи въ далекую Хиву, не отдыхая ни днемъ, ни ночью. И милость моя будетъ надъ тобою, если ты исполнишь мое порученіе, чтобы о немъ не знала ни одна душа, кромѣ меня, и первенца моего Абду-Мелика, имя котораго произносить для меня такъ тяжело“.

— Все исполню, что прикажешь Хазретъ,— отвѣтилъ я.

— Но повелитель мой... Для тебя я ничтожество, на котораго да упадетъ благосклонно твой ясный взоръ земного льва съ алмазнымъ сердцемъ. Для меня же немилость, блистающая въ твоихъ очахъ, страшная, невыносимая мука. Я прахъ у ногъ твоихъ. Я жалкая тѣнь твоя. Жизнь моя принадлежитъ тебѣ, и я все сдѣлаю, что ты прикажешь и что только въ силахъ сдѣлать человѣкъ съ твердымъ сердцемъ и смѣлой душою.

— Поднялъ тогда Музаферъ-Ханъ на меня взоръ

свой и только что хотѣлъ что-то сказать, какъ громко вскрикнулъ и упалъ навзничь на коверъ. Кинулся я поддержать Хазрета, но не успѣлъ, а когда нагнулся, надъ нимъ уже тѣни смерти пробѣгали по его блѣдному лицу, и я потомъ своей рукою закрылъ ему глаза.

— Долго я сидѣлъ у тѣла эмира, подавленный происшедшимъ, и не было у меня силъ встать и уйти, позвать людей. А люди и стража ходили въ это время около помѣщенія, не смѣя безъ зова войти внутрь его.

— Успокоившись немного, я вышелъ и, закрывъ за собою двери, пошелъ по двору, глубоко задумавшись и никому ничего не говоря о происшедшемъ. Не понимаю до сихъ поръ, почему, но мнѣ казалось, что кто-то наложилъ печать молчанія на мои уста. Тихо такъ было все въ садахъ, и луна своимъ мягкимъ свѣтомъ освѣщала густыя деревья, оставляя лишь въ тѣни пространство подъ ихъ листвою. Я думалъ объ эмирѣ Бухары, ушедшемъ въ иной міръ, я думалъ о немъ все время.

— И ты, тюря, навѣрное поймешь мой ужасъ, когда изъ-за листвы растеній вдругъ на дорогу вышелъ и сталъ передо мною самъ умершій только что эмиръ.

— О, тюря, я закричалъ дикимъ голосомъ и упалъ на землю, лишившись чувствъ. Не помню, какимъ образомъ затѣмъ я очутился въ какомъ-то помѣщеніи и когда очнулся, то опять увидѣлъ эмира, сидящаго невдалекѣ и державшаго въ рукахъ письмо.

„Должно быть случилось что нибудь особенное,

если ты осмѣлился нарушить въ ночное время своимъ крикомъ покой нашего повелителя эмира,—спросилъ этотъ второй эмиръ, обращаясь ко мнѣ.

„Отвѣчай сейчасъ же всю правду, иначе клянусь бородою пророка и своимъ словомъ Астанакула-Парваначи, я вырву твой языкъ и заставлю тебя говорить“.

— Тутъ, тюря, мой страхъ сталъ проходить. Живя далеко отъ двора, я никогда не видалъ, но слышалъ, что у эмира Музаферъ-Хана есть братъ Астанакулъ-парваначи, похожій на него, какъ двѣ капли воды. Астанакулъ этотъ самый былъ передо мною. Несвязно разсказалъ я ему про смерть эмира и, упавъ въ ноги, просилъ прощенія, считая, что послѣднія слова его ко мнѣ были причиною его смерти.

— Задумался Астанакулъ-парваначи.

А потомъ спросилъ:

„Никто кромѣ тебя не знаетъ, что эмиръ умеръ?“

— Я подтвердилъ.

— „Иди за мною“,—сказалъ онъ, вставая и направляясь къ эмирскому помѣщенію.

„Какъ знающій все, что произошло, ты будешь находиться около тѣла эмира и охранять его, читая молитвы“.

— Будто сквозь сонъ помню, прошли мы мимо стражи и снова взошли къ эмиру. И никто не остановилъ насъ, такъ какъ всѣ знали любимца эмира его брата Астанакула-парваначи, имѣвшаго право входить къ нему во всякое время дня и ночи. Вдвоемъ завернули мы тѣло эмира въ чалму, а потомъ въ

коверъ и положили на ложѣ, накрывъ одѣяломъ. Затѣмъ Астанакулъ позвалъ начальника стражи, сказалъ, что Хазретъ боленъ и велѣлъ никого къ себѣ не пускать.

— Пять долгихъ дней и ночей я провелъ въ одномъ помѣщеніи съ покойникомъ эмиромъ, будто помогая Астанакулу-парваначи ухаживать за больнымъ. Ужасны были дни, но еще страшнѣе были ночи. Трупъ издавалъ нестерпимое зловоніе, а я лежалъ почти рядомъ съ нимъ.

— Знаешь ли, тюря, что смерть лучше такого мученія. Я ничего не понималъ, для чего все это было нужно.

— Самъ же Астанакулъ выходилъ, говорилъ съ людьми и много писалъ. Лишь потомъ, долго спустя, я узналъ, что онъ, боясь народнаго мятежа, а также и прибытія въ Бухару моего господина Абду-Малика-хана, котораго онъ не любилъ, рѣшилъ скрыть смерть эмира и возвести на престолъ Бухары младшаго сына эмира Музаферъ-хана Сеида-Богодура, находившагося въ то время къ Кермине и ничего не знавшаго о происшедшемъ.

Почти пять дней всѣ люди думали, что эмиръ тяжко боленъ, и Астанакулъ, оберегая драгоцѣнный покой его, собственноручно носилъ ему пищу, отдавая ее мнѣ, и унося потомъ пустое блюдо.

Тутъ я увидѣлъ, что прахъ эмира и прахъ раба равноцѣнны передъ разрушительной работою безпощадной смерти.

И ничего не говорилъ со мною Астанакулъ, но, глядя на него, мнѣ все время казалось, что я смо-

трю на живого эмира, смерть котораго была страшный сонъ, приснившійся лишь мнѣ.

Утромъ, на шестой день, когда я, изнемогая отъ зловонія, уже не зналъ, что дѣлать, онъ, взойдя, обратился ко мнѣ и сказалъ:

„Конецъ! Черезъ часъ прибудетъ новый эмиръ Сеидъ-Ахадъ-Богодуръ-ханъ!“

„Эмиръ-Музаферъ-ханъ, да успокоитъ Аллахъ его душу, скончался!!“

„Ты же былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ жизни эмира, ты слышалъ, много знаешь. Ты любимый нукеръ Абду-Малика, да разверзится земля подъ его ногами. Но чтобы ты не болталъ лишняго, ты умрешь.

Слѣдуй за мною“

Будто какая-то чужая воля подняла меня, и я пошелъ за страшнымъ Астанакуломъ, вышедшимъ изъ помѣщенія и приказавшимъ тотчасъ же стражѣ схватить меня. Я не успѣлъ даже опомниться и дать себѣ отчетъ, какъ меня уже опутали веревками и, заткнувши ротъ, потащили на арканѣ. Я мысленно читалъ молитвы Аллаху, въ началѣ еще на что-то надѣясь въ глубинѣ души своей, пока не увидѣлъ широкую площадь Регистана и возвышавшуюся надъ нею высокую, круглую башню Смерти. Тутъ сердце упало во мнѣ, и я понялъ, что пришелъ мой конецъ, и минуты жизни сочтены.

Тысячи людей толпились на площади и такъ какъ день былъ базарный, то ожидали томашу[1]). Едва передвигая ноги, я шелъ между нукерами среди толпы, смотрѣвшей на меня съ любопыт-

[1]) Томаша—увеселеніе.

ствомъ, какъ на звѣря. Ни одного взора участія не встрѣтилъ я среди этихъ людей, мнѣ чуждыхъ и далекихъ. Всю свою жизнь я вспомнилъ, поднимаясь по крутымъ ступенямъ башни Смерти, куда меня уже почти несли на рукахъ. Солнце свѣтило такъ ярко, и голубое небо было такъ красиво, что и сказать нельзя, но я сквозь бойницы башни лишь вездѣ видѣлъ бѣлый туманъ, и ничего не различали глаза мои. Мнѣ лишь казалось, что башня вся качается подъ нашею тяжестью, когда поднялись на верхнюю площадку и поставили около невысокихъ зубцовъ, отдѣлявшихъ меня отъ бездны, въ которую черезъ минуту должны были сбросить мое бѣдное тѣло.

Голова у меня кружилась, и мысли какъ будто улетѣли далеко прочь. Во рту было сухо, и я не могъ сказать ни одного слова, лишь стонами подавая слабые признаки жизни.

— Еще одна минута, и я полечу по воздуху и разобьюсь о каменныя бѣлыя плиты площади.

— Знаешь, тюря, эти минуты были длиннѣе дней, а толпа внизу на Регистанѣ ревѣла и хохотала, ожидая интереснаго и рѣдкаго зрѣлища, которымъ являлась для нея моя казнь. Старикъ мулла разостлалъ свой халатъ на землю и меня поставилъ на колѣни, чтобы я послѣдній разъ, какъ истый правовѣрный, вознесъ молитву милосердному Аллаху о прощеніи моей грѣшной души. И эта послѣдняя молитва была безконечною, занимая время равное одному году, хотя прошло, вѣроятно, не больше минуты.

— Два сильныхъ нукера-киргиза схватили меня и разомъ подняли надъ зубцами. Я уже висѣлъ надъ бездною; еще мгновеніе, и жизнь была бы кончена. Ангелъ смерти Азраилъ уже осѣнилъ меня своими крыльями.

— Но, тюря, жизнь человѣка въ рукахъ Аллаха, и Онъ лишь одинъ знаетъ, когда ее перерѣзать.

— Крикъ чей-то „Тохта“, какъ громъ прогремѣлъ въ моихъ ушахъ. Державшіе меня надъ бездной опустили руки и перенеся черезъ зубцы, поставили снова на площади башни.

— Я былъ живъ!!!

„Эмиръ Музаферъ-Ханъ скончался, а Сеидъ-Ахадъ-Богодуръ-ханъ, да прославится имя его во вѣки, вступилъ на престолъ Бухары“,—громко кричали глашатаи.

„Да не начнется его царствованіе казнью... Прощеніе приговоренному къ смерти—во славу Аллаха“,—громкимъ голосомъ сказалъ Диванъ-беги, стоя верхомъ на конѣ, среди Регистана и, махнувъ рукою по направленію къ башнѣ Смерти, двинулся дальше по улицамъ, окруженный своей блестящею свитою.

— Я долго не вѣрилъ, тюря, что я живъ. Мнѣ пришлось ощупывать себя, чтобы въ этомъ убѣдиться.

— Но, посмотри, тюря, когда я взошелъ на башню смерти, мои волосы были черны, какъ крыло ворона, а когда я сошелъ внизъ, то голова моя была покрыта какъ снѣгомъ, и волосы сдѣлались бѣлыми, какъ у старика.

— Да, тюря, почти сорокъ долгихъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я все помню, какъ будто это было вчера.

— Астанакулъ-парваначи взялъ потомъ меня къ себѣ. Съ нимъ же я былъ и въ Гиссарѣ, служа какъ вѣрный рабъ пресвѣтлому Астанакулу кушъ-беги, миру Гиссарскому, лишь вспоминая порою своего прежняго господина катта-тюрю Абду-Малика-хана, сложившаго свои кости гдѣ-то въ хивинской пустынѣ, гдѣ вѣтеръ разсѣялъ его прахъ.

— И всѣ уже умерли и Музаферъ-ханъ, и Астанакулъ-кушъ-беги. И я теперь, доживая свои долгіе годы, также ожидаю смерти. Но я, тюря, послѣ этого не боюсь никакой высоты.

— Здѣсь, среди своего народа, проводя послѣдніе дни, я порою, остановившись надъ бездонною пропастью, вспоминаю страшныя минуты, которыя пережилъ на башнѣ смерти.

Темныя абрисы башенъ мрачно чернѣли, выдѣляясь среди высокихъ стѣнъ Кала-и-Хумбской крѣпости, когда мы подъѣзжали къ ней.

Сложенныя изъ камня на глинѣ, и отштукатуренныя они пережили вѣка, но частью осыпались, получивъ отъ этого видъ заброшенности. Башни съ разрушенными зубцами печально смотрѣли своими бойницами, въ которыхъ нашли себѣ пріютъ голуби, огромными стаями поселившіеся въ этихъ старыхъ твердыняхъ, перенесшихъ не одну осаду за время своего долголѣтняго существованія. Группы бухарскихъ солдатъ, стоявшихъ подъ сводами въѣздныхъ воротъ, освѣщенные мигающимъ свѣ-

томъ факеловъ, казались какими-то выходцами съ того свѣта. Одѣтые въ халаты туземнаго покроя, съ кривыми саблями на поясѣ, люди бекской свиты придавали картинѣ видъ стародавней Бухары, сохранившейся въ этомъ дикомъ, отдаленномъ отъ культурной жизни уголкѣ, въ полной неприкосновенности.

Вокругъ темнѣли глинобитныя постройки Кала-и-Хумба, окруженныя деревьями. Толпа народа собралась около воротъ посмотрѣть на томашу, которою являлся для большинства пріѣздъ невиданныхъ многими страшныхъ урусовъ.

Старикъ бекъ, въ золотомъ парчевомъ халатѣ, но съ русской станиславской лентой черезъ плечо, окруженный своими приближенными, представлялъ собою красивую картину, такъ и просившуюся на полотно.

Пройдя въ приготовленное помѣщеніе, мы долго сидѣли на воздухѣ, наслаждаясь тишиною и свѣжестью ночи.

Огромныя звѣзды красиво выдѣлялись на темномъ фонѣ неба. Невдалекѣ отъ насъ на площадкѣ, едва освѣщенная свѣтомъ лампы, виднѣлась фигура стараго шаха.

Поднявъ руки кверху, какъ будто въ какомъ-то экстазѣ, онъ въ полголоса повторялъ какія-то фразы, мало похожія на тѣ слова, съ которыми обращаются мусульмане при совершеніи своихъ молитвъ. Я прислушался.

„О вѣчныя звѣзды. Вы, которыя освѣщали жизненный путь моихъ отцовъ, будьте благосклонны ко

мнѣ. Вѣчно посылая свой свѣтъ на всѣ творенія Аллаха, отвѣтьте на призывъ ничтожнаго смертнаго, возсылающаго моленіе къ вамъ".

„О вѣчныя звѣзды!!"

То поднимая руки къ небу, то склоняясь до земли, долго молился старикъ, вспоминая культъ своихъ предковъ, обращаясь къ звѣздамъ, бросавшимъ свой мягкій мерцающій свѣтъ на окрестныя горы.

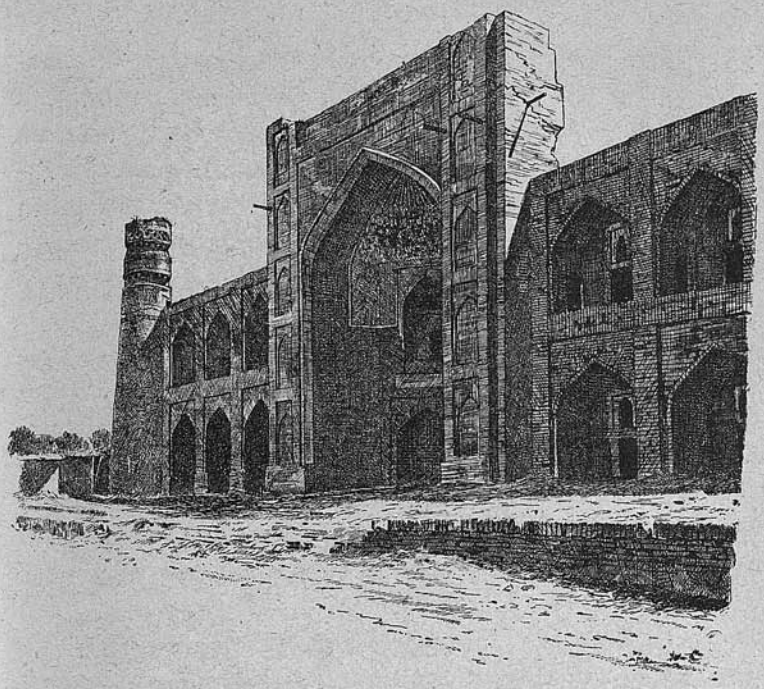
Глухо ревѣлъ быстрый Пянджъ, перекатываясь черезъ скалы, и чудился въ этомъ рокотѣ древней рѣки какой-то безконечный разсказъ о видѣнномъ и пережитомъ.

Образъ далекой сѣдой старины вставалъ въ воображеніи, и тѣни давно ушедшихъ въ иной міръ людей, жившихъ въ этой странѣ, казалось, носились надъ Кала-и-Хумбомъ.

Ярко сіяли звѣзды на темномъ небѣ...

А Пянджъ все шумѣлъ, не переставая...





XXX.

Историческія свѣдѣнія о Кала-и-Хумбѣ.—Рушанъ.—Государство Дарвазъ.—Старый Бекъ.—Преданія о распространеніи магометанства въ странѣ.—Слѣдъ ноги Пророка на камнѣ.

Окруженный таинственною дымкою сказаній и преданій, сохранившихся въ памяти мѣстныхъ жителей, главный городъ Дарваза-Хумбъ или Кала-и-Хумбъ, что значитъ по таджикски „крѣпость хорошая“ съ очень отдаленныхъ временъ пріобрѣтаетъ

извѣстность, какъ пограничная твердыня, принадлежавшая въ началѣ къ персидской монархіи, а затѣмъ къ землямъ Великаго Согда и лежавшая на торговомъ пути между Кхотломъ и Индіей. Защищенная трудно проходимыми высокими горными хребтами крѣпость эта, благодаря удобству своего положенія, являлась ключемъ ко всѣмъ горнымъ странамъ, закрывая собою проходы въ нихъ.

Александръ Македонскій, покоривъ земли Согдіаны, вмѣстѣ съ тѣмъ предпринялъ походъ для завоеванія народовъ, населявшихъ горныя припянджскія страны, и его войска съ огромными трудностями, дойдя до Хумба и взявъ его съ бою, долгое время находились въ немъ, а затѣмъ, оставивъ здѣсь сильный гарнизонъ, двинулись дальше и, проникнувъ въ Рошанъ, Шугнанъ и Читралъ, спустились черезъ Читральскіе горные проходы къ Индіи, на соединеніе съ арміей Великаго македонца.

Огромное количество монетъ и оружія этой эпохи, встрѣчаемое въ развалинахъ старинныхъ крѣпостей, подтверждаютъ долгое пребываніе македонцевъ въ горныхъ странахъ, а память народная въ своихъ преданіяхъ сохранила даже имя македонскаго военачальника Менандра, управлявшаго всѣми народами, жившими въ горахъ по Пянджу. Правитель этотъ оставилъ по себѣ крупный слѣдъ, и во многихъ рукописяхъ встрѣчается его имя, а въ дикихъ ущельяхъ Вахана и Рошана таджики и до сихъ поръ поютъ пѣсни объ этомъ грозномъ повелителѣ, жившемъ въ Хумбѣ и отгуда управлявшемъ страною.

По смерти Александра губернаторъ Селевкиды Теодотъ, пользуясь отдаленностью Бактріаны, отложился отъ Сирійскихъ царей и образовалъ самостоятельное государство, вступивъ на престолъ подъ именемъ Теодота I. Выдающіяся способности и военный геній этого государя способствовали быстрому расширенію территоріи Греко-Бактрійскаго государства, границы котораго доходили до Инда, гдѣ соприкасались съ границами почти одновремено съ ними возникшаго Индо-Парфянскаго царства Арзакидовъ, съ которымъ затѣмъ начались продолжительныя войны, окончившіяся завоеваніемъ всѣхъ восточныхъ провинцій Бактріаны. Долгое время Хумбъ былъ оплотомъ Парфянъ противъ Бактрійцевъ, являясь пограничною крѣпостью, господствовавшею надъ всею равниною.

Постепенно Индо-Парфянское государство усиливалось притокомъ новыхъ скифскихъ племенъ, а затѣмъ въ III вѣкѣ появились въ этихъ мѣстахъ бѣлые гунны, царство которыхъ по сообщенію китайскаго путешественника Сюонъ-Цзань называлось въ началѣ Kiu-mi-tho, а затѣмъ Ta-la-kien т. е. Талханъ и простиралось до Pami-lo, т. е. до Памировъ

Воинственныя племена, населявшія эти страны, доставляли много хлопотъ Китаю, ведшему значительную торговлю съ при аму-дарьинскими государствами, въ силу чего, для того чтобы создать безопасность на проѣзжихъ дорогахъ, китайское правительство уплачивало ежегодно значительныя суммы правителямъ припянджскихъ государствъ за охраненіе дорогъ.

Долгое время исповѣдуя культъ огня, населеніе затѣмъ приняло будизмъ, который въ свою очередь былъ замѣненъ христіанствомъ, постепенно распространившимся среди населенія Средней Азіи и въ особенности много нашелъ послѣдователей въ припамирскихъ государствахъ, гдѣ просуществовавъ почти пять столѣтій, уступилъ мѣсто мусульманству, крайне быстро вытѣснившему христіанскія общины, а затѣмъ и сгладившему самую память о немъ среди населенія.

Въ началѣ преобладающее значеніе имѣлъ Рушанъ, правитель котораго жилъ въ Варшиди—нынѣшній Ташъ-Курганъ, но затѣмъ перевѣсъ получилъ Дарвазъ, причемъ одно время страны эти были подъ властью делійскихъ монарховъ.

Особенно же яркій слѣдъ въ исторіи оставилъ Кохакъ, правитель Рушана, Шугнана и Дарваза, объединившій всѣ эти страны подъ своей властью, образовавшій сильное государство и жившій въ Хумбѣ, который онъ сдѣлалъ своей резиденціей; въ его время во всѣхъ этихъ мѣстахъ жили огнепоклонники. Династія его существовала довольно долго, но затѣмъ была низложена пришельцемъ Шахомъ-и-Хамошемъ, воцарившимся въ Шугнанѣ и покорившимъ Дарвазъ. По преданіямъ онъ по происхожденію былъ сеидъ т. е. потомокъ Магомета и первый началъ учить населеніе магометанству, уничтожая огнепоклонниковъ и обращая всѣхъ въ исламъ.

Крайне обидно, что свѣдѣнія объ этихъ государствахъ настолько отрывочны, что нѣтъ ника-

кой возможности выяснить ихъ историческія судьбы. Въ этомъ отношеніи лишь одинъ Китай располагаетъ точными историческими данными въ своихъ рукописяхъ, въ большинствѣ случаевъ недоступныхъ европейскимъ историкамъ. Лишь историки Средне-Азіатскихъ государствъ вскользь сообщаютъ, что въ XIV вѣкѣ всѣ припянджскія и припамирскія страны были разорены Чингизъ-ханомъ, и на долгое время жизнь въ нихъ замерла.

Изъ историческихъ источниковъ, извѣстныхъ въ настоящее время, имѣется также сообщеніе Сида-Али-бинъ-Гусейна, начальника Египетскаго флота XVI вѣка, жившаго при Сулейманѣ II, потерпѣвшаго крушеніе у западныхъ береговъ Индіи и возвращавшагося черезъ Бадакшанъ къ себѣ на родину. Проживъ довольно долгое время въ столицѣ Бадашана Рустакѣ, онъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ и о городѣ Хумбѣ, бывшимъ въ его время главною крѣпостью Дарвазской страны.

Удобное расположенія Хумба среди дикихъ неприступныхъгоръ давало ему особенно выгодное положеніе и огромный перевѣсъ надъ сосѣдними странами равнинъ Хотланомъ и Хотелемъ, то откупавшимися отъ своего воинственнаго сосѣда значительною данью то съ ужасомъ трепетавшими за свои нивы, періодически подвергавшіяся налетамъ дикихъ воинственныхъ горцевъ Дарваза.

Образовавъ крѣпкое государство, Дарвазъ все время былъ независимымъ, и лишь въ 30 годахъ прошлаго столѣтія Мурадъ-бекъ правитель Бадакшана покорилъ его на недолгое время, но затѣмъ

Дарвазскіе миры[1]) вновь отложились, сохранивъ свою самостоятельность вплоть до восьмидесятыхъ годовъ, когда Дарвазъ былъ завоеванъ Бухарою.

Отдаленность этой страны и ея труднодоступность долгое время не давали возможности европейцамъ проникнуть въ ея предѣлы.

Въ отношеніи ея изслѣдованій иниціатива принадлежитъ безспорно Англіи. Въ 1873 году генералъ-губернаторъ Индіи снарядилъ первую экспедицію сера Т. Форсайта, прошедшую припянджскія страны и сдѣлавшую ихъ описаніе. Члены этой экспедиціи серъ Гордонъ и капитанъ Тротеръ (географъ) внѣстѣ съ г. Мундши и докторомъ Столичка, умершимъ во время экспедиціи, направлялись въ Дарвазъ, но дошли лишь до Вахана, описавъ въ то же время Дарвазъ лишь по разспроснымъ свѣдѣніямъ.

Позднѣе съ 80 годовъ были начаты изслѣдованія русскими экспедиціями, непрерывно продолжающимися ввидѣ рекогносцировокъ преимущественно офицеровъ генеральнаго штаба и по настоящее ремя.

Ошанинъ, Бендерскій, Кузнецовъ, Липскій, графъ Бобринскій и Новицкій и др. изслѣдователи вложили свои труды въ дѣло изученія странъ, лежащихъ по Пянджу, хотя нельзя не сказать, что для послѣдующихъ изслѣдователей осталось еще широкое поле для изученія и работъ.

Расположенный на правомъ берегу Пянджа, Кала-и-Хумбъ и въ настоящее время является

[1]) Миръ—независимый бекъ-правитель.

главнымъ городомъ бухарской области Дарваза, служа резиденціей Дарвазскаго бека.

Отдаленность этого края отъ Бухары создала особое положеніе, въ силу котораго Дарвазскій бекъ въ порядкѣ управленія населеніемъ сравнительно съ другими беками внутренней Бухары пользуется значительною самостоятельностью, сохранивъ часть правъ прежнихъ Дарвазскихъ міровъ.

Глубокій старикъ, ветхозавѣтнаго типа—Дотха-Парваначи производилъ впечатлѣніе человѣка, уже отжившаго и мало интересующагося современною жизнью, но за то порядочно начитаннаго и отлично знающаго край и мѣстную жизнь.

Утромъ послѣ ранняго намаза, о началѣ котораго долго и пронзительно кричалъ азанъ, съ крыши мечети, Парваначи зашелъ въ наше помѣщеніе — отдать офиціальный визитъ пріѣзжимъ. Одѣтый въ золотой халатъ, бекъ старался быть возможно любезнѣе къ намъ.

— Благополучно ли было путешествіе и какъ здоровье высокихъ гостей тихимъ голосомъ задалъ вопросъ Парваначи черезъ переводчика.

Мы поблагодарили.

— Парваначи уже много лѣтъ прожилъ на свѣтѣ и вѣроятно много видѣлъ на своемъ вѣку?

— Да полковникъ я прожилъ почти семьдесятъ лѣтъ, но правду сказать эти годы прошли такъ быстро, что я и самъ не вѣрю, что столько прожилъ на свѣтѣ. Жизнь прошла въ глухихъ горахъ Картегина и Дарваза, лишь короткіе годы я жилъ

при дворѣ эмира, да продлитъ Аллахъ его жизнь.

Здѣсь на Пянджѣ оканчиваю свои лѣта, и здѣсь я уже такъ привыкъ, что лучше своей Пянджи я мѣста не знаю...

— Вотъ кстати, не знаетъ ли Парваначи, откуда рѣка получила свое названіе Пянджа. Можетъ быть существуетъ по этому какое нибудь преданіе.

Бекъ задумался и, степенно расправивъ свою сѣдую бороду, нѣсколько времени припоминалъ.

— Давно очень давно, Хазретъ Али, племянникъ и любимецъ Пророка левъ Божій, пришелъ со своимъ правовѣрнымъ войскомъ въ Балхъ, гдѣ построилъ крѣпость и оттуда сталъ управлять всѣми окрестными народами по обѣимъ сторонамъ Великой Аму. Огнемъ пылало сердце Льва Божія, желавшаго привести къ подножію лучезарнаго престола Аллаха всѣхъ людей, превративъ ихъ изъ невѣрныхъ кефировъ въ правовѣрныхъ, почитающихъ Аллаха.

Огненнымъ блистающимъ какъ солнце мечемъ своимъ рубилъ онъ непокорныхъ во главѣ своихъ храбрыхъ войскъ, покоряя сосѣднія племена, жившія на равнинахъ. Долго и упорно продолжалась эта война, и кефиры, не выдержавъ гнѣва Али, частью сдѣлались мусульманами, а самые строптивые изъ нихъ, не желая покориться, бросили свои жилища и нивы и ушли сюда въ наши дикія, труднопроходимыя горы. Поселившись въ нихъ, они считали себя въ безопасности и скоро забыли о прежнихъ войнахъ, но не забылъ о нихъ Хозретъ.

Болѣла у него душа, трепетало его сердце, и

мучилось его тѣло, что не исполнилъ онъ своей клятвы обратить всѣ здѣшніе народы въ мусульманство. Собралъ онъ великое войско изъ храбрыхъ сильныхъ духомъ смѣлыхъ и хорошихъ правовѣрныхъ, и пошелъ онъ войною въ Бадакшанъ, Дарвазъ, Рушанъ, Шугнанъ и Ваханъ.

Разсѣкая своимъ мечемъ высокія горы и дѣлая въ нихъ проходы, велъ онъ свои войска, разрушая крѣпости и города кефировъ и предавая огню ихъ нечестивыя жилища. Всѣхъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей оставилъ Божій Левъ жить, уничтожая лишь мужчинъ, не желавшихъ признать ученія пророка. Здѣсь въ Хумбѣ, какъ говоритъ преданіе, долго жилъ Хазретъ Али, покоряя Дарвазъ. Какъ всесокрушающій вихрь пронеслись его войска до самыхъ далекихъ горъ Памира, и водами вѣковыхъ снѣговыхъ горъ совершили они намазъ съ омовеніемъ во славу Аллаха милосерднаго, милостиваго и въ воспоминаніе Великаго пророка его Магомета.

Великое празднество устроилъ Ширъ-Али, окончивъ покореніе невѣрныхъ, и около Кала-Пянджи, въ томъ мѣстѣ гдѣ Ваханъ-Дарья вливаетъ свои свѣтлыя воды въ Великую Аму, онъ принесъ благодарственную молитву Аллаху и тутъ же передъ всѣмъ свѣтомъ объявилъ, что всѣ здѣшнія мѣста до скончанія вѣка будутъ правовѣрными. Въ удостовѣреніе же этого, какъ печать, приложилъ къ горѣ свою руку...

И рука Хозрета отпечаталась на камнѣ. И слѣдъ ея видѣнъ и до сихъ поръ.

На этомъ мѣстѣ благочестивые люди построили

мечеть, и много народа ходитъ туда на поклоненіе святынѣ.

— А на рукѣ, какъ знаетъ полковникъ, есть пять пальцевъ; по таджикски пять-пянджъ. Съ тѣхъ поръ въ память руки Хазрета, Али Льва Божія, вся верхняя часть Великой Аму стала называться Пянджемъ.

Говорятъ, что слѣдъ Хазрета Али есть также и въ Шугнанѣ, но я самъ не видѣлъ его. Люди же объ этомъ разсказываютъ.

— Однако я утомилъ высокихъ гостей своимъ разсказомъ, поднялся бекъ.

— Радъ буду еще разъ поговорить и вспомнить старину.





XXXI.

Кала-и-Хумбская старина.—Авганскія войска.—Авганская крѣпость Файзабадъ.—Базаръ.—Дарвазцы.

Нѣсколько развѣсистыхъ вѣковыхъ чинаровъ и тутовъ тѣсною группою привольно разрослись на краю города, около ручья, вытекающаго прозрачно ледяною водою изъ горъ. Широколистная одежда могучихъ сѣрыхъ великановъ создаетъ густую тѣнь въ жаркіе лѣтніе дни.

Нѣсколько муллъ въ халатахъ и туфляхъ съ босыми ногами, сидя на корточкахъ лѣниво перебра-

сываются словами, созерцая красоты окрестныхъ горъ, угрюмо надвинувшихся со всѣхъ сторонъ вокругъ долины.

Темныя тучи ползутъ по небу, и солнце косыми яркими лучами порою освѣщаетъ горные склоны, отливая ослѣпительнымъ блескомъ въ быстрыхъ будто изумрудныхъ водахъ Пянджа. На улицахъ кое гдѣ видны рѣдкіе прохожіе и лишь куча дѣтей и голодныхъ собакъ сопровождаетъ нашъ каждый шагъ по городу, первые съ громкими криками, а вторые съ злобнымъ лаемъ, кидаясь на невиданныхъ урусовъ.

Ряды сакль построенныхъ частью изъ камня на глинѣ, а частью глинобитныя какъ то особенно неприглядно выглядываютъ при сѣроватомъ колоритѣ неба. Главная мечеть съ обвалившейся штукатуркою и грязными заросшими двориками производитъ крайне невыгодное впечатлѣніе своей запущенностью.

— Старинная это мечеть? Спросите-ка у муллы, обратился Б. къ переводчику...

— Да, тюра, мѣсто это очень старинное и стѣны мечети также, но давно очень давно во время землетрясенія верхъ стѣнъ обрушился и тогда сложили на старыхъ стѣнахъ новыя. Вотъ посмотри, тюра, кирпичъ здѣсь плоскій—очень старинный. А на нѣкоторыхъ кирпичахъ видны какіе то знаки. У насъ нѣтъ ученыхъ людей умѣющихъ ихъ разобрать. Если ты знаешь, мы покажемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ два кирпича лежали передъ нами.

— Это вынуто изъ стараго колодца, давно уже осыпался онъ. Видишь, тюра, будто гвозди выдавлены. Одинъ мулла говоритъ, что это на языкѣ Куфа-(куфическомъ), но только я не знаю, правду ли онъ сказалъ.

Какая то замысловатая вязь тянулась длинною строчкою черезъ весь кирпичъ. Края буквъ сильно вывѣтрились, но все же легко можно было ихъ разсмотрѣть. Съ большимъ трудомъ, просидѣвъ цѣлый часъ, мы прочитали имя Базилеуса Димитрія—перваго царя основателя Индо-Парфянскаго государства. Древность во всякомъ случаѣ сѣдая.

— Здѣсь, тюра, также есть еще большой камень, на которомъ много написано. Парваначи къ себѣ на дворъ приказалъ отвезти, тамъ на немъ алебастръ разбивали. Очень удобно. Еще, тюра, года два тому назадъ колодецъ рыли такъ много разныхъ вещей, сабель, ножей, нашли и все такая же надпись на нихъ была. Бекъ къ себѣ взялъ. Много здѣсь всякой деньги находитъ народъ и золотой и серебряной и мѣдной. Хочешь, тюра, я продамъ, у меня есть ихъ достаточно.

Исчезнувъ на нѣкоторое время въ темной постройкѣ, мулла вышелъ на дворъ къ намъ, уже держа въ рукахъ нѣсколько узелковъ. Разложивъ ихъ на землѣ, мы присѣли тутъ же и передъ нашими глазами замелькала масса различныхъ древнихъ монетъ. Имена царей Бактрійскихъ Эвкратида, Теодота, Лисія, а затѣмъ Индо-Парфянскія—Димитрія преобладали; мусульманскія же монеты временъ первыхъ халифовъ представляли солидную

грудку, лежавшую отдѣльно и цѣнившуюся муллою гораздо дороже остальныхъ. Пріобрѣтя цѣлую нумизматическую колекцію за сравнительно ничтожную сумму, мы уже собрались идти дальше, какъ мулла таинственно сообщилъ, что здѣсь есть человѣкъ, у котораго много старыхъ рѣдкостей.

— Можно у него купить, онъ продастъ, добавилъ словоохотливый старикъ.

— Теньга-іокъ-джау-іокъ, т. е. денегъ и ячменя нѣтъ... и онъ выразительно похлопалъ по своему животу.

— Курсакъ яманъ (плохо желудку) засмѣялся онъ и тутъ крикнулъ кому-то въ пространство.

Рѣзкій голосъ почти немедленно отозвался изъ далека. Еще нѣсколько времени прошло на выкрикиваніе и наконецъ передъ нами предсталъ до нельзя древній старикъ съ желтовато-зеленою бородою весь будто поросшій мохомъ. Тихо шевеля своими бѣлыми безкровными губами, онъ долго препирался о чемъ то съ муллою, но затѣмъ видимо согласился, вынулъ изъ за пазухи какую то связку и развернувъ тряпицы, предоставилъ намъ любоваться на дѣйствительно художественныя вещи.

Передъ нами, кромѣ 3—4 золотыхъ монетъ Александра Македонскаго, лежало штукъ двадцать различныхъ камей или геммъ, сдѣланныхъ на сердоликахъ, топазахъ, рубинахъ. Красота нѣкоторыхъ была буквально поразительна. Работа долгихъ лѣтъ первокласнаго артиста древности переживъ вѣка оказалась не тронутой безпощаднымъ временемъ. Головы Афины Паллады, Александра, Марса и друг. сдѣланы были съ изумительной тщательностью.

Самъ хозяинъ, любуясь каждою вещицей, ревниво перетиралъ ихъ грязнымъ платкомъ, заботливо слѣдя за нами, пока они были въ нашихъ рукахъ, видимо недовѣряя людямъ ему неизвѣстнымъ.

— Что хочетъ старикъ за эти вещи?

— Ахъ, тюра... Каждая такая печать это богатство. Двадцать печатей—двадцать богатствъ для меня нищаго байгуша...

— Ну это положимъ вѣрно лишь относительно. Сторгуйтесь съ нимъ какъ слѣдуетъ, что хочетъ старикъ за нихъ... правду сказать вещи рѣдкія по своей красотѣ.

Мы отошли въ сторону и занялись наблюденіемъ. Сидя другъ передъ другомъ на корточкахъ и порою ударяя старика по плечу, беря его въ это же время за бороду, съ ожесточеніемъ спорили наши переводчики съ муллою и хозяиномъ вещей. Нѣсколько человѣкъ, подошедшихъ къ нимъ таджиковъ, присѣли около и приняли участіе въ общемъ гамѣ.

Долго продолжалось уговариваніе, крикъ, хлопаніе по рукамъ, плечамъ, тасканіе за бороду и наконецъ всѣ встали и подошли къ намъ.

— Вотъ эти четыре печати и одну монету мы купили у него за 300 тенегъ [1]), указалъ переводчикъ на камею изъ рубина и три изъ сердолика вмѣстѣ съ золотой монетой Великаго Македонца величиною въ теньгу.

Я изъявилъ согласіе.

Тогда хозяинъ изъ рукъ въ руки передалъ мнѣ

[1]) 300 тенегъ—45 рублей.

вещи, накрылъ ихъ своей рукою и сказалъ „аминъ“. Двое таджиковъ также повторили это слово, а затѣмъ потребовали по теньгѣ.

— За что же имъ, возмутился Б. вѣдь покупалъ переводчикъ съ муллою.

— Да это такъ, тѣмъ конечно Вы дадите, если на это будетъ Ваше желаніе, а этимъ надо дать обязательно по закону.

— При чемъ же тутъ законъ, я положительно не понимаю ничего.

— А видите ли при каждой покупкѣ и продажѣ по закону должно быть два постороннихъ свидѣтеля, безъ чего сдѣлка незаконная и хозяинъ, продавъ вещь и взявъ деньги, можетъ ихъ вновь отобрать, а разъ свидѣтели есть и сказали „аминъ“, то значитъ все правильно и имъ за труды по закону дается по одной теньгѣ каждому. Безъ этого не совершается ни одна крупная покупка на базарѣ. Мелочь же на нѣсколько теньгъ можно купить безъ свидѣтелей, но тогда во время базара есть особый базарный аксакалъ, который наблюдаетъ за торговлей. Есть еще раисъ, тотъ повѣряетъ правильность вѣса и мѣры.

Здѣсь въ Кала-и-Хумбѣ базары бываютъ два раза въ недѣлю и много людей пріѣзжаетъ и съ нашей стороны и изъ Авганистана.

Противъ Кала-и-Хумба въ разстояніи 120 верстъ лежитъ Авганскій городъ Файзабадъ, являющійся главнымъ городомъ Бадакшанской провинціи. Значительное количество авганскихъ войскъ въ немъ расположенныхъ указываетъ на то огромное значе-

ніе, которое придаютъ авганцы этому пункту въ случаѣ какихъ либо осложненій съ Россіей. Сосредоточеніе большого отряда противъ нашей пограничной линіи, на которой отъ самаго Термеза и до Лянгара на разстояніи 800 верстъ нѣтъ ни одной войсковой части при полномъ отсутствіи путей сообщенія и телеграфовъ, служитъ наглядною картиною того невыгоднаго положенія, въ которомъ очутится вся восточная Бухара съ городами Кулябомъ, Бальджуаномъ, Гармомъ и Гиссаромъ.

Небольшой кавалерійскій отрядъ съ предпріимчивымъ начальникомъ въ состояніи въ 5—6 дней предать огню и мечу всѣ эти богатыя бекства, куда русскія войска могутъ прибыть не ранѣе 12—14 дней, для того чтобы лишь удостовѣриться объ успѣхахъ авганскаго рейда. Разсчитывать же на баталіонъ бухарскихъ войскъ, стоящихъ въ Хумбѣ, врядъ-ли возможно.

Въ Файзабадѣ проживаетъ командующій всѣми войсками, расположенными въ Бадакшанской провинціи, Биргитъ (генералъ-маіоръ) Ходжа Магометъ-Гуль-Ханъ, подчиненный въ порядкѣ службы Сердару-Хайтулла-Хану, брату эмира, живущему въ Ханабадѣ. Биргитъ Гуль-Ханъ считается крайне энергичнымъ и смѣлымъ человѣкомъ, однимъ изъ преданныхъ людей эмира.

Отъ Кала-и-Хумба черезъ Файзабадъ лежитъ старая торговая такъ называемая индійская дорога на Читралъ, Мастуджъ, Ясинъ и Гильгитъ, а также и на Пешаверъ. По первому направленію везутъ товары, проникающіе въ горныя страны верховьевъ

Инда, а по второму идетъ къ намъ изъ Пешавера чай, кисея и парча. Масса паломниковъ въ Мекку также совершаетъ свое путешествіе изъ восточной Бухары черезъ Файзабадъ на Читраль и Пешаверъ, откуда дальше уже двигается по желѣзной дорогѣ до Бомбея.

Базаръ, состоящій изъ нѣсколькихъ лавокъ, не отличался разнообразіемъ товаровъ. Небольшія головы сахару, спички, сартовская мата [1]), ситцы и желѣзныя издѣлія мѣстной работы, да большое количество чугунныхъ котловъ и кумгановъ [2])—вотъ все что предлагалось нетребовательнымъ покупателямъ. Толпа народу на базарѣ была довольно многочисленна и въ отличіе отъ всѣхъ базаровъ бухарскихъ городовъ, было какъ то особенно тихо. Таджики не любятъ шума и по своему характеру изумительно сдержаны. Черные халаты грубаго мѣстнаго сукна были преобладающими костюмами. Башмаки на толстой подошвѣ съ загнутыми къ верху носками—чумбусы представляли характерную особенность горцевъ, не носящихъ сапогъ и традиціонныхъ туфлей, въ которыхъ ходитъ все городское населеніе Бухары.

Незначительное количество лошадей и масса ишаковъ бросались въ глаза, указывая, что конные средства Дарваза не велики.

Выбравъ себѣ мѣсто подъ навѣсомъ одной изъ лавокъ, мы присѣли, наблюдая за базарною суетолокою. Мимо насъ проходили толпы людей, съ ка-

---

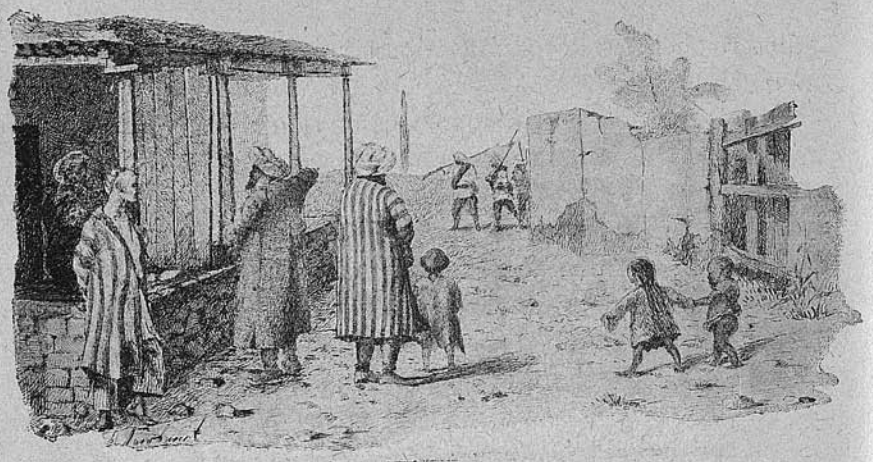
[1]) Мата—бумажная матерія.
[2]) Кувшины для омовеній.

кимъ то особымъ страхомъ посматривая на русскихъ начальниковъ.

— Вотъ эти чернобородые смуглые люди—это дарвазцы. А блондины съ свѣтлыми волосами и голубыми глазами—ваханцы, указалъ переводчикъ.

Здѣсь проходитъ много людей также изъ Рушана, только они плохіе мусульмане. Больше по своему молятся Аллаху, но корана никто изъ нихъ не знаетъ. Есть у нихъ камни святые и они имъ кланяются. Совсѣмъ дикій народъ, необразованный.





XXXII.

Авганскіе переселенцы.—Фирютдинъ-ханъ.—Вѣра въ будущее.—Низложеніе Дарвазскаго мира.—Подземелья.—Находка мѣдной руды.—Драгоцѣнные камни.

Верхомъ на отличномъ гнѣдомъ конѣ показался въ концѣ улицы какой всадникъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ людей. Еще издали видно было, что ѣдетъ богатый человѣкъ. Конь весь сіялъ серебряными бляхами и цѣпями, покрывавшими почти сплошь уздечку и нахвостникъ. Толпа почтительно разступалась, давая дорогу; что то знакомое мелькнуло въ моей памяти при видѣ красиваго лица всадника, подъѣхавшаго ближе,

— Кто это?—задалъ я вопросъ переводчику?

— Да неужели вы не узнали?—удивленно протянулъ Б.—вашъ же пріятель Фирютдинъ-ханъ.

— Какъ онъ попалъ сюда!?

Въ это время всадникъ, остановившись не вдалекѣ отъ насъ, спрыгнулъ съ лошади и сбросивъ верхній темный халатъ, остался въ яркомъ цвѣтномъ халатѣ, на которомъ рѣзко выдѣляясь видны были русскіе серебряные офицерскіе погоны съ одной звѣздочкой.

— Былъ здѣсь недалеко по дѣлу и узнавъ, что полковникъ здѣсь, пріѣхалъ повидаться съ вами,— заговорилъ Фирютдинъ-ханъ, раскланиваясь по восточному.

Мы очень обрадовались встрѣчѣ съ этимъ симпатичнымъ человѣкомъ.

— Попросите хана садиться, и скажите ему, что для меня большое удовольствіе его видѣть. Кстати спросите, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ, вѣдь онъ живетъ подъ Бальджуаномъ.

— Полковникъ знаетъ, что мои люди живутъ въ Бадакшанѣ и Кафиристанѣ. Я же не могу къ нимъ поѣхать туда и поэтому они пріѣзжаютъ ко мнѣ. Здѣсь въ Кала-и-Хумбъ теперь я пріѣхалъ чтобы взять нѣсколькихъ людей, прибывшихъ изъ Авганистана.

Ханъ присѣлъ около насъ и мы разговорились.

Высокаго роста съ красивымъ овалomъ восточнаго чистоарабскаго типа лица, одѣтый въ цвѣтной халатъ туземнаго покроя съ бѣлой чалмой на головѣ и въ русскихъ офицерскихъ погонахъ, этотъ особенный офицеръ русской арміи, не говорящій по

русски, производилъ какое то удивительное впечатлѣніе.

Потребовавъ чаю и наблюдая движующуюся базарную толпу, мы съ большимъ интересомъ слушали послѣднія впечатлѣнія хана, пріѣхавшаго недавно изъ Ташкента, куда онъ ѣздилъ по вызову командующаго войсками,

— Скажите ханъ,—обратился Б. къ нему, давно вы уѣхали изъ Авганистана и поселились въ здѣшнихъ мѣстахъ?

— Больше 20-ти лѣтъ тому назадъ. Отецъ мой былъ владѣтельный ханъ Гей-Багскій-Гохрамъ-ханъ одинъ изъ близкихъ слугъ эмира Ширъ-Али-Авганскаго. Когда эмиръ умеръ, то отецъ принялъ сторону его сына наслѣдника престола Исаака-хана и вмѣстѣ съ нимъ выступилъ со своими людьми войною на Абдурахмана, но не въ добрый часъ началась эта братоубійственная война. Рокъ тяготѣлъ надъ Исаакомъ-ханомъ. Много людей собралъ онъ съ собою, много провіанту, но денегъ у него было мало. И только вѣрные его люди служили ему по совѣсти, а другіе бѣжали къ Абдурахману. Скоро наступилъ несчастный день, когда судьба совершенно отвергнула лицо отъ дѣлъ Исаака-хана; послѣ кровопролитной битвы, одержали верхъ войска Абдурахмана и бѣдный Исаакъ-ханъ, зная, что жизнь его находится въ рукахъ его кровнаго врага, бросилъ остатки своихъ войскъ и бѣжалъ за Аму-Дарью, къ русскимъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Измаилъ-ханомъ. Съ нимъ же бѣжали его близкіе люди и Гохрамъ-ханъ—мой отецъ.

Русскій Акъ-Падишахъ [1]) Императоръ великъ и милостивъ, онъ не хотѣлъ, чтобы царская кровь смѣшалась съ простымъ людомъ. Узналъ онъ о несчастіи постигшемъ Исаака-хана законнаго наслѣдника престола Авганистана и приказалъ для него купить въ Самаркандѣ землю и давать содержаніе отъ казны и ему и семейству и людямъ его.

Отецъ мой Гохрамъ-ханъ сеидъ—потомокъ Магомета жилъ въ Авганистанѣ среди народа хазара, признавшаго его очень давно своимъ ханомъ. Когда онъ ушелъ за Аму-Дарью, то за нимъ сейчасъ же потянулись и хазара. Больше десяти тысячъ человѣкъ ушло изъ Авганистана въ бухарскую землю. И русскій Акъ-Падишахъ разрѣшилъ людямъ идти и селиться на этой землѣ. Не далеко отъ Куляба выбралъ отецъ мой мѣсто и поселился на Кулябъ-Дарьѣ. Хазара же поставили свои кибитки вокругъ и по Кизилъ-Су, а многіе осѣли въ Бальджуанскомъ и Курганъ-Тюбинскомъ бекствахъ. Я мальчикомъ былъ, когда мы съ отцомъ въ глухую ночь переправлялись черезъ Аму-Дарью. Потомъ пришло время и ангелъ Азраилъ пришелъ взять душу отца моего Гохрамъ-хана. И я остался одинъ. Но сынъ сеида, я сеидъ и тогда вся хазара и что на русской и что на Авганской сторонѣ признали меня своимъ ханомъ. Живу я теперь среди нихъ на Кизилъ-Су, недалеко отъ мѣстности, называемой Ходжа-Голтань. Императоръ Акъ-Падишахъ за мою малую службу пожаловалъ мнѣ чинъ прапорщика и теперь я русскій офицеръ.

— Но гдѣ вы числитесь, ханъ, въ какихъ войскахъ?

[1]) Бѣлый царь.

— Я зачисленъ въ Туркестанскую милицію Закаспійской области, должности я не имѣю, живу съ моимъ народомъ и считаюсь гостемъ Его Императорскаго Величества.

— А жалованье Вамъ выдаютъ?

Ханъ удивленно посмотрѣлъ на насъ, а затѣмъ на минуту задумался.

— Нѣтъ я жалованья не получаю... Служу же я Акъ-Падишаху Императору по совѣсти и исполняю всѣ порученія, которыя мнѣ даетъ военное начальство...

— И не хочется Вамъ обратно въ Авганистанъ?

— Нѣтъ, прахъ моего отца лежитъ въ здѣшней землѣ, мнѣ дорога его могила. Я вѣрный слуга Императора. А вершины горъ моей прежней родины такъ хорошо видны отъ Кизилъ-Су, что я ежечасно имѣю возможность смотрѣть на нихъ, какъ смотрѣлъ на нихъ же въ дѣтствѣ. Почемъ знать, какая загадка находится теперь въ рукахъ судьбы, говорятъ, что съ инглизами былъ какой то договоръ. Я не знаю... Но сердце мое чувствуетъ, что недалеко то будущее, когда русскій Акъ-Падишахъ утвердитъ свое знамя на вершинахъ Гиндукуша. И тогда я вѣрный слуга его со своей хазарою пойду впереди русскихъ войскъ расчищать имъ дорогу. И тогда только, тогда я стану ногою на ту землю, гдѣ меня родила моя мать.

Ханъ на нѣкоторое время замолчалъ, а затѣмъ съ жаромъ добавилъ:

— Я вѣрю въ это будущее. И я слуга русскаго

Императора до послѣдняго издыханія. И русскія войска рано или поздно будутъ на Гиндукушѣ.

Положеніе Фирютдинъ-Хана, [1]) состоящаго на службѣ въ чинѣ прапорщика, до нельзя странное. Невольно приходится пожалѣть, что до сихъ поръ вся народность хазара, живущая въ бухарскихъ предѣлахъ такъ и остается нами не использованною. Отличные кавалеристы, они бы могли легко образовать конно-иррегулярный дивизіонъ, подъ командою русскаго офицера. Часть отборная, знакомая съ Авганистаномъ и въ тоже время ненавидящая авганцевъ всѣми силами души.

— Скажите ханъ, а въ Авганистанѣ много вашихъ людей—хазара?

— О, очень много, тысячъ 90 будетъ. Только теперь мало осталось старыхъ преданныхъ людей; ихъ всѣхъ эмиръ Абдурахманъ перерѣзалъ. Если было бы можно они выселились оттуда, но это трудно. Отдѣльные люди постоянно уходятъ и приходятъ къ намъ, но бухарцы ихъ не особенно любятъ и беки сильно притѣсняютъ. Если бы не это, то лучшей жизни желать нельзя...

Нынѣ царствующій эмиръ Бухары, съ большимъ трудомъ низложившій независимость Дарвазскаго мира, и назначившій на его мѣсто бека лишь съ помощью баталіона пѣхоты, поддерживаетъ въ Дарвазѣ своего чиновника, котораго долго не признавали дарвазцы, принужденные покориться силѣ. Съ проведеніемъ новой границы въ 1892 г. запян-

---

[1]) Умеръ въ 1909 году.

джскій Дарвазъ и часть Бадакшана, принадлежавшіе Бухарѣ были отданы Авганистану и граница была проведена по Пянджу; такимъ образомъ все мѣстное населеніе совершенно однородное въ этнографическомъ отношеніи оказалось разрѣзаннымъ, но лишь разумѣется номинально, потому что сношенія между родственными фамиліями и родами продолжаются и до нынѣ.

Находившись по всѣмъ направленіямъ города, мы утомленные уже подъ вечеръ вернулись въ бекскую крѣпость, старыя стѣны которой казалось были всѣ изгрызаны зубами безпощаднаго времени. Лишь кое гдѣ остатки старинныхъ фундаментовъ выглядывали изъ подъ сравнительно болѣе молодыхъ надстроекъ.

— Здѣсь есть подземелье, по которому можно было дойти до рѣки, вотъ въ этомъ мѣстѣ его ходъ... но только бекъ приказалъ его засыпать, чтобы люди не ходили. И подземныя тюрьмы были, куда бросали людей умирать. Ихъ тоже засыпали, какъ говорятъ еще при старомъ мирѣ. Народъ болтаетъ, что очень давно здѣсь въ курганѣ, въ разныхъ мѣстахъ много богатствъ было зарыто. Хотѣли копать но бекъ не позволяетъ. Говорятъ эмиръ разсердится, если узнаетъ.

— А вы вообще здѣсь много старинныхъ вещей видали?—прервалъ переводчика Б.

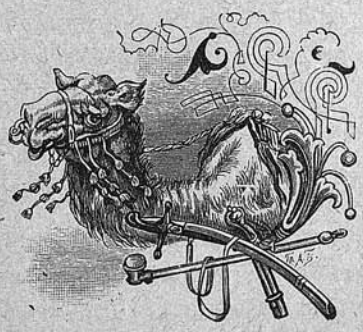
— Да приходилось... Одинъ купецъ изъ Бухары пріѣзжалъ, такъ все покупалъ и потомъ французъ былъ, тоже много увезъ...

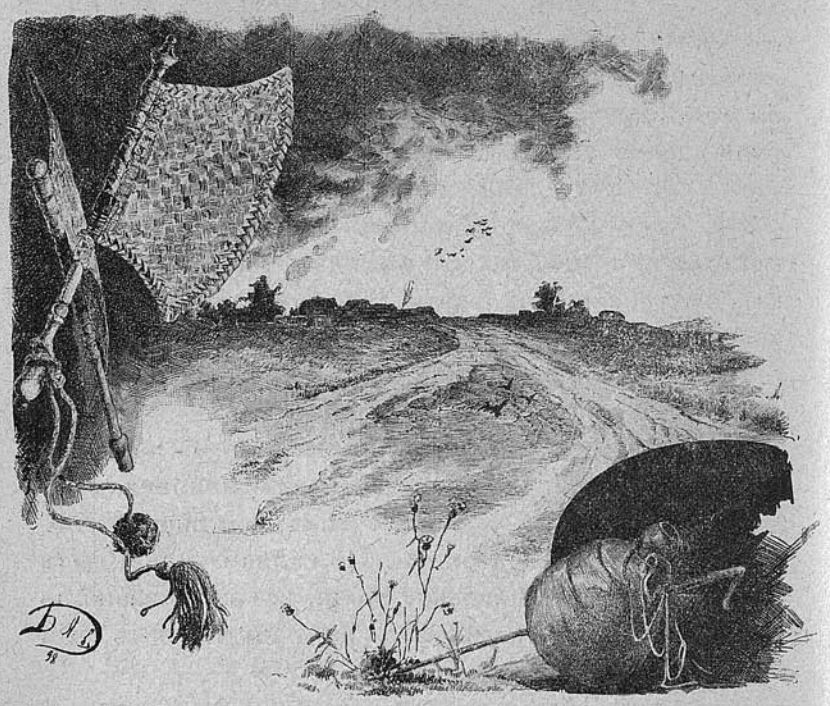
— Какъ же сюда французъ попалъ? Удивился я.

Въ прошломъ году около кишлака Рагнау, изслѣдовали горныя породы и дѣйствительно пріѣзжали иностранцы,—отвѣтилъ Б.—Нашли массу мѣдной руды до 80% содержаніемъ, а также залежи алмазовъ.

— Тамъ поставили теперь заявочные столбы,—вмѣшался переводчикъ,—съ ними также и русскій какой-то инженеръ былъ. Все по горамъ лазили-каждый камень смотрѣли. Золото искали, и драгоцѣнный камень много нашли. Теперь нашъ народъ тоже ходитъ и камень ищетъ...

Темная груда камня и глины, изъ которыхъ были сдѣланы постройки бекской калы, были неприглядны. Масса маленькихъ, туземнаго типа, помѣщеній, переходы, крохотные дворики. По стѣнамъ одного изъ переходовъ старые ружья, сабли, все заржавлено до нельзя. Утомленные мы залегли раньше спать, что бы съ зарею выѣхать дальше.





XXXIII.

Отъ Кала-и-Хумба и до Шикая.—Балконы.—Авганскій кишлакъ Хувангъ.—Постройка дороги.—Паденіе лошади въ пропасть.—Преданіе о рожденіи дьявола изъ яйца.—Легенда объ отцѣ всѣхъ святыхъ.—Гора Ходжа-Аскари.—Древнія кладбища.—Охота на горныхъ барановъ.

Рано утромъ мы были уже на коняхъ.

Густой туманъ окутывалъ окрестности непроницаемымъ покровомъ. Клубясь подъ порывами легкаго вѣтерка, волны тумана особенно сильно сгустились

надъ долиной рѣки и лишь изрѣдка выше нихъ показывались снѣговыя вершины снѣжныхъ горъ.

Приземистый таджикъ, назначенный проводникомъ, ѣхалъ впереди на своей низкорослой горной лошадкѣ, то исчезая въ туманѣ, то появляясь снова. Узкая тропинка, протоптанная мѣстными жителями, врядъ ли могла быть названа дорогою.

— Ну, сегодня собирайтесь съ силами, намъ придется перейти нѣсколько балконовъ надъ самымъ Пянджемъ. До Шикая хотя и считается верстъ 35 по прямому направленію, но дорога утомительная... Кстати, мы здѣсь будемъ питаться плоховато. Барановъ нѣтъ, а козловъ хотя и много, но я по крайней мѣрѣ до нихъ не охотникъ. Будемъ сидѣть на консервахъ.

Постепенно Кала-и-Хумбъ тонулъ сзади насъ въ туманѣ, а спереди солнечные лучи уже прорѣзали его и открыли груду горъ, тянувшихся вдоль Пянджа и поднимавшихся параллельными цѣпями, постепенно возвышавшихся и сливавшихся гдѣ то далеко съ горизонтомъ.

Въ воздухѣ чувствовалось ледяное дыханіе снѣговыхъ горъ, вершины которыхъ ярко бѣлѣли на солнцѣ. Огромныя массы снѣга спускались очень низко и казалось до снѣгового пояса рукой подать. Надъ самымъ же Пянджемъ стояли отвѣсныя скалы, мрачно сѣрѣвшія и поднимавшіяся одна выше другой. А гдѣ то далеко внизу, въ узкой расщелинѣ ревѣлъ быстрый Пянджъ, отливая изумруднымъ цвѣтомъ воды.

Съ холма на холмъ, то спускаясь внизъ въ не

большія лощины, то поднимаясь на невысокіе перевалы, шла наша дорога, пролегая мѣстами надъ самой рѣкой. Кое-гдѣ попадались небольшія куртины зелени, состоявшія преимущественно изъ развѣсистыхъ тутовъ и тополей, да вправо отъ насъ, по отлогимъ спускамъ съ горъ, виднѣлись правильными четвероугольниками зеленыя обработанныя поля.

Пройдя нѣсколько верстъ, рельефъ мѣстности сталъ значительно измѣняться; горы спускались съ обѣихъ сторонъ къ Пянджу страшными обрывами. Гдѣ то далеко виднѣлся на авганской сторонѣ кишлакъ Хувангъ, а сзади него поднимался огромный перевалъ Мой-Май.

— Первый балконъ начинается,—указалъ Б. на проводника, слѣзшаго съ лошади и держа ее въ поводу, вступившаго на зыбкую настилку довольно длиннаго балкона, висѣвшаго надъ бездною, на днѣ которой, гдѣ то невозможно далеко внизу, клокоталъ Пянджъ, стиснутый въ этомъ мѣстѣ высокими горами и протекающій такимъ образомъ по узкому ущелью-коридору съ сырыми отвѣсными стѣнами.

Шагъ за шагомъ, стараясь держаться стѣны, мы перешли черезъ этотъ балконъ, съ котораго уже любоваться видомъ Пянджа не было никакого желанія. Бревна подозрительно поскрипывали, а сквозь настилку иногда виднѣлась пропасть, вызывавшая своимъ ужаснымъ видомъ тревожное чувство. Съ невольнымъ вздохомъ облегченія, будто сбросивъ съ себя страшную тяжесть, переходили всѣ на твердую дорогу. Но съ разочарованіемъ пришлось уви-

дѣть, что, не дальше какъ за сотню шаговъ, выглядываетъ другой балконъ еще длиннѣе и хуже перваго. Проводникъ остановился и началъ что то разъяснять переводчику, немилосердно мѣшая таджикскія слова съ узбекскими.

— Что онъ говоритъ?

— Тутъ будетъ одно нехорошее мѣсто. Надо идти дальше другъ отъ друга, а то овринъ *) можетъ не выдержать тяжести. Говорятъ, что давно очень его чинили, а въ этомъ году бекъ приказалъ исправить, да не успѣли.

— Однако удовольствія мало. Давайте хоть вздохнемъ здѣсь немного передъ тѣмъ, какъ пускаться въ это рискованное предпріятіе.

Выбравъ небольшую площадку подъ нависшей скалой, мы присѣли держа коней въ поводу и закурили папиросы.

— Спроси, давно ли эту дорогу строили, вѣроятно проводникъ знаетъ?

— Нѣтъ, тюра, не знаю, еще говорятъ старый Дарвазскій миръ, когда ходилъ Кала-Шикай строить, эту дорогу приказалъ сдѣлать. Можетъ лѣтъ сто раньше, а можетъ быть и больше. Старые люди говорятъ, что это мѣсто Хозретъ-Али разрубилъ своимъ мечемъ, а раньше здѣсь воды Пянджа не протекали.

Мы втянулись одинъ по одному на балконъ, сохраняя интервалъ шаговъ въ тридцать другъ отъ друга. Балконъ былъ ветхъ и казалось едва держался, настилка во многихъ мѣстахъ провалилась

*) Балконъ или овринъ.

и имѣла видъ какого то скелета. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ весь нашъ караванъ, шагъ за шагомъ подвигавшійся впередъ. Вьючная тяжело нагруженная лошадь была въ поводу у солдата. Внизу сквозь настилку виднѣлась мель, подходившая къ самому подножью скалы. Сѣрый тонъ ея указывалъ, что она состоитъ изъ камней, но различить ихъ невооруженнымъ глазомъ не представлялось возможности.

Б. медленно подвигался впередъ, ежеминутно спотыкаясь о выдававшійся хворостъ. Самое скверное и ненадежное мѣсто балкона уже пройдено послѣднимъ человѣкомъ, какъ вдругъ вьючная лошадь провалилась задними ногами и съ секунду продѣлавъ нѣсколько неимовѣрныхъ усилій выбраться на настилку, разомъ исчезла, провалившись окончательно. Остальныя лошади, нервно вздрогнувъ, пошли быстрѣе. Черезъ минуту откуда то изъ далека донесся глухой звукъ и затѣмъ все стихло. Весь караванъ уже былъ на твердой площадкѣ.

Тревожно осмотрѣвъ всѣхъ, я съ радостью увидѣлъ, что жертвою была лишь вьючная лошадь. Съ еще большею осторожностью мы съ Б. вернулись къ мѣсту катастрофы. Огромная дыра въ настилкѣ мрачно чернѣла подъ нашими ногами. Гдѣ то безконечно далеко, внизу на каменистой отмели виднѣлась лежавшая лошадь. Взявъ бинокль и внимательно осмотрѣвъ тѣло, я увидѣлъ, что внизу лежитъ уже трупъ.

— Ни одного движенія не замѣтно и очевидно нашъ вьючекъ превратился въ котлетку,—въ раздумьи сказалъ Б.

— Только вотъ что, какъ же съ нашими вещами?

— Переводчикъ, спроси-ка проводника, нельзя ли какъ-нибудь ихъ достать?

— Нѣтъ тюра, никакъ нельзя подойти къ этому мѣсту. Вездѣ скалы идутъ внизъ какъ стѣны. Если же изъ Кала-и-Хумба спуститься на гупсарахъ, то пока сюда доѣдемъ вода разобьетъ о камни.

Лишь вздохнувъ и пожалѣвъ о потерянныхъ вещахъ, мы съ тяжелымъ настроеніемъ стали подниматься на перевалъ, откуда на авганской сторонѣ передъ нашими глазами открылся огромный снѣговой хребетъ, шедшій къ югу, среди котораго виднѣлась первоклассной величины снѣговая гора.

— Это очевидно гора Бенди-Вестходъ, вершина которой достигаетъ до 25-ти тысячъ футовъ,—указалъ Б.

— Ты знаешь?

— Такъ полковникъ вѣрно. Эту гору называютъ Вестходъ,—отвѣтилъ словоохотливо переводчикъ.

Въ нашихъ книгахъ написано, мнѣ бекъ говорилъ, что дальше есть еще гора Башаи, она еще больше, но только ее отсюда не видно. Башаи самая высокая гора на свѣтѣ и на ней на самомъ верху гнѣздо птицы Роха. Она несетъ яица и изъ каждаго яица выходитъ потомъ шайтанъ. Но только всѣ эти шайтаны ничего сдѣлать не могутъ, потому что Аллахъ приказалъ эту птицу сторожить самому главному своему святому, который называется Ата-Эвліа—потому что онъ отецъ всѣхъ святыхъ. Какъ только изъ яйца Роха выходитъ новый шайтанъ, Ата-Эвліа говоритъ особое слово

и шайтанъ въ ту же минуту издыхаетъ. Но Ата-Эвліа долженъ быть очень зоркимъ, чтобы не упустить часа, когда выйдетъ шайтанъ и за эту службу Аллахъ сдѣлалъ, что отецъ святыхъ никогда не умираетъ. Прежде онъ былъ также человѣкъ и жилъ гдѣ то, царствуя надъ своимъ народомъ, но потомъ сдѣлался святымъ въ тотъ самый день, когда умеръ пророкъ Магометъ, и поэтому то онъ и старше всѣхъ остальныхъ святыхъ.

— Интересная легенда,—задумчиво сказалъ Б., что то припоминая.

Въ ней есть отзвукъ чего то очень далекаго, принесеннаго изъ таинственной Индіи. Хотя я помню, что арабскій географъ Ибнъ-Батута въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что онъ на горѣ Башаи самъ видѣлъ отца святыхъ Ата-Эвліа. Онъ имѣлъ видъ молодого человѣка, прекрасной наружности и тѣло его было также нѣжно какъ у женщины. По словамъ отца святыхъ, онъ при жизни былъ индійскимъ царемъ Абу-Рахимомъ, погребенный послѣ смерти въ городѣ Синдіа, а затѣмъ воскресшій; при чемъ у него черезъ каждыхъ сто лѣтъ жизни, все тѣло снова обновляется и выростаютъ новые зубы и волосы.

— Это, тюра, вѣрно, я то же слышалъ, мнѣ одинъ старикъ говорилъ, который ѣздилъ туда... Здѣсь давно, прежде всѣ святые жили и только теперь Аллахъ отвернулъ свое лицо отъ здѣшняго края.

— Гдѣ же еще святой есть? — заинтересовался Б.

— Да вездѣ вокругъ ихъ могилы есть и мазары на нѣкоторыхъ.—Вотъ посмотри туда, тюра, видишь тамъ далеко въ Кулябскую сторону гора видна, Ходжа-Аскари называется. Святой Аскари на ней жилъ со своимъ верблюдомъ. На самой вершинѣ горы Аллахъ хорошее—пастбище сдѣлалъ, чтобы верблюдъ святого могъ бы найти себѣ пропитаніе. И этотъ верблюдъ во всю свою долгую жизнь кормилъ Ходжу-Аскари своимъ молокомъ. На немъ же ходжа и въ Мекку ѣздилъ благочестивый хаджъ совершать. А когда Азраилъ вынулъ душу изъ бреннаго тѣла святого и похоронили его на вершинѣ горы, верблюдъ не могъ перенести разлуку со своимъ господиномъ, которому онъ служилъ. Взялъ его одинъ благочестивый человѣкъ себѣ, но не захотѣлъ верблюдъ жить. Ушелъ отъ новаго своего господина и скоро взобрался на эту гору, гдѣ внутри глубокой пещеры было погребено тѣло Ходжи-Аскари. Легъ верблюдъ около его могилы и все время плакалъ, пока не умеръ. И Аллахъ захотѣлъ почтить преданность. Окаменѣло тѣло верблюда, но сосцы, отъ которыхъ питался святой, остались живы и изъ нихъ вѣчно продолжаетъ струиться молоко. Много людей ходятъ туда на могилу Ходжи-Аскари. И отъ всякихъ болѣзней получаютъ тамъ облегченіе. Лишь напьются молока отъ святого верблюда и тотчасъ же болѣзнь уходитъ далеко.

Только очень трудна дорога на гору и немногіе больные имѣютъ силу подняться до верху. Въ прошломъ году самъ бекъ-парваначи на гору ѣздилъ,

но не могъ подняться на верхъ. Силъ не было— старъ онъ. Если бы поднялся, то навѣрное бы выздоровѣлъ, а теперь болѣетъ.

— Отчего же его не взяли люди и не подняли на рукахъ на верхъ?

— Нѣтъ, тюра, больной самъ долженъ на гору подняться и все время идти и молитвы святому читать.

Окруженные группою деревьевъ не въ далекѣ виднѣлись какіе то камни, среди которыхъ на палкахъ были прибиты огромные рога архаровъ и горныхъ барановъ; нѣкоторые изъ нихъ были вкопаны въ землю, а дальше лежала ихъ цѣлая груда.

— Что это такое?—спросилъ я, всматриваясь.

— Это, тюра, наше кладбище; люди изъ сосѣдняго кишлака своихъ мертвыхъ хоронятъ. А рога ставятъ, чтобы предохранить покойныхъ отъ нападенія шайтана, который разсердившись на людей выбрасываетъ ихъ тѣла изъ могилъ.

Обычай украшать живыхъ и мертвыхъ рогами, очевидно принадлежитъ къ числу очень древнихъ. На многихъ могилахъ постоянно встрѣчаются изображенія царей, украшенныхъ рогами. И самое названіе великаго македонца Искандеромъ-Зюлькарнайномъ, т. е. двурогимъ, указываетъ на символическое значеніе роговъ, являвшихся очевидно въ сѣдую старину символомъ власти и большимъ отличіемъ.

Огромные экземпляры роговъ поражали своей величиною. Нѣкоторые изъ нихъ уже поросли мохомъ и очевидно принесены на могилы очень давно.

— А много здѣсь горныхъ барановъ?—спросилъ Б., почувствовавшій невольно охотничій зудъ.

— Много, тюра, вотъ здѣсь будетъ недалеко мѣсто они всегда пасутся. Наши мергены (охотники) часто стрѣляютъ ихъ.

— Вотъ хорошо было бы поохотиться, кстати и обѣдъ хорошій бы былъ.

Выйдя изъ ущелья и поднявшись снова на перевалъ, мы скоро убѣдились, что проводникъ сказалъ правду. На небольшемъ плато еще издали была замѣтна стайка горныхъ барановъ, спокойно пасшихся и щипавшихъ зеленую траву.

Б. отдавъ лошадь проводнику и взявъ винтовку, осторожно поползъ, прикрываясь камнями. Мы остановились, наблюдая издали.

Бараны, не напуганные человѣкомъ, не обнаружили почти никакого безпокойства, когда Б. подползъ къ нимъ на ружейный выстрѣлъ. Присѣвъ за большой камень, онъ долго цѣлился, не желая дать промаха. Красавецъ баранъ съ большими изогнутыми рогами поднялъ голову, какъ будто почуявъ опасность. Громко прогремѣлъ выстрѣлъ винтовки и все стадо шарахнулась назадъ, перепрыгивая съ изумительной быстротой черезъ рытвины и лишь одинъ сдѣлавъ два, три скачка остановился на минуту, но черезъ мгновеніе все стадо скрылось въ какую то пропасть. Послѣдній, видимо подстрѣленный, тяжелыми прыжками также приближался къ ней, но затѣмъ зашатался и будто падая исчезъ въ расщелинѣ.

Мы подошли ближе.

— Кажется выстрѣлъ удаченъ, а достать будетъ нельзя, разочарованнымъ тономъ, сказалъ Б., указывая на глубокую щель, гдѣ внизу, саженяхъ въ ста на выступѣ, лежалъ убитый баранъ.

— Какъ ты думаешь, нельзя ли достать?—обратился онъ къ переводчику.

— Можно, тюра. Вотъ Ибрагимъ сейчасъ его достанетъ.

Таджикъ-проводникъ подошелъ къ краю щели и долго ее осматривалъ. Наконецъ, видимо принявъ какое то опредѣленное рѣшеніе, онъ быстро направился по краю расщелины, а затѣмъ по страшно крутой поверхности перепрыгивая съ выступа на выступъ сталъ спускаться внизъ. Громъ падающихъ камней иногда заставлялъ насъ думать, что онъ сорвался. Б., волнуясь, ругалъ себя, зачѣмъ онъ вздумалъ его послать.

— Еще убьется изъ-за этого глупаго барана. Просто простить себѣ не могу. И зачѣмъ только дернула меня нелегкая стрѣлять.

Лишь пыль, мѣстами поднимавшаяся со стѣнъ расщелины, указывала, что горецъ идетъ гдѣ-то внизу. Ожиданіе тянулось безконечно долго. Мы успѣли уже отдохнуть. Прошло уже часа полтора.

— Однако, что же это такое,—уже окончательно вышелъ изъ себя Б.

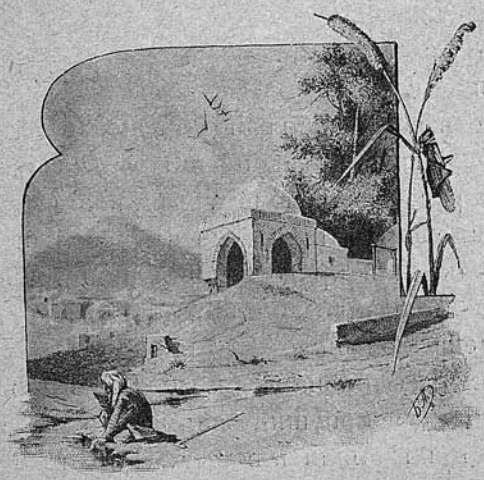
— Ни за что человѣка погубилъ. Навѣрное убился гдѣ нибудь.

— Никакъ нѣтъ, ваше б-іе,—вдругъ заговорилъ одинъ изъ солдатъ,—вонъ онъ, гдѣ лѣзетъ,—указалъ онъ на стѣну расщелины, по которой, держа

барана на плечахъ, карабкался горецъ, поднимаясь по выступамъ.

Мы облегченно вздохнули, когда, тяжело дыша, онъ вспрыгнулъ на край расщелины и бросилъ у нашихъ ногъ тушу огромнаго барана, имѣвшаго не меньше двухъ пудовъ вѣсомъ.

Пройдя значительный кишлакъ Іочитъ и небольшой кишлакъ Шкефъ, состоящій изъ десятковъ двухъ саклей съ небольшою растительностью около него, мы снова стали то подниматься на перевалы то переходить черезъ балконы и лишь поздчимъ вечеромъ пройдя кишлакъ Сангіу, добрались до кишлака Джара, противъ котораго на авганской сторонѣ виднѣлся кишлакъ Кала-и-Шикай.



XXXIV.

Таджикская свадьба и обряды.—Авганская крѣпость.—Разводы.—Танцы и музыка.—Вѣра въ переселеніе душъ.—Ленъ.—Отношенія бухарской администраціи.



Огонь костра, разведеннаго прямо на дворѣ около сакли, въ которой мы помѣстились, отбрасывалъ далеко прихотливыя тѣни, освѣщая сквозь входное отверстіе небольшое низкое помѣщеніе, съ потолкомъ, страшно закопченнымъ кизячнымъ дымомъ. Старая, довольно истертая, кошма составляла всю обстановку, если не считать небольшого чугуннаго котелка для приготовленія пищи. Около сакли въ огромной, гладко смазанной глиною ямѣ, хозяинъ пекъ лепешки изъ пшеничной муки, прилѣпляя ихъ къ стѣнамъ ямы. Черезъ нѣсколько минутъ готовыя лепешки снимались и, на мѣсто снятыхъ, прилѣплялись новыя. Приготовленіе тѣста было до нельзя просто—мука смѣшивалась съ водою и затѣмъ въ образовавшееся жидкое тѣсто

вновь подмѣшивалось еще немного муки до требуемой густоты, и тѣсто было готово.

Съ боку, на огнѣ костра, Б., съ помощью солдата, нанизавъ на желѣзные палочки куски мяса отъ убитаго барана, жарилъ какое-то подобіе шашлыка. Тутъ же, на огнѣ, сердито бурлилъ котелокъ, въ которомъ варилась порядочная порція баранины.

Въ предвкушеніи сытнаго ужина, Б., въ прекрасномъ расположеніи духа, болталъ со всѣми. Я расположился на кошмѣ, накрывшись буркою, такъ какъ вечеръ былъ болѣе чѣмъ прохладный. Переводчикъ присѣлъ тутъ же, рядомъ со старикомъ-таджикомъ, арбобомъ *) кишлака.

— Спросите-ка у арбоба, что у него большая семья?—задалъ я вопросъ, чтобы начать разговоръ.

— Да, тюра, у меня нѣсколько сыновей, изъ которыхъ уже двое имѣютъ своихъ дѣтей, а есть еще одинъ сынъ 15-ти лѣтъ и двѣ дѣвочки, немного моложе, завтра вотъ будетъ свадьба одной дочери.

Я удивился такому раннему браку.

— У насъ, тюра, можно жениться и выходить замужъ по адату, **) начиная съ пяти, шести лѣтъ и поэтому мои уже выросли достаточно и я за одну изъ нихъ получилъ въ подарокъ одного барана и одного быка. Сыну я тоже нашелъ хорошую дѣвушку, немного молодую, но это ничего, она вырастетъ.

Въ это время появился солдатъ, неся котелокъ съ душистымъ супомъ, а за нимъ торжествующій Б.

---

*) Арбобъ—староста.
**) Адать—обычай, обычное право,

принесъ нанизанные на палку куски жареннаго мяса. Разложивъ ихъ на лепешкахъ и сдѣлавъ пригласительный жестъ рукою, онъ, не дожидаясь меня, уже началъ закусывать. Оба мы порядочно проголодались и поэтому съ огромною жадностью накинулись на незатѣйливыя блюда. Вареное и жареное мясо горнаго барана было нѣжно и вкусно; заѣдая его горячими полусырыми лепешками, мы скоро были сыты по горло.

Попивая изъ широкихъ низкихъ чашекъ зеленый чай, лѣниво перебрасываясь словами, я скоро почувствовалъ, что начинаю грезить наяву, а потому, завернувшись въ свою кавказскую бурку прилегъ тутъ же на кошмѣ и черезъ минуту заснулъ, какъ убитый.

Утромъ насъ разбудилъ какой-то шумъ и голоса, раздававшіеся снаружи. Набросивъ на себя бурку я вышелъ и, остановившись у входа, увидѣлъ массу таджиковъ, собравшихся не вдаликѣ отъ насъ около сосѣдней сакли.

Группа сѣдобородыхъ таджиковъ во главѣ съ хозяиномъ арбобомъ составляла собою центръ картины. Сбоку виднѣлось нѣсколько женщинъ. Совершенно бѣлый, какъ лунь, старикъ-мулла стоялъ впереди, держа въ рукахъ небольшой глиняной кувшинъ. Противъ него, держась за руки, стояли молодой таджикъ и совершенно юная дѣвочка.

— Что это они дѣлаютъ?—обратился я за разъясненіемъ къ переводчику.

— Это они, тюра, свою свадьбу справляютъ, хозяинъ дочь замужъ отдаетъ, теперь мулла будетъ молитвы читать.

— „О, Аллахъ Милостивый, Милосердный и ты Великій пророкъ Аллаха Магометъ и вы, Джебраилъ, Михаель и Муса будьте благосклонны къ этимъ молодымъ людямъ, желающимъ вступить въ бракъ, торжественно заговорилъ мулла.

— Благословите ихъ на долгую жизнь до самой старости и смерти, пошлите имъ многочисленное потомство, которое бы служило опорою ихъ старости".

— „О будьте благосклонны!!."

„А ты, дочь моя, хочешь ли, чтобы этотъ юноша былъ на всю жизнь твоимъ мужемъ?"

„Да, мулла",—тихо отвѣтила дѣвочка.

— „И ты, сынъ мой, хочешь, чтобы эта дѣвочка была бы твоей женою?"

„Хочу, отецъ!!."

Мулла осторожно взялъ у отца невѣсты кусокъ варенаго мяса, лежавшаго на лепешкѣ, разрѣзалъ его ножемъ, положилъ затѣмъ по куску въ ротъ жениха и невѣсты, затѣмъ, поднявъ высоко надъ головой кувшинъ, онъ далъ изъ него пить имъ по очереди.

— „Какъ вы пьете воду эту изъ этого кувшина, также вы должны вмѣстѣ испить чашу горечи жизни, если ихъ пошлетъ вамъ судьба; помните это".

„Вотъ эти двое—мужъ и жена",—обратился онъ громко къ толпѣ.

„Аллахъ ихъ соединилъ и люди не могутъ больше разлучать".

„Аминь",—произнесъ мулла, проводя рукою по своему лицу.

Всѣ присутствующіе повторили этотъ жестъ.

Нѣсколько женщинъ окружили молодую и быстро увели ее въ саклю. Обрядъ былъ оконченъ.

Огромный козелъ, упиравшійся и не хотѣвшій идти, съ трудомъ былъ дотащенъ до самой сакли. Старый арбобъ, вынувъ ножъ, быстрымъ движеніемъ перерѣзалъ ему горло. Два, три таджика стали помогать снимать съ него кожу. Невдалекѣ уже разложили костеръ, на которомъ бурлилъ и кипѣлъ большой котелъ съ водою.

— Теперь у нихъ будетъ обѣдъ, надо подождать немного, пока всего не поѣдятъ, тогда мы поѣдемъ дальше съ другимъ проводникомъ,—сказалъ переводчикъ.

На авганской сторонѣ за Пянджемъ виднѣлись темныя стѣны четыреугольника—это Кала-Шикай, небольшая крѣпость, оберегавшая прежде владѣнія Дарвазскихъ мировъ, а въ настоящее время служащая помѣщеніемъ небольшой части авганскихъ войскъ. Спускъ къ рѣкѣ былъ довольно отлогъ и нѣсколько гупсаръ, лежавшихъ на берегу, указывали на существованіе переправы.

— Много ходитъ людей въ Авганистанъ?—спросилъ я переводчика.

— Много, тюра; въ Кала-Шикай бываетъ базаръ и туда всѣ здѣшніе переправляются, чтобы купить себѣ кое-что или же продать часть своего хлѣба, только авганскіе солдаты часто обижаютъ ихъ. Это оттого, что здѣсь русскихъ на-границѣ нѣтъ. Гдѣ есть русскіе солдаты, тамъ они живутъ тихо и очень боятся.

Иногда они переходятъ по ночамъ на нашу сто-

рону и отгоняютъ къ себѣ скотъ у здѣшнихъ таджиковъ.

— Ну, чтожъ, скоро окончится обѣдъ?—съ нетерпѣніемъ сказалъ Б.

— Сейчасъ, тюра, мы поѣдемъ.

— А что же теперь молодой мужъ за жену долженъ калымъ внести?

— Нѣтъ, тюра, по здѣшнему онъ только долженъ родителямъ жены подарки сдѣлать—тенегъ сто, двѣсти, да быка или корову. Здѣсь не дорого, да, вдобавокъ къ тому, по адату у таджиковъ разрѣшается имѣть только одну жену. Другую же можно взять тогда, когда первая умретъ или съ ней сдѣланъ разводъ.

— Что же часто бываетъ, что разводятся?

— Нѣтъ, тюра, очень рѣдко. Мужъ отпускаетъ свою жену и говоритъ ей „талакъ“ (слово разводъ), при всемъ народѣ, это слово онъ долженъ опять при людяхъ повторить еще нѣсколько разъ, уже послѣ того, какъ много людей слышали, какъ мужъ говорилъ „талакъ“, онъ идетъ съ женою къ казію. Казій судитъ обоихъ и узнаетъ, кто виноватъ. Если окажется, что жена не слушалась мужа, не угодила ему, то казій считаетъ ее виновной, и тогда она должна мужу подарить козла, или корову. А если вины ея нѣтъ и она только не нравится мужу, то мужъ виновный и казій начинаетъ его уговаривать снова начать жить съ женою, и всѣ свидѣтели также просятъ за жену, чтобы не было развода. Если все-таки мужъ хочетъ развода, то согласіе на это должны дать всѣ люди, а потомъ и самъ казій;

тогда мужъ своей женѣ, отпуская ее, долженъ подарить лошадь и жена послѣ этого можетъ выходить снова замужъ, а мужъ имѣетъ право жениться на другой женщинѣ.

Между тѣмъ брачный обѣдъ уже былъ конченъ. Въ началѣ чуть слышно пронеслись дребезжащіе звуки дава [1]) и разнеслись по окрестностямъ; ему завторили сетаръ и рабобъ [2]), жалобно звуча своими струнами... Суховатымъ треньканьемъ посыпались частые переборы, на которые отвѣтили басовые звуки. Медленно разливалась какая-то однобразная мелодія. Съ десятокъ молодыхъ таджиковъ топтался на мѣстѣ, выдѣлывая какія-то „па“, имѣвшія отдаленное сходство и съ лезгинкою и съ трепакомъ. Нѣсколько дѣвушекъ съ волосами, заплетенными въ четыре косы въ отличіе отъ женщинъ, имѣющихъ лишь двѣ, взявшись за руки, образовали кругъ, медленно подвигаясь то въ одну то въ другую сторону. Порою, всѣ разомъ, ударяли въ ладоши и рѣзко вскрикивали.

— Однако, эти танцы крайне напоминаютъ наши хороводы въ деревняхъ, не правда ли? Только почему-то все очень монотонно, да и нѣтъ хорового пѣнія.

Но въ это время довольно нестройными голосами мужчины затянули какую-то, до нельзя, своеобразную пѣсню. Треньканье сетаровъ сдѣлалось громче, рабобы, настроенные ниже, вторили густыми переборами. Во всей мелодіи слышалось что-то

---

[1]) Бубенъ.
[2]) Вродѣ бандуры.

такое далекое и знакомое, напоминавшее пѣсни внутренней Россіи.

Мы съ большимъ удовольствіемъ просидѣли лишній часъ, наблюдая и прислушиваясь. Бубны продолжали глухо гремѣть, вторя то жалобному, то деревянно-сухому треньканью струнъ, когда мы уже на лошадяхъ взглянули послѣдній разъ на эту темную, совершенно не нарядную толпу таджиковъ.

— Дѣвочка все-таки очень красива,—нарушилъ молчаніе Б., когда мы уже взбирались на довольно крутой подъемъ.

— А въ танцахъ видно большое сходство съ нашими хороводами. Да и струнные инструменты тѣ же бандура и торбанъ, которые встрѣчаются по всей Малороссіи.

— Что узбеки женятся на дочеряхъ таджиковъ?— спросилъ онъ, обращаясь черезъ переводчика къ новому проводнику.

— Женятся, тюра... У насъ женщины очень хороши... Вотъ таджики на женщинахъ долинъ жениться не могутъ, адатъ такой у узбековъ есть, чтобы чужимъ своихъ женщинъ не отдавать... Узбеки злы и не любятъ таджиковъ. И мы изъ своихъ горъ не любимъ сходить къ нимъ въ долины. Намъ здѣсь, въ горахъ, хорошо.

Миновавъ кишлакъ Одукъ, въ которомъ почти все населеніе высыпало намъ навстрѣчу, мы, послѣ короткаго привала, снова вступили на балконъ, но значительно лучшій, нежели пройденные. Хотя можетъ быть это и казалось, пройдя цѣлый десятокъ ихъ; невольно притупились нервы и появилась при-

вычка къ этимъ головоломнымъ мостамъ, уже не производившимъ прежняго впечатлѣнія.

Проводникъ ѣхалъ по самому краю балкона, мурлыча себѣ подъ носъ какую-то пѣсню и совершенно не обращая вниманія ни на высоту, на которой былъ устроенъ балконъ, ни на ходуномъ ходившія какъ клавиши подъ ногами лошади бревна; онъ даже не слѣзъ съ коня и съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на насъ, когда мы сошли съ лошадей и, держа ихъ въ поводу, взошли на настилку балкона[1]).

— Неужели тебѣ не страшно?—удивился я.

— Нѣтъ, тюра, я ничего не боюсь.

— Но вѣдь ты можешь сорваться и упасть, и тогда навѣрное смерть?

— Это не страшно, тюра,—убѣжденно отвѣтилъ таджикъ.

— Вѣдь душа моя будетъ жить вѣчно, а бренная оболочка разобьется и освободитъ душу, которая на время улетитъ къ подножью престола Аллаха, а затѣмъ снова войдетъ въ какое-нибудь тѣло. Я дурного ничего не дѣлалъ и душа моя снова будетъ жить въ другомъ человѣкѣ, куда пошлетъ ее Аллахъ,

— Для нехорошихъ людей нехорошо. Аллахъ можетъ послать ее въ какое-либо животное, чтобы она очистилась и забыла дурные свои дни, что сдѣлала раньше на землѣ. Хотя, если родственники будутъ хорошо и много молиться, то тогда Аллахъ скоро смилостивится. Мы всегда ходимъ молиться на могилы своихъ людей. Женщины пе-

[1]) Въ 1912 г. вся эта дорога отъ Хорогскаго поста по р. Пянджу разработана.

кутъ чуреки и когда помолимся, то въ память умершихъ на ихъ могилахъ ѣдимъ эти чуреки и ихъ вспоминаемъ. У женщинъ слезы на дороги и онѣ въ это время очень много кричатъ и плачутъ, и навѣрное Аллахъ слышитъ ихъ крики и жалобы.

Вступивъ на узкій карнизъ съ отвѣсными стѣнами, спускавшимися къ Пянджу, мы долго ѣхали по немъ. Группы растительности въ ущельяхъ попадались довольно часто. Масса ручейковъ прорѣзывала толщину скалъ, вырываясь на поверхность и падая каскадами въ глубокіе расщелины. Кристалическія породы горъ окончились и снова появились конгломераты различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Впереди виднѣлась уже гора Кучи-Фрушъ, представляющая собою самую значительную вершину въ западной части Дарваза и достигающую высоты до 16-ти тысячъ футовъ, а съ другой стороны поднималась гора Сія-Кучъ. Снѣговая шапка ея виднѣлась уже давно.

На авганской сторонѣ, около устья небольшой рѣки, открылся кишлакъ Раванакъ, пріютившійся на откосѣ горы и окруженный картиною густой зелени.

Все чаще и чаще попадались склоны горъ, покрытые небольшими обработанными полями.

— Справа, за хребетомъ, находится долина рѣки Ніоби. Далеко это отсюда?—спросилъ Б. переводчика.

— Нѣтъ, недалеко, когда мы пріѣдемъ въ Зыгаръ, то оттуда черезъ гору, потомъ спустимся къ

Ніоби; тамъ пойдутъ все мѣста богатыя. Кишлаковъ очень много и людей также. Это будетъ уже Кулябское бекство, Мамунабадское амлекдарство *), а Шикайское амлекдарство, по которому мы теперь ѣдемъ и самый Дарвазъ, окончится за этими горами. Въ Зыгарѣ сегодня будемъ ночевать.

— А что значитъ Зыгаръ въ переводѣ?

— Зыгаръ—это ленъ. Названіе дано, очевидно, въ виду того, что въ этомъ раіонѣ сѣютъ много льна. Здѣсь же изъ него выбиваютъ масло и, такимъ образомъ, отсюда его вывозятъ и въ Кулябъ и въ Кала-и-Хумбъ и даже выше.

— Вообще мы скоро вступимъ въ хлѣбныя и особенно богатыя мѣста, которыя прямо-таки являются житницею. Но какъ это ни странно, особенно богатыхъ людей здѣсь нѣтъ.

Бухарская администрація какъ будто заботливо нивелируетъ уровень благосостоянія жителей и, какъ только кто немного начинаетъ выдѣляться изъ общаго уровня, такъ его сейчасъ же за какую-нибудь провинность обдираютъ какъ липку.

*) Амлекдарство—уѣздъ.



XXXV.

От Зыгара до Мамунъ-Абада. — Преданіе о происхожденіи узбековъ. — Непогода. — Земледѣліе. — Нападеніе барса. — Сказка о тигрѣ. — Золотопромышленность. — Растительность. — Орѣховые наплывы.

Перейдя въ бродъ небольшую рѣчку Зыгаръ-Су, несущую довольно много воды въ Пянджъ, мы спустились въ Зыгарскую котловину къ кишлаку Зыгару, считающемуся въ числѣ довольно значительныхъ кишлаковъ, такъ какъ по сообщенію мѣстнаго Шикайскаго амлекдара, который попался на встрѣчу недалеко отъ этого кишлака, въ немъ свыше двухсотъ человѣкъ населенія. Невдалекѣ отъ него на авганской сторонѣ небольшая старая крѣпосца Убагенъ, а еще дальше Куфъ. Гора Модутъ далеко видна, господствуя надъ всѣми окрестностями и ея снѣжная вершина почти въ два раза выше Кучи-

Фрушъ, за которой черезъ перевалъ, достигающій высоты до 10-ти тысячъ футовъ лежитъ постъ Шаугонъ — послѣдній изъ длинной цѣпи постовъ пограничной стражи, расположенныхъ на авганской границѣ.

Довольно сносное помѣщеніе мѣстнаго аксакала представляло, собою по сравненію съ сараемъ въ Джарѣ благоустроенное жилье въ которомъ быстро развели мангалъ и мы согрѣвшись расположились на кошмахъ съ большимъ комфортомъ. Пріятно было чувствовать, что ни откуда не дуетъ и не ходитъ вѣтеръ.

— Не знаетъ ли аксакалъ, сколько всего считается людей въ Дарвазѣ?—обратился я къ почтенному старику, присѣвшему у входа.

— Жаль, тюра не спросилъ объ этомъ у бекскихъ людей, но все-таки я былъ раньше писаремъ у бека и если меня память не обманываетъ, то считаютъ всего около 50 тысячъ человѣкъ, а можетъ быть и немного больше... Народъ здѣсь не особенно богатый и лишь таджики разводятъ козъ и коровъ, изъ нихъ быковъ оставляютъ для обработки своихъ полей которыя находятся, какъ тюра видѣлъ на склонахъ высокихъ горъ.

— А аксакалъ принадлежитъ къ какому племени?

— Я тюра, узбекъ изъ племени Котаганъ. Всѣ мои родичи живутъ въ Авганистанѣ, но и сюда много переселилось въ Кулябскую долину, гдѣ и живутъ рядомъ съ киргизами.

— Киргизы вѣдь это отдѣльный народъ?—спросилъ Б.

— Нѣтъ, тюра, это тѣ же узбеки—только другихъ родовъ. У насъ разсказываютъ, что очень давно на берегу Аму-Дарьи около Термеза стоялъ огромный городъ, у падишаха котораго было сорокъ дочерей дѣвушекъ; падишахъ этотъ жилъ все время счастливо, но однажды изъ далекой Индіи пришелъ въ городъ святой человѣкъ и началъ онъ спорить съ тамошними муллами, и посрамилъ ихъ, такъ какъ онъ лучше нихъ зналъ коранъ и инжиль *). Тогда разсердился падишахъ и приказалъ сжечь святого человѣка, а пепелъ его бросить въ рѣку. Сдѣлали люди большой огонь и сожгли святого, а пепелъ его бросили въ рѣку, и понесла вода этотъ пепелъ до того мѣста, гдѣ купались сорокъ дочерей падишаха, изнемогая отъ лѣтняго зноя. Захотѣли онѣ утолить свою жажду и напились воды вмѣстѣ съ пепломъ святого, и совершилось тогда чудо, всѣ дѣвушки сдѣлались беременными. И увидавъ это падишахъ разгнѣвался и посадилъ ихъ въ особую калу, обнесенную высокими стѣнами. Тамъ черезъ девять мѣсяцевъ всѣ дѣвушки родили сорокъ мальчиковъ, отъ которыхъ и пошелъ узбекскій родъ Кыркъ-Кызъ, что значитъ—сорокъ дѣвушекъ. Мѣсто же, гдѣ они жили находится и понынѣ около Термеза, гдѣ видны и теперь ихъ помѣщенія. И это мѣсто до сихъ поръ также носитъ названіе Кыркъ-Кызъ.

Чудовищной величины туты и чинары придавали особенно красивый видъ Зыгару, пріютившемуся среди горъ и по своему мѣстоположенію могущему

*) Инжиль—Евангеліе.

быть признаннымъ самымъ красивымъ мѣстомъ въ верховьяхъ Пянджа.

Къ ночи погода рѣзко перемѣнилась, сразу задулъ сѣверный вѣтеръ, принесшій съ ледниковъ дождь съ мелкимъ градомъ. Темныя снѣговыя тучи низко нависли надъ кишлакомъ. Ночь была положительно непроглядная. Капли дождя ритмически барабанили въ крышу и скоро струйки воды, скопившіяся на ней въ значительномъ количествѣ, стали просачиваться черезъ настилку.

— Однако, только что мы расхвалили свое помѣщеніе, а выходитъ, что оно течетъ какъ рѣшето. Давайте какъ нибудь устраиваться, чтобы не протекало.

Выбравъ одинъ изъ угловъ и устроивъ надъ нимъ крышу изъ натянутаго полотнища походной палатки, мы забрались въ этотъ уютный и сухой уголокъ. Въ остальной же комнатѣ уже шелъ настоящій дождь, образовавшій на полу порядочную лужу...

Утромъ все страшно отсырѣло; уголья въ манголѣ едва тлѣли, почти не давая никакого тепла.

— Надо еще немного переждать, чтобы дождь пересталъ, иначе въ горахъ въ такую погоду ѣхать слишкомъ рискованно, навѣрное скользко и ѣхать трудно,—сообщилъ долго совѣщавшійся съ переводчикомъ Б.

Волей неволей пришлось изъявить свое согласіе и вмѣсто ранняго выѣзда мы выбрались лишь къ полудню, когда погода немного утихла.

Рѣзкій вѣтеръ продолжалъ дуть съ огромной

силой, тучи быстро бѣжали по небу, то разрываясь, то снова сдвигаясь. Будто огромныя бѣловато-сѣрыя хлопья неслись онѣ непрерывно по небу, закрывая собою всѣ вершины горъ. Бѣлый туманъ густою пеленою поднимался съ земли, мѣшая что либо видѣть. Медленно шагъ за шагомъ увязая въ размокнувшей вязкой почвѣ, двигались наши кони, поднимаясь на подъемъ и ежеминутно скользя. Проводникъ выдвинулся немного впередъ и разомъ какъ будто утонулъ въ бѣломъ туманѣ.

Глухо шлепая въ лужахъ воды, съ трудомъ поднимались мы на первый подъемъ. Осклизлые ремни сѣдельныхъ уборовъ и намокшіе вьюки сильно затрудняли движеніе.

Къ нашему счастью, чѣмъ выше, тѣмъ дѣлалось суше и поднявшись на середину высоты перевала Валь-Валякъ кони наши уже пошли по совершенно сухой тропѣ, поднимавшейся зигзагами кверху. Одолѣвъ перевалъ и отдохнувъ на его высшей точкѣ, начали спускъ, по которому, для отдыха лошадямъ, рѣшили идти пѣшкомъ. Лошади шли осторожно, лишь въ очень крутыхъ мѣстахъ немного замедляя быстроту шага.

— Вонъ, тюра, тамъ внизу рѣка Ніобь видна, по ней стоитъ сверху и до низу можетъ быть не меньше ста кишлаковъ; здѣсь и лѣсъ есть, хорошій лѣсъ, тутъ орѣхъ, чинаръ. Хорошо весь народъ живетъ, много зерна собираетъ, когда хорошій урожай.

— А часто такой урожай бываетъ?

— Часто, тюра—каждый годъ. Все что остается

у таджика въ излишкѣ онъ зарываетъ до будущаго года и поэтому здѣсь по кишлакамъ всегда есть большой запасъ зерна.

Разговорившись съ проводникомъ, я невольно бросилъ поводъ лошади и почти не обращалъ на ея ходъ никакого вниманія и горько же пришлось раскаиваться въ этомъ, когда спустя нѣсколько минутъ, конь совершенно неожиданно сдѣлалъ огромный скачекъ въ сторону и я почувствовалъ, что лечу стремительно на землю. Ударъ былъ настолько силенъ, что на мгновеніе все завертѣлось передъ моими глазами.

Вскочивъ на ноги, я сразу ничего не могъ сообразить. Всѣ лошади сбились въ кучу, храпя и дрожа. Минуту спустя раздался выстрѣлъ изъ винтовки, сдѣланный Б.

— Въ кого это выстрѣлили и что случилось?— задалъ я рядъ вопросовъ.

— А вотъ посмотрите на ту сторону ущелья.

Я глянулъ въ указанномъ направленіи и увидѣлъ огромнаго барса, медленно волоча заднія ноги, ползшаго по склону.

— Ловко я его угодилъ, теперь только его добить слѣдуетъ.

И вновь прицѣлившись, Б. послѣдовательно сдѣлалъ еще два выстрѣла.

Барсъ разомъ вытянулся и замеръ.

— Кончился, надо будетъ только снять съ него шкуру.

Пока люди слѣзли съ лошадей и притащили убитаго барса къ мѣсту остановки, я вновь поинтересовался подробностями.

— Какъ же это случилось?

— А Богъ его знаетъ, откуда онъ вырвался, только когда вы поровнялись съ зарослями шиповника, онъ выпрыгнулъ изъ нихъ и передъ лошадью пересѣкъ тропу; она разумѣется, испугавшись, бросилась въ сторону и вы вылетѣли изъ сѣдла. Къ счастью, видимо, благополучно, безъ особыхъ поврежденій,—добавилъ Б., осматривая меня пытливымъ взоромъ.

Я лишь поморщился, но не признался, что все тѣло побаливаетъ послѣ паденія основательно.

Черезъ четверть часа огромный барсъ лежалъ на площадкѣ, а одинъ изъ солдатъ, вооружившись ножемъ, уже снималъ съ него шкуру.

— Ладно попалъ, — съ гордостью произнесъ Б.,—изслѣдуя барса,—одна пуля въ крестецъ, а другая въ бокъ около сердца.

— Якши, тюра,—восторгался переводчикъ,—очень хорошо. Долго онъ бѣдныхъ таджиковъ обижалъ, теперь не будетъ. Старый барсъ, только это младшій братъ джуль-барса *). Тотъ сердитѣе...

— Джуль-барсъ здѣсь тоже есть?

— Нѣтъ, тюра, въ здѣшнихъ мѣстахъ нигдѣ нѣтъ джуль-барса. Говорятъ, когда Аллахъ сотворилъ всѣхъ звѣрей онъ послалъ одного джуль-барса въ Дарвазъ на страхъ и наказаніе людямъ, и много бѣдъ тогда джуль-барсъ надѣлалъ таджикамъ. У кого корову возьметъ, у кого ишака, а кого встрѣтитъ одного, такъ такого возьметъ и съѣстъ. Только взмолились тогда таджики Аллаху и послалъ имъ Милостивый, Милосердный лисицу.

*) Джуль-барсъ—тигръ.

Старая лисица была хитра, увидала она, что джуль-барсъ все съѣдаетъ, а ей ѣсть нечего, подумала она хорошенько, а затѣмъ приходитъ къ нему и говоритъ:

— Владыко здѣшнихъ мѣстъ, много ты труда несешь, чтобы достать себѣ пищу, между тѣмъ я твоя слуга ничего не дѣлаю тогда какъ должна служить тебѣ. Прикажи и я буду доставлять тебѣ все нужное для твоего стола.

Обрадовался джуль-барсъ, что можетъ жить, какъ настоящій миръ. Выбралъ себѣ удобное мѣсто и легъ, а лисъ сталъ съ ранняго утра и до поздняго вечера ловить и таскать всякую дичь своему повелителю: зайцы, куропатки, сѣрны, бараны въ изобиліи доставлялись имъ джуль-барсу. Увидѣлъ джуль-барсъ, что можно лису вѣрить и зажилъ припѣваючи, обрастая жиромъ.

Но однажды прибѣжалъ лисъ усталый и испуганный безъ добычи.

— Повелитель,—сказалъ онъ,—нѣтъ ничего сегодня для твоего стола, все переловилъ новый джуль-барсъ, который появился въ здѣшнихъ мѣстахъ. Даже и по виду онъ совершенно такой же какъ ты.

Удивился джуль-барсъ и захотѣлъ увидать своего двойника. Повелъ его лисъ на берегъ Пянджа, гдѣ въ тихомъ заливѣ вода стоитъ, какъ въ озерѣ, не шевелясь.

— Вотъ смотри, повелитель, здѣсь твой родичь живетъ,—указалъ онъ на воду рѣки.

— Заглянулъ внизъ джуль-барсъ и увидѣлъ въ

водяной поверхности свое изображеніе, хотѣлъ онъ кинуться къ нему, но сдѣлавъ прыжокъ, упалъ въ быстрыя воды Пянджа, разбившись о камни.

— И унесли волны его тѣло, но съ тѣхъ поръ больше джуль-барса въ Дарвазѣ не было.

Рядъ кишлаковъ, разбросанныхъ по теченію рѣки Ніоби, дѣлаетъ долину этой рѣки однимъ изъ самыхъ людныхъ раіоновъ Кулябскаго бекства, гдѣ населеніе на сравнительно небольшомъ пространствѣ верстъ въ 40 длины и 10 ширины достигаетъ до пяти съ половиной тысячъ человѣкъ.

Пройдя черезъ долину Ніоби и съ трудомъ переправившись черезъ эту бурную рѣчку, мы снова углубились въ горы, взявъ направленіе на большой кишлакъ Мамунъ-Абадъ, до котораго оставалось еще почти сорокаверстный переходъ отъ кишлака Пай-Дара.

Рѣка Ніоби принадлежитъ къ числу золотоносныхъ раіоновъ восточной Бухары. Помимо промывокъ золота, производимыхъ мѣстными жителями, здѣсь произведены были развѣдки инженеромъ Журавко-Покорскимъ, штейгеромъ Левашевымъ и геологами Крафтомъ и Леватомъ, подтвердившими богатое содержаніе золота въ прибрежныхъ пескахъ Ніоби, сносимыхъ быстрымъ теченіемъ съ ея верховьевъ. Рѣка эта въ обыкновенное время переходимая въ бродъ, весною наполняясь водою отъ дождей и таянія снѣговъ, совершенно непроходима въ это время года, неся вмѣстѣ съ массою воды огромные камни.

Обиліе ручьевъ и родниковъ въ этомъ раіонѣ

способствовало образованію значительной древесной растительности. Огромные деревья орѣховъ, чинаровъ и тутовъ, представляютъ изъ себя чудный строительный матеріалъ, могущій быть сплавляемымъ по Ніоби и Пянджу внизъ.

Пройдя узкое и живописное ущелье, по которому струился многоводный ручей, мы скоро начали подниматься на высокій перевалъ. Рельефъ мѣстности значительно измѣнился. Горы съ мягкими вершинами и склонами во многихъ мѣстахъ были обработаны и покрыты посѣвами. Лишь изрѣдка попадались темные мрачные каменистые конгломераты, имѣвшіе дикій и пустынный видъ. Кишлаки встрѣчались почти на каждомъ шагу, то гдѣ то на страшной высотѣ почти на вершинѣ горы, то на склонѣ, а иногда и у самой подошвы; нѣсколько таловъ являлись всею растительностью около людского жилья, въ большинствѣ случаевъ стоявшаго на совершенно открытомъ мѣстѣ. Темныя сакли какъ то особенно сиротливо жались одна къ другой, образуя узкую улицу.

Цѣлая масса людей вездѣ сидѣла около сакль грѣясь на солнцѣ. Полевая работа была окончена и перемолотивъ весь свой хлѣбъ, таджики приготовились къ долгому зимнему ничегонедѣланію.

За Дарвазскимъ ущельемъ началась долина Сегри-Дашти, соединяющаяся затѣмъ съ долиной Дашти-Тиряй. Горный Дарвазъ остался далеко позади. Впереди разстилался басейнъ Яхъ-Су.

Огромная растительность еще издали виднѣлась среди равнины—это кишлакъ Мамунъ-Абадъ, являю-

щійся однимъ изъ значительныхъ по своему базару, а главное по обилію древесной растительности различныхъ породъ. Вѣковые чинары, туты, своими развѣсистыми вершинами покрывали большіе участки, образуя тѣнистыя мѣста. Группы тополя до аршина въ діаметрѣ мощно поднимались красивыми куртинами, чередуясь съ старыми деревьями орѣха, достигавшими огромной толщины.

— Вотъ гдѣ богатство то!—изумленно воскликнулъ одинъ изъ конвойныхъ.

— Ну и деревья... Просто такихъ нигдѣ по нашимъ мѣстамъ не найдешь, тутъ тысячи ихъ, просто даже удивительно, какъ они здѣсь могли повырастать.

— А говорятъ, что прежде еще больше было, много ихъ порубили, какъ строили посты пограничной стражи отъ самыхъ Керковъ и до Шаугона.

— Однако здѣсь запасъ строительныхъ матеріаловъ большой... Цѣлое богатство въ этихъ деревьяхъ. Пожалуй вѣрно, что такихъ во внутренней Россіи и не найдешь. И наплывы орѣховые какіе огромные.

— Вотъ бы заняться ихъ эксплоатаціей,—не выдержалъ Б. и, спрыгнувъ съ лошади, началъ вымѣрять толщину колосальнаго чинара.

— Почти восемь обхватовъ,—черезъ минуту сообщилъ онъ, окончивъ мѣру.

— Да, толщина удивительная, не одну сотню лѣтъ нужно, чтобы онъ выросъ.

По Кулябскому, Каратегинскому и Бальджуан-

скому бекствамъ масса орѣха и чинара и жаль, что этотъ чудный лѣсъ вырубается крайне хищнически всякими предпринимателями.

Вся базарная площадь была переполнена мѣшками съ пшеницею и ячменемъ. Нѣсколько юркихъ восточныхъ людей несомнѣнно кавказскаго происхожденія сновали между зерномъ, жестикулируя и ведя ожесточенный торгъ съ мрачными и угрюмыми хозяевами его—таджиками. Ряды верблюдовъ, частью уже навьюченныхъ, лежали на землѣ и пережевывали жвачку. Тутъ же стояли на приколахъ лошади и ишаки. Надъ всѣмъ базаромъ носилась ѣдкая густая пыль и слышался запахъ навоза и испареній.

— Откуда этотъ народъ здѣсь взялся?—спросилъ Б, указывая на армянъ.

— Они, тюра, изъ Термеза пріѣзжаютъ и здѣсь въ Кулябѣ много хлѣба покупаютъ для русскихъ сарбазовъ, что въ Термезѣ и Керкахъ стоятъ. Отсюда потомъ въ Сарай везутъ на верблюдахъ, а а дальше по Аму-Дарьѣ на каюкахъ.

Рельефъ мѣстности совершенно измѣнился—широкая долина, окруженная невысокими мягкими горами, тянулась до самаго Ховалинга. Вправо отъ дороги виднѣлся рядъ ауловъ. Здѣсь уже стали попадаться узбеки и киргизы. Значительные табуны лошадей привольно паслись на равнинѣ, которая лишь постепенно поднималась и суживалась къ Ховалингу.

— Скоро ли пріѣдемъ?—въ десятый разъ уже спрашивалъ Б, которому сильно нездоровилось.

— Вѣдь вотъ чѣмъ скверныя здѣсь мѣста,— недовольно ворчалъ онъ.

— На горахъ чувствовалъ себя прекрасно, а съѣхали въ долину—уже приступы маляріи.

— Да вы примите хины,—утѣшалъ я его, испытывая также недомоганіе.

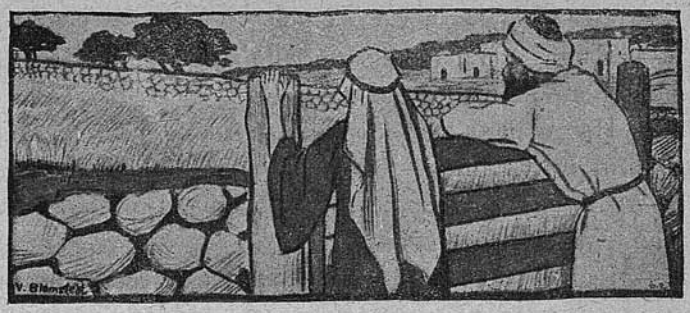
— Принималъ... почти 60 гранъ за сегодняшній день принялъ. Сказать доктору въ Россіи, не повѣритъ, что можно глотать безъ всякаго вреда, а даже съ пользою такое количество. Ну, доберемся до Ховалинга, тамъ уже вылежимся и можно нѣсколько дней отдыхъ себѣ и лошадямъ сдѣлать.

— Ховалингъ это кишлакъ?

— Нѣтъ, тюра, это городъ, прежде былъ большой. Даже бекъ жилъ, а теперь амлекдаръ живетъ, купцы есть.

Въѣхавъ въ извилистую узкую улицу, мы добрались до амлекдара и первый разъ послѣ двухнедѣльной ѣзды устроились на мягкихъ одѣялахъ въ чистой комнатѣ, имѣвшей даже окно со стеклами.





XXXVI.

Мамунъ—Абадъ.—Киргизы. — Изготовленіе кошемъ.—Киргизскіе женщины. — Бракъ. — Права женщинъ. — Рѣка Яхъ-Су. — Конокрадство. —Преданіе объ Авраамѣ.

Широкій дворъ михманъ-хана *) примыкалъ ко второму двору со стоявшими въ немъ нѣсколькими войлочными бѣлыми кибитками, около которыхъ суетились женщины и дѣти. Однообразный стукъ слышался изъ одной кибитки; сбоку нѣсколько женщинъ, сидя на землѣ, раскатывали шерсть, поливая ее горячею водою. Двѣ старухи видимо руководили работами. Веселый смѣхъ и говоръ слышался на далекое разстояніе.

Одѣтыя въ длинныя рубахи, вродѣ капотовъ изъ бухарскаго цвѣтного шелка, съ открытыми лицами женщины образовали красивую группу, которая такъ и просилась на картину. Нѣсколько че-

*) Михманъ-хана—помѣщеніе для гостей.

ловѣкъ дѣтей возилось тутъ же на землѣ, нѣкоторыя изъ нихъ совершенно голыя шалили и возились не въ далекѣ; порою какой-нибудь изъ карапузовъ, расшалившись падалъ и тогда громкій отчаянный крикъ надолго оглашалъ окрестности, но матери, занятыя своими дѣлами, совершенно не обращали вниманія на своихъ наслѣдниковъ и лишь иногда какая-нибудь изъ нихъ покрикивала на расшалившагося, но затѣмъ сейчасъ же, какъ бы стремясь наверстать потерянное время, съ увлеченіемъ вновь принималась за свою работу.

Тутъ же не въ далекѣ въ большихъ двухъ котлахъ варился пловъ, распространяя вокругъ рѣзкій запахъ кунжутнаго масла. Около полупотухшаго костра на угляхъ стояли высокіе чугунные чайники-кумганы, въ которыхъ кипятилась вода для чая. Нѣсколько туземцевъ расположилось не вдалекѣ, на небольшомъ возвышеніи распивая чай. Иногда женщины обращались къ нимъ и, получивъ отвѣтъ отъ кого либо изъ мужчинъ, на долго разражались веселымъ неудержимымъ хохотомъ.

Мы уже отдохнули, выспались нѣсколько разъ, и въ ожиданіи обѣда расхаживали по двору, переговариваясь съ мингъ-баши *), ходившимъ изъ почтенія за нами положительно по пятамъ.

Увидавъ группу работавшихъ, мы подошли ближе.

— Что это они дѣлаютъ?—заинтересовался я, видя какую-то странную работу.

— Кошмы дѣлаютъ,—шерсть бьютъ.

— Но развѣ можно у васъ женщинамъ показываться съ открытыми лицами?

*) Мингъ-баши—тысячный.

— Я, тюра, киргизъ и у насъ всегда женщины не прячутся и если тюра хочетъ посмотрѣть на работу, то можно пойти туда.

Я охотно согласился, и черезъ минуту уже осматривалъ всѣ манипуляціи выдѣлки кошмы.

Красивая, молодая высокая киргизка, какъ оказалось одна изъ женъ мингъ-баши, ни капли не смущаясь, весело крикнула намъ какое то привѣтствіе.

— Что, тюра, смотрѣть на насъ пришелъ, какія мы красивыя, — съ изрядной долей кокетства, задала она вопросъ, продолжая сильными движеніями рукъ разминать мокрую овечью шерсть.

— Хотѣлъ видѣть, что вы работаете...

— Ты лучше на насъ посмотри,—захохотала киргизка.

— Перестань Асаль,—остановила сѣдая старуха молодую киргизку.

— Если тюра хочетъ знать все, я разскажу и мы гостю рады. Вотъ здѣсь на кошмѣ мѣсто есть; прошу садиться... Сейчасъ чай дадутъ.

Сидя около кибитки, мы были почти въ центрѣ работавшихъ.

— Это старая моя мать, тюра, она уже почти семьдесятъ зимъ видитъ на своемъ вѣку. Здѣсь же вотъ и мои жены: Асаль, Калямъ-Биби и Джанымъ,—указалъ мингъ-баша на трехъ киргизокъ, изъ которыхъ одна высокая стройная прямо поражала своею миловидностью.

— Пусть тюра смотритъ,—заговорила старуха.

— Тамъ шресть бьютъ. Потомъ ее раскладываютъ

на камышевыя плетенки и поливаютъ горячей водою. Вонъ Джанымъ свертываетъ ее вмѣстѣ съ плетенкою и такъ нѣсколько разъ; послѣ опять прибавляютъ шерсти и поливаютъ горячей водою. Въ самомъ же концѣ мнутъ руками и валяютъ, свертывая на землѣ.

— Тюра хочетъ знать нашу женскую работу, но все равно онъ не выучится.—засмѣялась Асаль, показывая свои бѣлыя зубы

— Нѣтъ, ханумъ, мнѣ только нужно понимать, какъ это все дѣлается.

— Не зачѣмъ тюра, вѣдь у тебя есть своя ханумъ—она все сдѣлаетъ; только говорятъ, что ваши ханумъ не умѣютъ этого дѣлать.

— А у тюра сколько ханумъ? — съ любопытствомъ спросила степная красавица, посматривая не безъ кокетства.

— Всего лишь одна.

Асаль что то скоро сказала своимъ подругамъ, отчего тѣ весело смѣялись.

— Что она говоритъ?—спросилъ Х.

— Ахъ, тюра пусть не поставитъ мнѣ въ вину глупыя рѣчи моей неразумной жены. Она говоритъ, что одной женѣ очень скучно и утомительно быть съ мужемъ.

Между тѣмъ Асаль, видимо снѣдаемая любопытствомъ, уже щебетала безъ умолку, задавая рядъ вопросовъ.

Мингъ-баши что то сталъ отвѣчать ей довольно сердитымъ тономъ.

— Оставь, мингъ-баши, зачѣмъ ты не хочешь, чтобы она спрашивала?—запротестовалъ Б.

— Что она тебѣ сказала?

— Она глупая спрашиваетъ, какъ у урусовъ живутъ мужья, когда ихъ жена бываетъ больна при родахъ. А еще удивляется и думаетъ, что тогда приходится вѣроятно имъ ходить въ пай-кабакъ или же имѣть насторонѣ вторую жену...

Воспользовавшись благопріятнымъ и рѣдко встрѣчающимся случаемъ, мы постарались удовлетворить какъ могли любопытство киргизки, смотрящей на брачныя отношенія съ особой точки зрѣнія и въ то же время въ свою очередь задали цѣлый рядъ вопросовъ, чтобы узнать взглядъ ихъ на многоженный бракъ. Мингъ-баши въ началѣ все извинявшійся, выпивъ стакана два чая съ ромомъ, скоро разговорился и мы къ крайнему своему удивленію узнали многіе взгляды мусульманской женщины.

Какъ это ни странно, но оказалось, что ревность въ той формѣ, въ которой это чувство проявляется у насъ, имъ совершенно неизвѣстна. Ревность у нихъ вытекаетъ не изъ желанія обладать безраздѣльно мужемъ, а лишь изъ неправильнаго предпочтенія одной жены передъ другими. Если мужъ ко всѣмъ одинаковъ—то нѣтъ и повода въ ревности. Оскорбительности въ раздѣленіи мужемъ ласкъ между нѣсколькими женами онѣ не видятъ, такъ какъ это не принято, а кромѣ того, сама природа учитъ женщинъ Востока смотрѣть на вещи гораздо проще.

Вообще во многомъ оказалось, что наше мнѣніе о положеніи женщины совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и что у женщинъ есть большія

права, ограждающія по закону ихъ супружескую жизнь.

Законъ Магомета признаетъ за каждой женщиной право быть матерью и выполнить свое назначеніе и это право во многомъ отличается отъ нашихъ европейскихъ взглядовъ, еще не достигшихъ до высоты пониманія женскаго полноправія въ этомъ отношеніи.

Обыкновенно жены между собою живутъ въ тѣсной дружбѣ и лишь предпочтеніе мужемъ какой-нибудь одной вызываетъ вражду и ссоры.

Чувствуя себя больной или неспособной имѣть дѣтей, старшая жена всегда сама предлагаетъ мужу взять себѣ молодую жену.

Мужъ любитъ всегда всѣхъ своихъ дѣтей, не дѣлая между ними никакого различія; разумѣется бываютъ исключенія.

— Однако мы сегодня съ вами узнали много новаго, чего и не подозрѣвали,—задумался Б. и, обратившись къ мингъ-баши добавилъ:

— Поблагодарите вашихъ женъ за любезность и угощеніе.

Раскланявшись съ киргизскими дамами, продолжавшими, несмотря на разговоръ, заниматься своимъ дѣломъ, мы перешли на первый дворъ.

Солнце уже заходило за горы и его розово-оранжевый блескъ послѣдними лучами освѣщалъ окрестности. Куры, ходившія по двору, засуетились и одна за другой хлопая крыльями начали взлетать и устраиваться на ночлегъ среди листвы высокаго и развѣсистаго тута.

— Вотъ посмотрите,—обратилъ мое вниманіе Б—все здѣсь по особенному и жизнь людей и жизнь животныхъ. Даже куры вмѣсто того, чтобы сидѣть гдѣ-нибудь подъ крышею сарая садятся на деревья.

— Это прямо странно!..

— Вы еще больше удивитесь, если узнаете, что здѣсь есть сортъ красныхъ утокъ—атайки которыя и гнѣзда свои вьютъ на деревьяхъ.

— Неправда ли, удивительно странно?

Долина рѣки Яхъ-Су уже давно извѣстна намъ какъ мѣстность, гдѣ въ значительномъ количествѣ промывается золото какъ туземцами, такъ и русскими предпринимателями. Яхъ-Су значитъ холодная вода; названіе данное жителями этой рѣки, вслѣдствіе ея температуры. Вытекая изъ ледяныхъ горъ, рѣка эта принадлежитъ къ довольно многоводнымъ. Чисты прозрачныя ея воды съ шумомъ неслись по каменистому ложу, впадая недалеко отъ кишлака Ханабада въ Казилъ-Су.

Переваливъ горный хребетъ и переправившись черезъ Кизилъ-Су около кишлака Чарбагъ, мы поднялись на перевалъ Човганы, но подъемы эти послѣ Дарвазскихъ горъ казались настолько незначительными, что мы совершенно не обращали вниманія на эти крутизны, привыкнувъ къ высотамъ.

Проводникомъ снова былъ при насъ омусульманившійся русскій Кирiаковъ, отставшій передъ Кала-и-Хумбомъ. Давно не говорившій по русски, онъ какъ будто старался использовать возможно шире благопріятный случай, давшій ему возможность

провести нѣсколько дней между русскими и поэтому болталъ не умолкая.

— Вотъ у него сынъ только что родился,—указалъ онъ на одного изъ нукеровъ.

— Теперь будетъ „той“ дѣлать, потому что по адату, когда сынъ на свѣтъ является, такъ у нихъ праздникъ, по ихнему „той“ надо дѣлать. Большой всегда расходъ выходитъ. Вотъ когда дочь родится, то хорошо—ничего не нужно дѣлать, только посыпятъ мукой, да посолятъ слегка и все.

— А это для чего? Солятъ, да мукой сыпятъ?..

— Такой адатъ у нихъ, старухи говорятъ, что тогда каждая дѣвочка будетъ хорошей хозяйкой. Мальчику же на шею вѣшаютъ особенную молитву изъ Корана, которую зашиваютъ въ ладонку, чтобы онъ имѣлъ защиту отъ нечестиваго. А ужъ козла дерутъ и байгу дѣлаютъ обязательно. Весело тогда у каждаго бываетъ, только одно плохо—все же это дорого стоитъ. Средняго достатка человѣкъ тысячу тенегъ истратитъ, ну, а бѣдняку тенегъ триста приходится добывать, чтобы „той“ сдѣлать. А не сдѣлать нельзя—по адату полагается.

Видъ съ перевала на рѣку Сурхабъ, струившуюся гдѣ-то внизу, былъ очень красивъ.—Будто огромная змѣя извивалась рѣка, выглядывая мѣстами изъ крутыхъ ущелій, образуя около кишлака Чинари большую долину, въ которую вели довольно пологіе спуски по склонамъ горъ.

Уже вечерѣло и сѣрый густой туманъ поднимался изъ низинъ. Гдѣ-то далеко, внизу, показалась небольшая темная точка, постепенно увеличи-

вавшаяся и превратившаяся, наконецъ, въ всадника, быстро двигавшагося намъ на встрѣчу, на потной и измученной лошади.

— Куда тамыръ*) такъ скоро ѣдетъ?—еще издали крикнулъ Кирiаковъ высокому киргизу съ рѣдкой бородкой и зоркими, бѣгающими глазами.

Оглядѣвъ насъ подозрительнымъ взглядомъ, онъ прiостановилъ своего коня.

— Не видали-ли на дорогѣ двухъ киргизовъ, которые гнали нѣсколько лошадей?—не отвѣчая на вопросъ, обратился онъ къ спрашивавшему.

— Два киргиза, говоришь, съ лошадьми! и много лошадей? Десять? Нѣтъ не видали!... Слѣдъ видѣлъ, да далеко отсюда, три таша будетъ. Отчего не смотришь за своими конями, вотъ и угнали.

— Смотрѣли, да самъ знаешь, людей злыхъ много, за всѣми не усмотришь.

— Издалека ли ѣдешь?

— Изъ Шайтана, тамыръ.

— Ну, это, пожалуй, и не сообразишь, изъ котораго Шайтана, на сдѣшней сторонѣ или за Сурхабомъ.

— Изъ-за Сурхаба, тамыръ; но, прости, спѣшу,— и, ударивъ лошадей нагайкой, онъ, объѣхавъ нашъ караванъ, быстро сталъ подниматься въ гору.

— Онъ лошадей своихъ разыскиваетъ. Украли у него конокрады. Здѣсь съ этими конокрадами, или по здѣшнему, калахерами, просто бѣда, чуть гдѣ зазѣваются, такъ сейчасъ же угонятъ лошадей и потомъ переправятъ въ Авганистанъ, а тамъ уже поминай какъ звали. Много народа этимъ зани-

*) Тамыръ—прiятель.

мается—потому если попадется, такъ можно откупиться отъ наказанія. Да и сами бухарскіе беки содержатъ конокрадовъ. Разумѣется, не всѣ, а есть такіе, что и грѣшны этимъ дѣломъ. Попадется когда кто, такъ бекъ съ него же штрафъ возьметъ, а санъ въ сторонѣ.

— Что же это за Шайтанъ такой?—задалъ вопросъ долго ѣхавшій молча Б.

— Шайтанъ будетъ кишлакъ, да не одинъ, а два, одинъ на здѣшней сторонѣ, а другой за Сурхабомъ, верстахъ въ тридцати отъ него. Знаю оба кишлака; бывалъ въ нихъ не разъ—киргизы живутъ, а у нихъ коней много... Люди зовутъ ихъ Шайданъ и Шайтанъ...

— Какое странное названіе Шайтанъ, почему такъ называютъ? Не слыхалъ ли ты?

— Нѣтъ, а не знаю, но можно нукера спросить, онъ здѣшній...

— Шайтанъ-кишлаки очень давно на свѣтѣ стоятъ,—словоохотливо разсказалъ нукеръ.

— Говорятъ люди, что мѣста такъ были названы еще при Хазретѣ Ибрагимѣ. Хазретъ же Ибрагимъ (Авраамъ), какъ извѣстно, былъ праведной жизни и все время старался угодить Аллаху. У него было два сына и когда они выросли, то захотѣлъ Хазретъ Ибрагимъ отдать Аллаху то, что было ему дороже всего на свѣтѣ. Долго онъ думалъ, но, наконецъ, самъ Аллахъ указалъ ему принести себѣ въ жертву самыхъ любямыхъ сыновей Исаака и Измаила. Выстроилъ Хазретъ Ибрагимъ жертвенникъ, привелъ сыновей и сталъ молиться Аллаху

передъ тѣмъ, какъ ихъ зарѣзать. Но шайтанъ (Иблись) не хотѣлъ, чтобы Хазретъ Ибрагимъ былъ безъ грѣха и рѣшилъ онъ помѣшать ему исполнить обѣщаніе Аллаху, и тѣмъ призвать на него праведный гнѣвъ Милостиваго и Милосерднаго. Сталъ онъ уговаривать братьевъ не слушаться отца. Но твердыми остались оба и не могъ онъ соблазнить ихъ сдѣлать беззаконіе. Тогда видя, что ничего не выходитъ, рѣшилъ онъ уговорить мать Измаила Агарь, думая, что ее, какъ женщину, легче сбить съ толку. Выслушала Агарь шайтана; затрепетало сердце матери и захотѣла въ послѣдній разъ посмотрѣть на своего первенца, ею въ мукахъ рожденнаго. Громкимъ голосомъ крикнула она Измаила по имени, и услыхалъ сынъ голосъ крови своей матери. Выпросилъ онъ разрѣшеніе у Хазрета Ибрагима добѣжать до кибитки, гдѣ была Агарь и тотчасъ же возвратиться обратно. Позволилъ Хазретъ Ибрагимъ, такъ какъ у него еще не все было готово. Убѣжалъ Измаилъ, а шайтанъ въ это время сталъ соблазнять Исаака не слушаться отца и нарушить законъ, но твердъ остался Исаакъ и лишь обращаясь къ Хазрету Ибрагиму, сказалъ:

— Отецъ, темный человѣкъ сзади стоящій, все искушаетъ меня.

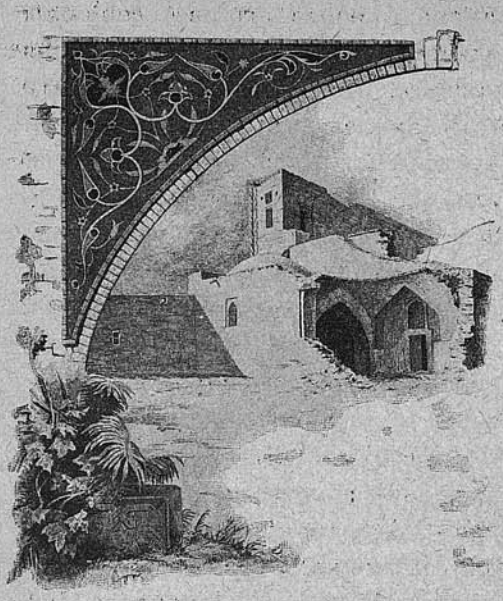
Складывалъ въ это время Хазретъ своими святыми руками камни и держалъ одинъ изъ нихъ въ рукахъ.

Посмотрѣлъ онъ вокругъ и отвѣтилъ:

— Это шайтанъ тебя искушаетъ, возьми вотъ этотъ камень и брось въ него.

Исаакъ взялъ камень, бросилъ его изо всей силы въ шайтана. И не выдержалъ ша йтанъ тяжести свя того камня, побывавшаго въ рукахъ безгрѣшнаго Хазрета Ибрагима. Ударился въ него камень и упалъ шайтанъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Кизилъ-Су протекаетъ, но отбросилъ его земля и снова онъ поднялся на воздухъ и упалъ за Вахшемъ, около Дедаги, гдѣ теперь другой кишлакъ Шайтанъ стоитъ. Было это около Мекки въ долинѣ Мина и много пролетѣлъ шайтанъ, пока не ударился о здѣшнюю землю. Увидѣлъ Аллахъ послушаніе сыновей Хазрета Ибрагима и оставилъ имъ жизнь. А теперь, когда на то мѣсто въ Мекку приходятъ ходжи, то и они тамъ совершаютъ жертвоприношеніе въ день Курбанъ- Байрама и проходя мимо жертвенника Хазрета Ибрагима, бросаютъ въ шайтана камни, вспоминая Исаака и Измаила. Мнѣ разсказывалъ одинъ ходжа,что три высокихъ горъ ужъ накидали люди на этихъ мѣстахъ *).

*) Кишлаки — Шойданъ лишь у киргизовъ носятъ названіе шойтанъ и преданіе это очевидно неправильно пріурочивается къ этимъ мѣстамъ.



XXXXI.

Файзабадъ. — Землетрясеніе.—Якки.—Результаты землетрясенія.—15 тысячъ человѣкъ погибшихъ. — Файзабадская крѣпость. — Устройство кибитки. — Хозретъ Гамаюнъ.

Отъ Чинара тропа потянулась лѣвымъ берегомъ Вахша до кишлака Дагона, гдѣ находилась переправа на дорогѣ, ведущей въ Файзабадъ. Дожди, шедшіе нѣсколько дней, образовали массу воды и Вахшъ, сильно вздувшись, несъ свои темныя воды, ревя на перекатахъ. Къ счастью нашему, подъемъ воды не бываетъ продолжительнымъ и уже къ вечеру вода прошла, давъ намъ возможность переправиться черезъ рѣку съ помощью гупсаръ. Лошади перешли вплавь черезъ довольно глубокую въ этомъ мѣстѣ воду. Вдоль рѣки проходила пробитая для ѣзды конная тропа, то извивавшаяся по холмамъ, то поднимавшаяся на перевалъ, чтобы, перебросившись черезъ нихъ, снова узкой, едва за-

мѣтной лентой, потянуться дальше, направляясь къ кишлаку Дагона, откуда поварачивала перпендикулярно къ Вахшу и, идя по теченію небольшой рѣчки Файзабадъ-Су (Оби-Гаримъ), шла къ городу Файзабаду.

Почти около самаго кишлака Дагона моя лошадь, споткнувшись, сразу остановилась, а затѣмъ совершенно неожиданно опустилась на колѣна.

— Что такое случилось?—удивился я, видя какъ одновременно съ тѣмъ споткнулась и другая лошадь.

Вскочивъ на землю, я замѣтилъ, что почва сильно колебалась.

— Однако, спять землетрясеніе и какое значительное. Посмотрите-ка, что дѣлается вокругъ.

Стоя на вершинѣ горы, мы могли видѣть, какъ вода въ рѣкѣ вдругъ разомъ набѣжала на противоположный берегъ, съ шумомъ отхлынула назадъ и, покрывъ собою всѣ острова, побѣжала обратно, поднявшись на берегу огромной стѣной.

Еще толчокъ и въ рѣкѣ поднялся невообразимый хаосъ. Волны сталкивались, поднимались кверху и выливались, гдѣ только было можно, на низменныя мѣста. Ревъ воды разнесся далеко по окрестностямъ. Отвѣсной стѣной поднимавшіяся горы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осыпались и густыя облака пыли носились надъ ущельями. При полномъ безвѣтріи листья шелестѣли на деревьяхъ, которыя раскачивались будто въ сильную бурю. Впечатлѣніе было непріятное, но подъ открытымъ небомъ не ощущалось той подавленности и паническаго

ужаса, которое испытываешь, будучи во время землетрясенія подъ кровлями построекъ.

Толчки шли съ юга и съ небольшими промежутками. Волны ударовъ плавно проносились подъ ногами довольно долгое время. Колебанія почвы дѣлались меньше и меньше.

Мы тронулись въ дальнѣйшій путь по довольно значительнымъ подъемамъ и черезъ перевалъ Тіанъ, спустились къ городу Файзабаду, еще издали виднѣвшемуся своей растительностью, среди которой выдвигались развалины старой крѣпости.

Съ очень отдаленнаго времени въ бассейнѣ Аму-Дарьи существовало два города, носившихъ названіе Файзабада. Одинъ изъ нихъ лежалъ на рѣкѣ Кокчѣ въ Бадакшанѣ, существующій и по нынѣ, въ которомъ въ древности жили Бадакшанскіе правители, второй—на Пянджѣ, около Сарая. Цѣлый рядъ продолжительныхъ междоусобныхъ войнъ разрушилъ городъ Файзабадъ на Пянджѣ, а уничтоженіе ирригаціонныхъ системъ и захватъ значительной части жителей въ плѣнъ, не дали возможности возобновить старыя системы и оставшіеся жители ушли съ насиженныхъ мѣстъ на Пянджѣ и построили въ верстахъ въ полутораста новый городъ на Кафернганѣ около древняго города, превращеннаго въ крѣпость. Гиссарскіе самостоятельные миры для защиты своихъ владѣній отъ набѣговъ жителей горныхъ завахшскихъ мѣстъ, постепенно укрѣпили это мѣсто, превративъ Файзабадъ въ сильную крѣпость, находившуюся въ ленной зависимости отъ Гиссара. Широкая и удобная

долина привлекла сюда значительное населеніе, занявшееся земледѣліемъ на равнинѣ и скотоводствомъ въ горахъ.

Образуя небольшое бекство, Файзабадъ игралъ роль пограничной крѣпости, закрывавшей съ востока богатую Гиссарскую долину, ограниченную съ этой стороны довольно высокими хребтами Вакшаскихъ горъ, служащихъ водораздѣломъ между рѣками Кафернганомъ и Вахшемъ.

Въ настоящее время Файзабадъ служитъ мѣстопребываніемъ амлякдара, составляя собою самое восточное амлякдарство Гиссарскаго бекства.

Пока мы добрались до города, уже наступилъ вечеръ. Поднимая облака пыли, передъ нами шло огромное стадо коровъ. Окруженное десяткомъ крупныхъ овчарокъ, оно медленно двигалось по направленію къ городу, сопутствуемое двумя чабанами, лѣниво шедшими сзади.

— Посмотрите, какія здѣсь странныя коровы,— обратилъ мое вниманіе Б., указывая на стадо.

Нѣсколько огромныхъ, двугорбыхъ коровъ съ ногами, покрытыми густою, длинной шерстью, сразу бросались въ глаза, рѣзко отличаясь отъ остального стада.

— Это горныя коровы, — разсѣялъ недумѣніе переводчикъ.—Водятся только въ горахъ за Гиссаромъ и къ Гарму, на долинахъ же онѣ жить не могутъ, потому что для нихъ тамъ очень жарко. Онѣ всегда скоро издыхаютъ, когда переводятъ ихъ съ горъ въ низъ.

— Очевидно, это какая-нибудь разновидность

тибетскихъ якковъ, по крайней мѣрѣ на картинкахъ я именно видѣлъ такихъ,—подѣлился впечатлѣніемъ Б., уже въѣзжая во дворъ караванъ-сарая, въ которомъ мы остановились.

Масса лошадей, принадлежавшихъ пріѣзжимъ купцамъ, стояла среди двора на приколахъ, жуя снопы зеленаго клевера; подъ сѣдлами, покрытыя попонами, онѣ проводили такъ всю ночь и процедура разсѣдлыванія нашихъ лошадей, которая не практикуется жителями Востока, держащими лошадей, за исключеніемъ времени чистки, всегда подъ сѣдломъ, обратила на себя общее вниманіе.

Нѣсколько проѣжихъ расположилось подъ навѣсомъ, сложивъ рядомъ съ собою тюки и мѣшки съ товарами; внизу, освѣщая дворъ, ярко пылалъ костеръ, на которомъ грѣлись чайники съ водою. Тутъ же, невдалекѣ, въ огромномъ чугунномъ котлѣ, варился пловъ и грязный, оборванный киргизъ мѣшалъ его большою деревянной ложкою. Въ воздухѣ пахло конскимъ навозомъ, смѣшаннымъ съ горѣлымъ бараньимъ саломъ.

Намъ уступили мѣсто у самой стѣны, гдѣ поставлена была сейчасъ же желтая, быстро оплывающая, мѣстнаго издѣлія, сальная свѣчка. Разговоры на время затихли и всѣ присматривались къ вновь пріѣзжимъ, дѣлясь своими впечатлѣніями, но вскорѣ разговоръ возобновился.

— Такъ ты говоришь, что случилось большое несчастье? — спрашивалъ богато одѣтый рыжебородый киргизъ хозяина караванъ-сарая.

— Да, токсыръ, я ѣхалъ изъ Дюшамбе и меня

нагналъ нукеръ, который разсказалъ, что сегодня утромъ было большое землетрясеніе.—Ты также его чувствовалъ, таксыръ, и, вотъ, когда земля стала трястись, то повалились всѣ дома въ городѣ Каратагѣ, а потомъ гора, что надъ городомъ, упала и завалила всѣхъ жителей. Разсказывалъ онъ, что всѣ погибли и никто спастись не могъ. Еще онъ говорилъ, что городъ Юрчи также Аллахъ покаралъ своимъ гнѣвомъ. Сначала былъ сильный толчокъ, а потомъ сразу земля разошлась и городъ провалился подъ землю, а на его мѣстѣ сдѣлалось озеро и ходитъ совсѣмъ зеленая вода.

— Разгнѣвался Аллахъ на нашу страну и людей пропало больше чѣмъ 15 тысячъ...

Собесѣдники тяжело вздохнули.

— Что они говорятъ и когда это случилось? — слегка понимая разговоръ, заинтересовался я.

— Переводчикъ, давно съ вниманіемъ прислушивавшійся къ разговору, повернулся къ намъ.

— Это, тюра, они разсказываютъ, что сегодня, когда мы чувствовали утромъ надъ рѣкою землетрясеніе, случилось огромное несчастье и погибли города Каратагъ и Юрчи. Они также говорятъ, что подъ одной горой былъ видѣнъ большой столбъ темнаго дыма а земля вездѣ тряслась, какъ-будто листья на деревѣ во время сильнаго вѣтра. Всѣ люди погибли и никого нѣтъ тамъ живыхъ.

— Да неужели правда? Можетъ быть такъ только болтаютъ?

— Нѣтъ, тюра, вѣрный человѣкъ, отгуда ѣхалъ, онъ неправду говорить не будетъ.

Долго мы разспрашивали про страшное бѣдствіе, постигшее Гиссарское бекство, и, рѣшивъ проѣхать черезъ Дюшамбе и Каратагъ, чтобы лично увидѣть его размѣры, лишь поздно, подъ самое утро, могли заснуть.

Землетрясенія принадлежатъ къ числу часто повторяющихся явленій въ восточной части среднеазіатскихъ владѣній вообще, а въ горной Бухарѣ въ частности. Незначительные толчки, при которыхъ происходятъ обвалы глинобитныхъ крышъ, съ одной-двумя жертвами въ громадномъ раіонѣ, повторяются съ большою регулярностью ежегодно въ теченіе октября, ноября и декабря мѣсяцевъ и къ нимъ населеніе относится равнодушно. Но большія колебанія почвы случаются сравнительно рѣдко и всегда сопровождаются огромнымъ количествомъ погибшихъ и заваленныхъ землею.

Конструкція примитивныхъ глинобитныхъ построекъ, въ которыхъ тяжелая глинобитная крыша лежитъ на сравнительно тонкихъ балкахъ, безсистемное нагроможденіе зданій безъ всякаго плана въ городахъ, сводчатыя постройки изъ слабаго необожженаго кирпича, настолько непрочны, что при сильномъ толчкѣ стѣны, выведенныя изъ равновѣсія, обрушиваясь, давятъ своего огромною тяжестью живущихъ.

Особенно сильное землетрясеніе въ этой части бухарскихъ владѣній было въ 1889 году, во время Андижанскаго землетрясенія, но память народная, не сохранивъ точныхъ датъ по лѣтосчисленію, лишь указываетъ на страшныя разрушенія съ гро-

маднымъ числомъ, почти десятковъ тысячъ погибшихъ въ годъ передъ приходомъ русскихъ войскъ Бухару, т. е. очевидно въ 1868 году.

Старики съ ужасомъ разсказываютъ объ этомъ страшномъ бѣдствіи, при которомъ почти большинство бухарскихъ городовъ было обращено въ груды мусора, но еще большее землетрясеніе было въ 1822 году. По сообщенію лѣтописцевъ ни раньше, ни позднѣе подобнаго не было. Подземные удары продолжались все время въ теченіе двухъ недѣль. Бухарскій мулла авазъ-Матъ, описывая это землетрясеніе, говоритъ, что горы разрушались, земля во многихъ мѣстахъ разверзлась и дала трещины, изъ которыхъ выходилъ огонь и дымъ. Почти вся Бухара и Фергана были разрушены.

Исторія на своихъ страницахъ занесла нѣсколько случаевъ страшныхъ землетрясеній, обращавшихъ почти всю Среднюю Азію въ развалины.

Самое образованіе Средней Азіи путемъ подъема почвы, на мѣстѣ огромнаго бывшаго здѣсь моря, указываетъ, что въ этихъ мѣстахъ вулканическія силы въ значительной степени неоднократно измѣняли весь рельефъ поверхности; конгломератныя образованія даютъ возможность въ настоящее время точно опредѣлить тѣ границы моря, до которыхъ оно простиралось на Востокѣ. А значительное количество различныхъ морскихъ окаменѣлостей, встрѣчаемыхъ въ горахъ Гиссарскаго хребта, а также и въ нѣкоторыхъ отрогахъ хребта Петра Великаго, служатъ наглядным доказательствомъ, что эти мѣста были морскимъ дномъ.

Судя по нѣкоторымъ разсказамъ туземцевъ, въ Гиссарскомъ хребтѣ и въ настоящее время есть гора, надъ которой порою появляются столбы дыма, а нахожденіе выходовъ нефти во многихъ мѣстахъ восточной Бухары и Ферганской области подтверждаетъ предположеніе, что вулканическія силы продолжаютъ въ нѣдрахъ земли здѣшнихъ мѣстъ и понынѣ свою работу.

Утромъ, вставъ рано, мы уже слышали вновь подтвержденіе слуховъ о разрушеніи Каратага и цѣлаго ряда городовъ и кишлаковъ по Кафернигану [1]).

Б. невольно ахалъ и сокрушался, слушая разсказы о тысячахъ погибшихъ. Непріятное чувство овладѣло нами невольно и лишь основательное знакомство съ характеромъ узбековъ и киргизовъ, склонныхъ всегда къ преувеличеніямъ, давало возможность смѣло уменьшать число жертвъ въ десять разъ, но и это уменьшеніе оставляло своими внушительными цифрами горькое чувство.

Развалины старой Файзабадской крѣпости уже сильно осыпались и не представляли собой той грозной твердыни, которою она была въ далекое время. По преданію одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государей Бухары Бабуръ-ханъ въ 1512 году при своемъ бѣгствѣ въ Индію, пройдя Гиссаръ, довольно долгое время, жилъ въ этой крѣпости. И духъ этого энергичнаго эмира, жизнь котораго поражаетъ своими удивительными приклю-

[1]) Землетрясеніе, бывшее въ 1906 г.

ченіями, казалось виталъ надъ мрачнымъ курганомъ.

Вокругъ разстилалась большая растительность.

Аисты, собравшись улетать на берега Индійскаго океана, въ значительномъ числѣ кружились въ воздухѣ надъ городомъ. Листва на деревьяхъ уже приняла ярко-желтую окраску, и лишь талы, принадлежащіе къ породѣ лозины, зеленѣли своими густыми шапками мелкихъ остроконечныхъ листьевъ.

Горы, выгорѣвшія за лѣто, снова начали принимать зеленоватый оттѣнокъ, благодаря вновь пробивавшейся молодой травѣ. Прозрачность воздуха была поразительная и снѣговые хребты, взкрытые лѣтомъ дымкою тумана, выступали красивымъ амфитеатромъ, концы котораго уходили въ безконечную даль.

Съ одной стороны на востокѣ виднѣлись громады хребта Петра Великаго, а прямо передъ нами на сѣверъ поднимались снѣговыя горы Гиссарскаго хребта.

Солнце ярко освѣтило окрестности и, отражаясь въ снѣговыхъ горахъ своими лучами, создавало поразительную картину. Ослѣпительные снопы ярко-голубого свѣта со всѣми оттѣнками радуги, создавали на вершинахъ горъ свѣтящіяся точки, на которыя больно было смотрѣть глазамъ. Съ другой стороны были видны сѣрыя тѣни ущелій, гдѣ ночной туманъ еще закрывалъ ихъ плотною пеленою.

Блестки крупной росы дрожали на травѣ, омывая копыта лошадей.

Вся долина покрыта была обработанными полями, съ которыхъ была уже снята жатва и лишь кое-гдѣ виднѣлись посѣвы риса, съ уборкою котораго торопились туземцы, боясь непогоды.

Склоны горъ были покрыты арчею, темными пятнами выдѣлявшеюся на ихъ сѣрыхъ поверхностяхъ.

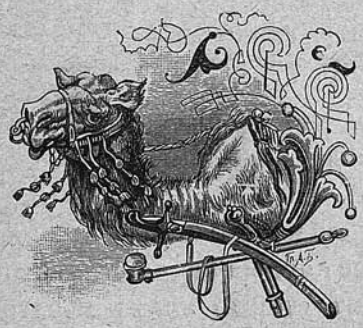
Рѣка бурно несла свои воды, имѣя значительное паденіе. Долина была довольно широкой у Файзабада, а затѣмъ постепенно суживалась и самое узкое мѣсто въ ней закрывалось развалинами крѣпости Султанъ-кала около которой виднѣлись юрты и кибитки пришедшихъ на зимовку узбековъ.

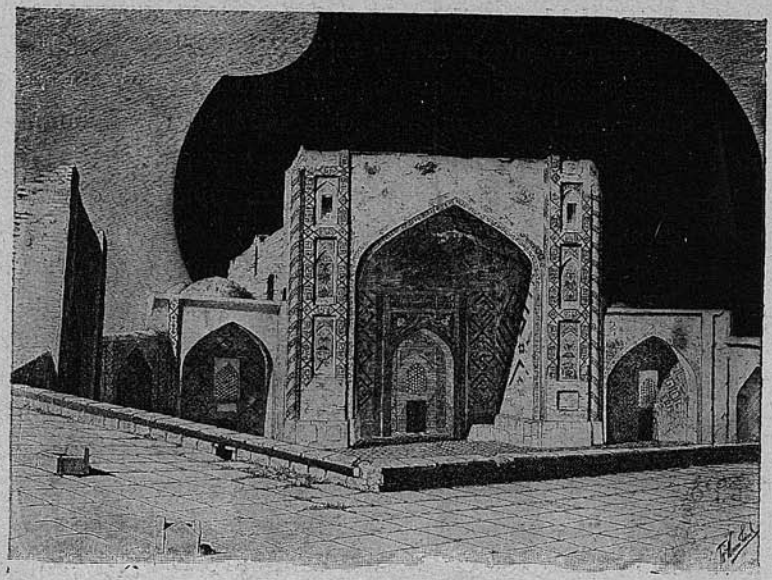
Нѣсколько человѣкъ хлопотливо ставили остовъ кибитки, состоявшей изъ искусно сложенной рѣшетки, къ которой прикрѣплялись полукруглыя верхнія жерди, сходившіяся въ небольшомъ кругѣ, служившемъ въ то же время и отверстіемъ для выхода дыма. Сверху рѣшетчатый остовъ покрывался большими кусками войлочной кошмы и увязывался длинными полосами крѣпко сплетенной широкой тесьмы. Низъ кибитки плотно прикалывался къ землѣ, а входъ закрывался двойною кошмой. Внутри кибитки по срединѣ вырыта была неглубокая четырехъ-угольная яма, въ которой разводился огонь. Остающіеся горячіе уголья сгребаются въ кучу, сверху которыхъ затѣмъ ставится небольшая табуретка, закрываемая ватнымъ одѣяломъ. И вся семья, просунувъ ноги подъ одѣяло и сидя по турецки, пользуется теплomъ тлѣющихъ углей, сохраняющихъ свой жаръ долгое время.

Султанъ-кала, какъ говорятъ, была построена по приказанію бухарскаго эмира Султана-Ахмета-Мирзы лѣтъ триста тому назадъ, но особаго значенія не имѣла. Недалеко отъ нея есть небольшой мазаръ съ могилой какого то святого.

— Хазретъ Гамаюнъ,—кивнулъ головою одинъ изъ сопровождавшихъ.

Меня удивило это имя. Въ древне русской жизни Гамаюномъ звалась птица, вѣщая, фигурировавшая во всѣхъ сказаніяхъ и воскрешенная сравнительно недавно художникомъ Васнецовымъ въ своихъ картинахъ. Очевидно далекая старая Индія дала это имя, проникнувшее черезъ Бухару въ Россію, но въ самой Бухарѣ встрѣчающееся рѣдко, хотя исторія на своихъ страницахъ все же сохранила имя Гамаюнъ-хана сына великаго Бабуръ-хана и, сколько помнится, больше это имя почти не встрѣчается.





XXXVIII.

Кафернганъ. — Кишлакъ. Анзобъ и чума. — Принцъ Ольденбургскій.—Объявленіе противочумной комиссіи.— Отношенія Бухарцевъ къ Русскому Государю и Бухарскому эмиру.

По долинѣ, минуя рядъ кишлаковъ, мы подъѣхали къ городу Кафернигану, лежащему у рѣки Сары-Бо (Абъ).

— Давно, очень давно, въ здѣшнихъ мѣстахъ жило страшное чудовище, пожиравшее людей,— разсказалъ намъ старый имамъ мечети.

Съ одной стороны оно было похоже на огромную ящерицу, но имѣло большія крылья; перелетая черезъ

горы оно приносило даже изъ далекой Бухары сюда людей въ пищу, и лишь святыя Самарканда охраняли жителей святого города отъ этого чудовища. Здѣсь, гдѣ стоитъ нашъ городъ, было мѣсто, на которомъ оно жило въ глубинѣ горъ, въ огромной пещерѣ, которая цѣла и понынѣ.

— Много, охъ много въ ней человѣческихъ костей.

— Никто не могъ изъ людей ничего съ нимъ сдѣлать. Часто оно прилетало и требовало самыхъ красивыхъ дѣвушекъ и женщинъ, обѣщая затѣмъ долгое время не трогать народъ. Собирались бѣдные родители и мужья, бросая жребій и отдавая своихъ женъ и дочерей. И уносило ихъ чудовище въ здѣшніе горы. Плакали и рыдали близкіе о ихъ гибели, утѣшая себя лишь тѣмъ, что, согласно обѣщанія, чудовище, насытившись, затѣмъ долгое время дастъ всѣмъ людямъ возможность жить покойно. Но не сдерживало страшилище своего обѣщанія и снова прилетало за новыми жертвами. Поэтому здѣшнее мѣсто и стали называть Кафернганъ, т. е. невѣрное чудовище. Долго оно жило здѣсь, разоряя страну. И услышалъ, наконецъ, Аллахъ вопль несчастныхъ, обиженныхъ и измученныхъ людей. Тронулось его сердце и послалъ онъ сюда своего святого Хазрета Искандера, который огненнымъ своимъ мечомъ отрубилъ чудовищу голову и бросилъ его нечистое тѣло въ рѣку, гдѣ волны быстро разбили его о камни, а на этомъ мѣстѣ слуги Искандера поставили свои кибитки, чтобы отдохнулъ Великій Хазретъ отъ своихъ трудовъ.

— И мало-по-малу на мѣстѣ этихъ кибитокъ былъ построенъ городъ, который ты видишь теперь, тюра...

Служа мѣстопребываніемъ амлякдару, назначаемому Гиссарскимъ бекомъ, Кафернигань представляетъ собою большой кишлакъ, въ который на базаръ пріѣзжаетъ довольно много скупщиковъ, покупающихъ здѣсь рогатый скотъ. Лишь остатки старинной мечети да стѣны крѣпости являются несомнѣнными свидѣтелями прежней жизни.

Рѣка Сары-Бо, беря свое начало въ ледникахъ Заравшанскаго хребта, принадлежитъ къ числу горныхъ рѣкъ, не особенно многоводныхъ и непригодныхъ вслѣдствіе мелководности и быстроты теченія для судоходства. Принимая съ правой стороны одинъ лишь крупный притокъ Сарда-и-Міона, въ Сары-Бо съ обѣихъ сторонъ вливается масса горныхъ рѣчекъ и ручьевъ.

На противоположной отъ Кафернигана сѣверной сторонѣ Гиссарскаго хребта, въ 80-ти верстахъ находится кишлакъ Анзобъ, лежащій среди трудно доступныхъ горъ, въ свое время получившій извѣстность въ Средней Азіи и Россіи по начавшейся въ немъ 1897 году чумѣ. Страшная болѣзнь эта, вспыхнувшая въ Средней Азіи и могущая угрожать и внутренней Россіи, сразу обратила на себя вниманіе и въ томъ же году, подъ предсѣдательствомъ принца Ольденбургскаго, была учреждена особая противочумная комисія, немедленно же открывшая свои дѣйствія въ Самаркандской области и въ Бухарскихъ владѣніяхъ.

Кишлакъ Анзобъ былъ окруженъ карантинами и въ немъ открыты были противочумные пункты съ персоналомъ русскихъ врачей. Такіе же пункты затѣмъ открывались въ различныхъ мѣстахъ Бухарскихъ владѣній.

— Здѣсь, тюра, также уруссъ доктора были, лѣтъ десять тому назадъ,—сказалъ одинъ изъ мингъ-башей, пришедшій къ амлякдару.

— Народъ лечили и денегъ за это не брали; хорошіе доктора, только жаль, что не долго они здѣсь жили, потомъ Акъ-Падишахъ—Императоръ послалъ ихъ въ другое мѣсто. Когда въ Анзобѣ была черная смерть, тогда и у насъ вездѣ отъ нея люди умирали по кишлакамъ. Но потомъ Аллахъ послалъ сюда уруссовъ. Мы думали, что намъ плохо будетъ и очень боялись. А насъ никто не обижалъ. Самъ братъ Акъ-Падишаха-Императора бумагу писалъ, народу говорилъ.

— Вотъ посмотри, тюра, и до сихъ поръ эта бумага здѣсь виситъ, — указалъ онъ на стѣну, гдѣ сильно засиженное мухами висѣло какое-то объявленіе на русскомъ и мусульманскомъ языкѣ.

Заинтересовавшись, я подошелъ поближе и прочелъ нижеслѣдующее:

„Отъ прибывшаго по Высочайшему повелѣнію для борьбы съ чумою принца Александра Петровича Ольденбургскаго:

Всемогущему Богу въ неисповѣдимыхъ путяхъ своихъ угодно было поразить кишлакъ Анзобъ губительною чумною болѣзнью. Нашъ Всемилостивѣйшій Государь Императоръ, сердце котораго одина-

ково открыто для всѣхъ, врученныхъ Всевышнимъ его благословенной десницѣ, узнавъ о поразившемъ близкихъ сердцу его несчастіи тотчасъ же командировалъ меня, повелѣвъ, не щадя издержекъ, уничтожить чуму, помочь страждущему населенію и оградить дорогую нашу родину отъ грозящаго, въ случаѣ распространенія болѣзни, бѣдствія. Исполняя повелѣніе нашего Державнаго Государя, я прибылъ сюда съ учеными докторами и всѣми необходимыми лѣкарствами. По волѣ нашего Всемилостивѣйшаго Монарха, я приказалъ врачамъ даромъ лѣчить всѣхъ къ нимъ обращающихся и раздавать неимущимъ пособія деньгами и вещами, а для подачи медицинской помощи мусульманкамъ я, памятуя мѣстные обычаи, послалъ нарочно для того мною выписанныхъ ученыхъ женщинъ-врачей. Но нашъ любвеобильный Монархъ не ограничился заботами только о своихъ близкихъ сердцу его вѣрноподданныхъ, по неизрѣченнымъ щедротамъ своимъ онъ повелѣлъ мнѣ прійдти на помощь и къ сосѣднему Бухарскому ханству, и я предложилъ эмиру Бухарскому большое число привезенныхъ мною русскихъ докторовъ и женщинъ врачей, которые съ благодарностью были приняты Его Высочествомъ и по его и моимъ приказаніямъ разъѣхались по разнымъ селеніямъ ханства и лечатъ тамъ даромъ всѣхъ, кто только того пожелаетъ.

Вѣрующіе въ Единаго Всемогущаго Бога! принесите вмѣстѣ со мною благодареніе Создателю за прекращеніе бѣдствія, но знайте, что хотя болѣзнь и окончилась, но надо быть осторожнымъ, для сего я и оставляю здѣсь часть докторовъ, которые будутъ

даромъ лечить васъ и слѣдить не проявится ли, Боже упаси, гдѣ либо заразная болѣзнь. Продолжайте содѣйствовать людямъ моимъ, пришедшимъ къ вамъ на помощь и будемъ крѣпко молить Создателя, да ниспошлетъ онъ Государю нашему здравіе и благополучіе на многія лѣта".

— Какимъ красивымъ языкомъ написано это объявленіе,—подѣлился своимъ впечатлѣніемъ В., когда я окончилъ чтеніе.

— А кто-нибудь читалъ изъ васъ эту бумагу,— обратился онъ къ мингъ-баши.

— Читали, тюра... Вашъ Императоръ—Акъ-Падишахъ такой добрый и хорошо его людямъ жить. Мы часто думаемъ, отчего онъ такъ всѣмъ помогаетъ. И даже чужимъ.

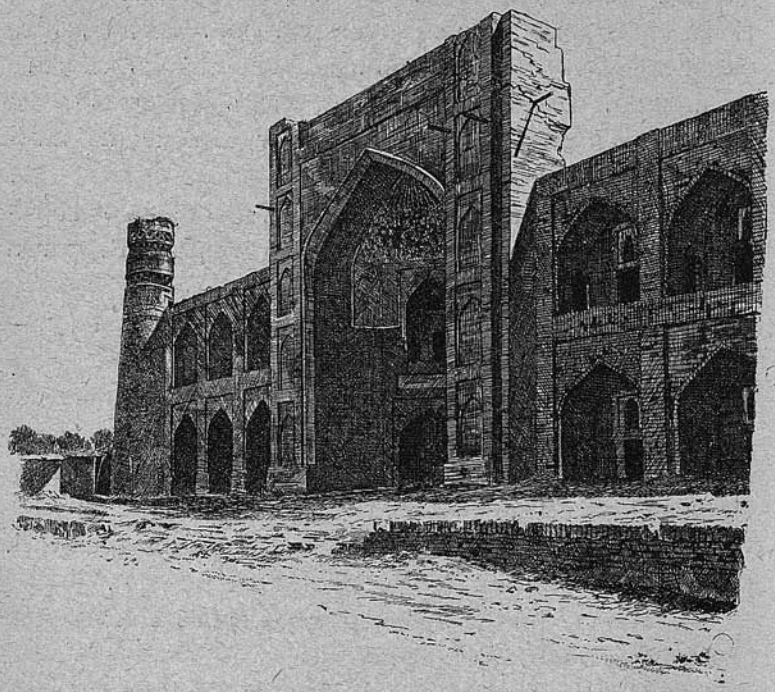
— Я думаю оттого, что онъ Хазретъ (святой). Простой Падишахъ этого дѣлать не будетъ.

— Нашъ Эмиръ,—и онъ понизилъ голосъ, со страхомъ посмотрѣвъ вокругъ.

— Нашъ Эмиръ очень деньги любитъ и ихъ собираетъ съ народа, а людямъ никогда ничего не даетъ. Отчего это такъ, тюра?

Съ большимъ трудомъ удалось отвѣтить на этотъ щекотливый вопросъ, такъ наивно заданный этимъ смѣтливымъ узбекомъ.

Вся дорога до Дюшамбе на разстояніи почти сорока верстъ пролегала въ направленіи теченія Кафернигана. Огромная долина этой рѣки и рѣки Сурхана, почти соединяющихся вмѣстѣ у своихъ верховьевъ, была покрыта кишлаками, раскинувшимися среди огромныхъ площадей обработанныхъ полей.



XXXIX.

Дюшамбе.—Бухарскіе евреи.—Винокуреніе.—Слухи о землетрясеніи.—Каратагъ.—Озера съ греческими названіями.

Самый городъ Дюшамбе (т. е. Понедѣльникъ) находится недалеко отъ впаденія рѣки Зигди-Дарья или Дюшамбе-Дарья въ Кафернганъ, которая впадаетъ въ него въ 4-хъ верстахъ ниже у кишлака Мунка-Тюбе. Являясь однимъ изъ главныхъ пунктовъ по торговлѣ хлѣбомъ, Дюшамбе при-

влекаетъ на свои базары массу торговцевъ, отвозящихъ отсюда хлѣбъ преимущественно въ Бухару.

Почти сплошное таджикское населеніе, среди котораго лишь изрѣдка встрѣчались узбеки и киргизы, отъ Дюшамбе оканчивается, и далѣе за нимъ уже начинаютъ преобладать узбеки, преимущественно родовъ Кунградъ, и киргизы, родовъ Кчи-Маркъ-Юзъ и Локай, въ значительномъ количествѣ разводящихъ киргизскихъ лошадей, такъ называемой Локайской породы. Лошади эти получили часть крови отъ Гиссарскихъ лошадей, которыя въ свою очередь были улучшены выводными арабскими жеребцами съ конюшень, принадлежавшихъ прежнимъ владѣтельнымъ Гиссарскимъ мирамъ. На базарѣ бросалось въ глаза много крѣпкихъ и довольно рослыхъ лошадей, мало похожихъ на горныхъ лошадей восточной Бухары.

Типъ узбековъ также преобладалъ и лишь изрѣдка встрѣчались таджики.

Сдѣлавшись издавна торговымъ пунктомъ между восточной и западной Бухарой, Дюшамбе, благодаря этому, являлся мѣстомъ, гдѣ въ значительномъ количествѣ осѣли бухарскіе евреи, захватившіе почти всю торговлю въ свои руки. Красивыя лица ихъ напоминали библейскія картины.

Сохранивъ въ полной неприкосновенности свой типъ, религію и языкъ, бухарскіе евреи являются совершенно непохожими на евреевъ Царства Польскаго, съ которыми у нихъ почти нѣтъ ничего общаго. Переселившись въ города Бухары еще во время завоеванія края арабами, они составили собою

особую группу населенія, которая, несмотря на племенное родство съ завоевателями, заняла крайне тяжелое положеніе въ мѣстной мусульманской жизни. Врожденная предпріимчивость отдала въ ихъ руки всю торговлю бухарскаго государства, благодаря чему очень скоро въ ихъ рукахъ сосредоточились большія денежныя суммы. Высокій уровень благосостоянія евреевъ среди остального населенія и задолженность многихъ мусульманъ, дѣлавшихъ у нихъ займы, представляли собою приманку, благодаря которой захваты и разграбленіе имущества у евреевъ появились еще въ очень далекое время.

Общее безправное положеніе всѣхъ подданныхъ Бухары способствовало тому, что нуждавшіеся для своихъ войнъ и широкой жизни бухарскіе правители стали въ свою очередь прибѣгать къ займамъ, а затѣмъ вмѣсто уплаты долговъ и къ секвестрамъ имуществъ бухарскихъ евреевъ. Стойкость въ вопросахъ религіи и обособленность отъ мусульманъ создали враждебное къ нимъ направленіе среди мусульманскаго духовенства, объявившаго ихъ мекрухъ, т. е. мерзкими-нечистыми. Правительство, воспользовавшись этимъ, пошло еще дальше, создавъ цѣлый рядъ ограничительныхъ законовъ по отношенію всего еврейскаго населенія. Воспретивъ браки между мусульманами и евреями, запретивъ имъ ношеніе оружія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, закрывъ доступъ въ войска и къ достиженію должностей въ государствѣ, законодатели ввели и внѣшніе отличительные знаки, по которымъ легко узнать еврея, не смѣшивая ихъ съ мусульманами. Имъ запрещено

было ѣздить верхомъ на лошадяхъ, вмѣсто пояса они должны подпоясываться веревкою и при встрѣчѣ съ мусульманиномъ каждый еврей, ѣдущій на ишакѣ, долженъ обязательно слѣзать и отдать поклонъ (кулдукъ).

Такимъ образомъ, безправное положеніе въ значительной степени понудило еврейское населеніе къ замкнутой жизни, но не смотря на это евреи Бухары мало похожи на своихъ русскихъ сородичей, имѣя въ общемъ много до крайности симпатичныхъ сторонъ, унаслѣдованныхъ ими изъ патріархальнаго быта своихъ далекихъ предковъ, жившихъ въ Палестинѣ.

Безукоризненная честность, вѣрность въ словѣ, отсутствіе мошенническихъ пріемовъ въ торговыхъ дѣлахъ, завоевали имъ скоро уваженіе русскихъ торговцевъ, ведущихъ съ ними торговыя дѣла. Получивъ въ русско-бухарской торговлѣ первенствующее мѣсто, бухарскіе евреи съ самаго начала сношеній съ русскими, благодаря свой предпріимчивости, заняли роль посредниковъ, заведя оптовые склады и снабжая затѣмъ изъ нихъ русскими товарами почти всѣхъ торговцевъ мусульманскихъ городовъ Бухарскаго ханства, въ то же время сосредоточивъ исключительно въ своихъ рукахъ всю торговлю сырцовымъ шелкомъ и обработку его въ пряжу. Красильныя мастерскія шелка и изготовленія шелковыхъ матерій почти во всей Бухарѣ принадлежатъ евреямъ, выработавшимъ свои особые пріемы и способы въ этой отрасли промышленности. И въ то же время русскія мануфактура и бакалея также переходятъ съ фабрикъ въ ихъ руки.

— Здѣсь можно и водки достать, если угодно,— передъ завтракомъ сообщилъ одинъ изъ казаковъ, уже успѣвшій разузнать на базарѣ.

— Откуда здѣсь водка?—удивился я.

— Здѣсь заводъ есть, бухарскіе евреи свою водку выдѣлываютъ, страсть какая крѣпкая, что твой спиртъ. Изъ фрухта гонятъ ваше высо-діе. Духовитая очень,—добавилъ онъ, входя въ комнату и, какъ бы въ подтвержденіе, внося съ собою сильный сивушный запахъ, указавшій намъ, что развѣдчикъ уже порядочно успѣлъ хватить такъ понравившагося фруктоваго спирта.

— Развѣ разрѣшаютъ въ мусульманскомъ городѣ выдѣлывать водку?—спросилъ Б. амлякдара.

— Ахъ, тюра, это наше несчастье, хотя эмиръ разрѣшилъ евреямъ дѣлать для себя эту водку и запретилъ ее продавать правовѣрнымъ, но соблазнъ великъ, и многіе, не выдержавъ искушенія, часто у себя пьютъ потихоньку.

Желтоватаго цвѣта водка, поданная на столъ, оказалась чистымъ спиртомъ, страшной крѣпости, съ сильнымъ запахомъ сивушнаго масла, но все же имѣвшая отдаленное сходство съ плохимъ коньякомъ.

За Дюшамбе долина дѣлалась все шире; переправившись черезъ Ханеке-Дарью и отдохнувъ въ кишлакѣ Чинъ-Дара, мы рѣшили добраться къ вечеру до Каратага.

Самые разнорѣчивые слухи приходилось выслушивать о бывшемъ недавно землетрясеніи. Фантазія увеличивала число погибшихъ до фантастическихъ

цифръ. По дорогѣ намъ стали попадаться наскоро поставленныя кибитки.

— Весь народъ изъ кишлаковъ вышелъ,—указалъ проводникъ.

— Теперь всѣ бояться подъ кровлями сидѣть. Все время качаетъ землю; нѣтъ дня, чтобы разъ-другой не качнуло. Домъ можетъ обрушиться, и тогда смерть. Сегодня говорятъ, что кромѣ Каратага еще и въ окрестностяхъ разрушено много кишлаковъ. Разгнѣвался Аллахъ на людей и послалъ имъ эту бѣду за ихъ грѣхи.

— И еще много людей пропадетъ. Кибитокъ нѣтъ, а къ зимѣ саклю выстроить не успѣютъ и будутъ отъ холода и снѣга умирать.

Издали передъ нами виднѣлась вновь Сурханская долина, а въ право открывался огромный массисъ Гиссарскаго хребта, среди котораго поднимался рядъ снѣжныхъ вершинъ.

Съ давнихъ временъ Гиссарскіе владѣтели, живя въ своей грозной Гиссарской крѣпости на вершинѣ высокаго холма и изнывая отъ палящихъ солнечныхъ лучей, облюбовали себѣ мѣсто невдалекѣ отъ Гиссара, въ живописномъ Каратагскомъ ущельи, гдѣ устроили свою лѣтнюю резиденцію. Притокъ Сурхана Кара-Тагъ-Дарья, беря свое начало въ снѣжныхъ горахъ Гиссарскаго хребта, протекаетъ черезъ ущелье, неся свои холодныя воды и давая жизнь этому красивому уголку, въ которомъ благодаря значительной высотѣ надъ уровнемъ моря въ жаркіе лѣтніе дни прохладно. Огромная растительность привольно разрослась около города, придавая ему живописный видъ.

Слѣдомъ за дворомъ мировъ въ Каратагъ стали переселяться служащіе при нихъ, а за ними уже потянулись торговцы, сдѣлавшіе скоро Каратагскій базаръ однимъ изъ значительныхъ въ краѣ.

Расположенный на склонѣ горъ, Каратагъ является въ то же время небольшой крѣпостью, которая защищала Каратагскій проходъ, ведущій по теченію рѣки Каратагъ-Дарьи черезъ перевалъ Мура въ долину рѣки Заравшана.

Во время похода Александра Македонскаго изъ Термеза на Самаркандъ и Якъ-Сартъ, армія его двинулась по плодородной долинѣ Сурхана, а затѣмъ, поднявшись по теченію Каратагъ-Дарьи, прошла мимо Каратага и черезъ перевалы Мура и Дыкданъ, спустилась въ Заравшанскую долину по рѣкѣ Фанъ. Память о великомъ завоевателѣ и его сподвижникахъ сохранилась въ названіяхъ двухъ озеръ, лежавшихъ первое верстахъ въ 40, а второе—въ 60 отъ Каратага. Эпаріонъ-куль и Искандеръ-куль такъ называются эти озера и ихъ греческія имена пережили вѣка, даже не подвергаясь измѣненіямъ въ туземномъ произношеніи.



XXXX.

Бухарскій ученый. Историческія свѣдѣнія о Каратагѣ.—Мѣстныя преданія.

— Сегодня намъ, тюра, лучше остановиться здѣсь въ кибиткѣ, не доѣзжая Каратага, а то въ немъ мы не найдемъ себѣ крова,—подъѣхалъ ко мнѣ амлекдаръ.

— Тамъ есть теперь мертвые и плачущіе. Не будемъ тревожить и тѣхъ и другихъ.

— Это вѣрно,—быстро согласился Б. спрыгивая съ лошади.—

— Въ темнотѣ все-равно ничего не увидишь, а здѣсь хоть кибитка хорошая,—добавилъ онъ, подходя къ двери, на порогѣ которой стоялъ красивый старикъ съ длинною, серебряною бородою.

— Отецъ не откажетъ дать путникамъ кровъ на эту ночь,—обратился онъ къ старику.

— Это мутовали [1]) изъ Гиссарскаго медресе,—съ большимъ почтеніемъ въ полголоса сказалъ амлекдаръ.

— Старый и очень ученый, все знаетъ, — пояснилъ онъ, слѣзая съ лошади и отвѣшивая низкій поклонъ.

Мутовали внимательно осмотрѣлъ насъ своими зоркими глазами и добродушно усмѣхнувшись, поднялъ кошму кибитки, приглашая насъ войти.

— Кровъ мой всегда къ услугамъ путниковъ, но пусть не посѣтуютъ моивысокіе гости. Домъ мой разрушенъ и лишь одни обломки лежатъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ мой дворъ и были мои сады. Теперь здѣсь я ничего не могу предложить, кромѣ сухого чурека, чистой воды и куска кошмы для сна.

— На насъ разгнѣвался Аллахъославъ тяжкое испытаніе людямъ Каратага и окрестныхъ селеній. Теперь нѣтъ кибитки, въ которой бы не оплакивали потерю близкихъ родныхъ и имущества. Тамъ, указалъ онъ въ сторону разрушеннаго города, остались на ночь одни лишь мертвые. Днемъ же всѣ мы ищемъ и находимъ среди развалинъ тѣла, которыя хоронимъ по нашему обычаю.

— А мутовали не кого не потерялъ? задалъ я вопросъ, разсматривая безмятежно—спокойное лицо старика.

[1]) Завыдывающій хозяйствомъ.

— Да, тюра и я то же отыскиваю своего единственнаго сына, который погибъ подъ стѣнами дома вмѣстѣ съ женой и двумя дѣтьми—моими внуками. Тяжело у меня на сердцѣ, но Аллахъ лучше знаетъ почему онъ послалъ Азраила вынуть души ихъ и оставилъ мою въ ея бренной семидесятилѣтней оболочкѣ. И все имущество также погибло, но въ утѣшеніе мнѣ оставилъ лишь всѣ эти книги, указалъ онъ массу старинныхъ рукописей, лежавшихъ аккуратно сложенными свистками въ углу кибитки.

— Одно плохо, что мои старые глаза уже плохо стали видѣть. Должно быть устали глядѣть такъ долго на свѣтъ Божій, задумчиво добавилъ старикъ, вглядываясь въ красиво написанный заглавный листъ какой то книги.

— Мутовали былъ въ Каратагѣ во время землетрясенія?

— Да, тюра... я сидѣлъ на порогѣ своей комнаты, когда раздался 8-го Октября первый толчекъ. Земля заколебалась не особенно сильно и я тихо всталъ, не придавая особаго значенія этому колебанію, такъ какъ они бываютъ въ здѣшнихъ мѣстахъ очень часто, но только что я отошелъ нѣсколько шаговъ отъ стѣны дома, какъ послѣдовалъ страшный толчекъ, отъ котораго я не удержался на своихъ слабыхъ ногахъ и упалъ.

— И въ это время я видѣлъ какъ разомъ стали рушиться стѣны домовъ, падая на землю. Густая пыль окутала весь городъ, среди котораго раздавались страшные вопли погибавшихъ, раздавленныхъ тяжестью глинобитныхъ крышъ и стѣнъ.

— Сердце мое облилось кровью, когда я вспомнилъ о своихъ близкихъ; съ трудомъ поднявшись, я медленно побрелъ къ своему дому—но нашелъ на мѣстѣ его лишь кучу земли, насыпанную надъ общею могилою всѣхъ моихъ. Вѣтеръ пронесъ пыль по долинѣ и послѣ настала такая страшная тишина, что я слышалъ удары своего бѣднаго сердца. Когда я взглянулъ вокругъ, Каратага не было—были лишь вмѣсто домовъ холмы земли. Окрестныя горы осыпались и эти осыпи въ свою очередь похоронили подъ собою всѣхъ, жившихъ по склону горъ. Потомъ было еще нѣсколько слабыхъ толчковъ, продолжающихся и понынѣ.

— И стонъ стоитъ каждый день надъ Каратагомъ, котораго щадило долгое время.

— Теперь сюда съѣхались беки Гиссарскій, Динаускій и махрамъ [1]) изъ Бухары, прислалъ ихъ эмиръ хоронить погибшихъ и водворить порядокъ въ краѣ. Вѣдь, тюра, вездѣ много дурныхъ людей и несчастье однихъ—счастье другихъ; есть вѣдь безбожники, которые, пользуясь неурядицей, занимаются грабежомъ чужого имущества, хотя правда сказать, трудно рѣшить, гдѣ лежитъ чье достояніе. Вездѣ лишь остались груды земли, другъ на друга такъ похожія, что и отличить ихъ нельзя...

— Прости, тюра, я заговорился, и забылъ свой долгъ хозяина,—засуетился старикъ.

— Огонь сейчасъ разведутъ и чай есть для гостей,— уже выходя изъ кибитки, сказалъ мутовали.

Яркій свѣтъ пылающихъ углей освѣтилъ всю

[1]) Махрамъ—чиновникъ для порученій.

кибитку, распространяя тепло. Устроившись на кошмахъ и согрѣвшись чаемъ, мы долго за полночь просидѣли у огня.

— Давно ли Каратагъ построенъ, вѣроятно знаешь, почтенный мутовали?—нарушилъ молчаніе Б.

— Очень, очень давно, тюра, еще говорятъ самъ Искандеръ здѣсь проживалъ, когда шелъ войной на Самаркандъ.

— По берегу Сурхана шли его войска, завоевывая всю страну Чаганіанскую, въ то время вездѣ жили невѣрные и Хазретъ Искандеръ уничтожилъ ихъ на своемъ пути. Невдалекѣ отъ Каратага была великая битва, а затѣмъ его воины долго—стояли около Эпаріонъ куля собираясь съ силами, чтобы перейдти наши высокія горы. Черезъ перевалъ шли войска Искандера, везя съ собою свои колесницы, но и здѣсь никто не могъ ихъ задержать и они, преодолѣвъ всѣ препятствія, спустились съ горъ къ озеру, лежащему у ихъ подножія, изъ котораго беретъ свое начало Фанъ-Дарья.

— И въ этомъ озерѣ послѣ долгой и трудной дороги Великій Хазретъ совершилъ омовеніе, какъ подобаетъ правовѣрному, чтущему шаріатъ. Съ тѣхъ поръ люди стали называть это озеро Искандеръ-кулемъ, т. е. озеромъ Александра. Это самая большая вода въ нашихъ мѣстахъ и говорятъ, что въ ней нѣтъ дна, такъ оно глубоко; можетъ сто верстъ глубины, а можетъ быть и больше...

— Я разъ въ старой книгѣ читалъ, что прежде на мѣстѣ озера былъ большой городъ, только не упомню какъ назывался, но люди въ немъ жившіе согрѣ-

шили передъ Аллахомъ и, забывъ шаріатъ, заботились только о себѣ и не обращали вниманія на бѣдныхъ людей. И разгнѣвался Аллахъ, какъ и теперь, послалъ полчища ангеловъ наказать всю здѣшнюю землю. Съ огненными мечами спустились они съ седьмого неба и заколебалась разомъ земля подъ ихъ ногами и стали падать горы, разрушая человѣческія жилища. Растрескалась земля и потекли воды изъ ея нѣдръ. Поднялся дымъ изъ горъ, раздался стонъ земли и провалился весь городъ въ преисподнюю, а воды затопили всѣ окрестности, образовавъ озеро. Но не кончилось наказаніе этимъ для грѣшниковъ, многихъ изъ нихъ обратилъ Аллахъ въ особыхъ водяныхъ звѣрей съ человѣческими головами и поселилъ ихъ въ водахъ Искандеръ-куля. Съ тѣхъ поръ постоянно въ свѣтлыя лунныя ночи выходятъ эти звѣри изъ воды и, подплывая къ берегамъ, просятъ путниковъ помолиться Аллаху о ихъ прощеніи.

— Я также нѣсколько разъ видѣлъ этихъ звѣрей съ человѣческими головами, когда проѣзжалъ мимо Искандеръ-куля,—добавилъ старикъ, поднимаясь и выходя изъ кибитки.

— Какое странное преданіе, какъ вы полагаете?— обратился я къ Б., задумчиво смотрѣвшему на огонь.

— Въ немъ проглядываетъ широко распространенное на всемъ Востокѣ преданіе о гибели Содома и Гоморы, и вѣроятно это лишь мѣстный варіантъ этой исторіи, такъ хорошо описанный въ книгѣ Бытія.

— Не совсѣмъ такъ. Надо думать, что оно имѣло и имѣетъ въ своемъ происхожденіи тѣ мѣстныя

явленія, которыя въ видѣ землетрясеній часто повторяются въ этой части Средней Азіи. Существуетъ гипотеза, что землетрясенія здѣсь зависятъ отъ большой мощности известковыхъ пластовъ, въ толщѣ которыхъ образуются огромныя пустоты. Затѣмъ происходятъ обвалы и заполненіе этихъ пустотъ, что ведетъ къ колебанію почвы. Во многихъ мѣстахъ около Гиссара имѣются выходы нефти, что также служитъ подтвержденіемъ не прикращающагося существованія вулканическихъ силъ подъ здѣшними мѣстами, и здѣсь же, невдалекѣ отъ Каратага, есть гора Фанъ-тау, которая періодически дымится. Путешественникъ А. П. Федченко, посѣтившій ее въ 1870 году, прямо называетъ Фанъ-тау горящей горой, а кромѣ того во всемъ Гиссарскомъ краѣ встрѣчаются огромные бездонные провалы.

Землятрясенія же въ этихъ мѣстахъ очень часты и поэтому нѣтъ ничего не вѣроятнаго, что озеро Искандеръ-куль и образовалось въ одно изъ нихъ проваломъ земли. Что же касается до звѣрей съ человѣческими головами, то въ этомъ отношеніи народъ, питающій суевѣрный страхъ къ озеру и не подходящій къ нему ночью, своей фантазіей придалъ этимъ звѣрямъ человѣческій видъ, на самомъ же дѣлѣ это просто на-просто вѣроятно тюлени, которые говорятъ въ немъ водились. Кромѣ нихъ также могли по берегамъ озера жить бобры; головы и тѣхъ и другихъ, при небольшой дозѣ воображенія, легко могутъ быть приняты за человѣческія. Только странно одно, что наши изслѣдователи говорятъ, что въ озерѣ нѣтъ никакихъ рыбъ, а не только животныхъ.



XXXXI.

Динаускій бекъ.—Очевидецъ землятресенія.—Картина разрушенія.—Мародеры.— Перестрѣлка. — Эмиръ Абдулахъ-ханъ и его постройки.—Разсказъ о вѣрномъ слугѣ.

Рано утромъ, поеживаясь отъ холода, мы направились въ Каратагу, лежавшему въ развалинахъ и представлявшему изъ себя груды мусора, среди котораго виднѣлись разрушенныя стѣны построекъ съ безобразно торчащими среди нихъ бревнами и остатками крышъ.

Расположенный по обѣимъ сторонамъ Каратагъ-Дарьи городъ своей центральной и самой заселенной частью находился на лѣвомъ, довольно пологомъ берегу и лишь его небольшая часть стояла на правомъ берегу рѣки.

Со стѣсненнымъ сердцемъ мы вступили на это огромное кладбище, на которомъ подъ развалинами погребено почти четыре тысячи человѣкъ. Отъ стѣнъ домовъ не осталось рѣшительно ничего и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изломанныя крыши указываютъ что здѣсь стояло человѣческое обиталище. Въ воздухѣ слышался тяжелый запахъ разлагавшихся труповъ. Нѣсколько сотенъ рабочихъ-туземцевъ производили раскопки домовъ, отрывая трупы и снося ихъ на площадку, клали длинными рядами на землю.

Какой-то бухарскій чиновникъ, съ большимъ числомъ свиты, видѣлся невдалекѣ, очевидно, руководя работами.

— Это Динаускій бекъ Ходжа-бій, племянникъ Астанакула-кушъ-беги,—указалъ на него мутовали, поѣхавшій съ нами.

— Самъ Эмиръ его сюда прислалъ, потому что Гиссарскій бекъ слишкомъ молодъ и не сумѣетъ распорядиться. Теперь мирзы показываютъ людямъ лица всѣхъ мертвыхъ и кого узнаютъ, имя того пишутъ въ книгу, а затѣмъ муллы ихъ хоронятъ, вонъ тамъ, невдалекѣ. Когда же не узнаетъ никто—того лишь потомъ Пророкъ назоветъ на иномъ свѣтѣ, тѣхъ только считаютъ и хоронятъ.

Мы подошли ближе. На встрѣчу намъ поднялся красивый, лѣтъ тридцати пяти, брюнетъ съ небольшою, густою, черною бородою.

— Очень радъ видѣть здѣсь русскихъ,—сердечно пожимая намъ руки, заговорилъ Ходжа-бій.

— Я люблю русскихъ и благовѣю передъ Государемъ Императоромъ. Всѣмъ, чѣмъ могу, готовъ служить.

Я поинтересовался узнать, нѣтъ ли кого-либо, кто былъ очевидцемъ страшной катастрофы.

— Есть... Есть—я сейчасъ прикажу позвать,— засуетился крайне подвижный и энергичный бекъ.

— Сейчасъ придетъ. Это одинъ изъ есауловъ Гиссарскаго бека.

Понурый, плохо одѣтый, узбекъ подошелъ къ намъ.

— Тюра хочетъ знать какъ произошло все несчастье.

— Мой слабый умъ сдѣлался еще слабѣе съ этого времени и я многое перезабылъ, но сколько помню, утромъ сначала я почувствовалъ легкій толчекъ, какіе часто здѣсь бываютъ и поэтому я на него не обратилъ вниманія, я въ это время сидѣлъ около чайхане подъ навѣсомъ. Черезъ короткое время былъ другой толчекъ, но сильнѣе, а потомъ сразу земля заколебалась, я вскочилъ на ноги, но не могъ идти и упалъ среди улицы на колѣна. Слышалъ лишь страшный трескъ и гулъ подъ землею. Вокругъ поднялись тучи пыли, сквозь которую видно было, какъ валились стѣны, падали и разрушались дома. Страшные крики слышались со всѣхъ сторонъ, гдѣ погибали люди, задавленные тяжестью падавшихъ крышъ и стѣнъ. Скотъ кричалъ ужасно. Я вспомнилъ, что мои дѣти остались въ саклѣ, но не могъ двинуться, земля какъ будто ускользала изъ подъ ногъ и я не могъ подняться.

— Немного прошло времени и пыль отнесло вѣтромъ въ сторону, но то, что я увидѣлъ, поразило мысль, сердце и слабый умъ, такъ что я сначала даже не

могъ ничего понять. Передъ моими глазами уже не было города. Отъ славнаго богатаго Каратага ничего не осталось. Вокругъ лишь видны были груды земли и ничего больше. Рѣка въ это время, сразу наполнившись, выступила изъ береговъ. По землѣ видны были огромныя трещины.

— А окрестныя горы осыпались и съ нихъ падала земля и камни. Лишь нѣсколько человѣкъ осталось въ живыхъ и мы, даже слыша стоны умиравшихъ, безсильны были помочь имъ.

— Да, тяжелую картину вы застали здѣсь,—сказалъ Ходжа-бій, указывая на окрестности.

— Не только здѣсь, но и вездѣ вокругъ погибло много людей. Сильно пострадали кишлаки Юрчи, Ташноводъ, Сары-Джуй и даже въ Синэ, Сенгъ-Радокъ, Пяндъ-Номэ, Динау, есть погибшіе. А большое медресе въ Динау стоявшее нѣсколько сотенъ лѣтъ, все разрушено. Много погибло людей оттого, что у насъ былъ постъ Рамазанъ и въ это время всегда всѣ сидятъ въ своихъ домахъ всю ночь, а днемъ спятъ и спящихъ всѣхъ раздавили стѣны домовъ.

Пройдя по улицѣ прежняго города, мы взошли на широкую площадь, гдѣ нѣсколько человѣкъ туземцевъ, устроивъ на открытомъ мѣстѣ свои кухни, варили пищу.

Между тѣмъ трупный запахъ дѣлался невыносимымъ и становилось трудно дышать. Кое-гдѣ изъ подъ обломковъ строеній торчали руки и ноги еще не убранныхъ труповъ, около которыхъ возились голодныя собаки и стайки шакаловъ, сновавшихъ,

не обращая вниманія на присутствіе людей. Дальше виднѣлись фигуры мужчинъ и женщинъ, отдѣльно работавшихъ надъ раскопкою развалинъ своихъ домовъ и розыскомъ своихъ близкихъ. Мутными, ничего не понимающими и не видящими взглядами провожали они насъ, торопливо снова кидаясь за прерванную работу.

Ужасное, гнетущее чувство охватило меня среди этой картины человѣческаго бѣдствія. На этой огромной нивѣ смерти казалось еще не умирала жизнь и невольно думалось, что еще есть подъ землею масса живыхъ людей, переносящихъ невинно сильныя муки и не могущихъ освободиться отъ навалившейся на нихъ тяжести... И невольно передъ этою страшною силою природы, разрушившей въ нѣсколько мгновеній цѣлый городъ и уничтожившей тысячи людей, чувствовалось безсиліе человѣка, не могущаго предотвратить такое ужасное бѣдствіе.

Стаи орловъ носились въ воздухѣ и порою опускались на землю, поднимая драку и разрывая на части трупы. Картина чѣмъ дальше, тѣмъ была страшнѣе и мы, совершенно подавленные видѣннымъ, въ крайне тяжеломъ состояніи, потерявъ на время душевное равновѣсіе, бродили по этому мѣсту, гдѣ смерть сжала такую обильную жатву.

— Какая собственно возложена на бека задача?— поинтересовался я, вернувшись къ берегу Каратагъ-Дарьи, гдѣ Ходжа-бій, сидя на коврѣ, велъ какіе то переговоры съ различными бухарскими чиновниками.

— Видите-ли, эмиръ приказалъ мнѣ и Бальд-

жуанскому беку Абдулъ Хафизъ-бію вмѣстѣ съ Гиссарскимъ бекомъ очистить Каратагъ, переписать и похоронить мертвыхъ и насколько возможно оказать помощь оставшимся въ живыхъ. По сегодня уже погребено двѣ тысячи тѣлъ. Приходится также наблюдать, чтобы не грабили, такъ какъ появилось много недобрыхъ людей, похищающихъ имущество, оставшееся подъ развалинами домовъ. Съ весны же навѣрное опять начнетъ народъ строиться. Уже и теперь многіе стали ставить свои кибитки на мѣстахъ, гдѣ были прежде ихъ дома. Но все же Каратагъ не скоро превратится въ прежній,—вздохнулъ онъ.

— Я любилъ очень этотъ городъ. Вѣдь раньше лѣтомъ весь Гиссаръ переѣзжалъ жить сюда.

Ознакомившись съ окрестностями, мы были невольно удивлены неприхотливостью гиссарцевъ въ выборѣ дачнаго мѣста. Лишь масса зелени по склону горы да рѣка, несущая съ снѣговыхъ хребтовъ свои холодныя воды, придаютъ живописный видъ Каратагу, вокругъ котораго вездѣ пустыня. Расположенный на высотѣ трехъ тысячъ футовъ, городъ этотъ имѣлъ лѣтомъ довольно низкую температуру, не возвышающуюся болѣе 35° на солнцѣ и надо думать, что отсутствіе лихорадокъ являлось самою большою притягательной силой для гиссарцевъ.

Распростившись съ беками, радушно предлагавшими остаться обѣдать, мы выѣхали изъ Каратага, не будучи въ состояніи выносить страшнаго трупнаго запаха, а тѣмъ болѣе и ѣсть среди этихъ горъ разложившихся труповъ, къ которымъ туземцы относятся изумительно равнодушно, не обращая на

нихъ никакого вниманія и совершенно спокойно устраиваясь для чаепитія тутъ же не вдалекѣ.

Но дальнѣйшая дорога представляла собою сплошное мученіе. Почти вездѣ въ попутныхъ кишлакахъ виднѣлись тѣ же картины разрушенія и смерти и тѣ же трупы погибшихъ, вытаскиваемыхъ изъ-подъ грудъ глины. Порою намъ попадались довольно многочисленныя группы женщинъ, пугливо всматривавшихся въ проѣзжихъ съ незакрытыми вопреки обычаю лицами. Будто испуганная стая, поднимались они, прячась за деревья и остатки стѣнъ по мѣрѣ нашего приближенія. Многія изъ нихъ были молоды и красивы.

Лошади наши, въ началѣ бросавшіяся въ сторону при видѣ труповъ, уже привыкли и лишь порою поводя ушами и нервно храпя косились на покойниковъ, которыхъ вырывали и хоронили не вдалекѣ.

Въ одномъ изъ кишлаковъ нѣсколько киргизъ, увидя нашъ караванъ, быстро вскочили на лошадей и подгоняя ихъ нагайками, помчались въ сторону

— Ишь, хуже шакаловъ, разбойники,—указалъ на нихъ одинъ изъ казаковъ.

— Видишь, какъ удираютъ, а все за собой вьючную лошадь тащатъ, значитъ успѣли таки поживиться... Много также теперь скота, барановъ отобьютъ, потому, что хозяевъ нѣтъ, а которые живы, такъ вродѣ полоумныхъ.

Дѣйствительно, будто подтверждая эту мысль, изъ-за поворота въ ущелье вынеслось нѣсколько всадниковъ и не видя насъ кинулись сбивать вмѣстѣ въ кучу небольшое стадо коровъ, бродившихъ безъ

всякаго призора около кишлака. Дѣти, сидѣвшія подъ деревьями сада, подняли жалобный крикъ.

— Вотъ мерзавцы то,—не выдержалъ Б.

— Давайте-ка ихъ попугаемъ,—добавилъ онъ, быстро вынимая револьверъ изъ кабура.

Выстрѣлъ какъ-будто разбудилъ окрестности, перекатившись по долинѣ и гдѣ то далеко отозвавшись въ ущельѣ.

Почувствовавъ заразительность этого примѣра, я также прицѣлился и черезъ минуту дробь выстрѣловъ загремѣла, отдаваясь эхомъ. Барантачи [1]) остановились и также открыли огонь, но потомъ не выдержавъ, быстрѣе зайцевъ, пригнувшись къ сѣдламъ, съ громкими криками повернули назадъ, бросивъ стадо и быстро полнымъ карьеромъ унеслись, скрывшись среди холмовъ.

— Ушли, тюра,—вздохнулъ какъ то недовольно сопровождавшій насъ нукеръ.

— Если бы хоть одного подстрѣлили, бекъ былъ бы очень радъ. Нехорошій весь народъ барантачи, будто на падаль они со всѣхъ горъ сюда прилетѣли.

Переправившись черезъ двѣ, три рѣки, мы перемѣнили направленіе и пошли берегомъ Сары-Джуй-Дарьи, стараясь миновать полуразрушенные кишлаки, попадавшіеся на дорогѣ. Огромныя поля обработанной земли, пересѣченныя арыками, тянулись все время, указывая на широкіе засѣвы, производившіеся населеніемъ этихъ мѣстъ.

Незначительный подъемъ, едва замѣтный для

---

[1]) Барантачи—разбойники.

глаза, все же сильно утомилъ нашихъ коней, прошедшихъ добрыхъ пятьдесятъ верстъ. Сары-Ассія, Дашноватъ и Сары-Джуй съ его старою глиняною крѣпостью остались уже сзади и лишь виднѣлись своею растительностью.

— Теперь, тюра, такіе дни, что лучше гдѣ-нибудь въ кибиткѣ ночевать, чѣмъ заѣзжать въ кишлакъ. Здѣсь вездѣ есть мертвые. Всѣ эти мѣста покаралъ Аллахъ своимъ гнѣвомъ, вмѣстѣ съ Каратагомъ. Вотъ около стараго моста стоятъ кибитки, здѣсь и отдыхать можно.

Вокругъ виднѣлось значительное пространство, все сплошь покрытое обломками жженаго кирпича и битой глиняной посуды и лишь часть моста осталась въ цѣлости, вызывая крѣпостью своей постройки невольное удивленіе.

— Это ещеэ миръ Абдуллахъ-ханъ строилъ. Великій былъ эмиръ и очень много построилъ онъ по всей Бухарѣ мостовъ, медресе, мечетей и саргдобъ. Люди говорятъ—всего онъ 1001 постройку сдѣлалъ, пока былъ эмиромъ,—сообщалъ переводчикъ Гиссарскаго бека,—крайне словоохотливый и довольно полированный казанскій татаринъ, въ то время, когда мы слѣзли съ лошадей и вошли въ очищенную для нашего ночлега кибитку.

— Такихъ эмировъ больше не было... И любили его люди. Каждый за него готовъ былъ жизнь отдать.

— Ну, навѣрно не, каждый,—чтобы вызвать на разговоръ, началъ опровергать Б, устраиваясь поудобнѣе на кошмѣ и приготовляясь слушать.

— Нѣтъ, это вѣрно, тюра, даже самые знатные и богатые его любили. А самъ онъ былъ и храбръ, и добръ этотъ эмиръ. Ничего не боялся. А какъ его любили, я разскажу вамъ, если угодно выслушать одну старую исторію, которую разсказываетъ народъ.

— Очень давно это было и, можетъ быть, что нибудь и не такъ случилось, какъ разсказываютъ, но только все это правда и записана во всѣхъ старыхъ книгахъ.

— Когда сталъ царствовать эмиръ Абдуллахъ-ханъ послѣ смерти своего отца, то ему пришлось очень много воевать. И хивинцы, и кара-киргизы, и туркмены нападали на Бухару и все время шла страшная война, не переставая ни одинъ мѣсяцъ. Собралъ Абдуллахъ-ханъ свои вѣрныя войска и пошелъ на кара-киргизъ къ Ташкенту. Скоро однако Аллахъ ему далъ побѣду, потому что онъ любитъ храбрыхъ. А храбрѣе эмира Абдуллахъ-хана не было изъ тогдашнихъ правовѣрныхъ.

— И вездѣ и повсюду ему сопутствовалъ его уддайчи [1]) Кугальташъ. Вѣрный это былъ слуга и любилъ онъ своего господина Великаго эмира не за подарки и халаты парчевые, а за совѣсть, хотя и былъ очень онъ богатый человѣкъ. Подошли войска Абдуллахъ-хана къ Сыръ-Дарьѣ и захотѣлъ самъ эмиръ получше разсмотрѣть, какъ стоятъ войска ташкентцевъ. Одѣлся онъ въ самое бѣдное платье простого сарбаза и выѣхалъ въ сопровожденіи сына Кугальташа, служившаго также при немъ

[1]) Уддайчи—адъютантъ.

нукеромъ, какъ и его отецъ. Высмотрѣлъ все эмиръ своими зоркими глазами у непріятеля и уже хотѣлъ возвращаться обратно къ своимъ войскамъ, какъ замѣтили его передовые изъ ташкентцевъ, кинулись на перерѣзъ и не успѣлъ его конь сдѣлать и полъташа [1]), какъ захватили эмира, скрутили арканами и потащили къ себѣ, гдѣ бросили его въ зиндань (яма), чтобы потомъ, когда придетъ время, зарѣзать.

— Видѣлъ это сынъ Кугальташа, заплакалъ горькими слезами и ускакалъ отъ погони. Съ не спокойнымъ сердцемъ явился онъ къ своему отцу и, робко моля его о прощеніи, разсказалъ ему о несчастьи, постигшемъ Великаго эмира. Задумался Кугальташъ, осмотрѣлся вокругъ, видитъ, что никого нѣтъ близко и они одни въ кибиткѣ.

— Отвѣчай нечистая собака,—съ гнѣвомъ спросилъ онъ сына,—знаетъ ли хоть одна душа, что въ плѣну нашъ повелитель?

— Нѣтъ никому мой языкъ не осмѣлился сказать объ этомъ!

Молча, какъ темная туча, сидѣлъ Кугальташъ, все раздумывая, а сынъ его стоялъ передъ нимъ, трепеща, какъ листъ на деревѣ.

— Ты не уберегъ повелителя, господина и Великаго эмира. Велика твоя вина, сынъ мой, и лишь своею кровью ты можешь ее смыть съ своей совѣсти. И я помогу тебѣ въ этомъ,—добавилъ онъ, вынимая острый ножъ.

Не успѣлъ даже вскрикнуть юноша, какъ лежалъ на землѣ съ перерѣзаннымъ горломъ, оросивъ ее

[1]) Ташъ—верста.

своею кровью. Съ жалостью смотрѣлъ Кугальташъ, какъ его любимый сынъ-первенецъ лежалъ у ногъ, хрипя, умирая. Пошелъ онъ къ кибиткѣ эмира, роняя слезы, но уже твердо рѣшилъ выручить своего государя изъ неволи. Никто изъ свиты и стражи не видѣлъ, какъ тайно уѣхалъ эмиръ и всѣ думали что онъ отдыхаетъ послѣ трудовъ на своихъ драгоцѣнныхъ коврахъ. Взошелъ Кугальташъ въ кибитку, пробылъ тамъ довольно долгое время, а потомъ, выйдя, громкимъ голосомъ сталъ сзывать и воиновъ и сановниковъ.

—Тяжело заболѣлъ Хазретъ,—сказалъ онъ, когда всѣ собрались,—не можетъ онъ теперь вынуть своей сабли изъ ноженъ. Слабо его немощное тѣло, а потому приказалъ онъ мнѣ сейчасъ же взять съ собою людей и заключить съ Ташкентскимъ ханомъ почетный миръ. Къ себѣ же не велѣлъ никому входить, пока не позоветъ.

— Забили барабаны, бубны, затрубили трубы, заиграли сладкозвучные саазы. Поднялась пыль изъ подъ конскихъ копытъ—Кугальташъ поѣхалъ со свитою въ непріятельскій лагерь, но раньше подговорилъ онъ одну старуху, чтобы шла она за нимъ слѣдомъ и при возвращеніи его обратно остановила бы при выѣздѣ и потребовала бы своего сына, захваченнаго ташкентцами, и описалъ ей примѣты сына, точь-въ точь схожія съ эмиромъ Абдуллахомъ. Съ почетомъ встрѣтили ташкентцы посольство и, уставъ воевать, радостно вздохнули, узнавъ, что будетъ снова надолго миръ. Согласился ихъ ханъ на всѣ условія и цѣловалъ въ томъ землю и листы

священнаго корана. Самъ онъ выѣхалъ проводить посла, оказывая ему почтеніе, все равно какъ самому эмиру.

Еще громче забили барабаны и затрубили трубы, когда ѣхалъ Кугальташъ, но не могли они заглушить старой марджи[1]) искавшей своего сына. Громкій голосъ матери покрылъ своимъ крикомъ шумъ и услыхали его всѣ и Ташкентскій ханъ и Кугальташъ и свита. Стала среди дороги мать и, вцѣпившись за узду коня Кугальташа, стала вопить, ругая посланца Бухарскаго эмира и требуя возврата сына, пошедшаго на войну и захваченнаго ташкентцами.

— Отдай моего сына Таксыръ. Сидитъ онъ въ зинданѣ и не сегодня завтра зарѣжутъ его какъ барана. Не повергай бѣдную мать въ пучину горя и слезъ!

— Напугался Ташкентскій ханъ, боялся онъ оби дѣть посла, что не могли охранить его отъ такого срама. Но Кугальташъ съ улыбкою посмотрѣлъ на него, да и говоритъ:

„Милостивый ханъ, я самъ отецъ, и слово мое за эту бѣдную женщину; не будетъ для тебя потери—исполни ея просьбу.“

— Обрадовался ханъ, что не сердится посолъ, тотчасъ же спросилъ старуху примѣты ея сына... и не прошло нѣсколько минутъ, какъ вывели его изъ зиндана, подвели къ старухѣ и обоихъ выпроводили скорѣе изъ лагеря. Поблагодарилъ Кугальташъ, ударилъ коня и только пыль поднялась изъ-подъ копытъ, носясь въ воздухѣ, такъ быстро поѣхалъ онъ къ себѣ обрадовать всѣхъ почетнымъ

[1]) Морджа—женщина.

миромъ... И въ этомъ облакѣ пыли не видно было, какъ подъѣхалъ онъ къ сыну старухи и какъ осторожно поднялъ его на свое сѣдло и привезъ къ самой палаткѣ эмира.

— Тутъ только эмиръ Абдуллахъ узналъ, что Кугальташъ зарѣзалъ своего любимаго сына... И удивился онъ, что родной отецъ наказалъ его такъ жестоко.

Выслушалъ Кугальташъ слова укоризны своего повелителя съ почтеніемъ, но потомъ сказалъ:

—„Велика, о, эмиръ, вина моего сына, что не могъ онъ сохранить тебя отъ враговъ, но не за то наказала его моя отцовская рука. Я боялся за его языкъ, по молодости онъ разсказалъ бы о твоемъ плѣнѣ кому-нибудь и узнали бы объ этомъ всѣ войска. Пошелъ бы разладъ между войсками. Разбѣжались бы сарбазы и одержали бы ташкентцы тогда побѣду надъ Бухарой благодарной. Узнали бы позднѣе, что сидитъ самъ эмиръ у нихъ въ зинданѣ и приказалъ бы злой Ташкентскій ханъ перерѣзать Хазрету горло, какъ барану“.

И заплакалъ эмиръ, слыша эти слова преданности, и сдѣлалъ потомъ уддайчи Кугальташа аталыкомъ [1]).

Вотъ какъ любили эмира Абдуллахъ-хана его люди.

---

*) Аталыкъ въ буквальномъ переводѣ—замѣняющій отца—высшій чинъ въ Бухарѣ.



XXXXII.

Сары-Джуй-Дарья.—Ночная буря.—Графитъ.—Кишлакъ Чашъ.—Царь-Оксіартъ.—Роксана, жена Александра Македонскаго.—Ядъ-ташъ.—Якка-Багъ.—Преданіе о Согдіянѣ батырѣ.

Тускло свѣтили уголья монгала, подернутые бѣлымъ пепломъ. Искорки порою перебѣгали по нимъ, вспыхивая огоньками и бросая прихотливыя тѣни на стѣны кибитки. Чугунный кумганъ съ водою бурлилъ и шипѣлъ, паръ поднималъ крышку, давая знать, что уже можно пить чай.

Снявъ съ себя все платье и оставшись въ однихъ рубашкахъ, мы блаженствовали, отдыхая отъ дороги и тяжелыхъ впечатлѣній дня.

— Однако, на всякій случай, слѣдуетъ не всѣмъ укладываться спать, надо кого-нибудь оставить караульнымъ. Теперь много дурныхъ людей-барантачей и разбойниковъ здѣсь пришло. Могутъ и ло-

шадей украсть. Пусть полковникъ прикажетъ одному сарбазу не спать.

— Развѣ здѣсь нападаютъ?

— Все можетъ быть, время теперь особенное. И хотя уже нѣсколькихъ человѣкъ недавно и повѣсили въ Динау и Гиссарѣ, но помогаетъ плохо и шайка барантачей вездѣ бродитъ, ища чѣмъ поживиться.

— Не вѣрю, чтобы они могли напасть—удивился я, много слышавъ о полной безопасности путешествій для русскихъ по бухарскимъ владѣніямъ.

— Какъ знать... лучше быть на сторожѣ, хотя обыкновенно эти разбойники лишь нападаютъ и грабятъ только своихъ или ходятъ отбивать стада въ Авганистанъ, но теперь время особенное... Можно всѣмъ поживиться, что попадетъ подъ руки. А среди такихъ грудъ мертвыхъ и зарѣзанныхъ русскихъ потомъ не найдутъ.

Темнота между тѣмъ сгустилась и окрестныя горы давно уже потонули въ ней, сливаясь совершенно; мелкій дождь заморосилъ, указывая на скорое начало зимы. Покрытыя попонами наши лошади, стоя на приколахъ, чувствовали себя скверно, сбившись въ одну кучу. Небольшой вѣтеръ, поднявшійся съ вечера, перешелъ въ ураганъ. Страшныя завыванія его порою переходили въ пронзительные крики, слышавшіеся вокругъ, и казалось, что гдѣ-то въ вышинѣ происходитъ цѣлая свалка демоновъ, вырвавшихсе на волю. Кибитка скрипѣла и раскачивалась во всѣ стороны. Угли чадили нестерпимо, но загасить ихъ было нельзя, такъ какъ вѣтеръ сквозь щели выдувалъ все тепло.

Закутавшись въ бурки, мы лежали прислушиваясь къ этимъ голосамъ пустыни, о которыхъ не имѣютъ понятія жители городовъ. Все вокругъ, казалось ожило, говорило и двигалось. Гдѣ то невдалекѣ раздавался вой шакаловъ, переходившій въ страшное рыданіе, отъ котораго чувствовался ознобъ по спинѣ.

— Ну и погодушка,—недовольно заворчалъ Б., кутаясь въ свою бурку.

— Плохое дѣло, тюра, теперь нельзя изъ кибитки выходить, тотчасъ же отозвался переводчикъ.

— Это плачутъ и стонутъ тѣ мертвые во всѣхъ окрестностяхъ, которые еще не похоронены. Погибли они безъ молитвъ и поднимаются они, превратившись въ злыхъ джиновъ. Плохо теперь путнику, который не доѣхалъ до людского жилья.

Всю ночь прогрохотала буря, шумя, завывая и не давая возможности заснуть. Лишь подъ утро вѣтеръ утихъ, но небо было темное, облачное.

Поднимаясь по лѣвому берегу Сары-Джуй-Дарьѣ и миновавъ кишлакъ Гиссаракъ, мы вновь углубились въ горы, держа направленіе на перевалъ Чашъ, служащій водораздѣломъ между Сары-Джуй-Дарьей и Кизилъ-Дарьей, впадающей въ Кашку-Дарью.

Горы были значительно меньше Дарвазскихъ, хотя вдали виднѣлись снѣговыя вершины Гиссарскаго хребета, но дорога наша оставляла эти непривѣтливыя горы будто сахарные головы, поднимавшіяся на горизонтѣ въ сторонѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почва имѣла какой то особенный совершенно черный цвѣтъ.

— Обратите вниманіе вѣдь это графитъ,—указалъ Б. давно уже разсматривавшій землю.

— Достоинство его, разумѣется, опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ его здѣсь очень много. Видно вода вымываетъ изъ горъ, а дальше онъ собирается во впадинахъ, превращаясь въ жидкую грязь. И такое богатство пропадаетъ даромъ. И каменный уголь есть. Вотъ взгляните-ка на этотъ пластъ, обнажившійся, благодаря обвалу земли.

Довольно толстый слой блестящаго чернаго угля рѣзко выдѣлялся среди другихъ сѣраго оттѣнка породъ, достигая толщины аршинъ двухъ. Пластъ обнажился лишь небольшимъ краемъ, уходя дальше подъ землю.

— Неужели никто не знаетъ объ этихъ залежахъ?

— Нѣтъ, какъ не знать... Про нихъ много писали, но только нѣтъ предпріимчивыхъ людей для разработки. Вѣдь и выходовъ нефти тоже много въ этихъ горахъ, но должно быть еще не настало время для края, который по какому то прискорбному недоразумѣнію забытъ нами совершенно.

— Горные инженеры Рикмерсъ и Леватъ разсказывали, что они дѣлали пробы графита, угля, мѣди, золота и вообще всѣхъ здѣшнихъ породъ и, найдя ихъ очень богатыми по содержанію, предполагали начать крупное горное дѣло въ Бухарѣ, но, какъ иностранцамъ, имъ не удалось осуществить своихъ плановъ, хотя про нихъ я слышалъ, что они въ то же время выставили какія то особенныя требованія, которыя наши власти не могли выполнить. Пройдетъ, разумѣется, время и горы Бухары превратятся въ новый горнозаводскій и золотопромышленный районъ, имѣющій всѣ шансы сдѣлаться не менѣе значитель-

нымъ Урала. И много зависитъ одно отъ другого. Начните разработку каменнаго угля и тотчасъ же двинется вопросъ добычи и выплавки мѣдныхъ рудъ, которыя колосально богаты, имѣя въ среднемъ отъ 50 до 75— содержанія мѣди, при чемъ, залежи самородной красной мѣди очень велики и имѣются во многихъ мѣстахъ.

Небольшой кишлакъ Чашъ былъ намѣченъ для отдыха сильно уставшихъ лошадей. Въ этихъ мѣстахъ землетрясеніе было незначительно, но все населеніе отсутствовало, вытребованное администраціей для работъ по уборкѣ тѣлъ въ Дашноватъ. Лишь женщины, дѣти да два, три старика остались въ кишлакѣ, въ которомъ съ трудомъ удалось достать нѣсколько яицъ и чурековъ для утоленія голода.

Огромныя туты раскинули свои темныя верхушки, съ ярко желтыми поблекшими листьями. Рѣка полноводная послѣ дождя съ шумомъ несла свои мутныя воды, перекатываясь черезъ камни и отрывая куски береговъ. Сѣрыя тучи низко нависли надъ горами, совершенно закрывая горизонтъ и придавзя всѣмъ окрестностямъ мрачный, непривѣтливый колоритъ, и лишь склоны горъ, покрытые новою осеннею травою, имѣли зеленый оттѣнокъ, выдѣляясь изъ всей темной картины. Стада овецъ и козъ виднѣлись на склонахъ почти подъ самымъ кишлакомъ.

Вдали былъ неясно видны перевалы Чашъ и Лянгари Морданъ, черезъ которые пролегала дорога.

— Перевалы когда-то давно служили дорогою для войскъ Искандера въ 328 г. до Р. Х., двигавшихся весною изъ Шаршауза войною на Бактрійскаго во-

ждя Оксіарта, поднявшаго знамя возстанія послѣ смерти Бесса [1]) и объявившаго себя царемъ. Всѣ недовольные новыми порядками и нежелавшіе подчиниться чужестранцамъ, собралнсь вокругъ Оксіарта, укрѣпившагося въ обширной и хорошо снабженной продовольствіемъ крѣпости, находившейся на вершинѣ недоступной горы Байсери-Тау (Байсунъ). Увѣренный въ своихъ силахъ Оксіартъ мало былъ обезпокоенъ извѣстіемъ, что непріятельскіе отряды уже перешли Чашскій перевалъ и направляются къ Байсуну. Черезъ нѣсколько дней триста македонцевъ взобрались по отвѣснымъ скаламъ на вершину, господствовавшую надъ крѣпостью и тогда Оксіартъ, выговоривъ себѣ почетныя условія, сдался на милость побѣдителя.

Въ числѣ эпизодовъ, сопровождавшихъ эту осаду, не можетъ не быть отмѣченъ осмотръ Искандеромъ всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ, во время котораго дочь Оксіарта Раксана произвела на него такое сильное впечатлѣніе своей красотой, что онъ рѣшился на ней жениться. Какъ побудительная причина, разумѣется, здѣсь также крупную роль играло желаніе породниться при помощи этого брака съ родовой бактрійской аристократіей, стоявшей во главѣ партіи недовольныхъ, поднявшихъ знамя возстанія и довольно успѣшно дѣйствовавшихъ въ трудно доступныхъ горахъ теперешней восточной части бухарскихъ владѣній.

---

[1]) Бессъ—военачальникъ персидско-бактрійскій, убившій Дарія Гистаспа, былъ казненъ Александромъ Македонскимъ въ Заріаспѣ (теперешнемъ Чарджуѣ).

Хотя историки и сообщаютъ, что малолѣтній сынъ Александра былъ убитъ въ 311 году вмѣстѣ съ Раксаной, по приказанію Кассандра, но нѣкоторые потомки бадакшанскихъ, каратегинскихъ, рушанскихъ и дарвазскихъ мировъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ Александра Македонскаго, доказываютъ, что сынъ Искандера убитъ не 12, а 20-лѣтнимъ, успѣвъ жениться и имѣя уже сына, внука Искандера, отъ котораго потомъ и продолжался ихъ родъ.

Преданіе это находитъ, отчасти, много подтвержденій въ старинныхъ арабскихъ и авганскихъ рукописяхъ, а также и въ родословныхъ этихъ родовъ. Нельзя также не допустить, что въ завоеванной Бактріи и Согдѣ могли быть и другіе потомки Великаго македонца отъ другихъ плѣнницъ, понравившихся на время побѣдителю.

Слегка протоптанная тропа, сильно попорченная горными дождями, вела на перевалъ, гдѣ чуть виднѣлась, узкой ленточкой, на гребняхъ горъ. Въ началѣ мягкія горы, перешли въ скалистыя, довольно мрачнаго вида, покрытыя арчевыми деревьями, зеленѣвшими своей темной хвоей. Разработаннаявъ давнія времена дорога осыпалась и мѣстами была едва проходима для вьючныхъ лошадей. На сѣверѣ виднѣлись снѣговыя горы Хазретъ-Султанъ, а передъ нами внизу извивалась Кизилъ-Дарья и ясно былъ уже виденъ кишлакъ Ташъ-Курганъ, въ которомъ когда-то была довольно значительная каменная крѣпость, въ настоящее время почти разрушившаяся

— Вотъ въ этихъ горахъ, тюра, говорятъ находится Ядъ-Ташъ и многіе наши люди его ходятъ отыскивать,—заговорилъ одинъ изъ сопровождавшихъ насъ узбековъ.

— Что это за Ядъ-Ташъ?

— Неужели, тюра, не слыхалъ объ Ядъ-Ташѣ? Видно плохо учатъ въ медресе у урусовъ, если они не знаютъ такихъ вещей, которыя у насъ каждый бача хорошо знаетъ.

— Ядъ-Ташъ—волшебный камень. Находится онъ въ самыхъ недоступныхъ мѣстахъ горъ въ пещерахъ. Узнать гдѣ онъ, можно лишь по лучамъ свѣта, которые въ этомъ мѣстѣ выходятъ изъ-подъ земли. Кто носитъ такой камень на шеѣ, такъ того никогда нельзя въ бою осилить. Змѣя ли, если укуситъ, или скорпіонъ, лишь стоитъ приложить камень и разомъ ихъ укушеніе становится безвреднымъ для человѣка, а боль тотчасъ же пропадаетъ Мнѣ также разсказывали, что если имѣть Ядъ-Ташъ и знать одно слово, то можно сдѣлаться для всѣхъ невидимымъ.

— А ты видѣлъ этотъ камень?

— Нѣтъ, не видѣлъ, тюра. Братъ мой долго ходилъ въ здѣшнія горы искать его, но должно быть ему не посчастливилось, не нашелъ, а самъ пропалъ, пошелъ и назадъ не пришелъ и больше его никто не видалъ. Моя старуха мать говоритъ, что онъ нашелъ Ядъ-Ташъ и захотѣлъ сдѣлаться невидимымъ, но онъ живъ до сихъ поръ, не показываясь людямъ.

— Я самъ помню сюда пріѣзжали изъ Самар-

канда люди Абдурахмана-хана передъ тѣмъ, какъ ему идти воевать въ Авганистанъ. Камень они нашли и потомъ, благодаря ему, Абдурахманъ-ханъ Авганскимъ эмиромъ сдѣлался. А вотъ его братъ Исаакъ-ханъ, что живетъ также въ Самаркандѣ, никакъ Ядъ-Таша достать не можетъ... Удачи нѣтъ...

Спустившись съ перевала и пройдя по теченію рѣки Кизилъ-Дарьѣ верстъ шесть, мы подъѣхали къ Ташъ-Кургану, служившему когда-то предверіемъ Якка-Бага и защищавшему входъ въ бекство съ гиссарской стороны. Хотя Гисарскіе и Якка-Багскіе миры были въ тѣсномъ родствѣ между собою, но до этого времени жители горной части Бухары постоянно дѣлали набѣги на долины, а потому и явилась необходимость устроить для защиты проходовъ сильныя крѣпости, въ числѣ которыхъ былъ и Ташъ-Курганъ, занимавшій особенно выгодное положеніе на проѣзжей дорогѣ между Якка-Багомъ и Гиссаромъ съ одной стороны и Байсуномъ—съ другой.

— Здѣсь, тюра, давно въ старое время жилъ въ Якка-Багѣ одинъ батырь, Согдіаномъ его звали. Онъ былъ такой страшной силы, что ни одинъ человѣкъ не могъ съ нимъ вступить въ борьбу. Десять, двадцать, пятьдесятъ человѣкъ могъ одолѣть Согдіанъ-батырь. Трудно было людямъ города жить съ нимъ и поэтому повелитель страны поручилъ ему охрану своихъ границъ отъ набѣговъ гиссарцевъ. Ушелъ Согдіанъ-батырь въ горы и здѣсь на Кизилъ-Дарьѣ построилъ себѣ каменную калу, въ которой и поселился со своими людьми.

Никто съ тѣхъ поръ не смѣлъ переходить горы, гдѣ батырь для обороны приготовилъ много огромныхъ камней, величиною съ цѣлую кибитку. Какъ только появлялись войска непріятельскія, онъ поднимался на верхъ и оттуда бросалъ этими камнями, уничтожая разомъ цѣлыя отряды.

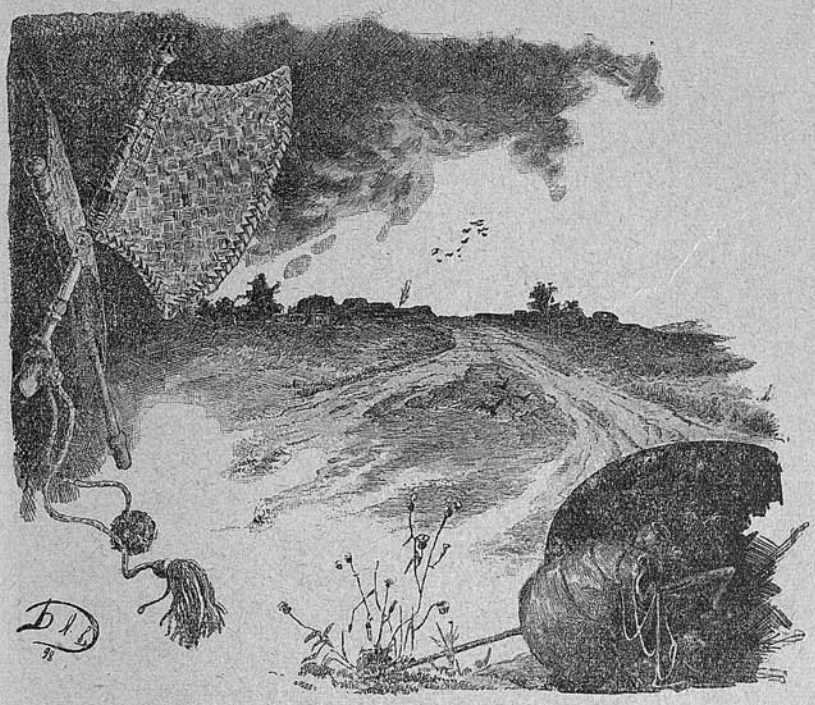
— Страшно было людямъ вступать съ нимъ въ бой днемъ и однажды рѣшили гиссарцы напасть на него ночью. Тихо подошли къ Ташъ-Кургану и бросились разомъ на спавшаго батыря, но и тутъ не могли они ничего сдѣлать. Проснулся батырь, и, увидя, что враги уже взошли на внутренніе дворы, ужасно разсердился на своихъ людей, стоявшихъ на стражѣ. Схватилъ онъ рукою за верхушку большого тала, вырвалъ его съ корнемъ и разомъ ангелъ Азраилъ принялъ несчетное число душъ погибшихъ враговъ. Бросилъ тогда батырь дерево на землю съ такой силою, что пробило оно землю и на томъ мѣстѣ сдѣлался глубокій колодезь.

— И ничего не могли сдѣлать гиссарцы, но, наконецъ, одинъ старый мулла придумалъ хитрость. Нашли они въ Гиссарѣ молодую дѣвушку, такую красивую, что не было нигдѣ ни раньше, ни позднѣе такой красоты. Одѣли ее въ бѣдную одежду, закрыли лицо покрываломъ. И пошла она черезъ гору. Увидѣлъ ее Согдіанъ-батырь своими зоркими глазами и поскакалъ навстрѣчу. Открыла дѣвушка свое прекрасное лицо и не выдержалъ вида такой красоты батырь. Загорѣлось его сердце огнемъ жгучимъ. Схватилъ онъ красавицу на сѣдло и помчался къ Ташъ-Кургану, гдѣ собралъ своихъ людей и нукеровъ и от-

праздновалъ свою свадьбу. Не думалъ онъ о людской злобѣ и хитрости. Еще больше загорѣлось сердце у батыря, когда онъ остался въ кибиткѣ со своей молодой женой. Безъ счета цѣловалъ онъ ея глаза дикой серны. Какъ пурпурные коралы были ея губы, къ которымъ приникъ батырь, выпивая изъ нихъ любовь и вмѣстѣ съ нею самый сильный ядъ, который держала красавица во рту.

— И затуманился взоръ у батыря, нашелъ онъ еще у себя силу, чтобы одной рукой задушить змѣю, лежавшую у его сердце, но не могъ онъ уже подняться на ноги, не могъ даже его онѣмѣвшій языкъ сказать послѣднюю мольбу Аллаху, какъ взялъ его душу Азраилъ и бережно понесъ въ лучезарныя выси райскихъ садовъ. Такъ умеръ Согдіанъ-батырь. И въ туже ночь гиссары захватили всю страну...





XXXVIII.

Кизилъ-Дарья.—Эмиръ Амру.—Кашка-Дарья.—Огнепоклонники.—Бухарское правосудіе.—Казнь.—Русскія войска подъ Якка-Багомъ.

Остатки старинной постройки указывали, что здѣсь когда-то было укрѣпленіе. Большой кишлакъ, пріютившійся на берегу Кизилъ-Дарьи, находился подъ самымъ переваломъ Лянгари-Морданъ, лежа на дорогѣ отъ Шахризябса въ Гиссарскій край.

Мы остановились на дворѣ аксакала, найдя себѣ

пріютъ въ небольшомъ, полутемномъ помѣщеніи. Сѣдой, какъ лунь, старикъ, родственникъ хозяина, за отсутствіемъ аксакала, радушно предложилъ намъ нѣсколько яицъ и чурековъ.

— Какъ жаль, что мы потеряли почти всю свою дорожную посуду, можно было бы здѣсь что-нибудь сварить, недовольно морщась, сказалъ Б., увидя скудный завтракъ.

Старикъ, видимо заинтересовавшись словами, спросилъ что-то переводчика.

Тотъ передалъ о потерѣ посуды, о которой сожалѣетъ мой спутникъ.

Присѣвъ на корточки у двери, старикъ усмѣхнулся и затѣмъ, обращаясь къ Б. сказалъ:

— Тюра сожалѣетъ, что потерялъ вещи. Чтобы его утѣшить, я вспомнилъ одинъ разсказъ про знаменитаго эмира Ирана-Амру-Бинъ-Лейта, который былъ страшно богатъ и имѣлъ столько золота, что его нельзя перевести на семи тысячахъ верблюдахъ. Мало ему было своей земли и своего золота и рѣшилъ онъ идти войною на своего сосѣда эмира Бухары Измаила, чтобы добыть еще больше земель, рабовъ, камней самоцвѣтныхъ и золота. Но не хотѣлъ Аллахъ, чтобы правовѣрный эмиръ Измаилъ потерялъ свое царство и взвѣсивъ на вѣсахъ судьбы эмира Амру, нашелъ его легкимъ и тотчасъ же потерпѣли его войска пораженіе въ первой же битвѣ. Искалъ Амру спасенія въ бѣгствѣ, но настигли его длинноногіе скакуны туркменъ, служившихъ въ войскахъ Измаила, и привели они съ собою повелителя Ирана плѣнникомъ на арканѣ.

— И лежалъ онъ потомъ на пескѣ пустыни, служившей ему вмѣсто ковра. Тутъ же невдалекѣ одинъ изъ его слугъ, желая утолить голодъ эмира, сталъ приготовлять пищу, но, не имѣя посуды, поставилъ горсть рису съ водою въ глиняномъ горшкѣ на камни, приготовившись развести огонь подъ нимъ; и съ интересомъ слѣдилъ глазами эмиръ Амру за этими приготовленіями, чувствуя нестерпимый голодъ. Но еще съ большей жадностью смотрѣла на это голодная собака, сидѣвшая невдалекѣ. Воспользовавшись минутою, когда слуга отошелъ отъ своего очага собирать дрова, бросилась и она и быстро всунула голову въ горшокъ, желая утолить свой голодъ. Съ крикомъ прибѣжалъ слуга, но уже было поздно. Не могла испуганная собака вынуть свою голову изъ узкаго горла горшка и побѣжала съ нимъ вмѣстѣ, имѣя его на головѣ и унося обѣдъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый эмиромъ.

И, видя это бѣгство, отъ души разсмѣялся эмиръ Амру и долго хохоталъ, придерживая рукою свой голодный желудокъ.

Удивился тогда слуга и невольно спросилъ:

— О, эмиръ, какъ можешь ты смѣяться при видѣ такого несчастья, которое лишило меня возможности предложить тебѣ ужинъ для утоленія голода.

Еще сильнѣе разсмѣялся тогда бывшій повелитель огромной страны и сказалъ:

— Еще сегодня утромъ Диванъ-беги жаловался, что ему недостаточно трехсотъ верблюдовъ, чтобы перевести кухонную посуду вашего эмира Амру-

Бинъ-Лейта, а вечеромъ одна собака носитъ всю мою кухонную посуду вмѣстѣ съ ужиномъ".

— Вотъ видишь, тюра, какъ необходимо относиться къ такимъ незначительнымъ несчастьямъ, тогда только они не будутъ чувствительны.

Рѣка Кизилъ-Дарья, впадая въ Кашку-Дарью вмѣстѣ съ цѣлою системою небольшихъ горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, берущихъ свое начало съ восточныхъ склоновъ Гиссарскихъ горъ, орошаютъ собою всю низменность до города Каршей, за которымъ вода рѣки, разбираемая для поливки засѣянныхъ полей, совершенно исчезаетъ, не доходя въ настоящее время до Аму-Дарьи, въ которую, очевидно, когда то впадала, чему подтвержденіемъ служитъ старое русло, почти все засыпанное пескомъ. Какъ и всѣ горные ручьи, отличаясь быстротою теченія, Кизилъ-Дарья уноситъ съ горъ массу земли и песку вмѣстѣ съ камнями. Въ періодъ таянія снѣговъ въ горахъ, рѣка несетъ массы воды, давая жизнь всей Шахризябской-Каршинской долинѣ, благодаря чему этотъ районъ особенно густо населенъ, считаясь по количеству и плотности населенія первымъ послѣ Заравшанской долины.

Закрытая съ трехъ сторонъ горами вся мѣстность эта издавна жила совершенно особенною жизнью, имѣя гораздо больше тяготѣнія къ Гиссару, чѣмъ къ Бухарѣ. Цѣлый рядъ населенныхъ пунктовъ ввидѣ городовъ и большихъ кишлаковъ раскинулся по всей ирригаціонной системѣ Кашки-Дарьи и ея притокамъ, поэтому во время Великаго Македонца, эти мѣста являлись сосредоточеніемъ тѣхъ опо-

зиціонныхъ элементовъ, которые не хотѣли признать владычества чужестранцевъ и, поднявъ знамя возстанія, доставили много хлопотъ Искандеру, почти три года времени посвятившему на покореніе этого богатаго края. Историки отмѣчаютъ пребываніе Александра Македонскаго въ 328 году въ Кешѣ и зимовку его въ этомъ городѣ, а среди населенія посѣщеніе Великаго Искандера городовъ Каршей, Чиракчей и Якка-Бага, оставило неизгладимый слѣдъ, при чемъ нѣтъ, кажется, ни одного пункта въ этихъ мѣстахъ, который бы не былъ связанъ съ именемъ его.

Эпоха эмира Тимура, связанная съ завоевательными войнами, также рельефно сохраняется въ памяти народа, какъ и культурная дѣятельность эмира Абдухала, построившаго массу зданій, робатовъ и саргдобъ и разработавшаго дороги.

Въ позднѣйшее время лишь походъ русскихъ войскъ и покореніе всего края оставили яркій слѣдъ, имена же и событія послѣднихъ двухъ столѣтій извѣстны лишь немногимъ мулламъ и мударисамъ.

Перейдя по тяжелой дорогѣ черезъ перевалъ Чикманъ-Куйды отдѣляющій Ташъ-Курганскую котловину отъ Якка-Багской долины мы спустились въ нее почти къ вечеру.

Цѣлый рядъ небольшихъ кишлаковъ протянулся по теченію Кизилъ-Дарьи до самого города Якка-Бага и въ долинахъ вездѣ виднѣлись обработанныя поля, а на окрестныхъ горахъ встрѣчались многочисленныя стада рогатаго скота и барановъ. Лишь

лошадей, повидимому, здѣсь было гораздо меньше, чѣмъ въ восточной части Бухарскихъ владѣній. Зато масса ишаковъ замѣняетъ собою ихъ, служа главнымъ средствомъ для передвиженія и для перевозки тяжестей.

Сдѣлавъ лишь небольшой привалъ въ кишлакѣ Симокъ, поздно вечеромъ мы подъѣхали къ Якка-Багу, раскинувшемуся довольно широко около горъ и покрытому густою растительностью. Старая полуобсыпавшаяся крѣпость какъ то особенно мрачно чернѣла своими разваливающимися зубцами стѣнъ и башнями, виднѣвшимися на высокомъ холмѣ на берегу рѣки Кизилъ-Дарьи.

Принадлежа къ числу населенныхъ мѣстъ, извѣстныхъ еще въ самую сѣдую старину, Еккабагъ (Яккабагъ) игралъ въ свое время значительную роль, какъ одна изъ главныхъ крѣпостей страны, защищавшихъ входъ въ нее съ востока. Возникнувъ въ періодъ до христіанской эры, онъ долгое время являлся однимъ изъ пунктовъ, въ которомъ прочно развился парсизмъ, уступившій затѣмъ лишь послѣ долгой и упорной борьбы свое мѣсто буддаизму, въ свою очередь вытѣсненному несторіанскимъ христіанствомъ, а затѣмъ уже поглощенному почти безслѣдно мусульманствомъ. И эта, сравнительно быстрая, смѣна вѣроученій, была особенно благопріятной почвой для культурнаго развитія народа, религіозныя воззрѣнія котораго, въ отличіе отъ другихъ мѣстъ Бухары, отличаются значительною терпимостью.

— Прежде здѣсь вездѣ, тюра, жили люди,

которые поклонялись огню, —словоохотливо разсказывалъ старый мула Якка-багскаго бека.—Они вездѣ на высокихъ горахъ жгли огни и имъ поклонялись, но пришелъ Искандеръ-Зюль-Карнайнъ и всѣхъ этихъ нечестивцевъ уничтожилъ, а ихъ книги шаріата сжегъ *); потомъ послѣ нихъ долго въ Самаркандѣ жили хитаи, которые по всей странѣ поставили своихъ идоловъ (бурхановъ), но ихъ уничтожилъ Ширъ-Али Левъ Божій и съ этихъ поръ здѣсь живутъ одни правовѣрныя.

Являясь прежде однимъ изъ торговыхъ пунктовъ Бухары, Якка-Багъ въ настоящее время утратилъ свое значеніе, превратившись во второстепенное бекство, что объясняется сравнительно большою близостью Шахризяба, сдѣлавшагося крупнымъ торговымъ центромъ.

Насчитывая до 300 тысячъ жителей, принадлежащихъ таджикскому и узбекскому племенамъ, Якка-Багское бекство все-таки можетъ быть причислено къ наиболѣе заселеннымъ мѣстностямъ Бухарскаго ханства. Лишь восточная часть бекства, съ его недосягаемыми горными высями и глубокими ущельями, при полномъ почти отсутствіи дорогъ почти не имѣетъ населенія.

Небольшой базаръ города былъ переполненъ народомъ. Когда мы вышли изъ калы въ городъ, толпа что то, видимо, ожидала съ нетерпѣніемъ, посматривая на ворота бекской крѣпости.

— Какъ много людей на базарѣ. Это всегда такъ?

*) Есть преданіе, что Александръ Македонскій дѣйствительно сжегъ книги Зендъ-Авеста.

— Нѣтъ, тюра, сегодня одного вора вѣшать будутъ,—удовлетворилъ наше любопытство есаулъ-баши приставленный къ намъ въ качествѣ проводника.

Нѣсколько человѣкъ бухарскихъ солдатъ съ ружьями на плечо вышли изъ воротъ, ведя оборваннаго и до крайности изнеможеннаго киргиза со связанными на спинѣ руками. Двое нукеровъ подталкивали его въ спину, понуждая идти. Довольно молодой бекъ, галантно съ нами раскланявшись, показался въ концѣ базарной площади, на которой поставлена была висѣлица. Длинными палками стали разгонять народъ есаулы, очищая около нея мѣсто. Осужденный былъ введенъ въ середину образовавшагося круга. Бекъ вынулъ изъ кармана какую-то бумагу и передалъ ее высокому рябому узбеку, сдѣлавшему кулдукъ (поклонъ) и подошедшему затѣмъ къ осужденному.

— Это онъ далъ хатъ,—зашепталъ есаулъ-баши, приказъ, чтобы казнить, отъ самого эмира приказъ.

Подойдя вплотную къ осужденному, палачъ грубымъ, но сильнымъ движеніемъ разомъ опрокинулъ его на спину, одновременно съ тѣмъ навалившись на него всѣмъ своимъ тѣломъ. Придержавъ его рукою за подбородокъ и открывъ шею онъ осторожно вынулъ изъ-за пояса небольшой кривой ножъ и затѣмъ, окинувъ всѣхъ взглядомъ, какъ бы приглашая народъ полюбоваться чистотою работы, медленно сталъ рѣзать горло.

Ножъ тихо входилъ въ тѣло и цѣлая волна крови разомъ брызнула изъ разрѣза, окрасивъ руки и одежду палача. Преступникъ, дико вращая глазами,

страшно хрипѣлъ, захлебываясь кровью. Вся толпа, очевидно, получая огромное наслажденіе при видѣ этой страшной сцены, одобрительно переговаривалась между собою.

— Ой якши—хопъ якши [1]),—слышались тихія восклицанія,

Тѣло казненнаго судорожно подергивалось, пока палачъ не перерѣзалъ почти всю шею до позвонковъ; тогда, вставъ и обтеревъ ножъ о землю, онъ, съ помощью нѣсколькихъ зрителей, поднялъ казненнаго и, накинувъ ему на шею петлю, медленно сталъ втягивать веревку, перекинутую черезъ перекладину. Кровь продолжала струиться, окрасивъ всѣ лохмотья, надѣтыя на несчастномъ. Конвульсіи становились тише. Наконецъ прекратились, и, вися на раскручивающейся веревкѣ, трупъ, съ перерѣзаннымъ горломъ, тихо повертывался передъ глазами будто очарованныхъ зрителей.

Бухарское правосудіе совершилось.

— Ну и страшная же картина,—едва переводя дыханіе, заговорилъ взволнованный Б., съ лицомъ бѣлѣе стѣны.

— Нѣтъ, тюра, это ничего. Потомъ глядѣть будетъ хуже, онъ будетъ висѣть три дня,—успокоилъ его есаулъ-баши.

— Тогда очень нехорошо, въ особенности лѣтомъ...

Входя въ составъ земель Согда или Сугда, Еккабагъ считался большимъ городомъ въ числѣ городовъ 14-й сатраніи Кира Персидскаго, хотя позднѣе онъ, въ недолгій китайскій періодъ, являлся независимымъ, владѣніемъ, неподчинявшимся хану Сумы-

[1]) Хорошо. Очень хорошо.

сыгани, какъ назывался въ Китаѣ владыка Самаркканда, и долгое время считался яблокомъ раздора между Гиссарскимъ и Бухарскимъ ханами. Позднѣе родственный Шахризябскому беку, Баба-бекъ, долгое время отстаивалъ свою самостоятельность, начавъ войну противъ русскихъ войскъ, уже завоевавшихъ въ это время Самаркандъ. Походъ генерала Абрамова былъ заключительнымъ актомъ, которымъ закончились военныя дѣйствія Якка-Багско-Шахризябскихъ бековъ, потерпѣвшихъ пораженіе и бѣжавшихъ затѣмъ въ Кокандъ. Но милость Государя безпредѣльна. Владѣтель Китаба Баба-бекъ, оказавшій русскому правительству много услугъ, былъ зачисленъ въ ряды русской арміи и, состоя въ распоряженіи Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, дослужился потомъ до чина полковника.

Якка-Багскій же бекъ Мухамедъ Радбажъ вскорѣ умеръ.

Русскія войска, послѣ взятія штурмомъ Китаба 14-го августа 1870 года, лишь самое короткое время занимали Якка-Багъ.

— Помнитъ ли кто-нибудь, когда здѣсь была война?—обратился Б. къ есаулу-баши.

— Много людей помнятъ, тюра, я также видѣлъ, когда пришли русскія войска.

— Тогда я былъ въ Китабѣ. Ночью прискакалъ гонецъ съ вѣстью, что урусы уже близко. Бекъ приказалъ запереть крѣпость и готовиться къ бою. Всѣ въ городѣ вооружились и утромъ подошли русскія войска.

— Ты самъ видѣлъ, тюра, наши пушки; не могли

они ничего сдѣлать противъ пушекъ урусовъ. Много стрѣляли наши и думали, что отсидятся въ крѣпости. Но русскіе сарбазы полѣзли на стѣны и крѣпость была взята. Много очень много нашихъ людей полегло на стѣнахъ. Еще больше потомъ погибло въ городѣ. Мы оборонялись въ нашихъ домахъ, но потомъ, когда весь городъ былъ уже въ рукахъ русскихъ, всѣ побѣжали къ Шаршаузу и Якка-Багу. Казаки много рубили нашихъ людей по дорогѣ и вездѣ долгое время потомъ валялись тѣла убитыхъ. Здѣсь около Якка-Бага также было сраженіе, но Аллахъ не былъ въ эти дни милостивъ къ правовѣрнымъ и наши вездѣ терпѣли неудачи, ища спасенія въ окрестныхъ горахъ и увозя своихъ женщинъ.

— Но ты, тюра, не повѣришь. Нѣсколько времени потомъ стояли русскіе въ Якка-Багѣ, но не трогали ни женщинъ, ни скота и за все платили блестящими красивыми деньгами.

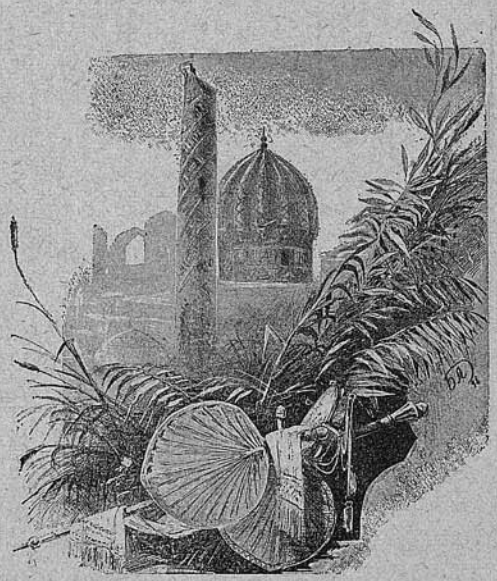
— Вотъ посмотри, тюра, указалъ—нашъ путеводитель.—Вотъ здѣсь на краю города видны могилы, это похоронены всѣ урусы, умершіе и убитые въ это время.

Съ какимъ то жуткимъ чувствомъ, мы смотрѣли на едва отдѣляющіеся отъ земли холмики, подъ которыми погребены завоеватели края. Время и люди давно уже уничтожили поставленные надъ ними кресты. Забытые всѣми въ далекой чужой сторонѣ, тлѣютъ кости храбрецовъ, положившихъ свою жизнь въ этомъ походѣ. Около Каршей, Якка-Бага, Китаба, Чаракчей, Шахризябса и Джама,

разбросаны забытыя всѣми могилы, ожидая времени, когда о нихъ вспомнятъ и поставятъ памятники.

Излишняя щепетильность въ отношеніяхъ къ мусульманскому населенію и какая-то странная боязнь оскорбить вѣрованія его постановкою памятниковъ, напоминавшихъ бы всѣмъ о погибшихъ на пользу Россіи и во славу русскаго оружія, по меньшей мѣрѣ, принадлежитъ къ числу недоразумѣній, въ которыхъ виновна наша дипломатія.

Нельзя не пожалѣть, что эти мѣста, обильно политыя русскою кровью, остались почему-то забытыми при собираніи свѣдѣній о могилахъ русскихъ, погибшихъ при завоеваніи Туркестанскаго края.





XXXXIV.

Находясь въ восточной части Шахризябскаго края, Якка-Багское бекство занимаетъ предгорья западнаго склона хребта Хазрети-Султанъ и сѣверный склонъ Якка-Багскихъ горъ. Орошенное рѣкою Якка-Багъ-Дарьей и притоками Кашка-Дарьи, въ самыхъ ихъ верховьяхъ, оно имѣетъ сравнительно мало воды для орошенія, такъ какъ рѣки и ручьи протекаютъ въ глубоко прорѣзанныхъ руслахъ, унося свои воды внизъ, на поля Китаба, Шахризябса и Чиракчей вслѣдствіе чего Якка-Багское бекство должно быть признано бѣднѣйшею частью Шахризябскаго края.

Покрытое горами, оно имѣетъ отличительный характеръ, все же его населеніе, разбросанное въ горныхъ долинахъ, обрабатываетъ горные склоны подъ богарные посѣвы, и лишь въ западной части встрѣчаются поля среди холмистой равнины.

Самый городъ Якка-Багъ расположенъ по обѣимъ

сторонамъ Якка-Багъ-Дарьи на небольшой ровной площади, примыкая къ горнымъ склонамъ, на вершинѣ одного изъ которыхъ построена старая крѣпость, служащая мѣстопребываніемъ бека и господствующая надъ всѣмъ городомъ.

Огромныя башни около главныхъ крѣпостныхъ воротъ ведутъ внутрь крѣпости, окруженной толстыми высокими стѣнами, внутри которыхъ, въ разстояніи не болѣе 10—15 саженъ, поднимаются, одна другой выше, еще двѣ зубчатыхъ стѣны, и такимъ образомъ крѣпость состоитъ изъ трехъ оборонительныхъ линій, почти непосредственно стоящихъ одна за другою, а въ центрѣ, на самомъ высокомъ мѣстѣ, построены помѣщенія Якка-Багскаго-бека. Вѣковыя чинары окружаютъ крѣпость съ нагорной стороны, а выше всѣ горы покрыты древесною растительностью, придающею имъ особую красоту.

Остатковъ сѣдой старины въ Якка-Багѣ почти нѣтъ; одна мечеть и мадраса, насчитывающія 200—300 лѣтъ, да старая кала, построенная, вѣроятно, на мѣстѣ прежней крѣпости и повидимому нѣсколько разъ въ позднѣйшее время перестроенная, не даютъ никакого представленія о томъ, чѣмъ былъ городъ въ болѣе отдаленное время, лишь археологическія изысканія и раскопки могутъ дать большой матеріалъ для освѣщенія прошлаго этого мѣста, пережившаго почти двѣ тысячи лѣтъ. Надо думать, что неоднократно подвергшіеся разрушенію и вновь возникавшіе, городъ и крѣпость стоятъ на останкахъ прежней жизни, покрытыхъ толстымъ слоемъ земли. Нѣсколько кургановъ въ окрестностяхъ и самая

крѣпость ожидаютъ археологовъ, могущихъ, надо полагать, найти здѣсь много интереснаго.

Значительное количество бухарскихъ евреевъ бросается въ глаза на базарѣ, гдѣ характерныя ихъ лица виднѣются во многихъ лавкахъ. Торговля шелковой пряжей и изюмомъ почти вся находится въ ихъ рукахъ и скупщики большихъ торговыхъ самаркандскихъ фирмъ давно уже имѣютъ въ этихъ мѣстахъ своихъ уполномоченныхъ, ведущихъ значительныя торговыя операціи.

Въ одномъ изъ караванъ-сараевъ, сквозь отворенныя ворота, виднѣлась огромная куча изюму, сложенная на цыновкахъ. Нѣсколько человѣкъ туземцевъ занималось упаковкой ихъ въ мѣшки. Высокій татаринъ въ темномъ архалукѣ и черной тибитейкѣ, засучивъ рукава, проворно работая своими мускулистыми руками, наваливалъ на доску вѣсовъ тюки съ изюмомъ и дождавшись, когда стрѣлка вѣсовъ уравняется огромными камнями, лежавшими на противоположной доскѣ, приглашалъ убѣждаться продавцовъ въ вѣрности вѣса, а затѣмъ быстрымъ движеніемъ сбрасывалъ тюки съ вѣсовъ и, записавъ вѣсъ на бумагѣ, громко повторялъ цифру записаннаго.

Увидѣвъ насъ онъ засуетился и снявъ свою тибитейку быстро подошелъ къ намъ.

— Здравствуйте ваше-скородіе. Вотъ не ждали-то русскаго человѣка увидѣть. Окажите счастье—чаю напиться. Вотъ сюда можно присѣсть,—ловко разстилая кошму подъ навѣсомъ, заговорилъ онъ.

Порядочно уставъ мы присѣли и охотно приня-

лись за чай съ крупнымъ свѣжимъ изюмомъ. Разговоръ быстро завязался.

— Какъ дѣла идутъ?

— Ничего, ваше-скородіе, хороши дѣла, грѣхъ сказать, что плохи. Здѣсь народъ глупый, необразованный, жить нехорошо, а дѣло дѣлать можно.

— Почему же вы вѣшаете камнями, а не гирями,—поинтересовался я.

— Ахъ, ваше-скородіе, все для того, что народъ необразованный. Не хотятъ гири, лучше камни. Мы знаемъ говорятъ сколько въ нихъ ташей *); ну а мнѣ все равно. По-ихнему я, положимъ, купилъ у нихъ 500 пудовъ кишмишу, а по нашему привезъ я его въ Самаркандъ, свѣсилъ, вышло 700. Значитъ, 200 пудовъ барышу.

— Хорошій дѣла!!

— А сами то вы откуда сюда попали?

— Мы бакинскій, давно здѣсь, только мы совсѣмъ русскій человѣкъ и очень русскихъ любимъ. Каждый годъ Самаркандъ, Бухара ѣздимъ. Свой домъ Баку имѣемъ,—Залпомъ сообщилъ онъ всѣ свѣдѣнія о себѣ.

— Русскій человѣкъ мы очень любимъ. Армянка не любимъ...

Невольно подивившись мошенническимъ пріемамъ торговли и простотѣ бухарцевъ. Мы обошли весь базаръ, заглянувъ и въ околицы примыкавшія къ городу.

Довольно большіе виноградники чередовались съ фруктовыми деревьями, среди которыхъ виднѣ-

*) Ташъ—мѣра вѣса, равняется 10 фунт.

лись посѣвы ерунджи [1]). Талы и туты, образуя красивыя куртины, придавали особую прелесть этимъ огромнымъ туземнымъ садамъ, дающимъ не только доходъ ввидѣ фруктовъ и винограда, но и умѣряющихъ своею тѣнью зной горячаго лѣта.

Высокія террасы изъ земли, приспособленныя для лежанія на нихъ лѣтомъ, были и теперь во многихъ мѣстахъ полны людьми, пользующимися солнечнымъ днемъ.

Невдалекѣ слышался звукъ саазовъ [2]) и домбръ [3]), подъ аккомпаниментъ которыхъ старый созаондаръ [4]) пріятнымъ голосомъ пѣлъ какую то безконечную пѣсню. Подойдя ближе и невольно остановившись, мы долго слушали своеобразную мелодію и слова пѣсни.

— „Были батыри, нѣтъ батырей!!!“

„Собравшись вмѣстѣ, наточивъ свои шашки и зарядивъ мултуки, на быстроногихъ коняхъ скакали они по пустынямъ, выслѣживая караваны, везущіе богатые товары. Какъ стрѣла пущенная изъ лука, какъ смѣлый соколъ, кидались они на враговъ, не считая ихъ. Съ каждымъ ударомъ шашки падали вражескія головы, и съ богатой добычей возвращались они изъ своихъ набѣговъ, а слава объ ихъ подвигахъ разносилась по всѣмъ ауламъ“.

„Будто ястреба налетали они на персидскіе города и, захвативъ рабовъ, золото и женщинъ, возвращались назадъ, съ новою славою“...

---

[1]) Клеверъ. [2]) Саазъ—вродѣ гитары. [3]) Домбра—балалайка. [4]) Созаондаръ—пѣвецъ-музыкантъ. [5]) Извѣстный разбойникъ, убитый въ 1906 г. казаками.

„Были батыри, нѣтъ батырей!!“.

„Сердца львовъ, которыя бились въ груди старыхъ батырей у ихъ потомковъ: сыновей и внуковъ, замѣнились заячьими... И стали всего бояться молодые люди, забывъ прежнюю славу“.

„Нѣтъ, не батыри теперешніе люди, а бабы. Страшны войска уруса, но для храбрыхъ нѣтъ страха. Только около Ургута есть еще батырь Намазъ-бай, слава о подвигахъ котораго далеко расходится по странѣ“.

—„Были батыри, нѣтъ батырей!!“.

„Ахъ, какое время, тяжелое время. Старые глаза созаондара устали и не хотятъ смотрѣть на узбековъ, сдѣлавшихся торгашами и боящихся каждаго уруса. Какъ соломинку могутъ невѣрные сломать каждаго узбека, но снопъ колосьевъ нельзя сломить... Пусть снова пробудятся сердца у храбрыхъ и снова появятся батыри“.

„Были батыри, нѣтъ батырей!!“.

— Однако вѣдь, если бы явилось благопріятное стеченіе обстоятельствъ, то, пожалуй, судя по этой пѣснѣ, здѣсь могли бы разыграться событія хуже Андижанскихъ,—замѣтилъ внимательно слушавшій Б.

— И что замѣчательно, вѣдь только во внутренней Бухарѣ можно услышать пѣсни такого содержанія. Какъ не говорите, а вліяніе бухарскаго духовенства огромно... И нѣтъ рѣшительно почти никакихъ средствъ, чтобы парализовать эту дѣятельность. Совершенно заброшенъ нами этотъ край и оставленъ жить, какъ ему вздумается.

Невольно пришлось съ этимъ согласиться вспомнивъ, что въ Шахризябѣ, Каршахъ, Ширабадѣ, Байсунѣ, Кабадіанѣ, Кулябѣ и Дарвазѣ, на огромномъ пространствѣ этой страны нѣтъ до сихъ поръ ни одной русской части войскъ, ни телеграфа, ни почтъ[1]).

Все Якка-Багское бекство по характеру мѣстности можно раздѣлить на три части:

Долинная—расположенная на Шахризябской долинѣ, по теченію Якка-Багъ-Дарьи, а также по отрогамъ Лянгаръ-Тау и Якка-Багъ-Тау, является самою богатою и плодородною, благодаря возможности поливного хозяйства на равнинѣ и богарнаго на горныхъ склонахъ. Въ этой части помимо Якка-Бага находятся Кара-Багъ, Лянгаръ и Кайраганъ. Горная—отъ Лянгара и Ташъ-Кургана до теченія рѣки Катта-Уру-Дарья, богата арчевыми лѣсами и горными пастбищами, въ то же время имѣя много мѣстъ, гдѣ производятся богарные посѣвы на склонахъ горъ, и, наконецъ, третья, восточная часть бекства отъ Ташъ-Кургана, охватываетъ высокіе горные хребты, съ дикими, трудно доступными ущельями, въ которыхъ лишь изрѣдка встрѣчаются лѣтовки и кое-гдѣ разбросаны небольшіе кишлаки таджиковъ. Край дикій и суровый, хотя и имѣющій много чудныхъ уголковъ съ богатою растительностью.

Возвращаясь черезъ базаръ мы невольно остановились передъ тѣломъ какого то сарта, лежавшаго среди дороги.

— Что это, мертвый лежитъ?

[1]) Въ настоящемъ году открыты почтовыя отдѣленія въ Каршахъ и Шахризябсѣ.

— Нѣтъ, тюра, такъ, пьяный; наша курилъ, теперь лежитъ, спитъ,—успокоилъ переводчикъ.

— Какая наша?—заинтересовался Б. Изъ конопли ее выдѣлываютъ?

— Сколько знаю, это сильное наркотическое средство, которое широко распространено среди здѣшняго населенія и носящее у насъ названіе гашиша, выдѣлывается изъ мака.

Наша больше всего выдѣлывается въ Кашгарѣ и Индіи, гдѣ для этого засѣваютъ макомъ огромныя площади земли, откуда она контрабаднымъ путемъ распространяется по всей Средней Азіи и въ бухарскія владѣнія проникаетъ преимущественно черезъ авганскую границу отъ Кала-и-Хумба до Лянгара. На торговлю этимъ зельемъ въ Бухарѣ не обращаютъ ровно никакого мниманія, да и въ предѣлахъ русскихъ областей замѣчается то же самое, что страшно неблагопріятно отражается на здоровьѣ населенія.

— Здѣсь нашу можно купить?—обратился Б. къ переводчику.

— Вездѣ ее продаютъ. Если тюра хочетъ, вонъ лавка, въ которой у хозяина ея много.

Низкая лавочка, переполненная различными москательными товарами, травами и туземными медикаментами, распространявшими сильный пряный запахъ, являлась и аптекою и въ то же время кабинетомъ туземнаго доктора. Самъ владѣлецъ, сидя на кошмѣ, что то мѣшалъ въ желѣзной ступкѣ, изрѣдка прибавляя въ нее какую то зеленоватую жидкость, стоявшую рядомъ въ грязномъ до-нельзя

глиняномъ горшкѣ. Порою онъ бралъ щепотку чего то бѣлаго, вродѣ соли, и прибавлялъ въ изготовляемое имъ лекарство. Тутъ же, внимательно слѣдя за приготовленіемъ медикаментовъ, сидѣло въ ожиданіи нѣсколько пацієнтовъ. Переговоривъ съ докторомъ, вынувшимъ изъ большого деревяннаго ящика нужный намъ препаратъ, мы пріобрѣли небольшое количество буровато-зеленоватой массы, чтобы имѣть понятіе объ этомъ наркотикѣ.

Висѣлица съ повѣшаннымъ уже не привлекала ничьего вниманія. Каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ и почти около нея толпились люди, совершая свои покупки и совершенно безразлично посматривая на страшный съ выпученными глазами и перерѣзаннымъ горломъ трупъ, около котораго носились цѣлыя стада воронья и коршуновъ, ожидавшихъ ухода людей, чтобы поживиться. Нѣкоторые изъ нихъ пронзительно каркая и описывая въ воздухѣ широкіе круги подлетали къ трупу и присѣвъ на перекладину висѣлицы, какъ-будто любовались, разглядывая страшное тѣло.

— Долго онъ будетъ висѣть или же снимутъ его сегодня?

— Нѣтъ, тюра, надо чтобы всѣ видѣли. На три дня, а иногда, если большой разбойникъ, то тогда виситъ двѣ недѣли.

Съ жуткимъ чувствомъ мы прошли мимо этой ужасной картины, возмущаясь такимъ варварскимъ способомъ казни, практикуемъ на всемъ огромномъ пространствѣ Бухарскаго ханства и невольно приходила въ голову мысль, почему до сихъ поръ на

это явленіе не обращается никакого вниманія нашимъ правительствомъ.

Вспомнивъ, что въ свое время были дипломатическія сношенія, способствовавшія уничтоженію въ Бухарѣ клоповниковъ и казни при помощи сбрасыванія съ высокой башни, казалось совершенно непонятнымъ, въ силу чего казнь перерѣзываніемъ горла передъ повѣшеніемъ признана допустимой и не оскорбляющей гуманитарныхъ тенденцій Россіи, забывшей въ этомъ случаѣ, благодаря своимъ дипломатическимъ и нашимъ представителямъ власти въ краѣ, свои культурно-просвѣтительныя задачи по отношенію Бухарскаго населенія, преступныхъ представителей котораго рѣжутъ до сихъ поръ какъ барановъ на всѣхъ туземныхъ базарахъ, не обращая никакого вниманія на то, что свидѣтелями этихъ ужасовъ являются какъ русскіе, такъ и иностранцы, живущіе въ настоящее время во многихъ городахъ Бухары.

Передъ вечеромъ я вышелъ на площадку михшанъ-ханы.

Предо мною открылась на сѣверѣ вся огромная долина до подножья горъ Аксаи-Тау, а на западѣ виднѣлись сады Шахри-зябса. Вокругъ города на сѣверо-востокѣ лежали развалины древняго Еккабага въ видѣ остатковъ стѣнъ и фундаментовъ.

Масса аистовъ кружилась надъ крѣпостными стѣнами, устроивъ свои гнѣзда на башняхъ среди полуразрушенныхъ зубцовъ.

Ранніе осенніе сумерки быстро наступили, разомъ закрывъ всю долину сѣрою туманною мглою. Масса

испареній, поднимавшихся надъ сырою почвою, дѣлали воздухъ тяжелымъ для дыханія.

Весь Якка-Багъ скоро погрузился въ сонъ и лишь кое-гдѣ слышалось однообразное треньканье сааза и домбръ. На бекскомъ дворѣ царствовала та-же тишина, нарушаемая лишь изрѣдка криками часовыхъ, производившихъ смѣны и выкрикивавшихъ по-русски „кто идетъ“ съ смѣшнымъ туземнымъ произношеніемъ.

Забравшись въ помѣщеніе освѣщенное скуднымъ свѣтомъ лампы съ испорченною горѣлкою, мы томились, такъ какъ спать было слишкомъ рано, а разговоры не клеились.

Б. сосредоточенно смотря въ пространство, шевелилъ палкою угли въ желѣзной печкѣ, стоявшей въ углу комнаты.

— Однако и скучно же сегодня. Всѣ спать залегли, а мы съ вами только остались бодрствующими.

— Писать даже при такомъ свѣтѣ нельзя,—согласился я, уныло взирая на мигавшую лампу.

— А знаете ли, не попробуемъ ли мы съ вами покурить наши,—черезъ минуту удивилъ онъ меня явившимся у него своеобразнымъ проектомъ.

— Бросьте, не стоитъ,—запротестовалъ я.

Б. былъ до нельзя упрямъ и не взирая на мои доводы уже вытащилъ свою трубку и наскобливъ наши, смѣшалъ ее съ табакомъ и набилъ носогрѣйку. Скоро комната наполнилась голубоватымъ дымомъ, имѣвшимъ какой-то острый особенный запахъ.

— Вы не пробовали раньше нашу?

— Нѣтъ, только сегодня первый разъ и знаете я нахожу, что курить пріятно, хотя съ непривычки какъ будто бы першитъ въ горлѣ и чувствуется легкая горечь во рту.

— И охота вамъ дѣлать такіе опыты!

— Нѣтъ, безъ этого нельзя,—съ удивительнымъ упрямствомъ втягивая въ себя дымъ, заговорилъ Б., съ маленькимъ раздраженіемъ.

— Все надо узнать, испытать и попробовать... Вотъ послѣ я вамъ разскажу всѣ свои ощущенія.

Долго продолжалъ Б. разсуждать на эту тему, попыхивая трубкой и съ ожесточеніемъ затягиваясь дымомъ наши, заставлявшимъ его порою сильно покашливать.

Черезъ нѣкоторое время я замѣтилъ, что зрачки у него немного расширились и глаза пріобрѣли сильный блескъ. Сбросивъ съ себя полушубокъ и оставшись въ одной рубахѣ, онъ часто вытиралъ крупныя капли пота съ сильно поблѣднѣвшаго лица, затѣмъ, порывисто вставъ съ кровати, подошелъ ко мнѣ.

— Вы не видите, какую намъ странную лампу дали,—заговорилъ онъ заплетающимся языкомъ.

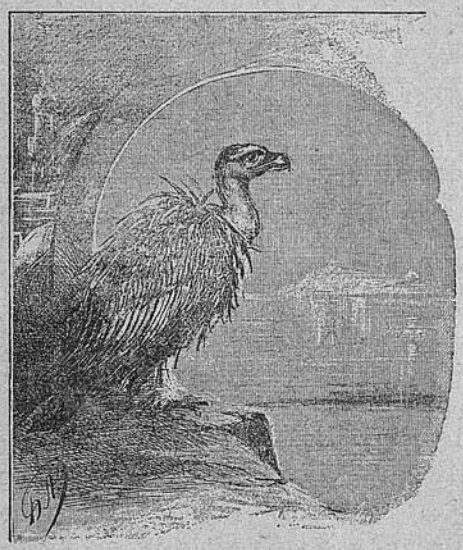
— Странно, она чуть не до потолка вышиною. Да и печь же здѣсь огромная.

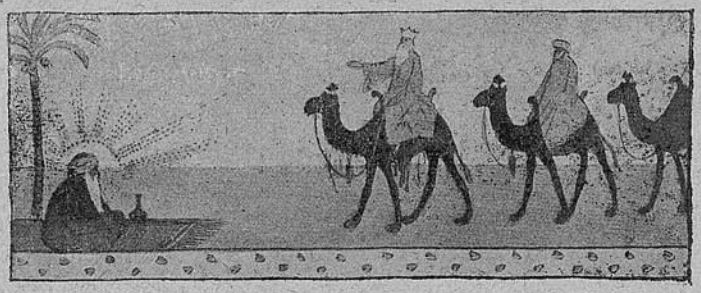
— А вы отчего такой большой сдѣлались? Да и кружится все вокругъ, даже удержаться трудно,—сѣвъ скоро на кровать и облокотившись рукою на подушку, добавилъ онъ.

Видимо, наркозъ начиналъ дѣйствовать все больше и больше. Б. вскакивалъ, кидался по комнатѣ и бор-

моталъ безсвязныя фразы, въ которыхъ не было никакой возможности ничего понять.

То держа его за руки, то насильно укладывая на кровать, я долго провозился съ нимъ, пока, наконецъ, онъ не заснулъ тяжелымъ сномъ, поминутно вскакивая. Лишь подъ утро онъ успокоился, и я, утомившись до крайности своею ролью сидѣлки при больномъ, крѣпко заснулъ безъ всякихъ сновидѣній.





XXXXV.

Чиракчи.—Завоеваніе края русскими.—Джамскій походъ.—Наше стратегическое положеніе.—Праздникъ Уразы.—Дервиши и ихъ ордена.—Радѣнія дервишей.

Высокій, сильный иноходецъ, разбрасывая брызги воды по лужамъ, стремительно подвигался впередъ, опережая всѣхъ лошадей и заставляя Б. рысить на своемъ конѣ, чтобы не отстать. Настроеніе у него было отвратительное. Весь зеленый, будто послѣ долгаго пьянства, онъ молчалъ, нахмуривъ свои густыя брови и съ неохотою отвѣчая на вопросы.

— Просто я совершенно расхворался: и дернула же меня нелегкая дѣлать опытъ!

— Ну, а ощущенія каковы?

— Ощущенія?—переспросилъ Б.

— Знаете ли, что до нельзя странныя. Все кажется огромныхъ размѣровъ, а затѣмъ картины,—смѣняются картинами съ такой быстротой, что просто

не въ состояніи дать себѣ отчета. Но, слуга покорный, больше не попробую...

Сплошной рядъ кишлаковъ, попадавшихся на дорогѣ, указывалъ, что начались густо населенныя мѣста.

Куртины древесныхъ зарослей виднѣлись вездѣ, около каждаго жилья. Густая сѣть арыковъ, выведенныхъ изъ Кизилъ-Дарьи, покрывала всѣ окрестности. Обработанныя поля тянулись до самаго горизонта и лишь гдѣ-то, утопая въ утренней мглѣ, неясно выдѣлялись вершины горъ. Холмистая вначалѣ мѣстность переходила въ широкую, безконечную равнину, которая въ этой части бухарскихъ владѣній тянется едва-ли не верстъ триста длины, при такой же ширинѣ, простираясь на западъ до самой Аму-Дарьи, а на сѣверъ переходя въ песчаную пустыню, доходящую до хивинскихъ владѣній.

По ровной дорогѣ, лишь кое-гдѣ перерѣзанной арыками, мы быстро подвигались впередъ. Порою навстрѣчу попадались арбы на высокихъ колесахъ, видъ которыхъ подтверждалъ, что дикія горы восточной Бухары остались далеко позади и что мы вступили въ сравнительно культурную область.

Кишлаки Шаманъ, Чумышлы и Яманъ-Тепе даже своею растительностью не могли на себѣ остановить наше вниманіе, утомленное поразительнымъ однообразіемъ всѣхъ бухарскихъ кишлаковъ расположенныхъ по равнинамъ.

Попадавшіеся навстрѣчу узбеки были одѣты лучше, чѣмъ жители горной Бухары. Привыкнувъ къ русскимъ, часто посѣщающимъ эти мѣста, они-

проѣзжая мимо, провожали насъ совершенно безразличными взглядами.

— Скоро Чиракчи будутъ, вонъ только тотъ холмъ переѣдемъ. Беку ужъ дали знать, —предупредительно сказалъ переводчикъ, обращаясь къ Б. который, видимо, сильно уставъ, клевалъ носомъ, подъ мѣрный ходъ лошади.

— Только, ради Бога, остановка не у бека,— взмолился онъ, встрепенувшись.

— Лучше въ какомъ-нибудь караванъ-сараѣ, а то всѣ эти церемонныя встрѣчи меня стали положительно утомлять до-нельзя.

Впереди виднѣлась Кашка-Дарья, протекавшая по равнинѣ и несшая, послѣ бывшихъ въ горахъ дождей, массу воды, переполнявшую всѣ арыки и разлившуюся съ шумомъ по каменистому руслу. Стада журавлей, дрофъ и куропатокъ поднимались съ земли при нашемъ приближеніи и долго кружились въ воздухѣ, перекликаясь между собою мелодичными криками, долго звучавшими, будя окрестности.

— Здѣсь также, вѣдь, были русскія войска?—поинтересовался я узнать.

— Да, и тоже порядочно крови пролито подъ стѣнами этой крѣпости. Недалеко отсюда, верстахъ въ 50-ти, лежитъ интересное дла насъ мѣсто, это кишлакъ Джамъ, пріобрѣвшій печальную славу, благодаря Джамскому походу, во время котораго погибла масса нашихъ солдатъ отъ тифа, дизентеріи и маляріи.

— Печальная страница въ исторіи нашего за-

воеванія края, недавшая рѣшительнс никакихъ результатовъ,—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ заговорилъ Б.

— Вообще странное положеніе мы заняли въ Бухарѣ, благодаря какому-то недоразумѣнію.

Невольно пришлось согласиться съ этимъ взглядомъ.

Завоевавъ Бухару и оставивъ ее существовать въ видѣ самостоятельнаго государства, какъ это ни странно, но въ дѣйствительности Россія оказалась отдѣленной территоріей въ слишкомъ 400 верстъ шириною отъ Авганистана, вдобавокъ еще къ тому же отгороженной трудно проходимыми кряжами Алайскихъ и Гиссарскихъ горъ, въ силу чего наше стратегическое положеніе противъ Авганистана получилось до невозможности неудовлетворительное что, разумѣется, въ случаѣ какихъ-либо осложненій, можетъ привести къ бѣдственнымъ результатамъ.

Необходимость, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, затраты огромнаго труда на передвиженіе войскъ черезъ Бухару до Аму-Дарьи которое отниметъ время 2—3 недѣли, крайне невыгодно можетъ отразиться на всей кампаніи, давъ авганцамъ въ то же время много козырей въ руки. Нельзя при этомъ не вспомнить, что само пребываніе нашихъ передовыхъ отрядовъ въ укрѣпленіяхъ Термезъ и Керкахъ окажется крайне шаткимъ при малѣйшемъ возстаніи населенія благородной Бухары, за полную лойяльность которой, какъ чуждой намъ по духу и религіи, никогда нельзя поручиться.

Примѣръ русско-японской войны, когда въ тылу

арміи находилось китайское населеніе, подчинявшееся китайскимъ же властямъ, ничего хорошаго не далъ. Между тѣмъ, въ случаѣ войны съ Авганистаномъ, такое положеніе въ Бухарѣ повторяться не должно и по необходимости въ самое тяжелое время придется въ бухарскихъ владѣніяхъ вводить русское управленіе, которое, разумѣется, будетъ изображать изъ себя до-нельзя плохо пригнанный и малоработоспобный тяжелый механизмъ, не могущій дать и сотой доли той работы, которая требуется въ краѣ, являющемся тыломъ дѣйствующей арміи.

Отсутствіе на всемъ огромномъ пространствѣ Бухары путей сообщенія, ведущихъ къ Аму-Дарьѣ, кромѣ единственной колесной дороги отъ Самарканда до Термеза, отдаленность войсковыхъ складовъ и неимѣніе въ городахъ Бухары русскихъ войскъ, могущихъ служить резервами Керкинскому и Термезскому авангарднымъ отрядамъ, принадлежатъ къ числу крайне печальныхъ явленій, съ которыми придется считаться въ самое тяжелое время, вслѣдствіе чего, казалось бы, настоятельно необходимо теперь же, не откладывая важнаго дѣла въ долгій ящикъ, расквартировать русскія войска въ Ширабадѣ, Каршахъ, Байсунѣ, Гиссарѣ, Кулябѣ, Сараѣ, Бальджуанѣ, Гармѣ, Китабѣ, Шахризябѣ и Якка-Багѣ, что сразу устранило бы всѣ невыгоды нашего теперешняго стратегическаго положенія.

Стоялъ послѣдній день Рузы (9 ноября) и поэтому весь городъ былъ переполненъ народомъ, собравшимся, чтобы провести весело послѣднюю ночь послѣ длиннаго поста и воздержанія. Во всѣхъ

чай-ханахъ свѣтились огни и люди сновали по базарной площади и прилегающимъ къ ней улицамъ.

По праздничному одѣтая толпа занимала всю ширину площади, на которой виднѣлись цѣлые ряды ашъ-хана [1]) съ котлами плова, пельменей, ковардаку и прочихъ туземныхъ кушаній. Около нихъ, на кошмахъ, разостланныхъ на землѣ, сидѣли кружками желающіе утолить свой голодъ или же съѣсть какое-нибудь лакомое блюдо.

Тутъ же, невдалекѣ, раскинули свою небольшую палатку машкарабазы-акробаты. Огромныя трубы, называемыя карнай, издавая протяжный ревъ, сообщаютъ, что представленіе уже начинается. Широко распахнутыя полы палатки даютъ возможность зрителямъ видѣть отлично все представленіе, заключающееся въ выходахъ акробатовъ, гимнастовъ и клоуновъ, отпускающихъ различныя шутки въ туземномъ вкусѣ. Неистово хохочетъ толпа, вполнѣ довольная представленіемъ, которое порою затрогиваетъ мѣстную жизнь и власти, обрисовывая ихъ въ довольно ѣдкихъ сатирическихъ сценахъ. Шипящій и свистящій грамофонъ вызываетъ невольное удивленіе исполненіемъ туземныхъ пѣсенъ. Въ большой чай-ханѣ, биткомъ набитой народомъ, подвизается разсказчикъ (аскіябазъ), разсказывающій, очевидно, что-то очень веселое. Слушатели хохочатъ отъ души, держась за животы.

На раскормленномъ массивномъ конѣ, закрытомъ парчевою попоною, съ уздечкою, пафями и налоб-

[1]) Ашъ-хана—кухмистерская.

никомъ, украшенными золотыми бляхами, показался самъ бекъ. Нѣсколько миршабовъ [1]) бѣгутъ съ палками впереди, расчищая дорогу и щедро разсыпая удары палками по головамъ и спинамъ зазѣвавшейся публикѣ, которая, получивъ такое понужденіе къ вниманію, поспѣшно поворачивается и отвѣшиваетъ почтительный кульдукъ [2]).

— Селамъ-Алейкумъ,—съ выраженіемъ подобострастія кричитъ каждый, увидѣвъ мѣстнаго хакима (губернатора), не обращая рѣшительно ни на кого никакого вниманія, ѣдущаго среди раступающихся людей. Свита изъ чиновниковъ слѣдуетъ за нимъ пѣшкомъ, ловя каждое движеніе своего начальника.

Въ концѣ площади, образуя кругъ, расположилась, сидя и стоя, цѣлая толпа внимательно слушающихъ странный завывающій хоръ.

Десятка полтора какихъ-то людей, одѣтыхъ въ рваные халаты, высокіе остроконечныя шапки съ мѣховой опушкою, изъ-подъ которыхъ выбиваются длинныя космы свалявшихся волосъ, дико завывая, поютъ въ унисонъ. Запѣвало, стоя въ серединѣ круга, громко затягиваетъ стихъ, къ которому, немного погодя, присоединяется весь хоръ. Это — дервиши-монахи. Увѣшанные сумками для сбора подаяній, съ огромными палками въ рукахъ, до-нельзя грязные, они представляютъ собою особенно дикую картину. Народъ внимательно, въ полномъ молчаніи, при-

---

[1]) Миршабъ—полицейскій.

[2]) Кульдукъ—поклонъ.

слушивался къ этому пѣнію, провожая насъ не особенно дружелюбными взглядами.

— Вотъ еще одно изъ золъ Средней Азіи,—указываетъ на нихъ Б.

— Никто за этими дервишами не слѣдитъ, никто не знаетъ, что проповѣдуется и распѣвается ими на базарахъ, а между тѣмъ они имѣютъ огромное значеніе въ жизни населенія. И если вспомнить, что всякому возстанію среди мусульманскихъ народовъ предшествовало всегда появленіе большаго числа дервишей, то слѣдовало бы не особенно довѣрять внѣшнему спокойствію и дружелюбному настроенію жителей Бухары по отношенію ко всѣмъ урусамъ.

Какъ это ни удивительно, но большинство русскихъ, мало знакомыхъ съ краемъ и мусульманствомъ, склонны относить дервишей къ числу безобидныхъ русскихъ юродивыхъ.

Между тѣмъ, дервишизмъ представляетъ собою въ основѣ общества съ религіозно-политическими задачами, причемъ основателями ихъ считаютъ первыхъ халифовъ Абу-Бекра и Али. Раздѣляясь на нѣсколько орденовъ, дервиши представляютъ собою сплоченныя организаціи, при чемъ во главѣ каждаго ордена стоитъ особый начальникъ, имѣющій замѣстителей или такъ называемыхъ наибовъ. Члены ордена называютса мюридами, т. е. жаждущими истины. Составляя собою главные очаги религіознаго фанатизма, дервишскіе ордена имѣютъ огромное вліяніе на мусульманское населеніе всего Востока.

Въ Бухарѣ дервиши принадлежатъ къ орденамъ: Накшибендія, Кубрави и Кандрія, при чемъ по-

слѣдній особенно широко распространилъ свою дѣятельность въ Малой Азіи и частью въ Африкѣ, создавъ особый культъ Махдизма. Имѣя огромное число учениковъ и послѣдователей, дервишскіе наибы и мюриды черезъ нихъ держатъ въ рукахъ все населеніе Бухары, опираясь на положеніе „что ученикъ долженъ быть въ рукахъ наиба, какъ трупъ въ рукахъ обмывателя мертвыхъ“, и внушая одновременно съ тѣмъ, „что вѣрующіе не могутъ быть друзьями кефировъ“ (коранъ гл. 3, ст. 27).

— Если хотите, то здѣсь можно увидѣть „зыкръ“,— сказалъ Б., уже успѣвшій разузнать про все интересное.

— Зыкръ!? Какое странное слово, что оно значитъ въ переводѣ?

— Въ сущности это радѣніе у дервишей, отчасти похожее на радѣнія нашихъ сектантовъ — хлыстовъ и скопцовъ.

— Это интересно!.. Разумѣется, пойдемте, лучше чѣмъ сидѣть и скучать въ караванъ-сараѣ.

Немного отдохнувъ, въ сопровожденіи одного знакомаго купца изъ Бухары мы вышли изъ караванъ-сарая. Городъ же успѣлъ закончить свое ночное веселье и погрузился въ глубокій сонъ. Темнота на улицахъ была непроглядная и, освѣщая дорогу небольшимъ фонаремъ, мы съ трудомъ подвигались впередъ по извилистымъ узкимъ переулкамъ, защищаясь ежеминутно отъ нападеній цѣлыхъ стай собакъ, выскакивавшихъ изъ-за каждаго дувала.

Темная постройка мечети еще мрачнѣе выгля

дывала среди деревьевъ, освѣщенныхъ слабымъ свѣтомъ фонаря. Открытая терраса на тонкихъ столбахъ окружала все зданіе. Небольшія двери, выходившія на террасу, были плотно заперты, но изъ-за нихъ изъ мечети доносился нестройный гулъ голосовъ.

Отворивъ двери, мы вошли въ середину и невольно остановились въ изумленіи.

Сравнительно большая и высокая мечеть была освѣщена нѣсколькими сальными свѣчами, вставленными въ замысловатаго фасона люстру, спускавшуюся съ потолка. Масса людей сидѣла около стѣнъ, оставляя свободнымъ всю середину мечети, гдѣ на цыновкахъ виднѣлись сидѣвшіе кружкомъ, уже видѣнные нами, дервиши. Мѣрно раскачиваясь изъ стороны въ сторону и внимательно всматриваясь въ сидѣвшаго въ серединѣ наиба, они нестройнымъ хоромъ выкрикивали какія-то фразы. Остроконечныя, съ мѣховою оторочкою шапки, халаты изъ цвѣтныхъ лохтотьевъ. нечесанныя, всклокоченныя бороды и космы волосъ, выбивавшихся изъ-подъ шапокъ, придавали дервишамъ особенно дикій и страшный видъ.

Долго продолжались эти завыванія, утомившія скоро своимъ однообразіемъ, но вдругъ всѣ разомъ вскочили на ноги и довольно согласно стали выкрикивать какія то отдѣльныя слова, повторяя ихъ за наибомъ.

Но стройность этого своеобразнаго речитатива почти тотчасъ же нарушилась. Одни, кривляясь и приплясывая, невозможными голосами продолжали

свои выкрикиванія, дико вращая безсмысленными глазами, въ то время, какъ другіе, устремивъ взглядъ неподвижно въ одну точку и будто превратившись въ статуи, безмолвно стояли въ созерцаніи.

— Что собственно кричатъ они?—обратился я за разъясненіями къ купцу.

— Это, тюра, они выкрикиваютъ всѣ 99 названій Аллаха, которыя написаны въ коранѣ. Мы, простые люди, знаемъ лишь слова Рахмани-Рахимъ—Милостивый, Милосердный, ну, а они учатъ и остальныя Его имена.

— Вотъ тѣ, что молчатъ—они молятся также, но не языкомъ, а сердцемъ. Мнѣ мюридъ одинъ разсказывалъ. Надо совсѣмъ забыть все земное и думать лишь объ одномъ Аллахѣ, Милостивомъ, Милосердномъ...

— Ну, и больше ничего мы не увидимъ?—разочарованно спросилъ я, рѣшивъ въ такомъ случаѣ идти спать.

— Нѣтъ, пусть погодитъ полковникъ, онъ еще многое увидитъ здѣсь...

Какъ бы въ подтвержденіе его словъ, выкрикиванія сдѣлались чаще и громче. Теперь уже всѣ, раскачиваясь, кричали безъ перерыва и вдругъ, какъ-будто подтолкнутые какою то силою, тѣсно стоявшіе дервиши быстро побѣжали одни за другими по кругу, все увеличивая и увеличивая скорость движенія и въ то же время выкрикивая отдѣльныя слова. Лица у нихъ дѣлались все безсмысленнѣе и страшнѣе, а вся картина этого круженія была дико-красива, поражая воображеніе своею своеобразностью.

Вдругъ высокій, худощавый старикъ, выдѣлявшійся своею огромной бѣлой бородой, дико вскрикнувъ, закружился на мѣстѣ, и разомъ одинъ за другимъ стали кружиться остальные.

— Однако въ глазахъ стало мелькать отъ этой быстроты,—едва разслышалъ я голосъ Б., весь поглощенный наблюденіемъ за этой новой для меня картиною.

Босыя ноги скользили неслышно по циновкамъ и лишь глухой топотъ, прерываемый вздохами и раздирающими душу выкрикиваніями, наполнялъ собою все помѣщеніе.

Молодой дервишъ съ цѣлой копной косматыхъ черныхъ волосъ на головѣ, уже давно уронившій свою шапку, разомъ опрокинулся на спину и забился въ страшныхъ конвульсіяхъ. Все лицо его перекосило и изо рта забила пѣна. Еще упалъ дервишъ. Еще и еще; остальные продолжали свой бѣгъ и круженіе.

— Они увидѣли лицо Аллаха,—зашепталъ купецъ, указывая на валявшихся на землѣ дервишей.

— О, теперь они счастливы и ихъ молитва услышана, потому что это—святые люди!!

Сосредоточенно смотря на бѣснующихся, зрители тяжело вздыхали, вѣруя, очевидно, въ святость зыгра.

Картина дѣлалась все больше и больше дикою и страшно дѣйствовала на нервы.

Мы вышли на воздухъ... утомленные видѣннымъ.

— Что вы скажете?—задалъ вопросъ Б.

— По-моему, эти бѣсноватые должны, видимо, имѣть огромное вліяніе на своихъ послѣдователей, воображеніе которыхъ невольно поражается этими радѣніями. Да и по большому почтенію, оказываемому дервишамъ, можно наглядно видѣть ихъ значеніе...

Вспомнивъ возстанія, организованныя: въ 1871 году, Чарчикское-ишаномъ шахъ-Мухаметомъ, и въ 1898 году Андижанское—Минтюбинскимъ ишаномъ Магометъ-Али, пришлось согласиться, что суфизимъ является огромною силою, съ которою приходилось уже не разъ считаться русскимъ властямъ въ Средней Азіи, причемъ желѣзная дисциплина среди мюридовъ даетъ возможность не только проповѣдывать возстанія противъ урусовъ, но и организовать ихъ такъ скрытно, что оба возстанія сдѣлались извѣстными лишь только тогда, когда многочисленныя вооруженныя шайки, формировавшіяся около Ташкента и Маргелана, начали рѣзню русскихъ поселенцевъ и солдатъ, а до этого времени русскія власти даже и не подозрѣвали о начавшемся среди туземцевъ движеніи.



XXXXVI.

Наслѣдникъ Бухарскаго престола.—Историческія свѣдѣнія о бухарской династіи.—Родъ мангитовъ.

— Если хотите застать Катта-тюру [1]) въ Каршахъ, то вамъ придется торопиться, я все разузналъ. Онъ уѣзжаетъ въ Кэрмине черезъ два дня,—предупредительно посвятилъ насъ караулъ-беги все время находившійся въ караванъ—сараѣ съ самаго нашего пріѣзда.

— Откуда же караулъ-беги знаетъ, что мы хотимъ видѣть Катта-тюра, засмѣялся я.

— Я знаю, тюра, всѣ русскіе къ нему пріѣзжаютъ и хотятъ его видѣть, когда ѣдутъ въ Карши по дѣламъ.

— Но развѣ къ нему можно заѣхать?

— Да, можно. Онъ въ Каршахъ бекомъ и въ бекскомъ помѣщеніи есть посольскій дворъ, гдѣ всегда останавливаются русскіе офицеры.

— А старый Катта-тюра?

---

[1]) Ката-тюра—наслѣдникъ престола Бухары.

— Нѣтъ, совсѣмъ молодой. Двадцать пять лѣтъ ему всего.

Б. задумался.

— Не знаю, какъ и рѣшить, наконецъ сказалъ онъ, испытующее поглядывая на меня.

— Заѣдемъ, но лучше минуемъ бекскій дворъ и остановимся въ караванъ сараѣ.

— Нѣтъ, что вы?—запротестовалъ я.

— Быть въ Каршахъ и не видѣть наслѣдника бухарскаго престола—прямо обидно. Все равно—быть въ Римѣ и не видѣть Папы.

Слухи про него ходятъ самыя разнорѣчивыя и лучше самимъ увидавъ, рѣшить, какое мнѣніе правильно.

— Тогда надо выѣхать передъ разсвѣтомъ, чтобы къ обѣду попасть въ Карши.

Слегка лишь отдохнувъ, раннимъ утромъ мы были уже на лошадяхъ, быстро удаляясь отъ Чиракчей, не представляющихъ собою ничего интереснаго и являющихся лишь большимъ торговымъ городомъ, почти безъ всякихъ остатковъ старины, которые, часто разрушали время, а частью уничтожали люди. Хотя, по сообщенію старожила, старина самыхъ старинныхъ построекъ, въ томъ числѣ мечети и бекской калы, не восходитъ выше трехсотъ лѣтъ.

Послѣ тяжелыхъ горныхъ дорогъ, переѣздъ по равнинѣ былъ совершенно незамѣтенъ и не чувствовалось никакого утомленія.

— Какъ втянулись то мы въ ѣзду—шутилъ Б.

—Я никогда въ сущности не былъ кавалеристомъ, но, послѣ двухъ-мѣсячнаго ежедневнаго путешествія

верхомъ, заткну за поясъ неутомимостью любого конника.

— Интересно знать, сколько мы проѣхали всего: вѣдь, вы когда то высчитывали?

— Порядочно, двѣ съ половиною тысячи верстъ сдѣлали.

Лошади шли хорошей ходою или по здѣшнему юргою. Вьюки, благодаря постоянной практикѣ, были пригнаты идеально—все занимало свое назначенное мѣсто, не болталось и не натирало лошадей, несмотря на порядочную тяжесть. Пришлось на опытѣ убѣдиться, что туземные обитые кожею сундучки—ягтаны и большія ковровыя переметныя сумы-хуржумы являются лучшими вьюками при большихъ передвиженіяхъ.

Занимая сравнительно небольшое мѣсто, два ягтана и пара хуржумовъ совершенно достаточны для помѣщенія всего походнаго багажа. Войлочный потникъ, обшитый съ одной стороны кожею, вмѣстѣ съ кускомъ толстаго брезента для покрытія всего вьюка могутъ служить отличною постелью даже и въ сыромъ мѣстѣ.

Если же добавить къ этому двѣ пары палокъ, положенныхъ сверху двухъ поставленныхъ въ разстояніи двухъ съ половиною аршинъ ягтановъ, и накрыть ихъ сверху войлокомъ и брезентомъ, то получается отличная кровать, въ которой тѣ же хуржумы служатъ ея изголовьемъ.

Я вспомнилъ одну изъ поѣздокъ, когда, по чьему то совѣту обзаведясь вьюкомъ системы Гинтера, принятаго во многихъ частяхъ арміи, пришлось, въ

концѣ концовъ, его скоро выбросить. Отъ сырости деревянная кровать покоробилась и перестала складываться; самый же чемоданъ послѣ нѣсколькихъ дождей весь пришелъ въ полную негодность и былъ вмѣстѣ со всѣмъ вьюкомъ брошенъ, заставивъ пожалѣть о потерянныхъ деньгахъ, за него уплаченныхъ.

Дорога пролегала въ началѣ по теченію Кашка-Дарьи; затѣмъ постепенно рѣка отошла въ сторону и свернувъ съ проѣзжаго пути, мы выѣхали на тропу, пробитую для сокращенія разстоянія черезъ поля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадались небольшія площади песковъ съ зарослями гребенщика и различнаго въ видѣ солянокъ. Сѣть арыковъ тянулась во всѣ стороны, оставляя лишь неудобныя для обработки земли, видимо здѣсь все населеніе занималось преимущественно земледѣліемъ и садоводствомъ.

Кое-гдѣ виднѣлись туземцы, занимавшіеся выриваніемъ моркови и луку, а также собираніемъ поздняго урожая хлопка, большія коробочки котораго складывались въ кучи среди поля.

— Какъ странно, что здѣсь между отличными участками попадается негодная земля.

— Это, тюра, оттого, что когда Аллахъ творилъ землю, шайтанъ леталъ сзади него и, видя красоту созданія, плакалъ отъ зависти, что не можетъ сотворить ничего подобнаго. И въ тѣхъ мѣстахъ куда падали его горькія и горячія, какъ огонь слезы, тамъ земля дѣлалась безплодною, превращаясь въ песчаные солончаки.

— Откуда это ты знаешь? задалъ я вопросъ нукеру, всю дорогу болтавшему, не переставая.

— Я читалъ это въ книгахъ. Таксыръ не знаетъ, что я прочелъ цѣлыхъ три книги,—съ гордостью отвѣтилъ онъ: Я въ Мекка былъ, Стамбулъ, Одесса, Баку, Красноводскъ видѣлъ.

— Что же понравились тебѣ эти города?

— Да, таксыръ, я лучшаго ничего въ жизни не зналъ, хорошіе города очень большіе и народъ хорошій, вѣжливый. Никто меня не обижалъ и нигдѣ денегъ не брали.

— Русскій хорошій!!!—неожиданно уже русски добавилъ онъ.

Мѣстность представляла собою холмистую равнину, въ концѣ которой передъ нами открылись Карши, второй по значенію городъ Бухарскаго ханства, считающійся почти равнымъ столицѣ, по своему историческому прошлому. Городъ этотъ, появившійся болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, носилъ названіе Нахъ-Шеба, являясь главнымъ торговымъ пунктомъ изъ Бухары въ Бальхъ. Переживъ долгую эпоху греко-бактрійской цивилизаціи, онъ впослѣдствіи, съ появленіемъ на равнинахъ Средней Азіи узбековъ, превратился въ одинъ изъ важныхъ опорныхъ пунктовъ новыхъ правителей, изъ которыхъ Чагатайскій князь Кебекъ въ 1318 году построилъ въ немъ крѣпость и съ тѣхъ поръ Нахъ-Шебъ, утративъ свое прежнее названіе, сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Карши, т. е. замокъ или крѣпость. Расположенный среди равнины, получая массы воды для орошенія изъ Кашки-Дарьи, изъ которой лишь часть расходуется населеніемъ, поселившимся въ выше лежащихъ по те-

ченію мѣстахъ, провинція эта считалась всегда въ числѣ самыхъ плодородныхъ, богатыхъ и удобныхъ для земледѣлія. Соприкасаясь на сѣверѣ съ землями Бухары и Кирминеха на западѣ, округъ этотъ простирается до Аму-Дарьи, имѣя важное значеніе въ торговомъ отношеніи, какъ узелъ въ которомъ скрещивались дороги на Бухару, Керки, Ширабадъ, Шахризябсъ (Кешъ) и Заріаспу (Чарджуй). Возможность господствовать надъ всѣми торговыми дорогами, владѣя каршинскою крѣпостью понудила вначалѣ арабовъ, а затѣмъ узбековъ сильно укрѣпить это мѣсто, при чемъ въ немъ и около поселились узбеки рода Мангитъ, занявшіе впослѣдствіи особенное привилегированное положеніе въ Бухарскомъ государствѣ съ воцареніемъ на его престолѣ эмира Маасума, принадлежавшаго къ этому роду.

Придя въ Бухару вмѣстѣ съ Дженгизомъ изъ сѣверо-восточной Монголіи мангиты, поселившіеся около Каршей и на лѣвомъ берегу Дарьи, были ближайшими людьми къ царствовавшей династіи, составляя ихъ охрану, какъ принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ и самымъ богатымъ родамъ. Отличаясь замѣчательной храбростью и преданностью правителямъ государства, они долгое время имѣли большое вліяніе при дворѣ, сдѣлавшись рѣшителями жизни Бухары въ началѣ XVIII столѣтія, когда глава племени Мангитъ Рахимъ-бекъ-атылыкъ, въ царствованіе эмира Субханъ-Кули-хана и Обейдулахъ-хана достигъ высшаго положенія въ Бухарѣ. Ведя политику возвышенія своего властолюбиваго

племени мангитовъ, онъ превратился постепенно въ дѣйствительнаго владыку Бухары, выдавъ свою дочь замужъ за сына эмира, принадлежащаго къ Аштарханидамъ.

Рахимъ-беку-аталыку наслѣдовалъ въ достоинствѣ начальника племени Мангитъ Даніаръ-бекъ изъ Каршей, возведшій въ началѣ на престолъ Бухары Абдулгази-хана, послѣдняго Аштарханида въ которомъ текла кровь Чингизъ-хана.

Эмиръ Абдулгази-ханъ, совершенно безвольный и безличный, окончательно подпалъ подъ вліяніе Даніаръ-бека, не смѣя даже выѣхать изъ своего двора безъ разрѣшенія. Недовольство противъ слабаго государя росло, а хитро сплетенный заговоръ скоро увѣнчался успѣхомъ, и послѣдній Аштарханидъ скоро свелъ всѣ свои земные счета. Пользуясь поддержкой духовенства и войскъ, принадлежавшихъ, какъ выше указано, къ роду Мангитовъ Даніаръ-бекъ имѣлъ полную возможность легко завладѣть престоломъ Бухары, но это не отвѣчало его видамъ въ силу чего искусно поддержавъ нѣкоторое время междуцарствованіе, онъ затѣмъ выдвинулъ своего сына Маасума, объявленнаго эмиромъ Бухары.

Такимъ образомъ Мангиты утвердились на престолѣ, а съ ними вмѣстѣ сталъ возвышаться городъ Карши, ихъ родовое владѣніе, вслѣдствіе чего выработался затѣмъ обычай, по которому сынъ царствующаго эмира Бухары всегда назначался начальникомъ Каршинской провинціи, откуда продолжала комплектоваться ближайшая охрана эмира,

отборныя его войска и приближенные дворцовые люди.

Въ прежнее время сильно укрѣпленный городъ Карши много испыталъ за время своего существованія, видя подъ своими крѣпкими стѣнами войска Чингизъ-хана Великаго Тимура, а также и перенеся тяжелые годы, когда по Бухарѣ будто страшный всесокрушающій вихрь пронесся со своими войсками сынъ повелителя Ирана Надиръ-шаха-Риза-Кули-ханъ. Лишь отвага Хивинскаго хана Джульбарса, выступившаго противъ этихъ войскъ въ помощь эмиру Бухары, на время заставило иранцевъ отступить отъ Каршей, но затѣмъ все же въ 1740 году съ помощью дипломатическихъ переговоровъ Надиръ-шахъ овладѣлъ не только Каршами, но и Гиссаромъ, которые признали свою отъ него зависимость, продолжавшуюся до смерти Надиръ-шаха. Въ послѣдующій періодъ раздоры и борьба за первенство вызвали рядъ кровопролитныхъ войнъ между Каршами, Гиссаромъ и Шахризябсомъ, при чемъ владѣтель Шахризябса, Ніазъ-Али, завоевалъ Карши и большую часть южной и восточной Бухары.

Первый представитель рода Мангитовъ на Бухарскомъ престолѣ эмиръ Маасумъ оставилъ по себѣ крупный слѣдъ какъ правитель, пріобрѣтя въ то же время извѣстность какъ одинъ изъ выдающихся поэтовъ Востока.

Послѣдователь суфизма, онъ пріобрѣлъ очень скоро большую популярность среди народа. Ведя самую простую жизнь и одѣваясь въ бѣдный ха-

лагъ дервиша эмиръ Маасумъ послѣ смерти отца своего Даніаръ-бека, уединился, проводя время въ созерцаніи въ мечетяхъ на глазахъ фанатической толпы, цѣнившей въ своемъ эмирѣ отсутствіе роскоши и любостяжанія.

Отказавшись отъ огромнаго наслѣдства послѣ отца, онъ громогласно заявилъ, что не рѣшается замарать свои руки этими деньгами и проситъ ихъ раздать тѣмъ, съ кого они были выжаты.

— Нашъ эмиръ Маасумъ строилъ мечеть,—указалъ мнѣ проводникъ узбекъ, когда мы въѣзжали въ Карши.

— Нашего онъ былъ рода и справедливый, храбрый эмиръ. Много книгъ писалъ и такой добрый, что никого не обижалъ, восторженно продолжалъ онъ свой разсказъ.

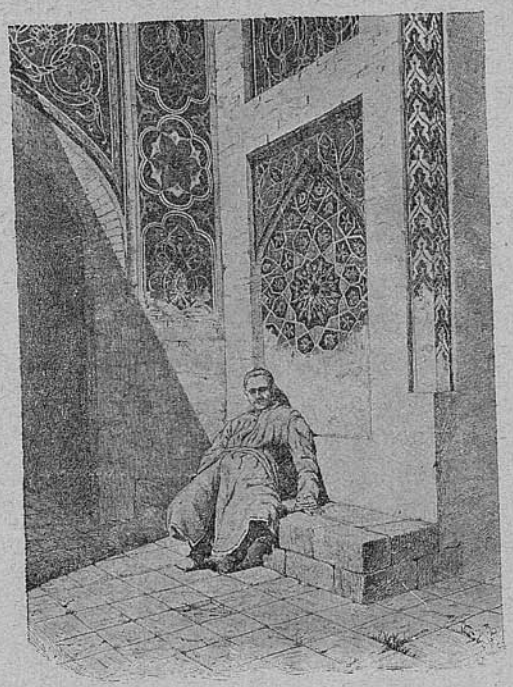
— Даже у тѣхъ кого обидѣлъ его отецъ онъ прощенія просилъ. Мой дѣдъ говорилъ, что великій эмиръ въ одеждѣ кающагося грѣшника повѣсивъ свою саблю себѣ на шею, ходилъ по улицамъ города и плача, у всѣхъ просилъ прощенья. А потомъ долго размышлялъ надъ грѣхами своими и въ это время написалъ книгу „Айнъ-уль-Гикетъ“, что значитъ источникъ мудрости, но не только перомъ могъ работать эмиръ, но и саблей и, когда пришло время, онъ собралъ войска и прогналъ изъ Каршей Шахризябцевъ и Гиссарцевъ, завоевавъ себѣ ихъ земли.

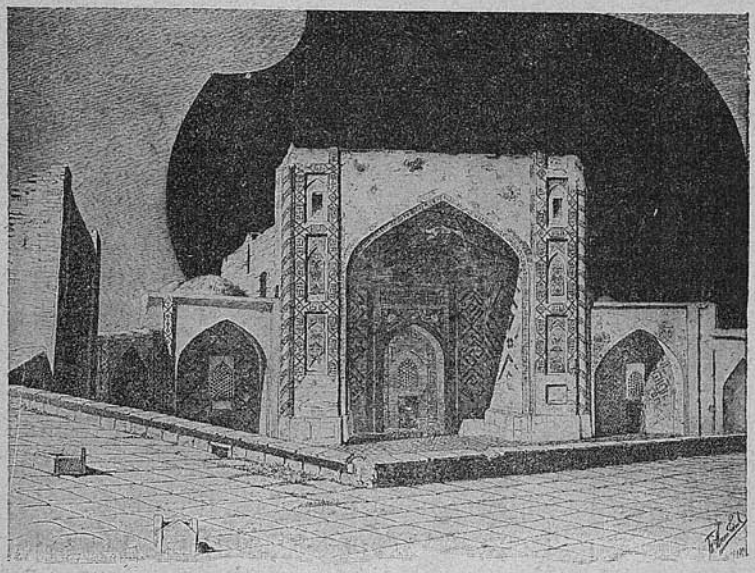
Много воевалъ эмиръ Маасумъ и Мервъ, покорилъ и Хоросанъ и даже Мешедъ былъ у его ногъ. Но не захотѣлъ онъ осквернить мѣста Святого

Иманъ-Ризы, тѣло котораго лежитъ въ мечетѣ Мешеда и подойдя къ нему лишь сказалъ:

„Я знаю, что Имамъ-Риза живъ, и я не хочу нарушить его покоя“, и отошелъ самъ отъ города, но зато онъ завоевалъ весь Чарвилаетъ и Авганистанъ и привелъ на веревкахъ тысячи авганскихъ рабовъ.

Видимо, связь между эмировъ и его родомъ Мангитовъ чувствовалась въ каждомъ словѣ узбека, считающаго себя въ родствѣ съ нимъ.





XLVII.

Карши. — Прежніе эмиры. — Калта-тюра. — Вечерняя молитва. — Представленіе. — Парадный обѣдъ — Отношенія къ русскому.

Являясь по количеству населенія и торговому значенію второю столицею ханства, г. Карши по справедливости долженъ быть поставленъ на-ряду съ самыми значительными городами Средней Азіи—Самаркандомъ, Бухарою, Наманганомъ и Маргеланомъ. Расположенный при входѣ въ Шахризябскую долину, въ низовьяхъ рѣки Кашка-Дарьи, Карши въ прежнее время защищалъ западную часть бухарскихъ владѣній отъ нападеній воинственныхъ

шахризябцевъ. Мѣстоположеніе его между Бухарою, Самаркандомъ, Керками, Мазаръ-Шерифомъ и Чарджуемъ, на полпути по дорогѣ изъ Заравшанской долины на Аму-Дарью, поставило Карши въ исключительно благопріятныя условія центральнаго пункта, въ которомъ скрещивались всѣ торговыя дороги между главнѣйшими торговыми городами.

Оцѣнивая вполнѣ правильно значеніе этихъ караванныхъ путей, дальновидные правители Бухары, изъ которыхъ въ особенности эмиры Абдулахъ-ханъ и Тамерланъ въ далекомъ прошломъ принимали всѣ мѣры къ ихъ лучшему устройству постройкою по всѣмъ главнымъ направленіямъ особыхъ робатовъ — укрѣпленныхъ караванъ-сараевъ для остановокъ проѣзжающихъ каравановъ, колодцевъ и саргдобъ — водохранилищъ, при чемъ послѣднія устраивались на разстояніи трехъ ташей (8 верстъ) другъ отъ друга. Впослѣдствіи эти грандіозныя постройки не поддерживались и пришли постепенно въ упадокъ, а съ возникновеньемъ судоходства по рѣкѣ Аму-Дарьѣ часть товаровъ стала направляться по этому болѣе дешевому пути, но все же и въ настоящее время по всѣмъ старымъ дорогамъ непрерывно идутъ караваны, привозящіе огромное количество товаровъ изъ Бухары для Каршинскаго района, а также для восточной Бухары и сѣверныхъ авганскихъ областей.

Само же Каршинское бекство является богатѣйшимъ райономъ по количеству собираемыхъ населеніемъ зерновыхъ хлѣбовъ, громаднымъ виноградникамъ и многочисленнымъ стадамъ барановъ.

— Наше бекство богатое, — съ восторгомъ сообщалъ словоохотливый узбекъ, — пусть тюра посмотритъ, какъ здѣсь красиво и хорошо весною, когда вся каршинская степь оживаетъ, отдохнувъ въ теченіе зимы. Тогда взоръ радуется, видя коверъ цвѣтовъ, который выростаетъ, цвѣтетъ и благоухаетъ, какъ райскій садъ.

— Тюльпаны, левкои, макъ пестрятъ передъ глазами. Синіе, красные, желтые, они всѣ растутъ, славя Аллаха и служа людямъ.

— Старые люди и табибы собираютъ въ степи много всякихъ травъ и кореньевъ весною, исцѣляя ими больныхъ.

— И здѣсь же растетъ особый кустарникъ, съ котораго собираютъ бѣлую муку. Она сотворена также для услады людей, такъ какъ слаще меда и вкуснѣе сахара, а потому искусники дѣлаютъ изъ изъ той муки конфекты, утѣшающія женщинъ и дѣтей.

Услышавъ этотъ разсказъ, я невольно обратился къ Б. за провѣркою его.

— Это вѣрно: я не знаю, какъ называется растеніе, но дѣйствительно оно въ изобиліи даетъ въ періодъ цвѣтенія бѣлую сладкую пыль, употребляемую на приготовленіе такъ-называемыхъ въ продажѣ каршинскихъ конфектъ.

— Не правда-ли, здѣсь приходится слышать фактическое подтвержденіе о маннѣ древнихъ евреевъ которою они питались во время своего сорокалѣтняго странствованія въ пустыняхъ.

Впереди виднѣлась большая растительность съ

облетѣвшими листьями казавшаяся еще болѣе жалкой на фонѣ сѣраго осенняго дня.

Безпорядочныя группы зданій съ узкими улицами были неприглядны. Построенные изъ кирпича и глины при почти полномъ отсутствіи прямыхъ линій, они выглядывали мрачно и безлюдно. Лишь базары были полны людей.

Бекская урда[1]) расположена довольно далеко, но рѣшивъ посмотрѣть на наслѣдника престола, мы въ то-же время остановились въ караванъ-сараѣ, передъ которымъ и слѣзли съ лошадей.

Высокій, чернобородый узбекъ, съ красивымъ нервнымъ лицомъ, выросъ какъ изъ подъ земли передъ нами.

— Пожалуйте, — заговорилъ онъ по-русски,— тюра-джанъ проситъ васъ остановиться въ казенномъ дворѣ. Тамъ уже все приготовлено.

Мы стали въ раздумьи.

— Ну, что же ѣдемъ, наконецъ,—высказался Б.,—все равно вѣдь не отстанутъ.

Сѣвъ снова на лошадей и проѣхавъ съ десятокъ улицъ, мы подъѣхали къ какимъ-то воротамъ, у входа къ которыя виднѣлась группа бухарцевъ, повидимому, чиновниковъ.

Широко распахнулись ворота и передъ нами открылся большой дворъ, съ высокою террасою, на которую выходило два, три окна русскаго типа.

— Сюда пожалуйте,—продолжалъ суетиться проводникъ, подхватывая каждаго подъ руки и помогая взобраться на ступени.

Небольшая комната, покрытая коврами съ двумя

[1]) Урда—крѣпость.

кроватями у стѣны и колченогимъ столикомъ по серединѣ, окруженнымъ нѣсколькими вѣнскими стульями, составляла всю обстановку. Желѣзная печь, сдѣланная изъ листового желѣза, распространяла тепло.

Закусивъ неизбѣжнымъ пловомъ и узнавъ, что наслѣдника престола можно увидѣть на другой день, мы расположились на отдыхъ. Мелкій дождь лишалъ возможности осмотрѣть Карши.

Переводчикъ узбекъ Алимъ-мирза видя, что Б. досталъ свою записную книжку и сталъ писать, почтительно поклонившись, хотѣлъ исчезнуть, но я, предвидя нѣсколько скучныхъ часовъ впереди, его задержалъ.

— Садитесь мирза, будемъ пить чай и поболтаемъ,—обратился я къ нему.

— Вы навѣрное много знаете о здѣшней жизни и кое что мнѣ разскажете?

— Что хочетъ знать полковникъ, я могу отвѣтить—лишь только спрашивайте.

— Вѣдь вы изъ Каршей и значитъ, какъ и всѣ каршинцы, изъ рода эмира.

— Да, полковникъ. Но червь пресмыкающійся по землѣ не можетъ считаться въ родствѣ съ солнцемъ, только потому, что солнечный лучъ случайно скользнулъ по немъ. Происхожденіе свое мы ведемъ отъ одного корня, но Хазретъ—солнце, а я червь. Служу ему и катта-тюрѣ, а всегда знаю, что я рабъ ихъ. Прежде люди жили иначе и родство считалось за родство, а теперь нѣтъ. Одна изъ женъ эмира Маасума и моя прабабка были сестры,

и въ жилахъ нашихъ течетъ одна и та же кровь, но онъ Хазретъ, а я ничтожество.

— Скажите мнѣ, вѣдь эмиръ Маасумъ первый изъ мангитовъ на престолѣ.

— Да, полковникъ. Это былъ Великій эмиръ, равный Тимуру, но только жилъ онъ какъ простой человѣкъ, не такъ, какъ живутъ теперь правители. У насъ во всѣхъ книгахъ написано и народъ разсказываетъ, что эмиръ Маасумъ на себя тратилъ всего лишь по одной теньгѣ въ день, столько же, сколько получали всѣ слуги его. Одежду носилъ самую простую и за то при немъ народъ былъ богатый, такъ какъ не нужно было собирать много податей.

— Послѣ него былъ его сынъ эмиръ Сеидъ, а потомъ уже вступилъ на престолъ эмиръ Насрулахъ, при которомъ старая простая жизнь измѣнилась совершенно. Всѣ эти эмиры, а также и эмиръ Музафаръ-ханъ, начали свою жизнь здѣсь же въ Каршахъ и теперь много у насъ стариковъ, которые помнятъ ихъ дѣла.

— Конечно, этого нельзя говорить, съ нѣкоторой тревогой въ голосѣ сказалъ мирза, но все дурное началось съ эмира Насрулаха, — да проститъ ему Аллахъ его злыя дѣянія.

— Послѣ смерти эмира Сеида вѣдь вступилъ на престолъ эмиръ Гусейнъ, а Насрулахъ былъ лишь младшимъ сыномъ. Но Гусейнъ царствовалъ два мѣсяца и умеръ отъ яда, который ему всыпали въ питье по приказанію Насрулаха, вступившаго затѣмъ на престолъ Бухары и помогалъ ему во всемъ кушъ-

беги [1])—Гакимъ-бекъ. При немъ всѣ каине-хана и всѣ тюрьмы были полны народомъ, а войска лишь грабили людей, испытывая пораженія не только отъ русскихъ, но и отъ всѣхъ сосѣднихъ бековъ Гиссарскихъ, Шахризябскихъ и Кулябскихъ. Наши храбрые мангиты, цвѣтъ и краса бухарскихъ войскъ, ничего не могли сдѣлать, несмотря на свою безумную храбрость.

— Да, тяжелыхъ тридцать пять лѣтъ прожила благородная и несчастная въ это время Бухара!!

— Отчего же люди терпѣли, отчего не думали улучшить свою жизнь, спроситъ полковникъ?—послѣ минутнаго молчанія съ оживленіемъ заговорилъ снова Алимъ, видимо сильно волнуясь.

— Были люди, но у нихъ руки были связаны. Здѣсь же, въ Каршахъ, жилъ бекомъ Музаферъ-ханъ и около него собирался народъ, но не самый лучшій, а самый безпокойный. Узналъ эмиръ, что люди любятъ Музаферъ-хана и испугался. Приказалъ много народу казнить, а катта-тюру отправилъ изъ Каршей въ Кермине, чтобы онъ всегда былъ у него на глазахъ.

Лютымъ джуль-барсомъ потомъ сдѣлался Насрулахъ-ханъ, что ни день, то казнили въ Бухарѣ, снимая головы съ плечъ и сбрасывая съ высокой башни-смерти. Но уже дни его были сочтены, силы слабѣли и старческій недугъ быстро подходилъ къ его ложу, на которомъ онъ метался яростный и страшный, уничтожая людей. Ужъ Азраилъ сталъ у его изголовья, когда онъ передъ своими глазами

[1]) Кушъ-беги—сокольничій—высшій чинъ въ Бухарѣ.

приказалъ зарѣзать свою собственную жену, сестру Шахризябскаго бека, который въ это время противъ него воевалъ.

— И когда густая волна крови хлынула изъ перерѣзанной шеи сестры его врага, Азраилъ вынулъ его душу изъ бреннаго тѣла и Насрулахъ-ханъ, да проститъ Аллахъ его прегрѣшенія, умеръ, а Музаферъ-ханъ вступилъ на престолъ.

— А вы, видно, хорошо знаете всю исторію Бухары за послѣднее времия?—спросилъ внимательно слушавшій Б.

— Да, полковникъ, все это я слышалъ отъ моихъ дѣда и отца, которыхъ судьба сдѣлала свидѣтелями многихъ дѣлъ.

— Ну, а Музаферъ-ханъ, вѣдь разъ его любили въ Каршахъ, когда онъ былъ катта-тюра, значитъ его тоже любилъ народъ, когда онъ сдѣлался эмиромъ?

Будто темныя тѣни пробѣжали по выразительному лицу мирзы. Онъ замялся, но потомъ, видимо, преодолѣвая нѣкоторую неловкость въ разговорѣ на щекотливую тему, тихо заговорилъ.

— Крылья каракуша [1])—черной птицы несчастья уже покрыли своей тѣнью равнины Бухары. И кромѣ того, каракушъ уруссовъ съ двумя головами, двумя силами и двумя жизнями [2]); не могла слабая Бухара бороться съ нимъ въ то время, когда Мервъ возсталъ, Шахризябсъ возсталъ и Кокандъ возсталъ, не желая признавать власти эмира Бухары благородной и вы-

[1]) Каракушъ—коршунъ—птица несчастья.

[2]) Двуглавый орелъ на знаменахъ русскихъ войскъ.

ставивъ вездѣ свои войска, они воевали противъ нея въ то время, какъ страшные русскіе солдаты шли съ сѣвера, беря одну крѣпость за другой.

— Много сиротъ тогда было въ Бухарѣ и мы, каршинцы, были поражены въ глубину сердца, когда подъ Джизакомъ русскіе разбили всю армію эмира и въ этой битвѣ пало смертью храбрыхъ больше тысячи мангитовъ изъ Каршей, составлявшихъ красу бухарской арміи. И мои родичи сложили свои кости на поляхъ Джизакскихъ.

— И скоро здѣсь же въ Каршахъ былъ бекомъ катта-тюра Абду-Маликъ-ханъ. Не стерпѣла его душа, что начинается уже гибель Бухары. Собралъ онъ вѣрныхъ Каршинскихъ мангитовъ. Собралъ туркменъ съ Великой Аму; пришли кара-киргизы съ Садыкомъ баемъ и пошелъ онъ войной и противъ русскихъ, и противъ отца своего эмира Музаферъ-хана, все царствованіе котораго было одно сплошное бѣдствіе.

— Смѣлый, храбрый человѣкъ былъ катта-тюра Абду-Маликъ-ханъ, но еще сильнѣе и страшнѣе былъ кара-кушъ, образъ котораго несли на своихъ знаменахъ русскія войска. Не могли выдержать наши этой силы и потерпѣвъ пораженіе, искали спасенія въ пустыняхъ Малика и Сундукли.

— Собрались обороняться мангиты въ Каршахъ, но не могли ихъ сабли перерубить русскихъ штыковъ. Много убито было мангитовъ въ тотъ день, а все же къ вечеру русское знамя стояло на стѣнахъ Каршинской калы, а крылья каракуша бросали тѣнь на весь городъ. Здѣсь былъ потомъ генералъ Абрамовъ и теперь еще цѣла сакля, въ которой онъ тогда жилъ.

Скоро Музаферъ-ханъ умеръ и на престолъ вступилъ эмиръ Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ-Богодуръ-ханъ, да прославится его имя во вѣки и да будетъ къ нему милость Аллаха, а здѣсь, въ Каршахъ, снова бекомъ среди своихъ вѣрныхъ мангитовъ катта-тюра-ханъ, котораго вы завтра увидите.

За интереснымъ разговоромъ я даже не замѣтилъ, какъ прошло время и наступилъ вечерній намазъ.

Громкимъ горловымъ голосомъ съ высоты сосѣдней мечети выкрикивалъ азанъ символъ вѣры ислама, то останавливаясь, какъ бы прислушиваясь къ отзвукамъ словъ, онъ черезъ минуту снова начиналъ славу Творцу и пророку его Магомету. Гдѣ то, недалеко, послышался голосъ другого азана, а затѣмъ, то стихая, то съ новою силою неслись тѣ же слова со всѣхъ мечетей города.

Разостлавъ на возвышеніяхъ и на террасахъ кто коврикъ. а кто свой халать, правовѣрные становились на молитву.

Одна за другой въ вышинѣ зажигались яркія звѣзды и снова весь небосклонъ красиво пестрѣлъ яркимъ свѣтомъ звѣздъ, выдѣлявшихся на темномъ, почти черномъ фонѣ неба.

Гдѣ-то, почти рядомъ, грохнулъ густой звукъ барабана и, отозвавшись трелью, понесся надъ засыпавшимъ городомъ. Съ другого конца ударилъ другой, а затѣмъ, смѣшиваясь съ этими отрывочными глухими звуками, въ разныхъ мѣстахъ защелкали деревянныя колотушки караульщиковъ. Сухой, деревянный трескъ ихъ раздавался безъ пе-

рерыва, то приближаясь, то удалясь отъ насъ, то несясь откуда-то сверху.

Въ сторонѣ крѣпости послышался громъ турецкаго барабана и протяжное завываніе трубъ, имѣвшее отдаленное сходство съ нашей зорею.

Мы легли спать, но сонъ тотчасъ же, подъ вліяніемъ миріадъ блохъ, улетучился моментально, сразу спасовавъ передъ этой голодной арміей. Ворочаясь съ боку на бокъ и съ нетерпѣніемъ ожидая утра, удалось лишь черезъ нѣсколько часовъ забыться тревожнымъ сномъ.

Еще чуть забрезжилъ свѣтъ, какъ Б. завозился и зажегъ лампу.

— Что это вы? — недовольно спросилъ я, чувствуя себя совершенно разбитымъ.

— Надо же себя въ порядокъ привести. Мундиръ почистить, побриться, словомъ, представиться какъ слѣдуетъ.

Я попробовалъ протестовать, но затѣмъ волей-неволей пришлось подниматься.

Черезъ часъ появился мирза и еще нѣсколько чиновниковъ, передавшихъ намъ привѣтствіе каттатюры.

— Его свѣтлостъ спрашиваетъ, какъ ваше здоровье, благополучно ли было путешествіе,—началъ переводить мирза тихую рѣчь старика есаулъ-баши, внимательно всматривавшагося въ насъ своими зоркими ястребиными глазами.

— Поблагодарите его свѣтлость за вниманіе и кстати узнайте, когда мы можемъ ему представиться.

— Катта-тюра одижаетъ прибытія гостей,—сообщилъ старикъ.

— Теперь же можно къ нему идти, такъ какъ онъ уже принялъ селямъ отъ своихъ людей.

Сѣвъ на лошадей, убранныхъ богатыми, расшитыми золотомъ попонами, присланныхъ для нашего пріѣзда, мы, проѣхавъ двѣ-три версты, подъѣхали къ воротамъ помѣщенія наслѣдника, жившаго въ одномъ изъ своихъ садовъ. Караулъ, вооруженный берданками, отдалъ честь и, подъ звуки барабана и трубъ, мы взошли въ середину широкаго двора, обсаженнаго деревьями. Крытыя туземныя террасы поддерживались толстыми, рѣзными столбами. Оконныя рѣшетки туземнаго типа изъ алебастра, въ видѣ замысловатаго орнамента, были надъ каждою изъ многочисленныхъ дверей, выходившихъ на террасу. Масса народа сновала по двору и частью сидѣла на террасѣ.

Держа въ рукахъ длинную камышевую палку, какъ символъ своего званія, впереди насъ двигался есаулъ-баши. Всѣ люди тотчасъ же встали, съ любопытствомъ посматривая на насъ. Сквозь открытыя двери виднѣлся накрытый столъ. Нѣсколько какихъ-то значительныхъ чиновниковъ, въ парчевыхъ золотыхъ халатахъ, образовали красивую группу, впереди которой виднѣлся молодой бородатый туземецъ въ темно-красномъ матерчатомъ халатѣ, съ серебряными погонами на плечахъ.

— Катта-тюра очень радъ видѣть васъ у себя,— перевелъ переводчикъ, стоявшій почти рядомъ съ наслѣдникомъ, когда мы поднялись на террасу.

Пожавъ, какъ-будто нехотя протянутую руку Б. остановился въ недоумѣніи, и приготовившись пред-

ставиться по всѣмъ правиламъ, стоялъ въ нерѣшительности.

— Передайте его свѣтлости, что мы очень благодарны за гостепріимство и за содѣйствіе намъ оказанное,—наконецъ, заговорилъ онъ.

Выслушавъ отвѣтъ, наслѣдникъ повернулся въ полуоборотъ, жестомъ руки показалъ на накрытый столъ и медленно направился внутрь комнатъ.

Мы взошли и заняли мѣсто около стола, въ концѣ котораго сѣлъ самъ высокій хозяинъ. Задавъ два-три вопроса о цѣли нашей поѣздки въ восточную Бухару, катта-тюра умолкъ и, тихо прихлебывая чай съ ложечки, молча и безучастно смотрѣлъ на Б., который всѣми силами старался завязать разговоръ. Бѣлая чалма оттѣняла смуглый цвѣтъ лица наслѣдника, имѣвшаго отпечатокъ равнодушія, сквозившаго вмѣстѣ съ презрѣніемъ въ каждомъ его движеніи.

— Катта-тюра проситъ васъ принять въ знакъ памяти лошадей, на которыхъ вы пріѣхали,—черезъ минуту сказалъ переводчикъ, показывая намъ въ дверь на тѣхъ же лошадей, стоявшихъ въ серединѣ двора.

Мы поблагодарили.

— Однако, какъ же съ нимъ говорить, когда онъ молчитъ, — сердитымъ шепотомъ сказалъ Б. толкая меня подъ столомъ ногою.

Одинъ за другимъ появилось съ десятокъ слугъ, поставившихъ на столъ блюда съ пловомъ, жареными курами, шашлыкомъ, туземнымъ пирожнымъ и вареными фазанами. Весь столъ, заставленный тарелками съ разными конфетами и головами сахара,

теперь имѣлъ видъ выставки съѣстной лавки, а между тѣмъ блюда все приносились и приносились.

Количество прислуживающихъ было бы достаточно для сервировки на сотню человѣкъ, но каждый изъ нихъ все же дѣлалъ видъ, что исполняетъ какую-нибудь работу около стола. Одинъ несъ ножъ, другой вилку, третій держа будто что-то до крайности хрупкое, появился съ салфеткой въ рукахъ. Затѣмъ сзади длинная вереница людей принесла нѣсколько блюдъ и тарелокъ, причемъ каждый предметъ былъ въ рукахъ особаго человѣка. Будто статисты въ театрѣ, они безмолвно поворачивались и уходили тѣмъ же длиннымъ рядомъ.

— Катта-тюра проситъ откушать,—съ привѣтливой улыбкой передалъ слова хозяина старикъ въ парчевомъ халатѣ—первый есаулъ-баши, стоявшій сзади его стула.

— Вѣдь его свѣтлость воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ?—задалъ я вопросъ черезъ переводчика.

Катта-тюра съ какимъ-то недоумѣніемъ вскинулъ глазами и тотчасъ же отвѣтилъ.

— Да, я былъ въ немъ; эмиръ, мой отецъ, и Государь Императоръ хотѣли этого и мнѣ пришлось прожить на чужбинѣ нѣсколько долгихъ лѣтъ, но около меня были наши вѣрные слуги и я поэтому не скучалъ.

— Катта-тюра, значитъ, говоритъ и понимаетъ по-русски,—не выдержалъ, наконецъ, Б.

— Вѣдь мнѣ подполковникъ, бывшій съ нимъ въ Петербургѣ, разсказывалъ про это.

Будто легкая тѣнь пробѣжала по лицу катта-Тюры и онъ, запинаясь и разомъ покраснѣвъ, отвѣтилъ:

— Я понимаю по-русски, но мало. Здѣсь ни съ кѣмъ говорить не приходится.

Обѣдъ былъ скученъ. Масса людей сновала, перемѣняя тарелки, подавая воду, чай, то появляясь, то исчезая, то становясь вокругъ живописною группою. Пестрые бухарскіе ковры, покрывавшіе стѣны и полъ и огромные паласы на верендѣ составляли красивый фонъ всей картинѣ.

Съ большимъ трудомъ мы высидѣли до конца. Разговоръ какъ-то не вязался, хотя Б. изъ кожи лѣзъ, выдумывая вопросы.

— Не разрѣшитъ ли ката-тюра намъ поблагодарить за гостепріимство?—наконецъ, спросилъ я, видя, что молчаніе становится тягостнымъ.

— Катта-тюра очень благодаритъ за удовольствіе, доставленное знакомствомъ и радъ будетъ всегда видѣть у себя, когда дѣла службы приведутъ снова въ Карши.

Разсыпавшись въ благодарностяхъ за любезный привѣтъ, мы направились къ дверямъ, провожаемые наслѣдникомъ до выхода на террасу. Снова нѣсколько человѣкъ съ есауломъ впереди открыли шествіе и мы вышли со двора, гдѣ, сѣвъ на лошадей, взяли направленіе къ крѣпости.

— Ну, какъ вамъ понравился катта-тюра?—обратился я къ Б.

— Ну, знаете, положительно не ожидалъ того, что увидѣлъ. Вотъ тебѣ и пребываніе въ кадетскомъ

корпусѣ, который, видимо, никакого слѣда не оставилъ, надо полагать, что жизнь въ Каршахъ постепенно превращаетъ его въ фанатика, враждебнаго къ русскому.

— Да, полковникъ, катта-тюра русскихъ не особенно любитъ,—подтвердилъ Мирза.

— А по-русски онъ никогда не говоритъ, хотя все понимаетъ. Цѣлые дни все коранъ читаетъ и съ муллами и ишаномъ разговоръ ведетъ. А живетъ просто, ни вина, ни пива не пьетъ. На эмира Маасума хочетъ быть похожимъ и всегда его вспоминать любитъ.

Вспомнивъ этого эмира, пришлось задуматся; Б. былъ не въ духѣ и неодобрительно молчалъ.

Я видѣлъ катта-тюра много лѣтъ тому назадъ при открытіи Чарджуйскаго моста и невольно вспомнилъ интересную сцену, разыгравшуюся передъ глазами многихъ.

Генералъ Куницкій [1]), строгій и вспыльчивый человѣкъ, увидѣвъ катта-тюра среди бухарцевъ, подошелъ къ нему и представился. Его свѣтлость молча подалъ руку и вопросительно посмотрѣлъ на генерала, который немедленно же сталъ разспрашивать его, помнитъ ли онъ Петербургъ и кадетскій корпусъ. Не отвѣчая ни полслова, катта-тюра продолжалъ лишь смотрѣть какъ-то черезъ голову почтеннаго генерала, уже окруженнаго группою русскихъ офицеровъ и разомъ вспылившаго, со свойственной ему прямотою, смотря прямо въ глаза, отрѣзавшаго.

[1]) Генералъ-Лейтенантъ, умершій въ 1904 г.

— „Стыдно вашей свѣтлости, воспитываясь въ русскомъ корпусѣ и нося теперь русскіе погоны, не говорить по-русски“.

И тутъ же повернулся къ нему спиною, къ общему смущенію бухарскихъ сановниковъ.





XLVII.

Каршинская крѣпость.—Базаръ.—Кладбища—Дожди.—Преданіе о счастливой горѣ.

Старинная крѣпость-цитадель поднималась на небольшомъ холмѣ, уныло смотря на новую жизнь своими зубцами и окнами башенъ. Построенная почти тысячу лѣтъ тому назадъ, она много вынесла осадъ на своемъ вѣку, подвергаясь неоднократнымъ разрушеніямъ и вновь возникая на прежнемъ же мѣстѣ, гдѣ построилъ ее князь Кебекъ.

— Большая кала, — заговорилъ переводчикъ, — еще мой дѣдъ помнитъ, когда въ ней стѣны были еще выше. Подъ землею же отъ нея во всѣ стороны идутъ ходы и можно выйти за нѣсколько верстъ отъ Каршей. Тамъ же, не видя свѣта, томились заключенные узники. Глубокіе колодцы есть

въ ней, темные погреба и подземныя тюрьмы. Люди говорятъ, я самъ не знаю, что и теперь много людей сидятъ въ нихъ всю свою долгую жизнь.

— И вездѣ, вездѣ, гдѣ только не начать рыть землю, попадаются человѣческія кости. Много погибло людей подъ стѣнами Нахъ-Шеба и кости ихъ тлѣютъ здѣсь же подъ землею.

Самый городъ Карши широко раскинулся по обѣимъ сторонамъ многоводной Кашка-Дарьи и соединенъ между собою нѣсколькими постоянными мостами. Расположенный на холмистой равнинѣ, онъ удивительно красивъ, имѣя видъ стариннаго мусульманскаго города, хотя современные Карши построены нѣсколько на юго-западъ отъ мѣста, гдѣ былъ древній Нахъ-шебъ, который находился у урочища Шуллюкъ-Тепе, что подтверждается многочисленными развалинами изъ жженаго кирпича съ глазурною облицевкою.

Мѣстные жители почти все время занимаются выкапываніемъ въ Шуллюкъ-Тепе въ развалинахъ различныхъ древнихъ вещей ввидѣ утвари и монетъ. Извѣстный изслѣдователь Б. Н. Литвиновъ разсказывалъ о поразительно древней ступкѣ, найденной въ Шуллюкъ-Тепе, сдѣланной изъ какого то латуннаго сплава, съ украшеніями и надписями, вырѣзанными глубоко въ ней и заполненными семью различными метталами, при чемъ особенно красива была насѣчка красной мѣдью и желѣзомъ. Купленная за нѣсколько тенегъ скупщикомъ армяниномъ, она оказалась въ своемъ родѣ уникою и перепродана была уже за нѣсколько сотъ рублей.

Всѣ холмы и окрестности Шуллюкъ-Тепе на значительномъ пространствѣ покрыты остатками древнихъ фундаментовъ, среди которыхъ вездѣ валяются различныя украшенія изъ глазурованнаго кирпича всѣхъ цвѣтовъ.

Вокругъ всего города на огромномъ пространствѣ раскинулось кладбище, кое-гдѣ украшенное мазарами и гробницами, въ видѣ удлиненныхъ пирамидъ и толстыхъ плитъ съ орнаментами, высѣченными по краямъ и надписями по арабски. И даже внутри на дворахъ попадаются могилы и надгробныя камни. Тысячи людей послѣдовательно изъ поколѣнія въ поколѣніе, легли на эту обширную Божью ниву, обильно орошенную и пропитанную человѣческою кровью.

Построенныя когда-то изъ жженаго кирпича и комня, но возобновленныя изъ глины, стѣны крѣпости не поражали ни массивностью, ни своею высотою. Кое-гдѣ вывѣтрившіяся мѣста обнаружили глинобитную кладку, въ которую вмазаны были камни булыжника. Нѣсколько башенъ уныло смотрѣли своими бойницами. Массивныя старыя ворота, обшитыя желѣзомъ, имѣли на своихъ широкихъ полотнищахъ двѣ трети задѣлки, очевидно слѣдъ русскихъ ядеръ, полученныхъ при взятіи Каршей отрядомъ генерала Абрамова въ 1870 году.

Обширное помѣщеніе подъ воротами было занято карауломъ бухарскаго баталіона выстроившагося при нашемъ приближеніи. Тутъ же сидѣло и лежало много всякаго народа.

Вышедшій намъ навстрѣчу бухарскій офицеръ

въ погонахъ капитана, отдавъ честь, пошелъ слѣдомъ за нами въ качествѣ проводника.

— Не знаете ли вы, кѣмъ построена вотъ эта мечеть, повидимому, самая древняя?... — обратился Б. къ офицеру.

Капитанъ задумался и даже потеръ свой лобъ, усиленно вспоминая.

— Не могу ничего сказать, я хорошо знаю послѣднее время, но про давнишнее приходится вѣрить, что говорятъ люди. Слышалъ, что эмиръ Абу-Муслимъ много построекъ дѣлалъ, затѣмъ Тимуръ и Абдуллахъ. Они украшали городъ постройками и медресе и мечетей. Потомъ уже мало кто изъ эмировъ строилъ. Абдуллахъ-же и Тимуръ больше всѣхъ заботились, чтобы людямъ ихъ было лучше жить.

— Когда вы поѣдете дальше на Бухару, то сами увидите сколько колодцевъ, саргдобъ и караванъ-сараевъ лежитъ по дорогѣ и всѣ они построены этими двумя эмирами и не только на этой дорогѣ, но также и на дорогѣ изъ Каршей въ Керки.

Центромъ Каршей является обширная площадь, по сторонамъ которой расположены четыре старинныхъ медресе, мечеть и урда, т.-е. помѣщеніе бека и тюра-джана (наслѣдника престола).

Самая урда окружена особою кирпичною стѣною съ башнями, а далѣе всѣ постройки центра въ свою очередь заключены въ крѣпостную стѣну съ нѣсколькими воротами, выходящими на главныя улицы, около которыхъ возвышаются высокія башни съ караулами для охраны входовъ,—это самая старинная часть.

Мощеныя улицы и площадь цитадели содержатся въ большой чистотѣ и производятъ особенно хорошее впечатлѣніе. На ночь всѣ ворота запираются, и намѣстникъ эмира подъ защитою высокихъ стѣнъ и карауловъ можетъ спать спокойно.

За этою стѣною раскинулся по холмамъ городъ служащихъ, богатыхъ, родовитыхъ людей. Цѣлый рядъ улицъ съ находящимися на нихъ многочисленными банями, мечетями и медресе, извиваясь и пересѣкаясь, создаютъ впечатлѣніе какого-то лабиринта. Небольшіе базары виднѣются въ различныхъ мѣстахъ, обслуживая населеніе этой части города.

Двухъэтажные дома, тѣсно построенные рядомъ, другъ съ другомъ, и полное отсутствіе растительности даютъ мертвую картину восточнаго города съ общимъ сѣрымъ колоритомъ. Мощеныя улицы и площади тѣсны, узки, но жизнь въ этой части тихая и особаго скопленія людей нигдѣ не видно.

Весь служилый городъ въ свою очередь окруженъ высокою старою стѣною съ башнями и воротами, выходящими уже на главныя улицы чернаго, торговаго города. Непосредственно за стѣною, окружая ее, виднѣется болото со стоячею водою, составляющее собою остатки прежняго широкаго водяного рва.

За стѣнами аристократическаго, служилаго города привольно раскинулась торговая часть, въ которой на каждомъ шагу устроены базары, караванъ-сараи и лавки.

Цѣлый рядъ улицъ съ сотнями лавокъ, заваленныхъ товарами, обширные караванъ-сараи, мечети чередуются съ древними кладбищами, расположен-

ными на вершинахъ холмовъ. Масса народа, двигающагося по всѣмъ улицамъ и кривымъ переулкамъ, создаетъ впечатлѣніе разрытаго муравейника. Главный базаръ протянулся почти на версту. Охвативъ кольцомъ служилый городъ, черный городъ съ его многочисленнымъ населеніемъ, вмѣстѣ съ прилегающими предмѣстьями, всегда являетсн угрозою для аристократіи, вслѣдствіе чего, помимо карауловъ у всѣхъ воротъ, они на ночь всегда запираются, для предупрежденія возможности нападеній при народныхъ волненіяхъ.

За чернымъ городомъ, имѣющимъ поразительное сходство съ Бухарою, начинается широкая, въ три версты, полоса знаменитыхъ Каршинскихъ садовъ, среди которыхъ виднѣются постройки кирпичныя, глинобитныя, окруженныя безконечными дувалами съ виноградниками и садами.

Красивые широкіе дворы, окруженные громадными тутами и карагачами съ глубокими хаузами, служатъ дачами для родовыхъ и богатыхъ людей, а сады съ вишневыми, черешневыми, персиковыми деревьями, множествомъ яблонь, айвы и абрикосовъ и обширными виноградниками даютъ значительный доходъ продажею сухихъ фруктовъ и изюма. Отдаленность же Каршей отъ желѣзной дороги и обиліе зерновыхъ хлѣбовъ способствуютъ крайней дешевизнѣ всѣхъ продуктовъ, вслѣдствіе чего Бухара получаетъ всѣ почти жизненные припасы изъ Каршинскаго бекства. Богатый край ждетъ не дождется постройки желѣзной дороги, которая не только оживитъ его, но и будетъ способствовать развитію всей

мѣстной жизни. Возможность вывоза въ значительномъ количествѣ зерна, хлопка, всякаго сырья сильно увеличитъ нашъ товарообмѣнъ съ Бухарою и благопріятно отразится на развитіи русско-авганской торговли. И для этого лишь необходимо построить желѣзную дорогу изъ Бухары черезъ Карши, Керки въ Термезъ съ вѣткою Карши—Шахризябсъ—Гузаръ. Вопросъ этотъ достаточно назрѣлъ и ждетъ скорѣйшаго разрѣшенія...

Крытый базаръ, частью старинной постройки со сводчатыми потолками, не отличался многолюдьемъ, такъ какъ большинство лавокъ было заперто. Темные переходы, дающіе лѣтомъ прохладу, въ осенній холодный день выглядывали особенно мрачно и непривѣтливо. Груды сушенаго изюма виднѣлись во многихъ лавкахъ вмѣстѣ съ другими сушеными фруктами. Тутъ же толстыми кипами лежали ковры, паласы и кошмы. Далѣе цѣлый рядъ караванъ-сараевъ съ кипами товаровъ, масса верблюдовъ, лежавшихъ на площади и снующихъ длинными караванами съ грузомъ, указывали на значительную торговлю, которая существуетъ въ Каршахъ, являющихся не только потребителемъ, но и складочнымъ пунктомъ для значительнаго раіона западной Бухары, а также и ввидѣ промежуточной станціи при перевозкѣ грузовъ изъ Бухары въ Керки, Келифъ, Чушка-Гузаръ и далѣе изъ этихъ пунктовъ въ Авганистанъ.

— Прежде здѣсь куда больше каравановъ приходило,—словоохотливо сообщилъ намъ одинъ изъ купцовъ, у лавки котораго мы присѣли, отправивъ лошадей.

— Тысячи верблюдовъ шли черезъ Карши, но потомъ, когда устроили русскіе дорогу изъ Самарканда на Термезъ, много товаровъ по ней стали перевозить. Теперь каюковъ на Аму стало больше ходить и на нихъ тоже возятъ товаръ прямо изъ Чарджуя.

— Ну, а здѣсь много продается товаровъ?

— Очень много, тюра, много въ Каршахъ народу и еще больше вокругъ. Большой городъ, говорятъ пятьдесятъ тысячъ людей считаютъ.

— Видѣлъ, тюра, кладбище вокругъ города, по нимъ можно видѣть, какъ много здѣсь людей живетъ; когда я хожу туда, такъ сердце щемитъ и душа тоскуетъ, видя, какъ этотъ городъ мертвыхъ растетъ съ каждымъ годомъ.

— У насъ, тюра, по шаріату разъ въ годъ мы навѣщаемъ своихъ покойниковъ. Въ десятый день мѣсяца Томуса (октября) вспоминаютъ убитыхъ двухъ сыновей Ширъ-Али-Льва Божія-Гусейна и Гасана и этотъ день Марама (печали) всѣ проводятъ на могилахъ своихъ отцовъ, вспоминая ихъ жизнь и тогда каждый годъ я вижу все больше и больше свѣжихъ могилъ...

— Тутъ же въ концѣ города, въ сторонѣ съ востока, есть и кладбище урусовъ, вашихъ сарбазовъ, что были убиты во время войны и сложили свои кости вдали отъ родины. Все судьба, тюра, кисметъ, кому гдѣ назначено, тамъ онъ и ляжетъ въ сырую землю на вѣчный сонъ...

Небольшая мечеть, построенная Тимуромъ, сохранила довольно много своей красивой облицовки

изъ цвѣтныхъ изразцовъ. Еще одна медресе и старинный караванъ-сарай составляютъ всю старину Каршей, но древности ихъ не восходятъ выше 500—600 лѣтъ. Хотя у Каршинцевъ въ очень большомъ количествѣ сохраняются предметы изъ древней бронзы и китайскаго стариннаго фарфора и вообще вездѣ старины, такъ много что окрестности Каршей надо признать еще непочатымъ полемъ для работы археологовъ.

И лишь жаль, что черезъ скупщиковъ, которые не зѣваютъ, масса вещей, переходя изъ рукъ въ руки, исчезаетъ за границу.

— Эмиръ когда нибудь пріѣзжаетъ въ Карши?— задалъ я вопросъ есаулу.

— Нѣтъ, тюра, здѣсь онъ бываетъ очень рѣдко. Можетъ быть, разъ въ десять лѣтъ, не чаще. Здѣсь всѣ дѣла справляетъ катта-тюра, вмѣстѣ съ старымъ датхою, котораго ему эмиръ далъ въ совѣтники.

Погода между тѣмъ измѣнилась и заморосилъ настоящій осенній дождикъ, разведшій массу непролазной грязи. Казалось, вся природа плакала. Осклизлыя деревья, осклизлая почва дѣлали картину далеко неприглядною.

— Эхъ, не удалось до непогоды добраться до желѣзной дороги,—сталъ ныть Б. не любившій сырости.

— Пустяки,—утѣшалъ я его,—всего два-три дня дороги и мы будемъ въ Бухарѣ, только разумѣется надо скорѣе двигаться, здѣсь вѣдь дѣлать намъ уже нечего.

— А дождь, а слякоть.—пробовалъ протестовать Б., укладываясь на мягкую постель.

— Полноте, не первый разъ мокнемъ, авось и перестанетъ.

Но на другой день съ утра погода еще ухудшилась. Вѣтеръ положительно старался свалить лошадь и сорвать всадника съ сѣдла. Переступая съ ноги на ногу, понуро шли лошади, ежеминутно понукаемыя нагайкою. Капли дождя, скатываясь съ буркъ, сыпались сверху какъ будто сквозь мелкое сито, закрывая совершенно горизонтъ и мѣшая даже смотрѣть.

Выѣхавъ изъ Каршей, едва началъ брезжиться свѣтъ, мы съ трудомъ сдѣлали въ теченіе шести часовъ не больше двадцати верстъ. Лошади измучились и поэтому рѣшено было остановиться на ночлегъ въ большомъ кишлакѣ Касанѣ, гдѣ размѣстившись въ караванъ-сараѣ, мы стали терпѣливо ожидать перемѣны погоды. Вѣтеръ продолжалъ дуть съ страшной силой, врываясь во всѣ дверныя и оконныя щели. Свѣчка постоянно тухла и поэтому приходилось ограничиться свѣтомъ углей въ мангалѣ, постоянно раздуваемыхъ вѣтромъ, вспыхивавшихъ и обдававшихъ насъ пепломъ, летавшимъ по помѣщенію. Нѣсколько купцовъ застигнутыхъ непогодой устроились тутъ же, распивая чай и совершенно безразлично относясь къ неудобствамъ нашего временнаго жилища. Было какъ-то тоскливо.

Выкуривая безчисленное количество папиросъ и накрывшись ватнымъ одѣяломъ, мы лежали, порою перебрасываясь съ Б. словами.

Кружекъ торговцевъ, тѣсно сдвинувшись, расположился рядомъ. Небольшого роста, худощавый, подвижной старикъ являлся центромъ этой группы, среди которыхъ велся вполголоса разговоръ.

Я прислушался.

— „Такъ ты говоришь бай, что настанетъ время, когда всѣмъ на свѣтѣ хорошо будетъ“,—спрашивалъ угрюмый сартъ.

— „Будетъ хорошо; это я знаю навѣрное“,—утвердительно отвѣтилъ старикъ.

— „Въ старыхъ книгахъ написано объ этомъ. Я хорошо помню, хоть и давно читалъ“.

— „Разскажи пожалуйста бай, разскажи!“—послышалась просьба сосѣдей.

Старикъ откашлялся и, смотря передъ собою въ темноту, заговорилъ:

— „Давно, очень давно, когда Аллахъ создалъ весь свѣтъ, онъ создалъ вмѣстѣ съ нимъ и первыхъ людей, нашихъ предковъ. На высокой, страшно высокой горѣ поселилъ онъ ихъ. И жили они въ теплѣ и довольствѣ, не зная работы и не заботясь о хлѣбѣ.

— Вокругъ высокой горы ходили и солнце, и луна, и звѣзды, освѣщая ее и давая тепло людямъ и не было на той горѣ ни холода, ни зноя, ни жаркихъ, ни холодныхъ вѣтровъ. Одно лишь безмятежное счастье наполняло на ней все и не было тамъ ни злобы, ни зависти, ни гнѣва, ни печали. Самъ Азраилъ охранялъ доступъ къ горѣ, не смѣя по волѣ Аллаха подняться на нее вверхъ, откуда вытекалъ источникъ жизни.

— Но не могли люди прожить такъ всю жизнь и

просили Аллаха дать имъ дѣвушекъ, такихъ красивыхъ, что глазамъ даже было больно на нихъ смотрѣть. Взяли люди себѣ женъ и свила въ ихъ сердцахъ гнѣздо черная зависть. Разгнѣвался Аллахъ, что люди перестали быть свѣтлыми и далъ онъ Азраилу власть надъ ними. Будто ледяное дыханіе пронеслось по вершинѣ горы, когда сталъ подниматься на нее Азраилъ и въ страхѣ бѣжали люди, разсѣявшись затѣмъ по всей землѣ.

— И тотчасъ-же окружили ихъ злоба, гнѣвъ и печаль. Тогда пошла уже другая жизнь, тяжелая и трудная. Одно поколѣніе смѣняло другое и вынималъ Азраилъ ихъ души изъ бреннаго тѣла, когда хотѣлъ, такъ какъ онъ имѣлъ уже надъ ними власть, данную ему Аллахомъ. Забыли люди дорогу на ту гору. Но не забыли про нее и постоянно просили они Аллаха вернуть имъ прежнюю жизнь.

— Любилъ великаго пророка Магомета Аллахъ и и когда ему давалъ коранъ, чтобы передать его людямъ, то онъ сказалъ: „черезъ 777 вѣковъ всѣ люди на свѣтѣ сдѣлаются мусульманами и тогда только я снова верну ихъ на гору, гдѣ протекаетъ источникъ жизни и куда не будетъ лежать дорога Азраилу“.

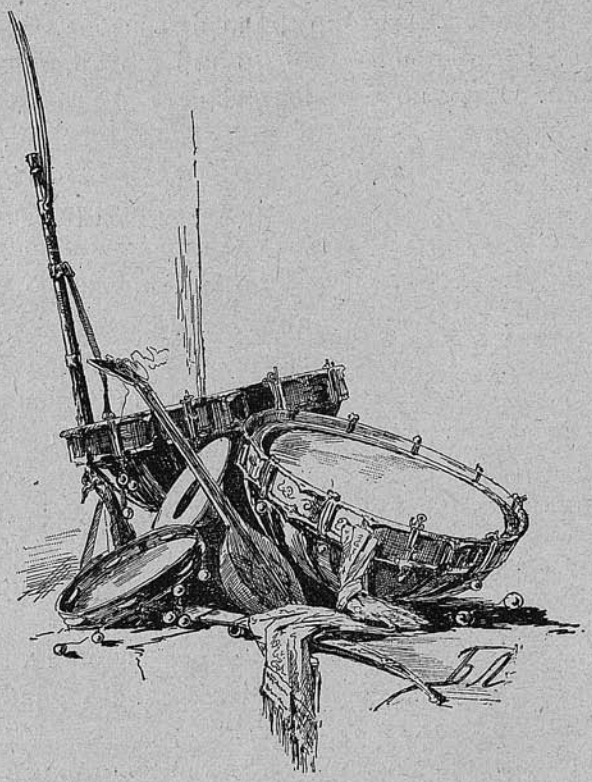
— „Когда же будетъ это время, бай? Когда же люди вернутся на эту гору?“

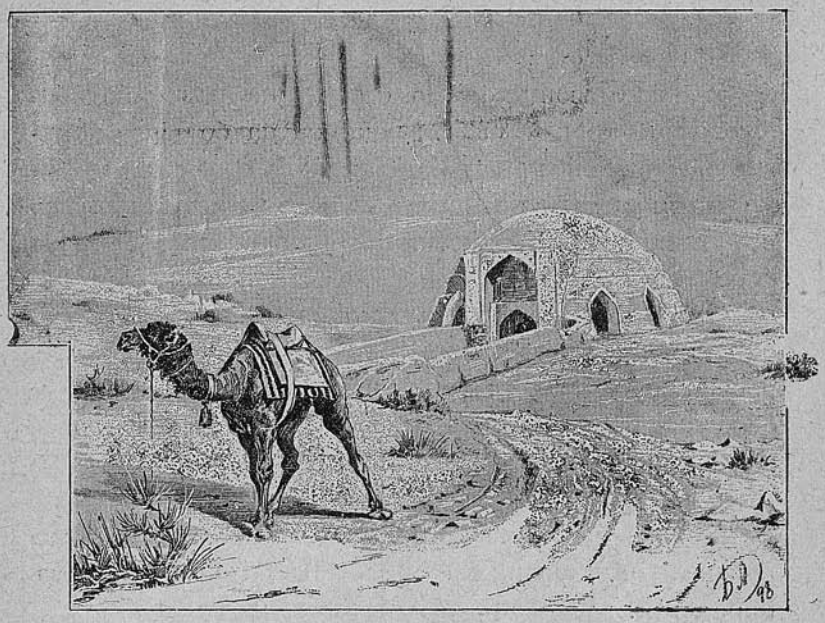
— „Охъ, долго еще ждать того времени, много еще, очень много кеферовъ на землѣ. Да покараетъ ихъ Аллахъ своимъ гнѣвомъ!“

Непріязненно посмотрѣлъ на насъ старикъ и, не давъ отвѣта, замолчалъ и погрузился въ задумчивость.

Треньканье откуда то явившагося сааза внесло вначалѣ нѣкоторое разнообразіе. Струны сухо звучали среди общаго молчанія, нарушаемаго лишь порою громкою зѣвотою.

Подъ это треньканье струнъ мы скоро забылись глубокимъ сномъ и лишь холодъ, подбиравшійся подъ одѣяло, заставлялъ иногда просыпаться и поправлять угли въ мангалѣ.





XLVIII.

Каршинская степь.—Пески.—Караванная дорога.—Разбойники.—Вода въ пустынѣ.—Шакалы.

Огромная, казавшаяся безконечной, впереди разстилалась равнина, среди которой изрѣдка поднимались небольшіе холмы. Почва стояла изъ лёса, окруженнаго площадями песку.

Дождь пересталъ, но сѣро-свинцовыя тучи низко нависли надъ землею, дѣлая еще болѣе неприглядной окружающую насъ картину.

Широко протоптонная дорога имѣла видъ нѣ-

сколькихъ вьющихся по одному направленію верблюжьихъ тропъ, указывающихъ на большое караванное движеніе между Каршами и Бухарою. Въ прежнее время здѣсь пролегала большая торговая дорога изъ Европы въ Индію, приносившая эмиру Бухары огромные доходы, въ видѣ особой пошлины, собираемой со всѣхъ перевозившихся по ней товаровъ. Эта доходность вынуждала съ одной стороны создать возможно больше удобствъ для купцовъ постройкою особыхъ рабатовъ, колодцевъ и караванъ-сараевъ, а съ другой—принять мѣры къ охраненію караванъ въ пути отъ нападеній разбойниковъ, для чего во многихъ пунктахъ были выставлены особые отряды войскъ, охранявшихъ дорогу отъ неожиданныхъ нападеній.

Миновавъ большой кишлакъ Маймане, мы вступили въ полосу, въ которой уже ручьи и рѣки отсутствовали и вода получалась изъ колодцевъ.

Лѣтъ триста тому назадъ въ этой степи встрѣчались въ различныхъ мѣстахъ много озеръ, но мало по малу они, превращаясь въ болота, пересохли совершенно и въ лѣвой половинѣ пустыни между Каршами, Кара-Кулемъ и Чарджуемъ и по нынѣ находится рядъ озеръ съ сильно соленою водою, густо заросшихъ камышами. Доставляя въ значительномъ количествѣ осадочную соль для ближайшихъ населенныхъ пунктовъ, озера эти въ то же время посѣщаются туземцами въ цѣляхъ лечебныхъ, такъ какъ грязь, находящаяся въ заливахъ, имѣетъ сильныя цѣлебныя свойства.

Весною и въ самомъ началѣ лѣта, стада бара-

новъ пасутся по всей равнинѣ и около озеръ, но съ наступленіемъ жаровъ вся степь какъ будто вымираетъ и стада откочевываютъ частью въ горы и частью въ прибережные по Аму-Дарьѣ тугаи.

Судя по рельефу мѣстности можно думать, что озера образовались отъ пересохшаго теченія рѣки Кашки-Дарьи, доходящей нынѣ до Косана, а прежде вливавшейся въ великую Аму.

— Среди дня надо привалъ сдѣлать,—вслухъ подумалъ, очевидно, уставшій Б.

— Да, тюра, надо стоять два, три часа, тогда лошади отдохнутъ и лучше будутъ идти,—отозвался одинъ изъ нукеровъ, ѣхавшихъ сзади насъ.

— Вонъ тамъ видишь Ходжа-Мубаракъ? Около него стоять будемъ. Ходжа-Мубаракъ былъ святой человѣкъ и около него мы хорошо отдохнемъ, потому что онъ навѣетъ скоро сонъ.

Какое странное имя Мубаракъ, я раньше токого не слыхалъ!

— Это вѣрно, имя такое даютъ рѣдко; Мубаракъ—собственно значитъ волосъ.

Очень давно въ мусульманствѣ появилось поклоненіе бородѣ пророка, которою даже клялись правовѣрные. Обстоятельствомъ этимъ стали пользоваться ловкіе люди, и вотъ возвращаясь изъ поломничества въ Мекку, одинъ изъ такихъ, первый привезъ въ Среднюю Азію волосъ изъ бороды пророка, такъ называемый муй-мубаракъ, заключенный въ золотой футляръ. Святыню эту приняли съ подобающими церемоніями и. помѣстивъ въ одну изъ мечетей, выставили для поклоненія. Духовен-

ство воспользовалось этими волосами и стало извлекать потомъ большіе доходы. Впослѣдствіи нашлись подражатели и такихъ муй-мубараковъ появилось нѣсколько. Ихъ обыкновенно замуровывали въ небольшія башни при мечетяхъ, но довольно скоро обиліе приносимыхъ паломниками мубараковъ начало вызывать сомнѣнія и въ настоящее время уже есть много мусульманъ, доказывающихъ подложность этихъ святынь. Надо полагать, что имя Ходжѣ было дано вслѣдствіе того, что кто либо изъ его близкихъ принесъ изъ Мекки такой священный волосъ. Многіе вѣрятъ, что волосъ этотъ имѣетъ цѣлебную силу излечивать всевозможныя болѣзни, а также предохраняетъ отъ дурного глаза и порчи.

Остановившись около небольшой постройки, имѣвшей видъ мазара, мы поставили лошадей на приколахъ и, разведя огонь, принялись за свою незатѣйливую трапезу, состоявшую изъ чая со свѣже испеченными чуреками.

За Ходжа-Мурабакомъ дорога становилась еще безотраднѣе; цѣлыя площади песковъ утомляли глазъ своимъ однообразіемъ. Лишь изрѣдка навстрѣчу попадались караваны нагруженныхъ верблюдовъ.

Тяжело ступая по песку своими широкими мягкими подошвами ногъ, и медленно шагъ за шагомъ, въ-раскачку двигались верблюды по дорогѣ, провожая насъ любопытно-внимательными взглядами. Молодые верблюжата, рѣзвясь и подпрыгивая, сновали около старыхъ. Сидя на ишакѣ и держа передняго верблюда за веревку недоузка или же сидя

на переднемъ, виднѣлся караванъ-башъ, съ длиннѣйшимъ мултукомъ за спиною. Съ боку при каждомъ караванѣ ѣхали два, три всадника, вооруженные также ружьями и кривыми шашками.

— Опасныя здѣсь мѣста, тюра; много вокругъ нехорошаго народа живетъ, а потому и по дорогамъ надо ѣздить съ оружіемъ. Разбойники изъ-за Аму переправляются и грабятъ здѣсь караваны. Мѣсто называется Куль-Магіанъ. Далеко отсюда и до Бухары и до Каршей.

— Случается, что убиваютъ купцовъ, но больше отобьютъ товаръ и увезутъ его на другой берегъ Аму, и тамъ поминай какъ звали.

— Развѣ никогда не ловятъ разбойниковъ?

— Да какъ-же ихъ поймать, тюра? Вѣтеръ въ степи не поймаешь и также не поймаешь такихъ людей на ихъ быстроногихъ коняхъ. Иногда посылаютъ изъ Каршей сарбазовъ обойти всѣ здѣшнія мѣста, но что сдѣлаютъ пѣшіе сарбазы среди песковъ; пройдутъ немного и, вернувшись назадъ, докладываютъ, что все вездѣ тихо.

На ночлегъ мы добрались до Какырь-саргдобы, темнѣвшей около дороги.

Огромная сводчатая постройка, сдѣланная лѣтъ 400—500 тому назадъ, поражала своей крѣпостью. Массивный сводъ изъ жженаго кирпича, въ видѣ четырехъ-угольныхъ плитъ, былъ будто только нѣсколько лѣтъ тому назадъ сложенъ; ни одной трещины не видно было въ куполѣ и стѣнахъ, закрывавшихъ собою сверху глубокій и широкій колодезь, въ который сбѣгала дождевая и снѣговая

вода, наполняя его въ осеннее и зимнее время. Покатости, выложенныя кирпичемъ, и стѣна вокругъ придавали своеобразный видъ всей постройкѣ, которая лишь снаружи вывѣтрилась и казалась изгрызанной зубами времени.

Скопляясь въ значительномъ количествѣ, вода въ саргдобахъ сохраняется въ теченіе цѣлаго лѣта, давая возможность караванамъ проходить по этой безводной пустынѣ. Неприхотливый вкусъ туземца и страшная палящая жара способствуютъ тому, что на качество этой влаги никто не обращаетъ никакого вниманія. Затхлый запахъ воды и сильный привкусъ верблюжьяго навоза составляютъ ея отличительную особенность, не уничтожаемую никакими клюквенными и лимонными экстрактами.

Кумганъ, съ кипѣвшей водою, издавалъ страшно противный запахъ, въ которомъ даже невозможно было различить аромата чая.

— Въ каждомъ глоткѣ, навѣрное, милліоны микробовъ,—шутилъ Б., прихлебывая мутный напитокъ изъ широкой туземной чашки.

Несмотря на брезгливость пришлось и мнѣ отвѣдать этой гадости.

— Такъ ужъ лучше не пейте, чѣмъ дѣлать такія ужасныя гримасы...

— Не могу, потому что адски пить хочется. Хотя отъ супа, который онѣ готовятъ на этой водицѣ, навѣрное, откажусь...

Но оказалось, что при голодѣ совсѣмъ можно мириться и мы отвѣдали также и далеко не аппетитно пахнувшаго супа.

Несмотря на этотъ вкусъ, пришлось отдать должное генію перваго строителя саргдобъ, сумѣвшаго собирать и сохранять влагу, а вмѣстѣ съ тѣмъ создавшаго возможность проложить дорогу для движенія каравановъ по всѣмъ безводнымъ мѣстамъ. Расположенныя въ 20—25 верстахъ другъ отъ друга преимущественно въ лощинахъ, саргдобы разбросаны по всѣмъ главнымъ стариннымъ путямъ Бухары, Хивы и Авганистана, по которымъ совершалось караванное движеніе.

Внутри зданія у стѣнъ было сыро и пахло гнилью изъ водоема. Кучи помета валялись тутъ же, покрывая собою все пространство около саргдобы.

Всю ночь около насъ раздавался вой шакаловъ, переходившій въ страшное дѣтское рыданіе и непріятно дѣйствовавшее на нервы. Гдѣ-то далеко имъ вторилъ вой гіены. И среди этого концерта порою врывался невозможно дикій крикъ ишаковъ каравана, остановившагося тутъ-же на ночлегъ.

Положительно нельзя было заснуть среди такого страшнаго звѣринаго крика.

Закрывшись съ головой буркой и всю ночь проведя въ полудремотѣ, подъ утро совершенно измученные, мы поднялись и напившись того же чаю, выѣхали, стремясь скорѣе добраться до Бухары.

Рядъ сагдобъ, болѣе или менѣе похожихъ другъ на друга, служилъ мѣстами приваловъ, разнообразя немного дорогу, по которой далѣе начали попадаться развалины крѣпостей и караванъ-сараевъ. Послѣдніе, видимо, уже давно не поддерживаются, придя въ полный упадокъ и имѣя видъ грудъ кирпича съ остатками стѣнъ, возвышающихся надъ ними.

Небольшое озеро Кунджа-Куль показалось въ сторонѣ отъ дороги и эта водяная поверхность, окруженная зарослями камыша, имѣла замѣчательно красивый видъ, послѣ длиннаго переѣзда, во время котораго воду приходилось видѣть лишь въ стаканахъ. Мелкая зыбь, поднимаемая вѣтромъ, рябила поверхность озера, давая свинцово-сѣрый оттѣнокъ, рѣзко выдѣлявшій воду изъ окружающей желтоватаго тона мѣстности.

— Здѣсь, тюра, намъ нужно будетъ свернуть съ этой дороги и ѣхать черезъ кишлакъ Сарай, тогда мы скоро пріѣдемъ.

— Но почему же сворачивать, вѣдь здѣсь кажется прямая дорога?

— Такъ, тюра, но знаешь-ли у насъ есть сказка:

— Однажды волкъ, лисъ и собака заспорили, кто скорѣе можетъ добѣжать до назначеннаго мѣста въ большомъ тугаѣ, отстоявшемъ за много миль. Споръ ихъ услышалъ джуль-барсъ, посмотрѣлъ на нихъ, да и говоритъ: „лучше чѣмъ спорить—попробуйте“. Тогда лисъ, волкъ и собака послушались совѣта и побѣжали. Сначала до тугая раньше всѣхъ добѣжалъ хитрый лисъ, затѣмъ черезъ нѣсколько часовъ вслѣдъ за нею пришелъ и тяжелый волкъ, но собаки не было... Долго ждали ее лисъ съ волкомъ, такъ долго, что успѣли познакомиться въ тугаѣ съ другими лисами и волками. Успѣли жениться и дѣтей дождаться, а собаки все нѣтъ. Тогда и думать они забыли о своемъ спорѣ и долгіе еще прошли годы, пока они увидѣли, что къ тугаю подходитъ, наконецъ, собака. Но, тюра, она была уже совсѣмъ старая, слабая.

„Почему же ты не прибѣжала вслѣдъ за нами,— спросили лисъ и волкъ, удивляясь ея виду,—мы пришли уже очень давно. А ты гдѣ же была въ это время?“

„Я все шла прямою дорогою,—отвѣчала собака, печально вздохнувъ и склонивъ голову“.

— И также, тюра, въ жизни не всякая прямая дорога будетъ самая короткая.

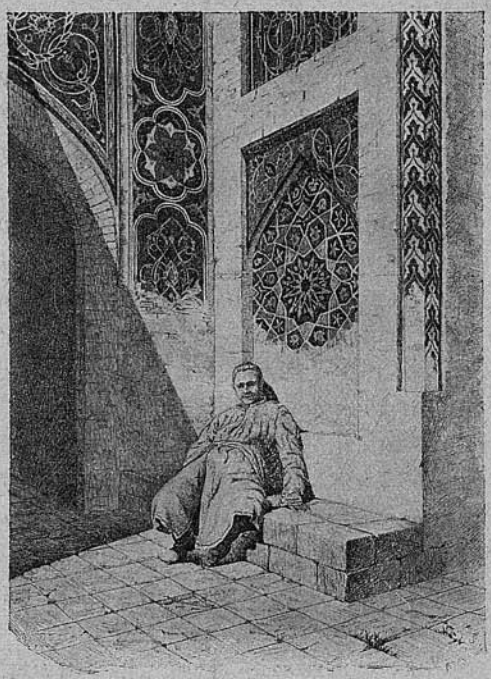
Отъ кишлака Сарая передъ нами вдали виднѣлась Бухара—священный городъ средне-азіатскихъ мусульманъ, окруженный почти со всѣхъ сторонъ кишлаками съ большою растительностью. Издали виднѣлись лишь неясные абрисы темныхъ строеній; огромныя кладбища съ мазарами и надгробіями тянулись на большомъ пространствѣ, указывая, что городъ мертвыхъ создавался длиннымъ рядомъ поколѣній. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надмогильные холмики стояли такъ тѣсно, что между ними не было никакого пространства.

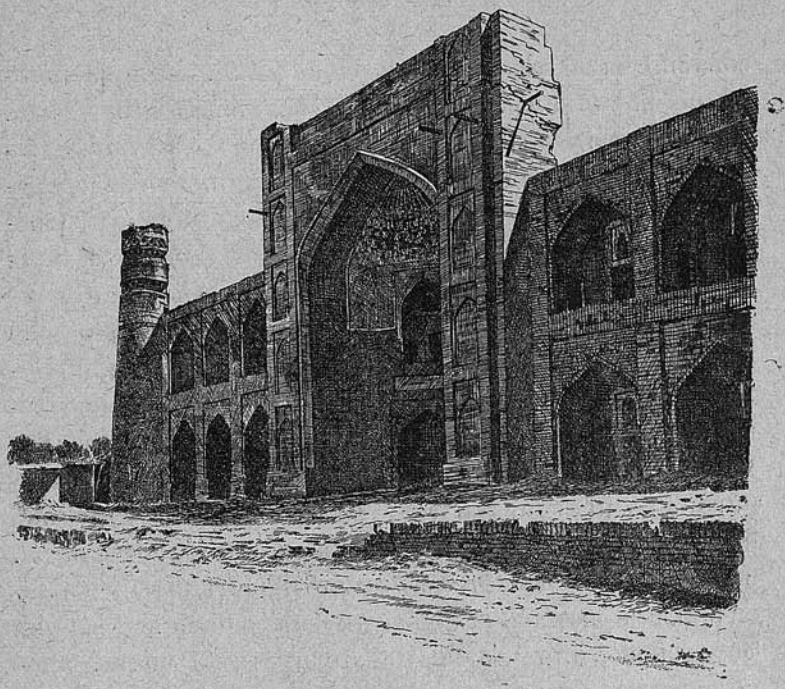
Вправо отъ насъ виднѣлась Новая Бухара—русское поселеніе, создавшееся около желѣзнодорожной станціи Каганъ, въ 12 верстхъ отъ стараго города. Служа резиденціей политическаго агента при Бухарскомъ эмирѣ, городокъ этотъ быстро сталъ развиваться, являясь мѣстомъ, гдѣ открыли свое дѣйствіе различныя торговыя русскія фирмы, конторы и хлопоочистительные заводы. Высокій двухъ-этажный дворъ эмира, полуазіатской-полуевропейской архитектуры, виденъ изъ далека, господствуя надъ всѣмъ городомъ.

Отъ линіи Средне-азіатской дороги отходитъ не-

большая узкоколейная вѣтка, ведущая въ старый городъ, который постепенно вырисовывался, освѣщенный косыми лучами заходившаго солнца.

Съ противоположной стороны надвигались темныя тучи, составлявшія рѣзкій контрасъ съ свѣтлой полосой заката.





XLIX.

Бухара и преданія о ея постройкѣ.—Завоеваніе Чингизъ-ханомъ.—Религіозныя движенія.

Насчитывая почти два тысячелѣтія своего существованія, Бухара принадлежитъ къ числу городовъ Азіи, извѣстныхъ съ глубокой древности.

Первоначально въ очень отдаленныя времена, около нынѣшней Бухары, была огромная низменность, покрытая лѣсами, болотами и озерами, обра-

зовавшимися отъ излишка водъ рѣки, разливавшейся по равнинамъ. Рѣка эта, носившая имя Согда, впослѣдствіи называлась Когикомъ и лишь въ сравнительно недавнее время получила свое современное названіе Заравшана, что значитъ въ переводѣ разсыпатель золота. Беря свое начало въ предѣлахъ Самаркандской области, она протекаетъ по Бухарскимъ владѣніямъ на разстояніи почти 300 верстъ, давая жизнь всему этому краю и самой Бухарѣ съ ихъ огромнымъ и многолюднымъ населеніемъ. Пропускъ водъ Заравшана въ предѣлы Бухары является тою ахилесовой пятою этого вассальнаго Россіи государства, благодаря которому оно находится въ фактической зависимости отъ насъ, въ силу чего достаточно лишь перемѣнить въ районѣ Самаркандской области направленіе теченія Заравшана или даже не пропустить достаточное количество воды, какъ всѣ бекства, расположенныя по Заравшану, неминуемо обрекаются на смерть.

Существуетъ преданіе, что Бухара была построена миѳическимъ царемъ Абфосіабомъ, но затѣмъ городъ этотъ пришелъ въ упадокъ и долгое время про него совершенно не упоминается, пока первый князь изъ тюркскаго племени, по имени Бендунъ, не возобновилъ въ немъ крѣпость, построенную Абфосіабомъ.

Постройка новаго замка вначалѣ не удавалась и онъ нѣсколько разъ обрушивался отъ неизвѣстныхъ причинъ и лишь послѣ совѣта одного святого человѣка, предложившаго построить его на семи столбахъ въ подражаніе созвѣздію, онъ былъ оконченъ.

Князь Бендунъ приказалъ на воротахъ крѣпости вырѣзать надпись о времени постройки, но надпись эта, бывшая еще цѣлою лѣтъ 500 тому назадъ, затѣмъ исчезла.

Проносивъ долгое время при тюркскихъ князьяхъ названіе Джему-кенда, т. е. княжескаго города, городъ этотъ сталъ называться Бухарою со времени принятія ея населеніемъ буддизма. Бухаръ въ переводѣ значитъ буддійскій монастырь.

Появившійся послѣ парсизма буддизмъ довольно долго существовалъ среди населенія Бухары, и даже, еще недавно, слѣды его видны были въ обычаяхъ ежегодной покупки въ извѣстный день дѣтскихъ куколъ, смѣнившихъ собою такое же ежегодное пріобрѣтеніе для каждой семьи особыхъ идоловъ— покровителей года. Одновременно съ буддизмомъ продолжалъ существовать и парсизмъ, и храмъ огнепоклонниковъ, превращенный впослѣдствіи въ мечеть и до сихъ поръ носящій названіе Местжиди-Могонъ, что значитъ мечеть огнепоклонниковъ.

Несторіанское христіанство нашло себѣ здѣсь много послѣдователей, имѣвшихъ въ Бухарѣ большую христіанскую церковь.

Въ 670 году первый разъ въ землю Согда вторгнулись арабы подъ предводительствомъ Обейдулаха-бинъ-Зіада, но царствовавшая въ то время въ Бухарѣ королева Хатунъ призвала на помощь тюркскія племена, кочевавшія въ теперешней Сыръ-Дарьинской области и арабы были отражены съ большимъ урономъ.

Спустя пять лѣтъ арабъ Сеидъ-бинъ-Османъ,

собравъ новыя войска, взялъ приступомъ Бухару, и тотчасъ же началъ обращать все населеніе ея въ магометанство.

Съ принятіемъ ислама Бухара получила отъ арабовъ новый титулъ — благородной и благочестивой Бухары сохранившійся и по настоящее время.

Проживши много лѣтъ въ мѣстахъ своей первоначальной родины, тюрко-сельджуки почти не оставили въ Бухарѣ слѣдовъ своего пребыванія, между тѣмъ какъ пришельцы изъ далекой Аравіи— арабы передали всему населенію вмѣстѣ съ религіей многія характерныя особенности своего племени, внеся также сюда и свою высокую культуру, памятники которой сохранились и донынѣ въ литературѣ, архитектурѣ и стилѣ бухарскихъ построекъ. Владѣя всѣмъ краемъ почти семьсотъ лѣтъ, лишь въ XIII столѣтіи арабы должны были уступить свое мѣсто новымъ узбекскимъ племенамъ, явившимся изъ Монголіи подъ предводительствомъ Чингизъ-хана и въ сравнительно короткое время не только завоевавшими Бухару, но и образовавшими свое сильное государство, существующее и по настоящее время въ границахъ Россіи въ видѣ вассальнаго ханства.

Въ 1220 году страшный Чингизъ-Ханъ со своими войсками подошелъ къ Бухарѣ, которая, несмотря на храбрую вылазку, сдѣланную Кекъ-ханомъ во главѣ 20 тысячъ отборныхъ воиновъ, почти совершенно уничтоженныхъ въ схваткѣ съ монголами, была занята побѣдителемъ.

Жители города выслали самыхъ знатныхъ и богатыхъ людей молить о пощадѣ.

Въ сопровожденіи этой депутаціи вступилъ Чингизъ-ханъ въ Бухару и, дойдя до площади, остановился передъ входомъ въ главную мечеть, поражавшую величиною и роскошью своей отдѣлки.

Не сходя съ коня, ханъ со свитою въѣхалъ въ мечеть и спросилъ:

— „Здѣсь дворецъ повелителя вашего? О люди!?“

— „Нѣтъ Великій, это домъ нашего Бога“, — смиренно отвѣтилъ ему старый имамъ мечети.

Тогда Чингизъ-ханъ, сойдя съ коня и поднявшись на ступени кафедры, окинулъ взоромъ своихъ воиновъ, толпившихся внизу и лежавшихъ ницъ на землѣ бухарскихъ людей, продолжавшихъ молить о пощадѣ, затѣмъ крикнулъ:

— „Лугъ скошенъ, дайте кормъ вашимъ конямъ!!“

Слова эти послужили сигналомъ къ ужасному грабежу, который тотчасъ же начался по всему городу. Разрушеніе домовъ, уничтоженіе памятниковъ искусства и безпощадное избіеніе жителей, сопровождали занятіе города монгольскими войсками. Въ разукрашенныхъ мозаиками мечетяхъ выламывались цѣлыя стѣны для розыска сокровищъ и денегъ. Древніе кораны и другія священныя книги съ дивными рисунками и живописью разрывались и разбрасывались по улицахъ.

Дымъ пожара носился надъ несчастною Бухарою, закрывая собою солнце въ то время, когда утомленные грабежемъ и убійствами воины начали свой пиръ, за которымъ имъ прислуживали знатные

люди Бухары, ея выдающіеся ученые и извѣстные своей святой жизнью имамы бухарскихъ мечетей.

Въ тотъ же вечеръ за городомъ было собрано все оставшееся въ живыхъ населеніе Бухары и завоеватель, глядя на эту толпу, обратился къ ней съ рѣчью:

— „О люди!! знайте, что вы совершили великій грѣхъ. Вы спросите, кто я, говорящій съ вами. Такъ узнайте, что я бичъ Божій. Если бы вы не согрѣшили, то Богъ не послалъ бы меня для вашего наказанія“.

Долго горѣла несчастная Бухара, и шумъ пожара смѣшивался со стонами избиваемыхъ жителей, изъ которыхъ было убито до 30 тыс. человѣкъ, а остальные обращены въ рабство.

Ужасный день пережилъ городъ, обращенный въ развалины, среди которыхъ лишь виднѣлись сильно поврежденныя пожаромъ роскошныя бухарскія мечети.

Много лѣтъ не могла оправиться Бухара отъ этого страшнаго разгрома, но, войдя въ составъ монгольскаго государства, она постепенно завоевала преобладающее значеніе, оставаясь мусульманскимъ центромъ, способствовавшимъ распространенію магометанства среди завоевателей.

Полная вѣротерпимость ко всѣмъ религіямъ служила отличительною чертою не только самого Чингизъ-хана, но и всѣхъ его преемниковъ. Буддисты, магометане, персы, христіяне пользовались одинаковыми правами съ пришельцами-узбеками, достигая даже высшихъ должностей при повелителяхъ государства.

Но, завоевавъ Бухару, наслѣдники Чингизъ-хана долгое время не могли быть спокойными за этотъ край. Постоянныя религіозныя волненія появлялись среди населенія, въ памяти котораго еще были свѣжи вѣрованія ихъ предковъ, обращенныхъ насиліемъ въ магометанство.

Спустя 12 лѣтъ въ кишлакѣ Фарабѣ появился проповѣдникъ Махмудъ, который утверждалъ, что надъ нимъ особое благословеніе Божіе и что всѣ ангелы повинуются ему, такъ какъ онъ владѣетъ особою силою. Цѣлый рядъ чудесъ, совершенныхъ Махмудомъ, привлекъ къ нему массу послѣдователей. Онъ исцѣлялъ хромыхъ и возвращалъ зрѣніе слѣпымъ. Скоро многіе признали его за освободителя міра. Явившись въ Бухарѣ онъ захватилъ власть и конфисковалъ имущество богатыхъ, роздавъ его бѣднымъ. Собравъ массы народа, Махмудъ повелъ ихъ противъ монгольскаго войска, составлявшаго гарнизонъ Бухары, и когда народъ вышелъ весь изъ города, то, обратившись къ нему, онъ сказалъ:

— „Войска мои скрыты и держатся въ воздухѣ. Видите вонъ тамъ толпы людей въ бѣломъ, а тамъ въ голубомъ. Это небесные воины, которые намъ помогутъ“.

И велика была сила внушенія — всѣ въ одинъ голосъ подтверждали.

— „Видимъ Хозретъ!!...“

Вслѣдъ за тѣмъ, только что началась схватка, какъ страшный ураганъ поднялъ тучи песку и закрылъ густою пеленою толпы возставшихъ. Суевѣрные монголы тогда не выдержали и отступили, понеся страшное пораженіе.

Этотъ годъ волненій былъ передъ долгими годами полной тишины, которой затѣмъ отличалась Бухара, начавшая возрождаться и снова достигшая кульминаціоннаго пункта своего развитія при Великомъ эмирѣ Тимурѣ, во время правленія котораго Бухара уже могла считаться государствомъ высококультурнымъ.

Ведя въ теченіе всего своего царствованія продолжительныя войны съ сосѣдями, Тимуръ въ тоже время довелъ все бухарское государство до высокаго уровня, причемъ его время должно, по справедливости, считаться расцвѣтомъ въ жизни Бухары.

Преемники его продолжали начатое дѣло и постепенно Бухара превратилась въ священный городъ мусульманства, являясь, при помощи своего духовенства, руководительницей всѣхъ мусульманъ Средней Азіи.

Но время расцвѣта продолжалось не-долго; мало-по-малу на престолѣ Бухары появлялись эмиры безвольные, развращенные, слабоумные, заботившіеся лишь о собственныхъ удобствахъ и удовольствіяхъ. Родовая аристократія получила преобладающее значеніе и интересы государственные отошли на задній планъ. Религіозный фанатизмъ духовенства и темнота народная способствовали быстрому разложенію государства, которое, вдобавокъ, въ это же время вошло въ соприкосновеніе съ Россіей, двигавшейся постепенно въ глубь Средне-азіатскихъ степей.

Отсутствіе войскъ, полная неорганизованность государственнаго управленія были главными причи-

нами, способствовавшими русскимъ войскамъ быстро завоевать эту страну, давно уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ остановившуюся въ своемъ культурномъ ростѣ и приходившую въ упадокъ.

Чувствуя, что дни существованія ханства сочтены, Эмиръ Музафаръ-ханъ заключилъ въ 1873 году миръ съ Россіей, отказавшись отъ половины своихъ владѣній, изъ которыхъ была образована Самаркандская область, и лишь выговорилъ себѣ право продолжать самостоятельное управленіе остальною частью, на что не только было дано согласіе, но, даже съ помощью русскихъ войскъ, къ Бухарѣ были присоединены Гиссаръ, Шахризябсъ; Кулябъ, Дарвазъ и часть Хивинскихъ владѣній.

Вступившій на бухарскій престолъ Сеидъ эмиръ Богодуръ-ханъ получилъ въ наслѣдіе сравнительно огромную территорію, равную 3-мъ, 4-мъ губерніямъ Россіи, которою и управлялъ безконтрольно, деспотически, заботясь лишь объ увеличеніи государственныхъ доходовъ и не производя при этомъ никакихъ особенныхъ расходовъ на нужды государства и его населенія.

Будто оазисъ, среди остальныхъ русскихъ областей Туркестанскаго края, является Бухарское ханство съ его безправнымъ, почти 3-хъ-милліоннымъ населеніемъ. И представители русской арміи, разбросанные гарнизонами въ нѣкоторыхъ пунктахъ владѣній, лишь бываютъ безмолвными свидѣтелями тѣхъ страшныхъ безобразій, которыя совершаются бухарскими административными властями.



ГЛАВА L.

(Старый городъ.—Караванъ сарай.—Заключеніе).

Огромный городъ съ мрачными узкими до-нельзя улицами, окруженными темными двухъэтажными домами безъ оконъ, открывался передъ нами. И, какъ-будто, составляя контрастъ всей старинѣ, лежавшей за его стѣнами, при въѣздѣ виднѣлось зданіе желѣзнодорожной станціи Старая Бухара, освѣщенное огнями. Громкіе свистки паровозовъ будили сонный городъ, который, казалось, сердито насупился, глядя на это движеніе и чуждую ему жизнь. Красивый домъ русско-китайскаго банка дополнялъ картину современной культурной жизни, начавшейся въ этомъ средневѣковомъ городѣ.

Кое-гдѣ на большомъ разстояніи другъ отъ друга виднѣлись фонари, утвержденные на стѣнныхъ кронштейнахъ и скупо освѣщавшіе узкую

улицу, извилинами проходившую среди высокихъ домовъ, своеобразной полумавританской архитектуры. При въѣздѣ въ городъ стояли старинныя городскія ворота, подъ которыми размѣщалось десятка два бухарскихъ солдатъ, составлявшихъ караулъ. Часовой, лѣниво посматривая на насъ, замѣтивъ русскую офицерскую форму, подтянулся и взялъ на караулъ.

Улица города была пустынная; наступившія сумерки и темнооблачное небо увеличивали темноту.

Дождь сталъ накрапывать, а затѣмъ разомъ пошелъ какъ изъ ведра, образуя огромную лужу на улицахъ, превратившихся моментально въ сплошное болото, съ глубокими рытвинами, наполненными водою.

Поворачивая по улицѣ по указанію провожатаго и миновавъ нѣсколько громадныхъ, мрачно чернѣвшихъ зданій медресе и мечетей, мы въѣхали подъ навѣсъ крытаго базара, тянувшагося, казалось, безконечно. Дождь здѣсь не моросилъ, задерживаясь на крышѣ, а, скопляясь, проливался черезъ нее большими струями. Ряды лавокъ, одна около другой безъ перерыва, стояли съ обѣихъ сторонъ базарной улицы, которая была не больше 5—6 аршинъ шириною. Съ ожесточеніемъ гремя колотушками, ходили группами, по нѣсколько человѣкъ, городскіе караульщики.

— Однако, гдѣ же мы остановимся? — задалъ вопросъ Б.,—не видя конца улицы, на которой ничего не напоминало собою европейскаго города.

— Здѣсь скоро, тюра, подъѣдемъ—будетъ кара-

ванъ-сарай Алимъ-бая, въ немъ всегда русскіе живутъ и я пріѣзжалъ къ одному знакомому человѣку, такъ видѣлъ—хорошо все тамъ. Караванъ-сарай старинный эмирскій, можетъ лѣтъ 500 тому назадъ построенъ, а сверху, на крышѣ, хозяинъ для русскихъ комнаты построилъ.

Глухіе раскаты грома раздавались надъ нами и порою вспыхивавшая вдали молнія сквозь щели крыши, на мгновеніе, освѣщала всю улицу.

Массивные своды надъ головою указывали, что мы въѣхали въ середину постройки стариннаго крытаго базара. Еще нѣсколько сотъ шаговъ и передъ нами выдвинулись темныя, стрѣльчатыя массивныя ворота, находившіяся въ серединѣ фронтона огромнаго темнаго зданія, верхняя часть котораго скрывалась базарною крышею. Два фонаря по бокамъ воротъ освѣщали тѣмныя, старинной кладки стѣны.

— Пріѣхали, тюра,—указалъ аксакалъ.

— Сарай Алима. Только нужно крѣпко стучать!

И, схвативъ висѣвшій на цѣпи молотокъ, онъ съ ожесточеніемъ сталъ имъ колотить въ окованныя желѣзомъ со старинной рѣзьбой ворота. Звукъ ударовъ громко раздавался подъ сводами воротъ, откуда нѣсколько минутъ спустя послышался говоръ. Заскрипѣли огромные тяжелые засовы и среди воротъ открылась маленькая калитка.

Сѣдой, съ всклокоченной бородой и фонаремъ въ рукѣ, старикъ, съ бритой головой, внимательно осмотрѣлъ насъ и видимо довольный осмотромъ, привѣтливо по-русски сказалъ:

— Салямъ-алейкумъ. Странники—гости Аллаха. Комната есть для господъ.

И, широко распахнувъ передъ нами дверь, въ то же время проворно подхватывалъ хуржумы и ягтаны, снимавшіеся съ лошадей.

Пройдя высокія сводчатыя ворота, мы взошли въ середину двора, вокругъ котораго поднимались со всѣхъ сторонъ двухъ-этажныя массивныя зданія, на крышѣ которыхъ былъ виденъ рядъ освѣщенныхъ оконъ русскаго типа.

Поднявшись по узкой лѣстницѣ съ каменными ступенями, сдѣланной въ толщѣ старинныхъ стѣнъ, мы вышли на крышу, являвшуюся въ то же время и террасой передъ небольшимъ домикомъ русской постройки, пріютившимся съ одной стороны, какъ гнѣздо ласточки, на крышѣ этого стариннаго, ханскихъ временъ, караванъ-сарая.

Небольшая, убранная довольно невзрачно, комната была свободною и мы, не имѣя изъ чего выбирать, тотчасъ же расположились на скрипучихъ вѣнскихъ стульяхъ, вокругъ небольшого стола, покрытаго сомнительной чистоты скатертью.

Въ комнатѣ пахло чѣмъ-то кислымъ и было душно. Пока приготовляли ужинъ и кровати, я вышелъ на террасу. Внизу подо мною виднѣлся гдѣ-то далеко дворъ караванъ-сарая, бѣлѣя своими каменными плитами.

Гроза пронеслась и небо горѣло миріадами звѣздъ. Во влажномъ и холодномъ ночномъ воздухѣ не чувствовалось никакого движенія. Потонувшія во мракѣ окрестныя зданія города были молчаливы и

это безмолвіе огромнаго соннаго города нарушалось лишь шумомъ воды въ арыкахъ, да порою разомъ, будто съ какимъ-то ожесточеніемъ, начинали свой ритмическій звукъ колотушками городскіе караульщики.

Долгое, утомительное путешествіе по дикимъ пустынямъ бухарскихъ владѣній, казалось теперь какимъ-то тяжелымъ сномъ, въ впечатлѣніяхъ котораго нужно было долгое время, чтобы разобраться.

Вся жизнь, природа и люди Бухарскаго ханства прошли передъ нами какъ въ калейдоскопѣ и, проживъ порядочный срокъ среди полудикаго населенія въ качествѣ подневольнаго странника, неудержимо тянуло къ культурной жизни, о которой напоминалъ свистокъ паровоза и шумъ проходившаго въ отдаленіи поѣзда.

На горизонтѣ вспыхнула зарница...

Какъ бы отвѣчая на мои мысли, Б. указалъ на это красивое явленіе.

— Скоро наступитъ заря. Спать уже ложиться не стоитъ, лучше полюбуемся на разсвѣтъ и пробужденіе этого большого города...

Я молча согласился.

— А какъ вы думаете, скоро ли настанетъ заря обновленія для бухарскаго населенія?—черезъ минутъ снова заговорилъ онъ.

— Когда же наконецъ будутъ устранены всѣ уродливыя явленія изъ жизни этой страны и перестанетъ существовать независимое Бухарское ханство, образовавъ новую Среднеазіатскую область подъ управленіемъ русскаго губернатора?

— Неужели мы не увидимъ этого?!

Я вспомнилъ разговоры о бухарскомъ вопросѣ, отношенія къ нему высшихъ представителей власти и большой интересъ проявившійся къ Бухарскому ханству въ обществѣ въ послѣднее время.

И невольно мнѣ стало казаться, что заря новой жизни для ханства скоро загорится.

— Аллахъ великъ и ведетъ все къ предназначенному...

— Твердо и увѣренно отвѣтилъ я, вспомнивъ одно изъ любимыхъ изрѣченій правовѣрныхъ.

